[Звіл]
16
236

СБОРНИКЪ

ТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Василію Осиповичу

КЛЮЧЕВСКОМУ

его учениками, друзьями и почитателями
ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности
въ Московскомъ Университетѣ.

(5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года)

Съ тремя портретами В. О. Ключевскаго, исполненными фототипіей и геліогравюрой, и приложеніемъ списка трудовъ его.

ЧАСТЬ I.

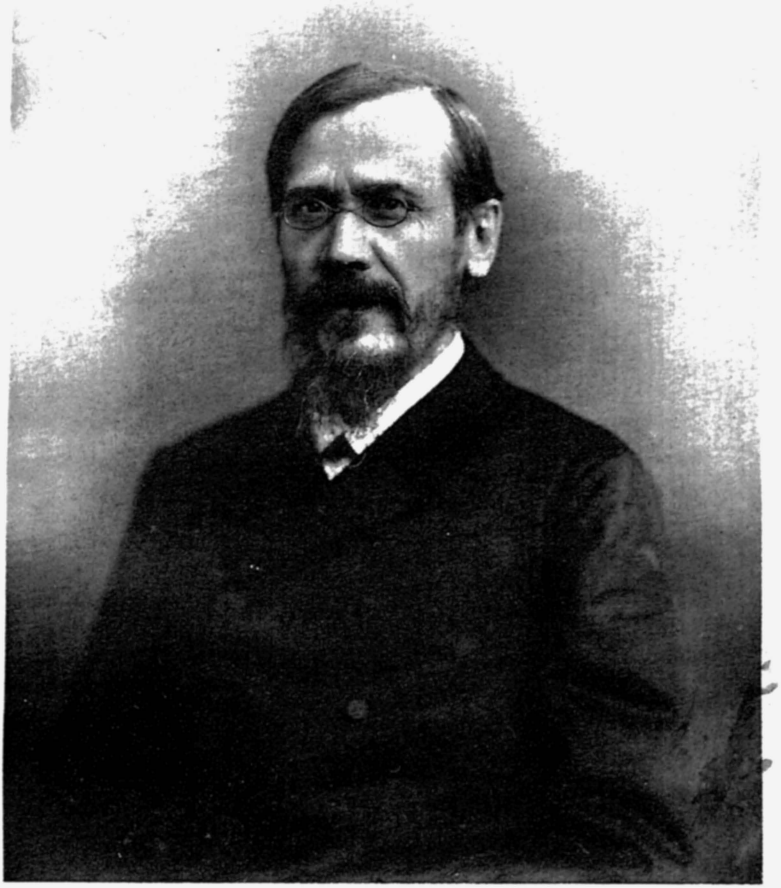
Участвуютъ: *Я. Л. Барсковъ, прив.-доц. С. В. Бахрушинъ, проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, С. Б. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Р. Ю. Виппперъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, прив.-доц. В. Е. Данилевичъ, проф. М. А. Дьяконовъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, проф. С. А. Котляревскій, проф. П. П. Лаппо, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, проф. М. К. Любавскій, прив.-доц. А. С. Орловъ, проф. Д. М. Петрушевскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. М. М. Покровскій, прив.-доц. свящ. П. Г. Поповъ, проф. В. К. Поржезинскій, В. С. Протопоповъ, проф. С. В. Рождественскій, проф. А. Н. Савинъ, проф. С. И. Смирновъ, проф. М. Н. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. Б. Н. Сыромятниковъ, проф. А. Н. Филиппов, прив.-доц. А. С. Хаханов, проф. М. М. Хвостовъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелевъ, проф. Е. Ф. Шмурло, проф. Г. Н. Щепкинъ, В. О. Эйнгорнъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ.*

Чистая выручка съ изданія поступитъ на стипендію имени В. О. Ключевскаго при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА, 1909.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

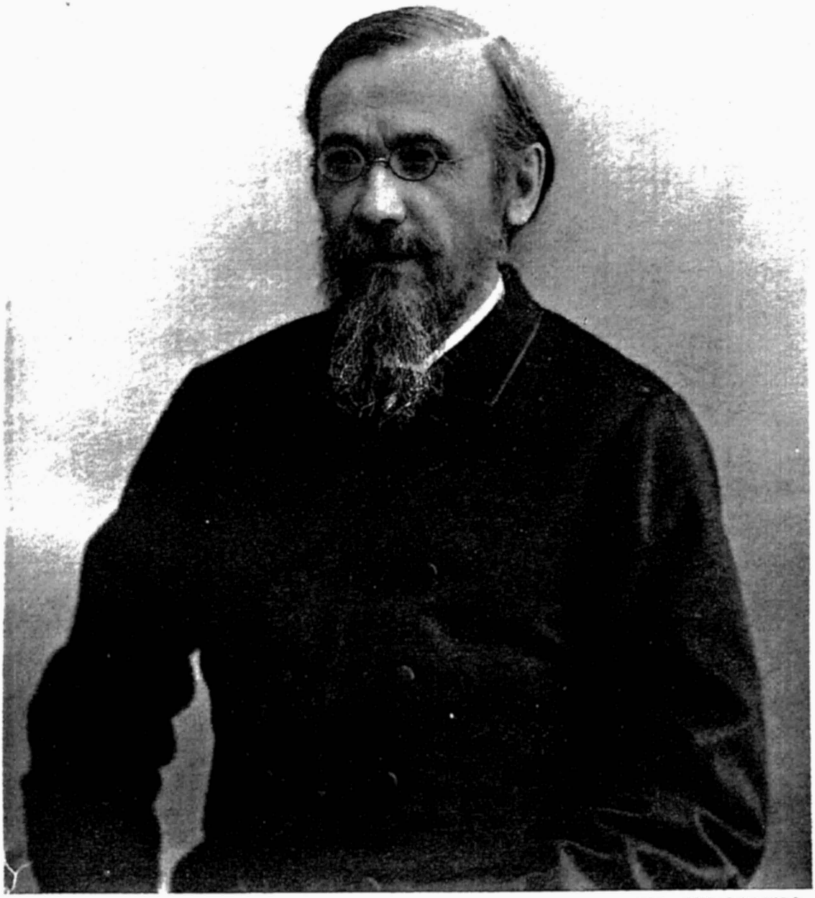

2005347253

ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЪ, МОСКВА.

80-е годы.

ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЪ, МОСКВА

90-е годы.

I.

вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ вославныхъ князей, пановъ и шляхты въ вели-ъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи.

Городельскій привилей 1413 года, какъ извѣстно, исключилъ „схиз-ковъ“ и другихъ „невѣрныхъ“ изъ того круга людей, которому пре-авлены были права и вольности польской шляхты. Таковыя были лованы только литовскимъ панамъ и знатнымъ людямъ, исповѣдо-имъ римскую христіанскую вѣру и получившимъ отъ поляковъ ихъ ы. Только этимъ людямъ предоставлено было право занимать вое-тва, каштеляніи и другія высшія должности, учреждавшіяся тогда ольскому образцу, и участвовать въ совѣщаніяхъ о государствен-ъ дѣлахъ [1]). Другими словами: только католики могли быть постоян-и членами господарской рады и сейма [2]).

Городельскій привилей, какъ свидѣтельствуется въ привилеѣ 1563 ъ, уравнявшемъ политическія права всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, тверждался и преемниками Ягайла и Витовта—Казимиромъ, Александ-ъ, Сигизмундомъ и Сигизмундомъ-Августомъ [3]).

Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что до 1563 года православ-люди не пользовались въ великомъ княжествѣ Литовскомъ одинако-и правами съ католиками.

Но категорическому заключенію въ этомъ направленіи мѣшаютъ де всего нѣкоторыя мѣста того же самаго привилея 1563 года, котораго узнаемъ о подтвержденіяхъ Городельскаго привилея. „Ухва-ь и хочемъ мѣти,—читаемъ въ этомъ привилеѣ, — ижъ отъ того не только тые панове, шляхта и бояре, або потомкове ихъ всихъ

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 14—16. Poznań. 1841.

[2]) Et huius modi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicae cultores ilecti sanctae Romanae ecclesiae etc. Nec etiam aliqua officia terrae perpe-t sunt dignitates, castellanatus etc., nisi christianae fidei cultoribus confe-, et ad consilia nostra admittantur, et eis intersint, dum pro bono publico tus celebrantur.

[3]) Акты Зап. Рос. III, № 32; Źródłopisma do dziejów unii, cz. II, odz. 1, 66—169; Archiwum komisyi prawniczéj, tom VII, str. 298—300.

земель нашихъ того всего паньства нашого даровань привильевъ и наданья всихъ вольностей и правъ земскихъ уживати и съ нихъ ся веселити мають, которые суть поддани костелу Римскому, и которыхъ тежъ предкове клейноты и гербы въ корунѣ Польской пріймовали, але тежъ и вси иные стану рыцерского и шляхетского, яко Литовского такъ и Русского народу, одно бы были вѣры хрестьянскоѣ, и тежъ которыхъ предкове клейнотовъ альбо гербовъ съ коруны Польскоѣ не брали, одинако и заровно того всего вѣчными часы уживати и съ тыхъ вольностей веселитися мають, *яко передъ тымъ здавна и до того часу тыхъ всихъ вольностей станъ рыцерскій шляхетскій обоего народу, такъ Литовского яко и Русского, уживали и съ того ся веселили*". Выходитъ такимъ образомъ какъ будто бы, что и до введенія привилея 1563 года русскіе православные паны и шляхта пользовались тѣми же правами и вольностями, что и литовцы-католики, и привилей 1563 года только утверждалъ окончательно такой порядокъ вещей.

Обращаясь къ болѣе древнимъ документамъ, встрѣчаемъ прежде всего привилей короля Ягайла отъ 15 октября 1432 года, коимъ русскіе князья, шляхта и бояре, подданные Литовской земли, уравнивались въ правахъ съ литовцами, одаренными по Городельскому привилею 1413 года [4]). Полное уравненіе вѣроисповѣданій находимъ и въ привилеѣ Ягайла, выданномъ 30 октября того же 1432 года Луцкой землѣ. По этому привилею Ягайло жаловалъ князьямъ, прелатамъ, боярамъ и рыцарямъ земли Луцкой какъ римской, такъ и греческой вѣры, права и вольности, какими пользуются прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго. Между прочимъ Ягайло обѣщалъ не сносить церквей русскихъ греческаго закона и не превращать эти церкви въ костелы, не принуждать никого насильно къ переходу въ римскую вѣру и т. д. [5]). Привилей, выданный великому княжеству Литовскому Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ въ 1434 году, также во всемъ сравнивалъ русскихъ съ литовцами согласно привилею Ягайла отъ 15 октября 1432 года [6]). Общеземскіе привилеи Казимира 1447 года, Александра 1492 года и Сигизмунда 1506 года не дѣлали уже разницы между литовцами и русскими въ правахъ и вольностяхъ и не упоминали ни о какихъ разницахъ, прежде бывшихъ. Эти данныя, такимъ образомъ, подтверждаютъ заявленіе привилея 1563 года о томъ, что русскіе пользовались и веселились „здавна" тѣми же правами, что и литовцы-католики.

---

[4]) Predictos principes nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem graciis et libertatibus privilegiis et commodis gaudere et utifrui volumus quibus principes nobiles et bojari Lithvaniae pociuntur ac fruuntur. Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus XIV, dod. № 17.

[5]) Monumenta medii aevi, t. II, № LXXII.

[6]) Monumenta medii aevi, t. XIV, dod. № 22.

Въ числѣ важныхъ правъ, предоставленныхъ литовцамъ-католикамъ Городельскимъ привилеемъ, какъ мы видѣли, было право получать высшія должности въ государствѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ. Изслѣдователями литовско-русской старины уже много разъ констатировалось, что и православные князья и паны до 1563 года получали высшія должности въ государствѣ и были членами великокняжеской рады [7]). И самый привилей 1563 года констатируетъ, что не только „Римского костела послушные, але и Грецкого", бывая „въ лавицы радъ" и на разныхъ службахъ, обнаруживали свою неизмѣнную вѣрность великимъ князьямъ, вопреки содержащимся на этотъ счетъ опасеніямъ въ Городельскомъ привилеѣ [8]).

Все это въ общей сложности заставило автора настоящей статьи въ книгѣ „Литовско-русскій сеймъ" высказаться въ томъ смыслѣ, что статья, ограничившая права православныхъ при назначеніи въ господарскую раду, со времени изданія привилеевъ 1432 и 1434 года утратила свою юридическую силу, сдѣлалась уже отжившимъ закономъ. Самое подтвержденіе Городельскаго привилея со всѣми его отжившими статьями (въ родѣ, напр., статьи о платежѣ податей великому князю съ панскихъ и шляхетскихъ имѣній) авторъ объяснялъ не прямыми практическими цѣлями, а тѣмъ, что литовско-русскіе паны и шляхта считали Городельскій привилей родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей, цѣнили его, какъ политическую святыню или реликвію, и потому и упрашивали своихъ государей вписывать его въ свои земскіе привилеи, несмотря на то, что въ этихъ привилеяхъ уже содержались тѣ права и вольности, которыя содержалъ и Городельскій привилей, и даже болѣе того. „Городельскій привилей подтверждался литовско-русскими государями не какъ дѣйствующій законъ (послѣдній содержался въ ихъ собственныхъ земскихъ привилеяхъ), а какъ его историческое оправданіе, какъ санкціонирующій голосъ старины" [9]).

Но одновременно съ выходомъ въ свѣтъ „Литовско-русскаго сейма" вышелъ изъ печати VII томъ „Archivum'a komisyi prawniczej", издаваемаго Краковскою Академіею Наукъ. Въ этомъ томѣ напечатаны чрезвычайно важные документы, оставшіеся неизвѣстными, а именно общеземскіе привилеи 1529, 1547, 1551 г. Эти документы заставили автора „Литовско-русскаго сейма", не мѣняя общаго взгляда на значеніе подтвер-

---

[7]) Зубрицкій, Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, стр. 20, 21, прим. 35 въ „Чтеніяхъ" Общ. Исторіи и Древн. Рос. 1862, кн. III; Макарій, Исторія Русской Церкви, т. IX, стр, 211, 212. Спб. 1879; Любавскій, Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, № 3, стр. 131—136.

[8]) Quia saepe disparitas cultus diuersitatem inducit animorum, et consilia patent talibus diuolgata, quae traduntur secrete obseruanda.

[9]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 352, 353.

жденій Городельскаго привилея, признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что статья этого привилея, ограничивавшая доступъ православнымъ на высшія должности въ государствѣ, не была отжившимъ закономъ. Нѣкоторыя соображенія по этой части представлены были авторомъ въ его статьѣ „Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма“ [10]). Настоящая статья является попыткою воспользоваться всѣми этими новооткрытыми показаніями источниковъ и дать иную и по возможности полную концепцію сравнительно съ тѣми, которыя давались доселѣ въ трудахъ, затрогивавшихъ вопросъ о положеніи православныхъ въ великомъ княжествѣ.

Общій недостатокъ всѣхъ наличныхъ концепцій на этотъ счетъ заключается въ томъ, что вопросъ трактовался черезчуръ изолированно, внѣ связи съ общею церковною исторіею того времени, со всѣми тѣми перипетіями, которыя происходили въ отношеніяхъ воинствующаго католицизма къ православной греческой церкви, а также внѣ связи съ тѣми перемѣнами, которыя происходили въ національно-политическихъ отношеніяхъ Литвы и Руси за полуторасто лѣтъ. Если избѣгать этой односторонности и разсматривать всѣ противорѣчивыя на первый взглядъ данныя въ надлежащей исторической перспективѣ, то недоумѣнія исчезаютъ, и дѣло получаетъ удовлетворительное разъясненіе.

Городельскій привилей 1413 года былъ изданъ въ то время, когда еще не остыла католическая ревность короля Ягайла и польскихъ пановъ, мечтавшихъ обращеніемъ литовцевъ въ католическую вѣру положить прочное начало для сліянія Литвы съ Польшею. Съ другой стороны, время это было временемъ особаго политическаго засилья литовскаго крупнаго боярства, которому удалось совмѣстно съ Витовтомъ отстоять государственную самостоятельность великаго княжества и, сплотившись вокругъ него, занять господствующее положеніе внутри литовско-русскаго государства. При такихъ обстоятельствахъ выдача привилея, дававшаго политическія преимущества литовцамъ-католикамъ и устранявшаго отъ нихъ схизматиковъ и другихъ невѣрныхъ, вполнѣ понятна.

Но условія, вызвавшія къ жизни ограничительныя статьи Городельскаго привилея, продержались недолго. Начавшееся вскорѣ соборное движеніе въ нѣдрахъ католической церкви въ значительной мѣрѣ ослабило непріязненныя чувства къ восточной церкви. По мѣрѣ того какъ исчезала увѣренность въ собственной безусловной правотѣ, исчезала и противоположная увѣренность въ безусловной неправотѣ послѣдователей греческаго закона. Зародилась и развилась мысль о всеобщемъ христіанскомъ примиреніи, объ уничтоженіи схизмы не только въ нѣдрахъ католической церкви, но и между западною и восточною церковью. Въ

[10]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, № 2 и 3.

великомъ княжествѣ Литовскомъ эта мысль реализовалась въ посылкѣ митрополита Григорія Цамблака съ епископами на Констанцскій соборъ для переговоровъ по вопросу о соединеніи Греческой церкви съ Римскою (съ этою цѣлью на соборъ приглашались и послы Византійскаго императора). Историкъ Литвы XVII в. Кояловичъ сообщаетъ, что одновременно съ тѣмъ крѣпла и распространялась и среди русскихъ людей мысль объ уніи, частью благодаря установленіямъ короля Ягайла, частью благодаря авторитету Витовта, т.-е. русскіе люди, дабы пользоваться всѣми правами и преимуществами литовцевъ-католиковъ, не прочь были отъ церковной уніи. Кояловичъ же утверждаетъ, что и митрополитъ Григорій Цамблакъ обнаруживалъ сочувствіе уніи и дѣятельно старался объ этомъ на Констанцскомъ соборѣ [11]). Русскими изслѣдователями этотъ фактъ впрочемъ отвергается [12]). Какъ бы то ни было, но въ самомъ возбужденіи вопроса объ уніи нельзя не видѣть проявленіе иного настроенія въ отношеніи православныхъ русскихъ людей великаго княжества. Сношенія съ гусситами, которыя поддерживали Ягайло и Витовтъ, являются также показателями извѣстнаго ослабленія католической ортодоксальности у государей Польши и Литвы и окружавшихъ ихъ пановъ. На ряду съ этою перемѣною произошла и другая важная перемѣна—въ соотношеніи внутреннихъ политическихъ силъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Русскіе князья и бояре, оттѣсненные отъ великаго князя литовскими панами, уже подъ конецъ великокняженія Витовта замѣтно стали возвышаться. Витовтъ и сами литовскіе паны стали искать въ нихъ опоры и поддержки для огражденія и укрѣпленія государственной самостоятельности великаго княжества Литовскаго. Русь была блестяще представлена уже на знаменитомъ съѣздѣ въ Луцкѣ, гдѣ между прочимъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о возведеніи великаго княжества Литовскаго въ королевство. На сеймѣ въ Вильнѣ 1430 года, на которомъ предположена была коронація Витовта, было вызвано множество русскихъ князей и бояръ. Благодаря этимъ князьямъ и боярамъ и на великое княженіе по смерти Витовта возведенъ былъ Свидригайло Ольгердовичъ. При Свидригайлѣ „схизматики“, какъ извѣстно, не только не стояли на заднемъ планѣ, но позаняли передніе ряды, наполнили великокняжескую раду, получили всѣ важнѣйшіе замки и уряды, на что жаловался бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій. Полякамъ и литовцамъ удалось низвергнуть неудобнаго для нихъ великаго князя и посадить на великое княженіе

---

[11]) Kojałowicz, Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Litvaniae Ducatu pertinentium, Vilnae MDCL, p. 43, 44; Ignatius Kulczyński, Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 119, 120. Romae MDCCXXXIII.

[12]) Иловайскій, Исторія Россіи, т. II, стр. 215, 217; Голубинскій, Исторія Русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 386, пр. 1. Срв. K. Stadnicki, Bracia Wł. Jagiełły, str. 153. Lwów 1867.

Сигизмунда Кейстутьевича. Но Русь стала оказывать столь энергичное сопротивленіе новому великому князю и поддерживавшимъ его полякамъ, такъ крѣпко стояла за Свидригайла, что великому княжеству стала угрожать опасность разложенія, отпаденія Руси. При такихъ обстоятельствахъ король Ягайло и польскіе паны, возведшіе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича, и сочли нужнымъ выступить съ вышеупомянутымъ привилеемъ 15 окт. 1432 г., уравнивавшимъ въ правахъ и вольностяхъ principes, nobiles et bojaros Ruthenorum съ князьями, панами и боярами Литовской земли. Черезъ двѣ недѣли выданъ былъ подобный же привилей князьямъ, панамъ, боярамъ и рыцарямъ Луцкой земли, въ которомъ уже прямо и опредѣленно подчеркивалось равноправіе обоихъ исповѣданій, римскаго и греческаго закона. Великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ черезъ годъ послѣ этого, подтверждая прежнія права и вольности и даруя нѣкоторыя новыя, долженъ былъ заявить, что права и вольности даруются на вѣчныя времена principibus et bojaris tam Lithvanis, quam Ruthenis [13]).

Можно ли видѣть въ этихъ новыхъ привилеяхъ полную отмѣну Городельскаго привилея въ его ограничительныхъ статьяхъ? Подобный взглядъ на нихъ по соображенію со всѣми обстоятельствами того времени былъ бы не совсѣмъ правильнымъ. Городельскій привилей по буквальному смыслу его ограничивалъ права христіанъ греческаго закона не какъ таковыхъ, а какъ „схизматиковъ“ и „невѣрныхъ“. Но во время выдачи этихъ привилеевъ взглядъ на православныхъ, какъ на схизматиковъ eo ipso, уже исчезалъ. На засѣдавшій тогда Базельскій соборъ пріѣзжалъ уже посолъ императора Іоанна Палеолога хлопотать объ уніи. Съ предложеніями объ уніи обращался и патріархъ константинопольскій, и вопросъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ сужденій на соборѣ. Извѣстное тяготѣніе къ уніи было и среди православныхъ русскихъ князей и бояръ. Свидригайло въ письмѣ къ одному изъ дѣятелей собора (De Damianis) сообщалъ, что русскіе люди склонны къ уніи и только не могутъ противиться своимъ іерархамъ, которыхъ прежде всего надо убѣдить, чтобы они позаботились о спасеніи душъ своихъ овецъ [14]). Это свидѣтельство до извѣстной степени подтверждается и письмомъ на Базельскій соборъ отъ 22 марта 1433 г. князей Ярослава Лингвеньевича, Андрея Михайловича и четырнадцати русскихъ бояръ отъ имени всѣхъ иныхъ князей, шляхты, бояръ и мѣщанъ земель русскихъ, которые, опровергая клевету на Свидригайла, будто бы онъ отступилъ отъ католической вѣры, изъявляли желаніе прибыть на соборъ и предоставить рѣшеніе дѣла ихъ государя собору. Князья и бояре вмѣстѣ съ

---

[13]) Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus XIV dod. 22.
[14]) A. Lewicki, Powstanie Swidrygiełły, str. 207.

тѣмъ писали, что они молятъ Бога, чтобы старшіе ихъ вѣры греческаго обряда пришли къ соглашенію съ отцами собора, и когда это соглашеніе состоится, они готовы присоединиться къ нему и подчиниться всему, что уложатъ эти старѣйшіе [15]).

Извѣстно, что „старшіе“ греческаго закона въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію съ отцами римской церкви. На Флорентійскомъ соборѣ 1439 года митрополитъ всея Руси Исидоръ приступилъ къ уніи съ римскою церковью и на возвратномъ пути разослалъ изъ Венгріи грамоты во всѣ епархіи литовскія и русскія съ извѣщеніемъ о соединеніи церквей. Москвитяне не подчинились уніи, но православные русскіе люди великаго княжества Литовскаго не оказали ей открытаго сопротивленія. Исидоръ послѣ бѣгства своего изъ сѣверо-восточной Руси нашелъ себѣ пріютъ въ Новгородкѣ Литовскомъ. Онъ уговорилъ короля Владислава III, какъ верховнаго государя западно-русскихъ земель, выдать грамоту, коею православному духовенству предоставлялись одинаковыя права съ латинскимъ духовенствомъ [16]). Правда, что Исидоръ не остался долго въ Литвѣ и ушелъ въ Константинополь; правда затѣмъ, что великій князь Казимиръ изъ политическихъ расчетовъ въ 1451 году подчинилъ западно-русскую церковь митрополиту Іонѣ [17]). Но вопросъ объ уніи съ римскою церковью вмѣстѣ съ тѣмъ не подвергался какому-либо пересмотру и перерѣшенію. Можно сказать, что для литовскаго правительства этотъ вопросъ былъ уже рѣшенный. Согласившись подъ давленіемъ обстоятельствъ на подчиненіе западнорусской православной церкви митрополиту Іонѣ, литовское правительство отступилось отъ этого рѣшенія при первомъ благопріятномъ случаѣ. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ константинопольскій патріархъ Григорій Мамма посвятилъ въ митрополиты на Русь Григорія Болгарина, ученика Исидора. Соборъ епископовъ сѣверовосточной Руси, какъ извѣстно, отказался признать его митрополитомъ и писалъ увѣщаніе литовскимъ епископамъ — Черниговскому, Полоцкому, Смоленскому, Туровскому и Луцкому, чтобы они не принимали митрополита отъ латынъ. Іона съ своей стороны писалъ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ, чтобы они стояли за православіе, не принимали Григорія и не слушали его ученія. Но всѣ эти призывы оказались тщетными. Григорій утвердился митрополитомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Изъ епископовъ одинъ только Брянскій и Черниговскій Евѳимій не захотѣлъ подчиняться митрополиту-уніату и уѣхалъ въ Москву; остальные восемь приняли

---

15) Ibidem, str. 173, 335, nota 26.

16) Акты Зап. Рос., № 42.

17) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. 1, стр. 1263; Макарій, Исторія русской церкви, т. IX, стр. 21.

Григорія, который и сѣлъ въ Кіевѣ. Со стороны православныхъ міряпъ тоже не оказано было на первыхъ порахъ никакого сопротивленія Григорію и приносимой имъ съ собою церковной уніи [18]).

Итакъ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XV столѣтія литовское правительство уже не имѣло основаній разсматривать русскихъ людей великаго княжества, какъ невѣрныхъ схизматиковъ. Съ другой стороны, русскіе люди при восшествіи на престолъ великаго князя Казимира снова, какъ и во время борьбы Свидригайла съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, дали почувствовать господствующей Литвѣ свою силу и значеніе. Вступленіе на великое княженіе Казимира ознаменовалось рядомъ мятежей русскихъ земель, которыя не прочь были отложиться отъ Литвы и поставить себѣ своихъ собственныхъ государей. Литвѣ пришлось умиротворять ихъ разными льготами, правами и привилегіями [19]). Выданный при такихъ обстоятельствахъ — общеземскій привилей Казимира (2 мая 1447 года) естественно не могъ содержать какихъ-либо ограниченій правъ православныхъ русскихъ людей великаго княжества Литовскаго. Привилей вышелъ прямымъ продолженіемъ и развитіемъ предшествующихъ привилеевъ 1432 года и 1434 года, распространявшихъ на русскихъ людей греческаго закона тѣ же права и вольности, какими пользовались всѣ „послушные костелу римскому“.

Изъ привилея 1563 года мы узнаемъ, что Казимиръ при всемъ томъ подтверждалъ и Городельскій привилей съ его ограничительными статьями для „схизматиковъ“. Такое подтвержденіе по обстоятельствамъ времени не могло разсматриваться уже какъ противорѣчіе акту 2 мая 1447 года: русскіе люди греческой вѣры, какъ таковые, не были уже въ глазахъ литовскаго правительства невѣрными схизматиками. Схизматиками они были лишь въ томъ случаѣ, когда открыто отвергали унію. Но въ то время такихъ заявленій изъ среды ихъ еще не было.

Со времени поставленія въ митрополиты Григорія Болгарина западно-русская церковь стала въ крайне неопредѣленное положеніе. Оффиціально она должна была признаваться состоящею въ единеніи съ римскою церковью, разъ митрополитъ и подчиненные ему епископы были въ единеніи съ римскою церковью. Но идея уніи плохо воспринималась какъ православною паствою, такъ и католиками. Десять лѣтъ спустя послѣ прибытія митрополита-уніата король Казимиръ писалъ папѣ Павлу II, что въ Литвѣ и соединенныхъ съ нею русскихъ областяхъ обитаетъ „великое множество еретиковъ и схизматиковъ, и число

---

[18]) Макарій, op. cit., стр. 21—25.

[19]) Литовско-русскій сеймъ, стр. 104—108.

ихъ возрастаетъ со дня на день". Король просилъ у папы дозволенія основать какъ въ Литвѣ, такъ и въ русскихъ областяхъ по два монастыря ордена бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы братья этихъ монастырей своею проповѣдью и жизнью могли приводить тамошнихъ еретиковъ и схизматиковъ къ единству церкви [20]). Съ другой стороны, латинское духовенство склонно было смотрѣть на православныхъ русскихъ людей, даже искавшихъ мира и любви съ римскою церковью, какъ на недовѣрковъ и принимать въ отношеніи ихъ разныя насильственныя мѣры. Преемникъ Григорія на митрополичьей каѳедрѣ Мисаилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными лицами, князьями и панами греческой вѣры по этому поводу составилъ цѣлое посланіе къ папѣ Сикусту IV (14 марта 1476 года). Въ этомъ посланіи русскіе люди завѣряли папу, что они не еретики, не схизматики, что они содержатъ семь вселенскихъ соборовъ, „къ нимъ же купно и осмый флорентійскій ухваляютъ", что они исповѣдуютъ Св. Духа, „исходяща отъ Отца прежде, также и Сына единымъ дуновеніемъ". Поэтому они просили папу оградить ихъ отъ оскорбленій латинянъ, которые клевещутъ на нихъ, будто они не истинные христіане и не право вѣруютъ во Св. Троицу, насильно принуждаютъ ихъ къ своему исповѣданію, дѣйствуя яростью, крикомъ, побоями, мученіями и т. д. [21]). Отношенія церквей обострялись и запутывались и вслѣдствіе того, что западнорусская церковь не порывала своихъ отношеній съ константинопольской. Уже митрополитъ Григорій Болгаринъ, несмотря на то, что посвященъ былъ патріархомъ въ Римѣ, вынужденъ былъ посылать за благословеніемъ и утвержденіемъ въ санѣ къ патріарху въ Константинополь. Преемникъ Мисаила Симеонъ просилъ благословенія и утвержденія на митрополію и получилъ ихъ отъ патріарха Максима. Такъ же поступали и слѣдующіе митрополиты Іона Глезна и Макарій [22]). Какъ видно изъ посланія патріарха Нифонта къ нареченному митрополиту Кіевскому и всея Руси Іосифу, цареградскіе патріархи, хотя и не прочь были отъ „святого единенія", но не могли осуществить его, такъ какъ этому противились ихъ „овцы", ненавидѣвшія латинянъ. При такихъ условіяхъ и отношенія литовскаго правительства къ „греческому закону" не могли отличаться какою-либо устойчивостью и послѣдовательностью. Король Казимиръ своимъ „листомъ" подтверждалъ митрополиту Кіевскому и всея Руси и подчиненнымъ ему епископамъ „права духовныя изъ закону греческого, церковные справы и

---

[20]) Historiae Russiae monumenta 1, № 122.
[21]) Макарій, op. cit., стр. 43—57.
[22]) Тамъ же, стр. 37, 68, 74, 75, 83.

и суды“ [23]). Витеблянамъ и смольнянамъ обѣщалъ христіанства греческаго закона „не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити“, „въ церковные домы не вступаться“ [24]) и т. д. Но съ другой стороны тотъ же Казимиръ, по просьбѣ своего сына Казимира, въ 1481 году издалъ указъ, коимъ запрещалъ православнымъ строить новые храмы, возстановлять прежніе и поправлять обветшавшіе [25]).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находился „греческій законъ“ и въ тотъ моментъ, когда вступилъ на великое княженіе сынъ Казимира Александръ. Мы знаемъ, что литовская правящая знать, возводя его на великое княженіе вопреки прежнимъ записямъ на унію, искала поддержки русскихъ князей, пановъ и бояръ, всячески старалась заручиться ихъ расположеніемъ, особенно въ виду натянутыхъ уже отношеній съ Москвою [26]). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что и выданный въ 1492 году великому княжеству привилей долженъ былъ быть нечѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ распространеніемъ привилея 1447 года для всѣхъ подданныхъ великаго княжества безъ какихъ-либо специфическихъ ограниченій для людей греческаго закона. Подтверждая въ то же время и Городельскій привилей, новый великій князь ставилъ этимъ извѣстныя ограниченія политическихъ правъ не для всѣхъ православныхъ, которые не разсматривались въ то время рѣшительно, какъ невѣрные схизматики, а только для тѣхъ, которые открыто будутъ отклоняться отъ уніи.

И по дальнѣйшимъ дѣйствіямъ литовскаго правительства видно, что оно не разсматривало безусловно православную западнорусскую церковь, какъ пребывающую въ схизмѣ. Церковная унія признавалась съ его стороны de jure уже совершившимся дѣломъ, которое недостаточно только проведено было въ жизнь. Къ проведенію его въ жизнь и направлены были усилія литовскаго правительства при великомъ князѣ Александрѣ. Въ этихъ усиліяхъ литовское правительство нашло себѣ содѣйствіе и со стороны православныхъ русскихъ людей великаго княжества.

Самымъ виднымъ лицомъ въ данномъ случаѣ является владыка Смоленскій Іосифъ (Болгариновичъ), избранный въ 1498 году митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Наши лѣтописи сообщаютъ, что Іосифу и митрополія была обѣщана съ условіемъ, что онъ будетъ проводить унію [27]). Іосифъ вскорѣ же послѣ своего избранія въ митрополиты написалъ цареградскому патріарху посланіе, въ которомъ увѣдомлялъ его,

---

[23]) Акты Зап. Рос. II, № 65.
[24]) Акты Зап. Рос. I, № 204, 213.
[25]) Макарій, op. cit., стр. 70; Акты Зап. Рос. I, № 116, стр. 141.
[26]) Литовско-русскій сеймъ, стр. 134—137.
[27]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей VI, 45.

что епископы римскаго костела, живущіе на Руси и въ Литвѣ, становятся для православныхъ „несносны“, принуждаютъ ихъ къ уніи, установленной во Флоренціи, и просилъ патріарха сообщить, какъ состоялась эта унія, и посовѣтовать, что дѣлать въ виду того, что православные подвергаются опасности потерять привилегіи и льготы, которыя дарованы имъ въ то время, когда состоялась унія. Патріархъ, выражая личное сочувствіе уніи, посовѣтовалъ, однако, держаться уклончивой политики, такъ какъ унія не принята православною паствою константинопольской церкви. „А твоя милость,—писалъ онъ,—отнюдь не сопротивляйся имъ слишкомъ, но имѣй съ ними дружеское общеніе (какъ позволили мы и нашимъ священникамъ, живущимъ на островахъ, подъ властью сіятельнаго сената венеціанскаго, совершать собранія и молитвы съ латинянами), но вѣру отеческую и всѣ церковные обычаи восточной церкви бдительно сохраняй: ибо предки наши подъ тѣмъ только условіемъ соединились съ латинянами во Флоренціи, чтобы всѣ права наши оставались не нарушенными и сохранялись“. Рѣшительно приступить къ уніи патріархъ при всемъ томъ не посовѣтовалъ и рекомендовалъ отговариваться тѣмъ, что митрополитъ ничего не можетъ сдѣлать безъ разрѣшенія цареградскаго патріарха [28]).

Но Іосифъ, какъ извѣстно, не послушался совѣтовъ патріарха и энергично принялся проводить унію. Находившійся при великой княгинѣ Еленѣ подъячій Шостакъ уже въ 1499 году писалъ въ Москву: „Здѣсь, господине, у насъ сталося замятенье великое межи латыны и межи нашего христіанства. Въ нашего владыку Смоленского діаволъ ся вселилъ, съ Сопегою, отметникомъ ихъ, на православную вѣру: князь великій неволилъ государыню нашу великую княгиню Олену, въ латынскую проклятую вѣру... да и все наше православное христіанство хотятъ окстити: ино наша Русь вельми ся съ Литвою не любятъ“ [29]). То же самое подтвердилъ и князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, отъѣхавшій въ началѣ 1500 года въ Москву на службу. Въ августѣ того же 1500 года Іосифъ написалъ папѣ Александру VI посланіе съ изъявленіемъ покорности ему и съ исповѣданіемъ, что папа—пастырь всѣхъ вѣрующихъ, глава вселенской церкви и всѣхъ святыхъ отцовъ и патріарховъ, которому преданы ключи царства небеснаго и власть вязать и рѣшить. Іосифъ молилъ папу быть милостивымъ къ русскимъ людямъ, „живущимъ далече въ сѣверныхъ странахъ, подъ обрядомъ и уставомъ восточной церкви, содержащимъ св. седмь вселенскихъ соборовъ, а съ ними также и осьмой, Флоренскій соборъ, вѣрующимъ во единаго Бога Отца, Сына и Св. Духа, исходящаго отъ Бога Отца, такъ же и отъ Сына единымъ дуновеніемъ“.

---

[28]) Макарій, op. cit, 90—93.

[29]) Акты Зап. Рос. I, № 155.

Съ этимъ посланіемъ поѣхалъ въ Римъ Сапѣга, который просилъ папу утвердить Іосифа митрополитомъ и примасомъ греческой церкви въ великомъ княжествѣ разрѣшить крещенныхъ по обряду греческому не перекрещивать и строить каменныя церкви греческаго обряда. Въ своихъ совѣтахъ бискупу Виленскому Войтеху и великому князю папа настаивалъ на томъ, что прежде, чѣмъ принимать въ общеніе русскихъ людей, надо хорошенько произвести разслѣдованіе мнѣній и обрядовъ, которыхъ они держатся, и искренность самыхъ намѣреній ихъ, въ виду того, что унія saepius tentata et toties interrupta existit. Впрочемъ, онъ соглашался исполнить просьбы Іосифа и русскихъ людей, если они примутъ догматы объ исхожденіи Св. Духа и отъ сына, о примативствѣ папы, о чистилищѣ, о наградахъ и наказаніяхъ по смерти, и если Іосифъ, отвергшись отъ поставленія па митрополію, приметъ поставленіе отъ св. престола [30]).

Желаніе папы не исполнилось. Митрополитъ Іосифъ скоро умеръ. Послѣ него дѣятельная пропаганда уніи прекратилась. Пропаганда эта, какъ мы видѣли, вызвала озлобленіе среди русскаго населенія великаго княжества. Во время войны съ Москвою немыслимо было питать и усиливать это озлобленіе, которое стало уже приводить къ измѣнамъ со стороны русскихъ подданныхъ великаго княжества. Для успокоенія ихъ великій князь Александръ выдалъ подтвердительные привилеи землямъ Витебской и Смоленской, въ которыхъ обѣщалъ ни въ чемъ не рушить ихъ греческаго закона и никого не нудить въ вѣрѣ [31]). Онъ отказался отъ всякаго понужденія и въ отношеніи своей супруги Елены и просилъ новаго папу Юлія II разрѣшить его отъ тяжкихъ обстоятельствъ по этой части, наложенныхъ на него прежнимъ папою Александромъ VI, объясняя, что ни принуждать ее къ римскому закону, ни удалить ее отъ себя не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ отецъ ея, великій князь Московскій, навѣрно вновь подниметъ войну на литовское государство и причинитъ ему много зла [32]). Оставивъ всѣ старанія о проведеніи уніи въ жизнь, король Александръ въ 1503 году утвердилъ митрополитомъ Іону, который до того былъ приверженъ къ старой вѣрѣ, что при немъ схизма снова упрочилась въ великомъ княжествѣ Литовскомъ: за нимъ, какъ за пастыремъ-схизматикомъ, открыто послѣдовали его духовныя овцы, и не только низшій классъ народа, но и шляхта и вельможи [33]). Такъ обстояло дѣло и при преемникахъ Іоны.

Несмотря на это, ни король Александръ, ни его преемникъ Си-

---

[30]) Макарій, op. cit., стр. 100—109.
[31]) Акты Зап. Рос. I, № 204, 213.
[32]) Макарій, op. cit., стр. 150.
[33]) Kojałowicz, Miscellanea, p. 48, 49.

гизмундъ (до поры до времени) ни въ чемъ не измѣняли своего отношенія къ православнымъ русскимъ людямъ. Восходя на великое княженіе, Сигизмундъ выдалъ великому княжеству привилей на права и вольности въ той же самой общей формѣ, въ какой онъ былъ выданъ его отцомъ и братомъ, безъ какихъ-либо различеній католиковъ и православныхъ. Правда, что на ряду съ этимъ подтвержденъ былъ и Городельскій привилей съ ограничительными статьями относительно схизматиковъ, но, очевидно, это понятіе не прилагалось еще въ то время къ православнымъ. Въ радѣ великаго князя мы видимъ цѣлый рядъ православныхъ князей и пановъ, каковы были, напр., воевода Кіевскій и затѣмъ Новгородскій кн. Иванъ Львовичъ Глинскій, воевода Кіевскій кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій, его преемникъ панъ Андрей Немировичъ, панъ Виленскій, гетманъ, староста Луцкій кн. Конст. Иван. Острожскій и др. Время было не такое, чтобы обострять внутреннія религіозно-національныя отношенія. Шла напряженная борьба съ Москвою, которая силилась оторвать отъ Литвы западную Русь, и Литва все время находилась подъ страхомъ отпаденія отъ нея Руси. [34])

Но эти отношенія обострились сейчасъ же, какъ только кончилась эта напряженная борьба. На Гродненскомъ сеймѣ 1522 года, рѣшившемъ покончить войну съ Москвою, „станы“ въ числѣ разныхъ просьбъ, между прочимъ, подали господарю заявленіе съ выраженіемъ неудовольствія по поводу того, что король вопреки привилеямъ своихъ предковъ, подтвержденнымъ и его личною присягою при восшествіи на престолъ, раздаетъ уряды и мѣста въ радѣ схизматикамъ [35]). Заявленіе вызвано было незадолго передъ тѣмъ состоявшимся назначеніемъ кн. Конст. Ивановича Острожскаго воеводою Троцкимъ, вопреки прямому запрещенію Городельскаго привилея, предназначавшаго этотъ урядъ только католикамъ. Чтобы умиротворить недовольныхъ, король 25 марта на сеймѣ выдалъ особую грамоту, въ которой объяснялъ, что онъ пожаловалъ воеводство Троцкое князю Острожскому ради его необыкновенныхъ заслугъ въ сраженіяхъ противъ москвитянъ и татаръ и по просьбѣ пановъ рады обоихъ государствъ, преимущественно же великаго княжества Литовскаго, которые освободили его отъ обѣщанія, даннаго при вступленіи на великое княженіе, въ отношеніи князя Острожскаго, принимая во вниманіе, что онъ уже былъ почтенъ званіемъ пана Виленскаго. Король гарантировалъ, что это особое назначеніе не будетъ вредить земскому привилею, и впредь подобные уряды и достоинства не будутъ даваться русскому, *безъ совѣта старшихъ пановъ рады*,

---

[34]) Объ этомъ сообщали въ Римъ всѣ агенты св. Престола, находившіеся тогда въ Литвѣ. Acta Tomiciana III, № 1, CCXLVI.

[35]) Kojałowicz, Miscellanea, p. 48.

но только литовцамъ римской католической вѣры [36]). Такимъ образомъ хотя и дана была гарантія въ соблюденіи Городельскаго привилея, но не безусловная. Король констатировалъ право старшей рады диспенсировать его отъ обязательствъ, налагаемыхъ Городельскимъ привилеемъ.

Какъ бы то ни было, но Городельскій привилей, забытый былъ совсѣмъ въ государственной практикѣ великаго княжества Литовскаго, возстановленъ былъ въ своей силѣ въ отношеніи съуженія правъ православныхъ. Литовцы-католики обратили вниманіе на свои преимущества и стали слѣдить за тѣмъ, чтобы эти преимущества не затирались. Поэтому, когда по случаю возведенія на великое княженіе Сигизмунда-Августа (18 окт. 1529 г.) отецъ его, король Сигизмундъ, торжественно подтверждалъ привилей великому княжеству, въ него внесена была уже ограничительная статья въ пользу католиковъ [37]). Станы сейма осматривали и пергаментный подлинникъ Городельскаго привилея, который оказался цѣлымъ и не возбуждающимъ подозрѣнія, но отъ ветхости и частаго обращенія потертымъ, вслѣдствіе чего они упросили переписать его заново и утвердить, что и было исполнено въ особой грамотѣ, выданной 27 октября того же года [38]). Ограничительная статья въ пользу католиковъ въ приведенной редакціи 1529 года внесена была и въ общеземскій привилей, выданный уже самимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1547 году [39]).

Но эта ограничительная статья была уже такимъ анахронизмомъ, что не могла выполняться въ дѣйствительности. Православные князья и паны связаны были уже столь крѣпкими житейскими узами съ дворомъ и правящимъ классомъ, что невозможно было уже выбросить ихъ изъ круга правящей знати, невозможно было измѣнить въ отношеніи къ нимъ практику, развивавшуюся на протяженіи цѣлаго столѣтія. Православные продолжали назначаться на высшія должности и попа-

---

[36]) Kojałowicz, Miscellanea, p. 48; Archiwum komisyi prawniczej, tom VII, str. 273, 274.

[37]) Quae quidem dignitates palatinatus, castellanatus nec non officia perpetua terrestria et curiae nostrae non conferantur a nobis et successoribus nostris, nisi catholicae fidei cultoribus et Romanae ecclesiae subjectis, nec etam dignitates officiaque praedicta vel tenutae aut bona hereditaria hic in Magno Ducatu conferantur advenis et alienigenis seu extraneis, sed magni ducatus ipsius indigenis veris, et ad consilia nostra, dum pro bona reipublicae tractantur, non admittantur, nisi ipsi catholici et indigenae magni ducatus hujus, quia saepe disparitas cultus et diversitas nationum diuersitatem inducit animorum, et consilia patent talibus credita, quae traduntur secrete observanda. Archiwum, str. 280, 281; Kojalowicz. Miscellanea, p. 48.

[38]) Archiwum, str. 287—288.

[39]) Ibidem, str. 290; Kojałowicz, Miscellanea, p. 48, 49.

дать въ господарскую раду [40]). На сеймѣ 1551 года „станы“ обратили вниманіе правительства на это нарушеніе земскихъ привилеевъ и просили, чтобы король съ панами радными взглянулъ въ привилеи земскіе „и то, што бы ся въ нихъ нарушило, абы рачилъ казать поправити“. Во исполненіе этой просьбы король велѣлъ переписать вновь всѣ земскіе привилеи, выданные его предшественниками, начиная съ Городельскаго, въ одну хартію, и далъ торжественное обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ впредь свято (religiose) исполнять все, что въ нихъ написано, а относительно того, что уже сдѣлано вопреки этимъ привилеямъ, въ особенности относительно раздачи нѣкоторыхъ воеводствъ людямъ греческаго закона и въ общеніи католической вѣры не состоящимъ (et a catholicae religionis communione sejunctis) принять мѣры, чтобы государство не потерпѣло отъ того ущерба, впредь же не раздавать высшихъ должностей и не допускать къ болѣе тайнымъ совѣщаніямъ (ad consilia secretiora) людей греческаго или русскаго закона и чуждыхъ римской церкви, но твердо исполнять то, что предписано въ этомъ отношеніи привилеями предковъ [41]). Любопытно, что король обѣщалъ не допускать православныхъ не вообще къ тайнымъ совѣщаніямъ, а только къ наиболѣе тайнымъ совѣщаніямъ. Изъ одного современнаго „Описанія королевства Польскаго и соединенныхъ съ нимъ земель“ (1552 года) мы узнаемъ, что литовскій сенатъ, когда происходятъ совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ (de summo rerum), состоитъ изъ бискупа, воеводы и каштеляна Виленскихъ, воеводы Троцкаго, каштеляна Троцкаго и старосты Жмудскаго, а остальные сановники исключаются изъ секретнѣйшихъ совѣщаній (excluduntur a secretioribus conciliis) [42]). Такимъ образомъ и увѣреніе короля, примѣнительно къ установившейся практикѣ, содержало обѣщаніе не пускать православныхъ на должности воеводъ и каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго и старосты Жмудскаго, т.-е. на такія, которыя прямо поименованы были въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года. Но при назначеніи на болѣе низшія мѣста въ господарской радѣ король, по всѣмъ даннымъ, не считалъ себя связаннымъ заявленіемъ 1551 года. По крайней мѣрѣ, уже въ 1554 году онъ назначилъ православнаго пана Григорія Александровича Ходкевича воеводою Витебскимъ, а въ слѣдующемъ году—воеводою Кіевскимъ. Въ 1559 году 5 декабря воеводою Кіевскимъ былъ назначенъ православный князь Константинъ Констан-

---

[40]) Примѣры въ нашей статьѣ „Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма“ въ Ж. М. Н. Просв., № 3, стр. 133.

[41]) Archiwum, p. 297.

[42]) Scriptores rerum polonicarum, tomus XV, p. 173.

тиновичъ Острожскій; въ 1558 году воеводою Подляшскимъ панъ Василій Тишковичъ [43]).

Но какъ прежде, такъ и теперь, православные князья и паны, попавъ въ раду господарскую, постепенно восходили въ ней все выше и выше и пробирались на первыя мѣста—въ переднюю раду. Такимъ образомъ, 16 окт. 1559 года король „зъ воеводства Кіевского помкнувши“ пана Григорія Александровича Ходкевича, далъ ему каштелянство Троцкое, перенеся его „ближей боку нашого господарского“, желая, чтобы онъ былъ „уставичне“ при немъ, королѣ, „для обмышленія важныхъ и завджи потребъ и справъ великихъ нашихъ господарскихъ и земскихъ“ [44]). Такъ, слѣдовательно, православный панъ былъ допущенъ ad secretiora consilia, вопреки Городельскому привилею. Время было уже совершенно неподходящее для того, чтобы руководствоваться предписаньями этого привилея. Надвигались грозныя опасности со всѣхъ сторонъ, и для службы государству требовались умы и таланты независимо отъ вѣроисповѣданія. Съ другой стороны и господствующее вѣроисповѣданіе пошатнулось, поколебалось въ своей правотѣ, и въ наивысшемъ совѣтѣ литовско-русскаго господаря сидѣли лица, отвергнувшія католицизмъ, какъ, напр., воевода Виленскій Миколай Яновичъ Радивилъ, съ 1553 года ярый кальвинистъ, и воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ Радивилъ, тоже открытый протестантъ. При такихъ условіяхъ, ограничительная статья Городельскаго привилея, и прежде не согласовавшаяся съ положеніемъ вещей въ литовско-русскомъ государствѣ, уже окончательно утратила свой raison d'être. На Виленскомъ сеймѣ 1563 года станы просили уже не о подтвержденіи ея, а о совершенной отмѣнѣ, что и было исполнено охотно литовско-русскимъ господаремъ. Въ книгѣ „Литовско-русскій сеймъ“ были уже приведены соображенія о томъ, что инициатива въ данномъ случаѣ вышла, вѣроятно, изъ среды протестантовъ, которые стремились обезпечить равныя политическія права для всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Поэтому и привилей 1563 года въ его резолютивной части говорилъ о станѣ рыцарскомъ шляхетскомъ вообще, „одно бы были вѣры христіанскоѣ“, а на отношеніе къ христіанамъ греческаго закона въ прошломъ ссылался только, какъ на извѣстный прецедентъ [45]).

Подводя теперь итоги всему, что выше сказано, мы должны установить слѣдующія положенія:

---

[43]) Wolff, Senatorowie i dygnitarze, str. 20, 21, 37, 43, 87; Макарій, Исторія русской церкви, т. IX, стр. 286, 319, 321, 322, прим. 333, 399.

[44]) І. Малиновскій, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ—рады В. К. Литовскаго, № XXXVIII. Томскъ 1901.

[45]) Акты Зап. Рос. III, № 32.

1) Городельскій привилей ограничивалъ права христіанъ греческаго закона, какъ „схизматиковъ и невѣрныхъ“.

2) Въ эпоху соборнаго движенія въ католической церкви какъ на западѣ, такъ и въ литовско-русскомъ государствѣ взглядъ на христіанъ греческаго исповѣданія смягчился: ихъ перестали разсматривать, какъ безусловно схизматиковъ и невѣрныхъ.

3) Въ то же время и внутреннія политическія обстоятельства въ нѣдрахъ самого литовско-русскаго государства заставляли католиковъ-литовцевъ держаться примирительной политики въ отношеніи къ русскимъ людямъ.

4) Всѣ эти причины въ общей сложности обусловили появленіе привилеевъ 1432 и 1434 года, уравнивавшихъ права литовцевъ и русскихъ, и общеземскаго привилея 1447 года, дававшаго различныя права и вольности подданнымъ великаго княжества безъ различія національностей.

5) Унія западно-русской церкви съ римскою, установившаяся послѣ Флорентійскаго собора 1439 года и теоретически признававшаяся до начала XVI в., въ связи съ борьбою противъ наступленія Москвы настраивала литовское правительство также примирительно въ отношеніи къ православнымъ русскимъ людямъ.

6) Этимъ объясняется тотъ фактъ, что и привилеи 1492 и 1506 годовъ не содержали никакихъ ограниченій правъ русскихъ людей.

7) Подтвержденіе на ряду съ этимъ Городельскаго привилея означало ограниченіе въ правахъ не русскихъ людей греческаго закона, какъ таковыхъ, а невѣрныхъ схизматиковъ въ собственномъ смыслѣ, подъ каковыми не было тенденціи разумѣть всѣхъ православныхъ русскихъ.

8) Эта тенденція вновь появилась послѣ прекращенія борьбы съ Москвою и послѣ того, какъ выяснилось окончательно, что унія западно-русской православной церкви съ римскою не осуществилась.

9) Все это повело къ тому, что ограничительныя статьи Городельскаго привилея были внесены въ подтвердительные общеземскіе привилеи 1529, 1547 и 1551 года съ нѣкоторыми, однако, измѣненіями въ пользу православныхъ.

10) Но установившіяся уже цѣлое столѣтіе отношенія въ связи съ государственными потребностями оказались сильнѣе ограничительныхъ постановленій, и на практикѣ юридическія ограниченія правъ православныхъ не имѣли силы и въ концѣ концовъ привилеемъ 1563 года совсѣмъ были отмѣнены.

Матвѣй Любавскій.

II.

Столяровъ хронографъ и его авторъ.

I.

Двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось впервые писать о „хронографѣ столяра“, то-есть о томъ рукописномъ „хронографѣ, который купленъ покойнымъ историографомъ (Н. М. Карамзинымъ) у столяра (какъ сказано въ его записной книжкѣ) и который онъ означалъ симъ именемъ“ [1]). Въ ту пору о Столяровой рукописи, перешедшей въ собственность Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ (F, IV, 595), имѣлось уже изысканіе А. Н. Попова [2]). Поповъ привелъ въ извѣстность составъ рукописи, выразившись о ней такъ, что въ цѣломъ она „можетъ быть названа обширнымъ историческимъ сборникомъ, совмѣстившимъ въ себѣ разные историческіе памятники“. Между статьями, выписанными безо всякой между собой связи изъ различныхъ редакцій хронографа, Степенной книги и Новаго лѣтописца, въ рукописи столяра, на лл. 522—582 и 643—658, А. Н. Поповъ отмѣтилъ, „безъ отдѣльнаго заглавія часть какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія съ 1604 по 1644 годъ“. По мнѣнію Попова, оно было „оригинально и самобытно“, почему онъ и напечаталъ это лѣтописное сочиненіе въ своемъ „Изборникѣ“. Трудясь надъ рукописью столяра, Поповъ не обратилъ вниманія на то, что напечатанная имъ часть Столярова хронографа весьма сходна по своему составу съ небезызвѣстнымъ „Лобковскимъ хронографомъ“, изъ котораго П. И. Мельниковъ въ свое время извлекъ много данныхъ для исторіи Нижняго-Новгорода въ Смутное время [3]). Если сравнить многочисленныя цитаты Мельникова изъ Лобковской рукописи съ напечатаннымъ въ „Изборникѣ“ Столяровымъ текстомъ, то можно притти къ убѣжденію въ полномъ тожествѣ въ этихъ рукописяхъ той статьи, которая получила отъ Попова названіе „неизвѣстнаго лѣтописнаго сочи-

---

[1]) Карамзинъ, т. XII, прим. 46.

[2]) А. Поповъ, „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“, вып. 2-й, 1869 г., стр. 252—256.

[3]) „Москвитянинъ“, 1850, № 21, кн. 1, ноябрь.

ненія", а отъ Мельникова—„хронографа", писаннаго въ Нижегородскихъ и Арзамасскихъ мѣстахъ.

Взглядъ на „оригинальную и самобытную" статью хронографа столяра, какъ на „лѣтописное сочиненіе", или какъ на „хронографъ" мѣстнаго „лѣтописателя", не встрѣтилъ сочувствія въ изслѣдователѣ мѣстничества А. И. Маркевичѣ. Онъ отозвался о памятникѣ иначе. По его опредѣленію, это—„разряды" и притомъ „въ довольно полномъ видѣ"; такъ какъ, по общему мнѣнію, официальныхъ разрядныхъ за Смутные годы не было, то А. И. Маркевичъ полагалъ, что въ хронографѣ столяра мы имѣемъ одну изъ „частныхъ разрядныхъ" [4]). Къ опредѣленію А. И. Маркевича примкнулъ и я въ своей книгѣ, посвященной древне-русскимъ литературнымъ произведеніямъ о Смутномъ времени [5]). Мнѣ казалось, что „повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга" и „произведеніе частнаго лица". Простое утвержденіе А. И. Маркевича я старался обставить возможными доказательствами, и мнѣ какъ тогда они представлялись убѣдительными, такъ и теперь, по истеченіи двухъ земскихъ давностей, кажутся не лишенными смысла. Поэтому я считаю совершенно правильнымъ, что С. А. Бѣлокуровъ въ послѣднее время статью Столярова хронографа поставилъ въ XXIV группѣ „разрядныхъ записей за Смутное время" [6]). Характеризуя эту запись, онъ говоритъ: „по своему изложенію запись эта не строго разрядная, она переполнена различными повѣствовательными извѣстіями и представляетъ нѣчто среднее между извѣстіями разрядовъ и хронографовъ, есть запись разрядно-хронографическая". Въ параллель такой характеристикѣ г. Бѣлокурова можно привести и мой отзывъ, что находящіяся въ памятникѣ многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида официальныхъ разрядныхъ записей, „были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ".

Итакъ возможны были два взгляда на изучаемое произведеніе: 1) „лѣтописное сочиненіе" мѣстнаго нижегородско-арзамасскаго „лѣтописателя" и 2) частная разрядная съ „повѣствовательными извѣстіями" и „вставками лѣтописнаго характера".

В. О. Ключевскій не отказалъ мнѣ въ чести дать критическій отзывъ о вышеназванной моей книгѣ для Академіи Наукъ при присужденіи Уваровскихъ наградъ въ 1889 году. Въ этомъ отзывѣ онъ остановился, между прочимъ, на Столяровѣ хронографѣ съ тѣмъ,

---

[4]) „О мѣстничествѣ". Ал. Маркевича, 1879, стр. 755.

[5]) „Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ", 1888, стр. 270—273.

[6]) „Разрядныя записи за Смутное время (7113—7121 гг.)". М. 1907 (въ „Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Росс."), стр. XIV, XXII, 275—277.

чтобы оспорить мой о немъ „приговоръ“. „Итакъ это памятникъ нелитературный и неофиціальный“, такъ резюмировалъ В. О. Ключевскій мой взглядъ и послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній по существу дѣла заключилъ отъ себя такъ: „Легко можетъ быть, что, вопреки мнѣнію автора, мы имѣемъ здѣсь предъ собою памятникъ не только литературный, но и официальный“. Говоря другими словами, критикъ почелъ Столяровъ хронографъ за „лѣтопись“ „по официальному порученію“. Такая точка зрѣнія отличалась отъ обѣихъ прежнихъ. Если въ свое время я не былъ побѣжденъ желаніемъ начать научную полемику въ защиту своего взгляда, за который продолжалъ держаться, то теперь, конечно, еще менѣе склоненъ къ спору. Но я радъ воспользоваться случаемъ, чтобы представить на судъ чтимаго учителя и критика нѣкоторыя новыя наблюденія надъ текстомъ памятника, способныя нѣсколько опредѣленнѣе освѣтить предметъ давняго разногласія.

II.

Въ послѣднее время я читалъ текстъ памятника по двумъ его спискамъ: 1) Карамзинскому и 2) Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (№ 183). Въ первомъ изъ нихъ изучаемый текстъ писанъ совсѣмъ отдѣльно, кажется, даже на особыхъ тетрадяхъ, и вплетенъ въ книгу вслѣдъ за хронографомъ. Во второмъ спискѣ онъ органически входитъ въ составъ разрядной книги, представляя собою какъ бы продолженіе той изъ редакцій разрядныхъ книгъ, которую гг. Милюковъ и Лихачевъ склонны считать Бутурлинскою [7]). Отличія списковъ очень маловажны (Карамзинскій исправнѣе); всѣ сколько-нибудь существенныя въ нихъ разночтенія указаны С. А. Бѣлокуровымъ [8]). Если принять во вниманіе, что цитаты Мельникова изъ Лобковскаго списка обыкновенно вполнѣ совпадаютъ съ чтеніемъ обѣихъ названныхъ рукописей, то является возможность предполагать, что текстъ памятника дошелъ до насъ неиспорченнымъ и непередѣланнымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ задуманъ, то-есть, въ видѣ погодныхъ записей, разрядныхъ и лѣтописныхъ, пригодныхъ для того, чтобы служить продолженіемъ старыхъ редакцій разрядныхъ книгъ, обычно доходящихъ до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

Начинается разбираемый памятникъ, безо всякаго заглавія и вступленія, пространной записью о походѣ изъ Астрахани окольничаго

---

[7]) П. Н. Милюковъ, „Официальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги“ (Чтенія, 1887, II), стр. 18—16; Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка“, 1888, стр. 334, 337—338). Г. Лихачевъ даетъ подробное описаніе той рукописи, о которой мы сейчасъ говоримъ.

[8]) „Разрядныя записи“, стр. 275—277.

И. М. Бутурлина и О. Т. Плещеева въ Кумыцкую землю и о пораженіи тамъ русскихъ войскъ отъ кумыковъ и турокъ (1604—1605 гг.). Въ текстѣ этой записи введено нѣсколько разрядныхъ отмѣтокъ случайнаго характера („Того жъ году въ Смоленску былъ бояринъ и воевода князь Василей Кардануковичъ Черкаской“ и т. д.). Затѣмъ идетъ разсказъ о походѣ на Москву и о воцареніи перваго самозванца, разсказъ мѣстами очень обстоятельный и оригинальный, мѣстами же совпадающій съ записями другихъ разрядныхъ [9]). Послѣ сверженія самозванца вниманіе автора нашего памятника снова устремляется на Астрахань и Терекъ: онъ разсказываетъ объ отпаденіи Астрахани отъ царя Василія и о похожденіяхъ терскаго самозванца „дѣтины Петрушки“, при чемъ не трудно замѣтить, что автору очень хорошо извѣстно только то, что дѣлали казаки съ Петрушкой на Волгѣ между Свіяжскомъ и Царицыномъ. Проводивъ же ихъ оттуда „въ Украинные городы“, авторъ какъ бы теряетъ ихъ изъ виду; а когда, по ходу разсказа, онъ снова говоритъ о Петрушкѣ, то заново знакомитъ съ нимъ читателя, сообщая (очевидно, изъ другого источника) про этого „Петрушку родомъ муромца“, что онъ „посадцкова человѣка сапожника сынъ, а былъ въ свіяжскихъ стрѣльцахъ въ приказѣ у головы стрѣлецкаго у Григорія Елагина и былъ у нево въ денщикахъ“. Одинъ изъ источниковъ своего разсказа о Петрушкѣ авторъ обнаруживаетъ мимоходомъ, когда позднѣе разсказываетъ о побоищѣ на Восмѣ въ бояракѣ. При избіеніи тамъ боярами воровъ-казаковъ „только оставили семь человѣкъ живыхъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ нижегородцевъ да арзамасцовъ, что онѣ тѣмъ дворяномъ учинили добро: какъ они шли х Казани (варьянтъ: шли казаки) съ Терка съ воромъ Петрушкою Волгою къ вору къ Разстригѣ и воротилися съ воромъ Волгою назадъ, и тѣхъ дворянъ встрѣтили на Волгѣ, и воръ ихъ хотѣлъ побить, и онѣ ихъ не дали побить“ [10]). Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что именно отъ этихъ дворянъ, такъ или иначе, или свѣдѣнія автора о Петрушкѣ на Волгѣ. За разсказомъ о появленіи Петрушки слѣдуетъ очень обстоятельное повѣствованіе о кампаніи царя Василія противъ Болотникова и о взятіи Тулы—со многими разрядными данными и съ любопытнымъ эпизодомъ объ Арзамасской и Алатырской смутѣ [11]). Здѣсь впервые выказывается особое вниманіе автора къ дѣламъ и людямъ арзамасскимъ, нижегородскимъ и вообще понизовымъ. Перейдя затѣмъ къ описанію дѣйствій Шуйскаго противъ второго самозванца, авторъ вторично обращается къ арзамасцамъ и внимательно слѣдитъ за ихъ службою на Рязани съ Пр. Ляпу-

[9]) Ср. „Изборникъ“, стр. 324—326 и „Разрядныя записи“ С. А. Бѣлокурова, стр. 170—171, 196—197.

[10]) Изборникъ, стр. 336.

[11]) Изборникъ, стр. 333—334.

новымъ противъ Лисовскаго [12]) и за ихъ смутами, когда Арзамасъ оказался за Воромъ, а арзамасскіе дворяне и духовенство „пошли всѣ въ Муромъ, а иные въ Нижней“ [13]). Въ остальномъ своемъ содержаніи повѣствованіе автора о Тушинскомъ періодѣ смуты представляетъ собою общій очеркъ, любопытный, но довольно краткій и, по обычаю автора, съ разрядными данными. Такимъ же характеромъ отличается и разсказъ о Московской разрухѣ, сосредоточенный на московскихъ и подмосковныхъ событіяхъ; изъ мѣстныхъ дѣлъ авторъ опять-таки приводитъ лишь арзамасскія, именно попытку испомѣщенія въ Арзамасскихъ дворцовыхъ селахъ смоленскихъ дворянъ. Онъ слѣдитъ за судьбою этихъ „смольянъ“ и послѣ перехода ихъ изъ-подъ Арзамаса въ Нижній-Новгородъ; даже самое начало нижегородскаго ополченія связываетъ онъ съ призывомъ въ Нижній этихъ смоленскихъ выходцевъ [14]). Пространнымъ и любопытнымъ разсказомъ объ освобожденіи Москвы и избраніи М. Ѳ. Романова заканчивается первая часть разбираемаго памятника. Въ ней, какъ мы видимъ, ясно сказывается тяготѣніе автора къ Арзамасу и вообще Понизовью.

Вторая часть повѣствованія посвящена времени царя Михаила Ѳеодоровича и первымъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича; она своимъ строемъ ближе, чѣмъ первая, подходитъ къ обычному типу разрядныхъ этого періода. Въ этой части—всего около 25 крупныхъ разрядныхъ записей, иногда переходящихъ въ живой разсказъ съ цѣнными военно-бытовыми подробностями. На ряду съ событіями, имѣвшими общегосударственный интересъ, авторъ по прежнему помѣщаетъ мѣстныя низовскія („Во 128 и во 129 и во 130 году въ Нижнемъ Новѣгородѣ писцы... писали посадъ и уѣздъ и бортниковъ и мордву“. Въ тѣ же годы въ Арзамасѣ писцы... писали посадъ же и уѣздъ и бортниковъ и мордву“ [15]). Въ подборѣ частностей и подробностей замѣтно одно любопытное обстоятельство: съ 123 (1614—1615) года начинаютъ попадаться подробныя и очень благосклонныя свѣдѣнія о службахъ Баима Ѳедорова (позднѣе „Ѳедоровича“) Болтина. Въ 123 году онъ назначенъ головою новаго приказа стрѣльцовъ въ Казани. Во 140 и 141 годахъ онъ былъ посланъ воеводою противъ Литвы въ Сѣвскъ, изъ Сѣвска подошелъ къ Новгородъ-Сѣверску и взялъ его приступомъ, за что и былъ пожалованъ кубкомъ, шубою и денежной придачей. Весь подвигъ Баима Ѳедоровича изображенъ подробно и похвально. Въ татарскій приходъ 141 года Б. Ѳ. Болтинъ сидѣлъ воеводою въ Симоновѣ монастырѣ. Во 142 году на Поляновкѣ на посольскомъ съѣздѣ онъ былъ головою у стольниковъ и стряпчихъ. Во 143 году онъ ѣздилъ въ Литву дворяниномъ въ посоль-

---

[12]) Изборникъ, стр. 339—340.
[13]) Изборникъ, стр. 345—346.
[14]) Изборникъ, стр. 352—353.
[15]) Изборникъ, 367; также 358, 363 и др.

ствѣ, путь котораго потому и изложенъ подробно въ нашемъ хронографѣ. Въ 150 году Б. Ѳ. Болтинъ посланъ на съѣздъ на „Путивльскую межу“ уже въ чинѣ „ясельничаго“ и съ титуломъ „намѣстника Серпуховскаго“. Наконецъ, въ 152 году онъ встрѣчалъ за Земляным городомъ въ Москвѣ королевичаВальдемара и „королевичу Валдемару говорилъ рѣчь“ [16]). На описаніи въѣзда и встрѣчи королевича обрывается Карамзинскій списокъ.

Въ Московскомъ спискѣ [17]) еще ранѣе этого извѣстія начинаются постороннія вставки (напримѣръ), „разрядъ Тоболской и Томской“), и послѣдняго извѣстія о Б. Ѳ. Болтинѣ уже нѣтъ. Зато въ немъ находится новое извѣстіе—о назначеніи Б. Ѳ. Болтина посломъ въ Данію во 155 году [18]) и, кромѣ того, нѣсколько интересныхъ документовъ, касающихся Арзамаса и рода Болтиныхъ; таковы: запись объ арзамасцахъ Савлуковыхъ, грамота царя Ѳедора Ивановича 7100 года Болтинымъ, арзамасская десятня 7105 года и челобитная Болтиныхъ 7182 года [19]). Если вспомнить, что на Карамзинской рукописи есть по листамъ запись: „сія книга, глаголемая хронографъ Спасскаго игумена Корнилія (1646—1661), что въ Арзамасѣ, а подписалъ я игуменъ своею рукою“,—то получимъ основаніе для того, чтобы связать происхожденіе не одной Московской рукописи, но и самаго изучаемаго памятника—съ Арзамасомъ и Болтиными.

III.

Изъ общеизвѣстнаго приказнаго матеріала XVII вѣка можно извлечь нѣкоторыя данныя о службѣ Баима (иначе Боима, Обоима) Ѳедоровича Болтина. Наиболѣе раннее свѣдѣніе о немъ относится къ 1613 — 1614 гг. Онъ былъ участникомъ зимняго похода князя Д. Т. Трубецкого подъ Новгородъ. Когда шведы стѣснили русское войско въ Бронницахъ („за 20 верстъ отъ Великаго Новгорода“), и „почала быть ратнымъ людямъ тѣснота великая“, то „изъ Бронницъ къ государю прислали отъ ратныхъ людей бить челомъ“ о дозволеніи отступить. А въ челобитчикахъ былъ присланъ между прочимъ „Боимъ Ѳедоровъ сынъ Болтинъ“. Въ Столяровомъ хронографѣ находится очень обстоятельный и колоритный разсказъ объ этомъ

---

[16]) Изборникъ, стр. 360, 368—371, 372, 374, 375—377, 378, 379.

[17]) Съ листа 296 об.; срвн. Изборникъ, стр. 378.

[18]) Листъ 334; срвн. Бантыша-Каменскаго „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, I, М. 1894, стр. 227.

[19]) Листы 333—334, об.—335 об., 336—338 и 339. Срвн. Н. П. Лихачева „Разрядные дьяки XVI вѣка“, стр. 337—338; здѣсь указана еще любопытная запись о Болтиныхъ XVI вѣка, находящаяся на 123 листѣ рукописи.

походѣ, написанный, очевидно, его участникомъ, человѣкомъ изъ отряда Василія Ивановича Бутурлина. Съ Бутурлинымъ же велѣно было быть въ этомъ походѣ между прочимъ „нижегородцомъ и арзамасцомъ“ [20]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что авторомъ этого разсказа былъ именно Баимъ Болтинъ, столь часто упоминаемый въ хронографѣ. Въ 1614—1615 г. Баимъ, по указанію хронографа, былъ назначенъ стрѣлецкимъ головою въ Казани; а въ 1620—1622 годахъ служилъ вторымъ воеводою на Теркѣ [21]). Тамъ Баимъ могъ пріобрѣсти тѣ подробныя свѣдѣнія, какія есть въ хронографѣ о пораженіи русскихъ въ Кумыцкой землѣ и вообще объ Астраханскихъ и Терскихъ дѣлахъ начала XVII вѣка. Послѣ Терской службы Баимъ служилъ въ самой Москвѣ „дворяниномъ“ [22]), а въ началѣ 1627 года былъ назначенъ дьякомъ Новгородской (Нижегородской) чети. Февраля 16-го „по государеву указу велѣно быти въ Нижегородской чети во дьяцѣхъ Баиму Ѳедорову сыну Болтину, и ко кресту Баимъ приведенъ февраля въ 17 день; имя ему молитвенное Сидоръ“ [23]). Въ чети Баимъ оставался до 1632 года, по обычаю появлялся въ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ [24]). Въ 1632 году онъ былъ посланъ противъ литвы и поляковъ воеводою на Сѣверу въ Сѣвскъ. Тамъ ему было суждено совершить самое яркое дѣло его жизни. Передъ самымъ Рождествомъ онъ осадилъ и взялъ приступомъ значительную крѣпость Новгородъ-Сѣверскую, за что и былъ хорошо награжденъ. Успѣхъ Баима былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и видныхъ въ малоудачной войнѣ 1632—1634 гг., и потому въ документахъ того времени есть довольно много о немъ упоминаній, независимо отъ разсказа въ хронографѣ, который можно, кажется, приписать самому Баиму [25]). Возвращенный въ Москву, Баимъ остается тамъ до 1634 года. Раньше было указано, со словъ хронографа, что въ 1633 г. онъ въ ожиданіи прихода татаръ къ Москвѣ сидѣлъ воеводою въ Симоновомъ монастырѣ подъ Москвою. Въ 1634 и 1635 году Баимъ участвовалъ въ посольствахъ при заключеніи Поляновскаго „докончанія“ и при возвращеніи

---

[20]) Дворц. Разряды, I, 108; Изборникъ, стр. 358—359.

[21]) Изборникъ, 360; Дворц. Разр. I, 484; Книги Разр. I, 720, 764, 871.

[22]) Дворц. Разр. I, 639, 818.

[23]) Русск. Ист. Библ., IX, стр. 456.

[24]) Свѣдѣнія о Б. Болтинѣ за эти годы разсѣяны по книгамъ и граматамъ въ разныхъ изданіяхъ: Русск. Ист. Библ. т. II, № 146; т. IX, 458, 470 (и далѣе по указателю); Дворц. Разр. I, 907, 915, 969, 972, 995, 1001, 1006, 1029: II, 27, 251; А. А. Э., III, №№ 188, 194, 196; IV, № 6; А. И., III, №№ 149, 151, 160, 166.

[25]) Изборникъ, 368 — 371; Дворц. Разр., II, 274, 286, 310, 317, 341, 864; Книги Разр., II, 378, 382, 384, 390—391 (730), 421—425, 425—435, 435—436, 460—461; А. А. Э., Ш., № 206; Акты Моск. Гос., I, № 512.

праха царя Василія въ Москву [26]). Затѣмъ онъ находился, повидимому до 1624 года, въ Москвѣ, получивъ въ 1641 г. чинъ и должность ясельничаго (17 марта [27]). Въ 1642 году онъ ѣздилъ въ Путивль „межевать съ литовскими людьми спорныя земли"; разсказъ объ этомъ въ хронографѣ снабженъ любопытными подробностями, объясняющими, почему „земель ничево не размежевали" [28]). Возвратясь въ Москву [29]), Б. Болтинъ въ 1647 году былъ назначенъ посломъ въ Данію и, отправясь туда въ августѣ, вернулся лишь въ началѣ 1648 года [30]). Въ 1649 г. Баимъ участвовалъ во встрѣчѣ польскихъ пословъ, а въ 1662—1663 гг. былъ вторымъ воеводою въ Тобольскѣ [31]). Послѣдняя, насколько мнѣ извѣстно, служба Баима записана въ 1655 году: онъ былъ въ государевѣ полку въ Смоленскомъ походѣ царя Алексѣя [32]). Въ это время Баиму было уже около 60 лѣтъ и онъ считалъ за собою слишкомъ сорокъ лѣтъ службы...

IV.

Изъ тѣхъ данныхъ, какія мнѣ пришлось собрать, по обстоятельствамъ, поверхностно и спѣшно, возможны все-таки нѣкоторые выводы.

Съ значительной долей увѣренности можно полагать, что изучаемый памятникъ составленъ изъ матеріаловъ, собранныхъ Баимомъ Болтинымъ, и составленъ имъ же самимъ. Баимъ былъ арзамасскимъ землевладѣльцемъ [33]) и служилъ вначалѣ „съ городомъ", московскимъ же дворяниномъ сталъ позднѣе, вѣроятно, послѣ своего „головства" у стрѣльцовъ въ Казани. Въ Нижнемъ, Арзамасѣ, Сарапскѣ Болтины сидѣли и служили цѣлымъ гнѣздомъ, происходя, всего вѣрнѣе, изъ мѣстныхъ инородцевъ [34]). Семейныя и родовыя воспоминанія и личный

---

[26]) Изборникъ, стр. 372, 374—377; Книги Разр., II, 526; срвн. Д. В. Цвѣтаева, „Царь В. Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ". Приложенія, кн. I. (Варшава, 1901), стр. XXVI и сл.

[27]) Русск. Ист. Библ., X, стр. 203 (ясельничій вмѣсто Ив. Биркина); А. Юр. Быта, III, № 351. За годы 1633—1638 см., напримѣръ, Дворц. Разр. II, 404, 578, 658, 671, 874; Русск. Ист. Библ., IX, стр. 562.

[28]) Дворц. Разр. II, 682—683; Изборникъ, стр. 378.

[29]) Дворц. Разр. II, 722; Акты Моск. Гос. II, № 267.

[30]) Бантыша-Каменскаго, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи", I, стр. 227.

[31]) Дворц. Разр., III, 129—130, 134, 328, 363; Р. Ист. Библ., X, стр. 471, 476; А. П. Барсукова, „Списки городовыхъ воеводъ", стр. 238.

[32]) Дворц. Разр., III, 467.

[33]) Н. П. Загоскинъ, „Архивъ кн. В. И. Баюшева", т. I. (Казань 1882), № 17 и 152.

[34]) Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Комиссіи, I, стр. 399, 401, 402, 403; Доп. къ А. И., VI, № 104; Н. П. Лихачевъ, „Разр. дьяки", стр. 338; В. и Г. Холмогоровы, „Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовскаго сѣверо-восточнаго края". (Сзратовъ. 1891), стр. 42.—Я очень благодарю Ст. Б. Ве-

служебный опытъ въ Поволжьѣ и на Теркѣ дали Баиму достаточный запасъ матеріала для первой части его „хронографа“. Служебное счастье вынесло затѣмъ Баима въ верхніе слои московской администраціи и сдѣлало шире его личный кругозоръ. Онъ видѣлъ придворную жизнь, посольскіе съѣзды, иноземные дворы. Дьякъ и приказный человѣкъ, онъ интересовался прежде всего служебной стороною своей жизни и только служебныя свои воспоминанія записывалъ на память для себя, своихъ близкихъ и потомства. Его цѣлью, повидимому, было составить свою собственную разрядную, занеся въ нее всѣ тѣ назначенія и службы, какія казались ему достойными записи. Въ однихъ случаяхъ онъ писалъ по личнымъ своимъ воспоминаніямъ; въ другихъ заимствовалъ готовый разрядный матеріалъ, въ родѣ, напримѣръ, статей о посылкахъ царя Бориса къ воеводамъ послѣ битвъ 21 декабря 1604 года, и 20 января 1605 года [35]). Иногда же, повидимому, онъ пользовался воспоминаніями своихъ близкихъ; предполагаемъ, что такъ онъ записалъ, напримѣръ, любопытнѣйшія подробности погрома въ Таркахъ въ 1604 году или разсказъ о спасеніи арзамасскими и нижегородскими дворянами семи казаковъ на Восмѣ [36]). Самъ Баимъ врядъ ли бы могъ по моло-

---

селовскаго за слѣдующія доставленныя мнѣ свѣдѣнія: „Въ 7093 г. 5 мая упоминается въ Арзамасскомъ уѣздѣ помѣстье Матвѣя Болтина, изъ котораго часть была отдѣлена другому помѣщику. Былъ ли онъ живъ и почему часть его помѣстья была отдѣлена другому, неизвѣстно. (Помѣстн. Прик. По Арзамасу отказная кн. № 1, докум. № 17). Кромѣ Матвѣя въ Арзамасскомъ уѣздѣ прочно сидѣло цѣлое гнѣздо Болтиныхъ. Въ 7094 г. упоминаются помѣщики Тешскаго стана Иванъ Дмитріевъ сынъ, Иванъ, Ѳедоръ и Василій Михайловы дѣти Болтиныхъ. (Тамъ же, докум. № 24). Въ 110 г. 12 іюля по челобитью Ѳедора Михайлова Болтина ему были отдѣлены пустоши и полянки въ его помѣстную дачу въ 240 четей. Весь окладъ его — 500 четей. (Тамъ же, докум. № 168). Въ 134 г. 1 января въ Тешскомъ же стану упоминаются помѣстья Иваниса, Самсона и Аверкія Ѳедоровыхъ дѣтей Болтиныхъ. Въ челобитной они называли свои помѣстья старинными отца ихъ помѣстьями. (По Арзамасу отказная кн. № 5, докум. № 94). Въ 136 г. Иванису Болтину окладъ былъ 400 четей: въ дачѣ у него было въ Арзамасскомъ уѣздѣ 238 четей съ третникомъ. По его челобитью ему была отдѣлена поляна Сергасъ въ додачу къ окладу. (Тамъ же докум. № 130). Въ 147 г. 31 мая Баимъ Ѳедоровъ Болтинъ билъ челомъ государю, что его окладъ 1000 четей, „и за нимъ де помѣстья въ Арзамасѣ да въ Мещерѣ да на Алатырѣ 781 четь“. Въ другомъ челобитьѣ 147 г. онъ говорилъ, что у него въ этихъ же уѣздахъ въ дачѣ 811 четей безъ третника. (Отказная кн. № 8, докум. № 33). Онъ просилъ отдѣлить ему черный лѣсъ въ Тешскомъ стану „подлѣ его вотчинныя деревни Вонючки, Лукьяново тожъ, за рѣчкою за Вонючкою“ и т. д. Ему было отдѣлено. (Отказн. по Арзамасу, кн. № 8, докум. № 21)“.

[35]) Изборникъ, стр. 325—327; С. А. Бѣлокуровъ, „Разрядныя записи“, стр. 170—172; 196—198.

[36]) Изборникъ, стр. 321—323 и 335—336; срвн. С. А. Бѣлокуровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“. М. 1899, стр. CX.

дости своей участвовать въ дальнемъ походѣ на кумыковъ, откуда, кстати сказать, немногіе и спаслись; сверхъ того, если бы онъ былъ въ Таркахъ, то, разумѣется, съ городомъ, съ арзамасцами и, въ такомъ случаѣ, непремѣнно упомянулъ бы о своемъ „городѣ“ въ перечнѣ участниковъ похода, а этого упоминанія какъ разъ и нѣтъ въ его записи. Если бы, далѣе, Баимъ былъ самъ въ числѣ тѣхъ арзамасскихъ дворянъ, которые на Восмѣ отпросили казаковъ отъ казни, то онъ иначе, подробнѣе, построилъ бы разсказъ о разбояхъ Петрушки и его казаковъ на Волгѣ, а кромѣ того не преминулъ бы назвать свой „городъ“ въ составѣ войскъ, побѣдившихъ на Восмѣ; между тѣмъ, по ходу его изложенія, мы только сами можемъ заключить, что нижегородцы и арзамасцы, участвовавшіе въ бою, пришли на Восму съ воеводою Гр. Гр. Пушкинымъ изъ Арзамаса черезъ Серебряные Пруды и Дѣдиловъ. Предполагая здѣсь запись Баима не по личнымъ впечатлѣніямъ, а съ чужихъ словъ, мы, конечно, рискуемъ ошибиться. Быть можетъ, и въ этихъ случаяхъ, какъ во многихъ иныхъ, Баимъ самъ былъ участникомъ и очевидцемъ. Свои собственныя впечатлѣнія онъ обыкновенно записывалъ съ большою объективностью, говоря о себѣ всегда въ третьемъ лицѣ и присвоивъ себѣ отчество съ „вичемъ“ лишь тогда, когда ему далъ на то право служебный обычай его эпохи. Иногда Баимъ даже и вовсе не упоминалъ своего имени въ записяхъ о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ несомнѣнно лично участвовалъ: такъ было, напримѣръ, въ разсказѣ о зимнемъ походѣ подъ Новгородъ 1614 года. Такъ какъ своимъ записямъ Баимъ придавалъ привычную для служилаго человѣка форму разрядныхъ „статей“, то такой пріемъ былъ совершенно обыченъ и понятенъ.

Но время, въ которое Баиму пришлось жить и служить, было исключительнымъ по своему драматизму и богатству историческаго движенія. Самозванщина, разруха, тяжелыя войны съ чужими и своими— давали такое разнообразіе сильныхъ и яркихъ впечатлѣній, что ихъ нельзя было уложить въ короткія строки сухой разрядной отмѣтки. Неудержимо сказывалось желаніе закрѣпить для себя и для потомства подробности пережитаго и выстраданнаго. И вотъ разрядныя замѣтки постепенно вырастаютъ въ цѣлое повѣствованіе съ такими подробностями, какія не имѣютъ значенія для службы и мѣстническаго случая, но интересны въ былевомъ и бытовомъ смыслѣ. Дѣловой тонъ разряднаго писанія избавляетъ автора отъ необходимости облекать эти подробности въ вычурную форму книжной рѣчи, установленную литературными вкусами того времени, и этимъ обезпечиваетъ точность и непосредственность описанія. Авторъ, такимъ образомъ, вышелъ изъ казенныхъ рамокъ разрядной, но еще не дошелъ до искуственнаго литературнаго творчества. Онъ на той стадіи исторіографическаго искусства, которое даетъ хронику и наивный мемуаръ. Нѣчто въ такомъ именно родѣ и

создалъ Баимъ Ѳедоровичъ Болтинъ, написавъ въ видѣ хроники современныхъ ему событій какъ бы записки о своихъ службахъ. Словами своего современника онъ могъ бы сказать про себя: „елико чего изыскалъ, толико сего и написалъ“—„понеже бо онъ самъ сіе существенно видѣлъ и иные бо вещи отъ изящныхъ безприкладно слышелъ“.

Итакъ Столяровъ хронографъ не есть ни „лѣтописное сочиненіе мѣстнаго лѣтописателя“, ни „лѣтопись по офиціальному порученію“, ни, наконецъ, разрядная книга въ обычномъ смыслѣ термина. Если искать для памятника точнаго опредѣленія, то всего скорѣе можно его поставить на первомъ мѣстѣ между „записками“ русскихъ людей XVII вѣка, въ непосредственной близости съ записками князя С. И. Шаховского, отъ которыхъ трудъ Болтина отличается замѣчательною полнотою. Подробное изученіе Столярова хронографа съ этой точки зрѣнія очень желательно и можетъ дать интересные результаты.

11 декабря 1908 г.

Проф. С. Платоновъ.

III.

Кредитъ въ земскомъ хозяйствѣ XVII вѣка.

Возникновеніе земскаго самоуправленія, введеннаго грамотами XVII вѣка, отмѣнявшими правительственныхъ агентовъ областной администраціи и передававшими ихъ обязанности выборнымъ отъ земскихъ міровъ, не одновременно съ возникновеніемъ самыхъ земскихъ міровъ, которымъ самоуправленіе было предоставлено. Не такъ называемой реформѣ Ивана Грознаго, не губнымъ и земскимъ грамотамъ обязаны земскіе міры своимъ происхожденіемъ. Они возникли задолго до грамотъ, они выростали органически и складывались самою жизнью, хотя и не безъ воздѣйствія со стороны государства. Суть земской реформы XVI вѣка заключалась не въ созданіи этихъ общественныхъ союзовъ, а только въ томъ, что уже готовымъ, сложившимся и сформировавшимся союзамъ-мірамъ переданы были государственныя дѣла, до того времени поручавшіяся правительственнымъ агентамъ: сборъ тягла и отправленіе правосудія. Такимъ образомъ, земскіе міры изъ частно-правовыхъ союзовъ становились публично-правовыми организаціями. Правда, въ народныхъ взглядахъ значеніе „міра“ не ограничивалось этими частно-правовыми хозяйственными рамками, и міръ всегда разсматривался какъ высшій юридическій и даже нравственный авторитетъ, но съ середины XVI вѣка и государство, санкціонируя создавшіеся жизнью союзы, надѣляло ихъ правительственными полномочіями.

Такими публично-правовыми „мірами“ становились тѣ союзы, въ которые сложилось къ тому времени общежитіе: волости, представлявшія изъ себя группы деревень, всегда очень мелкихъ въ XVI и XVII вв., отдѣльные крупные неземледѣльческіе поселки — слободы и городскія поселенія — посады. Не вездѣ самоуправленіе этихъ міровъ оказалось одинаково прочнымъ. Въ центрѣ Московскаго государства самоуправленіе волостныхъ обществъ разрушалось дѣйствіемъ частнаго землевладѣнія и крѣпостного права. Свободная волость жаловалась въ вотчину землевладѣльцу. Нѣкоторое время она сохраняла еще свою цѣльность и весь свой строй подъ его властью; но затѣмъ дробилась при переходахъ по наслѣдству и отчужденіяхъ по частямъ. Члены волостного міра оказывались не болѣе, какъ крѣпостными людьми землевладѣльца, которыми онъ

могъ распоряжаться по произволу. Только на сѣверѣ, въ Поморьѣ, не знавшемъ ни служилаго землевладѣнія, ни связаннаго съ нимъ крѣпостного права, въ краю, гдѣ долго жили преданія новгородской свободы, земскіе міры продолжали свое дальнѣйшее развитіе. Правда, здѣсь имъ грозили аппетиты другого рода землевладѣльцевъ—монастырей, которыми они и поглощались, становясь монастырскими вотчинами. Но волость, жалуемая въ вотчину тому или другому монастырю, не терпѣла той судьбы, какую испытывала волость, попадавшая въ руки частнаго землевладѣльца. Ея цѣльность не разрушалась, потому что она не передавалась по наслѣдству и не отчуждалась по частямъ. Подъ защитой и руководствомъ монастыря волостной міръ продолжалъ быть такою же самоуправляющеюся единицей, какъ черная, государственная волость подъ надзоромъ воеводской власти, становящейся надъ мірами съ началомъ XVII вѣка.

Мірская организація развивается на поморскомъ сѣверѣ и подъ воеводской властью. Какъ и всякое развитіе, развитіе этой организаціи выражается въ двухъ параллельныхъ процессахъ: дифференціаціи и интеграціи земскихъ міровъ. Колонизація Поморья продолжается; возникаютъ новые мелкіе союзы путемъ дробленія старыхъ или выдѣленія изъ нихъ частей. Одновременно съ этимъ мелкіе союзы сосредоточиваются въ болѣе крупные; волостные міры во главѣ съ городомъ складываются во „всеуѣздный“ земскій міръ, земскую единицу, подобную нашему теперешнему губернскому земству, включающему въ себя и объединяющему уѣздныя. Каждая изъ этихъ земскихъ единицъ снабжена своими органами: волостное земство дѣйствуетъ посредствомъ волостного схода и избираемыхъ на этомъ сходѣ волостныхъ земскихъ властей. Депутаты отъ волостныхъ сходовъ собираются совмѣстно съ представителями города на всеуѣздный съѣздъ, который избираетъ агентовъ исполнительной власти въ видѣ „всеуѣздныхъ“ старостъ и судей.

Каждый изъ этихъ союзовъ: волостной, посадскій и всеуѣздный ведетъ свое хозяйство. Сѣверная волость, какъ и посадъ, были нерѣдко промысловыми союзами, коллективно эксплуатировали тотъ или иной сельскохозяйственный промыселъ, напр., сѣнной покосъ, рыбную ловлю. Но волость, посадъ и всеуѣздный міръ представляютъ изъ себя союзы, ведущіе также и денежныя операціи. Рѣчь идетъ здѣсь не о тяглѣ, не о сборѣ казенныхъ податей, бывшемъ изъ этихъ операцій самою значительною; но и помимо тягла у каждаго міра были денежныя траты на „мірскія издержки“, „мірскіе расходы“. Правда, по величинѣ эти послѣдніе несоизмѣримы съ казеннымъ тягломъ; ни сельскій, ни городской міръ XVII в. не знали еще тѣхъ широкихъ потребностей благоустройства, какія удовлетворяются современными намъ земствами. Но все же міру XVII в. приходилось имѣть общественную казну и тратить деньги на нѣкоторыя общія нужды и притомъ нужды не только матеріальнаго, но

и духовнаго порядка. Прежде всего денежныхъ затратъ изъ общей мірской волостной или посадской кассы требовало иногда самое владѣніе тѣми общими угодьями, на которыхъ міръ велъ промыселъ и которыя онъ снималъ на оброкъ у казны. Такъ, напр., волость Лузская Пермца Сольвычегодскаго уѣзда платила за казенные лѣса и рыбныя ловли, находившіеся у нея въ держаніи, 7 рублей ежегодно. Эти деньги и платились изъ общеволостныхъ средствъ. Если волость совпадала съ приходомъ, она общими средствами строила и содержала церковь, нанимала священника съ причтомъ, отводила имъ землю и, можетъ быть, не оставляла также безъ вниманія и тѣхъ келлій на церковномъ погостѣ, которыя служили цѣлямъ общественнаго призрѣнія и въ которыхъ жили нищіе. Соборный храмъ въ городѣ—центрѣ всеуѣзднаго міра—строился на средства этого міра. Такъ, напр., въ 1663 г. устюжское всеуѣздное земское собраніе постановило ассигновать 400 рублей изъ мірскихъ средствъ на достройку каменной соборной церкви [1]). Немаловажной статьей мірского расхода было содержаніе органовъ собственнаго же самоуправленія. Сюда относятся издержки по созыву волостного схода или всеуѣзднаго съѣзда, содержаніе для этихъ сходовъ иногда особыхъ мірскихъ дворовъ, разсылка повѣстокъ членамъ схода; далѣе, содержаніе выборныхъ должностей волостныхъ, посадскихъ и всеуѣздныхъ: старостъ, судей и др., называвшееся въ актахъ „наймомъ“, плата земскому дьячку, игравшему роль секретаря земства, содержаніе зданій, въ которыхъ имѣли свои засѣданія земскія власти: земской избы въ городѣ, особыхъ судебныхъ избъ, какія встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, а также городскихъ и волостныхъ тюремъ. Кромѣ постоянныхъ земскихъ властей міръ долженъ былъ выбирать, а иногда нанимать экстренныхъ агентовъ: цѣловальниковъ для различныхъ экстренно возникающихъ дѣлъ, ходоковъ по дѣламъ волости въ уѣздный городъ, посыльщиковъ волостныхъ и всеуѣздныхъ для тѣхъ же цѣлей въ Москву. Каждый изъ этихъ агентовъ, кромѣ получаемаго содержанія, тратилъ деньги на мірскія нужды, которыя потомъ и взыскивалъ съ міра, представляя счетъ. Самое отправленіе тягла, сборъ денегъ, хлѣбныхъ запасовъ или людей, напр., даточныхъ или работниковъ и отсылка ихъ въ уѣздный центръ или столицу требовали также многочисленныхъ дополнительныхъ расходовъ, которые входили въ составъ мірскихъ издержекъ. Наконецъ, на мірскія же плечи продолжало падать и содержаніе правительственной администраціи, гласное и негласное: подарки въ московскомъ приказѣ, подношенія мѣстному воеводѣ и всѣмъ мелкимъ чинамъ администраціи, постояннымъ и временно командируемымъ въ уѣздъ или волость, до послѣдняго разсыльщика включительно. Словомъ, каждое соприкосновеніе

[1]) Р. И. Б. XII, стр. 382.

земства съ правительственнымъ чиномъ сопровождалось для міра болѣе или менѣе значительнымъ расходомъ.

Для покрытія всѣхъ этихъ мірскихъ расходовъ, изъ которыхъ большая часть, шедшая на содержаніе правительственной администраціи и земскихъ выборныхъ, занятыхъ главнымъ образомъ также исполненіемъ требованій государства, а не удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ,— служила какъ бы прямымъ продолженіемъ и дополненіемъ казеннаго тягла, земскій міръ волостной, посадскій и всеуѣздный собиралъ средства съ своихъ членовъ путемъ самообложенія, правомъ котораго онъ пользовался. Цѣли и размѣръ самообложенія устанавливались на земскомъ собраніи, т.-е. на волостномъ или посадскомъ сходѣ и на всеуѣздномъ съѣздѣ. Вотъ примѣръ волостного приговора о самообложеніи на волостныя нужды: „Се язъ“, читаемъ въ приговорѣ волостного схода Утмановской волости Устюжскаго уѣзда, „земскій судья Михайло Ивановъ сынъ Поповыхъ да церковный староста И. Д. Меньшенинъ... и всѣ крестьяне Утмановской волости приговорили есмя и розрубили собрати сборному старостѣ С. П. Курдюмову Утмановскіе волости съ насъ крестьянъ: стольнику и воеводѣ П. Т. Измайлову да подьячему А. Мискову на праздничное на Петровское (т.-е. въ праздникъ Петрова дня) и на всякій мірской расходъ 9 рублевъ. Да въ никольскую кабалу въ $1^1/_2$ рубли, что займовали мірскіе люди, давали въѣзжее и въ почесть подьячему М. Протопопову съ товарищи; да ему старостѣ въ прежнюю издержку въ полтретья ($2^1/_2$) рубля“. Далѣе перечисляются еще нѣсколько статей мірскихъ расходовъ: по гривнѣ человѣку бывшимъ судьямъ и старостамъ съ 1666 по 1670 г. и 20 мірскимъ людямъ, которые ходили на Устюгъ Великій, будучи вызваны туда для допроса командированнымъ изъ Москвы стряпчимъ Е. Н. Хрущевымъ, производившимъ слѣдствіе о поборахъ и притѣсненіяхъ устюжской администраціи; такой же платежъ двумъ мірскимъ посыльщикамъ, которыхъ міръ посылалъ въ Устюгъ отстаиваться на правежѣ за волость въ податныхъ недоимкахъ; 2 гривны четыремъ сборнымъ старостамъ, „что они издержали на съѣзжемъ дворѣ писчаго“- т.-е. уплатили въ воеводской канцеляріи подьячимъ за писаніе разныхъ актовъ при взносѣ въ воеводскую канцелярію мірскихъ платежей; да судьѣ въ издержку 14 алтынъ, что издержалъ въ мірскомъ дѣлѣ и т. д. „И всѣхъ денегъ, заканчиваетъ приговоръ, „въ разрубѣ 20 руб. 18 алт...И тѣхъ денегъ розрубили брать съ выти по 18 алтынъ, въ томъ ему, старостѣ, и приговоръ дали“ [2]). Въ мартѣ 1631 г. бывшій сольвычегодскій всеуѣздный земскій староста Е. Бояркинъ, занимавшій эту должность въ 1629—1630 году, представилъ земскому собранію отчетъ въ

---

[2]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Приказн. дѣл. 1652 № 101.

издерживаемыхъ имъ въ годъ своего старощенья „мірскихъ всеуѣздныхъ деньгахъ“. Всего у него въ расходѣ значилось: 3643 р. 15 алтынъ. Изъ этой суммы 1434 р. 8 алт. 2 ден. пошло на содержаніе ямовъ и ямщиковъ, т.-е. казенной почты, бывшей однимъ изъ видовъ казеннаго тягла; далѣе въ одну статью въ этомъ отчетѣ соединены расходы въ 98 р. на строеніе храма св. Ильи Пророка, на жалованье казенному и тюремнымъ сторожамъ и „заплечному мастеру“; на ремонтъ двухъ земскихъ дворовъ 341 руб. 15 алт.; на ремонтъ тюрьмы и другіе необозначенные подробно расходы 319 руб. 20 алт. 4 ден.; далѣе: „воеводамъ и подьячимъ, и сыщикамъ, и проѣзжимъ воеводамъ харчи и на праздники, что ношено и что деньгами въ почесть давано — 943 руб. 31 алт.“; посыльщику, отправленному въ Москву для ходатайства по дѣламъ сольвычегодскаго земства... 10 руб. Остальное пошло на уплату по займамъ, сдѣланнымъ земствомъ, на погашеніе мірскихъ кабалъ выданныхъ разнымъ кредиторамъ [3]).

Любопытно, что очень нерѣдко для покрытія какъ причитающагося съ него тягла, такъ и своихъ мірскихъ расходовъ, земскій міръ прибѣгаетъ къ займамъ. Въ приведенномъ приговорѣ Утмановской волости упоминается „никольская кабала, что займовали мірскіе люди“, т.-е. заемъ, заключенный у Никольской церкви: указано и назначеніе займа: покрытіе экстреннаго расхода на подарки подьячимъ по случаю ихъ пріѣзда. Мірскія кабалы фигурируютъ и въ отчетѣ сольвычегодскаго всеуѣзднаго старосты. Вообще обращеніе къ кредиту служитъ однимъ изъ обычныхъ рессурсовъ земскаго хозяйства въ XVII в. Такъ, мы встрѣтили въ документахъ указанія на займы волостныхъ земствъ волостей въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ: Лальской, Утмановской, Пятницкаго сельца, Вилегодской: Никольскаго, Пречистенскаго и Покровскаго приходовъ, Вилегодской: Ильинскаго прихода, Ратмировскаго стана. Лузской Пермцы: Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ и Алексинскаго стана. Въ Устюжскомъ уѣздѣ: Пермогорской, Утмановской, Городищенской, Юрьева Наволока, Уфтюжской, Ярокурской, Ивановской, Орловской, Варженской, Ерогоцкой и становъ Комарицкаго, Вондокурскаго и Сухонскаго чернаго. Въ Устьянскихъ волостяхъ: Дмитріевской и Соденской волостей. Въ Чарондской округѣ Ротковской волости. Изъ уѣздныхъ земствъ намъ попались документы о займахъ: Устюжскаго, Сольвычегодскаго, Чердынскаго, Хлыновскаго, Чарондской округи. На Вяткѣ, какъ извѣстно, объединеніе земскихъ міровъ не ограничивалось уѣздами, шло дальше, и вятскіе пять уѣздовъ составляли вмѣстѣ высшее цѣлое „Вятскую землю“. Эта Вятская земля, какъ земская единица, занимаетъ деньги „всѣми пятью горо-

---

[3]) Ibidem. Пр. Д. 1632 № 30.

дами“ [4]). Обратить вниманіе на эту черту земскаго хозяйства XVII вѣка и ставитъ себѣ задачею предлагаемая статья.

Займы заключались, какъ гласятъ документы: „на мірской расходъ и на всякую земскую издержку“, „на волостное дѣло“, „для волостного земскаго дѣла“, „на волостную издержку“, и осуществлялись обыкновенно выборными земскими властями по уполномочію міра, которое иногда включалось въ самый избирательный протоколъ, составлявшійся при избраніи земскихъ властей, въ такъ называемый „выборъ“, скрѣплявшійся подписями избирателей [5]). Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ въ избирательный протоколъ вносилась оговорка о томъ, что мірскія выборныя власти могутъ производить займы не иначе, какъ по спеціальному приговору міра [6]). Въ 1638 г., когда между Яхренгскою волостью Устюжскаго уѣзда и ея посыльщикомъ, отправленнымъ на Устюгъ, возникло недоразумѣніе по поводу сдѣланнаго имъ мірского займа, дошедшее до судебнаго разбирательства у воеводы, послѣдній получилъ предписаніе изъ приказа навести справку о мірскомъ полномочіи на заемъ, „досмотрѣть“ посыльную запись посыльщика и только въ томъ случаѣ, если посыльщикъ занималъ деньги „по мірскому велѣнью“, воевода долженъ былъ удовлетворить его претензіи къ міру [7]). Въ другихъ случаяхъ наличность мірского полномочія на заемъ удостовѣрялась очной ставкой занимавшихъ деньги мірскихъ агентовъ съ старостами и мірскими людьми, которые вызывались къ допросу. Такъ, при взысканіи устюжскимъ Архангельскимъ монастыремъ по кабаламъ съ трехъ волостей Устюжскаго уѣзда: Орловской, Ерогоцкой

---

[4]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199, л. 241—42; 1628 № 13, Пятницкое сельцо; 1628 № 72, Вилегодская вол.; 1638 № 14, Вилегодск. вол.; 1638 № 70, Ратмировскій станъ; 1640 № 79, Луэская Пермца; 1628 № 72, Пермогорская вол., Утмановская вол.; 1631 № 56, Городищенская вол.; 1633 № 13, Алексинскій станъ; 1636 № 76, челобитье Арханг. Устюжскаго монастыря на волостные міры, обращавшіеся къ кредиту; 1630 № 81, л. 10. Устьянская Дмитріевская волость, 1641 № 86, Устьянская Соденская волость; 1641 № 30, Чарондской округи Ротковская вол. Займы всеуѣздныхъ міровъ: Устюжскаго: Пр. Д. 1626 № 15; 1627 № 67, л. 22—23; 1628 № 72; 1631 № 55; 1634 № 29, л. 11—18; 1635 № 21, л. 12; 1646 № 148; 1655 № 52. Сольвычегодскаго: Пр. Д. 1632 № 30. Чердынскаго: Пр. Д. 1636 № 81. Хлыновскаго: Пр. Д. 1628 № 64. Чарондскаго: Пр. Д. 1639 № 44. Вятской земли: Пр. Д. 1623 № 32.

[5]) Пр. Д. 1628 № 72: „а въ выборѣ у него старосты (устюжскаго ямского старосты) написано, что они, судьи, и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне, ему, старостѣ, на ямскіе отпуски и на всякую мірскую издержку деньги велѣли займовать“.

[6]) Пр. Д. 1636 № 6. Выборъ Сухонскаго Нововышлаго стана Устюжск. у.: „а въ кабалы судьѣ и старостѣ безъ мірского вѣдома не займовать на мірское дѣло“.

[7]) Пр. Д. 1638 № 14.

и Вондокурскаго стана, воеводѣ, разбиравшему это дѣло, велѣно было Устюжской четвертью, куда обратился монастырь, дать очную ставку занимавшимъ деньги мірскимъ агентамъ съ старостами и крестьянами волостей и разслѣдовать, по ихъ ли мірскому велѣнью и на мірскіе ли расходы были заняты деньги [8]). Въ 1633 г. или въ 1634 г. (7142 г.) устюжскій земскій судья Иванъ Завалинъ, будучи по дѣламъ въ Москвѣ, занялъ для погашенія прежнихъ долговъ устюжскаго земскаго міра 400 рублей у знаменитаго національнаго героя боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который вообще, какъ видно изъ сохранившихся его челобитныхъ, давалъ деньги въ ростъ. Въ срокъ, который истекъ на Рождествѣ 1634 г., деньги не были возвращены, и въ маѣ 1636 г. кн. Пожарскій отправилъ на Устюгъ по этому дѣлу своихъ „людей“: А. Брызгалова и Лаврина. Устюжскій воевода вызвалъ къ отвѣту весь составъ земскихъ властей, служившихъ по выборамъ съ Завалинымъ. Послѣдній показывалъ, что заключилъ заемъ на мірскую издержку на основаніи полномочій, значащихся въ его выборѣ и данныхъ ему особыми мірскими приговорами съ согласія своихъ товарищей по земскому управленію: „по ихъ, товарищей своихъ и по мірскому велѣнью, и по выбору, и по одиначной памяти мірскихъ людей за ихъ руками“, при чемъ представилъ воеводѣ эти документы. Одинъ изъ товарищей Завалина, бывшій „судецкій староста“ Б. Ростовецъ отрицалъ свое участіе въ займѣ и заявлялъ, что „тотъ Иванъ Завалинъ, будучи на Москвѣ, оболгалъ боярина кн. Д. М. Пожарскаго, занялъ у него въ кабалу денегъ, сказавъ на мірскую издержку. А у него Ивана Завалина отъ міра посыльные не было, что деньги займовать на мірскую издержку, и не для мірского дѣла онъ, Иванъ, былъ на Москвѣ“. Чтобы провѣрить представленные Завалинымъ выборъ и приговоръ, воевода вызвалъ мірскихъ людей, приложившихъ къ нимъ руки. „И іюня въ 1 день“, допосилъ воевода въ Москву, „пришли къ намъ, холопамъ твоимъ, изъ земскіе избы устюжане посадскіе люди Иванъ Омельяновъ, Павелъ Кабановъ и всѣ устюжане посадскіе люди лучшіе и середніе, и молодшіе, и многіе волостные крестьяне, и въ съѣзжую избу и сѣни, и на площадь ихъ мірскихъ людей нашло полно“. Черезъ бирича собравшіеся заявили воеводѣ, что Завалина міръ въ Москву не посылалъ и занимать деньги не уполномочивалъ. Тогда воевода распорядился объ отдачѣ Завалина и его товарищей Я. Кожевника и Г. Губина на поруки въ томъ, что имъ явиться въ Устюжскую четверть, въ которой былъ возбужденъ искъ кн. Пожарскимъ [9]).

---

[8]) Пр. Д. 1638 № 70.

[9]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 12, 33—37. Другія дѣла Пожарскаго см. Пр. Д. 1635 № 77.

Иногда міръ избиралъ особыхъ лицъ спеціально для заключенія займа. „Се язъ, судья Н. Никифоровъ“, читаемъ мы въ приговорѣ Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ волости Лузской Пермцы, „да цѣловальникъ А. Ивановъ, да А. Никитинъ... да и всѣ крестьяне Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ выбрали есмя и послали къ Сысолѣ денегъ займовать Іуду Леонтьева да Ермолу Акимова, гдѣ будетъ тѣмъ посыльщикамъ можно деньги занять и кабалы давать на себя по сей посыльной, какъ гдѣ можно занять. А деньги занять на мірской расходъ. А тѣ намъ заемныя кабалы міромъ выкупать, у кого на Сысолѣ деньги займутъ. А имъ посыльщикамъ, убытка намъ по заемнымъ кабаламъ не привести; а выкупать намъ тѣ заемныя кабалы мірскими сборными деньгами“ [10]). Такимъ образомъ уполномоченнымъ предоставлялось найти кредитора и опредѣлить условія займа; они обязывались только не причинить міру займомъ убытка, т.-е. заключить его на возможно болѣе выгодныхъ для міра условіяхъ. Бывали случаи, когда мірской выборный староста, цѣловальникъ или посыльщикъ-ходатай по земскимъ дѣламъ, когда дѣло не терпѣло отлагательства, въ особенности, когда приходилось дѣйствовать вдалекѣ отъ міра, напр. въ уѣздномъ городѣ или въ Москвѣ, если не доставало имѣвшихся при немъ мірскихъ денегъ, перехватывалъ, гдѣ могъ, деньги на мірскія издержки и безъ мірского полномочія и послѣ считался съ міромъ, всегда, впрочемъ, подвергая свой карманъ риску. Такъ разрубной цѣловальникъ Алексинскаго стана Устюжскаго уѣзда въ отчетѣ объ исправленіи должности различаетъ займы для волостного земскаго дѣла, которые онъ въ теченіе своего года заключилъ съ волостными людьми, отъ тѣхъ, которые онъ заключилъ одинъ, дѣйствуя безъ мірского полномочія [11]). Недоразумѣнія и столкновенія волостей и уѣздныхъ земствъ съ ихъ выборными по поводу мірскихъ кабалъ происходили постоянно, и въ значительномъ количествѣ случаевъ свѣдѣнія о земскихъ займахъ мы и почерпаемъ изъ документовъ, составленныхъ благодаря такимъ столкновеніямъ, иногда кончавшимся міромъ, иногда приводившимъ къ судебному разбирательству.

Самая кабала писалась обыкновенно на имя уполномоченнаго, заключавшаго заемъ, съ упоминаніемъ о цѣли займа и дѣйствительномъ коллективномъ заимщикѣ, представителемъ котораго являлся уполномоченный; говорилось, что деньги взяты, напр., „на земскій мірской расходъ во всю такую-то волость“. Взысканіе предъявлялось къ уполномоченному, и онъ выступалъ въ этомъ случаѣ отвѣтчикомъ, а потомъ уже въ свою очередь вѣдался съ міромъ [12]). Иногда же кабала писалась

[10]) Пр. Д. 1640 № 79.

[11]) Пр. Д. 1633 № 13.

[12]) Пр. Д. 1630 № 81, л. 10 „Списокъ съ кабалы слово въ слово. Се язъ Костянтинъ, а прозвищемъ Пьянка Агафоновъ сынъ Роскотого, Устьянскихъ во-

отъ имени всего міра, обозначавшагося въ той формѣ, въ которой онъ обозначался въ мірскихъ приговорахъ, и тогда взысканіе предъявлялось непосредственно къ міру [13]). Иногда мірской заемъ обезпечивается поручительствомъ частныхъ лицъ, на которыхъ также простирается взысканіе въ случаѣ неуплаты долга міромъ [14]). Мірскія кабалы переходили по рукамъ, какъ теперешніе векселя, передавались по наслѣдству и принимались наравнѣ съ деньгами въ погашеніе долговыхъ обязательствъ. Такъ Антоніевъ Сійскій монастырь пріобрѣлъ мірскую кабалу, выданную пинежскими и мезенскими заказчиками нѣкоему Ю. К. Попову, у котораго они занимали деньги на земскіе расходы, а этимъ Ю. К. Поповымъ отданную въ монастырь въ уплату его долга. Печенгскій монастырь пріобрѣтаетъ такимъ же порядкомъ мірскую кабалу Спасскаго стана Двинскаго уѣзда, выданную подьячему Спиридонову, у котораго міръ занималъ деньги [15]).

лостей Дмитріевскіе сошки крестьянинъ, *волостной посыльщикъ*, занялъ есми на Москвѣ у государева стремянного стрѣльца Лукьянова приказу Ивановича Мясного у Тимофея Иванова 15 руб. денегъ московскихъ ходячихъ марта отъ перваго числа да до Троицына дни нынѣшняго 133 году. А занялъ я, Костянтинъ, а прозвищемъ Пьянка, эти деньги *въ мірской расходъ въ челобитье*. А давати мнѣ сему на эти деньги свершку на всякій рубль на недѣлю по грошу до сроку. А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ ему на тѣ деньги потому жъ свершекъ давати на всякой рубль на недѣлю по грошу, сколько учну тѣ его деньги за собою держати. А на то послуси: Жданъ Григорьевъ да Семенъ Лавринъ. А кабалу писалъ Михалко Аврамовъ. Лѣта 7133".

[13]) Пр. Д. 1628 № 72. „Царю государю... бьетъ челомъ твоя государева сирота уѣзда Соли Вычегодскіе Кирилко Исаковъ. Взяти, государь, мнѣ Вилегодскіе волости Никольскаго и Пречистенскаго приходу по братнѣ кабалѣ Пятого Исакова на прошломъ розрубномъ цѣловальникѣ на Козьмѣ Ивановѣ сынѣ Тороповѣ да на Несторѣ Петровѣ, на Козьмѣ Елисѣевѣ, на Савѣ Васильевѣ Козицынѣ, на Афанасьѣ Петровѣ Гаева, на Жданѣ Верещагинѣ и на всѣхъ крестьянѣхъ истину 100 руб... Да мнѣ же, государь, взяти по даной брата моего Ерофея на крестьянѣхъ Вилегодскіе волости Никольскаго и Пречистенскаго приходу на прошломъ розрубномъ цѣловальникѣ на Петрѣ Ивановѣ сынѣ Шишкѣ да на (перечислено 12 именъ) и на всѣхъ крестьянѣхъ Никольскаго, Покровскаго и Пречистенскаго приходовъ, что заняли у Федора Тимофеева сына Тараканова 22 рубля на мірской расходъ на сибирскій на хлѣбной запасъ.

[14]) Пр. Д. 1638 № 70. „Царю государю... бьютъ челомъ нищіе твои государевы богомольцы Устюга В. Архангельскаго монастыря архимандритъ Пафнутій съ братіею. Жалоба, государь, намъ Устюжскаго уѣзду Вондокурскаго стану на прошлыхъ судеекъ на Г. И. Преловскаго да на Г. Бѣляева сына Викторова, да того же стану на крестьянъ на А. Р. Сухнева, на И. Л. Чупановскаго и на всѣхъ крестьянъ, *да на поручиковъ на ихъ*, на И. Юрьева да на В. Д. Кострова съ товарищи. Взяти, государь, намъ по кабалѣ на тѣхъ заимщикахъ и на поручикахъ, и на всѣхъ крестьянѣхъ 100 руб. денегъ да на тѣ деньги ростъ на пять шестой. А тѣ, государь, деньги займовали они, судейки, и всѣ крестьяне въ 141 г. на мірскую на волостную издержку.

[15]) Пр. Д. 1638 № 36.

Монастыри въ этихъ случаяхъ какъ бы играютъ роль банкирскихъ домовъ, занимающихся учетомъ земскихъ векселей.

Какъ извѣстно, монастыри вообще занимались широкими операціями кредита и между прочимъ выдавали ссуды земскимъ мірамъ [16]). На ряду съ монастырями, обычными кредиторами земствъ являются капиталисты изъ своей же посадской или крестьянской братіи; но встрѣчаемъ также и представителей бѣлаго духовенства и аристократическихъ титулованныхъ фамилій. Такъ напр., Лальская волость Сольвычегодскаго уѣзда занимаетъ деньги у извѣстныхъ богачей изъ мѣстныхъ сольвычегодскихъ крестьянъ Авдѣя и Дмитрія Паламошныхъ [17]). Посыльщикъ Утмановской волости Устюжскаго уѣзда, будучи на Устюгѣ по волостнымъ дѣламъ, обратился за деньгами на мірскую издержку къ четыремъ кредиторамъ: занялъ у дьякона С. Патрикѣева 15 р., у К. Я. Усова 4 р., у крестьянина Яхренгской волости Коковина 10 р. и у крестьянина Енанской волости А. И. Барана 2 р. [18]). Устюжскій всеуѣздный міръ за время съ 20-хъ по 60-е годы XVII вѣка кромѣ Архангельскаго монастыря и церкви Прокопія Чудотворца, у которой міръ занялъ 400 р. въ 1663 г. на достройку каменнаго соборнаго храма, бралъ ссуды у нѣсколькихъ членовъ видной устюжской коммерческой фамиліи Босыхъ: Василія, Алексѣя и Кирилла и у другихъ устюжскихъ капиталистовъ: Исаака Ревякина и Василія Федотова, входившихъ въ составъ высшихъ московскихъ купеческихъ корпорацій гостей и гостиной сотни, но не утратившихъ связи и съ роднымъ имъ устюжскимъ обществомъ и поддерживавшихъ его ссудами. Ссуда у гостиной сотни Василія Федотова, взятая въ 1646 г. на уплату податей, достигала крупнаго размѣра въ 2275 руб. слишкомъ. Среди кредиторовъ Устюжскаго всеуѣзднаго земства были между прочими князь Никифоръ Бѣлосельскій, давшій 100 руб. и, хотя и по недоразумѣнію, какъ было сказано выше, кн. Д. М. Пожарскій. Кредиторами земства оказываются иногда мѣстные воеводы. Такъ цѣловальникъ Алексинскаго стана выкупаетъ въ 1615 году кабалу у сольвычегодскаго воеводы С. В. Голенищева въ 100 р. Цѣловальникъ Обвинскаго стана въ 1636 г. занялъ въ Чердыни у чердынскаго воеводы Н. Телѣгина также 100 руб., „на сибирскіе отпуски и на земскіе расходы для скораго дѣла, въ которую пору у меня земскихъ денегъ не случилось“, какъ пишетъ этотъ цѣловальникъ. Къ займу у того же воеводы прибѣгалъ и чердынскій всеуѣздный міръ [19]).

---

[16]) См. нашу книгу „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ I, гл. VI.

[17]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199.

[18]) Пр. Д 1638 № 14.

[19]) Пр. Д. 1633 № 13; Пр. Д. 1636 № 81.

Размѣры ссудъ волостнымъ земствамъ въ тѣхъ случаяхъ, которые пришлось наблюдать, колеблются отъ 2 руб. до 300 руб.; наибольшая изъ нихъ получена Вондокурскимъ станомъ Устюжскаго уѣзда, отъ Архангельскаго Устюжскаго монастыря. Но общая задолженность волостныхъ земствъ, несмотря на такія небольшія величины отдѣльныхъ ссудъ, достигала иногда очень значительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., долгъ Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда къ 1639 г. доходилъ до 4000 руб. [20]). Займы уѣздныхъ земствъ были, разумѣется, больше. Устюжское земство жаловалось, что ему пришлось въ 1631 г. на удовлетвореніе разныхъ казенныхъ требованій занять за высокіе проценты болѣе 1000 р.: „назаймовано въ міру въ разныхъ мѣстѣхъ изъ великаго понедѣльнаго росту больше тысячи рублевъ“ [21]). Въ 1646 г. оно, какъ мы видѣли выше, сдѣлало сразу заемъ въ 2275 р.; займы въ 400, 600 рублей не рѣдкость для этого земства.

Условія займовъ, на которыя соглашались земства, были очень тяжелы. Кабала обыкновенно писалась на сумму вдвое, а иногда и втрое большую истины, т.-е. количества денегъ, на самомъ дѣлѣ полученнаго въ долгъ, и не потому ли цифра дѣйствительнаго взятаго займа и называлась „истиной“ сравнительно съ той вздутой *ложной* цифрой, которая писалась въ кабалѣ? Такъ цѣловальникъ Лальской волости, занимая у А. и Д. Паламошныхъ 60 р., выдалъ на этотъ заемъ двѣ кабалы: въ 80 и 40 р., всего, слѣдовательно, на 120 руб. Цѣловальникъ Устьянской Соденской волости М. Сухоносовъ, посланный изъ волости въ Москву съ данными и оброчными деньгами, занялъ въ Москвѣ на мірскую издержку у своего земляка, тоже устьянца Чадромской волости Д. Пономарева 4 р,, выдавъ ему при этомъ кабалу на 8 руб. [22]). Упоминавшійся выше посыльщикъ Утмановской волости, занявшій на Устюгѣ у четырехъ лицъ деньги въ суммахъ: 15 р., 10 р., 4 р. и 2 р., выдалъ на себя три двойныя кабалы, а одну въ $2^1/_2$ раза больше „истины“, именно въ 30, 20, 10 и 4 руб. Обвинскій земскій цѣловальникъ, взявшій взаймы у чердынскаго воеводы 100 р., выдалъ кабалу на 300 руб. Тѣ же явленія и при займахъ уѣздныхъ земствъ. Устюжскій земскій міръ, занимая въ 1633 г. у Кирила Босого 600 р., выдалъ ему кабалу на 1200 р. [23]). Точно также двойная кабала на 200 р. была дана тѣмъ же міромъ Архангельскому монастырю въ 1649 г. при займѣ въ 100 р., а при займѣ у гостиной сотни Исаака Ревякина въ 1643 году въ 150 р.,

---

[20]) Пр. Д. 1638 № 70.

[21]) Пр. Д. 1626 № 15.

[22]) Пр. Д. 1641 № 86.

[23]) Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18: „И земскіе судьи... съ нами съ мірскими людьми деньги заняли у Кирила Босого 600 р. денегъ, а дали на себя кабалу въ двунадцати стахъ рублехъ“.

кабала была написана даже на 400 р. [24]). Двойныя кабалы писались обычно и при частныхъ займахъ того времени, и этотъ обычай писать кабалу съ двойною валютою возводится въ норму судебникомъ 1589 г. гдѣ читаемъ: „а кабалы писати на крестьянъ вдвое“ [25]). Его происхожденіе можно объяснить, припомнивъ общепринятый тогда размѣръ процента при долгосрочныхъ займахъ, „на пять шестой“ — 20%, размѣръ, о которомъ говоритъ судебникъ 1589 г. и который затѣмъ былъ установленъ закономъ 1626 г. [26]). И судебникъ и законъ разрѣшаютъ взимать такой ростъ только въ теченіе пяти лѣтъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока „истина“ удвоится, „какъ истина съ ростомъ сравняется“. Очевидно, что эта удвоенная истина и обозначалась въ валютѣ кабалы, которую судебникъ и предписываетъ взыскивать съ должника, подразумѣвая пятилѣтній срокъ займа: „а въ чемъ кабала писана, то и справити“ [27]). Взимать 20%-ный ростъ сверхъ пяти лѣтъ, т.-е. взыскивать съ должника болѣе двойной суммы долга, воспрещалось.

Монастыри давали земствамъ деньги по узаконенному %, на пять шестой на долгіе сроки. Такъ напр., Архангельскій монастырь, ссудивъ Вондокурскому стану въ 1633 году 300 рублей изъ роста на пять шестой, предъявляетъ ему взысканіе именно черезъ пять лѣтъ въ 1638 г., и такъ какъ часть долга была уже погашена станомъ, то ищетъ остальныхъ недоплаченныхъ истины и роста въ размѣрѣ 430 руб. [28]). При займахъ, заключаемыхъ у частныхъ лицъ, въ кабалѣ прописывается

---

[24]) Пр. Д. 1649 № 8; 1655 № 52.

[25]) Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича, ст. 23.

[26]) Суд. Ѳ. I. ст. 23. „А ростъ правити за пять лѣтъ, а далѣ пяти лѣтъ росту не правити, а кабалы писати на крестьянъ вдвое, а ростъ правити на пять шестой, а въ чемъ кабала писана, то и справити“. А. И. III № 91, XIV: „134 г. марта въ 8 д... указали: объ ростѣхъ, какъ истина съ ростомъ сравняется въ пять лѣтъ, и ростъ имать на пять лѣтъ, а затѣмъ сверхъ пяти лѣтъ росту не имать“.

[27]) Уставная Грамота Лузской Пермцы Сольвыч. у. времени Ивана Грознаго: „А ростъ бы всякимъ людемъ указывати по кабаламъ, которыя были кабалы писаны съ тѣхъ мѣстъ, какъ въ судъ положатъ, *за пять лѣтъ* или меныши. И которыя кабалы писаны съ тѣхъ мѣстъ далѣ пяти лѣтъ, а ростъ будетъ въ нихъ хотя и написанъ, и по тѣмъ кабаламъ росту далѣ пяти лѣтъ на отвѣтчикахъ не указывати“. Чт. О. И. Др. 1907 кн. 1, смѣсь, стр. 44. Иное объясненіе 23-й статьѣ судебника 1589 г. даетъ проф. Владимірскій-Будановъ, видящій въ ней почему-то нелѣпость. „Есть здѣсь же, пишетъ онъ, и третье новшество, но совершенно непонятное, быть можетъ по испорченности текста, именно: на крестьянъ кабалу предписывается писать вдвое. Въ буквальномъ смыслѣ этотъ текстъ представляетъ только нелѣпость; но авторъ имѣлъ въ виду что-то сказать о спеціальныхъ особенностяхъ кабалы на крестьянъ“. *Владимірскій-Будановъ*, Судебникъ 1589 г., его значеніе и источники, стр. 53.

[28]) Пр. Д. 1638 № 70.

тотъ же размѣръ %, напр., „а сколько за мною заемщикомъ деньги, побудутъ, и ростъ давать на пять шестой“, какъ читаемъ въ кабалѣ посыльщика Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда [29]). Но при краткосрочныхъ займахъ % былъ гораздо выше. Расчетъ на пять шестой на этой Ратмировской кабалѣ былъ упомянутъ на тотъ случай, если бы деньги не были возвращены долгое время; но посыльщикъ бралъ ихъ на короткій срокъ, какъ это можно видѣть изъ сдѣланной на кабалѣ ниже ея текста замѣтки: „кабала писана вдвое на (84 руб. вмѣсто 40 руб. истины), росту сулено по 2 деньги на день“, разумѣется на рубль, т.-е. 1% въ день. Другая отмѣтка на той же кабалѣ показываетъ, во-первыхъ, что въ самомъ дѣлѣ расплата была учинена скоро: заемъ былъ сдѣланъ 20 октября и уже погашенъ 11 декабря того же 140 года, и во-вторыхъ, что условія, на которыхъ былъ сдѣланъ дѣйствительный расчетъ, были не согласны съ тѣми, какія были посулены: % расчитаны были понедѣльные, а не дневные. „Истины платилъ“, замѣчаетъ посыльщикъ, 40 р. да росту на полосьмы недѣли два рубля восемь гривенъ“, слѣдовательно расчетъ былъ сдѣланъ изъ 48% годовыхъ. По другой кабалѣ той же Ратмировской волости, по которой было занято 10 руб., при обозначенной въ кабалѣ валютѣ въ 20 р., цѣловальникъ заплатилъ 10 руб. истины, „да росту понедѣльнаго на всякой рубль на всякую недѣлю по 4 деньги, итого 1 р. 4 д.“, слѣдовательно заемъ былъ по 2% въ недѣлю и погашенъ былъ черезъ пять слишкомъ недѣль [30]). „Занялъ на мірскую издержку въ кабалы 12 рублевъ денегъ“, читаемъ въ челобитной цѣловальника Утмановской волости Сольвыче-

---

[29]) Пр. Д. 1638 № 70: „Се язъ Павелъ Анисимовъ сынъ Смирѣного, Ратмеровскіе волости посыльщикъ, занялъ есми по своей посыльной на ямскіе отпуски Бажену прошлому старостѣ во всю Ратмеровскую волость у Василья Федорова сына Соловьева Соли Вычегодской у посадскаго человѣка 84 рубля денегъ московскихъ ходячихъ октября въ 20 день. А сколько за мною заимщикомъ деньги побудутъ, и ростъ давать на пять шестой. Почнусь заимщикъ платить за приставомъ, и всѣ убытки кабальныя на мнѣ на заемщикѣ. А гдѣ меня заимщика кабала застанетъ, подъ которымъ судомъ ни будь, тутъ по ней судъ и правежъ съ убытки и съ волокитою. А кто за сей кабалою станетъ, тотъ ей истецъ. На то послуси: Иванъ Антоновъ сынъ Шкулевъ да Баженъ Ивановъ сынъ Бѣлобородовъ. Кабалу писалъ всеуѣздный ямской дьячекъ Пашка Федосѣевъ сынъ Поповъ. Лѣта 7140“. *Другой рукой:* „Кабала писана вдвое, росту сулено по 2 деньги на день“.

На оборотѣ: „послухъ Иванко Шкулевъ руку приложилъ“.

„140 г. декабря въ 11 день выкупилъ кабалу посыльщикъ заимщикъ Павелъ мірскими сборными деньгами, истины платилъ 40 руб. да росту на полосьмы недѣли два рубли восемь гривенъ. У платежу были: Баженъ Гавриловъ Нечаевъ да Семенъ Филиповъ. Подписалъ на кабалѣ Петрушка Григорьевъ Соловьевъ, а выкупилъ тѣми деньгами, что занялъ у Бажена Курбатова“.

[30]) П. Д. 1638 № 70. Мірскія кабалы Ратмировской волости.

годскаго уѣзда въ 1627 г., „а кабалы на себя давалъ двойныя и тройныя и на тѣ деньги сулилъ ростъ понедѣльный по алтыну на рубль“ — 3% въ недѣлю, слѣдовательно 156% годовыхъ [31]). Итакъ, условіе о ростѣ на пять шестой вносилось въ кабалы на случай ихъ просрочки, обращенія займа въ долгосрочный и взысканія по суду, который не допустилъ бы большаго процента, по крайней мѣрѣ съ 1626 г. Нужда въ средствахъ побуждала сѣверныя земства въ XVII в. прибѣгать къ краткосрочному кредиту, „суля“ за него огромные понедѣльные и даже дневные проценты. Отсюда понятны постоянныя жалобы земствъ на дороговизну кредита, на разорительные „великіе понедѣльные росты“, на которые они принуждены были соглашаться. Въ 1630 г. Устюжскій всеуѣздный міръ искалъ выхода изъ этого затрудненія, возбудивъ ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи брать безпроцентныя ссуды изъ мѣстнаго устюжскаго таможеннаго и питейнаго управленія на короткіе сроки [32]). Ходатайство было уважено, такъ что устюжская таможенная изба получила значеніе какъ бы отдѣленія государственнаго банка. Но этотъ случай былъ если не единственнымъ, то все же повторялся не часто; государственный кредитъ земствамъ, очевидно, не былъ распространеннымъ явленіемъ, иначе имъ незачѣмъ было бы прибѣгать къ частному.

М. Богословскій.

---

[31]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 241.

[32]) Пр. Д. 1631 № 55: „Милосердый государь,... пожалуй насъ своихъ царскихъ богомольцевъ и устюжанъ посадскихъ людей, и всего уѣзда волостныхъ крестьянъ, вели, государь, давати на время взаймы изъ своихъ государевыхъ изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ денегъ... на мѣсяцъ и на два или на три“.

IV.

Положеніе губернатора

въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка.

Основанный 18 октября 1731 г. „Кабинетъ Ея Императорскаго Величества“—какъ обычно называется въ актахъ Кабинетъ министровъ—весьма скоро сдѣлался сосредоточіемъ всего верховнаго управленія имперіею и въ него отовсюду постоянно стекались всякаго рода извѣстія, доношенія, репорты, сообщенія и т. п. Не со всѣмъ этимъ обширнымъ матеріаломъ справлялся Кабинетъ, многое оставалось безъ движенія, многое передавалось на разработку въ Пр. Сенатъ, но часть указанныхъ данныхъ подвергалась обсужденію и затѣмъ,—въ виду указовъ, или резолюцій, то императрицы, то кабинетъ-министровъ—разсылалась въ подлежащія мѣста къ исполненію. Между множествомъ этихъ входящихъ въ Кабинетъ бумагъ находилось немало донесеній мѣстныхъ правителей. Такъ, напр., извѣстный князь А. И. Шаховской, стоявшій во главѣ управленія Малороссіею въ 1734—1737 гг., не только возбуждалъ изъ своей резиденціи рядъ вопросовъ, касавшихся управленія краемъ, но и самъ принималъ непосредственное участіе въ совѣщаніяхъ „кабинетныхъ министровъ“ о дѣлахъ, представленныхъ отъ него въ Кабинетъ [1]). Или, далѣе, напр., кн. Б. И. Юсуповъ, назначенный въ ноябрѣ 1738 г. московскимъ вице-губернаторомъ, въ мартѣ слѣдующаго года вошелъ въ Кабинетъ съ обширнымъ доношеніемъ, состоявшимъ изъ 11-ти пунктовъ, по особенно-любезному данному времени вопросу—„о поправленіи въ сборахъ государственныхъ доходовъ, и какія въ томъ происходятъ невозможности, и объ опредѣленіи къ нему, для исправленія множественныхъ, по указамъ, дѣлъ, помощниковъ и приказныхъ служителей“ [2]). Резолюціей Кабинета отъ 29-го марта Сенату предписывается „о всемъ томъ, чего требуетъ кн. Юсуповъ, справясь съ указами и прежними опредѣленіями, разсмотрѣть, при чемъ

---

[1]) См. изданныя нами „Бумаги Кабинета министровъ“, Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества, т. CVIII, стр. 55 и сл., стр. 292, 324 и сл., 339 и сл., 465—469 и др.

[2]) Ibidem, томъ CXVI, стр. 275.

и ему, князю Юсупову, быть и опредѣленіе учинить въ Пр. Сенатѣ въ самой скорости, а чего Пр. Сенатъ собою учинить не можетъ, о томъ мнѣніе свое, для апробаціи, подать въ Кабинетъ“ (ib., стр. 293—301). Въ апрѣлѣ того же года, Сенатъ внесъ въ Кабинетъ обширный по дѣлу экстрактъ, при чемъ Кабинетъ частію согласился съ разсужденіями Сената, а частью затребовалъ новыхъ мнѣній („о камерирахъ и прочихъ, подобныхъ тому, судьяхъ и пр.“) отъ самого Пр. Сената (ib., стр. 429—446). Такъ, наконецъ, „на высокомудрое разсужденіе“ Кабинета были представлены „пункты“ иркутскимъ вице-губернаторомъ Лангомъ, по которымъ состоялась резолюція Кабинета, отъ 11 октября 1739 г., о разсмотрѣніи ихъ предварительно въ Пр. Сенатѣ и о представленіи затѣмъ о нихъ, со мнѣніемъ, въ Кабинетъ [3]). Не продолжая далѣе нашего обзора доношеній мѣстныхъ правителей о нуждахъ ихъ губерній, остановимся особо лишь на двухъ изъ нихъ, а именно на доношеніяхъ въ Кабинетъ смоленскаго губернатора А. Б. Бутурлина, интересныхъ какъ по своему,—довольно-необычному въ оффиціальныхъ бумагахъ,—тону, такъ и особенно по тому, что авторъ ихъ касается не только нуждъ своей губерніи, но и вообще тяжелаго положенія нашихъ губернаторовъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Александръ Борисовичъ Бутурлинъ занималъ въ 1735—1740 гг. важный, по тому времени, постъ смоленскаго губернатора. Какъ извѣстно, Бутурлинъ еще при Петрѣ В. былъ однимъ изъ довѣренныхъ „деньщиковъ“ его. Послѣ смерти Петра В., онъ продолжалъ успѣшно двигаться по служебной лѣстницѣ, былъ возведенъ Елизаветою Петровною въ графы и затѣмъ назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками, посланными въ Пруссію. Какъ бы ни смотрѣть на его дѣятельность при Елизаветѣ, ему во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ служебной опытности и большой дѣловитости. Два доношенія его,—поданныя въ Кабинетъ изъ Смоленска 8 и 29 ноября 1739 г. и сопровождавшіяся, первое, „регистромъ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, изъ которыхъ указами повелѣвается изъ губерніи всякаго исправленія“, а второе „копіею о изнеможеніи въ продолженіи счета“—показываютъ, что онъ, управляя своимъ обширнымъ краемъ, сумѣлъ подмѣтить общіе недостатки въ постановкѣ должности губернаторовъ, вредившіе тогда сильно дѣлу управленія, и смѣло указалъ на нихъ Кабинету. Царствованіе Анны вообще не отличается широтою административныхъ задачъ, почему во всѣхъ доношеніяхъ мѣстныхъ правителей (за исключеніемъ, впрочемъ, кн. А. И. Шаховского) почти не видно стремленія возвыситься надъ обыденными нуждами и интересами текущихъ дѣлъ. Иначе, однако, ставится вопросъ о губернаторскомъ управленіи въ означенныхъ допо-

---

[3]) Ibid., томъ CXXX, стр. 351 и сл.

шеніяхъ и приложеніяхъ къ нимъ, представленныхъ А. Б. Бутурлинымъ [4]). Остановимся отдѣльно на каждомъ изъ названныхъ документовъ.

Въ доношеніи отъ 8 ноября 1739 г., А. Б. Бутурлинъ жалуется на невыносимое положеніе губернаторовъ, подчиненныхъ (вмѣстѣ съ воеводами), по его словамъ, не болѣе и не менѣе, какъ пятидесяти четыремъ мѣстамъ [5]), откуда „на каждой недѣлѣ получаемой почты бываетъ различныхъ требованій нѣсколько десятковъ, съ сильнымъ взысканіемъ угрозительнымъ, съ положеніемъ и платежемъ штрафовъ, не принимая никакихъ законныхъ причинъ, не различая съ малымъ дѣломъ великаго, точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать безъ доклада сенатскаго“ (курсивъ вездѣ нашъ). Авторъ доношенія, по его словамъ, принужденъ, „для самого дѣла симъ доношеніемъ высокій Ея Императорскаго Величества Кабинетъ совсеподданнѣйшимъ прошеніемъ утруждать“ и напомнить Кабинету министровъ, что до указа 1737 г. (точнѣе—до высочайше утвержденнаго доклада. Пр. Сената отъ 3 мая того же года—I Пол. Соб. Законовъ, № 7240), по губернаторской инструкціи (1728 г.) были „подвержены губернаторы подъ главную команду Пр. Сената“, откуда, за неисправность,

---

[4]) Доношенія эти,—извлеченныя нами, вмѣстѣ съ приложеніями, изъ дѣлъ архива Пр. Сената въ С.-Петербургѣ—помѣщены цѣликомъ въ X-мъ томѣ „Бумагъ Кабинета Министровъ“, напечатанныхъ въ Сборникѣ Им. Русскаго Ист. Общества“, т, CXXX, стр. 610—612, стр. 686—689.

[5]) Въ доказательство своего утвержденія, А. Б. Бутурлинъ прилагаетъ къ доношенію—„регистеръ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, изъ которыхъ указами повелѣвается изъ губерніи всякаго исправленія“; въ регистрѣ этомъ перечисляются слѣдующія 54 учрежденія: 1) Св. Пр. Синодъ, 2) Пр. Сенатъ, 3—5) сенатская, герольдмейстерская, рекетмейстерская конторы, 6) доимочная комиссія, 7) о подушномъ сборѣ доимочная-жъ комиссія, 8) военная коллегія, 9) контора ея, 10—12) генералъ кригсъ-комиссаріатская, оберъ-цалмейстерская, провіантская конторы: 13) счетная экспедиція; 14) ревизіонъ-коллегія, 15) контора ея, 16) коллегія экономіи, 17) иностранныхъ дѣлъ коллегія, 18—19) прежняя, нокамеръ-коллегіи, 20) оной контора, 21) лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ контора-жъ, 22) адмиралтейская коллегія, адмиралтейская-жъ коллегія по экспедиціямъ: 23) комиссаріатская, 24) надъ верфями и строеніями, 25) генералъ-кригсъ-комиссара, 26) коммерцъ-коллегія, 27) оной контора, 28) вотчинная коллегія, 29) юстицъ-коллегія, 30) той же коллегіи контора, 31—33) главной артиллеріи, оружейная конфискація канцелярій, 34) контора ея, 35) дворцовая главная канцелярія, 36) оной счетная контора, 37) канцелярія тайныхъ разыскныхъ дѣлъ, 38) контора тѣхъ же дѣлъ, 39—41) медицынская, главная полицеймейстерская, монетная канцеляріи, 42—46) Пр. Сената печатная, фортификаціонная, штатсъ — въ С.-Петербургѣ, штатсъ—въ Москвѣ, соляная конторы, 47—49) судный, сибирскій, сыскной приказы, 50—52) слѣдствія отъ строеній, счетная канцелярія ген.-фельдмаршала графа Миниха; 54) военный походный комиссаріатъ. Доношеніе и „регистръ“ хранятся въ архивѣ Пр. Сената въ С.-Петербургѣ, въ книгѣ 54, л. 565—568.

и штрафъ всякій налагательный послѣдовалъ, что, не безъ разсмотрѣнія здраваго, по заслугѣ каждому слѣдовало. Нынѣ же, по указу Ея Императорскаго Величества, всякимъ особъ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ дано въ полную мочь губернаторовъ штрафовать,—тѣхъ, которые законныхъ причинъ не положатъ,—денежными штрафами". Въ результатѣ этого многоначалія надъ губернаторами, происходитъ (по мнѣнію А. Б. Бутурлина), то, что „хотя со всеревностнымъ тщаніемъ стараешься, какъ бы во всемъ быть исполнителемъ, но за многою такою командою, никакимъ образомъ исправиться въ скорости, за малолюдствомъ и бездостоинствомъ канцелярскихъ служителей, не допускаетъ (sic) и время отъ времени затрудженіемъ безпрерывнымъ, и отъ всѣхъ разныхъ и ежечастныхъ повелѣній и нужнѣйшія дѣла изъ рукъ выходятъ и внутреннимъ теченіемъ пресѣкаются, — яко то сборы денегъ, судныя, розыскныя, отправленія рекрутъ и лошадей, взысканіе изъ доимки всякой и пограничныя дѣла, и прочія безпрестанныя обращенія потребныя"... Чтожъ предлагаетъ Бутурлинъ, чтобы выйти изъ столь невыносимаго положенія, созданнаго подчиненіемъ губернаторовъ „многой командѣ"? „Ежели", говоритъ онъ, „прозорливо-умнымъ смотрѣніемъ всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества Кабинета не пресѣчено будетъ всѣмъ означеннымъ командамъ штрафовать (губернаторовъ и воеводъ) и не положится на единое благоразумное разсмотрѣніе Пр. Сената, которому всѣ государственныя положенія и обстоятельства дѣлъ открыты, то никакъ въ прямомъ дѣлѣ исправиться невозможность крайнюю окажетъ, понеже единой канцеляріи, на толикіе многіе спросы, угодить весьма съ трудомъ, ибо всякая коллегія, канцелярія и контора, по званію своему, только чтится положенное на нее отправлять, а губернская канцелярія на всѣ ихъ повелѣнія и требованія и сверхъ того надлежащія въ непременномъ теченіи должности, служить принуждена и во всемъ повиноваться, то единой на многія упразниться никакъ можно". Подчиненность губернаторовъ и воеводъ всѣмъ этимъ многочисленнымъ канцеляріямъ и коллегіямъ, съ ихъ конторами, приводитъ, по мнѣнію Бутурлина, къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. На своемъ нѣсколько-своеобразномъ языкѣ, А. Б. Бутурлинъ объясняетъ, что подчиненіе губернаторовъ и воеводъ указаннымъ учрежденіямъ, „отъ частаго налаганія штрафовъ ото всѣхъ мѣстъ, безъ принимания извиненій, принуждаетъ болѣе опасаться (ихъ), нежели главныхъ правленіяхъ (sic), понеже изъ оныхъ высочайшихъ правительствъ, вѣдая, что, безъ настоящаго разсужденія и прямого дѣла, штрафовъ послѣдовать никогда не можетъ, и потому

наивящше стараешься, всячески убѣгая такихъ штрафовъ, дѣйствомъ исполнять", т.-е., иначе говоря, основательность требованій, со стороны „высочайшихъ правительствъ", заставляетъ и мѣстныхъ правителей служить „прямому дѣлу, всячески убѣгая штрафовъ", чего, однако, не достигнешь по отношенію къ разнымъ командамъ,—подъ власть коихъ „стали быть подклонены губернаторы и воеводы съ 1737 г.", ввиду ихъ неразсудительности и не знакомства съ „прямымъ дѣломъ". Въ заключеніе своего доношенія, авторъ категорически заявляетъ: того ради, *не для моей подлой персоны*, но, видя канцеляріи губернской всѣхъ пришедшихъ въ слабое и неможительное обстоятельство, всенижайше раболѣпственно прошу показать всемилостивѣйше въ прошеніи моемъ разсмотрѣніе, и тѣмъ возстановить въ лучшее теченіе *и подвергнуть подъ единый штрафъ, по прежнему, Пр. Сенату*, въ который о томъ же отъ меня донесено". По весьма обычному въ концѣ царствованія Анны Іоанновны порядку, Кабинетъ министровъ не вступилъ самъ въ разсмотрѣніе, по существу, того важнаго вопроса, какой былъ возбужденъ смоленскимъ губернаторомъ, но положилъ на немъ, 16 декабря 1739 г. такую резолюцію: *„по вышеозначенному доношенію, разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить въ Пр. Сенатѣ"*, т.-е., иначе говоря, передалъ все дѣло на обсужденіе Сената. Не касаясь пока дальнѣйшей судьбы этого замѣчательнаго, и до сихъ поръ бывшаго неизвѣстнымъ, въ литературѣ вопроса, доношенія А. Б. Бутурлина,—въ которомъ обращалось вниманіе Кабинета не на какой-либо частный случай практики, но на *общій вопросъ* объ отношеніи мѣстныхъ правителей, какъ „къ высочайшимъ правительствамъ", такъ и къ подчиненнымъ имъ учрежденіямъ,—остановимся кратко на его разборѣ. Прежде всего весьма характерно заявленіе Бутурлина о крайней необходимости возстановленія *прежняго порядка* подчиненія губернаторовъ и воеводъ Пр. Сенату, или—говоря его словами—о необходимости *„подвергнуть"* ихъ *подъ единый штрафъ, по прежнему, Пр. Сената"*, во избѣжаніе подчиненія многимъ учрежденіямъ, съ одной стороны, и ввиду того, что *одному только Пр. Сенату* „всѣ государственныя неможенія и обстоятельства дѣлъ открыты", съ другой, тогда какъ всѣ прочія учрежденія,—„не принимая никакихъ законныхъ причинъ" и „не различая съ малымъ дѣломъ великаго", но „точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать *безъ доклада сенатскаго*—не соблюдаютъ здѣсь никакой мѣры въ положеніи и правежѣ штрафовъ и отвлекаютъ *мѣстныхъ* правителей отъ исполненія „нужнѣйшихъ дѣлъ", на нихъ положенныхъ. Эти „нужнѣйшія дѣла" („яко сборы денегъ, судныя, розыскныя, отправленія рекрутъ и лошадей, взысканіе изъ доимки, и пограничныя дѣла" и пр.), которыя у губернаторовъ „изъ рукъ выходятъ", особенно должны были,—по обстоятельствамъ даннаго

времени, неотличавшагося, какъ сказано, широтою государственныхъ задачъ—обратить вниманіе центральнаго правительства на положеніе мѣстныхъ правителей. Смоленскій губернаторъ едва-ли не намѣренно указалъ ихъ Кабинету. Однако, онъ при этомъ не принялъ во вниманіе, что указъ 1737 г.,—который далъ коллегіямъ право штрафовать денежными штрафами губернаторовъ,—былъ ничѣмъ инымъ, какъ высочайше утвержденнымъ 3 мая названнаго года *докладомъ самого Пр. Сената*, въ коемъ имъ отмѣчалось, что, какъ сенатская контора, такъ и военная коллегія представляли Пр. Сенату, что губернаторы и воеводы оказываются *весьма неисправными* въ присылкѣ требуемыхъ сборовъ, окладныхъ книгъ, доимочныхъ вѣдомостей и мѣсячныхъ репортовъ. При этомъ,—ввиду инструкціи губернаторамъ и воеводамъ, высочайше утвержденной 30 августа 1728 г. [6]), на которую ссылается и Бутурлинъ—сенатская контора находила (согласно съ указанной инструкціею), что камеръ-коллегія (всего болѣе страдавшая отъ неисполнительности губернаторовъ по сборамъ) не можетъ сама *сама* штрафовать ихъ, а военная коллегія прямо даже спрашивала Сенатъ—„за означенное, по многимъ указамъ, неисполненіе губернаторовъ, вице-губернаторовъ и воеводъ *кому и чѣмъ штрафовать*?—Неисправность мѣстныхъ правителей именно и заставила Пр. Сенатъ испрашивать разрѣшенія на штрафованіе губернаторовъ *коллегіями, не представляя въ Сенатъ*“, при чемъ, въ свою очередь, губернаторы могли „противъ тогожъ, штрафовать, по силѣ указовъ, своей губерніи *воеводъ*, ежели который такожде законныхъ причинъ (своей неисправности) не положитъ“, что, впрочемъ, было уже опредѣлено и интсрукціею губернаторамъ, о которой мы говорили выше. Какъ видно изъ донесенія Бутурлина, на практикѣ законъ 3 мая 1737 г. сталъ примѣняться чрезвычайно широко, губернаторовъ и воеводъ начали штрафовать не только коллегіи, но и „разныя команды“, не принимая „притомъ никакихъ законныхъ причинъ“ (какъ это требовалось) „и не различая съ малымъ дѣломъ великаго“. Въ результатѣ получилось совершенно-невозможное положеніе мѣстныхъ правителей, разрывавшихся на части болѣе, чѣмъ полусотнею разныхъ „мѣстъ“ [7]). Толку отъ этого многоначалія было, однако, мало и прежде всего въ самомъ важномъ дѣлѣ даннаго времени—въ сборѣ всякаго

---

[6]) Инструкція эта, или наказъ, ставила губернаторовъ въ непосредственное подчиненіе Пр. Сенату, предписывая бить челомъ на нихъ Пр. Сенату, а собою ихъ не штрафовать“, I. П. С. З., № 5333.

[7]) Хотя и относительно только Московской губерніи, но упоминавшееся выше доношеніе кн. Б. И. Юсупова подтверждаетъ, въ общемъ, ту же мысль А. Б. Бутурлина. Перечисливъ подробно всѣ обязанности губернской канцеляріи и указавъ на малочисленность ея штата, кн. Б. И. Юсуповъ говоритъ, что *„вышеписанныхъ множественныхъ дѣлъ, всеконечно, некѣмъ и къ дѣйстви-*

рода доимокъ (деньгами, людьми, лошадьми). Посылая указъ за указомъ, какъ Кабинетъ, такъ и Сенатъ немного, однако, видѣли исполнительности со стороны губернаторовъ и воеводъ, почему Кабинетъ вынужденъ былъ отправлять въ губерніи, въ особенности со второй половины Аннинскаго царствованія,—особыхъ уполномоченныхъ изъ оберъ-офицеровъ, лейбъ-гвардейскихъ полковъ и только тогда, когда они успѣшно выбрали рекрутъ и лошадей,—и „въ доимкѣ ихъ осталось малое число“ (какъ гласитъ резолюція Кабинета отъ 19 марта 1739 г.),—Кабинетъ рѣшилъ офицеровъ возвратить къ полкамъ, а „доимочныхъ рекрутъ и лошадей, такожъ и *прочія* всякаго знанія доимки, велѣть взыскивать *губернаторамъ и воеводамъ*“ (П. С. З., № 7778). Такимъ образомъ, получается какой-то circulus viciosus: губернаторъ жаловался, что „разныя команды“ мѣшаютъ ему исполнять нужнѣйшія дѣла (къ которымъ онъ прежде всего причислялъ сборы денегъ, рекрутъ и лошадей), а центральное „высочайшее правительство“,—отчаявшись получить чрезъ *мѣстныхъ* правителей указанные сборы,—увеличивало число инстанцій, коимъ подчинялись губернаторы, при чемъ Сенатъ самъ былъ склоненъ отдать коллегіямъ *свое право* штрафованія губернаторовъ, узаконенное за нимъ инструкціею губернаторамъ и воеводамъ, отъ 1728 г.! Впрочемъ, законъ 3 мая 1737 г., отдававшій губернаторамъ подъ штрафъ коллегій, лишь возстановлялъ недавнее, сравнительно, прошлое: въ докладѣ Сената,—предлагавшемъ штрафованіе неисправныхъ губернаторовъ *самими коллегіями*, не представляя въ Сенатъ,—прямо указано, что „до состоянія губернаторской и воеводской 1728 г. инструкціи, губернаторы, за неисправленіе ихъ, по силѣ указовъ, *штрафованы были отъ коллегій, не докладывая въ Сенатъ*“. Такъ постоянно мѣнялся порядокъ подчиненія губернаторовъ, при чемъ эти колебанія практики,—наличность коихъ можно отмѣтить уже со второй половины петровскаго царствованія (особенно съ 1719 г.)—мало приносили пользы дѣлу и совсѣмъ не служили къ упорядоченію *мѣстнаго* управленія, которое, несомнѣнно, нуждалось въ извѣстной децентрализаціи и болѣе дѣйствительномъ контролѣ.

Какъ уже было указано выше, Кабинетъ министровъ препроводилъ въ Пр. Сенатъ разбираемое нами теперь доношеніе А. Б. Бутурлина, предписавъ „по вышеозначенному доношенію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить въ Пр. Сенатѣ“. Кабинетъ министровъ очень любилъ (въ особенности во второй половинѣ царствованія Анны) возлагать на Сенатъ всякаго рода порученія, при чемъ самъ не всегда охотно отвѣ-

---

тельному и порядочному скорому исправленію никакой надежды нѣтъ и онъ опасенъ чтобъ, за такими невозможностями, за какое нескорое исполненіе не принять Вашего Императорскаго Величества гнѣва“. Сборникъ И. Р. И. общ. CXXVI, стр. 301.

чалъ на сенатскіе доклады (или „сообщенія“), почему Пр. Сенатъ справедливо (въ извѣстномъ докладѣ, поданномъ Елизаветѣ Петровнѣ 3 декабря 1741 г.) [8] жаловался, что объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ, или сообщеній (въ Кабинетъ), *по два* и *по три*, но, по многимъ нужнѣйшимъ, чрезъ долгое время, резолюціи получаемо не было, а по инымъ, хотя резолюціи и получались, токмо зѣло темныя, *съ такими затруднительными запросами*, что не токмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться неможно“. Повидимому, такой „затруднительный запросъ“ Сенатъ увидалъ и въ данномъ *случаѣ*. Говоря вообще, Сенатъ, въ свою очередь, при первой возможности, старался отклонять отъ себя немедленное рѣшеніе трудныхъ вопросовъ, иногда при томъ же не входя ни въ какія предварительныя изысканія. Именно такъ поступилъ Пр. Сенатъ, когда до него дошло вышеуказанное доношеніе смоленскаго губернатора съ положенною на немъ *резолюціею* Кабинета министровъ. Въ журналѣ Пр. Сената за декабрь 1739 г., хранящемся въ одномъ изъ архивовъ нашихъ, мы нашли, въ записи отъ 19 декабря, слѣдующій сенатскій приговоръ: „по резолюціи Кабинета Ея И-го Величества, подписанной на доношеніи смоленскаго губернатора Бутурлина объ учиненіи Пр. Сенату разсмотрѣнія и рѣшенія о нештрафованіи его коллегіямъ и канцеляріямъ и прочимъ мѣстамъ, а *о бытіи ему подъ единымъ штрафомъ Пр. Сената*, подать, въ Кабинетъ Ея И-го Величества сообщеніе, въ которомъ представить, что *губернаторовъ, за неисправленіе, велѣно коллегіямъ штрафовать по состоявшемуся въ 737 г., мая 3 дня, именному Ея И-го Величества указу и для того Сенату того собою отмѣнить неможно*“ [9]. Здѣсь, такимъ образомъ, Сенатъ первоначально хотѣлъ снова передать дѣло на рѣшеніе Кабинета. Однако, спустя почти мѣсяцъ послѣ этого приговора, Пр. Сенатъ передумалъ и счелъ возможнымъ отмѣнить его, *не* входя уже въ Кабинетъ съ указаннымъ выше сообщеніемъ. Именно, въ журналѣ отъ 15 января 1740 г. читаемъ, что, по докладу оберъ-секретаря Демидова, напоминавшаго Сенату о приговорѣ его отъ 19 декабря, *Сенатъ*,—принявъ во вниманіе, что „оный Ея И-го Величества указъ (отъ 3 мая 1737 г.) состоялся *на представленіе Пр. Сената*, къ тому же ноября 15 дня прошлаго 1739 г. по Ея И-го В-ва указу [10]) велѣно, ежели на кого штрафы положены будутъ *неправильно*, за то штрафовать судей

---

[8]) См. этотъ докладъ, нами напечатанный, въ „Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія (1897 г., № 2).

[9]) Арх. Мин. Юстиціи, журналы и протоколы за декабрь 1739 г., кн. 307/2188, л. 129.

[10]) Въ I П. С. З., подъ № 7946, указъ этотъ обозначенъ, какъ сенатскій, но онъ прошелъ черезъ Кабинетъ министровъ.

и секретарей десятою долею,—того ради *разсудили*: вышеписаннаго сообщенія въ Кабинетъ Ея И-го Величества *не подавать*, а въ Смоленскую губернскую канцелярію послать указъ, въ которомъ объявить, что, хотя коллегіямъ и велѣно губернаторовъ штрафовать, однакожъ, потомъ за неправыя положенія велѣно штрафовать *и судей* и для того, *въ отмѣну оныхъ указовъ*, другого опредѣленія Сенатъ учинить не можетъ [11]). Интересно также отмѣтить, что доношеніе Бутурлина изложено въ журналѣ Сената такъ, какъ будто онъ „требовалъ, чтобъ *Смоленскую губернію* подвергнуть подъ единый штрафъ, по-прежнему, Сената", тогда какъ имъ поднимался *общій вопросъ* о неудобствѣ подчиненія многимъ учрежденіямъ нашихъ губернаторовъ, что и придаетъ этому доношенію извѣстную цѣнность. Ни Кабинетъ, ни Сенатъ, однако, *не* хотѣли такой постановки дѣла, при чемъ первый просто *отклонилъ* отъ себя рѣшеніе этого труднаго дѣла, передавъ его Сенату „для учиненія рѣшенія", какъ онъ это дѣлалъ не разъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Что же касается Сената, то онъ, по первому своему приговору, хотѣлъ было вновь перенести все дѣло на рѣшеніе Кабинета, основываясь на чисто-формальномъ отводѣ, что будто-бы бы ему того „собою отмѣнить неможно", хотя невозможность формальнаго рѣшенія дѣла вовсе не исключала его права разсмотрѣть вопросъ по существу, войдя затѣмъ съ своимъ „мнѣніемъ" въ Кабинетъ, примѣры чему бывали нерѣдко въ практикѣ Сената (какъ это видно изъ напечатанныхъ нами „бумагъ Кабинета министровъ"). Затѣмъ приговоръ этотъ былъ отмѣненъ уже по другому основанію: Сенатъ, принявъ во вниманіе, что неудобный,—по мнѣнію Бутурлина,—указъ 3 мая 1737 г. состоялся по его, Сената, *собственному* представленію, не нашелъ возможнымъ самъ итти противъ него и, представивъ весь вопросъ въ томъ видѣ, что онъ имѣетъ отношеніе къ одной только Смоленской губерніи, предложилъ канцеляріи означенной губерніи обратить вниманіе на указъ отъ 15 ноября 1739 г., предписывающій штрафовать „за неправыя положенія" (доимокъ и штрафовъ) *и судей*, какъ-будто такое штрафованіе могло въ чемъ-либо значительно облегчить губернаторовъ, если бы даже предположить, что оно неукоснительно соблюдалось! Такимъ образомъ, вопросъ, поднятый Бутурлинымъ, не былъ разрѣшенъ въ царствованіе Анны. Но, мысль, положенная въ основу его „доношенія", а именно мысль о необходимости губернаторамъ быть *подъ единымъ штрафомъ Пр. Сената*, не пропала совершенно. При Елизаветѣ Петровнѣ, по указу 31 августа 1742 г., штрафы съ губернаторовъ и воеводъ стали налагаться *уже Пр. Сена-*

---

[11]) Ibidem, журналы и проток. Пр. Сената за январь 1740 г. кн. 308/2189 л. 141 и об.

томъ, при чемъ даже была установлена общая такса этихъ штрафовъ (I П. С. З., № 8609). Интересно отмѣтить, что этотъ указъ былъ изданъ Сенатомъ потому, что упоминавшаяся нами не разъ высочайшая резолюція 3 мая 1737 г., на докладѣ Сената (противъ которой протестовалъ Бутурлинъ), оказывала на практикѣ мало дѣйствія. И вотъ Сенатъ—„чтобъ, какъ они, губернаторы, такъ провинціальные и городовые воеводы, впредь въ сборѣ подушныхъ денегъ и въ высылкѣ оныхъ исправнѣе и осторожнѣе поступали“—повелѣваетъ „на оныхъ губернаторовъ и воеводъ *положить штрафъ въ Сенатъ*“. Сенатъ затѣмъ самъ, по указу 17 марта 1746 г., угрожаетъ штрафомъ губернаторамъ и воеводамъ за медленность въ доставленіи генералитету свѣденій о ревизіи (ib., № 9268) и т. д. Впрочемъ, по указу 1 декабря 1746 г., военная коллегія вновь получила право штрафованія губернаторовъ и воеводъ *по своему усмотрѣнію*, въ случаѣ „нерапортованія“, со стороны ихъ, различнымъ военнымъ канцеляріямъ. Изъ указа этого видно, что штрафованіе губернаторовъ и воеводъ даже со стороны военной коллегіи (всегда почти самостоятельно стоявшей по отношенію къ Пр. Сенату) прекратилось послѣ изданія указа 1742 г., что, въ свою очередь, не замедлило вызвать „неисполненіе“ означенными властями предписаній различныхъ военныхъ канцелярій, подчиненныхъ названной коллегіи.

Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ относился къ практикѣ Пр. Сената по данному вопросу самъ А. Б. Бутурлинъ, назначенный 27 іюня 1744 г. къ присутствованію въ Пр. Сенатѣ и бывшій тамъ (съ нѣкоторыми, впрочемъ, перерывами) до 6 сентяря 1748 г., когда ему было разрѣшено бывать въ засѣданіяхъ Пр. Сената лишь по однимъ только *важнымъ* государственнымъ дѣламъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что *однимъ* подчиненіемъ губернаторовъ Сенату вопросъ не разрѣшался, хотя и во многовластіи надъ ними было весьма мало толку. Необходимо было иначе поставить *функціи* губернатора, провести болѣе глубоко начало *раздѣленія* властей въ мѣстномъ управленіи, создать *самоуправленіе* въ губерніяхъ, усилить контроль центра надъ дѣятельностью губернатора, что и пыталось, такъ или иначе, провести законодательство Екатерины II. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ. Но, любопытно, однако, отмѣтить, что и это законодательство не отказалось вполнѣ отъ мысли, высказанной Бутурлинымъ,—за неимѣніемъ, конечно, другого общаго органа контроля, кромѣ Сената, въ центрѣ имперіи. Еще до „учрежденія о губерніяхъ“, въ такъ наз. „наставленіи губернаторамъ“, изданномъ 21 апрѣля 1764 г., было выставлено то положеніе, что губернаторъ, какъ „повѣренная отъ насъ особа и какъ глава и хозяинъ всей врученной въ смотрѣніе его губерніи, состоять имѣетъ *подъ собственнымъ нашимъ и Сената нашего въ-*

дѣніемъ, почему и указы *только отъ насъ и Сената нашего пріемлетъ*“, (ib., № 12137, ст. I). „Учрежденіе о губерніяхъ“ ставитъ, какъ извѣстно, чрезвычайно высоко „государева намѣстника“, или „генералъ-губернатора“, опредѣляемаго (вмѣстѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ) отъ императорскаго величества, ничего не говоря, впрочемъ, о порядкѣ ихъ отвѣтственности. Несомнѣнно, однако, что „наставленіе губернаторамъ“ не потеряло своей силы и послѣ изданія „учрежденія“: по крайней мѣрѣ, въ одномъ указѣ Сената отъ 1778 г. было разъяснено, что по силѣ 3-й статьи означеннаго „наставленія“,—жалобы на генералъ-губернаторовъ *должны относимы быть въ Сенатъ*, а отнюдь ни въ какое другое мѣсто, почему и было подтверждено той коллегіи, до которой указъ относился, „чтобъ она впредь таковыхъ жалобъ на генералъ-губернатора, *яко неподлежащихъ суду ея*, не только не уважала, но не оставляла бы безъ должнаго взысканія на тѣхъ мѣстахъ, кои иногда не по принадлежности мѣста, въ противность вышеписаннаго „наставленія“, въ ту коллегію вступать будутъ (ib., № 14880).

Коснемся, наконецъ, и другого доношенія А. Б. Бутурлина къ Кабинетъ, служащаго какъ бы иллюстраціею къ первому его доношенію, нами уже выше разсмотрѣнному. Второе доношеніе смоленскаго губернатора отъ 22 ноября 1739 г. сопровождается *„копіею о изнеможеніи въ продолженіи счета“*, посланною имъ одновременно также въ Сенатъ и ревизіонъ-контору. Въ доношеніи указывается, что „отъ перемѣнныхъ формъ (въ книгахъ) великія затрудненія и остановка въ окончаніи счетовъ слѣдуютъ“ и затѣмъ „сколько ни рачительствуешь“—„никакъ не только на срочное число“ нельзя счета „къ довершенію привесть“, но, „за многодѣліемъ, продолжается въ не малое время и такъ годъ отъ году *губернскихъ* приходовъ и расходовъ денежной казны досконально познать не безъ труда, а расходчики межъ того уже иные многіе померли и отлучились по разнымъ мѣстамъ, на что болѣе никакого способу не пріискивая, какъ точію, ежели высочайшимъ произволеніемъ Ея И. В-ва Кабинета, оставленъ будетъ *годовой рапортъ* посылкою въ камеръ-коллегію, ибо обстоятельные мѣсячные рапорты отъ губерніи присылаются, по которымъ свободно смѣтить и видѣть можно *о всемъ годовомъ приходѣ и расходѣ* денежномъ, такожъ и о прибавкѣ срока въ отправленіи счетовъ, какъ и отъ 24 декабря 1735 г. отъ меня высокому Кабинету Ея И. В-ва все тогда было донесено“.

Если „доношеніе“ Бутурлина, нами выше разобранное, возбуждало общій вопросъ о порядкѣ подчиненія губернаторовъ, то второе доношеніе находило „крайнее неможеніе“ въ составленіи „счетовъ годовыхъ“ и „въ необходимости“ отсылки ихъ на указные сроки“, почему и требовало, какъ прибавки срока въ отправленіи счетовъ, такъ о отмѣны

годовыхъ отчетовъ. Крайняя запутанность денежнаго счетоводства въ первой половинѣ XVIII вѣка на мѣстахъ не подлежитъ сомнѣнію и, сколько бы мы ни относили этой запутанности на счетъ губернской администраціи,—то неумѣвшей справиться съ дѣломъ отчетности, то намѣренно медлившей въ отправленіи счетовъ, чтобъ скрыть тѣ или иные недочеты по сбору доходовъ и ихъ расходованію и т. п.,—несомнѣнно, въ самой постановкѣ счетоводства по губерніямъ было немало весьма крупныхъ недостатковъ. Эти недостатки и выставлены весьма ярко смоленскимъ губернаторомъ въ его копіи „о изнеможеніи въ продолженіи счета“ и притомъ выставлены настолько въ обобщенномъ видѣ, что они, несомнѣнно, имѣли мѣсто повсюду, въ любой губернской канцеляріи. „Какъ годъ окончился, тотъ прежній приходчикъ“,—говоритъ авторъ вышеназванной копіи,—„по силѣ указовъ принужденъ немедленно вдаться въ дѣла и остатняго мѣсяца *репортъ*, подлежащій въ камеръ-коллегію, внося въ оный остаточную всю, съ расписаніемъ по годамъ,—сумму, показуя и доимку и всѣ книги приходныя и расходныя пересматривать [12]) и потомъ остатокъ дережной сводить, по нихъ перебиравши, справливаться“. Но указанный репортъ „остатняго мѣсяца“ посылается не только въ камеръ-коллегію, а и въ рядъ другихъ учрежденій [13]) почему копіи съ этихъ репортовъ, малымъ временемъ совершить никакъ не можетъ, сколько бы ни хотѣлъ въ томъ старательно поступать“. А. Б. Бутурлинъ думаетъ, что „кто (бы) ни былъ у сихъ дѣлъ дѣйствительно сочинителемъ, то не удобъ, вѣроятно, будетъ, сколь многаго затрудненія въ томъ и мозголомство приноситъ отъ состоящихъ вновь формъ“ (книгъ). Во всякомъ случаѣ, какъ бы успѣшно расходчикъ не работалъ, меньше какъ въ два мѣсяца онъ не можетъ „во всѣ мѣста репортовъ окончить“.

---

[12]) А. Б. Бутурлинъ перечисляетъ подробно эти книги, указывая, что „за многоимѣющимися, кромѣ опредѣленныхъ къ содержанію по формѣ книгъ разныхъ доходовъ, которыя учинены для записки неподлежащихъ въ тѣхъ книгахъ сборахъ, яко то съ 719 по 732 г. двѣ, неокладнымъ сборамъ одна, за проданную гербовую бумагу одна, сбора печатныхъ пошлинъ одна, съ челобитчиковыхъ дѣлъ одна, крѣпостныхъ дѣлъ одна, сбора печатныхъ пошлинъ одна, контрактовыхъ одна, тарифнымъ ефимкамъ одна, взятымъ деньгамъ отъ церковниковъ одна, положенныхъ на лазаретъ, объявленнымъ съ вѣнечныхъ памятей, одна, провіантскимъ доходамъ одна, итого 12 книгъ; расходныхъ: канцелярскаго мелочного расхода одна, тарифнымъ ефимкамъ одна, фортификаціоннымъ деньгамъ одна, итого расходныхъ 4, всего 16 книгъ, а съ опредѣленными по формѣ 19, по которымъ скоро повѣрить все довольнаго времени требуетъ“ (Сборникъ И. Р. И. Общ., т. CXXX, стр. 687 и сл.).

[13]) А именно—въ Пр. Сенатъ, въ штатсъ-контору, въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи, въ провіантскую контору, въ адмиральскую коллегію въ канцелярію конфискаціи, въ печатную контору.

Но, мало этого: къ тому же у него, расходчика есть и еще дѣла: „не допуская окончанія года, заблаговременно долженъ (онъ) сочинить и отдать вновь опредѣленному приходчику четыре книги [14]), а потомъ онъ долженъ приняться за сочиненіе *годового репорта*, въ который вноситъ окладъ того настоящаго года, и взятье изъ доимки, и зачѣмъ сполна не собрано, по годамъ, по мѣстамъ и по сборамъ, и расходъ того года подписывается, и что отъ того расхода будетъ остатка по сборамъ, и многимъ письмамъ и повѣркою по всѣмъ книгамъ тогожъ времени требуетъ, какъ годовой счетъ". Затѣмъ тотъ же приходчикъ долженъ давать скорѣе, отвѣты, „для знанія губернаторскаго" самому правителю губерніи по всѣмъ сборамъ и расходамъ, а губернаторъ ждетъ отъ него этихъ отвѣтовъ „въ лучшую предосторожность", наипаче, „желая знать" по должности, нѣтъ ли какого похищенія въ казнѣ и т. п.; если же губернаторъ захотѣлъ бы „дождаться счета по формѣ" и не отрывать приходчика отъ дѣла (на которое „надобно близъ двухъ мѣсяцевъ"), то онъ рискуетъ, „яко правитель губерніи" остаться о приходѣ и расходѣ безвѣдомъ. Не продолжая дальнѣйшаго обзора всѣхъ затрудненій въ губернскомъ счетоводствѣ, отмѣченныхъ очень подобно и обстоятельно Бутурлинымъ, замѣтимъ вообще, что, по мнѣнію автора доношенія, приходчикъ,—„отъ множества дѣлъ засуетяся" (въ этой „суетѣ" немалую роль играютъ обрѣтающіеся у слѣдствія всякихъ доходовъ офицеры),—въ концѣ концовъ съ прямого пути собьется и, какъ-бы тщательно ни желалъ „зачать счетъ производить", но изображенныя (авторомъ доношенія) „помѣшательства *въ годъ* не допустятъ до рукъ того приттить, не токмо въ указное время исправиться", между тѣмъ за всѣ эти неисправности отвѣчаетъ, конечно, прежде всего губернаторъ. Безвыходное положеніе губернатора, въ дѣлѣ срочной отчетности приходовъ и расходовъ денежной казны, живо изображенное Бутурлинымъ, конечно, требовало со стороны центральной власти внимательнаго обсужденія вопроса и его коренного измѣненія, тѣмъ болѣе, что и сама эта власть на себѣ самой отлично чувствовала недостатки губернскаго счетоводства. Что же ею было сдѣлано для устраненія этихъ недостатковъ? Въ сущности ничего, такъ какъ Кабинетъ министровъ, и въ данномъ случаѣ (резолюціею своею отъ 29 декабря 1739 г.) просто переслалъ доношеніе Бутурлина на разсмотрѣніе Пр. Сената, который долженъ былъ уже самъ „по сему доношенію рѣшеніе учинить". Но, Сенатъ, получивъ

---

[14]) „Первую (книгу) по Смоленску съ уѣздомъ, вторую—присутственныхъ къ Смоленску городовъ съ уѣзды жъ, что на комъ какого сбору осталось въ доимкѣ, выключая тѣхъ городовъ изъ оклада, въ его году взысканные, и для того принужденъ всю приходскую книгу проходить и того смотрѣть, такъ же 2 книги, съ прописаніемъ оклада на настоящій годъ, къ взысканію того, вновь опредѣленному приходчику заготовить" (688 стр.).

означенную резолюцію (какъ это видно изъ журнала отъ 3 января 1740 г.), приговорилъ: „сообща (означенное доношеніе Бутурлина) съ имѣющими въ Сенатѣ прежними его доношеніями, и что по онымъ учинено, доложить [15])“ (впредь), т.-е., иначе говоря, отложилъ разсмотрѣніе даннаго вопроса на неопредѣленное время, какъ отложено было самимъ Кабинетомъ безъ рѣшенія доношеніе Бутурлина отъ 24 декабря 735 г. „о затрудненіи прошлыхъ лѣтъ счетовъ по присланнымъ изъ камеръ-коллегіи разнымъ формамъ“ и пр. [16]). Къ сожалѣнію, мы не нашли въ журналахъ Сената указаній на дальнѣйшую судьбу разсмотрѣннаго доношенія Бутурлина. Едва ли, впрочемъ, однимъ упрощеніемъ формъ счетоводства въ губернскихъ канцеляріяхъ, а равно увеличеніемъ числа лицъ, завѣдующихъ денежной отчетностью по сбору и расходу денегъ, наконецъ—измѣненіемъ сроковъ подачи отчетовъ и отмѣною годового „репорта“, можно было уничтожить „изнеможеніе въ продолженіи счетовъ“, какъ думалъ Бутурлинъ [17]). Необходимо было совершенно выдѣлить всякія финансовыя операціи изъ функцій губернаторовъ и ихъ канцелярій, поручивъ ихъ веденіе особымъ учрежденіямъ, что и дѣлается при Екатеринѣ II. Донесенія Бутурлина во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія, какъ яркая картина существовавшихъ въ области губернской денежной отчетности непорядковъ.

Александръ Филипповъ.

---

[15]) Арх. М. Юст., журн. и проток. Пр. Сената за январь 1740 г., кн. 308/2189 л. 400.

[16]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. CXIV, стр. 19.

[17]) Въ заключеніи къ своему доношенію, Бутурлинъ вновь повторяетъ: „ежели въ сочиненіи счетовъ *время не прибавится* и *годовой репортъ*,—который труда болѣе счетныхъ выписокъ наноситъ, — что, и кромѣ его, обо всемъ по мѣсячнымъ репортамъ всегда видѣть можно,—*не оставится*, то какъ бы всеусильно ни домогаться, чрезъ всѣ старанія окончаніемъ прямымъ, счетовъ получить трудно“ (стр. 689).

V.

Къ исторіи сношеній московскихъ государей съ римскими папами.

Цѣлованіе папской туфли.

Какъ извѣстно, этикетъ папскаго двора, въ сношеніяхъ дипломатическихъ, требуетъ, чтобы посланники католическихъ государей, представляясь на аудіенціяхъ папѣ, совершали колѣнопреклоненіе предъ нимъ и цѣловали его туфлю [1]). Выросшее на почвѣ признанія духовнаго супремата римскаго епископа въ христіанской церкви, требованіе это въ старое время предъявлялось также къ государямъ инославнымъ и иновѣрнымъ, что не разъ вызывало непріятные, нежелательные конфликты по причинамъ религіознаго и политическаго характера. Въ глазахъ русскихъ людей XVI и XVII столѣтій актъ цѣлованія папской ноги носилъ характеръ признанія надъ собою, и въ области церкви, и въ области государства, власти, выше стоящей,—какъ бы шатостью въ вѣрѣ, измѣной православію и, съ другой стороны, попущеніемъ своими правами, отказомъ отъ той политической независимости, которую въ остальныхъ случаяхъ московскіе государи, какъ разъ наоборотъ, сознательно старались постоянно подчеркивать и выставлять на видъ. То, что въ представленіи католиковъ Западной Европы являлось совершенно нормальнымъ и естественнымъ звеномъ въ общемъ строѣ международной жизни, для современниковъ Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича болѣзненно звучало горькимъ напоминаніемъ о злыхъ временахъ татарщины, о торжествѣ, хотя и временномъ, но не менѣе обидномъ, поляковъ, о прежнихъ пресмыканіяхъ и униженіяхъ разнаго рода.

Потому ли, что русское общество конца XV и начала XVI столѣтій еще не успѣло проникнуться идеей государственной самостоятельности и не такъ реагировало на упомянутый ритуалъ; потому ли, что соотвѣтственные источники до насъ не дошли; но какихъ-либо конфликтовъ по поводу цѣлованія папской туфли, въ періодъ сношеній

---

[1]) Если съ вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго папы правило это фактически и не примѣняется, то не потому, чтобы оно было отмѣнно de jure, а исключительно въ силу личнаго нежеланія Пія X примѣнять его на дѣлѣ. Еще при Львѣ XIII оно соблюдалось во всей строгости.

съ Римскимъ дворомъ великихъ князей московскихъ Ивана III и Василія III, мы совершенно не знаемъ. От. П. Пирлингъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ, очень тщательно подбиравшій данныя касательно декоративной стороны дипломатическихъ сношеній Рима съ Москвой, не нашелъ въ современныхъ памятникахъ, ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ, никакихъ указаній, для этой поры, даже на то, чтобы цѣлованіе туфли имѣло мѣсто само по себѣ [2]).

За время великаго князя Ивана Васильевича и его сына можно насчитать восемь посольствъ къ римскимъ папамъ. О первомъ появленіи Джанбаттисты делла Вольпе (Ивана Фрязина) при Римскомъ дворѣ въ 1470 году сохранились очень скудныя свѣдѣнія [3]); вторично, въ 1472 году, пріѣзжая за Софіей Палеологъ, Вольпе, въ привѣтственной рѣчи Сиксту IV, заявлялъ, что прибылъ съ цѣлью сложить, отъ имени великаго князя, дань уваженія къ стопамъ папы [4]); но, конечно, это было не болѣе, какъ риторическимъ украшеніемъ [5]). Посольство Семена Толбузина въ 1475 году вообще „не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ“ [6]); не многимъ больше можно сказать и о посольствѣ Юрія (Траханіота?) въ 1458 году [7]). Разсказывая о присутствіи Ралева [8]), въ 1488 году, на папской мессѣ, гдѣ ему было отведено почетное мѣсто, діарій Бурхардта о цѣли его пріѣзда говоритъ въ выраженіяхъ самыхъ общихъ, а объ аудіенціи даже и не упоминаетъ [9]). Послѣдній разъ сносился Иванъ III съ римскими папами въ 1500 году, отправивъ къ Александру Борджьа Дмитрія Ралева и Митрофана Карачарова. Послы присутствовали въ консисторіи, но были ли на аудіенціи, остается неизвѣстнымъ [10]).

---

[2]) Отсюда, конечно, далеко до вывода, что цѣлованія не происходило вовсе. Римскіе діаріи того времени очень скупы на подробности и избѣгаютъ повторенія въ описаніи деталей (въ каждой церемоніи всегда болѣе или менѣе сходныхъ), ограничиваясь внесеніемъ индивидуальныхъ чертъ, объ остальномъ же предоставляя догадываться выраженіями въ родѣ: „Omnia alia facta sunt more consueto“; „Dominus Noster paratus, ut moris est“; „more solito“, или наоборотъ: „licet contra normam caerimoniarum nostrarum, acta sint“ (J. Burchardi Diarium Innocentii VIII (Firenze, 1896), passim).

[3]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, I (2-ème édition), 137.

[4]) Pierling, op. cit., I., 145

[5]) Laudaverunt igitur Pontificem, gratulati sunt de suo pontificatu, comsmendaverunt ducem, ejusque nomine pedibus apostolicis (sic enim dixerunt) reverentiam persolverunt (Muratori, Rer. Italicarum scriptores, XXIII, 89).

[6]) Pierling, op. cit., I, 200.

[7]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, II, 288.

[8]) Посланы были оба брата, Дмитрій и Мануилъ (Русская Лѣтопись по Никонову списку, VI, 123), но римскій источникъ упоминаетъ лишь объ одномъ.

[9]) J. Burchardi Diarium Innocentii VIII (Firenze. 1896), 197: Oratori regis Russiae, ad Suam Sanctitatem pro obedientia praestanda misso.

[10]) Pierling, I, 208.

Такое же полное молчаніе о цѣлованіи туфли и по поводу послова Василія III: Дмитрія Герасимова, въ 1525 году, и Трусова съ Лодыгинымъ, въ 1528-мъ. Относительно послѣднихъ осталось даже неизвѣстнымъ, была ли дана имъ аудіенція или нѣтъ [11]).

Прошло полстолѣтія; на сцену выступило новое поколѣніе. Идея престижа и величія Русскаго государства пустила большіе корни; но какъ разъ внѣшнія условія плохо гармонировали съ нею. Обезсиленный и стѣсненный счастливымъ соперникомъ, королемъ польскимъ, Иванъ Грозный шлетъ въ Римъ къ Григорію XIII Истому Шевригина просить поддержки и посредничества въ неудачной борьбѣ съ Стефаномъ Баторіемъ. Вопроса о цѣлованіи папской ноги, какъ вопроса, еще не существуетъ: наказъ, данный Истомѣ, останавливается на условіяхъ, при какихъ имѣетъ право принять приглашеніе на обѣдъ, намѣчаетъ программу рѣчей; но ни однимъ словомъ не касается туфли,—въ ту минуту ея какъ бы вовсе не существовало для московской дипломатіи. Между тѣмъ въ Римѣ Шевригину цѣлованіе ноги было поставлено условіемъ допущенія къ аудіенціи. Возраженія оказались безполезны, политическій же горизонтъ Москвы былъ обложенъ такими темными тучами; отъ успѣха миссіи зависѣло такъ многое, что было бы безуміемъ рисковать разрывомъ, и Шевригинъ вынужденъ былъ принять поставленныя условія: и римскіе, и польскіе источники согласно свидѣтельствуютъ, что московскій гонецъ облобызалъ папскую ногу и оставался колѣнопреклоненнымъ все время, пока читалась царская грамота [12]). Характерно однако, что объ

[11]) Pierling, I, 294, 309—310. О посольствѣ „въ Римъ“ (Б.-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, II, 233) или, по другимъ указаніямъ, „въ Италію“ (Б.-Каменскій, Переписка между Россіею и Польшею, ч. I, стр. 48) Андрея Траханіотова въ 1506 году, быть можетъ, осторожнѣе пока ничего не говорить, въ виду недостаточнаго согласованія данныхъ и безъ того неполныхъ и скудныхъ, тѣмъ болѣе, что есть основаніе въ Андреѣ видѣть посла не „въ Италію“, а изъ „Италейскихъ странъ“ (Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общ., т. 35, стр. 480—481). Къ тому же Римомъ старые наши памятники иногда называютъ Римскую Нѣмецкую имперію. Сравн. Пол. Собр. Рус. Лѣт., XII, 220: „О Римскомъ послѣ и о отпущеніи посла въ Римъ. Того же лѣта пріиде посолъ Николай отъ Римъскаго цѣсаря Өердерика о любви и дружбѣ, и князь великій, почтивъ того посла, отпустилъ его съ любовію къ его государю; да съ нимъ же вмѣстѣ отпустилъ князь великій посла Юрья грека Тарханіота къ цѣсарю Өердерику съ любовію же“. Годъ спустя, въ 1490 г., Юрій Тарханіотъ вторично посланъ былъ къ германскому императору и разсказъ объ этомъ посольствѣ въ лѣтописи озаглавленъ аналогично разсказу о первомъ посольствѣ: „О отпущеніи пословъ въ Римъ“ (тамъ же, XII, 223). Не трудно видѣть, какой „Римъ“ имѣлся въ виду въ обоихъ случаяхъ.

[12]) Questo ambasciatore hebbe gran difficoltà e renitenza nel baciare i piedi a Nostro Signore, quando egli fu ricevuto publicamente, perchè quantunque fosse stato esortato da molti a piegarsi col bacio del piede, disse, che havrebbe participato questo atto al suo pardone e che quando glie l'havesse commandato l'havrebbe più che volentieri fatto. Onde il papa per simil ostinatione non lo volle ricevere

этомъ самъ Шевригинъ не заикнулся и словомъ въ отчетѣ, поданномъ въ Посольскій приказъ [13]). Быть можетъ, актъ этотъ еще не укладывался въ рамки Статейнаго списка?

Полтора года спустя, отправляя Молвянинова съ Тишиной въ Римъ, Московское правительство повторяетъ предписанія, дававшіяся Шевригину, по-прежнему обходя полнымъ молчаніемъ вопросъ о цѣлованіи папской ноги. Но Молвяниновъ ѣхалъ, несомнѣнно, ужи будучи на-сторожѣ. Поссевину лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить его преклонить колѣна и снять шапку [14]). Угроза не быть допущеннымъ до аудіенціи и опасеніе, „не бывъ намъ у папы, съ чѣмъ идти къ государю, царю и великому князю?“ [15]) заставили Молвянинова сдаться. Впрочемъ самое главное—такъ ему казалось—онъ отстоялъ: цѣлованіе туфли мѣсто не имѣло. Въ отчетѣ о своемъ посольствѣ онъ категорически утверждаетъ, что на обѣнхъ аудіенціяхъ, пріемной и отпускной, они съ Тишиною “папѣ кланелись близко ноги, а въ ногу не цѣловали“ [16]). Намъ нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить Молвянинову; повидимому, онъ старался, какъ умѣлъ, отстоять интересы своего государя. Есть указаніе на то, что процедура наклоненія не обошлась безъ выходокъ, никоимъ образомъ не укладывавшихся въ строгія рамки парадной церемоніи [17]); но вѣдь непосредственнаго прикосновенія губъ къ туфлѣ все равно наблюсти было невозможно, римскій церемоніалъ довольствовался простой фикціей цѣлованія, однимъ наклоненіемъ „близъ ноги“, какъ вполнѣ отвѣчающей сущности, идеѣ цѣлованія. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить оттѣнки выраженій папскаго діарія при описаніи аудіенціи обоихъ пословъ:

„Attamen audivi ab ipsomet duce [18]), illum pedem pedem Sanctitatis

---

all'udienza publica, che gli haveva accordata, se prima non prometteva al suo nipote di baciarli i piedi. Così poi a costo de' prieghi si indusse a questo, e da Nostro Signore fu ricevuto in pieno concistoro, e dal papa benignamente accolto con gran dimostratione di tenerezza. Тотъ же источникъ, въ другомъ мѣстѣ, такъ выражается о церемоніи пріема: condotto all'udienza segreta del papa, doppo il bacio dei piedi, stando sempre in ginocchio, disse con aiuto d'un interprete alcune poche parole... (Li successi di Gregorio XIII Bolognese di fameglia Boncompagni. Ватик. Архивъ. Bolognetti, т. 45). См. еще: Діарій Муканція въ H. Russiae Monumenta, I, 388, и Theiner, Annales Ecclesiastici, III, 284 (подлинныя слова приведены далѣе въ нашемъ текстѣ) и Кояловичъ, Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія, стр. 8: snac pracza s nim mieli, nis sie dal namowic, aby Papiezowi czalowal nogi y kleczacz poszelstwo spvawowal. Gdi to uczinil malo co mowil.

[13]) Пам. Дипл. Сношеній, X, 17 слѣд.

[14]) H. R. Monumenta, I, 390.

[15]) Пам. Дипл. Сношеній, I, 882.

[16]) Тамъ же, I, 883, 885.

[17]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, II, 204.

[18]) Князь Сора Бонкомпанья, въ домѣ котораго останавливался Шевригинъ.

Suae deosculatum fuisse, ac genuflexum mausisse, donec mandatum et litterae sui principis interpretarentur" — таковое показаніе о Шевригинѣ. А вотъ строки, относящіяся до Молвянинова и Тишины: „Difficulter potuit eis persuaderi, ut genuflecterent et caput detegerent. Dicunt enim in eorum more positum esse, ut nunquam caput detegant honoris gratia, nec etiam ipsorummet duci et principi, nec ante ipsum genuflexi, sed procumbentes sunt, dum illi reverentiam volunt exhibere. Tandem genuflexerunt et caput denudarunt, suadente Possevino, quem videbantur magnopere vereri" [19]).

На первый взглядъ рѣчь идетъ какъ будто о двухъ разныхъ дѣйствіяхъ: Шевригинъ цѣловалъ ногу и стоялъ колѣнопреклоненный; Молвяниновъ же только обнажилъ голову и преклонилъ колѣна. Но если вспомнить, что еще до аудіенціи римскіе дипломаты настаивали на цѣлованіи (показаніе Молвянинова), то, очевидно, послѣднее и имѣетъ въ виду діарій, когда онъ съ живымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что Поссевину удалось убѣдить русскаго посла въ необходимости подчиниться ихъ требованіямъ.

Въ XVII столѣтіи мы знаемъ всего лишь одно состоявшееся посольство къ Римскому двору: посольство Менезія 1673 года. Іезуитъ Лавицкій (1606 г.) въ счетъ не идетъ: его поѣздка совпала поистинѣ *съ смутной* порою, когда обычныя понятія и представленія, чуть не всѣ, помутились и перепутались; когда московскаго царя въ Вѣчномъ городѣ представлялъ человѣкъ, завѣдомо служившій интересамъ Рима, а не Москвы. Неоднократно призываемый къ папѣ, по долгу бесѣдовавшій съ нимъ на самыя интимныя темы [20]), Андрей Лавицкій къ типу русскихъ пословъ, конечно, не подходитъ, и поведеніе его могло бы служить прецедентомъ въ томъ развѣ смыслѣ, что ярче указывало московской дипломатіи, чего *не должно* дѣлать впослѣдствіи. Бояринъ Б. П. Шереметевъ въ 1698 году представлялся папѣ частнымъ лицомъ и прибылъ лишь съ рекомендательной грамотой русскаго государя; тѣмъ болѣе приватный характеръ носило посѣщеніе „волонтеровъ", посланныхъ Петромъ Великимъ обучаться въ Италіи морскому дѣлу. Къ тому же тогда и времена были другія: прежняго ужаса, по крайней мѣрѣ въ такой степени, какъ раньше, туфля уже не возбуждала. Правда, конецъ XVII столѣтія еще не успѣлъ воспитать князей Куракиныхъ, которые (впрочемъ, уже довольно скоро: въ 1707 году) увидятъ въ ритуалѣ одинъ лишь простой ритуалъ и спокойно продѣлаютъ его, ни на минуту не усомнившись въ совмѣстимости его съ достоинствомъ и честью

[19]) H. R. Monumenta, I, 388, 390.

[20]) Appelé à plusieurs reprises au Vatican, apmis à de longues et intimes conversations, il exposa au Pape la situation présente et les espérances d'avenir. (Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 229).

этого лица, которое они представляли собой въ данную минуту [21]); но Шереметевъ еще избѣгалъ огласки, хотя церемонію продѣлалъ, повидимому, легко и охотно [22]); среди же „волонтеровъ", на ряду съ послѣдователями боярина, нашлись и ревностные приверженцы старыхъ порядковъ [23]).

---

[21]) „Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріемности такого гонору и порядкомъ не былъ принятъ, гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести Царскаго Величества, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европскихъ и князей отъ санкви принимаютъ. И бывъ на авдіенціи, цѣловалъ у папѣ ногу, также и на всѣхъ авдіенціяхъ ногу цѣловалъ; и потомъ кардиналамъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оные отдали визиты, всѣхъ съ восемьнадцать человѣкъ" (Архивъ кн. Куракина, I, 276).

[22]) О цѣлованіи бояриномъ Шереметевымъ папской ноги имѣются показанія съ разныхъ сторонъ; оффиціальныя записи придворнаго церемоніймейстера, въ двухъ редакціяхъ; донесеніе венеціанскаго агента и письмо кардинала Оттобони венеціанскому дожу; извѣстія газетныя (см. изданный мною Сборникъ документовъ, относящ. къ исторіи царствованія имп. Петра В., т. I, стр. 354—356, №№ 491, 492, 494—496). Если и допустить, что источникъ всѣхъ этихъ свѣдѣній одинъ и тотъ же и что поэтому еще нѣтъ основанія въ одномъ свидѣтельствѣ усматривать подтвержденіе другому, то письмо государственнаго секретаря кардинала Спады къ вѣнскому нунцію Санта Кроче не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Шереметевъ, дѣйствительно, исполнилъ все, что полагалось по римскому ритуалу: Nel tempo, che si è trattenuto qui il sig. generale Szermetty ha protestati ossequij tali di rispettosa devozine verso la Santità di Nostro Signore, e mostrati sentimenti di così parziale affetto alla nostra santa religione, che non solo é stato benignamente veduto da Sua Beatitudine, ma si è molto accresciuto nel zelantissimo cuore della medesima il desiderio di sentirlo maggiormente acceso dal lume della verità, onde si disponga ad unirsi alla chiesa cattolica (Тамъ же, стр. 372, № 510). Въ описаніи своего „Похожденія на Мальтійскій островъ" самъ Шереметевъ, какъ извѣстно, цѣлованіе ноги обходитъ полнымъ молчаніемъ и, конечно, онъ имѣлъ къ тому вѣскія основанія, если еще до возвращенія своего въ Россію надъ нимъ уже тяготѣло обвиненіе чуть не въ переходѣ въ католичество (Іезуитъ Запольскій), въ письмѣ къ И. Шпоту изъ Варшавы, 2-го ноября 1698 г., приводитъ слѣдующія слова Шереметева: Ipse, inquit, sum in periculo vitae, ideo, quod sim accusatus apud Zarum, quasi factus sim catholicus, quod non est verum. „Mélanges. Extraits des études de théologie, de philosophie et d'histoire", II (Paris. 1857), стр. 25.

[23]) Свѣдѣнія о пребываніи русскихъ вельможъ въ Римѣ въ 1697—1698 гг. не отличаются желаемой точностью. Нѣкоторые изъ путешественниковъ были на ауденціи у папы, другіе нѣтъ, и тѣ, кто былъ, ногу цѣловалъ. (Ср. вышеуказанный Сборникъ документовъ, passim). Въ рукописной біографіи рода Мартиновичей, изъ Перасто, въ Далмаціи, разсказывается, что 17 русскихъ, находившихся въ обученіи у Марка Мартиновича, проѣздомъ черезъ Римъ, не согласились на цѣлованіе ноги. (A Roma accolti molto per ordine di Sua Santità, e desiderosi molto di vederlo nel suo tribunale furono esauditi ove comparsi subitamente, esso Morco genuflesso alli suoi sacri piedi, ma loro non volsero fare a riguardo del loro rito, li bastò solamente d'havere visto quella gvan maestà della quale

Не то было въ 1673 году, въ посольство Менезія. Тогда дѣло не обошлось безъ серьезныхъ затрудненій, конфликтъ развернулся во всей силѣ. Сравнительное обиліе данныхъ позволяетъ выяснить съ большей отчетливостью, чѣмъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, столкновеніе двухъ интересовъ и присмотрѣться къ тому, какъ московская и римская дипломатія обходили подводные камни, примиряя противоположныя и, въ сущности, непримиримыя точки зрѣнія. На эпизодѣ 1673 года мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Въ посольствѣ Менезія вопросъ о цѣлованіи папской туфли выступаетъ уже какъ настоящій *вопросъ* во всемъ его объемѣ. Въ Москвѣ заранѣе знали, на что будутъ претендовать въ Римѣ, и заранѣе готовились дать надлежащій отпоръ. Наказъ Менезію уже не ограничивается прежними предписаніями на счетъ рѣчей, обѣдовъ и передачи грамоты: посланному категорически предписывалось: „А буде его папа на пріѣздѣ и на отпускѣ позоветъ цѣловать въ мѣсто руки въ ногу, и ему папу въ ногу отнюдь не цѣловать, а цѣловать въ руку и стоять о томъ накрѣпко, чтобъ конечно цѣловать въ руку, а не въ ногу“ [24]). Надо думать, что въ Посольскомъ приказѣ не разъ возвращались къ этой темѣ и въ устныхъ бесѣдахъ съ Менезіемъ. Сознаніе необходимости держать себя на-сторожѣ и опасеніе, какъ бы не надѣлать ошибокъ, побуждаетъ Менезія, едва выѣхавъ изъ Москвы, обратиться за новыми разъясненіями. Къ сожалѣнію, самый запросъ до насъ не дошелъ, и мы можемъ лишь догадываться о немъ по отвѣту Посольскаго приказа, который, повторяя прежнее предписаніе цѣловать въ одну руку, добавлялъ: „а подьячему папу въ ногу отнюдь не цѣловать“ [25]). Значило ли это, что Менезію неяснымъ оставался лишь вопросъ о подьячемъ? Какъ бы ни было, но и въ дополнительномъ разъясненіи онъ увидалъ подтвержденіе того же требованія, какое ему было предъявлено раньше.

Можно было ожидать, что въ такую посылку болѣе, чѣмъ когда-либо, назначатъ православнаго человѣка, строгаго ревнителя духа и обрядовъ Русской церкви; между тѣмъ, какъ извѣстно, Менезій былъ католикъ и, какъ таковой, вѣроятно, болѣе чѣмъ охотно облобызалъ бы ногу у папы. На первый взглядъ въ подобномъ назначеніи хочется видѣть извѣстнаго рода непослѣдовательность Посольскаго приказа, нѣкоторую неосторожность съ его стороны; на самомъ дѣлѣ непослѣдовательность эта только кажущаяся. Не говоря про то, что Менезій, въ

---

restarono molto ammirati. Частный архивъ графа Хр. Висковича въ Перасто); но, кажется, этого нельзя сказать про всю группу; ср. Сборникъ документовъ, стр. 326, № 441, гдѣ упоминаются нѣкоторые изъ учениковъ Мартиновича (кн. Куракинъ, князья Голицыны), по всей видимости, какъ участники папской аудіенціи.

[24]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 792.

[25]) Тамъ же, IV, 671. Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, февраль, 451.

глазахъ Московскаго правительства, былъ въ этой посылкѣ на своемъ мѣстѣ и очень пригоденъ, какъ человѣкъ образованный, знавшій языки, знакомый съ европейской жизнью и обычаями и именно, какъ католикъ, имѣвшій возможность легче православнаго войти въ кругъ римскихъ дипломатовъ и воздѣйствовать на нихъ въ интересахъ того государя, котораго онъ представлялъ,—не говоря про это, посольскіе наказы XVII столѣтія обыкновенно связывали русскихъ пословъ по рукамъ и ногамъ, заранѣе предвосхищая всѣ ихъ дѣйствія, отдѣльныя слова, фразы, шаги и движенія. Открытаго нарушенія наказа опасаться было нечего, а всякое иное, исподтишка, значенія все равно не имѣло бы. Да и вообще, если Менезію довѣряли, то должны были довѣриться и въ томъ, что онъ приложитъ все отъ себя возможное, чтобы не уронить достоинства своего государя и удержать его на той высотѣ, на которую, какъ на должную, считали себя въ правѣ претендовать въ Москвѣ.

Но если для русскихъ правительственныхъ людей XVII вѣка выступала на первый планъ *туфля*, *нога*, то католику было не безызвѣстно, что во время церемоніи цѣлуется собственно не туфля, а вышитый *крестъ* на ней, и потому гораздо интереснѣе выяснить другое: не то, какъ правительство рѣшилось дать такое порученіе католику, а какъ справится католикъ съ дилеммой, которая возставала теперь передъ нимъ.

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо познакомиться нѣсколько ближе съ личностью Менезія. Біографія его достаточно извѣстна, чтобъ надобно было снова повторять ее—въ данную минуту насъ интересуютъ лишь его религіозныя воззрѣнія.

Павелъ Менезій, баронъ Питфодельсъ, шотландецъ по происхожденію и, съ 1661 года, офицеръ русской службы, выросъ въ католической семьѣ въ сознаніи неуклоннаго долга и преданности Римской церкви. Всѣ общественные интересы Менезіевъ ярко окрашены католическими симпатіями: семья Менезія принадлежала къ партіи роялистовъ и въ новомъ конституціонно-протестантскомъ движеніи, которое одинаково и въ Шотландіи, и въ Англіи одержало верхъ, покончивъ съ Стюартами, видѣли ту темную силу, что выбросила ихъ приверженцевъ за бортъ, въ пучину неравной и невѣрной борьбы за личное существованіе. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ Павелъ Менезій поступаетъ въ іезуитскую коллегію, гдѣ можно думать, навсегда и окрѣпли въ немъ глубокое религіозное чувство и вѣрность установленіямъ католической церкви [26]).

Въ роду Менезіевъ можно было бы указать не только убѣжден-

[26]) Чарыковъ, Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія, 8—9.

ныхъ католиковъ, но и ревностныхъ служителей алтаря [1]). Адріанъ Менезій ѣдетъ въ Римъ, вступаетъ въ францисканскій орденъ Минооритовъ Конвентуаловъ, оканчиваетъ курсъ ученія въ коллегіи св. Бонавентуры и въ 1649 году направляется въ Польшу наставлять на путь истины своихъ отпавшихъ отъ католической церкви земляковъ [2]), подобно тому, какъ позже тотъ же путь миссіонерства среди польскихъ шотландцевъ изберетъ другой соотечественникъ П. Менезія—Александръ Бернетъ [3]). Вѣрность Риму въ родѣ Менезіевъ, можно думать, переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе; одинъ изъ нихъ (вѣроятно, ближайшій родственникъ семьи нашего Менезія, такъ какъ онъ назывался барономъ Питфодельсъ) пренебрегъ даже личной свободою, лишь бы сохранить за собою возможность воспитывать дѣтей тамъ, гдѣ онъ считалъ для нихъ болѣе пригоднымъ. Его заключили въ тюрьму за то, что онъ отправилъ своихъ сыновей обучаться за границу, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что коллизія произошла на почвѣ нежеланія барона Питфодельса помѣщать дѣтей въ протестантскую школу [4]).

Извѣстно, что во время своего посольства Менезій завоевалъ себѣ въ дипломатическихъ кругахъ Вѣны, Венеціи и Рима большія симпатіи, что обыкновенно объясняютъ его образованіемъ, умомъ, манерами, умѣньемъ соотвѣтственно держать себя и т. п. Все это совершенно справедливо; но не слѣдуетъ забывать и его религіозныхъ убѣжденій: общество, въ которомъ онъ обращался за границей, было католическое, а въ XVII столѣтіи вѣроисповѣднымъ ярлыкомъ еще въ значительной степени опредѣлялись людскія взаимоотношенія. Здѣсь сразу поняли, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ своего круга, тѣхъ же принциповъ и идеаловъ. Не даромъ іезуитъ Вота—въ этомъ вопросѣ судья компетентный—характеризуетъ Менезія, какъ „прекраснаго“ католика, „твердаго въ вѣрѣ“, глубоко религіознаго [5]). Религіозное рвеніе и католичность Менезія тѣмъ болѣе бросались въ глаза, чѣмъ необычнѣе были для представителя схизматическаго государя; и какъ ни безупречно

---

1) Въ бумагахъ папскаго архива Бреве встрѣчается не разъ указаніе на существованіе испанской вѣтви Менезіевъ; изъ нихъ видно, что среди представителей этой вѣтви были члены духовныхъ орденовъ, аббатиссы и т. п.

2) Архивъ Пропаганды фидэ, Scritture Originali Riferite, т. 339, л. 145—147, 207; Acta Sacr. Congregationis de Propaganda Fide, т. 19, л. 274: протоколъ засѣданія 27-го сентября 1649 г., № 18.

3) Архивъ Пропаганды. Scritt. Orig. Rif., т. 422: 17-го іюня 1670 г., № 31.

4) Il conte di Sempil, il baron di Petfodels della casata di Menezel [sic] sono stati messi in prigione per haver mandato a [sic] loro figliuoli fuori del reamo peessere insegnati (Архивъ Пропаганды. Acta Sacr. Congr, т. 42. л. 199: протоколъ засѣданія 2-го августа 1672 г., № 23).

5) Molto pio cattolico frequentando i santissimi Sagramenti. Чарыковъ, Посольство П. Менезія, стр. 175—176, прилож. № 99.

(для глазъ посторонняго наблюдателя) носилъ онъ свой схизматическій мундиръ, окружающіе чувствовали однако, что подъ этой оболочкой бьется настоящее католическое сердце [1]). Въ Римѣ прямо заявляли, что лестный пріемъ, оказанный Менезію, обусловливался не только его оффиціальнымъ положеніемъ, но и тѣмъ, что въ немъ видѣли примѣрнаго сына католической церкви [2]). Благоговѣйно принимаетъ Менезій благословеніе, посланное ему папой въ Феррару, по случаю болѣзни [3]); а въ опасеніи, которое онъ выражалъ кардиналу Альтьери, какъ бы отказъ въ царскомъ титулѣ не отозвался неблагопріятно на положеніи московскихъ католиковъ, дозволительно слышать не одну дипломатическую угрозу, но и дѣйствительный страхъ за своихъ единовѣрцевъ [4]). Находясь въ Италіи, Менезій не упустилъ случая посѣтить Лорето и поклониться знаменитой святынѣ; а въ самый Римъ онъ привезъ нѣмецкаго мальчика-сироту, Павла Фербера, родившагося въ Москвѣ въ лютеранской вѣрѣ, но принявшаго, быть можетъ, не безъ вліянія Менезія, католичество. Въ Римѣ Менезій пристроилъ Фербера въ коллегію Пропаганды [5]). Патріотъ и вѣрующій человѣкъ, онъ ревнуетъ о церковномъ чествованіи памяти шотландской королевы Маргариты и хлопочетъ о занесеніи ея имени въ римскіе святцы [6]).

Такимъ держалъ себя Менезій за границей; такимъ же остался онъ и позже, въ Москвѣ, по возвращеніи изъ Рима. Добиться для католиковъ свободнаго отправленія богослуженія въ Московскомъ государствѣ— постоянная мечта Менезія. Что въ коллективныхъ просьбахъ католиковъ, жившихъ въ Москвѣ, о дозволеніи имѣть свою церковь и своихъ

---

[1]) Professa gran zelo al suo signore, ma non minore alla religione cattolica. Тамъ же.

[2]) Gli sono usate le più abbondanti dimostrationi di stima e di rispetto verso il principe da lui rappresentato, e verso la sua persona per il riguardo particolare che porta, professando la fede cattolica (кардиналъ Альтьери венеціанскому нунцію Варезе. Ватиканскій Архивъ. Nunziatura di Venezia. № 288).

[3]) Менезій кардиналу Альтьери, 29-го іюля 1673 г. (Pierling, La Russie et le Saint-Siège, IV, 407).

[4]) E contrario timor animum subit, ne Czaria Majestas a Summo Ecclesiae catholicae Capite offensam se esse existimans omnem erga catholicos omnes amorem et studium plane exuat et abjiciat (Pierling, IV, 411).

[5]) Этотъ эпизодъ въ жизни Менезія оставался до послѣдняго времени совершенно неизвѣстнымъ. Его выясняютъ данныя, сохранившіяся въ архивѣ Пропаганды фиде, а именно: прошеніе, поданное Менезіемъ о пріемѣ Фербера въ коллегію (Scritt. Orig. Rif., с. 442, л. 329); протоколъ засѣданія Конгрегаціи Пропаганды, 26-го сентября 1673 г. Acta (Sacr. Congreg., т. 43, л.) 329 и аппробація Климентомъ X постановленія Конгрегаціи 27-го сентября 1673 г. (Udienze di Nostro Signore, т. I, л. 166).

[6]) См. ниже.

священниковъ, встрѣчается также и подпись Менезія [1])—это факты, на которыхъ строить еще ничего нельзя; но гораздо значительнѣе то, что католическіе миссіонеры, бывавшіе проѣздомъ въ Россіи, находили въ Менезіи поддержку и вели съ нимъ интимные разговоры на тему о томъ, что католическіе священники, откройся имъ доступъ въ Россію, могли бы не только исполнять требы для своихъ единовѣрцевъ, но, потихоньку и осторожно, содѣйствовать обращенію православныхъ въ римскую вѣру [2]). Себастіанъ Кнаабъ, хлопотавшій, въ 1684 году, о возобновленіи сношеній съ Римской куріей, нашелъ въ домѣ Менезія не одинъ только пріютъ, но и посильное содѣйствіе своимъ планамъ; не даромъ онъ выражалъ желаніе, чтобы, въ случаѣ если обстоятельства сложатся благопріятно, переговоры съ варшавскимъ нунціемъ были возложены именно на Менезія [3]). Въ пріѣздъ Воты въ Россію, въ томъ же 1684 году, Менезій проявилъ „живое усердіе объ общемъ дѣлѣ“ и скорбѣлъ, что „во время его посольства въ Римъ изъ-за мелочей пострадало существенное“ [4]).

Въ своей біографіи Менезія г. Чарыковъ справедливо указываетъ, что подъ „общимъ дѣломъ“ подразумѣвалось присоединеніе Русской церкви къ Римской, и что „для Менезія это „общее дѣло“ сливалось съ ревностными стараніями объ улучшеніи, вообще, положенія католиковъ въ Россіи“. Точно такъ же вполнѣ допустимо, что неуспѣхъ римскаго посольства [5]) огорчалъ Менезія главнымъ образомъ потому, что тормозилъ осуществленіе его собственныхъ надеждъ и желаній, такъ какъ политическое сближеніе Москвы съ Римомъ должно было служить началомъ сближенію и религіозному [6]). Достаточно вспомнить, что на смертномъ одрѣ Менезій грозилъ проклятіемъ всякому, кто сталъ бы совращать его дѣтей отъ вѣры ихъ отца [7]), чтобъ назвать его однимъ

---

[1]) Прошеніе, коллективное, московскихъ католиковъ польскому нунцію Паллавичини, въ 1684 году, о присылкѣ двухъ священниковъ (Архивъ Пропаганды фидэ, Scritt. Orig. Rif., т. 491: 14-го ноября 1684 г., № 15); Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій, стр. 389 и прилож. 1.

[2]) Миссіонеръ Губеріо, по дорогѣ въ Китай, писалъ папѣ Клименту X, 14-го декабря 1674 г., изъ Москвы:... „il sig. Paulo Menesio... dal quale abbiamo ha vuto molti favori, et... il quale con la sua prudenza potrebbe anco occultamente profittare con questi Moscoviti, che sono simplicissimi et devotissimi...“ (Арх. Пропаганды, Scritt. Orig Rif., т. 452: 4-го марта 1675 г. № 41).

[3]) Theiner, Monuments historiques de Russie, 279.

[4]) Тамъ же, 282. Сравн. Чарыковъ. Посольство въ Римъ, стр. 527.

[5]) Отвѣтное бреве на грамоту Алексѣя Михайловича содержало въ себѣ неполный титулъ царскій, вслѣдствіе чего Менезій не счелъ возможнымъ принять папское посланіе.

[6]) Чарыковъ. Посольство въ Римъ, стр. 528.

[7]) Gordon, Tagebuch, II, 484.

изъ тѣхъ правовѣрныхъ католиковъ, какихъ хотѣла повсюду видѣть и насадить тогдашняя Римская церковь [1]).

Таковъ былъ человѣкъ, получившій строгій наказъ „папу въ ногу отнюдь не цѣловать“. Какъ онъ справится съ трудной задачей, трудной вдвойнѣ: выполнить долгъ службы и не оскорбить своего личнаго религіознаго чувства? Останется ли онъ на высотѣ требованій даннаго предписанія и отвергнетъ требованія римскаго ритуала, забудетъ на минуту принадлежность свою къ католической церкви,—или покривитъ душею передъ своими довѣрителями и отдастся свободному влеченію сердца? Вопросъ о томъ, цѣловалъ ли Менезій или нѣтъ ногу папы, возникаетъ уже по одному тому, что авторитетнѣйшій изслѣдователь въ области римско-русскихъ отношеній, от. П. Пирлингъ, въ новѣйшемъ трудѣ своемъ, слишкомъ сгущая краски, даетъ поведенію Менезія освѣщеніе, которое едва ли можетъ быть признано во всемъ правильнымъ.

Вѣрный данному наказу, Менезій, передъ аудіенціей, предъявилъ обычныя требованія, ставившіяся въ ту пору въ подобныхъ случаяхъ съ русской стороны, въ томъ числѣ, чтобы папа спросилъ о здоровьи русскаго государя, поднялся бы съ трона, при произнесеніи его имени, и лично бы, изъ рукъ въ руки, принялъ царскую грамоту [2]). Всѣ эти пункты были не только отвергнуты, но русскому посланному поставили условіемъ склонить передъ папой колѣна и поцѣловать ногу. Начались переговоры. Можно думать, Менезій боролся довольно энергично: грозилъ отъѣздомъ и на колѣнопреклоненіе не сдавался [3]).

Тогда съ римской стороны пошли на уступки и обѣщали грамоту принять непосредственно изъ рукъ посланнаго [4]), спросить о здоровьи [5]); однако Менезій не сдавался и отъ цѣлованія ноги продолжалъ упорно

---

[1]) Въ книгѣ Поссельта, Der General u. Admiral Fr. Lefort, II, 566, приводится фактъ, рисующій Менезія въ иномъ освѣщеніи: по порученію Лефорта онъ настаиваетъ, чтобы католическіе священники въ Москвѣ пошли на невыгодную для нихъ сдѣлку, грозя, въ иномъ случаѣ, изгнаніемъ ихъ изъ предѣловъ Россіи; но источникъ, откуда почерпнуто это извѣстіе, составленъ на основаніи слуховъ, съ извѣстной окраской, которая заранѣе распредѣляла тѣни и свѣтъ на дѣйствующихъ лицъ, и вообще еще сильно нуждается въ провѣркѣ и предварительномъ анализѣ.

[2]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 188; латинскій текстъ условій, „Pretensioni promosse dall'ambasciatore dello Czar di Moscovia“, въ группѣ бумагъ, объединенныхъ общимъ заголовкомъ: „Ambasciatori del Czar di Moscovia“. Папскій церемоніймейстерскій архивъ въ Римѣ, т. 507, *л.* 688, *нареч.* (безъ титула) Чарыковъ, Посольство въ Римъ, стр., 188, прилож. № 111.

[3]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 1040 слѣд.; діарій Фантп у Чарыкова, стр. 184, № 108.

[4]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 1036—1041.

[5]) Theiner, Monuments historiques de Russie, 74.

отказываться. Не помогла и новая уступка: вмѣсто ноги „папежскую ризу припадчи цѣловать“—Менезій настойчиво твердилъ, что можетъ только поклониться въ поясъ. Мы говоримъ: *не помогла*, слѣдуя изложенію Статейнаго списка [1]), гдѣ не сообщается, дѣлались ли уступки и съ русской стороны. Но что, на самомъ дѣлѣ, таковыя были сдѣланы, Статейный списокъ косвенно засвидѣтельствовалъ дальнѣйшимъ разсказомъ о самой аудіенціи: позволительно думать, что Менезій частнымъ образомъ, неоффиціально, сдался на „наклоненіе“ и согласился продѣлать требовавшіяся отъ него колѣнопреклоненія, лишь поставивъ условіемъ, чтобы ему дали совершить этотъ актъ „неволно“, т.-е. въ формѣ внѣшняго принужденія, какъ бы подчиняясь насилію „мастера церемоній“. Но, кажется, онъ пошелъ и дальше.

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ аудіенціи, кромѣ Статейнаго списка, являются діаріи папскихъ церемоніймейстеровъ Боны и Фанти. Оффиціальность ихъ происхожденія, отсутствіе для составителей какой-либо надобности руководиться посторонними соображеніями; чисто домашнія цѣли, какія должны были они обслуживать—все это отнимаетъ у насъ основаніе заподозрѣвать названныя свидѣтельства въ намѣренномъ искаженіи или замалчиваніи фактовъ. Подобно безстрастной кинематографической лентѣ, діаріи Боны и Фанти развертываютъ передъ нами послѣдовательные моменты картины, совсѣмъ даже и не заботясь, какое впечатлѣніе произведутъ на зрителя. Сравнительно съ ними, Статейный списокъ проявляетъ нѣкоторую нервность; въ немъ проскальзываетъ неспокойная, боязливая мысль: поймутъ ли въ Москвѣ, что здѣсь приложили всѣ старанія не уклоняться отъ наказа? примутъ ли во вниманіе тяжелую обстановку, въ какой приходилось дѣйствовать, отстаивая его? Самый щекотливый пунктъ онъ—не скажу: обходитъ молчаніемъ, нѣтъ—но описываетъ въ выраженіяхъ, оставляющихъ желать въ смыслѣ ясности и полноты. При всемъ томъ и въ Статейномъ спискѣ на первомъ планѣ забота возможно точнѣе передать факты въ ихъ послѣдовательности; къ тому же изложеніе почти во всемъ сходно съ діаріями.

Аудіенція, насколько возможно возстановить ее, происходила въ такомъ видѣ. Папа сидѣлъ въ креслахъ, на небольшомъ возвышеніи, а по бокамъ, на скамьяхъ, расположились 8 кардиналовъ. У входа въ образовавшійся незамкнутый квадратъ Менезій сдѣлалъ первое колѣнопреклоненіе, въ срединѣ—второе и, уже подойдя вплотную къ папѣ, онъ въ третій разъ склонилъ колѣни, при чемъ поцѣловалъ туфлю,

---

[1]) Brevis relatio de modo quo exceptus fuit 1673 ablegatus magni ducis Moschorum, — изъ вышеупомянутыхъ „Ambasciatori del Czar di Moscovia“, л. 690; *напеч.* Чарыковъ, Посольство, стр. 183, прилож. № 108.

„или, вѣрнѣе, лишь сдѣлалъ видъ, что цѣлуетъ, такъ какъ она была покрыта полой сутаны“ (Бона); а покрыта она была потому, поясняетъ Фанти, что цѣлованіе креста на туфлѣ тогда только имѣетъ смыслъ, если соединено съ религіознымъ рвеніемъ и искреннею вѣрою, чего нельзя было ожидать отъ схизматика; и хотя самъ посланный католикъ, но въ эту минуту онъ дѣйствовалъ исключительно, какъ представитель схизматическаго государя. Эту *фикцію* цѣлованія самъ Менезій описываетъ словами: „А какъ посланнаго при папѣ поставили, и посланнаго наклонили по римскому извычаю впрямъ до колѣннаго приклоненія и вскорѣ подняли, а голову не наклоняли“. Вернувшись къ краю кардинальскихъ скамеекъ, Менезій снова припалъ ногою (одинъ разъ, по Фанти, трижды, по показанію Боны) и произнесъ рѣчь. Говорить ее онъ началъ было тоже колѣнопреклоненный, но папа далъ ему тотчасъ же встать. Во время рѣчи, произнося титулы папскій и царскій, Менезій тоже склонялъ колѣни. Взявъ изъ руки подьячаго царскую грамоту, Менезій поднесъ ее къ папѣ, снова склонился передъ нимъ и вторично поцѣловалъ въ ногу, „тѣмъ же манеромъ, что и раньше“ (Бона). Этотъ моментъ въ изложеніи Менезія переданъ такъ: „И потомъ церемоній [мейстеры] посланнаго наклонили до папиныхъ колѣнъ близъ“. Наконецъ, въ послѣдній разъ Менезій склонилъ колѣна, когда папа поднялся съ трона и, проходя мимо посланнаго, благословлялъ его [1]).

---

[1]) Другіе источники римскаго происхожденія, при всей разновидности ихъ показаній, по существу не расходятся съ свидѣтельствами оффиціальными. Кардиналъ Орсини, конечно, только повторяетъ Фанти, говоря: „склонившись передъ папой, Менезій низко наклонилъ свою голову, такъ что нельзя было различить, поцѣловалъ ли онъ туфлю или нѣтъ“ (Pierling, IV, 61); по словамъ Моченниго, Менезій ограничился лишь установленными колѣнопреклоненіями и ноги „не цѣловалъ“ (senza bacciar il piede. Чарыковъ, 192). Вопросъ о фикціи для венеціанскаго дипломата стоялъ на заднемъ планѣ, и онъ подчеркивалъ фактическую, строго реальную сторону происходившаго. Помпео Роччи, одинъ изъ придворныхъ папскихъ, приставленный къ Менезію на время его пребыванія въ Римѣ, хочетъ дать и даетъ сжатый разсказъ о томъ, что дѣлалъ посланный на всемъ протяженіи своихъ почти полуторамѣсячныхъ гостинъ въ Вѣчномъ городѣ, и объ интересующемъ насъ фактѣ касается, лишь вскользь, мимоходомъ, совсѣмъ не вдаваясь въ подробности. Его слова „поцѣловалъ ногу“ (dopo il bacio de piedi) есть лишь простой оборотъ рѣчи для показанія того, что Менезій продѣлалъ соотвѣтственное движеніе въ направленіи къ туфлѣ. Помпею Роччи, конечно, хорошо были извѣстны всѣ предварительные переговоры, всѣ „невольныя“ наклоненія Менезія, но онъ обходитъ ихъ молчаніемъ, подчеркивая иное, именно, что церемонія прошла такъ, какъ ей *надлежало* пройти. И онъ правъ, потому что это такъ и было на дѣлѣ: Римское правительство удовлетворилось фикціей, а фикція давала ему право утверждать, что цѣлованіе состоялось (Отчетъ Роччи инкорпорированъ въ діаріи Боны (Theiner, 75), а въ формѣ самостоятельной записки, подъ названіемъ „Inviato del duca di Moscovia. 1673“, съ нѣкоторыми новыми подробностями, но, безъ имени составителя (или лица, по приказу котораго онъ былъ составленъ?)

Такимъ образомъ, въ описаніи момента, который представлялся наиболѣе важнымъ для обѣихъ сторонъ и вызвалъ у нихъ наиболѣе спора, замѣчаются оттѣнки и неполное сходство. Римскіе діаріи откровенно признали, что цѣлованія, какъ такового, не было; что удовольствовались одной ея фикціей, и, ставши на эту точку зрѣнія, совершено безразлично отнеслись къ тому, насколько низко наклонялся Менезій. Статейный списокъ, также отвергая цѣлованіе, особенно заботится подчеркнуть тѣ *предѣлы*, до которыхъ наклоняли посланнаго. Онъ торопится заявить, что при первомъ приближеніи къ папѣ голову посланнаго не наклоняли; однако не рѣшается повторить этого и по отношенію ко второму аналогичному моменту, ограничиваясь глухою фразою „посланнаго наклонили до папиныхъ колѣнъ близъ", предоставляя читателю самому догадываться, что собственно значило это.

Какъ бы ни было, но разъ дѣло свелось не къ цѣлованію, а къ его фикціи, обѣ стороны имѣли основаніе утверждать, что каждая изъ нихъ сумѣла отстоять свою точку зрѣнія и сойтись на формахъ, удовлетворявшихъ ее. Туфля была покрыта полою папской одежды, слѣдовательно, не была даже видима, и какъ бы низко ни наклоняли Менезія, послѣдній имѣлъ юридическое право въ своемъ отчетѣ констатировать только фактъ наклоненія; а съ другой стороны, съ точки зрѣнія римскаго церемоніала, что иное, какъ не цѣлованіе обозначало это наклоненіе посланнаго передъ сидящимъ папою, особенно если допустить, что церемоніймейстеръ поусердствовалъ и наклонилъ Менезія не только до „ризы", до „колѣнъ", но и ниже? Реальное прикосновеніе зависѣло прежде всего отъ степени напряженія, съ какимъ напирали на спину и плечи Менезія; но кто рѣшился бы съ точностью измѣрить степень

имѣется также въ „Ambasciatori del Czardi Moscovia", л. 680, и по этому списку *напеч.* Чарыковъ, стр. 181. прилож. № 107).—Изъ всей группы римскихъ свидѣтелей выдѣляется одинъ лишь аббатъ де-Бурлемонъ. По его словамъ, не только Менезій, но и подьячій Тарасовъ цѣловали папскую туфлю, съ тою лишь разницей, что первый облобызалъ самый крестъ, Тарасовъ же, какъ „еретикъ", могъ прикоснуться до него лишь черезъ закрывавшую полу (Чарыковъ. 190). Въ такой искаженной формѣ дошли до Бурлемона разсказы объ аудіенціи. Бурлемонъ, очевидно, слышалъ, что поведеніе Менезія рѣзко отличалось отъ поведенія его товарища. Насколько первый оказался покладистымъ, настолько второй открыто боролся съ требованіями церемоніала. Тарасовъ, какъ мы знаемъ, ни за что не дался „понизить" себя и „въ стояніи утвердился"; не опустился онъ на колѣни и при вопросѣ папы о здоровьи государя, вообще велъ себя такъ, что пришлось отъ него отступиться: „и церемонщики главами себѣ потрясли, и изъ нихъ единъ отъ подьячего отступилъ, и вскорѣ папежскому племяннику сказалъ и папежскій племянникъ подьячего неволить не велѣлъ". Ясно, что дѣйствительные факты дошли до Бурлемона, предварительно преломившись черезъ слишкомъ сильную призму, такъ что свидѣтельство французскаго агента пріобрѣтаетъ значеніе не столько историческаго документа, сколько матеріала психологическаго.

наклона, когда далеко не всѣ изъ присутствующихъ могли прослѣдить послѣдовательно за фазами церемоніи и особенно когда главный актъ былъ дѣломъ какихъ-нибудь секундъ? Одинъ Климентъ X еще могъ бы сказать, почувствовалъ ли онъ прикосновеніе къ своей туфлѣ,—но его показанія мы не знаемъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаемъ мы показанія источниковъ. Не иначе оцѣниваютъ ихъ и позднѣйшіе, по времени, изъ нашихъ историковъ, останавливавшихся на этомъ вопросѣ, г. Чарыковъ [1]) и от. Пирлингъ [2]). Впрочемъ, послѣдній вноситъ существенную поправку: онъ находитъ поведеніе Менезія двусмысленнымъ и такимъ образомъ бросаетъ тѣнь на искренность его заявленій. Дѣло въ томъ, что къ извѣстнымъ уже намъ источникамъ от. Пирлингъ присоединяетъ одно новое, подлинникъ письма Менезія кардиналу Альтьери, въ которомъ русскій посланный категорически заявлялъ, что онъ „всегда готовъ *еще и еще разъ* облобызать папскую ногу,—милость, о коей онъ самъ добивался черезъ кардинала“ [3]). „Достаточно сравнить“,—замѣчаетъ по этому поводу от. Пирлингъ,—„настоящее письмо Менезія съ его оффиціальнымъ донесеніемъ царю Алексѣю Михайловичу, чтобы возникнуть вопросу: да объ одномъ ли и томъ же говорятъ эти два документа?—столько въ нихъ противорѣчія: въ одномъ случаѣ пресловутыя колѣнопреклоненія признаются, въ другомъ отъ нихъ съ негодованіемъ отрекаются, равно какъ и отъ цѣлованія туфли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Менезій говорилъ однимъ языкомъ въ Римѣ и совершенно инымъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ не было никого, кто бы могъ провѣрить его“ [4]).

Не будемъ долго останавливаться на „отреченіи“ отъ колѣнопреклоненій—это простой недосмотръ автора, происшедшій, вѣроятно, отъ нѣсколько торопливаго чтенія Статейнаго списка,—для насъ важнѣе

---

[1]) „Менезій согласился преклонить передъ папой колѣна, впрочемъ соблюдая фикцію, что онъ уступаетъ единственно силѣ... Туфля папы была закрыта полой его одежды и Менезій туфли не поцѣловалъ“ (Посольство въ Римъ 36).

[2]) „Il baissa profondément la tête sans que l'on pût distinguer s'il avait oui ou non baisé la mule pontificale. Même inclination douteuse à la fin de l'audience mêmes génuflexions renouvelées trois fois. Grâce à l'adresse du principal acteur la situation était sauvée“ (La Russie et le Saint-Siège IV 61).

[3]) „Se dit tout prêt à baiser i t e r u m a t q u e i t e r u m les pieds du Pape faveur, ajoute-t-il, due j'ai prié Votre Eminence de m'accorder“ (IV 62).

[4]) „Comparez la lettre autographe mentionnée ci-dessus, de Menzies au cardinal neveu, avec le rapport officiel du même personnage au tsar Alexis, et vous vous demanderez si les deux pièces praitent de la même audience tant il y a entre elles d'antilogies indéniables: les fameuses génuflexions sont affirmées dans l'une et reniées dédaigneusement dans l'autre de même que le baisement de la mule. u'ést-ce à dire? Menzies à n'en par douter s'est exprimé d'une manière à Rome et d'une autre manière au Kremlin où il n'y avait personne pour contrôler son récit“-ioidem).

вопросъ о цѣлованіи. Цѣлованіе Менезій, несомнѣнно, признаетъ; но о какомъ цѣлованіи говоритъ онъ? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо ознакомиться ближе съ вышеупомянутымъ письмомъ [1]).

Письмо было вызвано слухами, пущенными кардиналомъ ландграфомъ Гессенскимъ, будто бы русскій посланный отказался преклонить предъ папою колѣна. Явно встревоженный и огорченный Менезій горячо оправдывается передъ Альтьери и съ негодованіемъ спѣшитъ опровергнуть ложный слухъ, хорошо понимая, насколько можетъ повредить онъ его положенію.

„Мнѣ ли было проявить“ — пишетъ Менезій — „такую суетность, неосмотрительность и неблагодарность?! мнѣ, кого съ перваго момента его вступленія на территорію Папской области вплоть до сегодняшняго дня несказанно осыпали почестями, дарами и милостями св. отца! кому оказано было такое широкое гостепріимство, проявлено столько заботы во время его болѣзни! мнѣ, который нашелъ себѣ поддержку и утѣшеніе въ письмахъ, полныхъ благосклоннаго вниманія?! мнѣ ли, говорю я, кого всюду встрѣчали съ такимъ почетомъ, такъ хорошо приняли въ Римѣ и оказывали столько вниманія?! Вѣрьте, эминенца, поколѣ я живу, память объ этихъ милостяхъ, оказанныхъ въ моемъ лицѣ моему государю, не изгладится изъ моего благодарнаго сердца. Да и могъ ли я быть настолько безразсуднымъ, чтобы отрицать то, что видѣлъ весь досточтимый синглитъ кардиналовъ? ибо всѣ присутствующіе видѣли, что я неоднократно исполнилъ должное колѣнопреклоненіе. Большаго желанія и нѣтъ у меня, какъ еще и еще разъ облобызать нози его святѣйшества, о чемъ я усиленно просилъ васъ самъ (Nihil magis in votis habeo, quam ut Sanctissimi Pontificis iterum atque iterum pedes exosculer, quod etiam Eminentiam Vestram enixe rogavi). Дай Боже, чтобы я всегда былъ такъ же неповиненъ предъ Господомъ, какъ теперь свободенъ и чистъ отъ гнусной клеветы, что распускаютъ про меня, и очень желалъ бы, чтобы тотъ, кто нечистымъ языкомъ своимъ оболгалъ меня передъ папою, осмѣлился повторить мнѣ въ лицо свои слова! Какъ о послѣдней милости прошу васъ довести все это до свѣдѣнія его святѣйшества и удостовѣрить передъ нимъ мою полную невинность“.

Трудно говорить языкомъ болѣе прямымъ и яснымъ. По вопросу, преклонялъ ли онъ колѣна или нѣтъ, Менезій громогласно заявляетъ:

---

[1]) Ватик. Архивъ, Particolari, т. 52, л. 326, подлинникъ за собственноручною подписью съ гербовой печатью, тожественной съ той, что воспроизведена въ книгѣ г. Чарыкова стр. 21. Письмо безъ даты и въ сборникѣ, гдѣ хронологическую систему въ подборѣ документовъ (сборникъ содержитъ письма частныхъ лицъ за 1673 годъ) можно назвать выдержанною, помѣщено между письмами отъ 29-го сентября и 1-го октября, что вполнѣ совпадаетъ со временемъ, когда письмо могло быть написано. *напеч.* Pierling, La Russie et le Saint-Siège IV, 408.

да, преклонялъ. Энергично ствергнуть утвержденіе въ противоположномъ—для этого онъ собственно и взялся за перо. Но обмолвился ли онъ, хотя бы единымъ словомъ, о томъ, что исполнилъ и другое предъявлявшееся къ нему требованіе: поцѣловать туфлю? Да, онъ цѣловалъ ее; но въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду совершенно другой моментъ и другую обстановку. Тамъ *требовали* отъ него цѣлованія туфли, тутъ онъ самъ *просилъ* объ этомъ. Два разныхъ момента Менезій очень ловко объединилъ въ одномъ оборотѣ мысли, подчеркивая и выдвигая лишь то, о чемъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ напомнить кардиналу въ данную минуту. Вотъ почему насколько ясны и прямы его строки о колѣнопреклоненіи, настолько же завуалирована его рѣчь тамъ, гдѣ онъ касается цѣлованія туфли. Когда же и при какихъ обстоятельствахъ была высказана Менезіемъ его „просьба?“

Кромѣ оффиціальной ауденціи 20/30 августа, Менезій представлялся Клименту X еще на отпускѣ, 13/23 сентября. Такъ какъ въ титулахъ царскихъ не сошлись и Менезій отказался принять папское бреве, то прощальная аудіенція носила приватный характеръ, безъ соблюденія обычныхъ церемоній, была „тайною“, какъ называетъ ее Менезій. Папа принялъ его съ глазу на глазъ [1]), и вотъ тогда-то, уже не стѣсненный обстановкою, Менезій счелъ себя въ правѣ свободнѣе проявить свои чувства добраго католика. Правда, въ отчетѣ Посольскому приказу онъ говоритъ, что въ двухъ случаяхъ, при входѣ и при уходѣ, онъ папѣ „поклонился по обычаю“; но ему ничто не мѣшало, кромѣ оффиціальнаго дѣла, исполнивъ его, хотя бы на минуту превратиться и въ частное лицо. На-дняхъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о его протеже, Павлѣ Ферберѣ, и неужели Менезій не преминулъ воспользоваться случаемъ лично походатайствовать за него передъ Климентомъ? Очень возможно, что тутъ же обратился онъ и съ другою просьбою: объ установленіи празднества въ честь св. Маргариты, королевы шотландской,—вопросъ столь близкій его сердцу католика и патріота [2]). Въ этомъ случаѣ, дѣйствуя уже не какъ представитель

---

[1]) А если и были посторонніе, то лишь одинъ іезуитъ (графъ Лесли). Ср. Пам. Дипл. Сношеній, IV. 1059.

[2]) 30-го октября 1673 г. Менезій писалъ кардиналу Альтьери: „Quapropter Eminentiam Vestram enixe contestor, ut non tantum in hac re mihi, sed et toti scoticae genti favorem suum prestare velit, Sanctitatique Suae representare ut si officium beatae Margaritae reginae semiduplex concedere nolit, officium saltem simplex quod et beato Patritio Hiberniae datum est) praestare dignetur„ (Pierling, La Russie et l, Saint-Siège, IV, 413), а въ діаріи Боны (въ части, Тейнеромъ не напечатанной) сказано: „Sabbato die 2 Decembris [1673] fuit congregatio ordinaria sacrorum Rituum in palatio Quirinali.... Inter alia negotia.... decretum fuit ad instantiam allegati a magno duce Moscogàe quod ponatur in Breviario die decima Junij ad libitum officium sanctae MargaritaeScotiae reginae“. (Ватик. Архивъ.

русскаго государя, Менезій съ свободной совѣстью могъ облобызать туфлю Намѣстника Христова.

Конечно, всего въ Статейномъ спискѣ онъ не договорилъ, хорошо понимая, что въ Москвѣ оцѣнка недоговореннаго была бы неблагопріятною для него; но о дѣлахъ чисто личныхъ Менезій имѣлъ право умолчать, какъ молчатъ о нихъ и римскія описанія „тайной“ аудіенціи. Менезія можно было бы упрекнуть въ другомъ—въ томъ, что къ дѣламъ оффиціальнымъ онъ припуталъ свои личныя и изъ оффиціальнаго посланнаго „хотя бы на минуту“ превратился въ частное лицо; но во всякомъ случаѣ письмо къ Альтьери отнюдь еще не свидѣтельствуетъ объ уклоненіяхъ, тѣмъ болѣе сознательныхъ, Статейнаго списка отъ истины. Не спорю, для предложеннаго толкованія письма Менезія къ Альтьери недостаетъ строго фактическихъ данныхъ, но, думается, оно все же ближе къ дѣйствительности, чѣмъ утвержденіе въ завѣдомо невѣрномъ составленіи доклада Посольскому приказу. Трудно связывать выраженіе „ut sanctissimi Pontificis iterum atupe iterum pedes exosculer“ съ аудіенціей 20-30 августа, когда сами римскія оффиціальныя свидѣтельства показываютъ, что на аудіенціи этой Менезій туфли папской не цѣловалъ, а ограничился простой фикціей.

Какъ бы однако ни оцѣнивать поведеніе Менезія въ Римѣ, самое посольство его лишь одинъ изъ моментовъ въ исторіи сношеній московскихъ государей съ Папскимъ престоломъ, и если суммировать событія на протяженіи 1580—1707 годовъ, то нельзя не притти къ заключенію, что по вопросу объ этикетѣ (который, напомнимъ, для обѣихъ сторонъ никогда не былъ пустою формальностью, а включалъ много жизненнаго и цѣннаго), Римъ по существу всегда одерживалъ побѣду: реальное онъ замѣнялъ фикціей, золотилъ пилюлю, но всегда заставлялъ ее глотать. Лишь много позже, съ ростомъ государственности и политической мощи, а также съ болѣе рѣзкимъ отдѣленіемъ въ самомъ католическомъ мірѣ сферы государственной отъ сферы церковной, стало для Россіи возможнымъ не допускать того, что она считала несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ.

Римъ.
Декабрь 1908 г.

Е. Шмурло.

Miscellanea. Arm XII, т. 87, л. 327). Дѣйствительно, съ той поры въ святцы Римской католической церкви вносится на 10-е іюня празднованіе св. Маргариты королевы шотландской, и именно въ формѣ, которую желалъ Менезій („semiduplex“).

VI.

Дѣлопроизводство русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ историческій источникъ.

Къ числу пока еще очень мало разработанныхъ областей русской исторической науки, несомнѣнно, приходится отнести исторію русской торговли. Если по исторіи *внѣшней* русской торговли въ нашей литературѣ все же имѣется такой солидный и богатый фактическимъ матеріаломъ трудъ, какъ извѣстное изслѣдованіе А. Семенова „Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г.“, то по вопросу о состояніи *внутренней* торговли въ старомъ московскомъ царствѣ и въ русской имперіи XVIII ст. до сихъ поръ приходится довольствоваться преимущественно тѣми эскизными общими очерками, которые въ XVII ст. далъ Кильбургеръ *), а для XVIII ст.—Шторхъ **). Но вѣдь эти очерки при всей важности содержащихся въ нихъ сообщеній представляютъ лишь скелетъ предмета, который еще предстоитъ облечь плотью и кровью. Для выполненія такой задачи къ услугамъ изслѣдователей имѣется матеріалъ первостепеннаго значенія, чрезвычайно обильный, но страннымъ образомъ до сихъ поръ ни разу еще не привлекшій къ себѣ вниманія спеціалистовъ и совершенно не затронутый изученіемъ.

Я разумѣю книги русскихъ внутреннихъ таможенъ, совокупность которыхъ представляетъ подробнѣйшую лѣтопись движенія русской внутренней торговли изъ года въ годъ и изо дня въ день за все время существованія московскаго государства и за первую половину XVIII ст. вплоть до уничтоженія внутреннихъ таможенъ въ 1753 г.—Приведеніе въ извѣстность и систематическое изученіе этого богатаго количественно и качественно и до сихъ поръ неиспользованнаго матеріала должно быть

---

*) Кильбургеръ—Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, перев. Языкова. СПБ. 1820 г.

**) Storch—Hist.—Statist. Gemälde des russischen Reichs am Ende d. XVIII ahrh.—Масса сырого матеріала о русской торговлѣ XVIII ст., но фрагментарнаго характера см. у Чулкова—Историч. описаніе росс. коммерціи.

признано одной изъ насущныхъ очередныхъ задачъ русской исторической науки. Поиски не будутъ напрасны. Въ московскихъ архивахъ хранится большое количество таможенныхъ книгъ, и XVII и XVIII ст., а самое содержаніе этихъ книгъ, какъ уже сказано, обезпечиваетъ обильную жатву для тѣхъ, кто пожелалъ бы приложить свои руки къ этому тучному „дикому полю“, давно ожидающему работниковъ. Въ настоящей статьѣ я рѣшаюсь произвести примѣрную, „опытную“ разработку нѣкоторыхъ книгъ одной изъ внутреннихъ таможенъ XVIII ст. лишь для того, чтобы отмѣтить, какого рода вопросы, касающіеся внутренней торговли, могутъ быть освѣщаемы при помощи документовъ названной категоріи.

Общая картина внутренняго торговаго движенія въ Россіи къ серединѣ XVIII стол. рисуется въ названныхъ выше старыхъ трудахъ по исторіи русской торговли въ слѣдующемъ видѣ. Намѣчаются шесть крупныхъ раіоновъ, по которымъ распредѣлялось тогда это движеніе: 1) центральный, средоточіемъ котораго служила Москва, 2) сѣверный съ средоточіемъ въ Архангельскѣ, 3) сѣверо-западный съ средоточіемъ въ Петербургѣ, 4) юго-западный съ средоточіемъ въ Ригѣ, 5) южный и 6) сибирскій.

Москва являлась крупнѣйшимъ узломъ торговаго движенія для всего центральнаго раіона. Стягивавшіеся сюда изъ всѣхъ центральныхъ провинцій торговые грузы помимо мѣстнаго московскаго потребленія получали затѣмъ при посредствѣ Москвы многообразное дальнѣйшее направленіе. Одна сильная волна шла къ Петербургу. Пшеница, конопля, кожи, сало, щетина составляли главный матеріалъ этого движенія. Другое движеніе развивалось въ предѣлахъ самаго центральнаго раіона. Привлекая къ себѣ сырые продукты изъ центральныхъ провинцій, Москва возвращала ихъ туда же въ переработанномъ видѣ. Выдающуюся роль въ этомъ оборотѣ играла шерсть. Въ Москвѣ и подмосковныхъ селахъ работали многочисленныя ткацкія заведенія, потреблявшія эту шерсть и выпускавшія на московскій внутренній рынокъ готовыя ткани. Здѣсь въ Москвѣ производилась и закупка суконъ на армію главнымъ военнымъ комиссаріатомъ. Третье движеніе направлялось изъ Москвы въ далекую Сибирь. Четвертое—на сѣверъ, въ раіонъ архангельскаго порта. Наконецъ, въ пятыхъ, чрезъ московскій раіонъ проходило большинство и привозныхъ заграничныхъ товаровъ.

Купцы внутреннихъ провинцій Россіи пріобрѣтали эти товары у заграничныхъ фирмъ обыкновенно не на наличныя деньги, а въ кредитъ отъ шести мѣсяцевъ и до двухъ лѣтъ. Дисконтъ этихъ оборотовъ находился въ рукахъ московскаго купечества и составлялъ немаловажный элементъ въ дѣятельности московскаго рынка. Всѣ эти условія высоко поднимали торговое значеніе Москвы не только для одного

центральнаго раіона, но и для всей Россіи. Это значеніе, сложившееся исторически, еще въ эпоху московскаго царства, не умалилось и съ перемѣной путей нашей внѣшней торговли въ началѣ XVIII в. Борьба петербурскаго порта съ архангельскимъ, кончившаяся побѣдой перваго, не затронула коммерческой гегемоніи Москвы по отношенію къ внутренней Россіи. Какъ раньше для Архангельска, такъ впослѣдствіи и для Петербурга Москва сохраняла роль связующаго торговаго узла между приморскими портами и внутреннимъ русскимъ рынкомъ. Самостоятельное торговое значеніе другихъ городскихъ пунктовъ московскаго раіона совершенно стушевывалось передъ самой Москвой. Особаго упоминанія заслуживаютъ не болѣе пяти, шести изъ этихъ городовъ. *Серпуховъ и Верея* являлись выдающимися поставщиками продуктовъ въ Москву и Петербургъ. *Коломна* вела значительную торговлю пригоннымъ съ Украйны рогатымъ скотомъ. До 16 тысячъ головъ пригонялось туда ежегодно съ Украйны. Коломна поставляла съ этихъ гуртовъ въ Москву и Петербургъ соленое мясо, топленое сало и кожи. *Переяславль-Залѣсскій, Гороховецъ, и Вязниковская слобода*—города Владимірскаго раіона посредствовали между этимъ раіономъ и Москвою и торговымъ движеніемъ съ Украйны и Астрахани.

Вторымъ пунктомъ послѣ Москвы по важности положенія во внутренней торговлѣ Россіи являлся *Нижній-Новгородъ*. Къ нему тяготѣлс все среднее Поволжье.—Совершенно исключительное значеніе доставляла этому городу Макарьевская ярмарка, этотъ ежегодный генеральный смотръ русской торговли въ всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и отрасляхъ. *Казань* служила узломъ, смыкавшимъ съ центральнымъ раіономъ Прикамье и Пріуралье. Кромѣ того, Казань была въ срединѣ XVIII ст. оживленнымъ центромъ мануфактурной промышленности. Она высылала переработанные продукты во многія области внутренней Россіи. Изъ пунктовъ казанскаго края заслуживаетъ упоминанія еще *Лаишевъ* на Камѣ по шедшимъ чрезъ него транспортамъ пермской соли. На юго-востокѣ центральнаго раіона выдавался по своему значенію *Саратовъ*, какъ узелъ, сцѣплявшій съ центральнымъ раіономъ нижнее Поволжье. *Пенза, Тамбовъ, Калуга*—центры хлѣбной торговли. Хлѣбные грузы направлялись чрезъ эти города изъ сѣверныхъ частей черноземнаго раіона въ центральную область. Однако, кромѣ названныхъ городовъ другіе города соотвѣтствующаго раіона мало питались этимъ торговымъ движеніемъ. Самое большее, что можно назвать, это—*Сарачскъ* въ добавленіе къ Пензѣ и *Елатьму* и *Козловъ* въ добавленіе къ Тамбову. Калугу придется уже оставить въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ ни одинъ городъ калужскаго намѣстничества кромѣ самой Калуги не выдавался сколько-нибудь значительнымъ участіемъ въ этомъ торговомъ

движеніи. Особое положеніе занимала *Тула*, какъ оживленный центръ желѣзнодѣлательной и сталелитейной промышленности. Сосредоточенные въ Тулѣ заводы давали толчокъ и торговой дѣятельности этого города. Важное значеніе имѣлъ *Орелъ*. Какъ разъ отъ Орла начиналось судоходство по Окѣ. Это обстоятельство придавало Орлу значеніе посредствующаго въ торговомъ отношеніи пункта между Малороссіей и Великороссіей, узла, связывавшаго торговые раіоны Курска и Воронежа съ Тулой и Калугой. Хлѣбъ, скотъ и продукты скотоводства сплавлялись орловскими купцами на баркахъ до Гжатска и Твери.— Большіе гурты скота доставлялись въ Москву и Петербургъ. Но на это торговое движеніе по Окѣ, а косвенно и на торговое развитіе Орла были наложены путы. Ока подъ Орломъ становилась вполнѣ судоходной только въ весеннее половодье. Во всякое другое время движеніе барокъ по Окѣ было возможно лишь съ помощью шлюзъ, расположенныхъ частью по самой Окѣ, частью по Орлику. Эти шлюзы находились въ частной собственности и такимъ образомъ торговля Орла находилась въ сильной зависимости отъ воли шлюзовладѣльца. Городъ находился въ рабскомъ подчиненіи у сосѣдняго помѣщика.

Такова картина торговаго раіона, такъ или иначе тяготѣвшаго къ Москвѣ. Въ центрѣ—Москва, къ которой сходились всѣ нити торговаго движенія внутренней Россіи. Затѣмъ,—какъ соединительные узлы внутренняго раіона съ прилегающими мѣстностями,—Нижній-Новгородъ и Казань съ сѣверовостока; Саратовъ съ юговостока; Пенза, Тамбовъ, Калуга, Орелъ—съ юга. И между названными городами—очень небольшое количество второстепенныхъ городскихъ пунктовъ, достигавшихъ хотя какого-нибудь самостоятельнаго значенія въ кругооборотѣ внутренней торговли.

Перехожу къ сѣверному раіону, который раскидывался къ сѣверу отъ Волги вплоть до береговъ Ледовитаго океана. Здѣсь главнымъ пунктомъ, дававшимъ тонъ всему торговому движенію, былъ *Архангельскъ*. Ростъ петербургскаго порта отнялъ у Архангельска прежнее исключительное руководящее значеніе для всей русской торговли. Но у Архангельска и послѣ этого осталась своя сфера, въ которой ему нечего было опасаться соперничества Петербурга. Разумѣю старинныя и глубокія связи сѣвернаго края Европейской Россіи съ Сибирью. Въ то время, какъ продукты внутренней торговли при посредствѣ Москвы направлялись къ петербургскому порту, сибирскіе транспорты чрезъ верхнее Прикамье шли преимущественно въ сѣверо-западномъ направленіи и конечнымъ пунктомъ этого движенія служилъ Архангельскъ. Архангельскіе купцы были постоянными посѣтителями ирбитской ярмарки, они проникали и вглубь собственной Сибири до самой Кяхты. Главными посредствующими пунктами этого движенія являлись *Вологда и Великій*

Устюгъ. Нѣкогда, до возникновенія петербургскаго порта Вологда играла роль связующаго звена между Архангельскомъ и Москвою. Теперь Вологда подъ давленіемъ того же Архангельска тяготѣла къ крайнему сѣверовостоку и востоку. Вологодскіе купцы на ряду съ архангельскими вступали черезъ Кяхту въ торговыя сношенія съ Китаемъ и оборотъ этой торговли во второй половинѣ XVIII ст. достигалъ болѣе, чѣмъ 800 тысячъ рублей. Въ связи съ этимъ торговымъ движеніемъ отъ архангельскаго края къ Сибири выросло торговое значеніе *Великаго Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы*, Отъ этого движенія отдѣлялась побочная вѣтвь къ Прикамью, которая тоже тяготѣла къ архангельскому торговому раіону. Это обстоятельство вдохнуло жизнь въ торговлю *Вятки и Слободскаго*. Въ Слободскомъ въ теченіе года бывало пять ярмарокъ.

Западный раіонъ дѣлился на двѣ части. Первая тяготѣла къ Петербургу, вторая—къ остзейскимъ портамъ. Въ первой сравнительно второстепенное значеніе имѣли олонецкая, новгородская и псковская области. Олонецкій край лишь въ слабой степени былъ захваченъ торговымъ движеніемъ, не смотря на свои естественныя богатства—лѣса и минералы. Промышленная эксплоатація этихъ богатствъ была въ младенчествующемъ состояніи. *Новгородъ*, городъ съ столь шумнымъ торговымъ прошлымъ, утратилъ къ XVIII ст. всякіе слѣды прежняго торговаго значенія. *Псковъ* стоялъ теперь выше Новгорода въ торговомъ отношеніи. Онъ вывозилъ порядочное количество льна, конопли, дегтя, воска, лѣса и особенно рыбы. Но главные пункты этого торговаго движенія сосредоточивались не здѣсь, а по городамъ верхняго Поволжья. Крупную для своего времени торговлю велъ *Ярославль*. Ея обороты превосходили милліонъ. Къ ней примыкали—*Ростовъ, Угличъ, Рыбинскъ*. Ярославль съ Калугой занимали первыя послѣ Москвы мѣста среди прочихъ городовъ Россіи и по численности купечества. Такъ значится по сказкамъ какъ первой, такъ и второй ревизіи. Довольно крупную торговлю вела и *Тверь*. Тверскіе купцы были крупными хлѣботорговцами. Они закупали хлѣбъ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, въ особенности на Украйнѣ для доставки въ Петербургъ. Торговля желѣзными издѣліями и соленой рыбой доходила до 430 т. рублей, а розничная лавочная торговля—до полмилліона. Съ Волги въ Тверцу ежегодно приходило до 25,000 барокъ и свыше 100 полубарокъ съ товарными грузами. Въ этомъ движеніи принимали участіе кромѣ Твери *Бѣжецкъ, Торжокъ, Старица, Вышній-Волочекъ, Ржевъ*. Весь этотъ раіонъ тянулъ къ Петербургу. На перепутьи между Петербургомъ и остзейскимъ торговымъ раіономъ лежалъ *Смоленскъ*. Къ Смоленску направлялись грузы изъ южной Россіи. Смоленскъ посылалъ ихъ далѣе—черезъ *Гжатскъ* къ Петербургу, черезъ *Поржчье* къ Ригѣ. Послѣ Смоленска важнѣйшимъ торговымъ

пунктомъ была здѣсь *Вязьма*. Сферой едва ли не безраздѣльнаго торговаго вліянія Риги служила Бѣлоруссія.

Переходя отъ всѣхъ упомянутыхъ выше торговыхъ областей къ южному раіону, мы словно переносимся съ бойкихъ торговопромышленныхъ путей въ едва просыпающуюся для торговой жизни пустыню. До присоединенія къ владѣніямъ Россіи черноморскихъ береговъ и Крыма южныя степи при всемъ своемъ просторѣ представляли собой глухой тупикъ, изъ котораго не было выхода. Только что названныя пріобрѣтенія были сдѣланы Россіей уже къ концу XVIII ст. и ихъ результаты еще не успѣли осязательно обнаружиться къ началу XIX ст. Въ послѣдніе годы XVIII ст. не болѣе двухъ—трехъ городовъ приднѣпровскаго и придонскаго раіоновъ направляли уже свои грузы къ черноморскимъ и прикаспійскимъ портамъ. Прочіе все еще предпочитали старые пути въ центральную и западную Россію.

Писатели-экономисты конца XVIII ст. всматривались въ южный край Россіи глазами, полными надеждъ относительно будущаго, но въ настоящемъ они не могли отмѣтить тамъ сколько-нибудь существенныхъ признаковъ промышленнаго оживленія. Въ 90-хъ годахъ XVIII ст. появилось, напримѣръ, экономическое описаніе Россіи, составленное ученымъ нѣмцемъ Фрибе, членомъ петербургскаго вольно-экономическаго общества. Надо послушать, какъ онъ говоритъ о южной Украйнѣ. Фрибе совершенно справедливо предсказывалъ, что Екатерининскія пріобрѣтенія на югѣ готовили для этого раіона крупнѣйшую роль въ *будущемъ* экономическомъ развитіи Россіи. Но пока для него, человѣка XVIII ст., это—еще нетронутое поле для предстоящей колонизаторской и промышленной политики, запасный фондъ естественныхъ богатствъ, лишь ожидающій раціональнаго промышленнаго употребленія. Самымъ выдающимся торговымъ пунктомъ Малороссіи былъ *Нѣжинъ*, направлявшій продукты Украйны къ западной границѣ—въ Молдавію, Валахію, Бессарабію, Лейпцигъ и Данцигъ. Вся торговля этого города была въ рукахъ грековъ. Затѣмъ должны быть отмѣчены *Кременчугъ* и *Полтава*. Здѣсь всегда были большія скопища евреевъ, татаръ, грековъ, грузинъ. Другіе города этого края почти не имѣли значенія въ торговомъ отношеніи. *Кіевъ* представлялъ совершенно второстепенную торговую величину. Въ слободской Украйнѣ было не мало оживленныхъ ярмарокъ, но онѣ носили сельскій характеръ. Изъ торговыхъ городовъ здѣсь должны быть названы *Харьковъ*, *Сумы*, *Воронежъ*. Послѣдній, между прочимъ, имѣлъ торговыя связи съ оренбургскимъ краемъ и соприкасающейся съ нимъ бухарскою торговлей.

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ *Астрахани*. Каспійское море и Волга создавали въ высшей степени выгодную обстановку для торговаго развитія этого города.

Остается еще бросить взглядъ на торговлю Сибири. Выше уже было упомянуто о торговыхъ связяхъ Сибири съ Европейскою Россіей. Сибирскую торговлю вели города сѣвернаго края и затѣмъ нѣкоторыя купеческія фирмы Москвы. Торговый путь въ Сибирь изъ Москвы шелъ на Ярославль, Тотьму, Устюгъ, Лальскъ, Соликамскъ, Верхотурье, Туринскъ, Тюмень и Тобольскъ. Или иначе—на Нижній-Новгородъ, Казань, Кунгуръ и Екатеринбургъ. Такъ, Пермскій край служилъ естественнымъ преддверіемъ къ Сибири. Болѣе замѣтными торговыми центрами являлись здѣсь—Пермь, Екатеринбургъ, Верхотурье и Ирбитъ съ его ярмаркой. Главнымъ торговымъ центромъ Сибири служилъ *Тобольскъ*. Въ теченіе цѣлаго года различныя обстоятельства поочередно держали тобольскую торговлю въ напряженіи. Къ началу весны являлись сюда съ своими транспортами русскіе купцы съ Ирбитской ярмарки. Здѣсь они дожидались вскрытія сибирскихъ рѣкъ, чтобы двинуться далѣе, въ глубь Сибири. Въ теченіе лѣта къ Тобольску подходили торговые караваны изъ Иркутска и съ китайской границы. Наконецъ, зимой являлись съ своими караванами калмыки и бухарцы. Всѣ эти движенія сосредоточивали въ Тобольскѣ немаловажныя торговыя операціи. Помимо сказаннаго Тобольскъ служилъ центральнымъ складомъ сибирскихъ ясачныхъ мѣховъ. Черезъ Тобольскъ же транспортировались продукты нерчинской горной промышленности. Наконецъ, тобольскіе купцы предпринимали промышленно-торговыя экспедиціи на Алеутскіе и Курильскіе острова. Торговой факторіей Тобольска служилъ *Березовъ*, куда ежегодно по весеннему половодью пріѣзжали тобольскіе купцы для мѣновой торговли въ теченіе лѣта съ окрестными инородцами.

Столь разнообразны были торговыя функціи Тобольска. Къ востоку, отъ Тобольска шелъ торный торговый путь въ глубь Сибири; у *Томска*, ежегодно окруженнаго многими калмыцкими и бухарскими караванами, этотъ путь раздваивался: къ сѣверу—на *Енисейскъ*, къ югу—на *Красноярскъ*. Въ Енисейскѣ скрещивались купеческіе транспорты съ запада—съ европейскими товарами, съ сѣвера и востока Сибири—съ мѣхами, съ юга—съ товарами, шедшими изъ Китая. На перекресткѣ всѣхъ этихъ движеній въ Енисейскѣ собиралась оживленная ярмарка. Эта ярмарка для многихъ прибывшихъ изъ Европейской Россіи купцовъ являлась конечнымъ пунктомъ путешествія, такъ какъ они встрѣчались здѣсь съ своими восточно-сибирскими потребителями. Красноярскъ имѣлъ значеніе передаточнаго пункта на *Иркутскъ*, а тамъ въ Иркутскѣ, находилось средоточіе всѣхъ операцій по русско-китайской торговлѣ. Это обстоятельство обусловливало довольно быстрый торговопромышленный ростъ Иркутска, являвшагося по численности населенія, по размѣрамъ торговыхъ оборотовъ первымъ городомъ Сибири, передъ которымъ стушевывался самъ Тобольскъ.

Въ заключеніе остается назвать еще два города Сибири съ замѣтнымъ торговопромышленнымъ развитіемъ. Это— *Нерчинскъ*, второй послѣ Иркутска складочный пунктъ русско-китайской торговли и *Якутскъ*—торговый центръ восточной Сибири, гдѣ съѣзжались купцы изъ Тобольска, Енисейска и Иркутска для соглашенія своихъ операцій по мѣховой торговлѣ съ восточно-сибирскими инородцами.

Мы видимъ изъ представленнаго обзора, что, хотя далеко не всѣ части имперіи были втянуты равномѣрно къ срединѣ XVIII ст. въ обороты внутренняго торга, хотя нѣкоторыя, наиболѣе важныя области какъ, напр., южныя, еще совсѣмъ не выступали на путь торговопромышленнаго развитія, однако размахъ внутренняго торговаго обмѣна былъ все же достаточно широкъ: центръ, сѣверъ, западъ, далекая Сибирь были стянуты тѣснымъ узломъ торговыхъ сношеній, при чемъ сфера вліянія отдѣльныхъ внутреннихъ рынковъ раскидывалась на отдаленныя пространства.

Таковы были общія рамки внутренняго торговаго движенія въ Россіи въ интересующую насъ эпоху. Дѣлопроизводство внутреннихъ таможенъ раскрываетъ передъ нами то конкретное содержаніе, которымъ были наполнены эти рамки. Привлечь вниманіе изслѣдователей къ этому матеріалу — такова единственная задача нижеслѣдующаго изложенія, въ которомъ я попытаюсь проанализировать въ видѣ примѣра таможенныя книги Вятской (Хлыновской) таможни за 1746 г. —Я не буду оправдывать выбора именно этой таможни и именно этого года.—Ни топографически, ни хронологически мой выборъ не опирается на какія либо-особыя соображенія. Я просто беру наудачу одинъ маленькій кусочекъ изъ громаднаго запаса соотвѣтствующаго матеріала лишь для того, чтобы иллюстрировать нѣкоторыя общія свойства этого матеріала, которыя не безполезно имѣть въ виду тѣмъ, кто трудится надъ сооруженіемъ зданія русской исторической науки.

Глубокочтимый учитель русскихъ историковъ моего поколѣнія, которому посвящается настоящій сборникъ, развернулъ передъ нами въ своей научной дѣятельности высокій образецъ совокупнаго использованія самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ и источниковъ. Подвергать раціональному научному употребленію все, что оставила намъ наша древность, и все умѣть приладить къ своему мѣсту въ общей картинѣ историческаго процесса,—вотъ чему учатъ насъ между прочимъ книги и курсы В. О. Ключевскаго. Слабая попытка бросить нѣкоторый свѣтъ на новую категорію источниковъ, до сихъ поръ остававшуюся внѣ кругозора работниковъ русской исторической науки, да послужитъ съ нашей стороны посильнымъ выраженіемъ неизмѣримой благодарности за тѣ уроки, которые преподаетъ намъ знаменитый учитель.

Въ составѣ дѣлъ вятскаго уѣзднаго суда, хранящихся въ москов-

скомъ архивѣ министерства юстиціи, находимъ значительную часть архива Хлыновской внутренней таможни. Къ избираемому для нашихъ наблюденій 1746-му году въ этомъ архивѣ относятся слѣдующіе документы: 1) Столпъ поданнымъ въ Хлыновскую таможню отъ купецкихъ людей выписямъ о свидѣтельствованіи отправляемыхъ ими въ разные города товаровъ и сборѣ пошлинъ [1]); 2) Книга отпускная по выписямъ покупныхъ товаровъ Хлыновскихъ купцовъ нынѣшняго 1746 г. вятской провинціальной Хлыновской таможни бытности выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [2]); 3) Книга отпускная изъ явки и покупныхъ на товарныя деньги товаровъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности выборнаго Андрея Желнина [3]); 4) Книга отпускная по выписямъ покупныхъ на явленыя деньги товаровъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности въ оной таможнѣ выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [4]); 5) Книги, данныя отъ Хлыновской таможни на Летскій караулъ для записи пропущаемыхъ чрезъ тотъ караулъ къ Ношульской пристани приготовленныхъ въ отпускъ къ городу Архангельскому хлѣбныхъ и прочихъ припасовъ и товаровъ-разныхъ купцовъ (для каждаго купца особая книга) [5]); 6) Книга записная о поставкѣ изъ Петербурга на извощикахъ довозныхъ ярлыковъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [6]). Таковы документы, изображающіе состояніе торговаго вывоза изъ Вятки въ теченіе 1746 г. Торговый ввозъ въ Вятку за то же время зарегистрированъ въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Книга приходная съ проданныхъ изъ явки товаровъ таможенныхъ пошлинъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. [7]); 2) Столпъ поданнымъ въ Хлыновскую таможню отъ купецкихъ людей выписямъ объ осмотрѣ товаровъ и сборѣ съ нихъ пошлинъ [8]); 3) Книга явочная привозному по выписямъ табаку и въ ней досмотръ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [9]).

Представлю сначала внѣшнее описаніе исчисленныхъ документовъ и затѣмъ перейду къ анализу ихъ содержанія. Купцы, намѣревавшіеся отправить товары въ другіе города, подавали въ мѣстную таможню на эти товары *выписи*, по которымъ товары свидѣтельствовались въ тамож-

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла вятскаго уѣздн. суда, опись 5, в. II, № 12.
[2]) ibid. в. III № 22.
[3]) ibid. в. IV № 37.
[4]) ibid. в. IV № 41.
[5]) ibid. в. III № 23.
[6]) ibid. в. IV № 33.
[7]) ibid. в. I № 6.
[8]) ib. в. II № 14.
[9]) ibid. в. IV № 34.

нѣ и облагались пошлиной, о чемъ на выписи и дѣлалась соотвѣтствующая помѣта. Поданныя за годъ выписи собирались въ „столпъ“ для храненія въ таможенномъ архивѣ.

Въ такомъ именно видѣ мы находимъ собраніе таможенныхъ выписей по Вяткѣ за 1746 г.—Содержаніе каждой выписи слѣдующее: годъ, мѣсяцъ, число; обозначеніе предъявителя выписи; названіе мѣста назначенія товара; указаніе, откуда товаръ пріобрѣтенъ предъявителемъ выписи; наименованіе товаровъ, съ обозначеніемъ ихъ количества и цѣны и наконецъ—отмѣтка о количествѣ взятой съ предъявленныхъ товаровъ пошлины. Такимъ образомъ, изъ таможенныхъ выписей можетъ быть извлекаемъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ данныхъ по экономической исторіи, какъ-то: 1) о составѣ торгующихъ,—здѣсь таможенныя выписи освѣщаютъ вопросъ, въ какой мѣрѣ въ мѣстномъ торгѣ принимали участіе мѣстные же купцы, купцы иногородніе и лица, совсѣмъ не принадлежавшія къ купеческому состоянію; 2) о торговыхъ путяхъ и о раіонахъ вліянія отдѣльныхъ мѣстныхъ рынковъ; 3) о сравнительной роли города и деревни въ развитіи внутреннихъ торговыхъ оборотовъ: въ выписяхъ обозначается происхожденіе предъявляемаго къ отправкѣ товара—купленъ ли товаръ отправителемъ на мѣстномъ городскомъ рынкѣ, закупленъ ли онъ отправителемъ въ уѣздѣ у первыхъ производителей, привезенъ ли онъ изъ другого города иногороднимъ купцомъ и перекупленъ мѣстными купцами или, наконецъ, товаръ поставляется на мѣстный рынокъ или отправляется въ дальніе города прямо какимъ-нибудь вотчинникомъ изъ его деревень. Такимъ образомъ, таможенныя выписи освѣщаютъ не только размѣры и топографическое распредѣленіе торговыхъ оборотовъ, но также и ихъ экономическую природу; 4) о самомъ содержаніи торговыхъ оборотовъ и о движеніи цѣнъ на разные предметы потребленія. Въ этомъ отношеніи трудно указать какой-нибудь иной болѣе богатый матеріаломъ источникъ, нежели таможенныя выписи. Каждая выпись непремѣнно содержитъ въ себѣ опредѣленныя данныя этого рода.—Наконецъ, 5) помѣты о „пошлинномъ взятьи“ представляютъ не менѣе богатый матеріалъ для исторіи финансовъ.

Кромѣ таможенныхъ выписей торговый вывозъ изъ города можетъ быть изучаемъ по таможеннымъ *отпускнымъ* книгамъ, въ которыхъ записывались „отпуски“, дававшіеся предъявленнымъ товарамъ на основаніи описанныхъ выше „выписей“. Какъ отмѣчено выше, по Вятской таможнѣ отъ 1746 г. имѣемъ три такихъ „отпускныхъ“ книги. Сличая содержаніе этихъ книгъ съ описаннымъ выше „столпомъ“ таможенныхъ выписей, убѣждаемся въ томъ, что по этимъ тремъ книгамъ разнесено все содержаніе „выписей“, „Отпускъ“ содержалъ въ себѣ повтореніе всего того, что значилось въ соотвѣтствующей „выписи“,

но съ присоединеніемъ слѣдующихъ добавленій: 1) указывался срокъ, къ которому отправитель товара долженъ былъ предъявить въ данную таможню съ мѣста назначенія товара заявочную или платежную выпись съ обязательствомъ въ случаѣ просрочки заплатить пошлину по указу; тутъ же обозначалось имя поручителя въ своевременномъ предъявленіи отправителемъ товара выписи и уплатѣ пошлины; 2) помѣщались—расписка таможеннаго ларечнаго въ пріемѣ въ казну росписи товара и въ выдачѣ отправителю выписи; расписка поручителя и расписка отправителя въ полученіи выписи; 3) и—помѣта о дѣйствительномъ доставленіи съ мѣста назначенія товара платежной выписи. Такимъ образомъ, сличеніе отпускныхъ книгъ съ выписями свидѣтельствуетъ о дѣйствительной дальнѣйшей судьбѣ отправляемыхъ чрезъ данную таможню товаровъ.

Торговый *ввозъ* въ данный городъ можетъ быть изучаемъ по документамъ двоякаго рода. Во-первыхъ, мы имѣемъ „столпъ поданнымъ въ Хлыновскую таможню отъ купецкихъ людей выписямъ объ осмотрѣ привезенныхъ товаровъ и сборѣ съ нихъ пошлинъ“, во-вторыхъ, на ряду съ этимъ велась „книга приходная съ проданныхъ изъ явки товаровъ таможенныхъ пошлинъ“. Явочныя выписи на привезеные товары содержатъ свѣдѣнія исключительно о торговомъ *привозѣ*, „книга приходная“... сообщаетъ о продажныхъ сдѣлкахъ на привезенные товары, заключенные на Хлыновскомъ торгу. Такимъ образомъ, сопоставленіе документовъ того и другого рода указываетъ, въ какой мѣрѣ привозъ обслуживалъ именно мѣстный рынокъ, и въ какой мѣрѣ онъ имѣлъ по отношенію къ данному городу лишь транзитный характеръ. Явочныя выписи на привозимые товары писались по слѣдующей формѣ: годъ, мѣсяцъ, число; фамилія таможеннаго цѣловальника, производившаго осмотръ явленнаго товара; наименованіе отправителя; обозначеніе мѣста отправленія по таможеннымъ отпускамъ и времени отправленія; наименованіе товара, съ указаніемъ его количества, его цѣны и взятыхъ съ него пошлинъ. Итакъ, явочныя выписи по торговому привозу доставляютъ опять-таки обильный матеріалъ и для исторіи цѣнъ и для характеристики содержанія внутреннихъ торговыхъ оборотовъ и для изученія торговыхъ путей и отдѣльныхъ раіоновъ внутренняго торга. Важная для насъ особенность этихъ выписей заключается въ томъ, что въ нихъ обозначались не только мѣсто ближайшей отправки, но и всѣ предшествующія таможенныя явки на данный товаръ по мѣрѣ его передвиженія, при чемъ изъ выписи той таможни, въ которую товаръ былъ явленъ первоначально, извлекалось указаніе и на мѣсто его покупки. Такимъ образомъ, каждая выпись представляетъ намъ полную исторію обращенія даннаго товара вплоть до момента достиженія имъ изучаемой таможни.—Сличеніе датъ отправленія товара съ

датой его осмотра въ изучаемой таможнѣ представляетъ, кромѣ того, матеріалъ и для характеристики продолжительности передвиженія торговыхъ транспортовъ того времени.

Что касается записей въ „книгѣ приходной пошлинъ съ продажныхъ товаровъ", рисующихъ ходъ оборотовъ самаго мѣстнаго рынка то онѣ велись по слѣдующей формѣ: „мѣсяцъ, число, такого-то города купецъ такой-то продалъ въ Хлыновѣ на торгу такое-то количество такого-то товара. Продажная цѣна и взятыя пошлины". Помимо продажныхъ сдѣлокъ на мѣстномъ торгу на товары, привезенные изъ другихъ городовъ, названная книга представляетъ регистрацію и всѣхъ другихъ сдѣлокъ на мѣстномъ рынкѣ: на товары, привезенные изъ уѣзда уѣздными крестьянами или явленные для продажи самими мѣстными купцами. Такимъ образомъ, по книгамъ этой категоріи можно изучать не только торговый привозъ въ данную мѣстность, но и всѣ вообще функціи мѣстнаго рынка.

Таковъ составъ интересующихъ насъ документовъ. Думается, что уже изъ представленнаго внѣшняго описанія этихъ документовъ въ достаточной мѣрѣ выясняется все разнообразіе и все значеніе содержащихся въ нихъ данныхъ. Въ заключеніе настоящей замѣтки я рѣшаюсь представить небольшой опытъ разработки этихъ данныхъ по Вятской внутренней таможнѣ за 1746 г., впрочемъ не во всемъ ихъ объемѣ: оставлю въ сторонѣ данныя относительно цѣнъ на товары и относительно таможеннаго дохода отъ взысканныхъ съ этихъ товаровъ пошлинъ; тѣ и другія данныя въ высшей степени важны по своей полнотѣ, но ихъ разработка имѣла бы значеніе лишь при массовомъ использованіи соотвѣтствующаго матеріала по многимъ внутреннимъ таможнямъ.— Я остановлюсь лишь на тѣхъ данныхъ указанныхъ книгъ, которыя рисуютъ направленіе и содержаніе торговыхъ оборотовъ, зарегистрированныхъ въ дѣлопроизводствѣ Вятской (Хлыновской) внутренней таможни за 1746 г. Можетъ быть, этотъ опытъ окажется небезполезнымъ предварительнымъ указаніемъ на то, въ какомъ направленіи можно было бы вести дальнѣйшую разработку соотвѣтствующаго матеріала.—

Обращаюсь къ анализу выписей Хлыновской таможни на отправляемые изъ Хлынова въ разные города товары.—Торговое движеніе изъ Хлынова шло по слѣдующимъ направленіямъ: *на югъ* въ Казань, Самару, Астрахань, Оренбургъ; на *востокъ*—въ Соликамскъ, Кунгуръ, Челябинскъ, Екатеринбургъ, Верхотурье, Ирбитъ, сибирскіе города чрезъ Верхотурье, Чусовой городокъ; на *западъ* и *съверо-западъ*: а) во *внутреннюю Россію*—Москва, Переяславль-Залѣсскій, Ярославль, Галичъ; б) чрезъ Ярославль въ Петербургъ и непосредственно въ Петербургъ; в) въ *сѣверный край:* Устюгъ, Вологда, Лальскъ, Архангельскъ.

Общіе результаты всего этого движенія по всѣмъ таможеннымъ выписямъ за 1746 г. представляю въ слѣдующей таблицѣ:

Ткани, матеріи, одежда, кожи	Юго-западъ	Югъ	Востокъ.	Москва	Прочіе. внутр. города.	СПБ-гъ.	Сѣверъ.	**Всего**
Крашенина	—	600. ар.	5924 ар.	—	—	—	—	6524 ар.
Сукно	—	8758 ар.	64195 ар.	—	15 ар.	—	1600 ар.	74568 ар.
	—	—	-|-89 кон.	—	—	—	—	-|-89 конц.
Холстъ	—	1950 ар.	13990 ар.	—	—	—		15940 ар.
	—	—	-|-567 кон.				-|-567конц.
Пестрядь	—	—	100 ар.	—	—	—	—	100 ар.
Ситецъ	—	—	40 став.	—	—	-	—	40ставокъ.
Кумачи	—	—	70 шт.	—	—	-	180	250 шт.
Кафтаны.	84		183	—	1	—	—	268
Опояски	—	—	88	—	—	-	—	88
Пояски шерстяные.	—	—	50	—	—	-		50
Шляпы шерстяныя и поярковыя . . .	—	—	50	—	—	—	—	50
Шерсть.	—	—	38 п. 30 ф.	—	—	—	—	38 п. 30 ф.
Шерсть коровья . .	—	—	130 ар.	—	—	—	—	130 ар.
Рукавицы.	—	—	1095 пар.	—	20 пар.	—		1115 п.
Чулки.	—	—	165 пар.	—	—	—	—	165 п.
Шубы овчинныя. .	—	19	26 пар.	—	—		—	45 п.
Кушаки.	—	—	42	—	—	—	—	42
Коты	—	—	20 пар.	—	—	—	—	20 п.
Овчинныя одѣяла.	—	—	3		—	—	—	3
Овчины.	—	185	70	330	1463	—	—	2048
Сумы переметныя.	—	—	105 пар.	—	—	-	—	105 п.
Кожи	—	440	40	220	19	9230	—	9949
Готовыя юфти изъ кожи	—	—	250	—	—	1536	—	1786
Хомутинъ	—	—	151	—	—	—	—	151
Щетина сырецъ . .	—	—	—	—	—	70	—	70
Разные мѣха	41553	86	17	39058	675	—	—	81389
Домашніе припасы.								
Лукъ	—	4000 плен.			—	—	—	4000 плен.
Овесъ.	—	315 ч.	—		—	—	—	315 ч.
Рожь.	—	315 ч.	—	—	—	—	2631 ч.	2946
Мука ржаная. . . .		—	850	—	—	3 ч.	44316 п. + 85 к.	44316 + 853 ч. + 85 к.
Медъ	—	53 п. 10 ф.	14 п. 20 ф.	—	1 п.	—	24 п.	92 п. 30 ф.
Воскъ.	—	—	— 1 п..	—	20 ф.		14 п.	15 п. 20 ф.
Солодъ	—	43 ч.	— 50 ч.	—	—		370 п.	370 п. 93
Масло.	—	25 п.	— 22 ведра		—	—	—	25 п. + 22 ведра.
Икра зернистая . .	—	—	12 п.	—	—	—	—	12 п.
Хмель	—	—	627 п. 30 ф.	—	—	—	—	627 п. 30 ф.
Сѣмя огуречное . . и рѣпчатое	—	—	13 п.	—	—	—	—	13 п

	Юго-западъ	Югъ	Востокъ.	Москва	Прочіе внутр. города.	С.П.Б.	Сѣвер.	Всего.
Сѣмя льняное . . .	—	—	—	—	—	—	150 ч.	150 ч.
Толокно	—	—	—	—	—	—	12 п.	12 п.
Осетрина	—	—	—	—	—	—	21 п.	21 п.
Сало	—	—	—	—	—	—	12617п. 35 ф.	12617 п. 35 ф.
Крупа яшная . . .	—	—	23 п.	—	—	—	14 п.	37 п.
Краска брусковая .	—	2 п.	—	—	—	—	—	2 п.
Деревянныя издѣлія.								
Сита	—	587ст.	528 став.	—	—	—	—	15 став.
Окончины	—	300	850	—	—	—	—	1150
Ложки деревянныя.	—	—	228900	—	—	—	—	228.900
Блюда деревянныя.	—	—	1256	—	—	—	—	31.256
Рѣшета	—	—	385 став.	—	—	—	—	385 ст.
Стаканы.	—	—	1230 став.	—	—	—	—	1230 ст.
Желѣзо	—	1500п.	—	—	—	—	—	1500 п.
Бумага писчая . . Яросл. фабрики. .	—	—	140 ст.	—	—	—	—	140 ст.

Какъ видно изъ приведенной таблицы, всего оживленнѣе и разнообразнѣе по составу товаровъ было движеніе на востокъ. Туда шли матеріи (преимущественно сукно), съѣстные припасы и въ отличіе отъ вывоза по другимъ направленіямъ—различныя деревянныя издѣлія и бумага изъ Ярославля. По отдѣльнымъ мѣстамъ ближайшаго назначенія это движеніе на востокъ распредѣлялось такъ:

Въ Соликамскъ—23	случая	отправленія
Верхотурье—5	„	„
на Ирбитскую ярмарку—4	„	„
Въ Кунгуръ—3	„	„
— Чусовой—3	„	„
Екатеринбургъ—2	„	„
— сибирскіе города чрезъ Верхотурье—2	„	„
Челябинскъ—1	„	„

Такимъ образомъ, это движеніе разбивалось въ сущности на двѣ вѣтви — одна шла сѣвернѣе: Соликамскъ—Верхотурье—Ирбитъ, другая—южнѣе: Кунгуръ—Екатеринбургъ. И та и другая вели въ Сибирь. Отдѣльно стоитъ одно отправленіе въ Челябинскъ, всего вѣроятнѣе для мѣстнаго челябинскаго потребленія: отправителемъ явился казакъ челябинской крѣпости, а отправленный имъ транспортъ состоялъ изъ сукна (1250 ар.), кафтановъ, рукавицъ, чулковъ, хомутинъ и деревянныхъ ложекъ (6000).

По числу отправленій выдается Соликамскъ. Несомнѣнно это объясняется тѣмъ, что Соликамскъ служилъ преддверіемъ къ Верхо-

турью и Ирбиту съ его ярмаркой. Большинство отосланныхъ въ Соликамскъ транспортовъ (21 изъ 23-хъ) отправлено вятскими купцами; слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ направленіи этихъ транспортовъ посредствующая роль выпадала уже на долю купцовъ соликамскихъ; выше въ общемъ обзорѣ торговыхъ движеній по Россіи того времени было отмѣчено, что Вятка вмѣстѣ съ Слободскимъ являлись отправными пунктами южной вѣтки торговаго движенія, примыкавшей къ большому торговому пути съ крайняго сѣвера въ Сибирь, съ Архангельска на Верхотурье. Изъ только что приведенныхъ данныхъ, кажется, мы можемъ заключить, что именно Соликамскъ служилъ по преимуществу пунктомъ смычки этой южной вятской вѣтви съ сѣверо-сибирскимъ торговымъ движеніемъ. Правда, мы имѣемъ 5 отправленій прямо изъ Вятки въ Верхотурье безъ посредства Соликамска, но почти всѣ эти отправленія (4 изъ 5) принадлежали не вятскимъ, а иногороднимъ купцамъ. Зато съ Ирбитской ярмаркой нѣкоторые вятскіе купцы поддерживали и непосредственныя сношенія; въ выписяхъ встрѣчаемъ три отправленія отъ хлыновскихъ купцовъ на Ирбитскую ярмарку (сукно, холстъ, кафтаны, рукавицы, кожи, деревянныя ложки, ярославская писчая бумага, сѣмя огуречное и рѣпчатое).

На югъ шли матеріи, мѣха, съѣстные припасы, желѣзо. По отдѣльнымъ пунктамъ назначенія это движеніе распредѣлялось такъ:

въ Казань—3 отправленія
въ Оренбургъ—3 „
въ Астрахань—3 „
въ Самару—1 „

Въ Казань отправлялись сукно (4550 арш.), холстъ (1450 арш.), кожи, овчины, сита, окончины. Въ Оренбургъ—кожи, мѣха и холстъ, въ Самару—187 ставокъ ситъ, въ Астрахань—сельскохозяйственные продукты: лукъ, овесъ, молотая рожь, медъ, масло, солодъ, затѣмъ—сукно, холстъ, желѣзо. Въ Астрахань транспорты отправлялись по водѣ на паускахъ и стругахъ. Наприм.: 20 марта жителемъ села Ивановскаго Уржумскаго уѣзда была отправлена изъ Вятки въ Астрахань—пауска длиною 8 саж., поперекъ 6 арш., цѣною въ 8 р. 50 к., при ней якорь четверорогій въ 3 пуда 10 ф., цѣною въ 3 р. 90 к., а на паускѣ—420 кулей перемолотой ржи и 20 кулей овса. 21 мая трое хлыновскихъ купцовъ отправили совмѣстно въ Астрахань стругъ 17 саж. длины и 4 саж. поперекъ, цѣною въ 25 р., при немъ якорь двурогій въ 12 п., цѣною въ 18 р. Стругъ былъ нагруженъ медомъ, масломъ, солодомъ, крупой, овсомъ, толокномъ, сукномъ (6019 арш.), холстомъ (14.900 арш.), овчинами, желѣзомъ (1500 пуд.)—Въ выписи транспортъ

каждаго изъ трехъ совмѣстныхъ отправителей струга былъ показанъ особо и т. п.

Разсматривая торговое движеніе на западъ, во внутреннюю Россію, слѣдуетъ отмѣтить, что наибольшее число отправленій предназначалось здѣсь для Москвы,—всего 5 отправленій, при чемъ отправляемые туда транспорты состояли почти исключительно изъ разнаго рода мѣховъ—бѣлокъ (13.000), заячьихъ (25.300), кошекъ (250), горностаевъ (250), ласокъ (7 сороковъ), куницъ (34 сорока), недокунковъ (60), лисицъ (132), норокъ (20), выдръ, рысей, россомахъ. Въ добавленіе къ мѣхамъ находимъ здѣсь лишь небольшое количество кожъ и овчинъ. Остальные города внутренняго раіона пользовались притекающими съ окраинъ товарами, очевидно уже при посредствѣ Москвы, и потому лишь въ видѣ исключенія, случайно изъ Вятки производились отдѣльныя посылки въ другіе пункты названнаго раіона, какъ, напр., одно отправленіе въ Переяславль-Залѣсскій (348 овчинъ).—Встрѣчаемъ еще 2 отправленія въ Ярославль и два—въ Галичъ—(мѣха, овчины, сукно).—Но оба названные пункта, какъ сейчасъ увидимъ, играли особую роль по отношенію къ Вятской торговлѣ: Ярославль былъ важнымъ передаточнымъ пунктомъ на Петербургъ, а Галичъ—на пограничную сѣвскую таможню.—Между Вяткой и Петербургомъ, какъ видно изъ разсматриваемыхъ выписей, происходили оживленныя торговыя сношенія по поставкѣ въ Петербургъ выдѣланныхъ изъ кожъ юфтей. При этомъ встрѣчаемъ два случая отправки въ Петербургъ готовыхъ юфтей прямо изъ Вятки (всего отправлено 1536 юфтей изъ 3076 кожъ, передѣланныхъ на собственномъ заводѣ одного Хлыновскаго купца). Но на ряду съ этимъ въ большинствѣ случаевъ кожи изъ Вятки направляются въ Ярославль „для юфтнаго передѣла“ съ тѣмъ, чтобы потомъ изготовленныя въ Ярославлѣ юфти были доставлены въ Петербургъ. Въ выписяхъ за 1746 г. встрѣчаемъ 7 такихъ случаевъ, при чемъ въ Ярославль было отправлено для указанной цѣли—9203 кожи [1]).—Что касается Сѣвской пограничной таможни, то туда въ изобиліи отправлялись изъ Вятки мѣха: за 1746 г. въ Сѣвскъ отправлено въ трехъ транспортахъ 41.553 различныхъ мѣховъ. Галичъ въ большинствѣ случаевъ являлся здѣсь посредствующимъ пунктомъ: упомянутые транспорты составлялись на деньги, вырученныя отъ продажи товаровъ, привезенныхъ въ Вятку по сѣвскимъ и по галичскимъ выписямъ.

Наконецъ, весьма оживленныя торговыя сношенія Вятки съ сѣвернымъ краемъ обслуживали главнымъ образомъ Архангельскъ. Въ другіе

---

[1]) Любопытныя подробности о перевозѣ кожъ изъ Вятки въ Ярославль, а потомъ выдѣланныхъ изъ нихъ юфтей изъ Ярославля до Петербурга можно почерпнуть изъ книгъ записныхъ на выдаваемые изъ таможни извозчикамъ довозные ярлыки. См. ibid., т. IV № 33.

города сѣвернаго края посылаются случайные, небольшіе транспорты: въ Устюгъ—12 п. меду, 20 п. осетрины, въ Вологду—180 кумачей, въ Лальскъ—3 четв. пшеницы, 3 четв. муки ржаной и 14 п. крупъ, поставленныхъ туда волостнымъ жителемъ прямо „съ тяглыхъ его деревень“.—Зато въ самый Архангельскъ отправлено 19 транспортовъ, въ составъ которыхъ вошли—сукна (1600 арш.) и разные сельскіе продукты—преимущественно мука ржаная (44.316 пуд. и 85 кулей) и сало (12617 п. 35 ф.) [1]), рожь (263 четв.).

Итакъ, на востокъ шли по преимуществу матеріи и деревянныя издѣлія, въ Москву и на юго-западную границу (Сѣвскъ)—мѣха, въ Петербургъ—кожи и юфти, къ Архангельску—сельскохозяйственные продукты и всего болѣе сало; движеніе на югъ имѣло второстепенное значеніе. На ряду съ вывозомъ произведеній собственнаго раіона Вятка явственно фигурируетъ здѣсь въ качествѣ одного изъ посредствующихъ торговыхъ пунктовъ между Европейской Россіей и Сибирью.

Отъ этого общаго очерка вятской вывозной торговли, поскольку она обрисовывается вятскими таможенными выписями 1746 г., перейдемъ къ нѣкоторымъ подробностямъ, характеризующимъ существо всѣхъ этихъ торговыхъ операцій.

Въ какой мѣрѣ въ этихъ операціяхъ участвовали сами хлыновскіе купцы? Отвѣчу на этотъ вопросъ слѣдующей табличкой:

	Общее число отправленій.	Въ томъ числѣ отправлено Хлыновскими купцами.		Общее число отправленій.	Въ томъ числѣ отправлено Хлыновскими купцами.
Въ Казань . .	3	1	Въ Ирбитскую ярмарку . .	4	3
„ Самару . .	1	—	„ Екатеринбургъ	2	2
„ Астрахань .	3	1	„ Челябинскъ .	1	—
„ Оренбургъ .	3	2	„ Верхотурье .	5	1
„ Соликамскъ	23	21	„ Лальскій посадъ	1	—
„ Кунгуръ .	3	2			
„ Сибирскіе гор. чр. Верхотурье	2	1	„ Устюгъ . . .	2	2
„ Чусовой город.	3	—	„ Вологду . .	1	—
„ Москву . .	5	2	„ Архангельскъ .	19	14
„ Переяславль-Залѣсскій .	1	—	„ Петербургъ чрезъ Ярославль . .	7	—
„ Ярославль .	2	—			
„ Галичъ . .	2	—	„ Петербургъ .	2	2

[1]) Ср. еще книги, данныя отъ Хлыновской таможни на Лецкій караулъ для записи пропущаемыхъ чрезъ тотъ караулъ къ Ношульской пристани приготовленныхъ въ отпускъ къ городу Архангельскому хлѣбныхъ и прочихъ припасовъ и товаровъ.—ibid., вязка III № 23.

Итакъ, на 95 отправленій 54 отправленія, т.-е. 56,8% приходилось на долю самихъ Хлыновскихъ купцовъ. Въ наибольшей степени Хлыновскіе купцы занимались вывозомъ въ Соликамскъ и затѣмъ въ Архангельскъ.

Въ Соликамскъ они везли преимущественно хмель, въ Архангельскъ преимущественно ржаную муку и сало. Но, какъ увидимъ, они вывозили названные продукты главнымъ образомъ „изъ собственныхъ тяглыхъ деревень". Слѣдовательно, эти операціи проходили мимо городского Вятскаго рынка, и хлыновскіе купцы участвовали въ нихъ не въ качествѣ городскихъ торговцевъ, а въ качествѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ видно по таможеннымъ выпискамъ, хлыновскіе купцы вывозятъ товары либо хлыновской, либо уѣздной покупки. Въ уѣздѣ хлыновскіе купцы являлись скупщиками сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Но были случаи и третьяго рода: нѣсколько хлыновскихъ купцовъ занимались вывозомъ въ другіе города, преимущественно въ Архангельскъ, перетопленнаго сала, при чемъ сырецъ привозился ими же изъ Казани, Самары, Слободского, Каракулинска изъ тамошнихъ ихъ закупокъ.

Нѣкоторые хлыновскіе купцы, какъ уже указано выше, держали въ Вяткѣ свои кожевенные заводы, на которыхъ выдѣлывались юфти. Такъ, въ таможенныхъ выписяхъ упоминаются кожевенные заводы хлыновскихъ купцовъ—Дряхлова и Калинина. Кожи для юфтнаго передѣла на эти заводы частью закупались заводчиками въ уѣздѣ, частью подвозились изъ другихъ городовъ, наприм., изъ Орлова. Дряхловъ самъ непосредственно отправлялъ юфти своего завода въ Петербургъ, Калининъ—въ Оренбургъ. Затѣмъ въ вывозѣ изъ Вятки кожъ и юфтей видную роль играли ярославскіе купцы. Съ одной стороны, ярославскіе купцы покупали юфтныя издѣлія названныхъ вятскихъ заводовъ и везли ихъ въ Петербургъ, съ другой стороны, ярославскіе купцы Викулинъ, Протасовъ и др. занимались вывозомъ изъ Вятки кожъ въ Ярославль для юфтнаго передѣла и затѣмъ уже отправляли эти юфти въ Петербургъ.—Иногородніе купцы вообще на ряду съ хлыновскими купцами играютъ не малую роль въ вывозной вятской торговлѣ. Немногимъ менѣе половины всѣхъ транспортовъ было отправлено изъ Вятки иногородними купцами. Примѣры:

1) Путиловскій купецъ привозитъ въ Вятку мыло изъ Кунгура, а на вырученныя отъ продажи этого мыла деньги везетъ изъ Вятки въ Оренбургъ холстъ и крашенину; 2) ярославскіе купцы Викулинъ и Протасовъ везли изъ Вятки въ Ярославль кожи на деньги, вырученныя отъ продажи привезенныхъ въ Вятку ярославскихъ товаровъ; 3) прокофьевскій купецъ привозитъ въ Вятку товаръ изъ Галича и на вы-

ручку отъ его продажи везетъ изъ Вятки въ Москву кожи и мѣха; 4) московскій купецъ Григорій Журавлевъ возитъ товары изъ Сѣвска въ Сѣвскъ изъ Вятки—мѣха и т. д.

Въ большинствѣ случаевъ иногородніе купцы везутъ изъ Хлынова товары „хлыновской покупки“.—Вятскіе купцы являлись въ этихъ случаяхъ посредниками между иногороднимъ привозомъ и отвозомъ, а также между иногородними купцами и производителями Хлыновскаго уѣзда. Но таможеныя выписи указываютъ также случаи, правда сравнительно немногочисленные, когда иногородніе купцы помимо городского Вятскаго рынка непосредственно сносились съ производителями Вятскаго уѣзда: купецъ изъ Лальска закупаетъ въ Вятскомъ уѣздѣ холстъ и медъ, ярославскіе купцы закупаютъ кожи, казанскіе купцы—рожь и т. п.

Наконецъ, по таможенымъ выписямъ любопытно слѣдить еще за однимъ процессомъ: помимо дѣятельности купеческихъ скупщиковъ уѣздные землевладѣльцы начинаютъ вступать и въ непосредственныя сношенія съ болѣе отдаленными рынками. Правда, въ роли такихъ вотчинниковъ, отправляющихъ продукты своего сельскаго хозяйства на дальніе рынки, всего чаще фигурируютъ опять-таки хлыновскіе купцы, владѣвшіе деревнями. Таможенныя выписи представляютъ не менѣе 21 случая такого рода. Хохряковы, Макшеевъ, Коробовъ, Калининъ, Злыгостевъ, Огородниковъ, Дьяконовъ, Рязанцевъ, Звѣревъ и нѣкоторые другіе вятскіе купцы везутъ „изъ тяглыхъ своихъ деревень“ сельскіе продукты. Но кромѣ того въ трехъ случаяхъ въ такой же роли фигурируютъ и помѣщики не купеческаго состоянія: 1) канцелярист вятской провинціальной канцеляріи Куртьевъ отправляетъ до Соликамска „съ тяглыхъ своихъ деревень“ 15 пуд. хмелю и 5 четв. крупы яшной и „домоваго приготовленія“—600 ложекъ деревянныхъ простыхъ, 15 ставокъ ситъ, 15 ставокъ рѣшетъ, 30 арш. сукна сермяжнаго и 30 паръ клещей конскихъ; 2) секретарь вятской провинціальной канцеляріи Перминовъ отправляетъ къ г. Архангельскому „съ тяглыхъ деревень“ 100 кулей муки—1000 пудовъ, и 3) вятскаго епархіальнаго архіерейскаго дому секретаря сынъ Алексѣй Дьяконовъ съ тяглыхъ его деревень отправляетъ до г. Архангельска муки ржаной—330 кулей въ 3300 пудовъ и 22 куля солода въ 220 пудовъ. Но, какъ видно, случаи такого рода были еще рѣдки.

Перехожу къ разсмотрѣнію торговаго привоза въ Вятку и прежде всего обращаюсь къ выписямъ объ осмотрѣ объявляемыхъ купцами привозныхъ товаровъ [1]). Въ „выпискахъ“ встрѣчаемъ слѣдующіе пункты

[1]) ibid. в. II № 14.

отправленія привозныхъ въ Вятку товаровъ: *съ юга*—изъ *Яранска* [1]), *Уржума*, *Царевококшайска*, Елабуги, Кукарска, Казани, Мензелинска, Варзина (Уфимск у.), Самары, Саратова, Астрахани; *съ востока*—*Слободской*, Кунгуръ, Обвинскъ, Ирбитъ, Енисейскъ, Иркутскъ; *съ сѣвернаго края*—*Карачулинская пристань*, Устюгъ Великій, Архангельскъ; *съ запада изъ внутренняго раіона*—Парфентьевъ, Галичъ, Лысково, Макарьевскъ, Ярославль, Москва; изъ Петербурга и изъ Сѣвска.

Общіе результаты привоза за 1746 г. изъ всѣхъ упомянутыхъ пунктовъ по всѣмъ выписямъ выразились въ слѣдующемъ:

Ткани, матеріи, одежда, кожи.	Съ юго-зап.	Съ юга.	Съ востока	Изъ Москв.	Изъ пр. внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣвера	**Всего.**
Чароны бѣлыя . . .	—	10	—	—	—	—	—	10
Кисеи.	—	3	—	—	2 шт.	—	—	5
Выбойки.	—	93 косяк.	—	—	270 кос.	—	—	363 к.
Кумачи.	3580	40	—	2 кипы.	309	—	—	3929+2 к
Фаты бумажныя. .	—	520	—	—	20	—	—	540
Шелкъ.	—	70 ф.	—	—	—	—	—	70 ф.
Полутафты.	—	—	—	—	75 ар.	—	—	75 арш.
Гилянскія	—	14 шт.	—	—	—	—	—	14 шт.
Платки.	—	16 стоп.	—	—	40	—	—	56 ст.
Кружева.	—	27 кос.	—	—	3 кос.	—	—	30 к.
Стамеду	—	3 куск.	—	1 шт.	7 кус.	—	2 куск.	—13 к.
Камлотъ.	—	1 кус.	—	-	—	—	—	1 к.
Каламенка.	—	1	—	—	357 ар.	—	—	358 арш.
Кушаки	—	40	—	—	-	—	—	40
Мови шелковыя . .	—	5	—		—	—		5
Суси бумажныя . .	—	6	—	—	—	—	—	6
Миткали бѣлые. . .	—	2	—		-	—	—	2
Пестряди.	—	2 кос.	—	—		—	—	2
Китайскія матеріи.	—		63 ш.	—	—	—	—	63 шт.
			+ 179 тюка.				+	179 тюк.
			+ 11 пост.				+	11 пост.
Сукно	—	—	—	313 ар.	2 пол.	600 ар.	1 кус.	913 ар. 1 к. 2 пол.
Пряжа пеньковая. .	—	—	—	—	274 п.	—	—	274 пуд.
Парча.	—	—	—	—	7 ар.	—	—	7 арш.
Мѣха.	—	25 мерлушекъ.	—	—	—	—	—	25 мерл.
Домашніе припасы:								
Сало	—	3.450 пуд.	950 п.	—	—	—	1100 п.	—5500 п.

[1] Курсивомъ означаю пункты, ближайшіе къ самой Вяткѣ.

	Съ юго-зап.	Съ юга.	Съ восток.	Изъ Москв.	Изъ пр. внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣвер.	Всего.
Рыба	—	3705 п. + 6 кад. + на 235 р. 60 к.	—	—	—	—	860 п. + 30 кад.	4565 п. + 36 кад. + на 235 р. 60 к.
Икра	—	1300 пуд. 30 фун. + 4 бочк.	—	—	—	—	4 п.	1304 пуд. 30 фун. + 4 бочки.
Хмель	—	268 пуд.	—	—	20 п.	—	—	288 п.
Перецъ.	—	2 пуд.	—	—	—	—	—	2 п.
Деготь	—	120 вед.	—	—	—	—	—	120 вед.
Чай	—	—	2 пуд.	—	—	—	—	2 пуд.
Мыло.	—	—	30 пуд	—	—	—	—	30 пуд.
Укладу.	—	—	—	—	—	—	250п. 15ф.	250п. 15 ф
Суклади	—	—	—	—	—	—	198 п.	198 п.
Пшено	—	—	—	—	—	—	2 п.	2 пуд.
Ренское.	—	—	—	—	—	—	15 б.	15 боч.
Красное	—	—	—	—	—	—	3 б.	3 боч.
Сахаръ.	—	—	—	—	—	—	14 п. 20 ф.	14 п. 20 ф.
Лимоны	—	—	—	—	—	—	3 б.	3 боч.
Черносливъ. . . .	—	—	—	—	—	—	70 п. + 1 б.	70 пуд. + 1 боч.
Орѣхи.	12000	—	—	—	—	—	—	12000
Финики.	2 п.	—	—	—	—	—	—	2 п.
Изюмъ	1 т.	—	—	—	—	—	—	1 торба
Сандалъ	—	—	—	—	16 п.	—	51 п. 30 ф.	67 п. 30 ф
Краска брусковая.	—	—	—	—	6 + 11 б.	—	2 п. 8 п.	+ 11 б.
Олово.		—	—	—	1 боч.	—	1 боч.	2 боч.
Ладанъ.	—	—	—	—	12 п.	—	—	12 пуд.
Квасцы.		—	—	—	24 п.	—	00	24 п.
Колоколъ мѣдный.	00	00	00	00	22 п.	00	00	22 п.
Бумаги.	00	00	00	00	592 ст.	00	00	592 стоп.

Галантерея.	Съ юго-з.	Съ юга.	Съ восток.	Изъ Москв.	Изъ пр. внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣв.	Всего.
Пуговицы								
Гарусъ.								
Бисеръ.								
Иглы								
Кольца.								
Очки	—	—	—	на 278 р. 25 к.	на 1079 руб.	—	—	1357 р. 25 к.
Серьги.								
Запонки.								
Зеркала								
Губки грецкія. .								
Перчатки								

	Съ юго-зап.	Съ юга.	Съ восток.	Изъ Москв.	Изъ внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣв.	Всего.
Табакъ привозный изъ Малороссіи черкасскій, папушный *)	1270 п.	—	—	—	—	—	—	1270 п.

По количеству привозъ распредѣлялся по мѣстамъ отправленія такъ:

Съ юга	27	транспортовъ, въ томъ чис. 7 изъ ближ. гор.
„ востока	7	„
„ сѣвера	18	„
Изъ центра	23	„ въ томъ чис. 2 изъ Москвы.
„ Петербур.	1	„
Съ юго-зап.	23	„

Съ юга транспорты приходили изъ:

Казани	— 7	транспортовъ
Астрахани	4	„
Самары	3	„
Царевококшайска	3	„
Елабуги	2	„
Мензелинска	2	„
Уфимск. у.	— 2	„
Яранска	— 1	„
Уржума.	— 1	„
Кукарки	1	„
Саратова	1	„

Привозъ изъ ближайшихъ къ Вяткѣ городовъ—Яранска, Уржума, Царевококшайска, Елабуги—шелъ исключительно отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые везли деготь „домовой работы“, хмель „домашнихъ садовъ“, рыбу „своего улову“, однимъ словомъ—сельскіе продукты изъ первыхъ рукъ.—Рыба и сало поступали затѣмъ почти изъ всѣхъ прочихъ упомянутыхъ городовъ, при чемъ доставляемое въ Вятку сало перетапливалось вятскими купцами и отправлялось почти все въ Архангельскъ. Кромѣ рыбы и сала шли еще: бумага, матеріи, кружева изъ Казани, Саратова и Астрахани и различные галантерейные товары изъ Астрахани. Матеріи и ткани, получавшіяся черезъ Астрахань, были среднеазіатскаго происхожденія—гилянскія, шемахинскія.

Съ *востока*—изъ Иркутска—2 трансп., изъ остальныхъ 5 пунктовъ по одному. Слободской и Обвинскъ присылали сало, изъ Кунгура было доставлено 30 пуд. мыла „кунгурской покупки“, изъ Енисейска—чай

*) Свѣдѣнія о привозѣ табака заимствую изъ особой книги явочной привозному табаку. Ibidem в. IV, № 34.

изъ Ирбита и Иркутска—„китайки“. Въ самый Иркутскъ эти китайки попадали изъ Кяхты и шли затѣмъ черезъ городъ Верхотурье на Вятку. Операціи съ торгомъ этой китайкой находились въ рукахъ иркутскаго купца Павла Бѣлоголовaго.—Противъ ожиданія выписи ничего не говорятъ о вывозѣ на Вятку сибирскихъ мѣховъ. Можетъ быть, это—случайная особенность даннаго года, можетъ быть, это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣха, о вывозѣ которыхъ изъ Вятки говорилось выше, были не сибирскаго, а прикамскаго происхожденія.

Съ *сѣвера*: 8 транспортовъ съ Каракулинской пристани, 1—изъ Устюга—Великаго и 9—изъ Архангельска.

Изъ Устюга и Каракулинска шла рыба и икра. Изъ Архангельска получались заморскіе товары: ренское, красное, черносливъ, лимоны, сахаръ, краски.

Изъ *центра*—изъ Галича—10 транспортовъ
— Ярославля 8 „ „
— Москвы— 2 „ „
— Парфентьева, Лыскова, Макарьевской ярмарки,— по одному.

Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ—шли главнымъ образомъ различные галантерейные товары. Большое сравнительно количество отправленій, приходящееся на долю Галича, объясняется, конечно, тѣмъ, что Галичъ, какъ намъ уже извѣстно, пропускалъ транспорты, шедшіе съ Сѣвской пограничной таможни.—И на многихъ выписяхъ на галическіе транспорты мы дѣйствительно находимъ помѣту о томъ, что товары, входившіе въ составъ этихъ транспортовъ, закуплены въ Нѣжинѣ и идутъ съ Сѣвской пограничной таможни. Но нѣкоторые изъ галичскихъ транспортовъ, какъ помѣчено на выписяхъ, шли черезъ Галичъ съ Макарьевской ярмарки. Непосредственно съ Макарьевской ярмарки доставленъ былъ, и притомъ самими хлыновскими купцами, лишь одинъ транспортъ, но зато очень большой, всего на 800 р. 75 к. изъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ *).

---

*) Въ видѣ обращика приведу полное исчисленіе товаровъ, вошедшихъ въ составъ этого транспорта:

100 замковъ павловскихъ 12 р. дес.
3000 колодокъ гвоздья. .12 р. тыс.
40 паръ башмаковъ . . 2 р. дес.
10 фать бумажныхъ . .20 р.
5 дюжинъ роговыхъ табакерокъ . . . . . 2 р. дюж.
4 дюжины карандашей. 20 к. дюж.
200 арш. лентъ. . . . . 6 р. сот.
700 портицъ пуговицъ. . 1 р. сот.
500 арш. холста лысковскаго. . . . . 9 р. сот.
300 листовъ фряжской печати . . . . . 1 р. 80к.
100000 гвоздья желѣзнаго. .25 р.
80 замковъ желѣзныхъ. 80 к. дес.
70 ножницъ . . . . . 3 р.
10 дюж. ножей павловскихъ . . . . . 5 р.

Изъ *Петербурга* въ выписяхъ отмѣченъ только одинъ транспортъ (сукно), но, какъ видно изъ помѣтъ на нѣкоторыхъ ярославскихъ выписяхъ, петербургскіе товары шли и черезъ Ярославль: изъ 8 транспортовъ, полученныхъ въ Вяткѣ изъ Ярославля, 4 состояли изъ товаровъ „ярославской лавочной покупки", а 3 шли собственно изъ Петербурга чрезъ Ярославль. Наконецъ, съ юго-западныхъ пограничныхъ таможенъ прибывали кумачи, орѣхи, финики, изюмъ и табакъ папушный. Всѣ эти товары шли въ Россію чрезъ юго-западныя пограничныя таможни, попадая между прочимъ и на Вятку, изъ малороссійскихъ городовъ. Такъ, чрезъ *сѣвскую* пограничную таможню прибыли 7 транспортовъ съ кумачами, орѣхами, изюмомъ, финиками, купленными въ малороссійскихъ городахъ Королевцѣ и Нѣжинѣ и 3 транспорта съ папушнымъ табакомъ природнымъ и покупнымъ въ Королевцѣ,—чрезъ *курскую* пограничную тамож-

---

6 дюж. бритвъ польскихъ . . . . . 5 р.
3 коробки канители . . 2 р 50 к.
100 дюж. бубенчиковъ . 5 р.
500 перстней . . . . . .40 к. сот.
1500 запон. лысковскихъ . 3 р. тыс.
2 ф. блестокъ. . . . . 1 р. 20 к.
4½ п. проволоки желѣзной. . . . . .17 р.
2 п. пшена сорочинскаго. . . . . 5 р.
4 п. сандалу краснаго. 4 р. 50 к.
30 ф. калгану . . . . . 7 р. 50 к.
1½ п. корки лимонной . 8 р.
1½ яри травянки . . . . 5 р.
25 ф. орѣшковъ чернильныхъ. . . . . .13 р.
6 п. 20 ф. бѣлилъ . . . . . 3 р. пуд.
30 ф. дроби . . . . . 3 р. 50 к.
170 мотковъ поперечныхъ нитныхъ . . . . . .10 к. шт.
30 дюж. картъ. . . . .12 р.
13000 снурку . . . . . 1 р. тыс.
1 ф. коровьяго масла . 1 р. 50 к.
200 гребней роговыхъ. . 3 р. сот.
2200 бумажекъ крючковъ .70 к. сот.
200 крюковъ желѣзныхъ .80 к. сот.
45 мѣдныхъ чернильницъ 3 р. 50 к. д.
1300 портищъ пуговицъ . .15 р. тыс.
30 дюжинъ зеркалъ. . .15 р.
100 нитокъ пуговицъ. . .15 р.
30 паръ оленьихъ рукавицъ . . . . . .15 р.
40 паръ козловъ . . . .20 р.
150 мотковъ мишуры. . .12 р.
5000 мѣдныхъ крестовъ . . 2 р. тыс.
4 зеркала желѣза . . .50 к.
300 наперстковъ . . . . . 4 р.
5000 гвоздей . . . . . 3 р. 50 к.
80 портищъ пуговицъ . 1 р. 20 к.
6000 булавокъ . . . . . .30 к. тыс.
50 щетокъ малыхъ . . . 2 р. 50 к.
15 паръ сапоговъ. . . .14 р.
60 волочковъ водки. . . 8 р.
2 п. миндальныхъ ядеръ 10 р.
½ п. размарину . . . . 1 р. 50 к.
2 п. 20 ф. скипидару и нефти 15 р. 50 к.
14000 гвоздья . . . . . .40 к. тыс.
1 ф. жести. . . . . .50 к
1 п. 10 ф. купоросу . . . . . 2 р.
5 ф. буры . . . . . 4 р.
½ п. бисеру . . . . . 4 р. 50 к.
1 ф. шумихи. . . . . 1 р.
12 ф. шелку. . . . . 3 р.
2 ф. камеди . . . . . .60 к.
2 ф. проволоки. . . . .50 к.
½ п. имбиря . . . . . 2 р.
12 ф. сургучу . . . . . 8 р.
3 п. аниcу. . . . . 5 р.
3 п. сѣры . . . . . 5 р.
2 ф. камфары. . . . . 3 р.
5 занавѣсокъ. . . . . 6 р.
1½ дюж. чулокъ. . . . .10 р.
12 косяковъ выбойки . . 1 р. 50 к.
2 зеркала . . . . . 2 р.

Общая цѣна всего транспорта. . . 800 р. 75 к.

ню прибыло 11 транспортовъ черкасскаго папушнаго табака, въ томъ числѣ 8 черезъ Казань и 3 черезъ Чебоксары (1—„чебоксарской покупки у курскихъ ямщиковъ“, 1—„чебокарской покупки отъ Болховскаго купца“ и 1—„чебоксарской лавочной покупки у иногородныхъ жителей“) и, наконецъ, 2 транспорта пришли черезъ Тулу и Казань.

Итакъ, съ юга приходили преимущественно сало, рыба и средне-азіятскія матеріи, съ востока—чай и китайскія матеріи, изъ Архангельска—вина, лимоны, черносливъ, краски, изъ московскаго раіона и Петербурга—галантерея, изъ Малороссіи—кумачи, бакалейные товары и черкасскій табакъ.

Участіе самихъ Хлыновскихъ купцовъ во всѣхъ этихъ привозныхъ операціяхъ не было малозначительнымъ. Изъ общаго количества 99 привезенныхъ въ Вятку транспортовъ 37, т.-е. 37,3% было привезено самими Хлыновскими купцами. А именно:

Съ *юга* Хлыновскіе купцы доставили 13 транспортовъ изъ 27 (5 изъ Казани, 2 изъ Мензелинска, 2 изъ Уфимскаго уѣзда, 2 изъ Самары, 1 изъ Саратова, 1 изъ Астрахани), во всѣхъ этихъ случаяхъ Хлыновскіе купцы закупали товары въ тѣхъ городахъ, откуда вывозили транспорты, изъ выручки за проданные ими тамъ свои товары.

Съ *сѣвера* изъ 18 транспортовъ Хлыновскими купцами было привезено 9 (5 изъ Каракулинска „покупки у Каракулинскихъ продавцовъ“ и 4 изъ Архангельска—„архангельской городской покупки на товарныя деньги).

Съ *востока* изъ 7 транспортовъ Хлыновскими купцами было привезено 6 (по одному транспорту изъ Слободскаго и Обвинска—сало для перетопки въ Архангельскъ, одинъ транспортъ изъ Ирбита, одинъ изъ Енисейска и два изъ Иркутска—чай и китайскія матеріи).

Хлыновскіе купцы вывозили эти товары изъ Ирбита и Верхотурья отъ сибирскихъ купцовъ, привозившихъ ихъ туда изъ Кяхты.

Изъ *центральнаго раіона* транспорты привозились почти исключительно иногородними купцами и только въ трехъ случаяхъ (по одному изъ Лыскова, Макарьевской ярмарки и Москвы) они были привезены Хлыновскими купцами.

Съ *юго-западныхъ таможенъ* изъ 23 транспортовъ шесть было привезено Хлыновскими купцами—1 изъ Тулы и 5 съ Курской пограничной таможни, всѣ эти транспорты Хлыновскіе купцы закупали въ Казани отъ иногородныхъ купцовъ, привозившихъ ихъ въ Казань съ границы.

Что касается купцовъ иногородныхъ, то одни изъ нихъ привозили въ Вятку товары изъ своихъ собственныхъ городовъ изъ мѣстной „лавочной покупки“ (такъ—изъ Яранска, Устюга, Москвы, отчасти Ярославля), другіе оперировали на сторонныхъ рынкахъ; такъ, наприм.,

Казанскіе купцы возятъ товары въ Вятку изъ Астрахани, Путивльскіе—изъ Кунгура, Устюжскіе—изъ Архангельска, Ярославскіе—изъ Петербурга.

Наконецъ, участіе крестьянъ въ торговомъ привозѣ въ Вятку выразилось въ слѣдующемъ:

Съ *юга* изъ 16 случаевъ привоза 7 падаетъ на долю крестьянъ, изъ этихъ семи случаевъ только въ одномъ уѣздный крестьянинъ является скупщикомъ: крестьянинъ Хлыновскаго уѣзда скупаетъ икру у яицкихъ казаковъ и изъ Самары везетъ въ Вятку на продажу. Въ другихъ случаяхъ крестьяне просто везутъ въ Вятку изъ ближнихъ уѣздовъ свои „домовыя произрастенія“ или свой „уловъ“. Затѣмъ можно еще отмѣтить одинъ случай привоза рыбы съ Каракулинской пристани ясашнымъ крестьяниномъ Уржумскаго уѣзда и одинъ случай привоза хмеля „изъ своихъ домовыхъ садовъ“ дворцовымъ крестьяниномъ Ярославскаго уѣзда. Въ общемъ, слѣдовательно, привозная торговля въ Вятку носила чисто купеческій характеръ.

Какъ уже было отмѣчено выше, дальнѣйшая судьба привозимыхъ въ Вятку торговыхъ транспортовъ можетъ быть прослѣжена путемъ сопоставленія только что разсмотрѣнныхъ выписей съ „книгой приходной съ продажныхъ изъ явки товаровъ таможенныхъ пошлинъ“. Это сопоставленіе показываетъ, въ какой мѣрѣ привозимые въ Вятку изъ иныхъ городовъ товары находили себѣ немедленный сбытъ на Вятскомъ городскомъ рынкѣ. Вотъ—наблюденія, относящіяся къ этому вопросу.

Изъ 27 транспортовъ пришедшихъ съ юга, не отмѣчено въ „книгѣ приходной...“ въ качествѣ проданныхъ только 6, изъ нихъ 5 состояли изъ сала, которое и привозилось не для продажи на Вятскомъ рынкѣ, а для переплавки и дальнѣйшаго отправленія въ Архангельскъ. Изъ 7 восточныхъ транспортовъ не продано 4, изъ нихъ въ двухъ случаяхъ опять-таки не продано сало по той же причинѣ, которая указана выше, затѣмъ не проданъ транспортъ мыла изъ Кунгура и китайскихъ матерій изъ Иркутска. Изъ 18 сѣверныхъ транспортовъ 14 не продано, а именно 3 съ саломъ изъ Каракулинска, 4 съ рыбой изъ Каракулинска и Устюга и 7 изъ Архангельска съ рыбой, винами и красками.

Изъ транспорта, доставленнаго изъ Архангельска устюжскимъ купцомъ Мих. Протопоповымъ въ составѣ: 2 бочекъ ренскаго, 1 бочки краснаго, 3 бочекъ лимоновъ, 70 пуд. чернослива, 2 пуд. краски брусковой, 7 бочекъ ренскаго бѣлаго—въ продажѣ оказалось только 1 бочка ренскаго.

Изъ центра доставлено 23 транспорта, изъ нихъ продано 14,а не въ продажѣ оказались: 1—изъ Парфентьева (кумачи, парча), 6 изъ Галича (матеріи), 1 изъ Ярославля (бумага), 1 изъ Москвы (матеріи).

Но и изъ остальныхъ транспортовъ не всѣ были распроданы цѣликомъ. А именно: изъ 30 стопъ бумаги, привезенныхъ съ Макарьевской ярмарки галицкимъ купцомъ Маляхинскимъ, продано лишь 20 стопъ; изъ 130 штукъ кумачей, привезенныхъ изъ Галича галицскимъ купцомъ Ѳараѳоновымъ, продано лишь 90; изъ 310 стопъ бумаги, привезенныхъ изъ Ярославля Ив. Викулинымъ, продано лишь 130.—Единственный транспортъ непосредственно изъ Петербурга былъ проданъ цѣликомъ.

Съ юго-западныхъ пограничныхъ таможенъ изъ 7 транспортовъ продано 3, а не въ продажѣ осталось 4 (кумачи).

Къ сожалѣнію о партіяхъ привознаго табака не имѣется никакихъ свѣдѣній по данному вопросу.

Итакъ, всего изъ 83 привозныхъ транспортовъ (не считая транспортовъ съ табакомъ)—46 поступили въ продажу на Вятскомъ рынкѣ.—Остальные частью прослѣдовали далѣе, частью остались вообще нераспроданными. Пропорціональное соотношеніе тѣхъ и другихъ, къ сожалѣнію, не выясняется изъ разобранныхъ документовъ.

Таковы наблюденія, извлекаемыя изъ разсмотрѣнныхъ документовъ. Конечно, эти наблюденія слишкомъ недостаточны для какихъ-либо обобщающихъ заключеній, недостаточны уже потому, что всѣ они относятся лишь къ одному году и къ одной мѣстности. Но если предложенный пробный очеркъ хотя до нѣкоторой степени оттѣняетъ все важное значеніе дѣлопроизводства русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ источника для исторіи русской торговли, если онъ можетъ послужить возбужденію интереса изслѣдователей къ массовому изученію соотвѣтствующаго матеріала,—задача настоящей статьи будетъ исполнена.

Ал. Низеветтеръ.

VII.

Слѣдственныя комиссіи по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ.

I.

Въ жизни государственныхъ учрежденій XVIII вѣка многое еще остается неяснымъ. Исторія подчиненнаго и областного управленія, отъ Петра I до Екатерины II, въ особенности мало изучена; въ частности, то-же можно сказать и объ исторіи и организаціи правительственнаго надзора этого времени. Нормальными органами надзора со времени Петра были фискалы и прокуратура. Совмѣстное существованіе обоихъ учрежденій продолжалось впрочемъ не долго, и уже съ 30-хъ годовъ прокуратура, какъ орудіе болѣе гибкое и тонкое, успѣла вытѣснить фискаловъ [1]). На практикѣ, однако, надзоръ осуществлялся еще и другими способами; не только въ годы упадка прокуратуры, но и до 1730 года, а также при Елизаветѣ, верховная власть, высшія учрежденія имперіи, равно какъ и учрежденія областныя, пользовались для контроля надъ тѣмъ, что происходило на мѣстахъ, средствомъ, въ которомъ надзоръ тѣсно былъ слитъ со слѣдствіемъ. Этимъ средствомъ была посылка особыхъ лицъ, снабженныхъ часто очень широкими полномочіями, для разслѣдованія злоупотребленій чиновниковъ, а также наиболѣе выдающихся преступленій общаго характера. Посредствомъ подобныхъ разслѣдованій правительство осуществляло свое право надзора; матеріалъ, добытый ими, служилъ въ случаѣ надобности для судебнаго разбирательства, а своеобразная переходная эпоха, которую Россія переживала въ XVIII вѣкѣ, вводила въ практику разслѣдованія не мало любопытныхъ чертъ и оригинальныхъ подробностей.

---

[1]) Петровскій, Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго, 183—184; Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, 287 и слѣд.

Мы мало знаемъ о слѣдователяхъ, какъ особыхъ агентахъ правительственной власти, въ Московское время. Слѣдственныя комиссіи развиваются только ко времени преобразованій. Еще въ первые годы царствованія Петра встрѣчается посылка особыхъ уполномоченныхъ по экстреннымъ дѣламъ; такъ напр., въ послѣдніе годы XVII в. думный дьякъ Полянскій и дьякъ Берестовъ были отправлены въ Сибирь разслѣдовать дѣло о Красноярцахъ, взбунтовавшихся противъ своихъ воеводъ [1]). Позднѣе система особыхъ порученій развилась гораздо шире. Въ 10-хъ годахъ XVIII столѣтія появляются такъ называемыя „розыскныя маіорскія канцеляріи". Въ 1717 г. гвардіи маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посылается въ Вологду разслѣдовать о недозволенной продажѣ Архангельскими купцами пеньки и юфти за границу; позднѣе тому же лицу поручается дѣло кн. Матвѣя Гагарина. Нѣсколько ранѣе была учреждена такая же канцелярія гвардіи капитана Кошелева; извѣстны подобныя же розыскныя канцеляріи кн. Юсупова, Скорнякова-Писарева и другихъ [2]). Въ 1715—1725 гг. число слѣдственныхъ комиссій растетъ; особыя порученія въ этой области возникаютъ по поводу злоупотребленій въ сборахъ фуражныхъ денегъ, по поводу лихоимства нѣкоторыхъ воеводъ и т. п. [3]). Въ 20-хъ годахъ дѣйствуютъ большія комиссіи по дѣламъ Нестерова, Попцова, Шафирова. Такимъ же, наконецъ, приблизительно способомъ, т.-е. посредствомъ отдѣльныхъ порученій, даваемыхъ генералитету, производилось въ 1721—24 гг. ревизія переписи [4]).

Система особыхъ порученій, даваемыхъ облеченнымъ довѣріемъ и полномочіями лицамъ, пережила Петра и оказалась гораздо прочнѣе, нежели созданныя имъ новыя учрежденія. Можно сказать даже, что эта система въ послѣ-Петровское время развивается и что слѣдственныя порученія дѣлаются однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ правительственнаго воздѣйствія вплоть до губернскихъ учрежденій Екатерины II. Комиссій очень много при Петрѣ II и Аннѣ; самыя, быть можетъ, интересныя относятся ко времени Елизаветы, не мало ихъ дѣйствуетъ и въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Взятыя вмѣстѣ, онѣ составляютъ не только совокупность многочисленныхъ дѣлъ, но и, дѣйствительно, цѣлую систему порученій, органически связанныхъ внутреннимъ сходствомъ. Очень возможно, что развитію отдѣльныхъ порученій въ области надзора и слѣдствія способствовали нѣкоторыя черты устройства государственныхъ учрежденій Россіи отъ Петра до Екатерины.

---

[1]) Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ, 3.

[2]) Веретенниковъ. Очерки по ист. тайн. канц. Петровскаго времени. I. Изъ исторіи маіорскихъ розыскныхъ канцелярій. Ж. М. Н. П. 1907 № 9, 1—47.

[3]) Архивъ Министерства юстиціи. Дѣла Сената, кн. $^{1}/_{217}$, $^{81}/_{224}$.

[4]) Богословскій, Областная реформа Петра Великаго, 328—33..

Во-первыхъ, учрежденій было мало и самый ихъ недостатокъ приходилось пополнять, давая особыя порученія, иначе сказать, вызывая къ жизни временныя учрежденія, упраздняемыя послѣ того, какъ была выполнена задача, на нихъ возложенная. Во-вторыхъ, не говоря уже о фискалахъ, даже прокуратура, какъ органъ надзора, не была на высотѣ своего положенія. Прокуроры далеко не всегда радѣли объ интересахъ казны, которые они призваны были защищать, и не возбуждали преслѣдованій за злоупотребленія, о которыхъ они, быть можетъ, и знали. Импульсъ въ возбужденіи разслѣдованія исходилъ чаще всего отъ частныхъ лицъ, страдавшихъ отъ злоупотребленій властей или же задѣтыхъ такими операціями, отъ которыхъ терпѣла ущербъ и казна. Въ такихъ случаяхъ возлагать возбужденіе дѣла на обычные органы надзора не представлялось возможнымъ, и правительство назначало особыхъ лицъ, на которыхъ падала также и обязанность слѣдователей.

Порученіе разслѣдовать дѣло не выливалось, какъ я уже говорилъ, въ форму постояннаго учрежденія. При Петрѣ, какъ и при его преемникахъ, время которыхъ имѣетъ въ виду настоящая работа, оно оставалось типичнымъ „приказомъ“ стараго времени, т.-е. временнымъ спеціальнымъ порученіемъ. Если форма и примѣненіе ея было чѣмъ-то новымъ, то по содержанію это былъ настоящій пережитокъ старой Москвы. Особое порученіе XVIII вѣка, цѣлью котораго было дознаніе и слѣдствіе, чаще всего носило названіе *комиссіи* [1]). Было бы, однако, ошибочно понимать это названіе въ томъ смыслѣ, какой обычно придается ему въ наше время. Слѣдственная комиссія XVIII вѣка не была непремѣнно коллегіальнымъ учрежденіемъ, а чаще всего была единоличнымъ порученіемъ лицу, избранному властью. Въ этомъ смыслѣ *„порученія“* и слѣдуетъ понимать выраженіе *„комиссія“* въ правительственной практикѣ XVIII вѣка [2]). Лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ комиссіи пріобрѣтали дѣйствительно коллегіальный характеръ. Въ 1728 г. въ Калугу явилась комиссія изъ двухъ лицъ—бригадира Сем. Хлопова и стольника кн. Ав. Барятинскаго. [3]) Учрежденная въ 1738 г. слѣдственная комиссія о нижегородскомъ прокурорѣ Полочаниновѣ, обви-

[1]) А. М. Ю. Д. Сената. кн. $^{41}/_{260}$, л. 680: *„слѣдственная комиссія* Сибирскихъ и Камчатскихъ дѣлъ“; кн. $^{55}/_{271}$, л. 965—971 *„слѣдственная комиссія* о бригадирѣ Бардекевичѣ; кн. $^{88}/_{304}$—*слѣдственная комиссія* о взяткахъ и неправосудіи Смоленскаго вице-губернатора кн. Козловскаго“ и т. д. (Ниже, при ссылкахъ на дѣла сената, хранящіяся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, приводятся только №№ книгъ и листовъ).

[2]) Не трудно подтвердить такое мнѣніе подлинными словами людей XVIII в.: въ инструкціи слѣдователю А. Терскому, относящейся къ 1746 г., о порученномъ ему слѣдствіи надъ Симбирскимъ воеводой Ходыревымъ говорится, какъ о данной ему *„комиссіи“*. $^{103}/_{319}$. л. 15—18.

[3]) $^{23}/_{239}$, л. 11.

нявшемся въ злоупотребленіяхъ при поставкѣ рекрутовъ со своей вотчины, состояла изъ 4 лицъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Волынскаго [1]). Слѣдственная комиссія по дѣлу основателя новосербскихъ поселеній Хорвата состояла въ 1763 г. изъ предсѣдателя г.-маіора Нарышкина и члена, гвардіи капитана кн. Грузинскаго [2]). Въ томъ же 1763 г. объ „азартныхъ поступкахъ“ Мценскихъ купцовъ противъ Мценскаго воеводы приказано было учредить особую комиссію, нарядивъ для этого „нарочныхъ членовъ отъ военной коллегіи, отъ Бѣлгородской губернской канцеляріи и отъ главнаго магистрата, коимъ засѣданіе имѣть по старшинству ихъ чиновъ“ [3]). Тѣмъ не менѣе, слѣдственная комиссія коллегіальнаго характера—исключеніе; обычно слѣдователь дѣйствуетъ одинъ. Само собою разумѣется, что комиссія чаще всего дѣйствовала на мѣстахъ, гдѣ совершены были дѣянія, подвергаемыя разслѣдованію, но были случаи, когда слѣдствіе велось въ Петербургѣ. Въ 1735 г. подъ предсѣдательствомъ А. П. Волынскаго учреждена была комиссія для разслѣдованія злоупотребленій по продажѣ ревеня въ Сибирскомъ приказѣ, для чего были вытребованы въ столицу и всѣ подслѣдственныя лица—судья приказа кн. Ѳ. Барятинскій, сенатскій секретарь Володимеровъ и замѣшанные въ дѣло купцы; выписаны были изъ Москвы и всѣ дѣла [4]). Комиссія о Смоленскомъ вице-губернаторѣ кн. Козловскомъ (1737—41 гг.) также дѣйствовала въ Петербургѣ [5]).

Заканчивая предварительныя замѣчанія о слѣдственныхъ комиссіяхъ времени между Петромъ и Екатериной, я долженъ отмѣтить, что весь нижеслѣдующій очеркъ есть сводка наблюденій надъ комиссіями, которыя имѣли дѣло преимущественно съ преступленіями должностными и фискальными и лишь рѣдко съ преступленіями общаго характера. Въ изученіе вовсе не были введены особыя слѣдственныя комиссіи по сыску воровъ и разбойниковъ [6]). Ими особенно богато царствованіе Елизаветы Петровны; онѣ имѣли спеціальное назначеніе и своеобразныя черты организаціи, которыя дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто особнякомъ стоящее среди слѣдственныхъ комиссій XVIII вѣка.

II.

Можно установить какъ общее правило, что слѣдственныя комиссіи назначались тогда, когда не было надежды, что дѣло можетъ быть пра-

---

[1]) $^{31}/_{247}$, л. 1—34.
[2]) Грибовскій, Матеріалы по исторіи высшаго суда, № 4.
[3]) Грибовскій, Матеріалы, № 138.
[4]) $^{28}/_{244}$, л. 1—3.
[5]) $^{90}/_{306}$. л. 775—786.
[6]) П. С. З. № 9826, 9025—27.

вильно разобрано и разслѣдовано нормальными средствами. Поводы къ назначенію слѣдствія были очень разнобразны. Чаще всего въ основѣ дѣла былъ чей-нибудь доносъ. Доносчиками въ свою очередь могли быть самыя различныя лица и дѣйствовали они изъ самыхъ разнообразныхъ побужденій. Воевода,—лихоимецъ и взяточникъ—могъ иногда поплатиться за все содѣянное, вслѣдствіе доноса мелкаго чиновника, иногда самой незамѣтной спицы въ колесѣ провинціальной администраціи. 19 мая 1730 года Ярославской крѣпостной конторы надсмотрщикъ Козьма Григорьевъ подалъ въ юстицъ-коллегію доносъ на Ярославскаго провинціальнаго воеводу Ѳ. Л. Вельяминова-Зернова, его товарища, подполковника Кривцовскаго, и секретаря Булгакова, съ обвиненіемъ ихъ въ неправильномъ слѣдствіи, въ отдачѣ Ярославскимъ купцамъ „описного на государя воску“, въ держаніи болѣе полугода подъ жестокимъ арестомъ Ярославскаго купца Корсакова и т. д. [1]). Въ мартѣ 1739 г. надзиратель Якутскаго желѣзнаго завода Александръ Ракитовъ донесъ на Иркутскаго губернатора о взяткахъ и о томъ, что слѣдствіе о попыткѣ къ возстанію Тунгузовъ и Бурятъ онъ ведетъ „о такомъ оныхъ иновѣрцевъ злоумышленіи слабо и непорядочно“, а его, Ракитова, за правильныя показанія „мучитъ и держитъ подъ карауломъ“. Отъ Ракитова доставалось и обывателямъ: Якутскихъ жителей вмѣстѣ съ воеводой Заборовскимъ онъ обвинялъ въ похищеніи казны, а Иркутскихъ винныхъ заводчиковъ „въ корчемствѣ и во взятіи отъ казны излишней прибыли“ [2]). Нерѣдко доносчиками выступаютъ сотрудники воеводъ,—ихъ товарищи и секретари. Въ 1728 г. поступилъ изъ Калуги доносъ воеводскаго товарища маіора Потемкина на воеводу Бестужева и ассесоровъ Ханыкова и Кирикрѣйскаго „въ забраніи себѣ безъ указу денежной казны, сперва будто подъ образомъ займа, въ которыхъ давали своей руки письма, а потомъ изодрали оныя, дали другія расписки, будто брали тѣ деньги въ зачетъ своего жалованія, не имѣя о томъ указу и въ забраніи изъ канцеляріи немалаго числа къ себѣ бумаги и свѣчъ сальныхъ и сургуча“ [3]). Изъ доносовъ секретарей отмѣчу доносъ секретаря Воронежской губерніи К. Данилова, обвинявшаго губернатора, бригадира Пашкова, въ томъ, что онъ прикрывалъ денежныя хищенія, совершавшіяся въ его канцеляріи [4]), и доносъ Симбирскаго провинціальнаго секретаря Родіона Манахтина, которому, какъ мы увидимъ ниже, удалось свалить своего воеводу [5]). Иногда доносъ подаютъ частныя лица. Въ 1728 году отстав-

---

1) $^{17}/_{233}$, л. 25—32.
2) $^{32}/_{248}$, л. 1—2.
3) $^{23}/_{239}$ л. 11.
4) $^{25}/_{241}$.
5) $^{103}/_{319}$; л. 1.

ной прапорщикъ Иваньевъ донесъ на Нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго [1]); въ 1763 г. Ливенскій дворянинъ Прокофій Бобровскій донесъ о взяткахъ при рекрутскихъ наборахъ, которыя бралъ бывшій Елецкій воевода Поросуковъ [2]). Бывали доносчиками и духовныя лица; большое дѣло о злоупотребленіяхъ секретаря Вятской провинціи Аверкія Перминова начато было въ 1746 г. по доносу настоятеля мѣстнаго монастыря, архимандрита Іоасафа Потемкина [3]). Трудно разобраться въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляли подавать доносы. Конечно, доносъ есть чаще всего оружіе слабаго противъ сильныхъ; такъ и было чаще всего, если доносъ частнаго человѣка былъ направленъ противъ чиновника; но если мелкій чиновникъ доносилъ на крупнаго, то можно съ такою же степенью вѣроятія предположить, что мелкая сошка донесла потому, что не получила хотя бы маленькой доли изъ награбленнаго.

Что за люди занимались доносами, показываетъ случай, когда доносчика уличили въ томъ, что онъ уже былъ наказанъ по суду—битъ публично плетьми [4]). Быть можетъ, лучшимъ матеріаломъ для характеристики извѣстной категоріи доносчиковъ XVIII в., дѣлавшихъ себѣ изъ этого занятія спеціальность, служитъ дѣло о нѣкоемъ Павлѣ Кашинцевѣ, который возбудилъ лѣтомъ 1727 года дѣло о злоупотребленіяхъ Якутскихъ властей. Кашинцевъ еще въ 1717 г. былъ посланъ изъ Енисейска въ Илимскъ для провожанія наборныхъ казаковъ съ приказомъ смотрѣть, чтобы эти казаки не чинили дорогой обидъ жителямъ. Въ томъ же году „били челомъ на него, Кашинцева, многіе челобитчики въ обидахъ и въ разореніяхъ и во взятіи посыльныхъ подводъ и въ бояхъ, и за такое его воровство и озорничество, за преступленіе по инструкціи указовъ онъ, Кашинцевъ, битъ кнутомъ“. Въ 1722 г. Кашинцева, находившагося уже въ Якутскѣ, постигло новое несчастіе: „въ церкви за необычное чтеніе и за прикладъ къ пареміямъ смѣхотворныхъ и поносныхъ и развратныхъ, чего не напечатано, и за неправое его доказательство и за остановку въ китайскій отпускъ покупной казны и за пріемъ ножевый и за похвальныя слова“, велѣно было сослать его въ Камчатку. Позднѣе онъ бѣжалъ и, „поступивъ въ доносители“, въ 1727 г. оказался въ Петербургѣ, гдѣ пытался вручить самому Императору доносъ на своихъ сибирскихъ враговъ. 22 мая Кашинцевъ, „въ присутствіи Его Императорскаго Величества на Преображенскомъ (Васильевскомъ) островѣ кричалъ необычайно,“ чтобы отъ него было принято доношеніе, гдѣ Якутскій воевода

---

[1]) $^{14}/_{230}$, л. 1—2.
[2]) Грибовскій, Матеріалы. № 27.
[3]) $^{51}/_{267}$. л. 1—5.
[4]) $^{20}/_{236}$, л. 30—39.

полковникъ Шестаковъ и его племянникъ обвинялись въ провозѣ черезъ города и заставы заповѣдныхъ товаровъ, а камеръ-коллегія — въ неправомъ по тому дѣлу слѣдствіи. Столкновеніе съ камеръ-коллегіей и было, кажется, причиной конечной гибели Кашинцева, который, являясь въ коллегію, „поносилъ президента и членовъ продерзостными словами, коллегію порицалъ и другія непристойныя слова говорилъ“, въ копіиста Пономарева, „вырывая изъ тулупа своего волосы кидалъ на него шерсть и волочилъ ухватя его за волосы по палатѣ“, кричалъ „нынѣ де всѣ воры и возстала де аріанская вѣра и Максентіевы мучители и мучатъ де его камеръ-коллегіи президенты Нарышкинъ и Плещеевъ“. За все это Кашинцевъ былъ сосланъ въ Рогервикъ съ вырваніемъ ноздрей [1]).

Прямая жалоба вела къ учрежденію слѣдственной комиссіи не менѣе часто, чѣмъ доносъ. Естественно, что первыми жалобщиками бывали потерпѣвшіе и пострадавшіе. 25-го января 1731 года на имя Императрицы подали челобитную Казанскіе Черемисы Алатской дороги: „въ прошломъ 730 году въ іюлѣ и въ нынѣшнемъ 731 году въ январѣ мѣсяцахъ Казанскій житель черемисскій толмачъ Назаръ Захаровъ присылалъ къ намъ невѣдомо какихъ людей, безъ указу, которые, пріѣхавъ, назывались драгунами и будто даны имъ были указы сыскивать прописныхъ и причисливать въ подушный окладъ и брать за нихъ штрафъ“. Въ два пріѣзда „сыскали“ 324 человѣка и доправили на нихъ „якобы штрафныхъ денегъ 1801 рубль и о пріемѣ оныхъ денегъ квитанціи никакой не дали“; „сысканныхъ“ кромѣ того привозили въ Казань, гдѣ Захаровъ „содержалъ ихъ невѣдомо чего ради въ домѣ своемъ запертыхъ въ подпольѣ подъ карауломъ двѣ недѣли и ночною порою... свободилъ изъ-подъ караула и велѣлъ иттить изъ Казани въ домы свои попрежнему и сказалъ имъ, что будто онъ уже ихъ написалъ въ подушный окладъ“ [2]). Въ 40-хъ годахъ находившійся при ревизіи въ Казанской губерніи коллежскій совѣтникъ Жуковъ жалуется на обиды главнаго ревизора Бардскевича, который тотъ чинилъ ему „злобствуя на него за пріятеля своего Казанскаго купца Тихона Пушникова, у котораго имѣется съ нимъ, Жуковымъ, судное дѣло“ [3]). Въ 1750 году Вязниковскіе купцы жаловались на происшедшіе отъ бургомистра Кондакова и соляныхъ сборщиковъ при продажѣ соли сверхъ указныхъ цѣнъ излишніе сборы [4]). Случалось, что жалобщикомъ выступалъ за пострадавшихъ болѣе сильный человѣкъ. Въ 1744 году вступился за своихъ крестьянъ капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка Нащо-

---

1) $^{30}/_{30}$ дѣло 10, лл. 428–31, 470–71, 497–500.
2) $^{21}/_{237}$ л. 2.
3) $^{32}/_{268}$ л. 1—79.
4) $^{39}/_{255}$ л. 160, 161.

кинъ: „въ Костромскихъ моихъ деревняхъ отъ недороду хлѣба крестьяне многіе находятся безъ пропитанія, и для того покупкою хлѣба принужденъ промышлять, дабы отъ той нужды хотя мало слободить... чего ради былъ самъ въ той моей деревнѣ для исправленія. И въ бытность мою тамъ усмотрѣлъ, что при означенномъ нужномъ случаѣ крестьянство крайнюю еще претерпѣваетъ нужду и недостатокъ оттого, что Костромской воевода Перфильевъ съ товарищи вымысломъ своимъ не по силѣ указу во весь Костромской уѣздъ соль отпускать опредѣлилъ, требуя платежныя описи, исчисляя по онымъ сколько въ переписи душь состоитъ на столько числомъ по 2 фунта на мѣсяцъ человѣку“ [1]). Чѣмъ выше стоялъ жалобщикъ по соціальной лѣстницѣ, тѣмъ, кажется, скорѣе дѣло могло привести къ успѣху, т.-е. къ назначенію слѣдствія: „октября 2-го дня 1741 года по сообщенному изъ Правительствующаго Сената вѣдѣнію и по пріобщенной при ономъ вѣдѣніи съ челобитной д. т. с. кавалера и генералъ-прокурора кн. П. Ю. Трубецкого копіи велѣно о канцеляристѣ Бѣляевѣ во взяткахъ съ Рязанскихъ вотчинъ ихъ сіятельства изслѣдовать и для того слѣдствія послать изъ Москвы нарочнаго изъ коллежскихъ членовъ“. Одновременно тожественная по содержанію жалоба была подана Рязанскимъ архіереемъ на Рязанскаго провинціальнаго воеводу, что не мало должно было содѣйствовать скорому назначенію слѣдствія [2]). Изучая дѣла слѣдственныхъ комиссій 20-хъ—60-хъ годовъ XVIII вѣка, мнѣ пришлось отмѣтить лишь одинъ случай, когда иниціаторомъ учрежденія слѣдственной комиссіи былъ нормальный органъ надзора—прокуроръ: въ началѣ 40-хъ годовъ Сибирскимъ губернскимъ прокуроромъ Елисѣевымъ было возбуждено дѣло о злоупотребленіяхъ секретаря Сибирской губерніи Карташова, за неотсылку въ тобольскую рентерею приходныхъ книгъ, неисполненіе предписаній высшихъ учрежденій и за то что онъ „входящихъ дѣлъ не помѣчалъ и не докладывалъ“ [3]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ прокуроры молчатъ, ограничивая свою дѣятельность узкой сферой, отмежеванной прокурорской инструкціей.

Слѣдственная комиссія всегда назначалась учрежденіемъ болѣе высокимъ, чѣмъ то учрежденіе или лицо, дѣйствія котораго подвергались разслѣдованію. Обычно жалоба или доносъ направлялись къ центральной власти—въ коллегіи или прямо въ высшее учрежденіе Имперіи, т.-е. смотря по времени,—въ Сенатъ, Верховный Тайный Совѣтъ или Кабинетъ; туда же со своей стороны передавали дѣла и коллегіи [4]).

---

[1]) $^{39}/_{255}$ л. 5–7.

[2]) $^{38}/_{254}$ л. 13, 35, 36.

[3]) $^{40}/_{256}$ л. л. 6–17.

[4]) За исключеніемъ, вѣроятно, коллегій государственныхъ, которыя начинали слѣдствія самостоятельно, по крайней мѣрѣ при существованіи В. Т. Совѣта;

Указъ о назначеніи и исходилъ чаще всего отъ Сената; при существованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ исходилъ отъ него, а исполненіе указа лежало на Сенатѣ [1]). Въ царствованіе Анны назначеніе комиссіи зависѣло иногда отъ Кабинета—такъ было, кажется, въ дѣлѣ о Нижегородскомъ прокурорѣ Полочаниновѣ и Смоленскомъ вице-губернаторѣ Козловскомъ [2]). Впрочемъ даже въ годы угнетенія Сената, инициатива въ назначеніи слѣдствія оставалась нерѣдко за нимъ. Въ мартѣ 1739 г. именно Сенатъ, а не Кабинетъ распорядился отправить въ Иркутскъ для слѣдствія о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей и незаконной продажи ревеня стат. сов. Борзова, и при немъ сенатской конторы секретаря Голубцова, а въ Кяхту по тѣмъ же дѣламъ „присутствующаго въ сыскномъ приказѣ“ капитана Любученинова. Настоящій случай можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно бывало Сенату найти подходящаго человѣка и какое значеніе въ данномъ вопросѣ принадлежало Кабинету, какъ высшему учрежденію. Сенатскаго секретаря Ѳ. Голубцова оказалось невозможнымъ назначить для слѣдствія „понеже по Сенатской конторѣ (въ Москвѣ) положены на него нужнѣйшія дѣла и ежели его отъ дѣлъ отлучить, то въ произвожденіе тѣхъ дѣлъ будетъ крайняя остановка“. Вѣроятно это обстоятельство и разстроило посылку Борзова, Любученинова и Голубцова; 13-го апрѣля 1739 года изъ Москвы былъ вытребованъ совѣтникъ вотчинной коллегіи Яковъ Масловъ „для нѣкотораго нужнѣйшаго Ея И. В. дѣла.“ Вызовъ Маслова въ свою очередь возбудилъ протестъ Московскаго вице-губернатора князя Юсупова, который доносилъ, что „по всемилостивѣйшему Ея И. В. указу для представленія и по правленію Московской губерніи прибылъ онъ въ Санктъ-Петербургъ, и за неимѣніемъ при немъ товарищей... отъ Сенатской Конторы опредѣленъ былъ помянутый Совѣтникъ Масловъ, который по отъѣздѣ его дѣла исправлялъ“. Въ заключеніе Юсуповъ проситъ, чтобъ „ежели за отлученіемъ онаго Маслова отъ губернскихъ дѣлъ въ чемъ учинится упущеніе, онаго бы къ нему (Юсупову) причтено не было“. Назначеніе слѣдователя такимъ образомъ задерживалось; въ іюнѣ Сенатъ *испрашивалъ указа отъ Кабинета* для порученія слѣдствія вновь назначенному въ Иркутскъ вице-губернатору Лангу; въ августѣ дѣло опять получаетъ иное на-

---

позднѣе при Елизаветѣ, государственныя коллегіи, входили съ доношеніями въ Сенатъ: такъ, напримѣръ, Военная коллегія въ 1748-году представляла Сенату о необходимости начать дѣло по жалобѣ коллежскаго ассесора Гончарова на Брянскихъ купцовъ. $^{54}/_{270}$ л. 16—18.

[1]) „Въ прошломъ 1728 г. *по указу В. Т. Совѣта посланъ изъ Сената* для розыску про бывшаго Нижегородскаго губернатора подполковникъ князь Гагаринъ“. $^{40}/_{256}$.

[2]) $^{31}/_{247}$, $^{88}/_{304}$—$^{90}/_{306}$.

правленіе. Оказывается „проступки“ бывшаго Иркутскаго вице-губернатора уже разслѣдуются по указу изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ бригадиромъ и Селенгинскимъ комендантомъ Бухольцемъ, а потому „нарочнаго повелѣно-ль будетъ отправлять?“ Не вмѣшиваясь по существу въ вопросъ о назначеніи слѣдствія, кабинетъ 9-го сентября, т.-е. черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ возникновенія дѣла, за подписью Остермана, Черкасскаго и Волынскаго постановилъ „слѣдствіе производить бригадиру Бухольцу и ежели потребно будетъ посылать для того слѣдствія въ отдаленныя мѣста, то посылать ему отъ себя штабъ и оберъ-офицеровъ тамошнихъ гарнизоновъ и о всемъ томъ сообщить штатскому совѣтнику Лангу и для того отсюда для слѣдствія другихъ посылать не надлежитъ“ [1]). Передъ Елизаветинскимъ сенатомъ, изъ котораго были назначены всѣ большія слѣдственныя комиссіи этого времени, также нерѣдко лежала тяжелая задача избрать слѣдователя; такъ напр., разсматривая подходящихъ кандитатовъ для комиссіи о казанскомъ ревизорѣ Бардекевичѣ, сенатъ послѣдовательно забраковалъ трехъ „обрѣтающихся не у дѣлъ статскихъ совѣтниковъ“ и, наконецъ, назначилъ Казанскаго губернатора д. с. с. Грекова [2]).

Само собою разумѣется, право сената назначать слѣдственную комиссію осуществлялось преимущественно когда дѣло шло объ учрежденіяхъ и лицахъ, непосредственно подчиненныхъ Сенату. Однако, если дѣло признавалось важнымъ, то слѣдователь присылался изъ сената и для разслѣдованія дѣйствій второстепенной областной администраціи. Такъ злоупотребленія бывшаго когда-то вице-президентомъ Ярославскаго надворнаго суда, а позднѣе воеводы Ярославской провинціи Вельяминова-Зернова были помимо Московской губернской канцеляріи разслѣдованы посланнымъ изъ Сената гвардіи подполковникомъ Коробовымъ (1730) [3]). Громадное дѣло Вятскаго провинціальнаго секретаря Перминова было начато самимъ Сенатомъ и довѣрено назначенному имъ слѣдователю; то же самое можно сказать о не менѣе значительномъ дѣлѣ Пензенскаго провинціальнаго воеводы Жукова [4]). Впрочемъ, подобный порядокъ вещей былъ скорѣе исключительнымъ; для разслѣдованія дѣйствій провинціальныхъ и городовыхъ властей болѣе обычнымъ явленіемъ было назначеніе слѣдственной комиссіи изъ губерніи. Приведемъ два-три типичныхъ примѣра, которые дадутъ возможность судить, какъ въ такихъ случаяхъ происходило дѣло. Когда до Казанской губерніи стали доходить первыя извѣстія о беззаконіяхъ Пензенскаго воеводы Жукова,

---

1) $^{32}/_{248}$ л. 9, 11, 14, 19, 20, 32, 33, 40.
2) $^{32}/_{268}$ л. 1—79.
3) $^{16}/_{232}$ л. 245—246.
4) $^{51}/_{267}$ Чтенія О. И. Др. Р. 1868. I. 8—9.

то былъ назначенъ слѣдователь изъ Казанской губернской канцеляріи маіоръ Воробьевъ, — лишь впослѣдствіи замѣненный новымъ слѣдователемъ изъ Сената [1]). Такъ же точно Нижегородская губернская канцелярія назначила въ 1747 году слѣдствіе надъ Алатырскимъ провинціальнымъ воеводой Шишкинымъ, поручивъ его воеводскому товарищу сосѣдней провинціи. Впрочемъ и здѣсь дѣло разрослось до сенатскаго слѣдствія. Алатырская комиссія о Шишкинѣ наглядно показываетъ, почему разслѣдованіе дѣла ближайшимъ начальствомъ оказывалось иногда недостаточнымъ. Первый губернскій слѣдователь пришелъ къ заключенію, „что оному воеводѣ Шишкину въ той Алатырской провинціи воеводой быть не должно, а надлежитъ, отрѣша его отъ дѣлъ, произвести о немъ особливое слѣдствіе мимо губернской канцеляріи, понеже онъ, избѣгая слѣдствія и желая укрыть всѣ свои непорядочные и противные поступки, зловымышленнымъ своимъ ябедничествомъ порицаетъ губернскую канцелярію напрасными подозрѣніями“ [2]). Провинціальныя власти (въ спеціальномъ смыслѣ этого слова) не имѣли, повидимому, вліянія при назначеніи слѣдствія надъ городовыми воеводами. Въ 1729 г. „по посланному въ Воронежскую губернію указу велѣно по доношенію Елатомской ратуши въ запечатаніи воеводою Ермоловымъ таможеннаго и питейнаго сбору яцикова, отчего въ покупкѣ хлѣба имѣлась остановка, и во взяткахъ, изслѣдовать Воронежскому вице-губернатору“ [3]). Внѣ прямой зависимости отъ Сената и безъ участія областныхъ учрежденій слѣдствіе назначалось очень рѣдко. Вотъ немногіе случаи сюда относящіеся. Въ 1743 г. „правительствующаго Сената изъ конторы прислана въ соляную контору челобитная л. гв. Измайловскаго полка капитана Нащокина о непорядочной въ Костромѣ казенной соляной продажѣ“. о резолюціи Сенатской конторы„ подписанной на той челобитной, велено о томъ въ соляной конторѣ изслѣдовавъ, рѣшеніе учинить по силѣ указовъ въ крайней скорости, дабы таковые непорядки были пресѣчены“. Въ январѣ 1744 года „въ соляной конторѣ явился ярославскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Писаржевскій, который со опредѣленною ему командою въ Кострому и отправленъ“. [4]) Инструкція была ему дана изъ той же соляной конторы. Въ 1750 г. „по поданнымъ въ сенатскую контору доношеніямъ“ соляная контора требовала присылки особаго лица, которое могло бы быть назначено для слѣдствія по жалобѣ Вязниковскихъ купцовъ на неправильную продажу соли. [5]) Учрежденная въ 1748 году слѣдственная комиссія о разбояхъ бѣглыхъ крестьянъ помѣщика Гон-

[1]) Чтенія О. И. Др. Р. 1888. I. 6—8.
[2]) $^{53}/_{269}$ л. 15—20, л. 66.
[3]) П. С. З. VIII, № 5477.
[4]) $^{39}/_{255}$ л. 28—30.
[5]) $^{39}/_{255}$ л.л. 160, 161.

чарова подъ Брянскомъ была назначена военной коллегіей, хотя, впрочемъ, и по соглашенію съ Сенатомъ [1]).

Избраніе подходящаго лица для выполненія слѣдственнаго порученія и отправленіе его на мѣсто дѣйствія было источникомъ большихъ заботъ, въ особенности если приходилось отправлять слѣдователя въ глухую провинцію. Вслѣдствіе повсемѣстнаго малаго числа должностныхъ лицъ, высшія учрежденія черпали слѣдователей чаще всего изъ отставныхъ военныхъ, уволенныхъ въ отставку для опредѣленія „къ штатскимъ дѣламъ“ и состоявшихъ впредь до назначенія въ вѣдомствѣ Герольдмейстера [2]). Иногда, впрочемъ, назначали и чиновниковъ, занимавшихъ опредѣленныя мѣста на службѣ, какъ въ столицѣ, такъ и на мѣстахъ. Назначеніе мѣстныхъ людей производилось не только когда слѣдствіе наряжалось изъ губерніи; къ этому средству прибѣгалъ и сенатъ. Кромѣ приведеннаго выше случая, когда Сенатъ поручилъ слѣдствіе надъ ревизоромъ Бардекевичемъ Казанскому губернатору Грекову, можно еще отмѣтить, что въ 1732 г., по доносу секретаря Воронежской губерніи Данилова на вице-губернатора бригадира Пашкова, слѣдствіе было приказано производить „обрѣтающемуся въ Воронежской губерніи бригадиру Гулину съ обрѣтающимся въ Воронежѣ на вѣчной квартирѣ штабъ-офицеромъ обще [3]). 1750 года, августа 2 дня, въ собраніи правительствующаго сената докладывано, что по доношенію Брянской воеводской канцеляріи и по резолюціи сената сего 1750 г. февраля 24 дня и по посланному въ военную коллегію марта 23 указу, велѣно для сыску асессора Гончарова крестьянъ Брянской воеводской канцеляріи о дачѣ пристойной команды“; въ результатѣ, начальникъ „пристойной команды“ стоявшаго въ Брянскѣ Рязанскаго пѣхотнаго полка, подполковникъ Ангеларъ и былъ назначенъ слѣдователемъ по дѣлу Гончаровскихъ крестьянъ [4]).

Много неожиданностей и осложненій возникало въ связи съ назначеніемъ слѣдователя. Избранное уже лицо оказывалось возможнымъ отвести, а иногда и самъ слѣдователь попадалъ въ неловкое положеніе обвиняемаго. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ еще живо было старое русское понятіе о „недружбѣ“; недружбы боялись и съ нею иногда считались и власти. Архимандритъ Вятскаго Трифонова монастыря, Іоасафъ Потемкинъ, очень боялся пріѣзда назначеннаго изъ Петербурга слѣдователя Полянскаго, „понеже помянутаго Ивана Полянскаго братъ двоюродный, секундъ-маіоръ Ипатъ Полянскій въ Вят-

---

1) $\frac{51}{270}$ л. л. 16—18.
2) П. С. З. IX №№ 6522, (1733 г.) 6679 (1735 г.).
3) $\frac{25}{241}$.
4) $\frac{51}{270}$ лл. 135—138.

ской провинціи въ 1745 и 1746 годахъ былъ въ правленіи воеводской должности и съ Перминовымъ (противъ котораго Потемкинъ затѣялъ дѣло) имѣлъ кумовство“ [1]). Подслѣдственный Рязанскій воевода Чебышовъ, жалуясь на слѣдователя Полонскаго, оправдывается въ томъ, что „въ бытность у слѣдствія, не объявя сего, въ Москву прибылъ, и то учинилъ отъ вышеписаннаго Полонскаго, по имѣющимся ко мнѣ его злобамъ и нападеніямъ, ожидая вящшаго себѣ оскорбленія [2]). Отрѣшенный отъ должности за обиды и взятки Козьмодемьянскій воевода, поручикъ Обуховъ, жаловался въ 1728 г. въ сенатѣ, что Казанскій губернаторъ Волынскій показывалъ на него неправильно. Сенатъ поручилъ слѣдствіе сосѣдней губернской канцеляріи—Нижегородской. Тогда Обуховъ вновь билъ челомъ, что Нижегородскій вице-губернаторъ Волынскій Казанскому губернатору близкій родственникъ „и по указу слѣдовать ему о томъ за родствомъ не подлежитъ“. Просьба Обухова была уважена и слѣдствіе было вновь поручено Казанскому губернатору, но уже преемнику Волынскаго, кн. Долгорукову [3]). Сами высшія учрежденія при выборѣ лицъ для слѣдственныхъ комиссій колебались и дѣлали промахи. Мы видѣли выше, какъ Сенатъ въ 1730 г. шесть мѣсяцевъ выбиралъ слѣдователя для Сибири. Затѣявъ слѣдствіе надъ Рязанскимъ воеводой Чебышовымъ, сенатъ допустилъ большую небрежность, не отправивъ въ Рязань наиболѣе скомпрометтированное въ дѣлѣ лицо—подъячаго провинціальной канцеляріи Бѣляева, незадолго до того высланнаго „для малолюдства въ Санктъ-Петербургской губернской канцеляріи приказныхъ служителей въ оную губернскую канцелярію къ дѣламъ“, что вызвало протесты слѣдователя Таптыкова, доносившаго, что слѣдствіе безъ Бѣляева вести невозможно [4]).

Кажется, что самымъ недовольнымъ лицомъ при назначеніи слѣдственной комиссіи бывало лицо, избранное для ея руководства. Старорусскія понятія объ уклоненіи отъ службы были не менѣе живучи, нежели представленія о недружбѣ, и слѣдователь не прочь былъ иногда оказаться „въ нѣтѣхъ“. Въ 1750 году въ Алатырь на слѣдствіе о воеводѣ Шишкинѣ долженъ былъ отправиться „представленный отъ Герольдмейстерскихъ дѣлъ“ „изъ написанныхъ въ вынѣшнемъ 1750 году на житье въ Москву“ полковникъ Т. Сабанѣевъ, но, несмотря на данную подписку о невыѣздѣ, его въ Москвѣ не оказалось; было поднято дѣло о его разысканіи, съ угрозами отписать его имѣніе на государыню, но слѣдователя пришлось все-таки отправить другого [5]). Вотъ примѣры еще

---

1) $^{51}/_{267}$, л. 318.
2) $^{38}/_{254}$ л. 127—128.
3) $^{21}/_{237}$, д. № 9, л. 1.
4) $^{38}/_{254}$, л. 8.
5) $^{53}/_{269}$ л. 195—6.

болѣе яркіе. Для веденія слѣдствія по дѣлу Вятскаго секретаря Перминова былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ив. Полянскій, жившій въ своей вотчинѣ подъ Рыльскомъ. Рыльская воеводская канцелярія, которой предложено было увѣдомить Полянскаго о назначеніи, донесла Сенату, что „къ помянутому, с. сов. Полянскому, гдѣ онъ жительство имѣетъ, въ Рыльскій уѣздъ, въ с. Кострову, изъ Рыльской воеводской канцеляріи посыланъ былъ канцелярист, который ноября 5 дня(1751г.) доношеніемъ объявилъ, что онъ въ показанное село Кострову къ помянутому с. с. Полянскому ѣздилъ и данная ему канцеляристу инструкція оному с. с. Полянскому объявлена, который-де объявилъ, что онъ с. с. боленъ, одержимъ жестокими разными болѣзнями—истеріей чечуйною и прочимъ. Сенатъ распорядился послать за Полянскимъ курьера, снабженнаго слѣдующей не лишенной интереса инструкціей: „Взявъ тебѣ изъ Ямской канцеляріи на 2 почтовыя лошади подорожную, ѣхать отъ С.-Пегербурга до Рыльска, и когда въ Рыльскъ прибудешь, тогда посланный съ тобою въ Рыльскую воеводскую канцелярію указъ подать въ той канцеляріи того-же числа, и въ силу того указу требовать для посылки съ тобою по онаго Полянскаго, кого надлежитъ и кто отправлены будутъ, то со оными ѣхать тебѣ ко оному Полянскому и взявъ его, привести въ Рыльскую воеводскую канцелярію, не пріемля отъ него никакихъ отговорокъ; и какъ привезенъ будетъ и оной Рыльской канцеляріи, давъ оному Полянскому по рангу, а тебѣ одну, ямскія подводы, отправить въ Казань, какъ наискорѣе возможно: и какъ въ Казань отправленъ будетъ, то тебѣ, курьеру, до Казани ѣхать при немъ Полянскомъ, и чтобъ въ пути ѣхать безъ замедленія, въ томъ имѣть тебѣ понужденіе.“ Несмотря на широкія полномочія, которыя давали ему возможность везти Полянскаго въ Казань почти арестантомъ, курьеръ Трусовъ встрѣтился съ неожиданными препятствіями. Курьеръ съ сопровождавшими его разсыльщиками воеводской канцеляріи „Полянскаго изъѣхали и данную инструкцію ему объявили; токмо-де онъ, Полянскій, въ томъ своемъ домѣ отъ нихъ скрылся и сыскать не могли, и черезъ 2 дня въ тотъ его домъ не явился, а жена-де его оному курьеру объявила, якобы онъ, Полянскій, поѣхалъ въ С.-Петербургъ“. Получивъ такое извѣстіе, сенатъ распорядился „за означенное ст. сов. Полянскаго отъ посылки въ Казань ко отправленію его въ Вятскую провинцію для нѣкотораго слѣдствія укрывательство, все недвижимое его имѣніе, пока онъ, Полянскій, не явится, отписать и людямъ и крестьянамъ слушать его не велѣть.“ Чтобы правильно судить о статскомъ совѣтникѣ Полянскомъ, проявившимъ столь энергическое противодѣйствіе указамъ сената, надо вникнуть въ его положеніе, какъ оно открывается изъ прошенія, поданнаго Полянскимъ Государынѣ въ то самое время, когда его разыскивали въ Рыльскомъ уѣздѣ. „Служилъ я, нижайшій, въ

арміи Вашего Величества съ 715 году изъ дворянъ въ лейбъ-региментѣ и въ прочихъ регулярныхъ разныхъ полкахъ, всего 33 года безпорочно и безотлучно. А въ прошломъ 1747 году Всемилостивѣйшимъ В. И. В. указомъ отъ той военной службы за старостью и за болѣзнью отставленъ съ награжденіемъ ранга статскаго совѣтника и для излѣченія болѣзни своей, жительство имѣю въ Рыльскомъ уѣздѣ въ деревнишкѣ моей." Боясь послѣдствій своего ослушанія, Полянскій добавляетъ, что „принужденъ привезти себя въ Петербургъ" и, добиваясь увольненія отъ тяжкаго порученія, представляется „къ милостивому разсмотрѣнію сената", и „подноситъ о болѣзняхъ своихъ аттестатъ". Полянскій, 59-лѣтній старикъ, прослужившій 33 года, думалъ наконецъ отдохнуть въ своей „деревнишкѣ," но вмѣсто желаннаго отдыха его заставляютъ ѣхать на другой конецъ имперіи въ сложную и отвѣтственную коммиссію. Понятно что онъ готовъ на все, чтобъ избавиться отъ нагрянувшаго бѣдствія. Полянскому, впрочемъ, такъ и не удалось свалить съ себя тяжелаго порученія. Въ февралѣ 1752 г. онъ былъ отосланъ подъ конвоемъ въ Вятку, фактически лишь отсрочивъ ссылку на 4 мѣсяца. Около 1 марта престарѣлый статскій совѣтникъ въѣхалъ арестантомъ въ Вятку, гдѣ сдѣлался властелиномъ и хозяиномъ на цѣлыя 6 лѣтъ [1]).

Не менѣе характеренъ другой случай. Въ слѣдственную комиссію по злоупотребленіямъ сибирскаго губернатора Сухарева былъ въ 1744 г. назначенъ полковникъ Извольскій. По справкамъ, въ Москвѣ на квартирѣ его не оказалось; по словамъ дворового человѣка, „полковникъ Алексѣй Петровичъ Извольскій обрѣтается въ Каширской своей деревнѣ, а какъ зовутъ, не знаетъ". Извольскаго, однако, розыскали; въ Сенатѣ, который находился въ то время въ Москвѣ, онъ былъ подвергнутъ медицинскому осмотру, причемъ оказалось „у него, Извольскаго, правой ноги кругомъ берцы имѣетъ пухоту и то мѣсто сине и къ ранѣ склоняется, отчего у него, по его объявленію, ежедневно бываетъ жаръ, и за тѣмъ ему нынѣ при дѣлахъ быть невозможно, а надлежитъ пользоваться. Чего ради онъ, Извольскій, впущенъ былъ предъ собраніе правительствующаго сената и та объявленная осмотромъ докторскимъ и лѣкарскимъ на ногѣ его болѣзнь осматривана и по осмотру явилась оная нога подлинно больна; потомъ чтены предложенные отъ герольдмейстера списки генералитету и прочимъ для опредѣленія на мѣсто его, Извольскаго, другого; и слушавъ оныхъ приказали: полковника Извольскаго за показанною его болѣзнью для слѣдствія не посылать". Изъ другихъ кандидатовъ ассессоръ Коринъ былъ также отставленъ отъ сибирской слѣдственной комиссіи, потому что былъ еще „не сочтенъ отъ должности воеводы Владимірской провинціи", Михайловъ, подобно Из-

---

[1]) $^{51}/_{267}$, лл. 188—189. 191—193' 278, 296, 297.

вольскому, сослался на болѣзнь", и тоже отставленъ, когда убѣдились, что онъ „на правой ногѣ пониже икры отъ цынготной болѣзни имѣетъ небольшую рану", а „правая нога противъ лѣвой толста". Наконецъ, въ апрѣлѣ 1745 г. отправился въ Сибирь на слѣдствіе полковникъ Лукьянъ Боборыкинъ, который года полтора спустя уже слезно просилъ отпустить его домой, указывая въ числѣ другихъ доводовъ, что за смертью его жены и матери его дѣти остались дома безъ призору [1]).

Такъ поступали назначаемые въ слѣдственную комиссію. Колебаніе и неопредѣленность дѣйствій высшихъ учрежденій, условія выбора, падавшаго часто на калѣкъ или больныхъ стариковъ, сложность и отвѣтственность самого слѣдственнаго порученія, заставляли уклоняться отъ назначенія, не взирая на суровыя наказанія, которыя за это грозили. Пріемы, которые при этомъ пускали въ ходъ дѣти и даже внуки современниковъ Петра Великаго, живо напоминаютъ старыхъ Московскихъ дворянъ „нѣтчиковъ" и разсѣиваютъ культурную иллюзію XVIII вѣка.

III.

Задачи слѣдственныхъ комиссій и полномочія слѣдователей опредѣлялись указомъ или особой инструкціей, получаемой изъ учрежденія, назначавшаго слѣдствіе. Содержаніе инструкцій, составлявшихся почти всегда по одной схемѣ съ измѣненіями лишь въ подробностяхъ, сводится къ слѣдующему. Инструкція начиналась съ повелѣнія избранному лицу ѣхать для слѣдствія о „непорядкахъ и взяткахъ" и т. п. въ назначенное мѣсто. Далѣе слѣдуютъ указанія какъ выполнять данную „комиссію". Ѣхать тебѣ (рѣдко—вамъ) „со всякимъ поспѣшеніемъ, на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ" и, пріѣхавши въ городъ, „чинить нижеслѣдующее". Слѣдователю предписывалось дѣло „изслѣдовать накрѣпко вправду, безъ упущенія", допросить всѣхъ обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ и всѣхъ, которые могли-бы быть привлечены въ качествѣ свидѣтелей, „по вопроснымъ пунктамъ, съ полною о всемъ очисткою, объявляя имъ напередъ Е. И. В. указъ, чтобы они о томъ, въ чемъ имѣютъ быть спрашиваны, показывали самую истину", ибо иначе имъ „никакого отъ Е. И. В. милосердія показано не будетъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ Сибири, слѣдователи получали право даже пытать „мелкихъ людей", отсылая тѣхъ „кои въ рангахъ" для розыска въ сенатъ. При этомъ заподозрѣнныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ должностныхъ лицъ слѣдователь могъ устранять отъ должности, или, по выраженію нѣкоторыхъ инструкцій, „отказать отъ команды", передавая власть другому лицу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дѣло шло, напр., о воеводской должности, при-

[1]) $\frac{40}{256}$, л. 198—199, 210—211, 213, 435, 936—939.

нимая обязанности устраненнаго на себя („вѣдая тотъ городъ и по указу дѣла исправляя“). Слѣдователю разрѣшается принимать новые доносы и челобитныя, а „наипаче“ предписывается „смотрѣть, не имѣется-ли интересу Е. И. В. и въ протчемъ какого похищенья“; для этого всѣ пострадавшіе и обиженные обвиняемыми должны быть приглашаемы давать показанія, „безо всякаго опасенія, причемъ объявителямъ никакого озлобленія и нималаго задержанія не чинить, дабы черезъ то могли явиться и о самой сущей обидѣ объявлять безъ всякія страсти“. Слѣдователи должны дѣйствовать „по самой справедливости по силѣ Е. И. В. указовъ, съ добрымъ успѣхомъ безъ наималѣйшаго времени потерянія“; „помня свою присяжную должность“, они обязаны „праведно и нелицемѣрно поступать, за которую ихъ вѣрность обнадежитъ ихъ Е. И. В. милостію; напротивъ же того, ко взяткамъ и подаркамъ ни подъ какимъ предлогомъ отнюдь не касаться и противнаго указамъ не чинить; въ чемъ ему и за подчиненными крѣпкое смотрѣніе имѣть“. По окончаніи комиссіи слѣдователь долженъ представить подробное донесеніе въ сенатъ или иное высшее учрежденіе, отъ котораго онъ получилъ свои полномочія. [1])

Отъ такого общаго типа инструкція отступала въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ; тогда усиливались и полномочія слѣдователя и его отвѣтственность. Если же дѣло представлялось особенно сложнымъ, то въ инструкціи давались нѣкоторыя детальныя руководящія указанія слѣдователю. Примѣромъ перваго случая можетъ служить инструкція, данная полковнику Александру Терскому, ведшему слѣдствіе надъ Симбирскимъ провинціальнымъ воеводой Ходыревымъ. Я приведу изъ нея нѣсколько отрывковъ. Симбирскій воевода, подполковникъ Андрей Ходыревъ, „ко опредѣленнымъ по указу отъ нашего сената бригадиру Бардекевичу и посланному отъ него полковни Толстому для слѣдствія подъ судъ не пошелъ и учинился указамъ нашимъ противникомъ, за что учинилъ себя достойнымъ смертной казни“. Поэтому слѣдователю предлагается „пріѣхавъ въ Симбирскъ, не заѣзжая никуда, ѣхать прямо къ воеводѣ на дворъ и его арестовать и всѣ его письма, гдѣ-бъ сыскаться могли, забрать; а особливо смотрѣть тѣхъ, которыя къ нему писаны отъ какихъ придворныхъ или отъ другихъ знатныхъ, отъ кого-бъ то ни было, и оныя запечатавъ прислать къ намъ немедленно. По прочтеніи же сего нашего указа, какъ о сей порученной тебѣ комиссіи, такъ и по вступленіи въ дѣйство объ ономъ дѣлѣ, что будетъ происходить, кромѣ однѣхъ доношеній къ намъ иному никому не сообщать и подчиненнымъ своимъ накрѣпко заказать, а что нужное будетъ къ

---

[1]) $^{16}/_{232}$, л. 245—246; $^{14}/_{230}$, л. 1—2; $^{20}/_{236}$, л. 971; $^{32}/_{248}$, л. 51—53; $^{39}/_{255}$, л. 28—30; Чтенія О. И. Д. Р. 1888, I, 9; Грибовскій, Матеріалы, № 30.

доношенію намъ, то писать тебѣ своею рукою“ [1]). Примѣромъ болѣе сложной инструкціи можетъ служить инструкція полковнику Вульфу, отправленному въ 1745 г. для ревизіи Сибирской губерніи. Комиссія Вульфа существовала довольно долго; въ 1749 г. она носила громкое названіе „слѣдственной комиссіи Сибирскихъ и Камчатскихъ дѣлъ“. Комиссія эта была учреждена послѣ подачи поручикомъ Турчаниновымъ „прожекта“ всякихъ улучшеній, точнѣе доноса на Сибирскіе порядки; ей приходилось во всемъ считаться съ этимъ прожектомъ; считалась съ нимъ и данная Вульфу инструкція, отличающаяся обстоятельностью и подробными указаніями какъ слѣдователю поступать въ вопросахъ, касающихся торговли табакомъ, китайскимъ спиртомъ, ловли бобровъ и т. п. [2]) Въ общемъ, можно сказать, что полномочія слѣдователей дѣлали изъ нихъ сверхъ-властителей въ провинціи; права, которыя они получали надъ областной администраціей, дѣлали ихъ диктаторами надъ уѣздами, надъ провинціей, иногда надъ цѣлой губерніей. Облеченные властью, они импонировали населенію, возбуждали подозрѣніе во властяхъ, не подпавшихъ подъ слѣдствіе, вызывали отчаянное подчасъ сопротивленіе со стороны ревизуемыхъ и сами не всегда удерживали равновѣсіе между строгими требованіями закона и склонностью по слабости человѣческой пойти дорогой, уже пройденной тѣми, чьи дѣйствія они должны были изслѣдовать.

Переходя къ дѣйствіямъ слѣдователей на мѣстахъ, замѣтимъ мимоходомъ, что слѣдственная комиссія всегда учреждалась за счетъ какъ выражались официальные документы „будущихъ виновныхъ“, открыть которыхъ и должно было слѣдствіе.

Мы видѣли выше, какъ слѣдователь былъ отправленъ къ мѣсту дѣятельности подъ конвоемъ. Дѣло, конечно, не всегда обстояло такъ Предоставимъ слово слѣдователю, капитану Терскому, и его спутнику, отставленному Симбирскому секретарю, описывающимъ свое путешествіе изъ Петербурга въ Симбирскъ, свое вступленіе въ городъ и первые шаги дѣятельности слѣдственной комиссіи. „По силѣ высочайшихъ Ея И. В. именныхъ указовъ отъ С.-Петербурга до Твери сухопутно, а отъ Твери на взятомъ изъ того города суднѣ водою слѣдовалъ я съ поспѣшеніемъ“, доносилъ капитанъ Терскій (1747 г.), „и, проѣхавъ Казань, данный мнѣ запечатанный указъ на дорогѣ, при посланномъ со мною секретарѣ Манахтинѣ, распечаталъ мая 17 числа и по распечатаніи указа пріѣхалъ въ Симбирскъ сего жъ мая 18 числа по полуночи въ 3-емъ часу и, не заходя никуда, пришедъ прямо на дворъ къ воеводѣ подп. А. Ходыреву (вполнѣ согласно съ инструкціей) и его арестовалъ и всѣ его письма, всего 64 письма запечатавъ, въ высочайшій Ея И. В.

[1]) $^{103}/_{319}$ лл. 15-18.

[2]) $^{44}/_{260}$ лл. 313-326.

кабинетъ посланы при семъ всепокорнѣйшемъ доношеніи, а людей его Ходырева и разсыльщиковъ забралъ и содержатся подъ карауломъ порознь, а пожитки его, деньги и прочее, что въ домѣ его нашлось, кромѣ провизіи, переписалъ, и оные пожитки, кромѣ тѣхъ, кои ему, Ходыреву, по самой необходимости малое число оставлены, запечаталъ." Принявъ мѣры противъ воеводы и отрѣшивъ его отъ власти, Терскій долженъ былъ озаботиться о временномъ замѣщеніи его должности; продолжаемъ его же словами: „о воеводскомъ товарищѣ Микулинѣ изъ оной Симбирской провинціальной канцеляріи объявлено, что въ Симбирску его нынѣ не имѣется, а котораго числа изъ Симбирска отлучился и гдѣ испомѣщенъ, о томъ въ той канцеляріи неизвѣстно, изъ назначенныхъ къ правленію воеводскому о подполковникѣ Ивашевѣ изъ оной же провинціальной канцеляріи объявлено, что онъ высланъ въ Москву по секретному дѣлу, чего ради изъ назначенныхъ же къ воеводской должности сего мая 24 числа и опредѣленъ полк. Алексѣй Ляцкой." Затѣмъ Терскій даетъ Сенату отчетъ сдѣланныхъ имъ расходовъ: „взятое мною въ Твери на проѣздъ судно отдано подъ смотрѣніе Симбирской провинціальной канцеляріи, которое велѣно отъ той канцеляріи неупустительно продать за настоящую цѣну съ торгу, наблюдая казенный Ея И. В. интересъ. Данныя мнѣ Ея И. В. изъ Кабинета на прогоны деньги 66 руб. 80 коп. употреблены всѣ, да къ тому въ пути изъ выданныхъ на чрезвычайные расходы изъ 100 рублей издержано въ дачу судовымъ работнымъ людямъ, бывшимъ въ греблѣ, 22 руб. $8^1/_2$ коп. да въ Симбирску, посланному за полк. Ляцкимъ на прогоны 1 руб. 82 коп., да нарочно посланному съ симъ доношеніемъ на прогоны на одну подводу 15 руб. 88 коп.; затѣмъ осталось на лицо 60 руб. $21^1/_2$ коп. [1]).

Нѣкоторыя другія подробности находимъ въ письмѣ секретаря Манахгина къ неизвѣстному благодѣтелю въ Петербургъ: „Всерабски вашему высокопревосходительству, премилосердому государю и щедрому отцу, доношу: въ Симбирскъ пріѣхали черезъ 16 дней благополучно и въ слѣдствіе г. капитанъ порядочно вступилъ и обыватели на воеводу многія въ разореніяхъ и взяткахъ подали и подаютъ доношенія, изъ которыхъ доношеній ясно открылось, что налагалъ на иновѣрцевъ излишній сборъ собою; а пожитковъ у онаго воеводы весьма мало, потому что жена его въ исходѣ декабря мѣсяца прошлаго 1746 года отправлена отъ него въ Алексинскія его деревни и въ Москву съ деньгами и со всею пажитью на 27 парахъ; а нынѣ найденныя деньги—нажитыя имъ послѣ отправленія оной его жены [2]).

---

[1]) $^{103}/_{319}$ л. 198—213.
[2]) $^{103}/_{319}$ л. 198—213.

Такимъ образомъ, первые шаги слѣдователя происходили въ полномъ соотвѣтствіи съ инструкціей; это, впрочемъ, понятно, потому что они были самыми легкими. Первыя дѣйствія Терскаго можно считать типичными для всякаго слѣдователя, за однимъ развѣ исключеніемъ воеводскаго ареста; болѣе обычнымъ было отрѣшеніе отъ должности [1]).

Слѣдователь, получившій „комиссію“ освѣтить дѣятельность провинціальныхъ агентовъ власти, дѣйствовалъ обычными бюрократическими пріемами: прибывъ на мѣсто и приступивъ къ дѣлу, онъ долженъ былъ озаботиться организаціей своей канцеляріи, которая такъ и называлась обыкновенно „канцеляріей слѣдствія“; иногда это названіе переносилось и на всю слѣдственную комиссію [2]). Какъ по своей численности, такъ и по составу своему канцеляріи слѣдствія бывали очень разнообразны. Ихъ можно подраздѣлить на военныя и гражданскія, на мѣстныя по своему составу и на присланныя изъ столицъ или губернскаго города. Канцеляріи съ преобладаніемъ военнаго элемента чаще всего встрѣчаются при Сибирскихъ слѣдственныхъ комиссіяхъ: полковникъ Вульфъ получилъ указъ, въ которомъ значилось: „послать васъ, придавъ вамъ изъ оберъ-офицеровъ 3-хъ, у.-офицеровъ 4-хъ, солдатъ 16 и, дабы оное слѣдствіе какъ наискорѣе и порядочнѣе произведено и окончено быть могло, дать вамъ секретаря и приказныхъ служителей въ Москвѣ, сенатской конторѣ [3]). Канцеляріи слѣдственныхъ комиссій въ Европейской Россіи имѣли преимущественно гражданскій составъ; солдаты были въ нихъ только для стражи и для порученій. Въ канцелярію слѣдствія о Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ, состоявшую изъ секретаря, 2-хъ канцеляристовъ, 2-хъ подканцеляристовъ, 3-хъ копіистовъ, были назначены служащіе изъ рокетмейстерской конторы, Московской губернской канцеляріи, Вотчинной и Юстицъ-коллегіи и канцеляріи конфискацій. При этой канцеляріи состояли: курьеръ, сержантъ, капралъ, цырюльникъ и солдаты, число которыхъ доходило до 50 человѣкъ, и еще два сторожа, смѣнявшіеся по недѣльно, на обязанности которыхъ лежало: „въ очередную ихъ недѣлю быть при комиссіи безотлучно и какъ находящіяся въ той комиссіи дѣла, такъ и всякія вещи хранить и ничего не утратить подъ опасеніемъ наижесточайшаго истязанія, а надъ ними во всемъ смотрѣніе имѣть неослабно стоящему при комиссіи на караулѣ за унтеръ-офицера и на часахъ солдатомъ“ [4]). Полковникъ Коробовъ, отправляясь въ слѣдственную комиссію надъ Ярославскимъ воеводой Вельяминовымъ-Зерновымъ, взялъ съ собою изъ Петербурга

---

[1]) Примѣры: $^{23}/_{239}$ л. 11; $^{33}/_{269}$ л. 66; Грибовскій, Матеріалы. № 30.
[2]) $^{14}/_{230}$ л. 10.
[3]) $^{44}/_{260}$ л. 313.
Чтенія О. И. Д. Р. 1888 г. I, 10-11.

секретаря и 5 подъячихъ [1]). Для слѣдствія о Вятскомъ секретарѣ Перминовѣ предполагалось выслать столичныхъ канцелярскихъ служителей „пристойное число“ [2]). Полковникъ Сухаревъ привезъ съ собою на слѣдствіе о воеводѣ Рукинѣ въ Тару „для письма губернской канцеляріи канцеляриста“ [3]). Изложенные примѣры даютъ возможность судить, насколько разнообразенъ былъ и численный составъ комиссіи. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ составомъ канцеляріи, пріѣзжавшимъ вмѣстѣ со слѣдователемъ. Въ другихъ случаяхъ, и это стоитъ внѣ зависимости отъ степени важности дѣла, штатъ канцеляріи набирался на мѣстѣ. Не разъ уже упомянутому кап. Терскому предписано было для слѣдственной комиссіи „приказныхъ служителей взять изъ Симбирской провинціальной канцеляріи, сколько потребно, безъ излишества, дабы тѣмъ текущихъ дѣлъ провинціальныхъ не остановить“ [4]). Иногда штатъ канцеляріи бывалъ смѣшаннымъ: при старшихъ канцеляристахъ изъ столицы бывали подъячіе и писаря изъ мѣстныхъ приказныхъ. Впрочемъ, надо сказать, что участіе мѣстныхъ канцелярскихъ силъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ не всегда представлялось желательнымъ: мѣстные люди могли симпатизировать находившимся подъ слѣдствіемъ и преслѣдовать интересы, противоположные комиссіи. Слѣдователь Полонскій доносилъ въ 1742 г. изъ Переяславля Рязанскаго, что присланный изъ Ревизіонъ-коллегіи канцелярист Дмитрій Поморцевъ „весьма къ оному слѣдственному дѣлу неспособенъ и ненадеженъ и пьетъ, а здѣшніе копеисты ненадежны-жъ и къ дѣламъ необыкновенны, а разсыльщики здѣшніе“,— подъячаго Бѣляева, наиболѣе въ дѣлѣ запутаннаго, „содержать весьма слабо и кого не надлежитъ, также и съ питьемъ, безъ приказу отъ слѣдствія къ нему допускаютъ, знатно, боясь здѣшнихъ приказныхъ“ [5]). Въ канцелярію слѣдственной комиссіи о Брянскихъ посадскихъ людяхъ и крестьянахъ помѣщика Гончарова опредѣлены были канцеляристъ и копіистъ изъ Брянской воеводской канцеляріи. Повѣренный Гончарова протестовалъ противъ такого назначенія, ссылаясь на то, что „всѣ Брянскіе подъячіе бѣглымъ крестьянамъ и купцамъ ближніе родственники“. И „оные за тѣми обстоятельствы по прежнему отосланы въ ту канцелярію“, а на мѣсто ихъ вытребованы другіе изъ Сѣвской провинціальной канцеляріи.

Можно установить какъ общее правило, что всѣ участвовавшіе въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, отъ руководителей ихъ до послѣднихъ служителей, получали „по рангу“ то же жалованье, которое получали по

---

1) $^{16}/_{232}$ л. 245.
2) $^{51}/_{267}$ л. 5.
3) $^{20}/_{236}$ л. 971.
4) $^{103}/_{319}$ л. 15—18.
5) $^{38}/_{254}$ л. 77—78.

своимъ постояннымъ должностямъ. Въ Сибири жалованье „для дальности“ платилось двойное. Дрова, свѣчи и незамысловатыя канцелярскія принадлежности выдавались изъ мѣстныхъ учрежденій. Насколько могли быть велики расходы по содержанію комиссіи, показываетъ пензенская комиссія о воеводѣ Жуковѣ, стоившая за 4 года 4304 р. $67^3/_4$ коп. [1]), изъ коихъ на одно только жалованье личному составу истрачено 3280 р. $94^1/_2$ к. При денежномъ голодѣ, который въ теченіе всего, кажется, XVIII вѣка испытывала казна, не рѣдкостью было, что жалованье выплачивалось неаккуратно, задерживалось, не только въ глухой провинціи, но и въ столицахъ, причемъ первыми жертвами были, конечно, мелкіе люди. Въ 1739 г. секретарь и канцелярскіе служители дѣйствовавшей въ Петербургѣ слѣдственной комиссіи о Смоленскомъ вице-губернаторѣ кн. Козловскомъ подали слѣдователю маіору Пестову челобитную о выдачѣ имъ заслуженнаго „сего 739 г. на прошедшую треть жалованья.“ [2]) Въ еще болѣе непріятное положеніе попали служащіе канцеляріи слѣдствія надъ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, дѣйствовавшей въ 40-хъ годахъ въ Тобольскѣ. Канцеляристы, взятые изъ Сибирской губернской канцеляріи, „обрѣталисъ“ „безъ всякой акциденціи и безъ полученія Е. И. В. жалованья“ цѣлыхъ два года. Въ ноябрѣ 1746 г. они жаловались слѣдователю, что „пришли въ крайнее разореніе и послѣднее свое платьишко испродали и испроѣли, а сего де 1746 г. ноября 4 дня полученъ указъ о произведеніи имъ, будучи при томъ слѣдствіи, за ихъ убожествомъ, кормовыхъ денегъ по 4 коп. на день“ и хотя они этотъ указъ въ своемъ теперешнемъ убожествѣ „за высочайшую Е. И. В. милость и награжденіе пріемлютъ, только точныхъ годовыхъ окладовъ по тому указу по чинамъ не имѣютъ“. Поэтому канцеляристы требовали уплаты имъ жалованья по рангу тѣмъ болѣе, что кормовыми деньгами „содержать себя не въ состояніи; къ тому же до сего времени пришли въ немалые долги, и противъ прошедшихъ лѣтъ здѣсь какъ платье и обувь, такъ хлѣбъ и всякій харчъ вздорожали-жъ, они-жъ при томъ слѣдствіи обрѣтаются у многотрудныхъ и опасныхъ дѣлъ и акциденціи не мало никакой не имѣютъ“ [3]).

Слѣдственныя комиссіи, съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, работали довольно интенсивно. Онѣ собирались ежедневно отъ 7—8 час. утра и до часу дня; нерѣдко онѣ собирались вторично вечеромъ между 4 и 9 часами. Комиссіи обычно помѣщались въ зданіяхъ правительственныхъ учрежденій, а иногда, при сложномъ и большомъ дѣлѣ, нанимали для себя особыя помѣщенія, обставляемыя по образцу всѣхъ присутственныхъ

---

[1]) Чтенія О. И. и Д. Р. 1888, № 1—11.

[2]) $^{90}/_{306}$, л. 775 786.

[3]) $^{40}/_{256}$, л. 1016 –1019.

мѣстъ того времени. Каждому засѣданію комиссіи велся „повседневный журналъ“; въ немъ обозначалось время прибытія слѣдователя и начала занятій, коротко излагалось содержаніе засѣданія и наконецъ рѣшеніе, постановленное коллективно или единолично слѣдователемъ. Въ заключеніе въ нѣкоторыхъ журналахъ отмѣчалось: „выбыли“ или „изъ присутствія вышли“ тогда-то; журналъ закрѣплялся подписью слѣдователя, онъ былъ какъ бы отраженіемъ всей работы слѣдователя и служилъ оправдательнымъ документомъ всей его дѣятельности [1]).

Теперь обратимся къ самымъ работамъ слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ ихъ дѣйствій; посмотримъ, какъ выполняли онѣ свою задачу и какое къ себѣ отношеніе вызывали онѣ со стороны тѣхъ, дѣла которыхъ онѣ разслѣдовали, а также и тѣхъ учрежденій, рядомъ съ которыми онѣ работали.

Когда ст. сов. Полянскій такъ упорно отказывался отъ слѣдственной комиссіи, въ которую назначилъ его сенатъ, онъ, вѣроятно, хорошо зналъ, что̀ дѣлалъ. Поѣздка въ комиссію не была и не могла быть синекурой. Слѣдствіе было борьбой, иногда очень упорной и жестокой, въ которой противъ слѣдователя направлялись усилія не однихъ только тѣхъ, кто непосредственно подпадалъ подъ слѣдствіе. Борьба начиналась вмѣстѣ съ открытіемъ дѣйствій комиссіи. При господствовавшей при Аннѣ и Елизаветѣ системѣ замѣщенія административныхъ постовъ, отставленные отъ военной службы штабъ и оберъ-офицеры, состоявшіе на учетѣ герольдмейстера и сената и, подобно своимъ Московскимъ предкамъ, ожидавшіе очереди покормиться на тепленькомъ мѣстечкѣ, сохраняли связи со столичными покровителями. При надвигавшейся опасности слѣдствія родственники и друзья давали вѣсть заинтересованнымъ лицамъ и тѣ старались къ пріѣзду слѣдственной комиссіи принять всѣ доступныя имъ мѣры защиты. Дѣло не мѣнялось, если слѣдствіе касалось не чиновниковъ, а купцовъ; и купцы находили доброхотовъ и покровителей въ столицахъ.

Не касаясь самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ оправданій и запирательствъ, остановимся лишь на болѣе рѣзкихъ формахъ проявленія защиты администраторовъ и другихъ дѣятелей XVIII вѣка противъ слѣдственныхъ комиссій. Наиболѣе простымъ пріемомъ была пассивная борьба,—формальныя придирки къ производству дѣла и уклоненіе отъ слѣдствія. „Мая въ 10-й день 1731 г. въ правительствующій сенатъ по сочиненіи выписи (о дѣлѣ Ярославскаго воеводы Вельяминова-Зернова) для прикладыванія къ той выписи руки призванъ ст. сов. Вельяминовъ-Зерновъ и объявлено ему, чтобы слушалъ тое выписку. И какъ ему начата та выписка читать, и онъ Вельяминовъ

---

[1]) $^{31}/_{247}$, лл. 1—34; $^{90}/_{306}$ л. 775—786; $^{14}/_{230}$ л. 42—43.

слушать ее не сталъ, а сказалъ, что де въ сенатѣ слѣдовано по дѣлу о провіантѣ и о прочемъ и о томъ бы учинена была выписка къ докладу особая“ [1]). „И того-жъ января 15 дня (1731 г.) Д. Рукинъ (бывшій Тарскій воевода) въ слѣдственную канцелярію для принятія копій призыванъ и передъ полк. Сухаревымъ (слѣдователемъ) онъ, Рукинъ, сказалъ: оной де копіи съ прошенія В. Чередова (донесшаго на Рукина) онъ не возметъ, а въ судъ съ нимъ Чередовымъ нейдетъ, для того, что онъ Чередовъ, въ бывшей Тарскій разыскной канцеляріи при вице-губернаторѣ Петровѣ-Соловомъ наказанъ, битъ публично плетями снявъ съ козла“ [2]). Не знаемъ, что было далѣе въ первомъ случаѣ; во второмъ же воевода Рукинъ несомнѣнно выигралъ время, такъ какъ о Чередовѣ была затребована обстоятельная справка. Кто былъ посильнѣе, шелъ дальше; вотъ что, напр., дѣлалъ знаменитый Волынскій во время слѣдствія, которое велось надъ нимъ въ сенатѣ по дѣлу о вымогательствахъ у Казанскихъ инородцевъ: „1731 г. марта въ 19 день посланный къ г.-м. Волынскому секретарь Антоновъ доносилъ сенату, что онъ къ нему, Волынскому, вчерашній день въ домъ ѣздилъ и домашніе его сказали, что онъ со двора съѣхалъ и для того онъ его Волынскаго дожидался до полуночи, но не дождался, чего ради сего числа по утру рано ѣздилъ къ нему вторично, но токмо не получилъ же“. Сенатъ принужденъ былъ вступиться въ дѣло энергичнѣе и приказалъ „ему, генералъ-маіору, объявить, чтобъ онъ, не явясь въ Сенатъ, изъ Москвы не отъѣзжалъ“ [3]).

Еще болѣе распространенной формой пассивнаго сопротивленія были отговорки и уклоненіе отъ явки въ комиссію подъ предлогомъ болѣзни. Приведемъ нѣсколько характерныхъ случаевъ: не безызвѣстный уже намъ Рязанскій воевода Чебышовъ успѣлъ еще до назначенія слѣдствія выѣхать въ Москву. Здѣсь „маіора Петра Чебышова служитель сказалъ, что означенный помѣщикъ его имѣется въ Москвѣ и лежитъ боленъ уже съ недѣлю и за тѣмъ никуда со двора не съѣзжаетъ, а квартиру имѣетъ за Москвою рѣкой въ приходѣ церкви св. Екатерины въ домѣ вдовы Лодыженской“. Болѣзнь, однако, оказалась не слишкомъ серьезной, потому что Сенатъ приказалъ выслать Чебышова въ Переяславль Рязанскій. [4]) Иной разъ болѣзнь замѣшанныхъ въ дѣло была такого свойства, что приводила въ недоумѣніе и комиссію и врачей. Нижегородскій прокуроръ Полочаниновъ (1738 г.) отказы-

---

[1]) $^{16}/_{232}$ л. 603.

[2]) $^{20}/_{236}$ л. 30—1.

[3]) $^{22}/_{238}$ л. 57: примѣръ изъ практики 60-хъ годовъ. См. Грибовскаго. Матеріалы, № 63.

[4]) $^{38}/_{254}$, л. 43 – 77.

вался идти въ комиссію, потому что былъ по его словамъ „въ болѣзни и безпамятствѣ“ и предоставлялъ комиссіи самой пріѣхать къ нему на домъ „во образъ посѣщенія“, но отъ допроса категорически отказывался. Комиссія рѣшилась подвергнуть прокурора осмотру и въ этотъ разъ нашла, что онъ „весьма не безболѣзненъ“. Лишь 2—3 недѣли спустя Полочаниновъ заявилъ, что „хотя де онъ и весьма имѣется боленъ, и ежели паче чаянія, что за тою его болѣзнью уволить его не возможно, то онъ хотя съ великою нуждою будетъ (въ комиссіи), токмо де требуетъ подъ себя къ отъѣзду лошадей“. Впрочемъ, едва успѣвъ пріѣхать въ комиссію, онъ опять сказался больнымъ, чѣмъ вновь затянулъ дѣло, и комиссія не сумѣла или не смогла справиться съ упрямымъ прокуроромъ. [1]) Въ 1763 г. Саратовская комиссія „о чинимыхъ поставщикамъ соли обидахъ, побояхъ, взяткахъ и другихъ непорядкахъ“ доносила, что д. с. с. Волковъ „къ слѣдствію не является, а объявляетъ, что боленъ, и за его болѣзнью многія подлежащія до него дѣла несутъ таковое-жъ медлительство, а тамошній де лѣкарь Голубцовъ рапортовалъ, онъ де Волковъ объявляетъ ему лѣкарю, имѣетъ де онъ болѣзни въ себѣ въ головѣ ломъ, въ ушахъ стрѣльбу и отъ стужи въ груди и въ поясницѣ чувствуетъ боль, а прочихъ большихъ припадковъ въ немъ онъ, лѣкарь Голубцовъ, не предвидитъ“ [2]). Что болѣзнь далеко не всегда была истинной, а была только средствомъ уклониться отъ слѣдствія, лучше всего показываетъ образъ дѣйствій попавшаго подъ слѣдствіе Смоленскаго вице-губернатора кн. Козловскаго. 5-го апрѣля 1739 года слѣдователь маіоръ Пестовъ по приказу изъ кабинета потребовалъ, чтобы Козловскій подписалъ экстрактъ изъ дѣла, которое надлежало подать въ кабинетъ. Козловскій объявилъ, что онъ явится 7-го апрѣля, но обѣщанія не исполнилъ. Въ слѣдующіе дни Козловскій былъ въ комиссіи и читалъ дѣла, но требуемой подписи все-таки не далъ. 11-го апрѣля онъ прислалъ своего человѣка объявить, что не можетъ быть самъ „понеже де весьма боленъ“; то же повторялось и позднѣе до конца апрѣля и въ маѣ. Надо думать, что Козловскій дѣйствовалъ не безъ помощи сильныхъ людей. Послѣ только что изложенныхъ отказовъ Козловскаго явиться въ комиссію слѣдователь Пестовъ донесъ объ этомъ въ кабинетъ, на что и получилъ отъ кабинетъ-секретаря Яковлева предписаніе: „когда де оный кн. Козловскій боленъ, ктому-жъ за препятствіемъ рѣки (Невы) быть въ комиссіи повседневно оному кн. Козловскому невозможно, то надлежитъ выписки посылать къ нему на дворъ съ подъячими“. Поддержка свыше сдѣлала Козловскаго хозяиномъ положенія; въ теченіе мая онъ являлся въ комиссію,

---

[1]) $^{31}/_{217}$, л. 1—34.

[2]) Грибовскій. Матеріалы, № 17.

когда хотѣлъ, и наконецъ дошелъ до того, что пересталъ ссылаться на свою болѣзнь, и 9-го іюня объявилъ, что „на сей недѣли не будетъ въ комиссіи за нуждами своими“. 15-го іюня онъ снова боленъ ногами; въ іюлѣ прежній отвѣтъ: „не уповательно ему быть въ комиссіи въ скорости, токмо какъ облегченіе получитъ отъ болѣзни“. Наконецъ „августа 22-го дня посыланъ былъ за кн. Козловскимъ на дворъ солдатъ Козьма Болотовъ, дабы онъ для подписыванія подъ выписки явился въ комиссію, который солдатъ пришедъ объявилъ: онаго де князя Козловскаго въ домѣ не засталъ, а люди де его сказали, что поѣхалъ д. т. совѣтника и кавалера, Е. И. В. кабинетъ-министра князя А. М. Черкасскаго на приморскій дворъ“. Одновременно выяснилась необходимость дослѣдовать нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ замѣшанъ былъ кн. Козловскій. Такъ, укрываясь болѣзнью и пользуясь покровительствомъ высокихъ людей вродѣ Черкасскаго, Козловскій выигралъ время, добился отсрочки, а комиссія Пестова занялась другими дѣлами [1]).

Переходимъ теперь къ различнымъ способамъ болѣе активнаго противодѣйствія слѣдственной комиссіи. Открытое сопротивленіе встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. До такого нахальства не доходили самые изобрѣтательные и опытные дѣльцы того времени; если и дѣлались попытки открыто итти наперекоръ начальству, то только когда оно было не выше губернскаго. Такъ, не разъ упомянутый Симбирскій воевода Ходыревъ „не пошелъ подъ судъ“ слѣдственной комиссіи, присланной изъ Казани [2]), да еще отъ Нижегородской губернской канцеляріи поступила въ 1746 г. жалоба на Алатырскаго провинціальнаго воеводу Шишкина, который не желалъ признать слѣдственной комиссіи, назначенной изъ губерніи подъ руководствомъ сосѣда Шишкина, Арзамасскаго провинціальнаго воеводы Корганова и„ не чая себѣ отъ воеводства отрѣшенія и не чувствуя никакого страха, чинилъ Нижегородской губернской канцеляріи, яко главной надъ собою командѣ, непослушаніе и противности“ [3]). Этимъ исчерпываются извѣстные намъ случаи прямого сопротивленія. Активное противодѣйствіе находившихся подъ слѣдствіемъ чаще всего сказывалось въ томъ, что они со своей стороны выступали съ обвиненіями противъ доносчика, противъ лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ причастности къ назначенію слѣдственной комиссіи, а иногда и противъ самого слѣдствія. И здѣсь дѣла слѣдственной комиссіи открываютъ яркія картины. Наиболѣе интереснымъ является дѣло Ходырева; его встрѣчная жалоба на своего врага, затѣявшаго дѣло секретаря Манахтина, настолько характерна, что изъ нея нельзя не при-

1) $^{90}/_{306}$, лл. 775—786.
2) $^{103}/_{319}$ л. 15.
3) $^{53}/_{269}$, лл. 15—20.

вести нѣсколькихъ выдержекъ: „по указамъ В. И. В. и по генеральному регламенту секретарямъ велѣно быть подъ высшей дирекціей той канцеляріи у своего президента и о всякихъ дѣлахъ долженъ секретарь докладывать своего призидента со всякою учтивостью, вѣжливо, не показывая никакихъ противностей, а вышереченный секретарь Манахтинъ, забывъ свою должность, никакого мнѣ почтенія въ присутствіи моемъ въ канцеляріи не чинитъ съ немалымъ ругательствомъ, что съ великою моею терпѣливостью претерпѣвалъ, точію за тѣ его противности чинены были ему уговоры, уповая, что можетъ придти въ чувство. И оный Манахтинъ, не удовольствуяся тѣмъ, прошедшаго августа 13 дня въ присутствіи моемъ въ канцеляріи при всемъ собраніи первое сказалъ мнѣ: я тебя не боюсь и не слушаю, потомъ называлъ меня презирателемъ В. И. В. именныхъ указовъ, при томъ были многіе свидѣтели. А сего-жъ августа 28 дня велѣно ему по нужнѣйшимъ канцелярскимъ дѣламъ исполненіе учинить и для того велѣно ему въ той канцеляріи, пока противъ приказанія исполнитъ, быть неисходно, и караульному капралу приказано его не выпущать; и оный Манахтинъ, разбивъ караулъ, вышелъ сильно, и по многократнымъ посылкамъ въ канцелярію не пошелъ и сказалъ посланнымъ, что онъ меня не слушаетъ. А 29 дня августа въ присутствіи же моемъ въ канцеляріи чинился противенъ и кричалъ безобразно и называлъ многократно презирателемъ В. И. В. указовъ". Ходыревъ проситъ себя отъ Манахтина „яко отъ непотребнаго человѣка оборонить и взять" его изъ Симбирской провинціальной канцеляріи [1]). Брянскіе купцы, обвиняемые помѣщикомъ Гончаровымъ въ укрывательствѣ его бѣглыхъ крестьянъ (1749 г.), въ свою очередь жаловались на него, обвиняя его въ насиліяхъ надъ купцами и разбояхъ на большой дорогѣ [2]). Цѣлью встрѣчной жалобы было конечно усложнить слѣдствіе и найти себѣ путь къ уклоненію отъ отвѣтственности и надо было обладать большимъ искусствомъ, чтобы разобраться въ такихъ жалобахъ и рѣшить, какая сторона ближе стояла къ истинѣ.

Стремленіе опорочить дѣйствія самого слѣдователя, выставить ихъ неправильность и незаконность были, можетъ быть, самымъ распространеннымъ средствомъ защиты подслѣдственныхъ. Помощникъ и сынъ Терскаго воеводы Рукина въ самый разгаръ слѣдствія надъ его отцомъ (1731 г.) подалъ въ Тобольской губернской канцеляріи жалобу на неправильное веденіе слѣдствія [3]). Секретари Нижегородской губерніи доносили на слѣдователя князя Гагарина, что онъ вмѣстѣ съ со-

1) $^{103}/_{319}$, лл. 28 - 29.
2) $^{54}/_{270}$, л. 39—40.
3) $^{20}/_{236}$, л. 971.

стоящимъ при немъ секретаремъ Соколовымъ „сверхъ указу принимаютъ у доносителей ложныя и глухія доношенія и вступаютъ въ преждеслѣдственныя прошлыхъ лѣтъ дѣла, которыя за милостивыми указы даже и трогать не слѣдуетъ“ [1]). Примѣровъ можно было бы привести очень много: я ограничусь еще однимъ изъ наиболѣе яркихъ. Въ 1745 г. г.-м. Сухаревъ, сибирскій губернаторъ, жаловался Императрицѣ на секретаря Карташова, „съ прочими подобными ему безпутными доносители“ умыслившихъ на него доносъ „по одной своей злобѣ“; жаловался онъ и на слѣдователя Боборыкина, который „оставя свое настоящее слѣдованіе, къ чему онъ присланъ, во-первыхъ съ самаго его пріѣзда въ Тобольскѣ взялъ къ себѣ въ совѣтъ и въ компанію извѣстнаго государственнаго вора Ивана Темирязева, который противъ собственной В. И. В. и дражайшей всероссійской матери персоны своимъ воровскимъ и богомерзкимъ вымысломъ весьма продерзостно касался“. Боборыкина Сухаревъ подозрѣваетъ въ пристрастіи, потому что ему самому пришлось ранѣе вести въ Иркутскѣ слѣдствіе о родственникахъ Боборыкина, Темирязева обвиняетъ въ стремленіи возмутить инородцевъ противъ русскаго владычества и т. д. [2]).

Уклоненія, кляузы и жалобы—обычные пріемы борьбы подслѣдственныхъ; только потерпѣвъ неудачу и прижатые къ стѣнѣ они винились въ надеждѣ получить прощеніе, въ чемъ иногда и успѣвали. „Понеже г.-м. Арт. Волынскій намъ самимъ всеподданнѣйше подалъ на письмѣ повинную въ разныхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ въ бытность его въ Казани губернаторомъ и въ томъ нашего прощенія просилъ, того ради мы въ тѣхъ отъ него самого объявленныхъ взяткахъ его всемилостивѣйше прощаемъ и указали онаго изъ подъ аресту освободить“ [3]). „Великая Государыня!“ молитъ отрѣшенный Рязанскій воевода Чебышовъ, „съ розыску подъячій Бѣляевъ показывалъ, что съ г. Сапожка съ обывателей взявъ, отдалъ мнѣ 70 рублей, да съ г. Переяславля-Рязанскаго купецкихъ людей М. Живаго 100 руб., да съ Григ. Колмакова 150 рублей, и по тому онаго Бѣляева на меня показанію я нынѣ признався, по должной всеподданнической совѣсти В. И. В. приношу повинную“ [4]).

Что повинная приносилась въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, это не удивительно, вѣдь столичныя связи не исчезали отъ одного появленія слѣдственной комиссіи; ихъ пускали въ ходъ и пользовались ими, пока хватало силъ и умѣнія. Каковы могли быть сила и умѣніе, можетъ намъ показать все та-же исторія Симбирскаго воеводы Ходырева, которая

---

[1]) $^{14}/_{250}$, л. 63.
[2]) $^{40}/_{256}$, л. 927–935.
[3]) $^{22}/_{238}$, л. 239.
[4]) $^{38}/_{254}$, л. 127—128.

уже дала намъ такъ много свѣдѣній. Выше было упомянуто мимоходомъ о строгомъ приказаніи, данномъ слѣдователю Терскому, запечатать и выслать въ сенатъ письма разныхъ лицъ къ Ходыреву. Терскій исполнилъ это приказаніе, и благодаря этому мы наглядно можемъ видѣть какія тѣсныя и интимныя отношенія могли соединять мелкаго областного администратора со свѣтилами столичнаго міра. Ниже читатель найдетъ выдержки изъ писемъ, адресованныхъ Ходыреву камеръ-юнкеромъ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитрово, родственникомъ Шуваловыхъ; онѣ такъ типичны, что не привести ихъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, значило бы исказить ихъ [1]).

Еще до назначенія слѣдственной комиссіи Ходыревъ хлопочетъ въ столицѣ. Изъ вѣстей, полученныхъ имъ 1 октября 1746 г., видно, что дѣла его далеко не блестящи. „Человѣкъ твой и разсыльщикъ сюда пріѣхали", пишетъ Хитрово, „доношеніе и челобитную я въ сенатъ подалъ, притомъ сколько силы было всѣхъ просилъ, а въ той ли секретъ челобитной и доношеніи, только по сіе время полнаго собранія нѣтъ; *Петръ Ивановичъ* старается вамъ служить... Я не могу описать сожалѣнія моего, что вы вступили въ ссору; надѣюсь велятъ слѣдовать, и можетъ быть слѣдствіе продолжится и васъ то обезпокоитъ; я прежде писалъ, ежели вы симъ мѣстомъ недовольны, то-бъ прислалъ доношеніе, чтобъ за болѣзнію смѣнили васъ... Пространнѣе буду писать съ человѣкомъ вашимъ". Любопытна приписка къ письму жены Хитрово—сестры Шуваловыхъ: она благодаритъ за какую-то присылку, проситъ объявить поклонъ государынѣ-невѣстушкѣ и обѣщаетъ по дѣлу Ходырева „просить брата".

Второе письмо Хитрово, также написанное въ октябрѣ 1746 г., еще интереснѣе. Сами друзья Ходырева признаютъ, что онъ испортилъ дѣло, затѣявъ ссору. Партія секретаря Манахтина сильнѣе и если еще удается успѣшно бороться съ врагами въ Сенатѣ, то только благодаря благодѣтелю Петру Ивановичу, въ которомъ читатель безъ труда узнаетъ извѣстнаго дѣятеля Елизаветинскаго царствованія—П. И. Шувалова. Но предоставимъ слово самому Хитрово. Многіе сенаторы „тебя винили и разсуждали, что вы зачинщикъ ссоры. А когда пріѣхалъ шуринъ мой Петръ Ивановичъ, какъ для моей и жениной просьбы, а больше какъ доброй совѣсти человѣкъ и любящій честь и дворянство, требовалъ челобитной (Ходырева) въ сенатѣ, которую нашли и притомъ разсуждалъ, что хотя ты по слѣдствію виноватъ найдешься, но прежде для одной только почтительной команды и для заслуженной чести, которую

[1]) Къ копіямъ писемъ, хранящимся въ дѣлѣ Ходырева, приложены нѣкоторыя замѣчанія слѣдственной комиссіи, не лишенныя интереса, извлеченія изъ нихъ также послужили для дальнѣйшаго изложенія.

ты, черезъ много служа, получилъ, дать тебѣ преимущество, и въ томъ началъ было голосъ свой писать, видя многихъ партію секретарскую держащихъ; наконецъ, по многимъ спорамъ склонились на разсужденіе П. И. и такъ сдѣлали, какъ слышу: товарища твоего отрѣшить отъ дѣлъ, секретаря оковать, къ Бардекевичу (Казанскому ревизору) послать указъ, чтобъ онъ одного штапа послалъ въ Симбирскъ, которому подъ его смотрѣніемъ слѣдовать". „Когда приказы получите, извольте отписать благодареніе къ Петру Ивановичу, ибо онъ за васъ весьма сильно старался". Петербургскіе благодѣтели не прочь и далѣе стараться за Ходырева и для этого выспрашиваютъ все, что можетъ быть во вредъ Манахтину: „прошу ко мнѣ прислать извѣстіе о секретарѣ Манахтинѣ, подлинно-ль онъ въ подушномъ окладѣ написанъ и какъ изъ того въ секретари вышелъ". Характерны дальнѣйшія приписки Хитрово: „секретарь, опредѣленный къ вамъ, у меня былъ и просилъ меня, чтобъ я объ немъ васъ просилъ". „Шуринъ мой Александръ Ивановичъ Шуваловъ проситъ, ежели крестьянинъ его приличился по какому дѣлу, то-бъ вы изволили съ нимъ по указамъ поступать".

Не остается и Ходыревъ въ долгу передъ своими благодѣтелями и шлетъ имъ деньги, рыбу съ Волги и рѣдкій въ то время въ Петербургѣ виноградъ. „Письма ваши", пишетъ А. А. Хитрово 2 декабря того же 1746 г., „и притомъ рыбу, икру, виноградъ и деньги получилъ". (Далѣе интересное замѣчаніе особаго, болѣе поздняго происхожденія: „что оныя деньги, въ узлу зашитыя, куда съ 2 или больше, къ нему Хитрову съ человѣкомъ воеводы Ходырева посланы, секретарь Ходырева Манахтинъ руки своей далъ записку, и не изволитъ ли Е. И. В. указать допросить, оныхъ денегъ много-ль послано и сколько денегъ и другихъ вещей посылывалъ, чтобъ объявилъ истину, хотя и безъ того ужъ видно"); „и какъ за письма, такъ и за присылку много благодарствую, ежели вы такъ насъ должите, а сами нужды имѣете, то повѣрь Богу, что я и безъ такихъ подарковъ вамъ всякаго благополучія желать долженъ; рыба первая сюда пришла, и еще ни у кого не было" (новое критическое замѣчаніе: „можно быть хорошей рыбѣ, для того, что въ узлу присланно серебра куда съ два и больше"), „я къ Петру Ивановичу отослалъ и къ княгинѣ Гессенъ-Гомбургской, за что васъ много благодарятъ; а Маврѣ Егорьевнѣ (Шуваловой, женѣ П. И.) коробку отъ васъ отдалъ, за что васъ велѣли благодарить; товарищъ къ вамъ еще не опредѣленъ, да ежели вамъ надобно, то еще безъ опредѣленія продолжится".

Ходыревъ не прочь бы благополучно уйти съ воеводства, но ему не совѣтуютъ этого въ его же интересахъ. „Что же изволите писать о смѣнѣ, я чаю, что пока слѣдствіе не окончается, просить нельзя; лучше быть воеводою да судиться, нежели смѣнясь жить тамъ же и нужиться" (sic). Пожаловавшись „на великую суету о пріуготовленіи матеріаловъ

къ строенію дома", отчего онъ терпитъ „убытки и несносную досаду", Хитрово кончаетъ любопытнѣйшимъ post-scriptum: „здѣсь я видѣлъ присланный изъ Казани мѣхъ русскихъ бобровъ, а не камчатскихъ, который собранъ въ Казани, и ежели можно черезъ купцовъ приказать собрать хорошій, чтобъ было подъ большую шубу, ежели то можно, пожалуй вели купить". Къ письму приложена и вторая приписка, гдѣ краски, рисующія положеніе Ходырева, становятся болѣе мрачными; носятся слухи о его возможномъ отрѣшеніи отъ должности; П. И. Шувалову стоитъ большого труда вернуть сенатъ къ его прежнему рѣшенію: „человѣкъ вашъ былъ задержанъ, чтобъ списавъ опредѣленіе сенатское къ вамъ послать, между тѣмъ изъ Казани прислано доношеніе, что между вами слѣдовать опредѣлено и пишутъ изъ Казани, чтобъ васъ отъ команды отрѣшить, противно тому опредѣленію, что сенатъ по челобитной твоей опредѣлилъ. И вчерашній день П. И. слушалъ доношеніе изъ Казани и всѣ ихъ (т.-е. противниковъ Ходырева) мнѣніе оставили, а опредѣлили быть по опредѣленію своему, которое прежде учинено по твоей челобитной, съ котораго копію посылаю. Вы, все получа, извольте благодарить Петра Ивановича, онъ сильно за васъ вступился, и письмо написавъ ему съ благодареніемъ, извольте ко мнѣ прислать, я его отдамъ; хотя онъ по просьбамъ моимъ то дѣлалъ, однако, какъ вспомнилъ то, что дворянинъ и офицеръ отъ проклятаго сѣмени терпѣть принужденъ". Я не могу обойти молчаніемъ еще одного, послѣдняго, письма Хитрово къ Ходыреву, написанному 11 марта 1747 г., т.-е. всего мѣсяца за 2 до отправленія въ Симбирскъ слѣдователя Терскаго. Въ этомъ письмѣ Ходырева хвалятъ за отказъ подчиниться казанскому слѣдователю и даютъ совѣты, какъ поступать далѣе: „Письмо ваше отъ 5 февраля получилъ, въ которомъ изволите писать, что Толстой (слѣдователь отъ Казанской губерніи) пріѣхалъ и что вы не пошли въ судъ, и то изрядно, понеже неудобно чтобъ было слѣдствіе; первая недѣля и масляница помѣшала, что никакихъ дѣлъ не дѣлали; съѣзда давно нѣтъ; мой совѣтъ еще вамъ, ежели будутъ принуждать, то показать свойство Толстого съ Микулинымъ (воеводскимъ товарищемъ), а о Микулинѣ отписать ко мнѣ, присутствуетъ ли онъ съ тобою въ канцеляріи или нѣтъ; о побѣгѣ Манахтина репортъ я получилъ и подалъ въ Сенатъ; благодарствую за рыбу, точію, государь мой братецъ, прислано много, сколько для меня въ провѣсъ не провѣшивается, и прошу впредь такъ много должить не извольте, мнѣ истинно совѣстно, что вы много должите". Только при такой сильной поддержкѣ могъ Ходыревъ, да и другой на его мѣстѣ, надѣяться на безнаказанность.

Въ архивѣ Ходырева находились и другія письма, не лишенныя интереса; читая ихъ, видишь, что люди, подобные нашему воеводѣ, дѣйствительно, могли возомнить о себѣ очень много: люди очень высокаго

положенія обращались къ нему со всевозможными просьбами; а оказанныя одолженія создавали почву для защиты. Ходыревъ, вѣроятно, зналъ это, и потому еще въ пору своего благоденствія былъ старательнымъ исполнителемъ просьбъ и порученій большихъ петербургскихъ особъ по части судебныхъ дѣлъ, вотчинныхъ распоряженій или устройства на службѣ какого-нибудь мелкаго родственника или знакомаго. Получалъ Ходыревъ письма и отъ другихъ членовъ семьи его благодѣтелей Шуваловыхъ, напримѣръ, отъ матери И. И. Шувалова—Татьяны Шуваловой, въ которомъ она проситъ: „не оставить племянницы нашея прапорщика Андреяна Башева жены по имѣющимся у васъ въ канцеляріи дѣламъ, а нынѣ она пишетъ ко мнѣ, что разбили разбойники и пойманы и содержатся у васъ въ канцеляріи. Того ради васъ, государя моего, прошу показать мнѣ свою милость". Пишутъ Ходыреву и другіе большіе вельможи того времени—гр. Г. П. Чернышовъ о бѣглыхъ крестьянахъ своихъ вотчинъ; о томъ же пишутъ кн. Сергѣй Кантемиръ, Грузинскій царевичъ, кн. А. Д. Голицынъ, Стрѣшневъ, Загряжскій; генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой проситъ воеводской помощи противъ своихъ взбунтовавшихся крестьянъ. Соперникъ Разумовскаго и Шувалова, А. Б. Бутурлинъ, прося сообщить подробныя свѣдѣнія о поимкѣ своихъ бѣглыхъ крестьянъ и переслать ему взысканныя по его порученію деньги, добавляетъ: „въ чемъ здѣсь когда могу, вамъ, моему государю, служить обязуюсь". В. Левашовъ, самый ретивый корреспондентъ Ходырева, осыпаетъ его письмами и порученіями, касающимися его имѣній и его судебныхъ дѣлъ, прося, между прочимъ, со злоупотребившимъ его довѣріемъ „плутомъ земскимъ" одной изъ его вотчинъ „для меня никакого ослабленія не показывая, по силѣ Е. И. В. указовъ, чему онъ за такое воровство достоинъ будетъ, наказаніе учинить". Кн. И. Одоевскій рекомендуетъ вниманію воеводы новаго провинціальнаго секретаря: „обрѣтающійся въ Прав. Сенатѣ дворянинъ Григорій Бардаковъ опредѣленъ на мѣсто бывшаго при васъ секретаря Манахтина секретаремъ, куда нынѣ и отъѣзжаетъ, о которомъ вамъ рекомендую, что онъ при дѣлахъ въ Прав. Сенатѣ находился добропорядочно и человѣкъ состоянія добраго". Кн. Мих. Долгоруковъ проситъ содѣйствія дѣламъ своего зятя Милославскаго и т. д. Среди другихъ писемъ находимъ коротенькую записку; она интересна потому, что интересенъ ея авторъ: „Государь мой, Андрей Алексѣевичъ, племянника моего, Ѳедора Кокошкина, имѣются въ Симбирскомъ уѣздѣ деревни. Того ради васъ, государя моего, прошу въ случающихся по тѣмъ деревнямъ его дѣлахъ показывать всякое благодѣяніе и вспоможеніе, въ чемъ благонадежнымъ пребуду. Вашъ, государя моего, слуга графъ Андрей Ушаковъ". Имѣя въ карманѣ просительное письмо страшнаго начальника тайной канцеляріи, можно было быть и смѣлымъ и увѣреннымъ въ себѣ. Заканчиваю обзоръ ходыревскаго архива.

выдержкой изъ письма В. Н. Татищева. Письмо это показываетъ, какія отповѣди получалъ воевода, не исполнявшій просьбы вліятельнаго корреспондента: „сегодня весьма странное и невѣроятное услышалъ я отъ моего служителя о вашихъ ко мнѣ противностяхъ и какъ мнѣ сіе невѣроятно, паче вѣдая, что вы еще въ умѣ не повредились и разсудить доброе и должное отъ зла и непристойности можете, для того разсудилъ вамъ оное объявить, требуя на то вашего изъясненія". „Противности", (касавшіяся вотчинныхъ дѣлъ Татищева,) чинились воеводой, несмотря на то, что Татищевъ уже „засвидѣтельствовалъ" свои добрыя отношенія къ Ходыреву, пославъ его женѣ „индѣйскую скатерть, не мысля ни о какихъ притомъ дѣлахъ" [1]).

Я остановился подробно на перепискѣ воеводы Ходырева, потому что она лучше, чѣмъ всякое разсужденіе, показываетъ силу человѣка, дѣянія котораго надлежало разслѣдовать; возможно, что не у всѣхъ были такіе могущественные покровители, какъ у Симбирскаго воеводы, но кое-какія связи были у всякаго и поэтому слѣдствіе почти всегда пріобрѣтало характеръ ожесточенной борьбы между слѣдователемъ и подслѣдственнымъ, борьбы, гдѣ пускались въ ходъ всякія средства и гдѣ участвующіе не стѣснялись ничѣмъ. Для иллюстраціи такой борьбы приведемъ еще одинъ примѣръ. 23 мая 1729 года подполковнику князю Гагарину, ведшему слѣдствіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, было отправлено изъ Сената распоряженіе „обще" съ указами „Нижегородской губерніи къ управителямъ", ревизовать дѣйствія которыхъ онъ какъ разъ и былъ посланъ. Секретари губерніи, Подогинскій и Резановъ, главные враги Гагарина, поспѣшили предназначенный для слѣдователя указъ спрятать и потомъ объявляли, что „тотъ-де указъ получили они въ Нижнемъ іюня 5 дня 1729 г., а кн. Гагарину отослать не смѣли, опасаясь за то напраснаго себѣ отъ него задержанія подъ карауломъ и что онъ, Гагаринъ, былъ на Макарьевской ярмаркѣ, а по возвращеніи съ той ярмарки за иными приказными нуждами, и что тотъ указъ въ письмахъ заложился, они забыли, а вспомнили объ немъ 2 декабря 1729 г., а отыскавъ того жъ числа къ нему и отослали". Правда, за это обоихъ секретарей, „отнявъ чины, выслали скованныхъ изъ Москвы", но дѣль была достигнута, и слѣдователь, не исполнившій неполученнаго приказанія, былъ скомпрометированъ въ глазахъ высшаго начальства [2]).

Значительныя подчасъ осложненія вносились въ работу слѣдственныхъ комиссій положеніемъ, которое въ этомъ дѣлѣ занимали иниціаторы его—„доносители". Намъ уже извѣстна комиссія бригадира Бухольца, дѣйствовавшая въ Иркутскѣ. Все дѣло поднялъ доноситель

---

[1]) Письма Ходырева $^{103}/_{319}$, лл. 214—295.

[2]) $^{14}/_{230}$, л. 63—65.

Ракитовъ, бывшій ссыльный, который потомъ старался запутать слѣдствіе, потому, вѣроятно, что и самъ былъ во многомъ неправъ. Онъ удваивалъ старанья, чтобы доказать свое усердіе, и посылалъ доносы на Бухольца, обвиняя его въ слишкомъ большой дружбѣ къ губернскому начальству, которое тотъ ревизовалъ [1]). Вятскій архимандритъ Іоасафъ Потемкинъ, начавшій дѣло противъ секретаря Перминова, не останавливается въ своемъ рвеніи и шлетъ въ Петербургъ доносъ за доносомъ, стремясь направить слѣдствіе по желательному для него пути [2]). Обратимся еще разъ къ Нижегородскому слѣдователю 1728—31 гг. кн. Гагарину, которому болѣе всѣхъ, быть можетъ, пришлось считаться съ усердіемъ доносителей. Недовольные веденіемъ слѣдствія, двое изъ доносителей, подъячіе Семенъ Колмогорскій и Григорій Богдановъ, бѣжали изъ Нижняго еще до окончанія работы Гагарина и подали императрицѣ новый доносъ. По ихъ словамъ, „слѣдствіе произведено было и нынѣ производится не по указамъ, но по особливымъ ихъ (Гагарина и вице-губернатора Волынскаго) мнѣніямъ къ пользѣ хищниковъ и презрителей указовъ“; въ подтвержденіе этого они приводятъ цѣлый рядъ фактовъ, скрытыхъ или оставленныхъ безъ вниманія слѣдователемъ; приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: „писецъ Почайновъ по обличенію ихъ доносителей въ чищеньѣ въ приходной книгѣ числа денегъ по умаленію суммы рубля 15 копѣекъ, въ чемъ и винился, не розыскиванъ“; „нижегородскіе ратушскіе бурмистры въ сборѣ безъ указу народныхъ денегъ болѣе 5000 рублей и въ тратѣ оныхъ во взятки той губерніи судьямъ и подъячимъ за послабленіе государственныхъ сборовъ, и тѣхъ денегъ ни на комъ не взыскивано“; „будучи при томъ слѣдствіи онъ, Гагаринъ да секретарь Ив. Соколовъ брали взятки съ Нижегородца купеческаго человѣка Ст. Спротина, который содержался за кабацкую доимку, за свободу его изъ караула 200 р., изъ которыхъ взяли себѣ кн. Гагаринъ 50 руб. сер., а Соколовъ 150 руб. [3]). Мы не знаемъ основаній, на которыхъ строили свой доносъ подъячіе, но доносъ ихъ—яркій примѣръ вмѣшательства доносителей въ слѣдствіе съ цѣлью направить его по ихъ желаніямъ.

Въ приведенныхъ выше случаяхъ слѣдователь Гагаринъ и вице-губернаторъ Волынскій дѣйствовали вмѣстѣ, и ихъ согласіе раздражало доносчиковъ. Съ другой стороны, намъ извѣстенъ случай, когда Арзамасскій провинціальный воевода Шишкинъ не хотѣлъ подчиниться слѣдователю-сосѣду, воеводѣ Алатырской провинціи, и Нижегородская

---

1) $^{32}/_{248}$.
2) $^{51}/_{267}$.
3) $^{14}/_{230}$, л. 595 - 601.

губернія, сама назначившая слѣдствіе, сама же просила сенатъ о назначеніи комиссіи изъ Петербурга. Позднѣе сенатскому слѣдователю, Ржевскому, особенно мѣшалъ Алатырскій воеводскій товарищъ Ив. Рѣпинъ [1]). Картина мира и согласія въ подобныхъ случаяхъ наблюдается рѣже, чѣмъ противоположная. Слѣдователь бывалъ снабженъ слишкомъ большими полномочіями, чтобы не возбудить подозрѣнія со стороны людей и учрежденій, стоявшихъ рядомъ съ полемъ его дѣйствій и жившихъ порядками, сходными съ тѣми, которые подвергались ревизіи. Самое назначеніе слѣдственной комиссіи задѣвало иногда самолюбіе областныхъ дѣятелей, не замѣшанныхъ прямо въ дѣло. О Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ долгое время вела слѣдствіе Казанская губернская канцелярія; слѣдствіе велось такъ, что обиженные подали жалобу въ сенатъ. Присланный изъ Петербурга слѣдователь на нѣсколько лѣтъ сталъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ въ Пензѣ, фактически устранилъ Казанское губернское начальство и властно требовалъ передачи ему всѣхъ дѣлъ по слѣдствію надъ Жуковымъ [2]). Естественно, что отношенія между губернской канцеляріей и слѣдственной комиссіей не могли отличаться особенной сердечностью и слѣдователь Игнатьевъ не могъ разсчитывать на содѣйствіе губернской администраціи. Въ дѣлѣ Перминова слѣдственная комиссія Полянскаго устранила отъ дѣлъ всю мѣстную администрацію, и понятно, что послѣдняя не могла ей этого простить. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, если являлись подозрѣнія въ сочувствіи мѣстной администраціи подпадавшимъ подъ слѣдствіе или если слѣдователь старался какъ можно рѣзче отмежевать себя отъ неподвѣдомственныхъ комиссій учрежденій, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ по отношенію къ той же Казанской губерніи хорошо намъ извѣстный капитанъ Терскій [3]). И надо думать, что вина здѣсь не всегда лежала на мѣстныхъ властяхъ; слѣдователь бывалъ настоящимъ диктаторомъ, а при низкомъ культурномъ уровнѣ людей XVIII вѣка, при легкомысліи и заносчивости, столь обычныхъ для того времени, нетрудно себѣ представить, какъ вызывающе могъ держать себя слѣдователь, какое враждебное чувство могъ онъ возбудить вокругъ себя.

Глухое сопротивленіе подслѣдственныхъ, вмѣшательство доносителей, недоброжелательство мѣстныхъ властей, — все это были обстоятельства, которыя не могли благопріятно отозваться на успѣшности работъ слѣдственныхъ комиссій. Надо было имѣть большое самообладаніе, чтобы удержаться въ равновѣсіи и довести дѣло, несмотря на всѣ

---

1) $^{52}/_{269}$, л. 66, 413, 414.
2) Чтенія О. И. Д. Р. 1888, № 1, 4—8.
3) $^{103}/_{319}$, л. 200—202.

подводные камни, до благополучнаго конца. Наблюденія надъ практикой слѣдственнаго дѣла показываютъ, что дальнѣйшій ходъ и самые результаты работы слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ могли быть очень различными въ зависимости отъ характера самого слѣдователя и того, какъ складывались отмѣченныя выше неблагопріятныя для слѣдствія обстоятельства.

Чаще всего дѣйствіе силъ, вредившихъ слѣдствію, приводило къ тому, что слѣдствіе запутывалось. Типичными примѣрами могутъ служить длившееся чуть ли не 10 лѣтъ слѣдствіе о провинціальномъ секретарѣ Аверкіи Перминовѣ, которое постепенно обросло цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ дѣлъ, частью органически вытекавшихъ изъ главнаго, частью искусственно къ нему пристегнутыхъ. Не менѣе характерно дѣло Сибирскаго губернатора Сухарева: уже послѣ того, какъ слѣдствіе было въ полномъ ходу, на Сухарева пошли новые доносы, частью повторявшіе старыя обвиненія, частью выставлявшіе новыя [1]).

Человѣкъ энергичный, настойчивый, раздраженный глухимъ сопротивленіемъ и мелкими непріятностями, могъ забыть, что онъ былъ слѣдователемъ, и могъ стремиться превратиться въ судью, на что онъ бывалъ уполномоченъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Тотъ, кто сохранялъ въ бо́льшей степени чувство законности, самъ могъ искать въ судѣ правды за обиды и нареканія, которымъ онъ подвергался. Такъ, напримѣръ, поступилъ тарскій слѣдователь, подполковникъ Сухаревъ, подавшій челобитную въ клеветѣ въ отвѣтъ на жалобу, исходившую отъ тарскаго воеводы [2]). Человѣкъ мягкаго характера, неустойчивый, особенно если онъ былъ вдобавокъ не чуждъ корыстолюбія, рисковалъ не удержаться на высотѣ положенія и легко могъ дѣлать ложные шаги. Не разъ упомянутаго князя Гагарина вѣроятно недаромъ упрекали въ пристрастіи и неумѣніи вести дѣло.

Постоянныя неудачи могли повліять на слѣдователя еще иначе: полковникъ Боборыкинъ самъ приходитъ въ отчаяніе отъ той праздности, въ какую погружена была его комиссія „за опроверженіемъ онаго губернатора Сухарева“ [3]). Не справившійся со своей задачей, слѣдователь нерѣдко обращался къ начальству съ просьбой его уволить; такъ поступилъ Московской ревизіонъ-конторы совѣтникъ Таптыковъ, начавшій слѣдствіе о Рязанскомъ воеводѣ Чебышовѣ; раздраженный препятствіями, выраставшими передъ нимъ на каждомъ шагу, онъ просилъ его смѣнить, ссылаясь на то, что онъ „волею Божіей одержимъ тяжкою глазною болѣзнью, а за неимѣніемъ здѣсь (въ Переяславлѣ-Рязанскомъ) лекаря,

---

1) $^{40}/_{256}$, лл. 165—175, 185—186.

2) $^{20}/_{286}$, лл. 969, 976, 979, 986, 993, 994.

3) $^{40}/_{256}$, лл. 936—939; другой примѣръ: $^{89}/_{305}$, л. 694: комиссія подполковника Пестова почти праздна.

пользовать той болѣзни некому“ [1]). Иногда слѣдователь, наоборотъ, готовъ былъ вести свое дѣло дальше, но другіе просили о его смѣнѣ, и подобныя ходатайства нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Вотъ характерный примѣръ: въ іюлѣ 1753 года „въ военную коллегію коллежскій ассесоръ Аоанасій Гончаровъ поданною челобитною объявляетъ, что слѣдователь по дѣлу „о бѣглыхъ Брянской его вотчины крестьянъ съ брянскими купцами Е. И. В. указамъ противностяхъ“ подполк. Лялинъ, „по страсти черезъ происки брянскихъ купцовъ, подлежащихъ къ тому слѣдствію, повѣреннаго его (Гончарова) по тому дѣлу не допущаетъ, приказчика его, Зайцева, и крестьянъ, которые отъ тѣхъ воровъ разорены о несъѣздѣ ихъ никуды обязалъ подписками, незнаемо для чего безвинно“, а купцовъ, причастныхъ къ дѣлу, „дружа и норовя имъ не сыскиваетъ“. Гончаровъ настоятельно жалуется на пристрастіе Лялина, ничѣмъ впрочемъ жалобъ своихъ не доказывая, и достигаетъ того, что военная коллегія „реченнаго подполк. Лялина за показаннымъ на него колл. асс. Гончарова подозрѣніемъ и посягательствомъ отъ порученнаго ему слѣдствія“ отрѣшила, а на мѣсто его назначила премьеръ-маіора Выродова, который и повелъ дѣло именно такъ, какъ хотѣлъ Гончаровъ. Въ результатѣ вся слѣдственная комиссія о брянскихъ посадскихъ людяхъ и крестьянахъ Гончарова превратилась въ обыкновенное уголовное дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ [2]).

Мы не знаемъ, насколько подп. Лялинъ заслуживалъ обвиненій, которыя на него взводилъ Гончаровъ, но намъ хорошо извѣстны случаи, когда слѣдователи, опьяненные властью, теряли голову. Призванные судить о проступкахъ другихъ, они часто оказывались такими же людьми своего вѣка и бывали случаи, когда слѣдователь болѣе годился въ подслѣдственные, чѣмъ въ судьи чужихъ поступковъ. Очень интересенъ съ этой стороны „представленный отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ“ и отправленный на слѣдствіе въ Алатырь подполк. Максимъ Полубояриновъ. Находившійся подъ слѣдствіемъ воевода Шишкинъ жаловался на него, говоря, что онъ, „ѣздя по уѣздамъ покупаетъ земли на посторонніе имена, а при письмѣ крѣпостей пошлины таитъ“. Жалобы шли и на сына слѣдователя: „сынъ твой, за запретительнымъ Е. И. В. указомъ, декабря 19 дня 1745 г., которымъ запрещено въ домѣхъ ни по птицамъ, ни для забавъ подъ взятіемъ штрафа 1000 р. стрѣлять, пришедъ къ воеводскому двору въ огородъ изъ ружья стрѣлялъ“. Жаловался на Полубояринова также состоявшій при комиссіи канцелярист Красильниковъ: „мая 23 дня 1749 г. оный подполковникъ пришедъ въ слѣдственную комиссію передъ вечернимъ временемъ изъ гостей и безъ

---

[1]) $^{38}/_{254}$, л. 61.

[2]) $^{54}/_{270}$, лл. 406—409, 1052—1053.

всякой моей вины бранилъ меня всякою скверною и непотребною бранью и приказывалъ посадить въ чѣпь большую, а потомъ приказалъ сковать въ желѣзо, и изъ той комиссіи тогда скованой высланъ я на дворъ на крыльцо". Красильникова держали подъ карауломъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ, но на этомъ его мытарства не кончились. 7 января 1750 года, выпущенный изъ-подъ ареста онъ пришелъ „къ оному подполковнику и просилъ", „чтобъ о выдачѣ ему недоданнаго жалованья послано было въ Алатырскую провинціальную канцелярію и на оное онъ подполковникъ мнѣ сказалъ, чтобъ ходить мнѣ по-міру и просить милостыню Христа ради, а жалованья на тебя требовать не буду и не своими де за тебя деньгами платить и буде де хочешь, поѣзжай въ Москву и бей челомъ на меня, а пашпорту де тебѣ дать нельзя". Красильниковъ поѣхалъ въ Москву и добился смѣщенія Полубояринова, который тѣмъ временемъ успѣлъ рассориться и со своимъ помощникомъ колл. секр. Долженковымъ [1]). Красильниковъ въ числѣ другихъ жалобъ указывалъ, что Полубояриновъ „бралъ рыбою"; бывали и прямыя обвиненія во взяткахъ; мы видѣли ихъ выше, приводя челобитья доносителей на слѣдователя Гагарина. Едва ли здѣсь одни только наговоры и подозрѣнія. Возможность для слѣдователя самому согрѣшить и даже въ концѣ концовъ попасть подъ слѣдствіе было реальнымъ фактомъ въ административной жизни XVIII вѣка. „Сибирскаго гварнизона" Енисейскаго пѣхотнаго полка подполк. А. М. Сухаревъ въ 1730—32 гг. велъ слѣдствіе о тарскомъ воеводѣ Рукинѣ и, насколько можно судить, велъ его энергично и добросовѣстно. Двѣнадцать лѣтъ спустя тотъ же самый Сухаревъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности Сибирскаго губернатора самъ попалъ подъ слѣдствіе, тянувшееся до его смерти. Отмѣтимъ еще, что слѣдователи подвергались иногда и дисциплинарнымъ взысканіямъ: извѣстному намъ полк. Лукьяну Боборыкину было указано, „за непорядочные его въ противность многимъ указамъ поступки, не пропзводить ему жалованья" [2]).

Мы выяснили въ главныхъ чертахъ ходъ работы слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ ихъ дѣйствій. Сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть какъ много встрѣчалось здѣсь затрудненій. Успѣху дѣла мѣшало многое, и случалось, дѣло оставалось на полдорогѣ. Впрочемъ, болѣе обычнымъ было, что слѣдователи кончали свой трудъ на мѣстѣ и представляли результаты его въ учрежденіе, ихъ командировавшее. На этомъ дѣло слѣдствія не останавливалось, оно переходило лишь въ новую стадію, и конецъ его бывалъ иногда еще очень далекъ.

---

[1]) $^{53}/_{269}$, лл. 118, 122, 162, 163, 191—194.
[2]) $^{40}/_{256}$, л. 1024.

IV.

Пока слѣдственная комиссія вела свою работу на мѣстѣ, высшее учрежденіе, назначившее ревизію, сохраняло наблюденіе за всѣмъ дѣломъ. Какъ ни были широки полномочія слѣдователя, онъ все-таки не былъ вполнѣ самостоятельнымъ и въ важныхъ случаяхъ сносился съ командировавшимъ его учрежденіемъ, доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ, испрашивалъ новыхъ распоряженій. Положеніе слѣдователя осложнялось и необходимость сноситься съ начальствомъ дѣлалась настоятельной, если къ дѣлу слѣдствія были причастны нѣсколько вѣдомствъ. При безсистемности въ іерархіи учрежденій XVIII в. слѣдователю надо было быть очень внимательнымъ, чтобы не попасть въ непріятное, даже, можетъ быть, опасное положеніе между прямымъ начальствомъ съ одной стороны и какой-нибудь коллегіей, соляной конторой, сысковымъ приказомъ или главнымъ магистратомъ съ другой. Чѣмъ крупнѣе было дѣло, тѣмъ положеніе могло оказаться труднѣе. Когда, напр., изслѣдовались поступки Сибирскаго губернатора Сухарева, то слѣдственной комиссіи приходилось вести сношенія не только съ Сенатомъ, но еще съ тайной канцеляріей, сенатской конторой и Сибирскимъ приказомъ въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что необходимость принимать во вниманіе требованія и интересы различныхъ учрежденій и вѣдомствъ очень замедляла дѣло и потому одновременныя сношенія съ нѣсколькими высшими учрежденіями слѣдуетъ считать въ числѣ обстоятельствъ, понижавшихъ успѣхъ слѣдственныхъ комиссій.

Но вотъ слѣдствіе оканчивалось. Что же представляла слѣдственная комиссія пославшимъ ее, въ качествѣ матеріала, на основаніи котораго долженъ былъ рѣшиться вопросъ о виновности иногда очень вліятельныхъ лицъ? Обычно высылалось все дѣлопроизводство комиссіи и въ особенности показанія, данныя какъ подслѣдственными лицами, такъ и свидѣтелями; центральной частью этого производства были донесенія самихъ слѣдователей и „экстрактъ“ всего дѣла, который и долженъ былъ служить путеводной нитью для ознакомленія съ нимъ. Примѣромъ дальнѣйшей судьбы дѣла въ губернской канцеляріи можетъ служить Тарская комиссія подп. Сухарева 1730—32 гг. Дѣятельность Сухарева выразилась главнымъ образомъ въ разборѣ жалобъ на воеводу Рукина, по которымъ онъ выносилъ и приговоры [1]). Однимъ изъ первыхъ было разо-

[1]) Дѣятельность Сухарева можетъ, между прочимъ, служить примѣромъ, сравнительно рѣдкимъ, когда слѣдствіе смѣшивается съ судомъ и слѣдователь въ противоположность обыкновенію выступаетъ въ качествѣ судьи, рѣшающаго цѣлый рядъ дѣлъ ($^{20}/_{236}$, лл. 42 — 45, 93, 146, 176, 189, 361, 554). Обычно слѣдователь, не постановляя окончательнаго рѣшенія, высказывалъ по судебному

брано дѣло по жалобѣ сына боярскаго Василія Чередова, обвинявшаго Рукина въ томъ, что, несмотря на поднесеніе ему „за честь“ 3 соболей, 2 лисицъ, 2 золотниковъ золота и другихъ подарковъ (которыхъ онъ, Чередовъ, впрочемъ, на Рукинѣ „не спрашиваетъ и не истецъ“), воевода вымогательствами взялъ у него 15 лисицъ красныхъ, 5 руб. денегъ, „лошадь иноходную“. Послѣ приговора, произнесеннаго Сухаревымъ, дѣло перешло въ Тобольскую губернскую канцелярію, гдѣ „1731 г., сентября 27 дня, по указу Е. И. В., тайный сов. и Сибирской губерніи губернаторъ г. Плещеевъ, да полковникъ и вице-губернаторъ г. Болтинъ приговорили: по силѣ Соборнаго Уложенія 10 главы 136-й статьи и 14-й главы и по учиненному въ Тарѣ приговору за рукою полк. Сухарева, истца Чередова оправить, а отвѣтчика Рукина обвинить“ [1]). И это дѣло и длинный рядъ дѣлъ, послѣдовавшихъ за нимъ—совершенно однороднаго характера; губернская канцелярія утверждаетъ предварительный приговоръ Сухарева; бывшій воевода Рукинъ, рядовой мошенникъ того времени (человѣкъ впрочемъ сравнительно совѣстливый, такъ какъ обычно, „до крестнаго цѣлованія не допускалъ“ и винился во взяткахъ), приговаривается былъ къ удовлетворенію гражданскаго иска и возмѣщалъ то, что прежде успѣлъ награбить. Интересно однако, что кромѣ отставленія отъ должности онъ другого наказанія не понесъ.

Самыя значительныя и интересныя слѣдственныя комиссіи назначались изъ Сената; туда же представлялись матеріалы, добытые слѣдствіемъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Сенатѣ даетъ самыя типичныя и интересныя картины изъ этой послѣдней стадіи дѣятельности слѣдственныхъ комиссій.

Наблюденія надъ производствомъ дѣлъ въ Сенатѣ приводятъ прежде всего къ выводу, что дѣла тянулись невѣроятно долго; въ столицѣ начиналась настоящая Петербургская волокита, которая ничѣмъ не отличалась отъ старой Московской. Дѣло воеводы Жукова велось на мѣстѣ съ 1752 по 1756 г., а въ Петербургѣ лежало безъ движенія еще въ 1763 г.; конца его мы такъ и не знаемъ [2]). Дѣло Ходырева началось въ 1746 г.; 27 іюня 1753 г. кап. Терскій закончилъ слѣдствіе и представилъ прямо въ кабинетъ императрицы донесеніе

дѣлу только „мнѣніе“, которое и представлялъ вмѣстѣ съ подробной мотивировкой и всѣми документами по начальству. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить дѣятельность подп. Коробова, послѣдовавшаго дѣйствія Ярославскаго воеводы Вельяминова-Зернова: разсмотрѣвъ жалобы онъ составлялъ „мнѣнія“, которыя и представлялись въ сенатъ. ($^{16}/_{232}$, лл. 597—603, 929—936, 982—983, 1028—31, 1048—49).

[1]) $^{20}/_{236}$, лл. 30—39, 42—44.

[2]) Чт. О. И. Д. Р. 1888, № 1, стр. 33—34.

вмѣстѣ съ экстрактомъ на нѣсколькихъ сотняхъ листовъ. Тамъ дѣло лежало до 1757 г., когда новые хлопоты неугомоннаго секретаря Манахтина перенесли его въ сенатъ для разбора, котораго оно, однако, дожидалось еще 2 года [1]). Дѣло секретаря Перминова, рѣшенное сенатомъ въ 4 мѣсяца—блестящее, но рѣдкое исключеніе [2]). Если же взять общую продолжительность дѣйствій слѣдственныхъ комиссій, то здѣсь періодъ въ 10 лѣтъ является далеко не рѣдкостью [3]).

Длинный періодъ времени не былъ гарантіей всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла. Если мы исключимъ тѣ комиссіи, дѣла которыхъ дошли до насъ не въ полномъ составѣ, то найдемъ случаи, когда дѣло за прекращеніемъ не доходило въ сенатѣ до суда. Это могло произойти вслѣдствіе стараній сильныхъ друзей; мы видѣли, какъ работали родственники и кумовья для тѣхъ, кому только грозилъ судъ; они не переставали работать и послѣ перехода дѣла въ сенатъ. Дѣло князя Козловскаго, кажется, такъ и заглохло; такую же судьбу имѣло повидимому и дѣло Вельяминова-Зернова, разслѣдованное въ Ярославлѣ Коробовымъ.

Надобно было имѣть выдающуюся энергію секретаря Манахтина, чтобъ наперекоръ всѣмъ Шуваловымъ вырвать свое дѣло изъ забвенія. Эпизодъ этотъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: 3 января 1758 г. ген. прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой получилъ письмо отъ гр. А. Б. Бутурлина съ предложеніемъ отъ имени императрицы немедленно разсмотрѣть дѣло Манахтина. Письмо подѣйствовало. 4 дня спустя правительствующій сенатъ „приказали“ поставить дѣло Манахтина и Ходырева на очередь. Поддержка Бутурлина и позднѣе, вѣроятно, помогла Манахтину довести свое дѣло до благополучнаго окончанія. Въ другихъ случаяхъ прекращала дѣло сама верховная власть не безъ старанія и здѣсь со стороны друзей. Такъ случилось съ дѣломъ по обвиненію Волынскаго въ притѣсненіяхъ инородцевъ. Наконецъ, дѣло могло оканчиваться безъ разбирательства вслѣдствіе смерти заинтересованныхъ лицъ. Дѣло Сибирскаго губернатора Сухарева возникло въ 1744 г. и затянулось на цѣлыхъ 10 лѣтъ; 16 апрѣля 1754 г. начальникъ слѣдственной комиссіи, чуть ли не пятый по счету, полк. Сацыперовъ, изобразивъ печальное положеніе комиссіи, „праздной“ „за непроизвожденіемъ дѣлъ“, просилъ „высокоповелительнаго указу помянутое о г.-м. Сухаревѣ слѣдствіе за вышеизображенными обстоятельствы и что уже оный губернаторъ Сухаревъ и доноситель подполк.

---

[1]) $^{104}/_{320}$, лл. 1—13, 805—806.

[2]) $^{51}/_{267}$, лл. 2073—89.

[3]) Изъ 20 комиссій, дѣла которыхъ были изучены въ полномъ составѣ, 6 продолжались свыше 10 лѣтъ, 6 — отъ 5 до 8 лѣтъ и 8—меньшій періодъ времени.

Кенеманъ помре, а прочіе доносители содержатся подъ секретными и безвѣстными аресты, повелѣно-ль будетъ болѣе производить“ [1]). И сенатъ, войдя въ это экстраординарное положеніе, указомъ отъ 16 сентября того же 1754 г. прекратилъ дѣло [2]).

Обратимся теперь къ слѣдственнымъ дѣламъ, которыя доводились въ сенатѣ до конца. Обзоръ относящагося сюда матеріала даетъ возможность сдѣлать довольно любопытныя наблюденія.

Должностныя лица, дѣянія которыхъ приходилось разслѣдовать комиссіямъ, грѣшили больше всего лихоимствомъ и взяточничествомъ. За эти грѣхи и выносили имъ чаще всего обвинительный приговоръ. Выше я уже имѣлъ случай указать, что Тобольская губернская канцелярія, признавъ воеводу Рукина виновнымъ во взяточничествѣ, опредѣлила взыскать съ него всю забранную сумму, не наложивъ на него наказанія за самый фактъ взяточничества и вымогательства. Приблизительно на такой же точкѣ зрѣнія стояли сенатъ и слѣдователи, посылаемые изъ столицы: въ принципѣ въ пользу казны взимался штрафъ въ двойномъ размѣрѣ противъ взятаго, согласно 22 ст. 7 главы Уложенія; за сто лѣтъ понятіе о карѣ за должностныя преступленія не сдѣлало и шагу впередъ; наоборотъ, на практикѣ, очень часто признавалось достаточнымъ простое возмѣщеніе. Ярославскій слѣдователь Коробовъ представилъ въ сенатъ слѣдующее мнѣніе объ одномъ изъ подвиговъ воеводы Вельяминова-Зернова. Послѣдній, получивъ приказаніе выслать въ Петербургъ сына ярославскаго купца Ивана Крылацкаго „въ непоставкѣ въ адмиралтейство провіанта“, держалъ подъ стражей обоихъ— отца и сына—въ теченіе нѣсколькихъ недѣль „и взялъ съ нихъ денегъ 10 рублей да косякъ мыла 1 руб. 20 коп.“. Мнѣніе Коробова таково: „по сему дѣлу надлежитъ истцу Крылацкому отъ отвѣтчика стат. сов. Ѳедора Вельяминова-Зернова взятыя деньги 10 руб., да за косякъ мыла 1 руб. 20 коп., возвратить, а что онъ, Вельяминовъ-Зерновъ, въ прошломъ 1727 году его истца и сына его Ивана и служителя ихъ подъ карауломъ держалъ октября съ 26 декабря по 1-е число, зато на немъ, Вельяминовѣ, взять штрафу 50 руб.“ [3]). Итакъ, матеріальный ущербъ возмѣщается, а штрафъ берется за незаконный арестъ. Мы не знаемъ, какъ взглянули въ сенатѣ на мнѣніе Коробова; для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ въ высшемъ учрежденіи имперіи, приходится обратиться къ другимъ примѣрамъ. Съ рязанскихъ провинціальныхъ властей, признанныхъ виновными во взяточничествѣ, сенатъ опредѣлилъ произвести взысканіе слѣдующимъ образомъ: со

---

1) $^{104}/_{320}$, л. 805.

2) $^{40}/_{236}$, лл. 1369—1374; 1379—1382.

3) $^{16}/_{232}$, лл. 982—983; аналогичный примѣръ тамъ же, лл. 1048—49.

всѣхъ взять вдвое, а „которыя взятки Чебышовъ и Олсуфьевъ брали съ подъячаго Бѣляева, тако-жъ и Бѣляевъ бралъ съ подрядчиковъ, тѣ съ нихъ взыскать въ казну-жъ въ одинъ рядъ"; взятые съ населенія поборы возвратить тѣмъ, у кого они взяты [1]). Точно такимъ же образомъ былъ оштрафованъ за взятки и поборы казанскій ревизоръ Бардекевичъ [2]).

Другая характерная черта сенатскихъ приговоровъ по слѣдственнымъ дѣламъ — это бо́льшая сравнительно строгость наказаній для младшихъ служащихъ, для мелкой сошки. Любопытно въ этомъ отношеніи сложное и запутанное дѣло 1730 годовъ о злоупотребленіяхъ въ Калужской провинціальной канцеляріи. Оно началось съ доноса воеводскаго товарища маіора Потемкина на воеводу Бестужева и ассессоровъ Ханыкова и Кирикрѣйскаго. Пошло слѣдствіе; оно осложнилось другими доносами, другими побочными дѣлами, въ которыя оказались замѣшанными и полковникъ, разыскивающій бѣглыхъ рекрутъ, и предшественникъ Бестужева кн. Вяземскій, и секретарь калужской провинціи Протопоповъ, и калужскіе посадскіе люди. Дѣло нѣсколько разъ восходило въ сыскной приказъ и въ сенатъ; въ немъ принималъ дѣятельное участіе энергичный оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ и, несмотря на это, все кончилось тѣмъ, что двумъ калужскимъ подъячимъ учинено по приговору Сената наказаніе кнутомъ [3]). Изъ слѣдственнаго дѣла бригадира Бардекевича выяснилось, что помощникомъ его и ревностнымъ исполнителемъ его приказаній по части взятокъ, своза крестьянъ и записки ихъ за Бардекевичемъ во время второй ревизіи былъ нѣкій вахмистръ, позднѣе прапорщикъ Демьяновъ. И что же? Бардекевичъ наказанъ штрафомъ—вычетомъ за треть года жалованья, а Демьяновъ разжалованъ и написанъ въ драгуны [4]).

Третья черта, неизмѣнно отличающая ходъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Сенатѣ, заключается въ постоянной снисходительности къ дворянамъ, наряду съ безпощадной строгостью къ разночинцамъ, посадскимъ и крестьянамъ. Можно подумать, что существуютъ двѣ мѣрки поступковъ — одна для дворянъ, другая — для всего остального населенія. Впрочемъ, для Россіи XVIII вѣка въ этомъ едва-ли есть что-либо удивительное. Дворянство господствуетъ и господство это тяжело ложится на всѣхъ соціально и политически обездоленныхъ, т.-е. фактически на всѣхъ не-дворянъ; это въ особенности замѣтно въ чисто дворянское Елизаветинское царствованіе. Такъ, напримѣръ, въ извѣст-

---

[1]) $^{38}/_{254}$, л. 245.
[2]) $^{55}/_{271}$, лл. 965 – 971.
[3]) $^{23}/_{239}$, лл. 11, 1132—1135; $^{26}/_{242}$, лл. 7, 8, 280, 348, 526.
[4]) $^{55}/_{271}$, лл. 970—971.

номъ дѣлѣ помѣщика Гончарова, Елизаветинскій сенатъ (1749), явно пристрастно относившійся къ интересамъ Гончарова во все время существованія слѣдственной комиссіи, въ концѣ концовъ, едва ли вникнувъ особенно глубоко въ дѣло, постановилъ возвратить крестьянъ Гончарову, заводчиковъ дѣла бить кнутомъ, остальныхъ же бить „плетьми нещадно“, чтобы имъ впредь не повадно было бѣгать [1]).

Если преступленіе совершалось двумя лицами—дворяниномъ и недворяниномъ, то можно сказать навѣрное, что наказаніе второго было болѣе тяжкимъ. По совокупности всѣхъ преступленій, совершенныхъ рязанскими провинціальными властями, приказано было „бывшаго воеводу Чебышова и тит. сов. Олсуфьева, понизя по одному рангу, ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и дать имъ пашпорты, въ которыхъ написать имянно, что они за то свое преступленіе чинами унижены и къ дѣламъ опредѣлять ихъ не велѣно, а также и подъячаго Бѣляева (также изъ дворянъ) ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять же, а купца Чичкинскаго, который явился въ подложномъ съ Олсуфьевымъ провіанта и фуража подрядѣ, бить плетьми, и взятыя имъ изъ казны деньги возвратить и впредь его ни въ какіе подряды и откупы не допускать“ [2]). Тенденція Сената постановить легкій приговоръ надъ преступникомъ, если только онъ дворянинъ—обычное явленіе не только при Елизаветѣ, но и позднѣе при Екатеринѣ II [3]).

Подобная тенденція не должна насъ удивлять. Вспомнимъ еще разъ дѣло воеводы Ходырева: при разсмотрѣніи его въ кабинетѣ императрицы „явились многіе въ ономъ дѣлѣ пристрастные поступки отъ сенаторовъ“, такъ что испрашивалось, „не изволитъ ли Е. И. В. указать сенаторовъ порознь всякаго спросить на письмѣ, читаны-ль имъ подлинныя доношенія и сочиненная выписка изъ дѣла“ [4]). Дворянскій Сенатъ радѣлъ о своихъ.

Приведенныя черты едва-ли могутъ характеризовать отношеніе сената къ слѣдственнымъ дѣламъ съ положительной стороны. Было бы, однако, ошибочнымъ судить въ данномъ случаѣ о сенатѣ только на основаніи приведенныхъ примѣровъ. Сенатъ иногда очень внимательно и подробно вникалъ въ дѣло и излагалъ свое рѣшеніе въ очень подробныхъ и продуманныхъ приговорахъ. Когда въ сенатѣ было представлено рѣшеніе юстицъ-коллегіи, въ которую поступило мнѣніе ревизора Полянскаго по дѣлу Вятскаго провинціальнаго секретаря Перминова, сенатъ, разобравъ дѣло, постановилъ: „учиненное юстицъ-коллегіи

---

[1]) $^{54}/_{270}$, лл. 103—133.
[2]) $^{38}/_{254}$, л. 245.
[3]) Грибовскій, „Матеріалы“, №№ 28, 29.
[4]) $^{103}/_{319}$, л. 195—196.

о присужденіи вышеименованнаго секретаря Перминова, по отнятіи чиновъ, къ наказанію кнутомъ и о взятіи его имѣніевъ въ казну мнѣніе отставить, понеже по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената и по обстоятельству дѣла, онъ, Перминовъ, не точію приговоренному коллегіею, но и никакому наказанію не подлежитъ". Къ такому рѣзкому отношенію къ прежнему рѣшенію побудили сенатъ многія обстоятельства, которыя далѣе и излагаются. Сенатъ подробно доказываетъ, что доносъ архимандрита Потемкина, съ котораго началось дѣло, содержитъ въ себѣ несообразности и даже завѣдомую ложь. Перминова, напримѣръ, обвиняютъ въ томъ, что онъ не опубликовалъ присланнаго изъ сената указа о сборѣ недоимокъ съ архіерейскихъ крестьянъ; сенатъ указываетъ, что „тотъ указъ данъ Вятской провинціальной канцеляріи не для объявленія во всенародное извѣстіе, но точію послѣдовалъ по представленію оной канцеляріи" о взысканіи недоимокъ со всѣхъ монастырскихъ и архіерейскихъ домовъ поровну. Указывается, что въ этомъ пунктѣ самъ Перминовъ можетъ искать съ доносчиковъ за безчестье. Далѣе выясняются и другія причины шаткости доноса: братія Трифонова монастыря приговоромъ, поданнымъ новому архимандриту, заявила, „что де на Перминова доносить, такого у нихъ братскаго согласія никогда не бывало, и съ чего Потемкинъ то учинилъ они неизвѣстны, а доносители на тотъ ихъ общій приговоръ никакого спору къ дѣлу не подали и ничѣмъ оный не опровергли". Взяточничество Перминова не доказано; главные свидѣтели обвиненія умерли. Нѣкоторые поступки Перминова, сами по себѣ противные законамъ, уже покрыты указами объ амнистіи. Сенатъ отвергаетъ послѣдовательно всѣ пункты доноса; остановимся на послѣднемъ. Перминова обвиняли въ томъ, что онъ во время крестнаго хода съ образомъ Николая Чудотворца пускалъ „ракиты" и палилъ изъ пушекъ. Въ этомъ, по мнѣнію Сената, „винности его, Перминова, никакой не находится", потому что это не противорѣчитъ закону и происходило съ соблюденіемъ требуемыхъ предосторожностей, вдали отъ жилищъ и никому не принесло ущерба. Отмѣнивъ рѣшеніе коллегіи, Сенатъ возстановилъ Перминова въ прежней должности секретаря Вятской провинціи [1]).

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оправдательнымъ приговоромъ, разсмотримъ также и обвинительный приговоръ; онъ относится къ дѣлу Ходырева.

Разсмотрѣвъ всѣ дѣла ревизіи Терскаго, сенатъ призналъ Ходырева виновнымъ во всемъ, что доносилъ на него секретарь Манахтинъ, „за что за все онъ, Ходыревъ, ежели бы понынѣ былъ живъ, яко пре-

[1]) $^{51}/_{267}$, л. 2073 –2089.

ступникъ высочайшихъ Е. И. В. указовъ и присяжной своей должности, по силѣ 714, дек. 24, 720 г. февр. 9, 722, апр. 4, 12 да 17, 724 г. генваря 22 да февр. 5, 745 г. дек. 31, 747, генв. 31 чиселъ указовъ и генеральнаго регламента 4, 6, 20 и 50-йглавъ, подлежалъ смертной казни, но понеже онъ Ходыревъ умре, и для того за тѣ-жъ его преступленія нынѣ учинить слѣдующее: оставшее послѣ его Ходырева собственное его движимое и недвижимое имѣніе, дворы, пожитки и прочее, отписать на Е. И. В.". Ходырева самого спасла смерть; поэтому за него отвѣчаетъ его имущество и его сообщники: „бывшаго при немъ за капрала разсыльщика Селезнева, черезъ котораго Ходыревъ бралъ съ обывателей не малыя взятки", приговорено: „бить кнутомъ и сослать въ Сибирь на Колывано-Воскресенскіе серебряные заводы, прочихъ разсыльщиковъ высѣчь плетьми и отослать обратно въ Симбирскую провинціальную канцелярію". Имущество Ходырева за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе слѣдственной комиссіи, должно быть передано въ Симбирскую провинціальную канцелярію для пересылки въ канцелярію конфискаціи.

Но разъ Ходыревъ осужденъ, то бывшій секретарь Манахтинъ возстановленъ этимъ самымъ въ своихъ правахъ и долженъ получить награду за долгіе годы лишеній и невзгодъ. На такую именно точку зрѣнія и сталъ сенатъ, постановивъ: „за правильный доносъ" на воеводу „въ разсужденіе того, что моложе его нѣкоторые изъ провинціальныхъ же и губернскихъ секретарей произведены въ коллежскіе секретари и титулярные совѣтники, а онъ, Манахтинъ, за бытностію при томъ слѣдствіи обойденъ и понынѣ провинціальнымъ секретаремъ состоитъ, наградить рангомъ титулярнаго совѣтника", а за то, что онъ, вслѣдствіе отрѣшенія отъ должности, долгое время „жалованье и никакой акцинденціи не получалъ", выдать ему жалованье по высшему окладу, положенному для Петербурга и новозавоеванныхъ городовъ. Манахтинъ самъ виноватъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ по службѣ, но онъ такъ долго былъ отрѣшенъ отъ дѣлъ, что его терпѣніе и изданные съ тѣхъ поръ указы объ амнистіи даютъ полную возможность отпустить ему вины. Еще раньше, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда Манахтину удалось было получить перевѣсъ надъ своимъ врагомъ, возникалъ вопросъ о дарованіи ему еще болѣе высокой награды—чина надворнаго совѣтника; сенатъ не беретъ на себя рѣшенія этого вопроса, оставляя его на благовоззрѣніе императрицы [1]).

Что происходило послѣ сенатскаго рѣшенія по слѣдственному дѣлу, видно изъ конца дѣла Ходырева. Это вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ послѣдними моментами существованія слѣд-

---

[1]) $^{104}/_{320}$, лл. 851–866.

ственныхъ комиссій. Прежде всего на слѣдственной комиссіи, которая не упразднялась до рѣшенія дѣла въ сенатѣ, лежало приведеніе приговора въ исполненіе. Въ приговорѣ по дѣлу Ходырева мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: „велѣть ему, Терскому, всѣ производимыя по той комиссіи слѣдственныя дѣла и описныя у виновныхъ пожитки и оставшую денежную казну и данныхъ отъ Симбирской провинціальной канцеляріи приказныхъ служителей и команду, учиня виновнымъ присужденное по Правительствующаго Сената рѣшенію публичное наказаніе и для разсылки ихъ въ надлежащія мѣста, отдать въ Симбирскую провинціальную канцелярію при письменномъ извѣстіи немедленно; самому л.-гв. капитану Терскому и съ находящимися при немъ въ командѣ военно-служащими явиться въ своихъ командахъ [1]). По исполненіи приговора комиссія упраздняется, ея канцелярія распускается, начальствующія лица отправляются къ мѣстамъ постояннаго служенія, а дѣла передаются въ мѣстныя учрежденія, которыя теперь вновь входятъ въ свои права, умаленныя параллельно дѣйствовавшей комиссіей, и становятся окончательными ликвидаторами ея наслѣдства.

Наслѣдство заключалось въ удовлетвореніи гражданскихъ исковъ; на это шло конфискованное имущество виновныхъ, за вычетомъ расходовъ на содержаніе самой комиссіи. Наиболѣе богатое по содержанію изъ дѣлъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, дѣло Ходырева, и здѣсь даетъ возможность нарисовать довольно яркую картину.

По пріѣздѣ въ Симбирскъ Терскій наложилъ арестъ на движимое имущество Ходырева. Опись этого имущества показываетъ, что Ходыревъ жилъ хорошо и даже, повидимому, не безъ оттѣнка роскоши. Перечисляются образа въ богатыхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями, серебряный крестъ съ мощами, до 30 томовъ книгъ церковной печати различнаго содержанія, сочиненія „Пафендорфія“, духовный регламентъ, юности честное зерцало, соборное уложеніе „календаровъ, печатныхъ семь, разныхъ годовъ, да письменный съ трагедіи печальной переводъ съ письма эллино-греческаго“, лѣчебникъ письменный, 3500 руб. денегъ рублевой и полтинной монеты, довольно богатая серебряная утварь, 15 камзоловъ и кафтановъ глазетовыхъ, штофныхъ, парчевыхъ, суконныхъ, шлафоръ мужской, камчатый цвѣтной, подбитъ

---

1) $^{104}/_{320}$, л. 861—866. Другой примѣръ изъ комиссіи о губернаторѣ Сухаревѣ: по окончаніи дѣла отсылаются—канцелярист Калугинъ и разные припасы въ Сибирскую губ. канцелярію „при промеморіи“, копіистъ Забѣлинъ — въ Ишимскую провинціальную канцелярію, изъ которой онъ былъ присланъ, „при указѣ“; находившіеся для карауловъ солдаты—въ гарнизонную канцелярію „при промеморіи“, а послѣдній изъ слѣдователей, полк. Сацыперовъ, „имѣетъ явиться къ командѣ“. $^{40}/_{256}$, л. 3196.

гарнитуромъ, шуба, епанча васильковаго сукна, тулупы, до 70 шкуръ волковъ, лисицъ и куницъ и т. п.; нѣсколько бѣднѣе гардеробъ воеводши, которая успѣла во-время выѣхать изъ Симбирска. У воеводы было до 20 лошадей на конюшнѣ, пять или 6 различныхъ колясокъ, саней и другихъ экипажей [1]) и т. д.

До насъ дошли также свѣдѣнія о расходованіи денегъ и части имущества Ходырева. На пропитаніе Ходырева и его людей и на содержаніе конюшни было выдано съ 1747 по 1755 годъ 1338 руб.; возвратилъ ему Терскій и носильное платье; расходы по содержанію комиссіи выразились въ суммѣ 1982 руб. $12^3/_4$ коп., такъ что, за вычетомъ этихъ суммъ, изъ ходыревскихъ денегъ осталось 179 р. $87^1/_4$ коп. и „прочая описная пажить“, которые переданы были въ Симбирскую провинціальную канцелярію „на удовлетвореніе обидимыхъ“ вмѣстѣ съ 68 р. 55 коп., остаткомъ также описаннаго имущества разсыльщика Селезнева. Претензіи, предъявленныя Симбирскими обывателями къ Ходыреву, достигали 1975 руб. $70^1/_2$ коп. „А присланныхъ изъ комиссіи описныхъ пожитковъ выбранными отъ Симбирскаго купечества цѣновщиками оцѣнено на 375 руб. $71^1/_2$ коп., а продано оныхъ съ публичнаго торгу охочимъ людямъ на 512 руб. 97 коп., да описныхъ у онаго Ходырева и у разсыльщика Селезнева денегъ изъ той комиссіи прислано 248 р. $42^1/_4$ к., итого денегъ и пожитковъ на 761 р. $39^1/_4$ к.; изъ того числа выдано по поданнымъ въ комиссію и въ Симбирскую провинціальную канцелярію доношеніямъ по силѣ Прав. Сената указу обидимымъ 732 руб. 82 коп., затѣмъ состоитъ 28 руб. $57^1/_4$ коп., а въ канцелярію конфискаціи оныхъ достальныхъ денегъ не отослано, затѣмъ, что многіе обидимые по ихъ прошеніямъ не удовлетворены“. Выходитъ, что содержаніе комиссіи съѣло почти все, и даже тѣ изъ „обидимыхъ“, которымъ заплатили, получили только по 35 коп. на руб. Возможно, конечно, что кое-что было возмѣщено позднѣе, по продажѣ недвижимаго имѣнія Ходырева, черезъ канцелярію конфискаціи, но свѣдѣній объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ [2]).

Исходъ дѣла Ходырева можетъ служить мѣриломъ для общей оцѣнки дѣятельности слѣдственныхъ комиссій. Это одно изъ самыхъ успѣшныхъ въ смыслѣ торжества правды дѣлъ, и что же? Воевода, виновный во множествѣ служебныхъ преступленій, умеръ, потому что сумѣлъ затянуть дѣло въ мертвую петлю; пострадалъ мелкій чело-

---

[1]) $^{103}/_{319}$, лл. 203—213.

[2]) $^{103}/_{320}$, л. 967—983; тамъ же подробная вѣдомость о томъ, кому именно распроданы отдѣльныя вещи изъ имущества Ходырева и списокъ лицъ, претензіи которыхъ были удовлетворены; къ числу послѣднихъ принадлежали купцы, цеховые, инородцы, т.-е. всякаго рода мелкота, которую легче всего было эксплуатировать воеводѣ.

вѣкъ—Селезневъ, обиженные получили очень мало, а большую часть конфискованнаго имущества поглотила сама комиссія; секретарю Манахтину, чтобъ достигнуть столь скромнаго торжества, понадобилось болѣе 12 лѣтъ неимовѣрныхъ трудовъ, лишеній, невзгодъ и позора, а слѣдователь Терскій получилъ предписаніе, по приведеніи въ исполненіе приговора по дѣлу Ходырева, явиться въ свой л.-гв. Семеновскій полкъ, гдѣ его должны были „судить воинскимъ судомъ за учиненные въ произведеніи того слѣдствія непорядки и указамъ Е. И В. противные поступки“ [1]). Другія комиссіи нерѣдко достигали меньшаго.

Слѣдственная комиссія была предметомъ постояннаго страха для лихоимцевъ XVIII вѣка и боязнь ея сдерживала широкій размахъ взяточничества. Но комиссія не могла быть орудіемъ особенно успѣшнымъ, потому что на мѣсто произвола и насилія она ставила не право и законъ, а тотъ же произволъ и насиліе. Слѣдователь былъ властелиномъ, который самъ впадалъ въ искушеніе и шелъ по наклонной плоскости, приводившей къ обвиненіямъ и суду. Смѣщеніе Полубояриновыхъ, Боборыкиныхъ, обвиненія противъ Полянскаго, назначеніе слѣдствія надъ Терскимъ — не случайные факты; это естественный выводъ изъ общаго положенія. Учрежденія XVIII вѣка не могли пересилить людей того времени; слѣдствіе довѣрялось тѣмъ же людямъ, которые случайно попадали въ слѣдователи, какъ случайно могли попасть и подъ слѣдствіе; примѣръ Сухарева слѣдователя, чрезъ 12 лѣтъ попавшаго подъ слѣдствіе, такая же неслучайность, какъ и вышеприведенные примѣры. Если къ этому прибавить отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ властей, взяточничество, царившее въ самомъ Сенатѣ, всякія удобства для уклоненія отъ слѣдствія и для сокрытія слѣдовъ преступленій, какія существовали въ странѣ съ тысячеверстными разстояніями безъ дорогъ, съ вотчинными уголками, гдѣ можно было спрятаться отъ всякой опасности, и „компаніями“ воровъ и разбойниковъ, которые наводняли всю страну, то станетъ вполнѣ понятно, что слѣдственныя комиссіи не могли справиться съ тѣмъ зломъ, съ которымъ онѣ боролись, и не могли вывести произвола и насилій изъ нравовъ русской администраціи XVIII вѣка. Было бы, однако, ошибкою вовсе отрицать ихъ значеніе; это было все-таки сильное орудіе борьбы центральнаго правительства съ преступленіями его подчиненныхъ органовъ, и если центръ былъ зараженъ такими же болѣзнями, какъ и провинція, то посредствомъ комиссіи можно было иногда положить предѣлъ слишкомъ беззастѣнчивой дѣятельности и слишкомъ далеко заходившимъ увлеченіямъ. Это былъ наиболѣе дѣйствительный органъ надзора и въ этомъ — значеніе слѣдственныхъ комиссій.

---

1) $^{104}/_{320}$, л. 851—866.

Самыя большія по объему дѣятельности комиссіи падаютъ на царствованіе Елизаветы. Ихъ не мало и въ 60-хъ годахъ, въ первые годы Екатерины II. Но между тѣми и другими замѣтная разница. Комиссіи 60-хъ годовъ — преимущественно губернскія. Сенатскія комиссіи отступаютъ на задній планъ; при назначеніи слѣдствія центральной властью, императрица сама выбираетъ слѣдователя [1]); сенатъ передаетъ полученныя жалобы въ губерніи. Между центральной властью и слѣдствіемъ становится губернаторъ [2]). Происходитъ какъ бы перемѣщеніе власти отъ сената къ губернской администраціи. Немного позднѣе явился и высшій органъ областного управленія, въ рукахъ котораго сосредоточился надзоръ за ходомъ областныхъ дѣлъ; это были намѣстники или „командующіе въ отсутствіе Ея Величества“. Съ учрежденіемъ должности намѣстника комиссіи прежняго типа, назначаемыя сенатомъ, сдѣлались совершенно ненужными. Появляется постоянный мѣстный органъ надзора, и слѣдственныя комиссіи, какъ экстренное орудіе центральной власти, исчезаютъ. Сохраняются мѣстныя комиссіи, ранѣе учреждавшіяся для маловажныхъ дѣлъ, а теперь превратившіяся въ нормальный органъ, черезъ который дѣйствовала власть генералъ-губернаторовъ; что же касается надзора сената, то онъ пріобрѣтаетъ новыя формы.

Ю. Готье.

---

[1]) Грибовскій, Высшій судъ, 133.

[2]) Грибовскій, Матеріалы, лл. 4, 17, 24, 27, 30, 63, 79, 98, 120, 138.

VIII.

Изъ исторіи отмѣны „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Московскомъ Государствѣ XVII вѣка.

I.

Спеціальная литература по исторіи крестьянскаго прикрѣпленія въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. обстоятельно выяснила значеніе въ этой исторіи урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Извѣстно далѣе, что эти урочные годы были отмѣнены Уложеніемъ 1649 г. (XI, 1—2) послѣ ряда настойчивыхъ челобитій со стороны служилыхъ людей. Въ настоящей замѣткѣ мы желали бы остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ борьбы противъ урочныхъ лѣтъ и попытаться выяснить, какія группы служилыхъ людей вели эту борьбу и въ какихъ обстоятельствахъ возникали ихъ челобитья, передъ которыми медленно и неохотно отступало правительство.

Установленный въ концѣ XVI в., какъ общее правило, 5-тилѣтній срокъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ самъ по себѣ не давалъ какихъ-либо особыхъ преимуществъ однѣмъ группамъ землевладѣльцевъ въ законной борьбѣ за крестьянъ и не ослаблялъ шансовъ этой борьбы для другихъ. Такое нейтральное, если такъ можно выразиться, значеніе урочныхъ лѣтъ должно было измѣниться, какъ скоро установленный срокъ сталъ нарушаться въ пользу нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, получавшихъ привилегію отыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ болѣе продолжительные сроки, и когда общія условія государственной жизни открыли „сильнымъ людямъ“ возможность обратить урочные годы въ орудіе широкихъ злоупотребленій.

II.

Первымъ попытался пріобрѣсти привилегію сыска бѣглыхъ крестьянъ въ болѣе продолжительные сроки, чѣмъ указное пятилѣтіе, сильнѣйшій землевладѣлецъ, Троице-Сергіевъ монастырь, и борьба противъ урочныхъ лѣтъ открылась стремленіемъ провинціальныхъ служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, уравнять шансы въ борьбѣ за крестьянъ съ могущественнымъ землевладѣльцемъ монастыремъ.

По челобитью троицкихъ властей въ 1613—1614 г. былъ изданъ указъ, разрѣшавшій монастырю вывозить по сыску бѣглыхъ крестьянъ обратно въ троицкія вотчины за 9 лѣтъ. Не удовлетворяясь этой привилегіей, власти Троицкаго монастыря въ слѣдующемъ году снова обратились къ царю съ челобитьемъ, согласно которому, по указу 10 марта 1615 г., „посланы во всѣ въ тѣ городы, гдѣ троицкія вотчины, къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ наши (государевы) грамоты, а велѣно тѣхъ троицкихъ вотчинъ крестьянъ свозити, сыскивая со 113 г., сентября съ 1 числа, и тому одиннадцать лѣтъ". Но это увеличеніе срока разрѣшено было только на одинъ годъ: „и вы-бъ,—продолжаетъ царская грамота,—троицкихъ крестьянъ сыскивали и свозили по нашему указу, каковъ нашъ указъ посланъ по городамъ, со 113 году, въ нынѣшнемъ во 123 году да по 124 годъ, а во 124 году тѣхъ троицкихъ крестьянъ со 113 году свозити есмя не велѣли, а будетъ о томъ нашъ указъ новой". Та же царская грамота упоминаетъ, что эта привилегія, дарованная монастырю, возбудила жалобы служилыхъ людей: „а дворяне и дѣти боярскіе многіе намъ били челомъ, что возятъ въ троицкія вотчины ихъ старинныхъ крестьянъ, которые жили за ними лѣтъ двадцать и болши"[1]). Новый, обѣщанный въ 1615 г., указъ объ урочныхъ годахъ не сохранился. Уже изъ документовъ 1630-хъ годовъ мы узнаемъ, что Троице-Сергіевъ монастырь сохранилъ за собою прежнюю привилегію—искать бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ.

Первыя жалобы служилыхъ людей на затрудненія, проистекавшія для нихъ изъ дарованной Троице-Сергіеву монастырю привилегіи, не возымѣли дѣйствія и только черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ борьба противъ урочныхъ лѣтъ приняла рѣшительный характеръ. Въ 1637 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ „пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Украинныхъ и Замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ давать судъ противъ Троицкаго Сергіева монастыря властей; а Троицкаго Сергіева монастыря властемъ въ то время бѣглыхъ крестьянъ по суду отдавали за девять лѣтъ"[2]). Это свѣдѣніе о челобитьѣ 1637 г., находящееся въ писцовомъ наказѣ 1646 г., было единственнымъ до изданія II тома „Актовъ Московскаго Государства". Здѣсь мы находимъ болѣе точныя данныя. Въ одной выпискѣ изъ документовъ Разряда читаемъ: „въ 145 году, въ *февралѣ*, Государь пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ на бѣглыхъ ихъ крестьянъ во крестьянствѣ судъ давати противъ тѣхъ указныхъ лѣтъ, за колько лѣтъ Троицкаго Сергіева монастыря властемъ на ихъ

---

[1]) А. А. Э., III, № 66.

[2]) Ibid., IV, ст. 24.

монастырскихъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ судъ давать велѣно. А въ памяти въ Разрядъ съ Патріарша двора 146 году написано: троицкимъ властямъ на ихъ монастырскихъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ судъ давать указано за девять лѣтъ“ [1]).

Служилые люди украинныхъ и замосковныхъ городовъ позаботились только о своихъ интересахъ, и девятилѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ еще не сталъ послѣ ихъ челобитья общимъ правиломъ для всѣхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Вскорѣ обратились къ правительству служилые иноземцы, поляки и нѣмцы, съ челобитьемъ о распространеніи и на нихъ права, дарованнаго служилымъ людямъ украиннымъ и замосковнымъ. „Мы—пишутъ иноземцы—въ томъ ихъ (замосковныхъ и украинныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ) челобитьѣ не написаны, а служимъ мы тебѣ, государю, всякія твои государевы службы безпрестанно“. И это челобитье было удовлетворено, согласно помѣтѣ 22 января 1639 г.[2]).

Увеличеніе въ 1637 г. срока исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ было отвѣтомъ на одно коллективное челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ. Этотъ фактъ требуетъ объясненія. Какія обстоятельства позволили сплотиться и выступить съ коллективнымъ челобитьемъ въ защиту своихъ интересовъ служилымъ людямъ, разбросаннымъ въ друхъ обширныхъ районахъ, занимавшихъ въ совокупности весь центръ государства и часть южной окраины,—служилымъ людямъ, не связаннымъ какой-либо общей организаціей и не имѣвшимъ постоянныхъ органовъ представительства и защиты своихъ общихъ интересовъ?

Увеличеніе для служилыхъ людей замосковныхъ и украинныхъ городовъ срока для сыска бѣглыхъ крестьянъ съ пяти на девять послѣдовало въ февралѣ 1637 г. Слѣдовательно, челобитье было подано и обсуждалось правительствомъ въ самомъ началѣ этого года или въ концѣ предшествующаго. А какъ разъ на это время падаютъ нѣкоторыя глухія свидѣтельства о созывѣ въ Москвѣ земскаго собора. Профессора Загоскинъ и Латкинъ извлекли изъ записной книги Московскаго стола Разряда 1636 года одно указаніе на земскій соборъ, который долженъ былъ засѣдать въ Москвѣ въ первой половинѣ 1637 года. Въ названной книгѣ находимъ слѣдующую запись: „декабря въ 17 день посланы въ города государевы грамоты о дворянахъ и о дѣтяхъ боярскихъ, а по государеву указу велѣно дворянъ и дѣтей боярскихъ выслать изъ городовъ по шести человѣкъ для государева и земскаго дѣла“ [3]).

1) Акты Моск. Госуд., II, № 143.

2) Акты Моск. Гос., II, № 160. Грамота служилыхъ иностранцевъ ошибочно относитъ челобитье украинныхъ и замосковныхъ дворянъ къ 146 г.

3) Загоскинъ, Столы Разрядн. Приказа, стр. 14. Латкинъ, Земскіе соборы, стр. 184. Рус. истор. библ., т. X, стр. 54.

Вслѣдъ за приведенною записью помѣщенъ перечень городовъ, въ которые 17—20 декабря были посланы грамоты о выборахъ. Изъ этого перечня видно, что выборныхъ для государева и земскаго дѣла должны были выслать слѣдующіе города: Калуга, Болховъ, Бѣлевъ, Мценскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Новосиль, Чернь, Переяславль-Рязанскій, Коломна, Епифань, Юрьевъ-Польскій, Лухъ, Владиміръ, Муромъ, Нижній, Арзамасъ, Суздаль, Гороховецъ, Тула, Боровскъ, Волокъ, Руза, Брянскъ, Карачевъ, Переяславль-Залѣсскій. Далѣе, отъ вниманія гг. Загоскина и Латкина ускользнуло еще одно, болѣе опредѣленное и цѣнное извѣстіе о вызовѣ въ Москву выборныхъ на земскій соборъ, находящееся въ той же записной книгѣ московскаго стола Разряда за 1636 годъ: „октября въ 24 день посланы государевы грамоты въ разные городы о дворянахъ и о дѣтяхъ боярскихъ: велѣно выбрати изъ городовъ, изъ выборныхъ по 2 ч., изъ дворовыхъ по 2 ч. и изъ городовыхъ по 2, всего изъ города по 6 ч.; а кого именомъ выберутъ и воеводамъ на тѣхъ на дворянъ и на дѣтей боярскихъ велѣно у городовъ имати выборы за руками дворянъ и дѣтей боярскихъ; а пріѣхати тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ къ Москвѣ на срокъ, на Рождество Христово нынѣшняго 145 году *для государева и земсково дѣла*. А велѣно дворянъ и дѣтей боярскихъ выбрати лутчихъ и въ умѣ нескудныхъ людей“ [1]). За этою записью также слѣдуетъ перечень городовъ, въ которые посланы грамоты о выборныхъ; это были: Тула, Серпуховъ, Алексинъ, Кашира, Крапивна, Одоевъ, Чернь, Новосиль, Боровскъ, Калуга, Бѣлевъ, Болховъ, Карачевъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Мещовскъ, Брянскъ, Козельскъ, Коломна, Переяславль-Рязанскій, Волокъ, Верея, Владиміръ, Муромъ, Нижній, Арзамасъ, Суздаль, Лухъ, Гороховецъ.

Такъ, въ самомъ концѣ 1636 года или въ первые мѣсяцы слѣдующаго должны были собраться въ Москву на земскій соборъ представители украинныхъ и замосковныхъ городовъ. И въ то же самое время служилые люди этихъ городовъ обращаются къ правительству съ коллективнымъ челобитьемъ о распространеніи на нихъ права сыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 9 лѣтъ. Предположеніе связи между обоими фактами напрашивается само собою.

III.

Успѣхъ челобитья 1637 года не разрѣшалъ окончательно вопроса объ урочныхъ годахъ уже по одному тому, что далеко не всѣ служилые землевладѣльцы получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ. Мы видѣли, что въ 1639 году добились этого права также

[1]) Р. И. Б., X, 39.

служилые иноземцы. Въ слѣдующіе годы вопросъ былъ поднятъ снова уже въ болѣе широкой и рѣзкой формѣ. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, вошедшихъ въ указную книгу Земскаго приказа, находимъ указъ, сообщаемый памятью отъ 9 марта 1642 года, явившійся отвѣтомъ на новое челобитье, поданное служилыми людьми разныхъ городовъ въ предшествующемъ году. Въ этомъ челобитьѣ служилые люди просили разрѣшить нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ и на первомъ мѣстѣ ставили вопросъ объ урочныхъ годахъ. Челобитчики жаловались „о бѣглыхъ и о вывозныхъ людѣхъ и крестьянѣхъ и во всякихъ обидахъ“ на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, на монастырскихъ властей (прежде всего на Троице-Сергіевъ монастырь), на бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дьяковъ, жильцовъ и всякихъ людей московскихъ чиновъ и на свою братью, дворянъ и дѣтей боярскихъ: сильные-де люди собираютъ на свои земли бѣглыхъ крестьянъ, берутъ на нихъ ссудныя записи и всякія крѣпости и, пользуясь урочными годами, не выпускаютъ ихъ. Объяснивъ далѣе, какія препятствія создаютъ урочные годы землевладѣльцу, желающему вернуть бѣглаго крестьянина, челобитчики просили прямо „отставить“ урочные годы, а „бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и по вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ“ [1]). Прочіе пункты челобитья касались: 1) ссудныхъ записей и крѣпостей, которыми прикрѣпляли бѣглыхъ крестьянъ ихъ новые владѣльцы, 2) судныхъ сроковъ въ искахъ служилыхъ людей на патріаршихъ, митрополичьихъ, владычныхъ приказныхъ людей и на крестьянъ и на монастыри, 3) обидъ и насильствъ, чинимыхъ посадскими тяглыми людьми, живущими въ закладчикахъ за сильными людьми и за монастырями, 4) дворянъ и дѣтей боярскихъ, поступившихъ въ холопи [2]).

Отъ какихъ группъ служилыхъ людей шло это челобитье 1641 года о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ? Указъ 9 марта 1642 года, излагающій содержаніе челобитья, говоритъ только, что оно подано дворянами и дѣтьми боярскими „разныхъ городовъ“. Нѣсколько ниже, начиная изложеніе челобитья по пунктамъ, указъ говоритъ о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ „всѣхъ городовъ“. Далѣе, характерной чертой челобитья является ясно сквозящее въ немъ чувство раздраженія противъ *сильныхъ людей*.

Извлечь нѣкоторыя указанія на происхожденіе занимающаго насъ челобитья можно изъ другихъ источниковъ. Писцовый наказъ 1646 года,

---

[1]) Трудно объяснимымъ представляется заявленіе челобитья, что „въ прежнихъ де годѣхъ и при прежнихъ государѣхъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ урочныхъ лѣтъ не выбывало“.

[2]) А. И., III. № 92, XXXIII.

вкратцѣ передающій содержаніе челобитья 1641 года объ урочныхъ годахъ и состоявшееся по нему рѣшеніе правительства, сохранилъ указаніе, что это челобитье подано дворянами и дѣтьми боярскими разныхъ городовъ, „которые въ прошломъ во 149 году для службы были на Москвѣ“ [1]). Для какой службы? Въ 149 году не произошло никакихъ чрезвычайныхъ событій, которыя вызывали бы экстренное собраніе служилыхъ людей въ Москву. Но мы знаемъ, что лѣтомъ 1641 года состоялось обычное сосредоточеніе подъ Тулою, въ „украинномъ разрядѣ“, служилыхъ людей замосковныхъ и украинныхъ городовъ подъ начальствомъ князя Як. Куд. Черкаскаго,

Въ тѣ годы, когда началась агитація противъ урочныхъ лѣтъ, служилые люди украинныхъ и замосковныхъ городовъ совмѣстно несли постоянную службу по оборонѣ южной границы государства въ украинномъ разрядѣ; обычнымъ центромъ этой обороны, мѣстомъ сосредоточенія большого полка была Тула. Ежегодно зимою служилые люди замосковныхъ городовъ, назначенные въ украинный разрядъ, „расписывались по половинамъ“, которыя должны были смѣнять одна другую черезъ годъ. Обѣ половины вмѣстѣ обязывались являться на южную окраину только въ тѣхъ случаяхъ, „какъ будутъ вѣсти про болшихъ воинскихъ людей“. Каждая „половина“ дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ городовъ оставалась на службѣ „во все лѣто до отпуску безъ перемѣны“. Ставиться на службу замосковные служилые люди обязывались обыкновенно къ срединѣ мая и распускались по домамъ въ концѣ сентября; воинскіе и пищевые запасы и конскій фуражъ доставлялись заблаговременно по зимнему пути. Совмѣстно съ замосковными ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы располагались въ Тулѣ и въ другихъ центрахъ обороны южной границы и служилые люди украинныхъ городовъ. Порядокъ ихъ службы отличался отъ службы замосковныхъ дворянъ тѣмъ, что они смѣнялись по половинамъ среди лѣта, 1 іюля, и оставались на службѣ и въ позднюю осень „до снѣговъ“. Согласно такому общему порядку обороны южной границы, по грамотамъ, посланнымъ изъ Разряда въ замосковные города и нѣкоторые города сѣверо-западной окраины, часть служилыхъ людей должна была лѣтомъ 1641 года явиться непосредственно подъ Тулу, а другой половинѣ предписано было къ 15 мая собраться въ Москву „со всею службою и съ запасы“ [2]).

---

[1]) А. А. Э., IV, ст. 24. И указъ 9 марта 1642 г. въ писцовомъ наказѣ отнесенъ къ тому же 1641 г., но это, очевидно, ошибка.

[2]) Р. И. Б., X, стр. 263–283. Такое же распоряженіе сдѣлано было относительно служилыхъ иноземцевъ. Ibid., стр. 283. Прибытіе къ Москвѣ отсрочено было Новгородцамъ и Торопчанамъ до 1 іюня, Псковичамъ, Лучанамъ, Пусторжевцамъ, Невлянамъ до 10 іюня. Ibid., стр. 266. Не беремся объяснять, насколько

Наконецъ, въ записной книгѣ Московскаго стола за 1641 годъ находимъ извѣстіе, что въ августѣ этого года должна была явиться въ Москву изъ Тулы депутація челобитчиковъ отъ разныхъ городовъ: „августа въ 4 день государева грамота о челобитчикахъ, что велѣно съ Тулы отпустить челобитчиковъ, отъ города по 2 человѣка“ [1]).

Таковы данныя, ведущія къ предположенію, что челобитье 1641 года объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ вышло изъ среды провинціальнаго дворянства разныхъ городовъ, сосредоточеннаго подъ Тулою для очередной службы по оборонѣ южной границы государства. Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить, что въ промежутокъ времени между подачею челобитья и указомъ 9 марта 1642 года въ Москвѣ собирался знаменитый земскій соборъ по вопросу объ Азовѣ. Возможно, что на этомъ соборѣ присутствовали представители тѣхъ же служилыхъ обществъ, которые за полгода передъ тѣмъ били челомъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ.

Состоявшійся, наконецъ, 9 марта 1642 года указъ не оправдалъ ожиданій челобитчиковъ. Урочные годы не были отмѣнены, но увеличены до 10 лѣтъ; и этотъ срокъ распространялся теперь на всѣхъ вообще землевладѣльцевъ, отъ митрополитовъ и монастырей до городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [2]). Слѣдовательно, Троице-Сергіевъ монастырь и челобитчики 1637 года выиграли всего 1 годъ.

IV.

Правительство царя Михаила Ѳедоровича не рѣшилось отмѣнить урочныхъ лѣтъ. Оно только удвоило первоначальный общій срокъ, установленный за 50 лѣтъ передъ тѣмъ. Но служилые люди съ этимъ не примирились. Лѣтомъ 1645 года умеръ царь Михаилъ и лѣтомъ же, или раннею осенью, этого года послѣдовало новое челобитье молодому царю отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ, которые во 153 году были на его государевѣ службѣ на Тулѣ“. Съ большею рѣзкостью, чѣмъ прежде, челобитчики заявляли, что они „отъ службъ обѣдняли и одолжали великими долги и конми опали, а помѣстья ихъ

обычнымъ или исключительнымъ является этотъ вызовъ въ Москву „другихъ половинъ“ служилыхъ людей, назначенныхъ въ украинный разрядъ и обязанныхъ соединяться съ первыми половинами „по вѣстямъ“. Въ Акт. Моск. Гос. встрѣчаемъ еще указъ 5 февр. 1640 г. съ предписаніемъ служилымъ людямъ замосковныхъ городовъ быть для службы готовыми и отпускать къ Москвѣ запасы по зимнему пути; если у нихъ запасы по досмотру окажутся полные, повелѣно по ихъ челобитью давать имъ дворы въ Земляномъ Городѣ. Т. II. № 183.

[1]) Р. И. Б., X, стр. 293.

[2]) Давность для исковъ о вывозныхъ крестьянахъ опредѣлена 15 лѣтъ. Объясн. у Влад.—Будан., Хрестоматія, вып. III, изд. 3, стр. 158.

и вотчины опустѣли и домы ихъ оскудѣли и разорены безъ остатку отъ войны и отъ сильныхъ людей"; а источникъ насильствъ и обидъ со стороны сильныхъ людей—все тѣ же урочные годы. Потому служилые люди снова настойчиво просятъ „къ отдачѣ бѣглыхъ ихъ крестьянъ урочныя лѣта отставить" [1]).

Опредѣлить служилую среду, изъ которой вышло это новое челобитье, уже нетрудно. Это та же среда провинціальнаго дворянства, собиравшагося ежегодно на южной окраинѣ. Лѣтомъ 1645 года подъ Тулою стояло ополченье служилыхъ людей замосковныхъ и украинныхъ городовъ подъ начальствомъ князя Якова Куденетовича Черкаскаго. Здѣсь оно присягнуло молодому царю и обратилось къ нему съ челобитьемъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ [2]). Подано оно было, вѣроятно, не позже октября 1645 года, такъ какъ 19 октября (154 года) состоялся уже отвѣтъ на него.

Непосредственный результатъ челобитья былъ отрицательный. И правительство царя Алексѣя не рѣшилось отмѣнить урочныхъ лѣтъ; 19 октября 1645 года было постановлено: „той статьѣ о крестьянѣхъ быть по уложенью прежнихъ государей, и какъ учинено при его государевѣ отцѣ, блаженныя памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Русіи во 149 году, потому что передъ уложеньемъ прежнихъ государей прибавлено пять лѣтъ и учинено вдвое десять лѣтъ." Но скоро взгляды правительства на этотъ вопросъ значительно измѣнились. Въ послѣдніе мѣсяцы 1645-го или въ 1646 году составленъ былъ писцовый наказъ, въ которомъ вкратцѣ излагалась исторія урочныхъ лѣтъ съ 1597 года и содержаніе указа 19 октября 1645 года. Затѣмъ писцамъ предписывалось: „а гдѣ наѣдутъ пустые дворы и учнутъ имъ помѣщики и вотчинники сказывать, что отъ нихъ изъ тѣхъ дворовъ крестьяне и бобыли побѣжали и имъ о томъ распрашивать подлинно и писать тѣхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ съ отцы и съ прозвищи, и кто въ которомъ году выбѣжалъ, въ указные 10 лѣтъ, а далѣе десяти лѣтъ не писать...; а какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ" [3]). Ясно, что эта писцовая инструкція еще не содержитъ *закона* объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ; въ ней высказано только предположеніе о такомъ законѣ, который долженъ послѣдовать по окончаніи общей переписи крестьянскаго и бобыльскаго на-

---

[1]) А. А. Э., IV, стр. 24.

[2]) А. М. Г., II, № 246. Въ этомъ же году лѣтомъ прислано было изъ подъ Тулы челобитье отъ служилыхъ людей московскихъ чиновъ о неправежѣ денегъ на ихъ людяхъ и крестьянахъ. Ibid., № 253.

[3]) А. А. Э., IV. стр. 26.

селенія. Для исковъ, заявленныхъ въ самый моментъ переписи, еще сохраняется въ силѣ 10-лѣтній срокъ давности, только что подтвержденный въ 1645 году. Вновь составленныя переписныя книги должны были явиться новой, но уже вѣчной, основой крестьянскаго прикрѣпленія.

Такое рѣшеніе не могло удовлетворить желаній служилыхъ землевладѣльцевъ. Они добивались безусловной отмѣны урочныхъ лѣтъ не только на будущее время. Челобитчики 1641 и 1645 годовъ желали отыскивать бѣглыхъ крестьянъ, не стѣсняясь предыдущими указами объ урочныхъ годахъ, опираясь на тѣ писцовыя книги и разныя крѣпости, какія только могли оказаться въ ихъ рукахъ. Но удовлетвореніе такихъ притязаній должно было встрѣтить препятствія съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, отмѣна урочныхъ лѣтъ въ желаемомъ челобитчиками смыслѣ неминуемо породила бы массу запутанныхъ исковъ, что въ свое время, предположительно, и вызвало установленіе 5-мѣсячнаго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Во-вторыхъ, должны были пострадать интересы тѣхъ „сильныхъ“ людей, которые, по словамъ челобитій, широко пользовались урочными годами, прикрывая ими многія злоупотребленія. Въ писцовомъ наказѣ 1646 года и можно видѣть компромиссъ между интересами сильныхъ людей и массою мелкаго служилаго люда. Выдвигая новыя переписныя книги, какъ основу вѣчной крѣпости, и уничтожая на будущее время урочные годы, правительство до извѣстной степени удовлетворяло желанія тѣхъ круговъ провинціальнаго служилаго общества, изъ которыхъ выходили разсмотрѣнныя выше челобитья; съ другой стороны, правительство охраняло интересы сильныхъ людей, укрѣпляя за ними на основаніи законной давности крестьянъ, пріобрѣтенныхъ до новыхъ переписныхъ книгъ.

V.

Служилые люди не удовлетворились заявленнымъ въ писцовомъ наказѣ 1646 года обѣщаніемъ и сдѣлали новый натискъ, увѣнчавшійся, наконецъ, полнымъ успѣхомъ. Когда въ 1648 году въ Москвѣ собрался земскій соборъ для разсмотрѣнія Уложенія, къ царю обратились опять съ челобитьемъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ „дворяне московскіе и жилцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе и всѣхъ городовъ служилые люди“. Новое челобитье почти буквально воспроизводило старыя жалобы: крестьяне де бѣгаютъ и живутъ въ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ, за боярами, за окольничими, за ближними и за всякими сильными людьми и за монастырями; а по государеву указу можно сыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ 10 лѣтъ; между тѣмъ челобитчики „по вся годы“ бываютъ на службѣ и лишены возможности провѣдать и сыскать своихъ бѣглыхъ крестьянъ, которые, выживъ указные годы за сильными людьми и за монастырями, отбываютъ стариннаго крестьян-

ства. Но, выдвигая старую аргументацію противъ урочныхъ лѣтъ, челобитье оканчивалось не только просьбою объ ихъ отмѣнѣ, но и нѣкоторыми новыми пожеланіями: „впередъ бы бѣглыхъ крестьянъ пріимати никому не велѣти; а кто учнетъ чужихъ крестьянъ и бобылей впередъ за себя пріимать, и намъ бы (государю) велѣти тѣмъ людямъ за то учинити наказанье, чтобъ въ нашемъ московскомъ государствѣ промежъ всякихъ чиновъ людей въ томъ ссоръ и продажъ не было; а которые де крестьяне, оттягиваясь отъ писцовыхъ книгъ, имена свои перемѣниваютъ и дѣти отцовъ своихъ отпираются, и тѣхъ бы крестьянскихъ дѣтей указали мы во крестьянствѣ пытать“.

Это требованіе рѣшительныхъ гарантій противъ крестьянскаго бѣгства очень характерно. Оно придаетъ челобитью 1648 года значительно болѣе радикальную окраску сравнительно съ предшествующими. Казалось бы, служилые люди, наученные опытомъ, не должны были обольщаться увѣренностью въ успѣхѣ своего челобитья объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ; а между тѣмъ они уже говорятъ объ осложненіяхъ, которыя возникнутъ послѣ этой отмѣны, о возможности для крестьянъ „оттягиваться отъ писцовыхъ книгъ“. Имъ, какъ будто, осталось неизвѣстнымъ намѣреніе правительства сдѣлать новыя переписныя книги основою вѣчной крестьянской крѣпости.

Есть въ челобитьѣ 1648 года и еще одна существенная особенность. Агитація противъ урочныхъ лѣтъ съ 1637 года велась провинціальнымъ дворянствомъ. Теперь на соборѣ 1648 года съ нимъ соединились дворяне московскіе и жильцы, т.-е. представители того служилаго и землевладѣльческаго слоя, который по своимъ землевладѣльческимъ интересамъ занималъ средину между массою мелкаго провинціальнаго дворянства и „сильными людьми“, крупными землевладѣльцами.

Челобитье 1648 года получило полное удовлетвореніе. Отмѣна урочныхъ лѣтъ состоялась сначала именно такъ, какъ того добивались провинціальные служилые люди, а не такъ, какъ проектировалъ писцовый наказъ 1646 года: „и мы (государь) указали и соборомъ уложили: генваря со 2 числа нынѣшняго 157 года бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ отдавать всякихъ чиновъ людемъ, сыскивая *писцовыми книгами*, которыя книги писцы въ Помѣстномъ приказѣ подали послѣ Московскаго пожару прошлаго 134 году, безъ срочныхъ лѣтъ“ [1]). Это рѣшеніе объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ вошло въ XI главу Уложенія; но здѣсь оно было соединено со старымъ, заявленнымъ въ писцовомъ наказѣ 1646 года: и старыя писцовыя и новыя переписныя книги постановлено было считать одинаково за доказательства крестьянской крѣ-

[1]) Исторія челобитья 1468 г. разсказана въ царской грамотѣ Звенигородскому воеводѣ кн. Б. Мещерскому, отъ 24 янв. 1649 г. А. И., IV, № 30.

пости. Какъ показалъ проф. Дьяконовъ, это былъ неудачный компромиссъ, долженствовавшій породить на практикѣ массу недоразумѣній [1]).

Такъ закончилась борьба служилыхъ землевладѣльцевъ противъ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ [2]). Исторія этой недолгой борьбы интересна для характеристики отношеній служилаго землевладѣльческаго класса и московскаго правительства въ эпоху реставраціи государственнаго порядка, потрясеннаго Смутою. Вынеся на своихъ плечахъ всю тяжесть внутренней усобицы и внѣшнихъ войнъ, вызванныхъ Смутою, утвердивъ на престолѣ новую династію, служилый классъ не успѣлъ обезпечить себѣ положенія, какъ политической силѣ, въ то время, какъ въ правительственной средѣ, при молодыхъ и слабыхъ царяхъ, свили себѣ прочное гнѣздо злоупотребленія сильныхъ людей. По разсыпанные, какъ и до Смуты, по „разнымъ городамъ“ на мелкія уѣздныя общества, служилые люди и въ условіяхъ служебной организаціи, мало благопріятныхъ для политической борьбы, сумѣли сплотиться на защиту одного изъ важнѣйшихъ своихъ землевладѣльческихъ интересовъ, закрѣпощенія крестьянскаго населенія. Начатое въ 1630 годахъ нѣкоторыми провинціальными служилыми обществами движеніе противъ стѣснительнаго для мелкихъ землевладѣльцевъ, но удобнаго сильнымъ людямъ срока для сыска бѣглыхъ крестьянъ, быстро захватило широкіе круги служилаго класса и, поднявшись до верхнихъ слоевъ этого класса, до московскихъ чиновъ включительно, выразилось въ рядѣ настойчивыхъ челобитій о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Съ послѣднимъ, особенно энергичнымъ челобитьемъ, шедшимъ уже не отъ нѣкоторыхъ только далекихъ провинціальныхъ обществъ, а отъ массы служилаго общества, во главѣ съ московскими жильцами и дворянами, правительство встрѣтилось въ критическую для него минуту, когда вспышки народнаго возмущенія въ 1648 г. показали, къ какимъ опасностямъ могутъ повлечь злоупотребленія и авантюры сильныхъ людей, и когда „боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей“ правительство могло опереться только на служилую массу. При такихъ условіяхъ служилые люди не могли не получить удовлетворенія своимъ домогательствамъ и торжество ихъ на соборѣ 1648 г. особенно ярко выразилось въ отмѣнѣ „урочныхъ лѣтъ“ послѣ той борьбы, характерныя детали которой изложены въ настоящей статьѣ.

С. Рождественскій.

---

[1]) Очерки изъ исторіи сельск. населенія, 55—57. Исполнено было и другое желаніе челобитчиковъ; ст. 22-я XI главы Уложенія гласила: „а которыя крестьянскія дѣти отъ отцовъ своихъ и отъ матерей учнутъ отпираться, и тѣхъ пытать“.

[2]) По словамъ М. А. Дьяконова, „урочные годы не исчезли изъ практики и послѣ отмѣны ихъ Уложеніемъ 1649 г.; они вновь созданы отдѣльными указами, но въ формѣ гораздо болѣе невыгодной для интересовъ землевладѣльцевъ; стр. 66.

IX.

Порядокъ Престолонаслѣдія у Древне-Норвежскихъ Конунговъ.

(Историко-юридическія параллели).

Конечные выводы сравнительнаго изслѣдованія въ области престолонаслѣдія древне-норвежскихъ конунговъ и затѣмъ вообще у европейскихъ народовъ первой половины Среднихъ вѣковъ сведутся къ четыремъ положеніямъ:

1) Въ Норвегіи къ власти конунговъ надъ страной прилагались, какъ юридическая фикція, нормы гражданскаго права по владѣнію родовыми землями, или „одалями". Отсюда возникали—общее совладѣніе Норвегіей нѣсколькихъ конунговъ сразу, находившихся въ одинаковой степени родства съ родоначальникомъ, и очередное наслѣдованіе поколѣній съ переходомъ къ линіи внуковъ только тогда, когда исчерпана линія сыновей. При этомъ, въ отличіе отъ одальнаго наслѣдованія въ гражданскомъ правѣ, незаконные сыновья конунга участвовали въ общемъ владѣніи на равныхъ правахъ съ законными, а женщины безусловно устранялись отъ престола. Такой порядокъ дѣйствовалъ послѣ Олафа Святого, т.-е. съ половины XI-го вѣка, а раньше еще до Гаральда Прекрасноволосаго, т.-е. до конца IX-го вѣка. Съ нимъ было неразрывно связано устраненіе „изгоевъ", т.-е. въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ внукъ наслѣдодателя не могъ (безъ выкупа у дядей) получить долю въ наслѣдствѣ, если его отецъ умеръ раньше дѣда, а при престолонаслѣдіи—конунгомъ могъ стать въ первую очередь только сынъ дѣйствительнаго конунга. Возможно, что и въ Норвегіи систематизаціи и сохраненію одальнаго порядка наслѣдованія содѣйствовала съ XI-го вѣка каноническая компутація родства, т.-е. исчисленіе, нисходя отъ родоначальника, ряда параллельныхъ линій, соотвѣтствующихъ поколѣніямъ сыновей, внуковъ и т. д. Гаральдъ Прекрасноволосый въ первой трети X-го вѣка сдѣлалъ было попытку испомѣстить всѣхъ своихъ сыновей областными

конунгами въ Норвегіи, предоставивъ свое мѣсто, какъ верховнаго конунга надъ ними, одному изъ младшихъ по собственному выбору. Но эта попытка повела къ ряду междоусобій среди поколѣній его сыновей и внуковъ, даже къ господству иноземцевъ, прерываемому правленіями обоихъ Олафовъ. Съ XII-го вѣка подъ вліяніемъ церкви въ Норвегіи зарождается индивидуальное наслѣдованіе одного конунга и притомъ въ первую очередь—старшаго законнаго сына предыдущаго. Этотъ новый порядокъ утверждается особыми законами о престолонаслѣдіи XIII-го столѣтія въ формѣ родового майората безъ примогенитуры, съ спеціальнымъ исчисленіемъ близости по родству въ духѣ обыкновеннаго норвежскаго семейнаго права, гдѣ сынъ и внукъ исключали брата наслѣдодателя, и съ преобладаніемъ старшинства годами среди равно близкихъ родичей.

2) Родовой бытъ славянъ въ томъ видѣ, какъ онъ долѣе всего сохранялся у сербовъ, хорватовъ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Черной Горѣ, не знаетъ непремѣнно обязательнаго старшинства ни по возрасту, ни дяди надъ племянникомъ и при образованіи сложныхъ родовыхъ союзовъ обнаруживаетъ, въ духѣ другихъ индо-европейскихъ народовъ, наклонность къ передачѣ племеннаго старѣйшинства отъ отца къ сыну въ предѣлахъ одной вліятельной семьи. Каждый разъ, когда у славянъ при наслѣдованіи княжеской власти устанавливается исчисленіе старшинства по близости не къ послѣднему наслѣдодателю, а къ общему родоначальнику, систематичностью и устойчивостью отличается только счетъ по поколѣніямъ, т.-е. первенство каждой „генераціи“, ближайшей къ родоначальнику, передъ каждой генераціей, отъ него болѣе отдаленной; напротивъ, въ предѣлахъ той-же горизонтальной линіи поколѣнія сказываются колебанія между преимуществами старшихъ линій и старшинствомъ по годамъ, прерываемыя вмѣшательствомъ волп наслѣдодателя, народа, папы, императора или исходомъ междоусобицы.

3) Только у римско-католическихъ хорватовъ, на границахъ X-го и XI-го столѣтій, индивидуальное очередное наслѣдованіе королевской власти однимъ братомъ вслѣдъ за другимъ раньше поколѣнія племянниковъ можетъ быть объясняемо задружными обычаями господствующей династіи, т.-е. началомъ исконнаго родового старѣйшинства, въ виду чисто родового строя всего древнехорватскаго быта, права и государства. Напротивъ, установленіе родового старѣйшинства, съ колебаніями, въ предѣлахъ той-же генераціи, между преимуществами старшихъ линій и сеніоратомъ по возрасту, у чеховъ съ Бжетислава I и у поляковъ съ Болеслава III Кривоустаго, гдѣ родовой строй уже пересталъ лежать въ основѣ публичнаго права, явилось послѣдствіемъ новообразованія родовыхъ отношеній въ границахъ вновь наростающихъ развѣтвленій династіи, слагавшагося, вѣроятно, подъ вліяніемъ компутаціи римско-

католическаго церковнаго права по генераціямъ при исчисленіи родства.

4) Древне-русское гражданское право уже съ „Русской Правды“ вообще не знало родового наслѣдованія и выдвигало понятіе „отчины“, переходящей отъ отца къ сыну, а потому, при разростаніи семьи Ярослава Мудраго въ династическій родъ, родовыя отношенія и вычисленія старшинства складывались и устанавливались, вѣроятнѣе всего, по преданіямъ и примѣрамъ скандинавскаго обычнаго права для одалей,— т.-е. родовыхъ земель, какъ въ виду жившаго еще въ памяти XI-го вѣка варяжскаго происхожденія перваго княжескаго дома на Руси, такъ и подъ вліяніемъ особой личной близости Ярослава къ скандинавскому міру, въ частности къ конунгамъ Швеціи и Норвегіи, по матери, по женѣ, по дочери, по дружинѣ, по княженію въ Новгородѣ, по общенію со своякомъ Олафомъ Святымъ и его сыномъ Магнусомъ и со своимъ зятемъ Гаральдомъ Грознымъ („Гарзе-раузи“). Такъ укрѣпились на Руси въ XI-омъ вѣкѣ старшинство линій сыновей надъ линіями внуковъ, дядей надъ племянниками, и изгойство сыновей тѣхъ князей, которые умирали раньше своихъ отцовъ и никогда не занимали старшихъ столовъ. Тогда-же и въ особенности въ XII-омъ вѣкѣ съ правовымъ обычаемъ родового старшинства въ княжескомъ домѣ, являвшимся отголоскомъ его скандинавскихъ связей и происхожденія и закрѣпленнымъ на будущее прецедентомъ сыновей Ярослава, вступаетъ въ состязаніе русская гражданско-правовая норма отчины, переходящей отъ отца къ сыну; она выдвигается преимущественно для младшихъ столовъ тѣми нисходящими, вертикальными родословными линіями, которыя обездоливались началомъ изгойства при исчисленіи родства по очереди линій горизонтальныхъ. Изъ соревнованія варяго-русскаго вліянія и преданія о старшинствѣ родовомъ, объ общемъ совладѣніи цѣлой горизонтальной линіи и очередномъ наслѣдованіи въ порядкѣ поколѣній и, съ другой стороны, славяно-русскаго правового обычая — старшинства семейнаго, а также изъ колебаній въ предѣлахъ одной и той-же родовой горизонтали между преимуществами старшихъ линій и старшинствомъ по возрасту, естественно возникали княжескія междоусобія XI—XII столѣтій. Исходъ междукняжескихъ усобицъ на дѣлѣ часто опредѣлялся вмѣшательствомъ горожанъ стольнаго города, сочувствіемъ населенія вообще, военными успѣхами князей, но каждая изъ этихъ силъ старалась освятить свое торжество—одной изъ конкурировавшихъ тогда обычно-правовыхъ нормъ. Однако, среди всѣхъ частичныхъ уклоненій въ сторону то сеніората по возрасту, то отрицанія послѣдствій изгойства, или подчиненія силѣ фактическаго владѣнія, для кіевскаго стола въ теченіе цѣлаго вѣка устойчивымъ всегда остается первенство горизонтали дядей надъ линіей поколѣнія племянниковъ. Еще ровно сто

лѣтъ послѣ смерти Ярослава фикція княженія дяди Вячеслава въ соправленіи съ усыновляемыми имъ племянниками Изяславомъ и Ростиславомъ свидѣтельствуетъ только, что соотвѣтствующая публично-правовая норма отнюдь не умерла въ сознаніи правящихъ классовъ.

Опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія у древне-норвежскихъ конунговъ, ради оцѣнки его особенностей, связей по сходству, происхожденію и вліянію, приходится сопоставить со всѣмъ разнообразіемъ видовъ счета родства и перехода княжеской власти по наслѣдству, наблюдаемыхъ въ Средніе вѣка. Каждый такой видъ можетъ разсматриваться съ различныхъ точекъ зрѣнія и по наличности отвлекаемыхъ признаковъ числиться сразу въ нѣсколькихъ изъ общихъ категорій.

Въ Средніе вѣка Западная Европа знаетъ три главныхъ вида вычисленія родства. Римское гражданское вычисленіе (компутація), выработавшееся при опредѣленіи наслѣдниковъ по гражданскому праву, считаетъ число рожденій отъ наслѣдодателя по восходящей линіи до родоначальника, а затѣмъ прибавляетъ число рожденій отъ общаго родоначальника по нисходящей линіи до наличнаго наслѣдника; при такомъ счетѣ по ломанной линіи родные братья признаются родственниками другъ другу во второй степени, двоюродные братья—въ четвертой степени, троюродные—въ шестой и т. д. Эта римская компутація принята была въ Византіи для церковнаго права и оттуда черезъ „Кормчую“ перешла и къ русской православной церкви. Напротивъ, западная католическая церковь выработала себѣ своеобразное счисленіе по поколѣніямъ (генераціямъ), непрерывно наблюдаемое со времени папы Григорія Великаго и предназначенное искони для различенія дозволенныхъ и недозволенныхъ браковъ въ степеняхъ родства. Судя по ссылкамъ папы Александра II на Библію (Кн. Бытія 50, 22—23; Іовъ 42, 16) правдоподобно, что счетъ на генераціи созданъ по образцу вычисленія родовыхъ связей у евреевъ, легшему въ основу родословной І. Христа. По канонической компутаціи римско-католической церкви, братья образуютъ первое поколѣніе (generatio) и считаются въ первой степени родства, ихъ дѣти—двоюродные братья—во второмъ поколѣніи и второй степени родства, ихъ дѣти—троюродные братья—въ третьемъ поколѣніи и третьей степени родства между собой и т. д. До XIII вѣка браки между родственниками запрещались по канонической компутаціи до седьмого поколѣнія включительно, а съ Латеранскаго собора 1215 года—только до четвертаго. Германскіе народы пользовались въ Средніе вѣка и нѣсколько инымъ вычисленіемъ по поколѣніямъ, отставшимъ отъ офиціальнаго каноническаго на одно колѣно (geniculum). По этому германскому счету исходной точкой брался не одинъ общій родоначальникъ, а тѣ два сына его, отъ которыхъ вели свое происхожденіе оба потомка, высчитывающіе между собой родство. Сыновья, какъ точки отправленія, здѣсь не считаются, а первымъ

колѣномъ и родственниками въ первой степени признаются ихъ дѣти, т.-е. внуки родоначальника и двоюродные братья между собой. Изслѣдователи называютъ такую компутацію „счетомъ по феттерамъ“, т.-е. двоюродныхъ братьямъ, и склонны иногда видѣть въ ней вычисленіе родства, особенно типичное для германцевъ, въ частности, напримѣръ, для Исландіи и Восточной Норвегіи. Обѣ точки зрѣнія—римско-каноническая и германо-каноническая,—какъ кажется, знакомы и славянскимъ языкамъ. Такъ, русскіе слова—родные, двоюродные, троюродные братья—указываютъ на счетъ отъ родоначальника на одно, два, три рожденія. Напротивъ, названія для послѣднихъ въ „Кормчей“—первые, вторые, третьи стрыйные братья (при переводѣ греческихъ protoi, deuteroi, tritoi exadelphoi) могли возникнуть только при счетѣ „по кузенамъ“ (consobrini) отъ коренныхъ „братьевъ“, сыновей родоначальника.

Гдѣ родъ разложился и на первомъ мѣстѣ стоитъ семья, тамъ въ вычисленіяхъ дальняго родства скорѣе нуждаются ради соблюденія запрета браковъ между ближайшими родственниками, нежели для оправданія правъ нежданнаго наслѣдника. Вообще каноническое право подходило въ Средніе вѣка къ каждому семьянину вплотную и должно было вліять на всю область родственныхъ отношеній въ обыденной жизни; но особенно сильнымъ надо себѣ представлять это вліяніе при возрожденіи или новообразованіи родовыхъ отношеній каждый разъ, когда основывается и разрозгается въ родъ новая династія. Тутъ обычные у церкви пріемы вычисленія родства не могли не отражаться на порядкѣ опредѣленія наслѣдника, наряду съ отголосками уже погибшаго первичнаго родового быта. Римская компутація, считавшая число рожденій отъ наслѣдователя, невольно исходила изъ понятія отчины и раньше доходила черезъ одно рожденіе до сына, чѣмъ черезъ два рожденія до брата; это содѣйствовало укрѣпленію взгляда, что „племянникъ“ болѣе близкій наслѣдникъ послѣ своего отца, нежели его „дядя“— послѣ брата. Напротивъ, при счетѣ по каноническимъ поколѣніямъ или германскимъ колѣнамъ отъ родоначальника должно выдвигаться понятіе родовой земли и возникать наклонность не переходить къ слѣдующей (второй) генераціи внуковъ, пока не исчерпана предыдущая (первая) генерація сыновей. Это на дѣлѣ вело къ признанію старшинства дяди надъ племянникомъ. Однако римско-каноническая компутація, поддержавъ своими „генераціями“ чисто родовой счетъ по близости къ первому родоначальнику, все таки не вполнѣ съ нимъ совпадаетъ и обнаруживаетъ склонность—въ предѣлахъ одной горизонтали внуковъ, правнуковъ и т. д. сближать между собой представителей тѣхъ-же самыхъ вертикальныхъ линій (парентель), нисходящихъ лучами отъ одного и того же сына, или внука и т. д. этого родоначальника. Такъ, въ горизонтали поколѣнія праправнуковъ, праправнуки отъ различныхъ

сыновей родоначальника считаются въ четвертой степени родства между собой, праправнуки отъ одного и того-же сына родоначальника—въ третьей степени, отъ одного и того-же внука его—во второй степени между собой. Это придвигаетъ къ послѣднему обладателю и наслѣдодателю дѣдины изъ всей его горизонтали членовъ однихъ и тѣхъ-же съ нимъ парентелъ, сначала парентелы, исходящей отъ его отца, затѣмъ отъ дѣда и т. д. Въ частности „германская“ компутація по фетторамъ, отправляясь не отъ единаго родоначальника, а отъ нѣсколькихъ его сыновей, создавала, какъ-бы, меридіаны нисходящихъ линій на ряду съ параллелями поколѣній. Она не могла относиться безразлично къ порядку старшинства между этими братьями-родоначальниками, а потому сохраняла навсегда память и объ относительномъ старшинствѣ каждой линіи; это должно было наталкивать въ концѣ концовъ на защиту преимуществъ всѣхъ старшихъ линій, идущихъ отъ всѣхъ старшихъ сыновей въ каждомъ поколѣніи, т.-е. на родовой майоратъ и даже примогенитуру.

Патріархальное понятіе родового старѣйшины (major natu), какъ преданье первичнаго родового быта, возрождается вмѣстѣ съ новообразованіемъ родовыхъ отношеній при разростаніи семьи основателя государства, династіи или закона о престолонаслѣдіи—въ родъ. Каноническая и германская компутаціи, исходящія отъ такого родоначальника или его сыновей по поколѣніямъ или колѣнамъ, поддерживаютъ это преданье въ томъ смыслѣ, что истинное старшинство дается близостью къ основателю наслѣдства, а не къ послѣднему его обладателю и наслѣдодателю. Но для популярнаго правосознанія всего доступнѣе пониманіе старѣйшинства въ смыслѣ сеніората, т.-е. старшинства по возрасту, годами. Съ точки зрѣнія родового старшинства, т.-е. числа рожденій до общаго родоначальника, всѣ члены одной и той-же генераціи равны, но уже въ среду первой канонической генераціи, т.-е. сыновей родоначальника, нѣкоторое различіе вносится старшинствомъ по возрасту, совпадающимъ еще здѣсь со старшинствомъ первородства, и старшій по рожденію сынъ считается и родовымъ старѣйшиной для младшихъ братьевъ; такъ зарождается взглядъ о родовыхъ преимуществахъ старшихъ линій, идущихъ отъ старшихъ годами братьевъ. Однако, родовое старшинство совпадаетъ со старшинствомъ годами только для первой генераціи родныхъ братьевъ; среди ихъ дѣтей и внуковъ, т.-е. второго и третьяго поколѣнія по римско-канонической компутаціи, двоюродный или троюродный братъ отъ старшаго дяди (Брячиславъ Святополковичъ) можетъ случайно оказаться годами моложе своего двоюроднаго или троюроднаго брата отъ младшаго дяди (Мстислава Владиміровича), или кто-либо изъ младшихъ дядей (Пястъ Казиміръ Справедливый) по времени рожденія будетъ, можетъ быть, моложе своего племянника отъ

старшаго дяди (Пяста Болеслава Высокаго). Тутъ начинается распутье съ двумя дорогами, ведущими на сеніоратъ въ смыслѣ старшинства годами, во что бы то ни стало, и на родовой майоратъ со старшинствомъ по близости къ основателю государства, династіи или новаго порядка престолонаслѣдія и съ преобладаніемъ, при равенствѣ этого родового условія, старшей линіи въ силу того, что ея глава былъ въ свое время старшимъ по рожденію сыномъ общаго родоначальника. У вандаловъ, гдѣ сеніоратъ созданъ Гензерихомъ, можетъ быть подъ мѣстными вліяніями племенъ сосѣдней Мавританіи, старшинство годами кузеновъ младшей линіи давало имъ первенство въ очереди при замѣщеніи престола надъ двоюроднымъ братомъ отъ старшаго дяди, но примѣненіе сеніората въ крайнемъ смыслѣ слова — со старшинствомъ племянника надъ дядей въ силу возраста—не доказано, можетъ быть только за отсутствіемъ реальныхъ случаевъ, даже и для вандаловъ. Родовымъ династіямъ вообще незачѣмъ было отдавать себѣ ясный отчетъ въ различіи сеніората по возрасту отъ родового майората съ перевѣсомъ болѣе ранняго поколѣнія и старшихъ линій, пока какой-либо дѣйствительный случай несовпаденія обоихъ видовъ старѣйшинства не наталкивалъ ихъ на размышленіе.

Поэтому борьба между двумя членами династическаго рода при условіи противорѣчія между старшинствомъ годами и старшинствомъ по близости къ родоначальнику, не можетъ еще свидѣтельствовать объ отсутствіи нормы родового старшинства въ правосознаніи общества. Съ точки зрѣнія чисто родового старшинства, безъ добавочныхъ оговорокъ въ пользу старшинства годами или о преимуществѣ старшей вертикальной линіи при равной близости къ родоначальнику, наслѣдство достается цѣлой генераціи во всей ея совокупности, а порядокъ, въ которомъ генерація сообща используетъ эту власть, можетъ опредѣляться и случайными второстепенными соображеніями. Всѣ члены генераціи могутъ пользоваться наслѣдствомъ одновременно, нераздѣльно или по частямъ, поровну или на неравныхъ условіяхъ, или же, напротивъ, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ въ свою очередь обладать сразу всѣмъ наслѣдствомъ разновременно. Очередь между членами генераціи при нераздѣльномъ верховномъ обладаніи дѣдиной каждымъ другъ за другомъ разновременно, или неравенства среди нихъ при одновременномъ использованіи ея по частямъ могутъ при расплывчатости правосознанія опредѣляться не только старшинствомъ, но и личными нравственными или боевыми качествами какъ лица, такъ и всей его вертикальной линіи среди рода, спорностью времени рожденія, опороченіемъ предка одной изъ старшихъ линій, молчаливымъ самоотреченіемъ на время или навсегда, вмѣшательствомъ добавочныхъ общественныхъ энергій, или иныхъ второстепенныхъ правовыхъ точекъ зрѣнія, иногда Судомъ Божіимъ въ

смыслѣ междоусобной войны, иногда сдѣлкой, соглашеніемъ ради предупрежденія такого поединка. Поэтому даже борьба младшаго члена одной и той-же генераціи, младшаго или годами, или по вертикальной линіи, противъ ея старшаго представителя отнюдь не доказываетъ еще исчезновенія изъ общественнаго самосознанія точки зрѣнія родового старшинства вообще. Пока устойчивымъ остается самый существенный признакъ родовой системы, а именно первенство старшей линіи дядей передъ поколѣніемъ племянниковъ, до тѣхъ поръ нельзя говорить о замѣнѣ ея какой либо новой формой.

Съ точки зрѣнія цѣлей въ правѣ устраненіе племянника дядей пытались объяснять исключительно потребностью воинственныхъ эпохъ не допускать до правленія малолѣтокъ. Предпочтеніе дяди племяннику при замѣщеніи престола могло, какъ частный, индивидуальный случай, возникать изъ фактическаго малолѣтства сына предыдущаго государя—у англосаксовъ, ировъ, поморскихъ славянъ, стать м. б. даже прецедентомъ. Но гдѣ рѣчь идетъ о постоянно дѣйствующей системѣ при счетѣ родства, тамъ нужно указать и причину ей въ систематическомъ вліяніи устойчивой, непрерывной силы. Вѣдь врядъ-ли и сеніоратъ всегда обезпечиваетъ престолу личность, наиболѣе годную для обороны государства, такъ какъ зачастую онъ пролагаетъ путь къ власти лишь самымъ дряхлымъ, а иной дядя самъ понимаетъ, что онъ долженъ подпереть себя болѣе воинственнымъ племянникомъ, какъ Вячеславъ—Изяславомъ. Поэтому при оправданіи правовыхъ обычаевъ приходится считаться съ логической и психологической окраской юридической мысли и родового чувства у разныхъ племенъ и династій, съ унаслѣдованными привычками къ нормамъ иной среды, другого времени и мѣста, исчезнувшихъ вмѣстѣ съ когда-то разумными цѣлями этихъ нормъ. Запасъ пріемовъ для счета родства, какъ отложеніе нѣсколькихъ эпохъ, иногда обиленъ, разнообразенъ и подвергается дифференціаціи по происхожденію или цѣлесообразности. Такъ, напримѣръ, германцы разработали противоположеніе двухъ концентрическихъ круговъ родичей, внутренняго—изъ самыхъ близкихъ, и внѣшняго—изъ болѣе отдаленныхъ. Для опредѣленія степеней родства при бракахъ они придерживались счета по колѣнамъ, сходнаго съ офиціальной канонической компутаціей, но отставшаго отъ нея на одну генерацію. Для распредѣленія головщины между отдаленными родичами внѣшняго концентрическаго круга и въ нормахъ наслѣдственнаго права они пользовались еще и счетомъ по числу лицъ въ вертикальной линіи, по результату тождественнымъ, какъ кажется, съ канонической компутаціей. При опредѣленіи предѣла родства какъ по нисходящей линіи, такъ и по боковымъ, они невольно приходили къ римской компутаціи и счету по ломанной линіи. Въ концѣ концовъ, какъ правило, они облюбовали первенство дѣтей, въ частности

сыновей—передъ братьями наслѣдодателя. Это теченіе передачи наслѣдства дѣтямъ преобладаетъ въ публично-правовой жизни всѣхъ индоевропейцевъ отъ Ирландіи до Черногоріи, отъ индусовъ до франковъ; напротивъ патріархальное первенство дяди передъ племянникомъ, привычное въ предѣлахъ клана и большой семьи, при наслѣдованіи власти въ племени удерживается или вновь зарождается у европейскихъ народовъ только, какъ исключеніе, какъ обычай меньшинства. Обыкновенно, по мѣрѣ того, какъ въ границахъ племени одинъ родъ пріобрѣтаетъ главенство надъ другими, внутри такого рода выдвигается одна какая-либо привиллегированная большая семья, „великая куча“, а въ средѣ самой большой семьи утверждается преимущество старшей линіи, переходъ политической власти отъ отца къ сыну. Напротивъ преимущество братьевъ передъ сыновьями при престолонаслѣдіи наблюдается, какъ устойчивое правило, или упорная традиція, у нѣкоторыхъ наиболѣе вліятельныхъ семитическихъ родовъ, а именно среди арабскихъ халифовъ изъ династій Омайядовъ и Аббасидовъ, часто спѣшившихъ поэтому при своей жизни вынужденной присягой закрѣплять престолъ за сыновьями. Обычай, тождественный съ этой арабской, мусульманской традиціей, держится и въ семьяхъ турецкихъ султановъ, толкая ихъ на братоубійства.

Виды престолонаслѣдія различны еще по степени и характеру раздробленія власти между сонаслѣдниками. Княжеская власть можетъ переходить или къ одному наслѣднику, или къ цѣлой группѣ равноправныхъ сонаслѣдниковъ; она можетъ оставаться въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ братьевъ съ раздѣломъ между ними только доходовъ, только политическихъ правъ или поступить въ раздѣлъ между сонаслѣдниками путемъ раздробленія всей территоріи государства. Раздѣлъ территоріи между равными сонаслѣдниками принимаетъ иногда оттѣнокъ полнаго разъединенія такихъ частей единой области, созданія столькихъ же новыхъ государствъ, а единство территоріи возмѣщается развѣ только сознаніемъ единства династическаго по взаимному наслѣдованію князей другъ послѣ друга, единства племеннаго, церковнаго, культурно-географическаго или культурно-историческаго въ смыслѣ общихъ переживаній въ прошломъ. Но при раздѣлѣ единство государства можно и сохранить, подчинивъ младшихъ сонаслѣдниковъ старшему и сдѣлавъ доли ихъ неравными; тогда старѣйшинство одного изъ братьевъ воплощаетъ въ себѣ единство государства. Такой зависимости младшихъ отъ старшаго можетъ быть придано не родовой, а чисто политическій характеръ, съ особымъ титуломъ для старшаго, достигаемымъ, можетъ быть, въ какомъ-нибудь своеобразномъ порядкѣ, съ нѣкоторыми правительственными правами надъ территоріями младшихъ. Въ случаѣ передачи всего государства одному наслѣднику извѣстная степень раздробленія власти устанавли-

вается въ связи со способомъ областного управленія и видомъ вознагражденія для младшихъ родичей. Гдѣ мелкія, раньше независимыя племенныя государства объединяются посредствомъ завоеванія въ одно крупное, тамъ иногда мѣстные княжескіе роды оставляются завоевателемъ въ качествѣ наслѣдственныхъ областныхъ правителей надъ своими нѣкогда самодержавными территоріями. И вотъ, когда единый наслѣдникъ престола обезпечиваетъ затѣмъ другихъ ближайшихъ родичей, то можетъ дать имъ или вновь вырѣзанные удѣлы въ зависимости отъ себя, или поставить ихъ во главѣ мелкихъ, нѣкогда самостоятельныхъ, а нынѣ покоренныхъ и подчиненныхъ государствъ. Испомѣщеніе, пожизненное или наслѣдственное, младшихъ братьевъ княжеской семьи въ завоеванныхъ родоначальникомъ ея государствахъ, съ титуломъ членовъ княжескаго рода, естественно влечетъ за собой ихъ подчиненіе старшему члену не только какъ старѣйшинѣ родовому, но и какъ политическому главѣ, иначе верховному конунгу, великому князю, если „великій“ не тождественъ со „старшимъ“.

Наконецъ, виды счета родства и порядка наслѣдованія различны по степени ихъ обязательности и свойствамъ силы, дѣлающей ихъ обязательными. Иногда это точная юридическая норма, и тогда ея нарушеніе вызываетъ противодѣйствіе части общества, являющейся носительницей правового сознанія, или особаго органа общественнаго союза. Иногда юридической нормы нѣтъ ни въ писанномъ, ни даже въ обычномъ правѣ, какъ оно формулируется по мѣрѣ надобности особыми авторитетными или полномочными лицами въ видѣ отзыва или приговора; тогда порядокъ престолонаслѣдованія обладаетъ только нравственной обязательностью всего справедливаго; отступленія отъ него осуждаются наличными формами общественнаго мнѣнія, но не даютъ обществу права и ни на кого не налагаютъ повинности — силой возстановить или осуществить попранный порядокъ. Часто юридическая или моральная норма отдаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи на усмотрѣніе одной личности, напримѣръ правящаго государя. Въ такомъ случаѣ правящій государь можетъ воспользоваться правомъ назначать себѣ преемника съ цѣлью созданія, путемъ какъ бы субституцій, прецедента для цѣлаго порядка престолонаслѣдія. Можно представить себѣ, что вообще нѣтъ на лицо ни правовой, ни моральной нормы и власть захватывается только борьбой и силой, или, наоборотъ, что въ сознаніи общественнаго союза одновременно уживаются и вступаютъ въ соревнованіе различныя юридическія нормы писаннаго или обычнаго права или нравственныя убѣжденія; тогда приходится говорить о теченіяхъ, тенденціяхъ, а не объ опредѣленномъ порядкѣ. Гдѣ борятся силы физическія или нравственныя и правовыя, тамъ всегда возможно соглашеніе, договоръ, какъ фактъ, а не какъ обязательное правило. Однако,

обязательность соглашенія между нѣсколькими вліяніями для опредѣленія наслѣдника можетъ стать и нормой, юридической или моральной; напримѣръ, избраніе кюнинга у англосаксовъ, обязательно изъ опредѣленной семьи, можно разсматривать, какъ особый видъ ея правъ на престолонаслѣдіе. Особый порядокъ престолонаслѣдія можетъ иногда отсутствовать въ публичномъ правѣ просто потому, что княжеская власть разсматривается, какъ частная собственность лица, семьи или рода, и подпадаетъ подъ общую гражданскую норму наслѣдованія; тутъ опять таки общее право писанное или обычное, дѣйствующее при наслѣдованіи всякой собственности или ея опредѣленныхъ видовъ, можетъ, какъ особая норма, быть перенесено и на передачу государственной власти по наслѣдству, хотя бы княжеская власть уже и отличалась въ правосознаніи отъ объектовъ частной собственности.

Патріархальный бытъ понимаетъ норму своего обычнаго права не какъ заранѣе точно опредѣленный, единообразный и единственно дозволительный путь для подысканія наслѣдника. У него правовая норма скорѣе равнодѣйствующая нѣсколькихъ состязующихся силъ, объединенныхъ въ сложномъ механизмѣ; она зависитъ отъ случайности напряженія слагаемыхъ силъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и не можетъ быть угадана впередъ. Первичный родовой обычай старается не столько предписать одинъ какой-либо обязательный порядокъ при переходѣ власти старѣйшины по наслѣдству, сколько выработать архитектуру нормы, создать систему контрфорсовъ, предохранительные клапаны противъ излишествъ и темныхъ сторонъ каждаго изъ допущенныхъ имъ и конкурирующихъ способовъ для замѣщенія умершаго предшественника. Въ „большой семьѣ“ самъ старѣйшина могъ еще передъ смертью назначить себѣ преемника изъ ея членовъ; если онъ воздержался отъ назначенія, то, вѣроятно, потому, что не ждалъ и не боялся вреднаго исхода при осуществленіи послѣ его смерти обычнаго порядка замѣщенія. Самый старшій годами является теперь его естественнымъ наслѣдникомъ, но, на всякій случай, онъ не сразу вступаетъ въ свои права, а предлагаетъ всѣмъ членамъ „великой кучи“ обсудить, кому быть отнынѣ старѣйшиной. Если члены задруги, или великой кучи считаютъ его вполнѣ подходящимъ преемникомъ, то всѣ возражаютъ, какъ противъ новшества, противъ какого-либо иного выбора, помимо старшаго годами. Но, если старѣйшій годами не внушаетъ довѣрія родичамъ, то вѣдь они могутъ, какъ и при низложеніи негоднаго старѣйшины, по предварительному соглашенію, устами второго по старшинству въ своей средѣ назвать своего излюбленнаго человѣка и поддержать его своимъ „избраніемъ“, т.-е. молчаливымъ согласіемъ. Таковъ патріархальный порядокъ при выборѣ старѣйшины въ большой семьѣ, какъ взаимодѣйствіе трехъ силъ — воли умирающаго старѣйшины, естественнаго старшинства годами, мнѣ-

нія всей великой кучи. При избраніи старѣйшины братства (клана) или племени, этотъ порядокъ только осложняется исключительными правами на власть одной какой-либо привиллегированной семьи въ братствѣ, одного господствующаго рода въ племени, или часто упрощается установленіемъ правильнаго перехода власти отъ отца къ сыну.

Вотъ всѣ наличныя категоріи при счетѣ родства и наслѣдованіи княжеской власти въ Средніе вѣка; съ помощью ихъ можно всесторонне освѣтить и оцѣнить порядокъ престолонаслѣдія у древне-норвежскихъ конунговъ. При изученіи возможныхъ скандинавскихъ вліяній на древне-русскую жизнь состояніе источниковъ вынуждаетъ брать за исходную площадь для сравненій правовой строй норвежскаго племени. Дошедшія до насъ записи обычнаго права для Даніи и Южной Швеціи, или Ётланда, ведутъ свое происхожденіе только съ начала XIII вѣка, для Сѣверной Швеціи даже только съ XIV вѣка; между тѣмъ для Норвегіи есть налицо въ отрывкахъ частныя записи XII-го вѣка для областныхъ законовъ, обычнаго права Гулатинга, Боргартинга, Эйзсифа-тинга; да и редакціи законовъ Западной Норвегіи XIII вѣка, т.-е. законодательныхъ собраній (тинговъ) въ мѣстечкахъ Гулѣ и Фростѣ, несомнѣнно восходятъ и близко примыкаютъ уже къ записямъ предыдущаго столѣтія. При этомъ только у норвежскаго народа родъ конунговъ разросся въ пышное родословное дерево и далъ толчекъ лирическому и эпическому творчеству норвежцевъ и исландцевъ въ историко-генеалогической поэзіи скальдовъ и обширномъ циклѣ прозаическихъ сагъ о конунгахъ Норвегіи. При оживленности сношеній въ вѣка викинговъ между всѣми уголками скандинавскаго міра, отъ Дублина до Новгорода и отъ Византіи до Исландіи, фактъ основанія русскаго государства выходцами изъ Сѣверной Швеціи теряетъ свое частное значеніе и уступаетъ мѣсто возможности обще-скандинавскихъ культурныхъ воздѣйствій. Юридическія нормы передавались тогда и могли ходить по рукамъ такъ же легко, какъ товары и монеты, причемъ древнѣйшіе пласты оставались на поверхности гдѣ либо на окраинахъ, а въ кипучихъ центрахъ прикрывались новыми отслоеніями. Такъ, въ законахъ острова Готланда подмѣчены вліянія норвежскихъ источниковъ, а древнее семейное право Исландіи, заселенной бѣглецами изъ Западной Норвегіи, иногда ближе къ восточно-скандинавскому праву Ётовъ, нежели къ закону Гулатинга, т.-е. областей по фіордамъ Согна и Гардангера, и закону Фростатинга, т.-е. областей вокругъ Тронъемскаго фіорда. Напримѣръ, вытѣсненіе внука наслѣдодателя его сыномъ, этотъ источникъ скандинавскаго изгойства, одинаково рѣзко выражено въ правѣ исландскомъ и ётскомъ, но смягчено у западныхъ норвежцевъ при одалѣ разрѣшеніемъ выкупа. Древне-норвежскій конунгъ наслѣдуетъ государство на правахъ одаля (правильнѣе „оуэсаля“, „ôdhal“), т.-е. родовой земли (hereditas aviatica, terra avica у франковъ), а

потому раньше всего надо вспомнить особенности юридическаго положенія одалей въ отличіе отъ недвижимости и благопріобрѣтенныхъ земель по гражданскому праву Норвегіи [1]).

Обладаніе благопріобрѣтенной землей дѣлало норвежскаго землевладѣльца только осѣдлымъ крестьяниномъ-собственникомъ (бонди или боунди); напротивъ, обладаніе родовой землей, „одалемъ", подымало его въ классъ привиллегированныхъ гёльдовъ [2]). Какъ кажется, земля, подаренная королемъ, тотчасъ же становилась одалемъ; но обыкновенно благопріобрѣтенная земля превращалась въ одаль въ силу давности владѣнія одной семьей, а именно при многократномъ переходѣ отъ отца къ сыну въ предѣлахъ родословной линіи одной и той-же семьи, „отъ предка къ предку". По Гулатингу, въ случаѣ спора изъ-за одаля сторона отвѣтчика должна перечислить пять предковъ, владѣвшихъ землей, и назвать шестого, который затѣмъ владѣлъ ею уже на правахъ одальной собственности. Всякая другая земельная собственность слѣдуетъ при наслѣдованіи нормамъ движимости. Правда, по другому, чисто теоретическому опредѣленію того-же Гулатинга, вполнѣ соотвѣтствующему общему духу норвежскаго обычая въ дѣлѣ пріобрѣтенія сословныхъ правъ путемъ давности, одалемъ признается земля, перешедшая отъ дѣда къ дѣду, т.-е. находившаяся уже въ теченіе четырехъ поколѣній во владѣніи одной и той же семьи. По Фростатингу, одалемъ становится земля, которая была собственностью трехъ предковъ и безъ перерыва перешла къ четвертому. При объединеніи мѣстнаго права частей Норвегіи во второй половинѣ XIII-го вѣка въ Общеземское право (Ландслёгъ) Магнуса „Законоисправителя" (Лагабётира), одалями были признаны земли, принадлежавшія одной и той-же родовой линіи не менѣе шестидесяти лѣтъ, или тремъ уже предкамъ и перешедшія безъ перерыва къ четвертому, или полученныя отъ короля безъ указанія иного какого-либо вида владѣнія ими.

Одальныя земли отличались отъ другихъ недвижимыхъ имуществъ правовыми особенностями какъ при продажѣ ихъ, такъ и при переходѣ по наслѣдству. Мужчины и члены мужской линіи имѣли преимущественное право на наслѣдованіе одалями, хотя-бы женщины или родичи по женской

---

[1]) Источники: Norges Gamle Love, B. I—V. Саги о конунгахъ Норвегіи по редакціямъ Aagrip, Fagrskinna, Morkinskinna, Heimskringla Снорри Стюрлюсона, Flateyjarbok, Eirspennill (въ „Konunga Sögur" Унгера, 1873), въ редакціяхъ изданія „Fornmanna Sögur". Пособія: Brandt, Forelaesninger over den Norske Retshistorie. 1883. Kristiania. E. Hertzberg, Glossarium til Norges G. Love. V, Chr. 1895.

[2]) По Гулатингу, „полная честь" личности для лейсинга (вольноотпущенника)—6 эйровъ, для бонди—12 эйровъ, для гёльда—3 марки, для лендмана - 6 марокъ. Въ маркѣ—8 эйровъ. Лендманъ—это знатный, имѣющій, вмѣстѣ съ административными правами въ области, „вейслу" отъ конунга, т.-е. участокъ земли въ пожизненное кормленіе.

линіи находились въ одинаковой съ ними степени родства. По Гулатингу, одаль могутъ наслѣдовать изъ женщинъ вообще только—дочь, сестра, сестра отца, дочь брата, дочь сына, но вступить во владѣніе одалемъ при наличности даже болѣе отдаленныхъ родичей-мужчинъ могутъ лишь дочь и сестра, если каждая изъ нихъ—единственная наслѣдница въ ближайшей степени, такъ какъ вѣдь онѣ при случаѣ платятъ и получаютъ головщину „кольцами", такъ сказать—гривнами; это baug-rygjar, „женщины колецъ", единственныя наслѣдницы; напротивъ, у всѣхъ остальныхъ женщинъ, получающихъ при случаѣ право на наслѣдованіе одаля, его всегда можетъ выкупить болѣе отдаленный родичъ-мужчина и притомъ на $^1/_5$ ниже стоимости земли. Гдѣ дочь наслѣдовала пополамъ совмѣстно съ внукомъ отъ сына, тамъ внукъ получалъ одаль, а тетка—свою долю въ движимости. Если двѣ дочери, какъ единственныя наслѣдницы („бейгригьи") вступаютъ во владѣніе одалемъ послѣ смерти отца и у одной родится дочь, а у другой—сынъ, то этотъ внукъ наслѣдодателя можетъ выкупить одаль у женщинъ въ законномъ порядкѣ. Но, если въ слѣдующемъ поколѣніи, наоборотъ, у внука родится дочь, а у внучки наслѣдодателя—сынъ, то этотъ правнукъ выкупаетъ одальную землю за ту же цѣну у правнучки, и тогда одаль уже навсегда остается за этой второй линіей, такъ какъ онъ трижды попадалъ подъ „веретено и прялку", т.-е. доставался женской рукѣ.

Въ общемъ порядкѣ наслѣдованія по Гулатингу, каждый законнорожденный сынъ устраняетъ каждаго внука и каждаго брата наслѣдодателя, т.-е. племянники старше дядей за исключеніемъ изгоевъ, потому что каждый братъ сына, умершаго раньше самого наслѣдодателя, вытѣсняетъ каждаго своего племянника — изгоя, т.-е. внука наслѣдодателя черезъ сына, умершаго прежде отца[1]). Но, по закону Гула-

---

[1]) Слова „изгой", „изгойство" я употребляю только, какъ *научный терминъ* для устраненія при наслѣдованіи внука отъ сына, умершаго раньше самого наслѣдодателя. Объемъ юридическаго понятія „изгой", судя по „Русской Правдѣ" и „Уставу Всеволода", значительно шире. Филологическія истолкованія слова „изгой" нуждаются въ пересмотрѣ. Сопоставленіе съ friedlos (Miklosich. Срезневскій) непріемлемо. Въ древне-норвежскомъ правѣ словомъ „fridh-lauss" обозначается человѣкъ, лишающійся покровительства законовъ (útlagr, úheilagr), а потому подлежащій изгнанію, а къ русскимъ изгоямъ это неприменимо. Къ тому же „гой" въ значеніи „миръ" взято только изъ сербскихъ памятниковъ. Толкованіе глагола „гонти" въ смыслѣ „жить" произвольно, потому что въ славянскихъ языкахъ глаголъ этотъ означаетъ не „жить", а „живить", „исцѣлять", „питать", „воспитывать", „ухаживать за", т.-е. имѣетъ каузативный смыслъ. Сравненіе славянскихъ языковъ съ германскими (Фиккъ) приводитъ къ корню gi („ги"), который по значенію предполагается родственнымъ словамъ „живъ, жить". Тогдабы „изгой" дѣйствительно могъ обозначать человѣка, „выжившаго" изъ правящихъ князей, купцовъ, холоповъ, а изгойство—всякій „выживъ".

тинга, при наслѣдованіи одаля права такого изгоя нѣсколько ограждаются. Если изъ двухъ братьевъ одинъ умираетъ раньше отца и оставляетъ послѣ себя сына, то этотъ внукъ наслѣдодателя можетъ выкупить у дяди со скидкой $^1/_3$ цѣны ту часть одаля, которая должна была-бы достаться его покойному отцу, но выкупъ этотъ совершается не раньше смерти дѣда. Законъ Фростатинга говоритъ о раздѣлѣ между внуками или племянниками наслѣдодателя и его дочерью, причемъ сами эти братья и ихъ отцы законнорожденные, но, при отсутствіи такихъ внуковъ или племянниковъ, въ раздѣлѣ съ дочерью можетъ участвовать и законнорожденный внукъ или племянникъ отъ незаконнорожденнаго отца; эта статья распространяется и на раздѣлъ одаля, но здѣсь такіе братья могутъ выкупить у тетки или двоюродной сестры ея долю. Болѣе Фростатингъ не знаетъ особыхъ статей для наслѣдованія одалей. Видно только, что преимущественнымъ правомъ покупки продающагося одаля пользовались лишь тѣ родственники продавца, которые оплачивали головщину „кольцами“ (bauggildismenn); къ этому ближайшему кругу родичей причисляются въ троньемскомъ правѣ, кромѣ убійцы, еще агнаты—его сынъ, отецъ, братъ, дядя, племянникъ, двоюродный братъ, сынъ двоюроднаго брата и, вѣроятно, братъ троюродный, всѣ только по мужской линіи. Общеземское право Магнуса Лагабетира, усвояя постановленія Гулатинга, улучшило положеніе наслѣдницъ. Правда, если отъ отца остается одаль, то его наслѣдуютъ сыновья, а дочерямъ идутъ внѣродовыя земли, или движимость, если нѣтъ земель; „главный дворъ“ самого наслѣдодателя идетъ старшему сыну. Такъ какъ при раздѣлѣ обыкновеннаго имущества внукъ и каждая дочь получаютъ теперь половину противъ каждаго сына, то при наслѣдованіи одалей внуку отъ умершаго сына, т.-е. изгою, идетъ изъ предполагавшейся доли его отца лишь столько, сколько достается и дочери, т.-е. $^1/_2$ сравнительно съ долей каждаго сына, а остальную часть доли отца, т.-е. вторую $^1/_2$ одальнаго надѣла, онъ можетъ выкупить у дядей со скидкой $^1/_3$ цѣны, когда его дѣдъ умретъ или станетъ неправоспособнымъ по старости. Далѣе, Общеземское право (Landslög) какъ-бы немного противорѣчитъ этому, повторяя просто распоряженіе Гулатинга съ распространеніемъ его на внучку, а именно, что изгои, внукъ или внучка отъ умершаго брата, выкупаютъ послѣ смерти дѣда у дядей долю своего покойнаго отца въ одаляхъ. Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду случай раздѣла безъ наличности дочерей; тогда противорѣчія не будетъ. Но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, гдѣ женщина, имѣющая право на наслѣдованіе одаля, т.-е. дочь, дочь сына, сестра отца, дочь брата, находится въ одинаковой степени родства съ какимъ-либо наслѣдникомъ, тамъ одаль теперь дѣлится между наслѣдницей и наслѣдникомъ, какъ и всякое другое имущество; итакъ, Общеземское законодательство не знаетъ права

выкупа одаля у этихъ наслѣдницъ болѣе отдаленнымъ родичемъ-мужчиной. Дальнѣйшее расширеніе правъ наслѣдницъ при развитіи права отъ XII-го до конца XIII-го вѣка, отъ Гулатинга къ Ландслегу, наводитъ на мысль, что одно время женщины (за исключеніемъ можетъ быть baugrygjar) вообще устранялись отъ наслѣдованія одалей.

Итакъ, наслѣдникомъ одаля становится одинъ или нѣсколько ближайшихъ родичей наслѣдодателя въ той-же степени родства, а всѣ остальные члены рода (ódhalsnautar) сохраняли только преимущественное право на покупку этого одаля въ случаѣ, если онъ поступалъ въ продажу, и притомъ за цѣну, предложенную уже собственнику стороннимъ покупателемъ. По Гулатингу, если мужъ хочетъ продать одальную землю, то пусть ѣдетъ осенью на тингъ и предложитъ своимъ „товарищамъ по одалю“; окончательная сдѣлка должна состояться въ четвергъ на Пасхѣ слѣдующаго года за ту цѣну, по которой готовы купить одаль не родственники; ближайшимъ покупщикомъ признается сынъ собственника. По Фростатингу, если мужъ хочетъ продать одаль, то долженъ предложить его на тингѣ внутри того фильки, гдѣ лежитъ земля, „мужамъ колецъ“, т.-е. тому ближайшему кругу родичей, которые въ случаяхъ убійства участвуютъ въ уплатѣ или полученіи головщины взносами колецъ, такъ сказать, гривенъ. Покупаютъ предпочтительно тѣ, кто ближе по родству (т.-е. къ продавцу, а не родоначальнику), но всѣ они обладаютъ правомъ выкупа. Если на слѣдующемъ совѣщаніи въ мѣсячный срокъ стороны не сходятся въ цѣнѣ, то продавецъ долженъ дать клятву, что столько именно ему предложено. Женщина не предлагаетъ одальной земли къ покупкѣ мужчинѣ, а мужчина женщинѣ; сестра предлагаетъ сестрѣ, если онѣ—наслѣдницы одалей.

Если налицо нѣсколько равноправныхъ наслѣдниковъ одаля, то они всегда могутъ подѣлить между собой одальныя земли, находящіяся у нихъ въ общемъ владѣніи. По Гулатингу, явку на раздѣлъ одаля назначаетъ старшій (elztr) изъ совладѣльцевъ; при разногласіяхъ о дробности раздѣла рѣшаетъ тотъ, кто высказывается за раздѣлъ наиболѣе крупными долями. Раздѣлъ на части производится на глазомѣръ, но каждый можетъ въ теченіе трехъ зимъ потребовать измѣренія веревкой; затѣмъ каждый опускаетъ въ складку полы одежды свой жребій съ отмѣткой, и присутствующіе при раздѣлѣ мужи сотни слѣдятъ, кто гдѣ получаетъ домъ или землю. При дѣлежѣ, если захотятъ, то можно проводить межу долей черезъ середину хутора. Если нѣкоторые изъ совладѣльцевъ несогласны на раздѣлъ, то требующіе дѣлежа назначаютъ имъ явку въ главную усадьбу. Если два брата раздѣлили между собой по жребію наслѣдственный одаль, то каждая доля остается затѣмъ уже въ соотвѣтствующей вѣтви, т.-е. перестаетъ дѣйствовать нѣкоторое преимущество дяди изъ одной вѣтви надъ племянникомъ изъ другой; только, если одна вѣтвь захудаетъ или вымретъ,

то одаль предлагается или переходитъ въ другую. Въ этомъ смыслѣ одальныя отношенія остаются, пока обѣ вѣтви не разойдутся настолько, что мужчины изъ одной вѣтви получатъ право по церковнымъ законамъ жениться на дочеряхъ изъ другой. Такое опредѣленіе границы одальныхъ отношеній свидѣтельствуетъ о вліяніи каноническихъ точекъ зрѣнія на систематизацію права объ одаляхъ. Древне-норвежское право въ вопросахъ брака считало по германо-канонической компутаціи, а потому признавало бракъ разрѣшеннымъ уже въ 7-мъ поколѣніи [1]). По Фростатингу, надо взять двухъ братьевъ или брата и сестру (Fr. III, 1. systkin, n. pl. соотвѣтствуетъ старо-славянскому „брать-сестра“, dual n.), отсчитать отъ каждаго шесть мужей по нисходящимъ степенямъ и заключать бракъ только между седьмыми, т.-е. по каноническому официальному счету отъ родоначальника обоихъ братьевъ—между восьмыми, а по православному церковному праву, это бракъ въ 14-ой степени кровнаго родства. По Гулатингу, сонаслѣдникъ одаля, желающій обрабатывать доли своихъ совладѣльцевъ, сдающихъ ихъ въ аренду, имѣетъ право преимущественной аренды относительно земель, лежащихъ какъ въ межѣ одного хутора (samtу'nis), такъ и въ предѣлахъ той-же сотни. Если земля находится въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то за ея захватъ берется одна пеня на всѣхъ и притомъ по классу лучшаго изъ совладѣльцевъ; если-же это одаль раздѣленный, то каждый беретъ полностью за свой участокъ. При господствѣ въ древней Норвегіи индивидуальной заимки земли и хуторского хозяйства на отрубныхъ участкахъ, сравнительно рѣдкіе случаи общиннаго землевладѣнія, охватывающаго небольшой кругъ лицъ, правильно выводить преимущественно изъ совладѣнія одалемъ сонаслѣдниковъ; поэтому раздѣлъ всякихъ общихъ земель между совладѣльцами Гулатингъ обозначаетъ просто терминомъ „раздѣлъ одаля“.

Отлично отъ одальнаго порядка наслѣдованія обыкновенное наслѣдственное право, на движимость и внѣродовыя земли. Фростатингъ знаетъ 13 очередей наслѣдованія, прежде чѣмъ наслѣдство, какъ вымороченное, достанется конунгу. Въ первую очередь сынъ наслѣдуетъ отцу, какъ законнорожденный, такъ и усыновленный, а отецъ—послѣ сына, если у того не родился наслѣдникъ; во вторую очередь наслѣдуютъ дочь и сынъ сына, если и онъ самъ, и его отецъ—законнорожденные, затѣмъ только дочь сына; въ третью—братъ, а если его нѣтъ, то сестра;

---

[1]) Въ виду наличности у германцевъ счета по поколѣніямъ, отстающаго отъ официальной римско-канонической компутаціи только на одно колѣно, многіе нѣмецкіе изслѣдователи считаютъ компутацію римско-католической церкви не новообразованіемъ въ подражаніе Библіи, а заимствованіемъ отъ германцевъ, въ частности отъ лангобардовъ.

въ четвертую—отецъ отца, братъ отца, сынъ брата—по одной трети; если изъ этого ряда никого нѣтъ, то наслѣдуютъ мать отца, затѣмъ только его (отца) сестра, мать (наслѣдователя) и дочь брата; въ пятую очередь—братъ единоутробный и двоюродные братья; если ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ, то сестра единоутробная и двоюродныя сестры; въ шестую очередь—мать послѣ сына и сестра отца (если онѣ не вступили въ четвертой очереди?); въ седьмую очередь—незаконные сыновья и т. д. Согласно закону Сигурда, Эйстейна и Олафа, сыновей Магнуса (начало XII в.), послѣдними наслѣдниками считаются по Фростатингу лица, стоящія на пятомъ мѣстѣ, „пятыми мужами“ въ нисходящей линіи родства. Обыкновенно принимается, что тутъ родоначальникъ не присчитанъ, и „пятый мужъ“ отождествляется съ пятой генераціей по римско-канонической компутаціи. Это толкованіе находитъ себѣ подтвержденіе въ статьяхъ Гулатинга о распредѣленіи головщины, но въ такомъ случаѣ къ 13-ой очереди наслѣдниковъ по Фростатингу приходится отнести и четвертую, и пятую генерацію родичей, напримѣръ сыновей и внуковъ троюроднаго брата или внуковъ и правнуковъ двоюроднаго брата. Гулатингъ перечисляетъ даже 22 случая наслѣдованія для движимости и неродовыхъ земель, но первые семь при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ общемъ, по отношенію къ мужчинамъ, оказывается, почти тѣ же, что и въ троньемскомъ правѣ, а именно: 1. Сынъ послѣ отца или отецъ послѣ сына. 2. Дочь и сынъ сына пополамъ, а если у умершаго вообще нѣтъ дѣтей (ни внуковъ?), то отецъ отца его. 3. Братъ послѣ брата и каждые братъ и сестра отъ того-же отца, если ихъ мать куплена за вѣно [mundi keypt], т.-е. законная жена. 4. Мать. 5. Братъ отца и сынъ брата, одинъ послѣ другого или какъ сонаслѣдники. 6. Двоюродные братья и единоутробный братъ; первымъ идутъ одали, второму движимость. 7. Незаконные сыновья, какъ наслѣдники *на одали* и на движимость. Тѣ женщины, которыхъ здѣсь не достаетъ сравнительно съ Фростатингомъ, вставлены въ Гулатингѣ добавочно, а это даетъ основаніе думать, что первоначально онѣ вовсе устранялись отъ наслѣдства. Итакъ, въ общемъ при наслѣдованіи неродового имущества сынъ наслѣдователя вытѣсняетъ внука безъ права выкупа, дядя наслѣдователя и племянникъ—сонаслѣдники, но братъ наслѣдователя вытѣсняется его сыномъ, т.-е. своимъ племянникомъ; женщина устраняется мужчиной, находящимся въ одинаковой съ ней степени родства къ наслѣдователю [1]). Многое представляется здѣсь теперь страннымъ, какъ-бы

---

[1]) Вопросъ объ очередяхъ женщинъ, въ особенности по Гулатингу, крайне сложенъ, и авторитетный взглядъ К. Маурера тутъ не единственно возможный. Поэтому я ограничиваюсь лишь немногими безспорными данными, преимущественно очередями мужчинъ, которыхъ достаточно для главной задачи изслѣдованія.

недоговореннымъ, напримѣръ,—полное обездоленіе внуковъ-изгоевъ въ пользу ихъ дядей, вытекающее изъ буквальнаго толкованія текста. Однако подлинность такого обычая подтверждается родственнымъ норвежскому древне-исландскимъ правомъ, гдѣ внуки-изгои выдвигаются даже вообще за предѣлы очередей родства, перечисляемыхъ въ законахъ поименно [1]). Всюду, гдѣ для одалей нѣтъ особой оговорки, приходится и на нихъ распространять нормы обыкновеннаго наслѣдованія. Только два отличія одальнаго порядка наслѣдованія высказаны вполнѣ опредѣленно—ограниченіе правъ женщинъ на одали и установленіе права выкупа для внука—изгоя. Однако, Гулатингъ, Фростатингъ, Ландслегъ—это уже традиція XII—XIII столѣтія. Напротивъ, порядокъ престолонаслѣдія среди норвежскихъ конунговъ, какъ его упоминаютъ саги истихъ скальдовъ, предполагается опредѣленнымъ уже до Гаральда Гауръ-фагри и еще послѣ Олафа Толстаго, иначе Святого, т.-е. для IX-го и XI столѣтій.

При возникновеніи наслѣдственной власти единаго конунга надъ всей Норвегіей, нормы владѣнія одалемъ были изъ гражданскаго права перенесены и въ государственное; онѣ объявлены основой правъ норвежскаго

---

[1]) Тѣ внуки, которыхъ отцы переживаютъ своего отца, т.-е. дѣда внуковъ, рано или поздно сами становятся сыновьями и наслѣдуютъ по гражданскому праву въ первую очередь. Но внуки-изгои, устраненные по Гулатингу изъ первой очереди, могутъ затѣмъ попасть въ наслѣдники только уже въ пятую очередь — послѣ дяди. По древне-исландскому праву, они вытѣснены изъ первыхъ 14 очередей. Привожу порядокъ наслѣдованія по „Граугаусу“, т.-е. исландскому праву эпохи независимости Исландіи—раньше конца XIII-го вѣка и до „Ярнсизсы“ Магнуса Лагабётира („Grágás“, ved V. Finsen): наслѣдуютъ въ очередь. 1. Сынъ свободорожденный и наслѣдоспособный послѣ отца или матери. 2. Если его нѣтъ, то дочь. 3. Если ея нѣтъ, то отецъ наслѣдодателя. 4. Братъ отъ того-же отца. 5. Мать. 6. Сестра отъ того-же отца. 7. Братъ отъ той-же матери. 8. Сестра отъ той-же матери. 9. Незаконный сынъ. 10. Незаконная дочь. 11. Братъ незаконный отъ того же отца. 12. Сестра незаконная отъ того-же отца. 13. Братъ незаконный отъ той-же матери 14. Сестра незаконная отъ той-же матери. 15. Отецъ отца и отецъ матери, сынъ сына и сынъ дочери. 16. Мать отца и мать матери, дочь сына и дочь дочери. 17. Братъ отца и братъ матери, сынъ брата и сынъ сестры. 18. Сестра отца и сестра матери, дочь брата и дочь сестры. 19. Двоюродные братья и сестры отъ братьевъ и сестеръ отца и матери—въ равныхъ доляхъ. 20. Каждый ближайшій за ними родичъ, считая отъ основнаго поколѣнія, т.-е. брата—сестры, какъ родоначальниковъ. 21. Послѣ жены всегда наслѣдуетъ мужъ. Первыя 14 очередей отъ законнаго сына до незаконной сестры отъ той же матери называются „перечисленными“ (taldhir), потому что могутъ требовать наслѣдства по законамъ (i lögom), а не со ссылкой на родство вообще (eigi fraendsemi). Во всемъ порядкѣ здѣсь поражаетъ, что внуки отодвинуты за этотъ предѣлъ случаевъ наслѣдства, перечисленныхъ въ законахъ поименно по единичнымъ очередямъ.

конунга надъ страной и съ нѣкоторыми измѣненіями легли затѣмъ въ основаніе особаго порядка престолонаслѣдія, сходнаго съ традиціями областныхъ конунговъ до объединенія страны. Эта юридическая фикція, будто бы вся Норвегія—только одаль ея конунга, рѣзко высказана въ болѣе позднемъ законодательствѣ Магнуса Гоконссена, „Законоисправителя“ въ концѣ XIII в. По его „Новому Церковному Праву для Гулатинга“, конунгомъ въ Норвегіи въ первую очередь можетъ быть старшій законный сынъ норвежскаго конунга, который по рожденію обладаетъ одальными правами надъ страной и свободными мужами (odhalborenn till landz oc thaegna). То же повторяется въ его законодательствѣ для Исландіи (Iàrnsidha или Hàkonarbòk). По законамъ дворовой дружины конунга [Hirdh-skrà], вся страна—собственность и одаль конунга [hans aeign oc òdhall er alt landit]. Терминъ ódhalborinn, т.-е. въ силу рожденія обладающій правами на одальное владѣніе землями, примѣняется какъ къ частнымъ лицамъ, такъ и къ конунгамъ и ихъ наслѣдникамъ. Впервые въ дошедшихъ памятникахъ этотъ взглядъ былъ высказанъ въ поэзіи скальдовъ. Послѣ гибели Гаральда Грознаго (Гарэе-раузси.+1066 г.), его прахъ перевезенъ былъ изъ Англіи въ Нидаросъ—Троньемъ и преданъ тамъ погребенію, а власть его перешла къ сыновьямъ, сначала только къ сыну Магнусу одному, а затѣмъ въ соправленіи съ его братомъ Олафомъ Тихимъ (Кирри). Послѣ смерти Гаральда Грознаго датскій конунгъ Свейнъ, сынъ Ульфа, заявилъ было, что миръ, заключенный между датчанами и норвежцами, прекратился теперь по договору со смертью одного изъ его участниковъ. Обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Норвежцы согласны были блюсти миръ на прежнихъ условіяхъ, или иначе рѣшились сражаться. Скальдъ Стейнъ Гердисарсонъ [Steinn Herdisarson], сложившій драпу въ честь Олафа Тихаго при его дворѣ, такъ говоритъ объ этомъ времени: „Въ городѣ, гдѣ покоится священная Ярость (т.-е. Гаральдъ Грозный), пылкій въ натискѣ государь (Олафъ Тихій) станетъ оборонять отъ Свейна свои одали. Онъ—могучій государь! Конунгъ Олафъ будетъ очень привязанъ къ своему роду. Наслѣдникъ Ульфа (т.-е. датскій конунгъ) не долженъ предъявлять тутъ притязаній на всю Норвегію“. Итакъ, уже въ стихахъ, возникшихъ около 1070 года, вся Норвегія обозначается, какъ „одали“ рода [aett] Олафа Кирри.

Тотъ-же взглядъ встрѣчается и въ сагахъ о конунгахъ Норвегіи. Такъ по сагѣ конца XIII вѣка, Гаконъ, сынъ Гакона, доказывая передъ собраніемъ „лучшихъ мужей“ въ Бергенѣ свои права на Норвегію противъ другихъ соперниковъ и обращаясь къ архіепископу, называлъ Норвегію своей отчиной [fòdhur-arfr], а себя — мужемъ съ подлинными одальными правами на Норвегію [sannr òdhals-madhr til Noregs]. Эта точка зрѣнія распространялась и на областныхъ конунговъ

по отдѣльнымъ племеннымъ территоріямъ, т.-е. фильки. Когда Олафъ Святой задумалъ добиваться власти конунга надъ Норвегіей, то открылся раньше всего своему вотчиму, матери и воспитателю. Его замыселъ клонился къ тому, чтобы вернуть себѣ мечомъ и копьемъ наслѣдственныя владѣнія отца вопреки конунгамъ Даніи и Швеціи, отнявшимъ власть у потомства Гаральда Прекрасноволосаго, и даже овладѣть всей державой родича своего Олафа Триггвасона и стать такимъ путемъ „великимъ княземъ Норвегіи“[yfirkonungr]. При этомъ Олафъ Св. сказалъ между прочимъ: „Чужеземные мужи укрѣпились теперь въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя принадлежали моему отцу и его отцу и вообще нашимъ родичамъ одному за другимъ, а между тѣмъ по рожденію я имѣю на нихъ одальныя права [em ek ǫdhalborinn til]. Но они этимъ не удовольствовались, а захватили себѣ владѣнія всѣхъ нашихъ родичей, а мы по счету предковъ мужской линіи произошли отъ Гаральда Прекрасноволосаго [at langfedhgatali]. Они удѣляютъ изъ этихъ владѣній однимъ немного, а другимъ и вовсе ничего“. Предки Олафа Св. были областными конунгами, а именно: его прадѣдъ Бьёрнъ, сынъ Гаральда Прекрв., и дѣдъ были конунгами въ фильки Вестфольдѣ, а его отецъ Гаральдъ—въ смежномъ Гренландѣ. Такъ какъ рѣчь идетъ о захватѣ владѣній всѣхъ потомковъ Гаральда Прекрв., то врядъ ли можно эти слова Олафа Св. отнести къ землямъ, которыми его предки владѣли, какъ частными одалями по гражданскому праву. Даже при узкомъ пониманіи текста здѣсь приходится видѣть притязанія Олафа на власть областного конунга въ Вестфольдѣ и Гренландѣ; и дѣйствительно, Олафъ далѣе открывается, что онъ не удовлетворится требованіемъ себѣ своей отчины [fǫdhurarfr] у конунговъ Даніи и Швеціи, хотя тѣ и называли теперь нѣкоторое время своей собственностью то, что было наслѣдіемъ Гаральда Гаурфагри; нѣтъ, онъ будетъ добиваться своей отчины копьемъ и мечомъ и даже готовъ или пасть на ней, или прібрѣсти верховное господство надъ всѣмъ тѣмъ государствомъ, которое тѣ отняли у Олафа Триггвасона, его родственника. Онъ ждетъ поддержки въ этомъ предпріятіи и отъ вотчима Сигурда Свиньи (Сюръ), областного конунга въ фильки Хрингарики, и отъ другихъ областныхъ конунговъ по отдѣльнымъ фильки Горной Норвегіи (Упланда). Такъ какъ большинство конунговъ въ фильки Упланда принадлежало къ роду Гаральда Прекрв., то Олафъ называетъ ихъ получившими королевскую власть, какъ одаль, по рожденію въ силу законовъ Гаральда Гаурфагри [er ǫdhalbornir eru hér til konungdóms, at lǫgum theim, er setti Haraldr hárfagri]. Итакъ, всѣ областные конунги, въ томъ числѣ и ихъ потомки въ родѣ Олафа Святого, обладали въ правосознаніи первыхъ творцовъ сагъ одальными правами на власть конунга въ извѣстномъ фильки, а верховный конунгъ—одальнымъ правомъ на всю Норвегію.

Однако, одальный характеръ власти древне-норвежскаго конунга принимаетъ видъ какой-то юридической фикціи уже потому, что не уничтожаетъ одальныхъ правъ частныхъ землевладѣльцевъ по гражданскому праву. Поэтому выводы изъ публично-правовой фикціи объ одальныхъ нормахъ власти конунга надъ Норвегіей рѣдко встрѣчаются въ дѣйствительномъ примѣненіи ихъ къ общественной жизни. Правда, уже обложеніе частныхъ одалей оброкомъ при Гаральдѣ Прекрв. могло производить впечатлѣніе ихъ конфискаціи конунгомъ. Такъ какъ поземельные налоги послѣдующаго времени не связаны съ земельной рентой Гаральда Прекрв. и замѣнили собой иныя повинности, то отмѣну этой ренты надо связывать съ возстановленіемъ крестьянскихъ одалей во всѣхъ ихъ правахъ при сынѣ Гаральда—Гаконѣ Добромъ. Такимъ образомъ, главнымъ совпаденіемъ между одальными нормами владѣнія землей въ гражданскомъ правѣ и государственномъ остается порядокъ престолонаслѣдія и совладѣнія группы конунговъ до изданія перваго закона о наслѣдованіи королевской власти при Магнусѣ Эрлингссонѣ (съ 1161 г.). Этотъ порядокъ и предстоитъ теперь изучить, начиная съ Гаральда Прекрв., а затѣмъ и раньше объединенія имъ всѣхъ фильки Норвегіи (ок. 872 г.) въ одно государство [1]).

Искони каждое фильки, или племенная область [fylki, folkland], было самостоятельнымъ государствомъ, чаще всего съ конунгомъ во главѣ; такихъ племенныхъ фильки насчитывалось 25. Каждое фильки дробилось далѣе на „сотни“ [heradh], иногда тоже съ собственными конунгами. Когда Гаральдъ Прекрв. объединилъ всю Норвегію и сталъ ея единовластнымъ [einvaldskonungr], верховнымъ [yfirkonungr], всенароднымъ (thjodhkonungr) конунгомъ, то наслѣдственные конунги отдѣльныхъ фильки (fylkiskonungr) и геразсъ (heradhskonungr), такъ называемые малые конунги (smákonungr), были замѣнены его областными правителями изъ мѣстной старой знати. Фильки и сотни превратились тогда въ ячейки областного, территоріальнаго дѣленія страны, при чемъ во главѣ каждаго присоединеннаго фильки Гаральдъ Прекрв. ставилъ по ярлу, а во главѣ—сотни—по герсиру, такъ что на каждое фильки приходилось по 4 и болѣе герсира. Процессъ объединенія по нѣскольку фильки въ одно государство начался еще до Гаральда Гаурфагри.

---

[1]) Пособія: R. K e y s e r, Norges Stats-og Retsforfatning i Middelalderen. 1867. (Efterladte Skrifter, B. II). A. T a r a n g e r, Udsigt over den Norske Rets Historie, I—II. 1898—1904. K o n r a d M a u r e r, Vorlesungen über Altnordische Rechtsgeschichte. B. I. 1907. B. III. 1908. Alex. B u g g e, Vesterlandenes Indflydelse i Vikingetiden, Krist .1905. Для хронологіи, генеалогіи, географіи см. P. M u n c h, Det norske Folks Historie, Deel I, Bind. 1—2. II. III. IV, 1—2. 1852 - 1859.

Первую общенорвежскую династію саги производятъ отъ шведскаго королевскаго рода Инглинговъ. Инглинги утратили упсальскій престоль послѣ гибели Ингьяльда. Тогда его сынъ Олафъ „Дровосѣкъ“, воспитанный въ Западномъ Гауталандѣ (или Ёталандѣ), ушелъ на берега верхняго Гаутаэльфа, расчищалъ здѣсь лѣса, выжигалъ и заселялъ мѣстность, которая стала называться „Теплой Землей“ (Вермаландъ); отсюда его прозвище—Конунгъ Олафъ Третельгья (Дровосѣкъ). Его потомки постепенно захватили рядъ племенныхъ областей (фильки) въ Горной Норвегіи (Упландѣ) и на берегахъ теперешняго фіорда Кристіаніи (Викинъ). Среди нихъ особой прочностью своей власти выдавался Гальфданъ Черный, отецъ Гаральда Прекрасноволосаго, впервые объединившаго (около 872 г.) почти всѣ фильки Норвегіи подъ своей властью. Какъ примѣръ для Горма въ Даніи и Эйрика въ Швеціи, Гаральдъ Прекрв. стремился уже стать конунгомъ всего норвежскаго племени (thjódhkonungr). Битва при Хафрс-фьёрдсѣ, гдѣ онъ нанесъ на морѣ пораженіе областнымъ конунгамъ юго-западной Норвегіи, приблизила его къ цѣли. Гаральдъ вскорѣ сталъ единовластнымъ (eindi). У него было нѣсколько женъ и много дѣтей: a) Отъ Асы, дочери ярля Гакона съ береговъ Троньемскаго фіорда, у него были сыновья Гутгормъ (1), Гальфданъ Черный (2), Гальфданъ Бѣлый (3), Сигфрёдсъ (4). b) Отъ Гюдсы, дочери конунга изъ Гёрдсаланда,—дочь Алофъ, сыновья Храйрекъ (5), Сигтрюггъ (6), Фродси (7), Сдоргильдсъ (8). c) Отъ Рагнгильды Могучей, дочери ютландскаго конунга, былъ сынъ Эйрикъ Кровавый Топоръ (9). d) Отъ Свангильды, дочери конунга Эйстейна,—сыновья Олафъ Гейрстадса-альфъ (10), Бьёрнъ (11), Рагнаръ (12). e) Отъ Асгильды изъ Хрингарики—сыновья Дагъ (13), Хрингъ (14), Гудс-рёдсъ (15), дочь Ингигердсъ. Затѣмъ f) отъ финки Снайфризсы у Гаральда Прекрв. были еще сыновья Сигурдъ незаконный (16), Гальфданъ Высокая Голень (17), Гудс-рёдсъ Лучъ (18), Рёгнвальдъ Прямая Нога (19). Когда Гаральдъ Прв. женился на датчанкѣ Рагнгильдѣ, то порвалъ со своими тогдашними девятью женами. Дѣти его воспитывались тамъ, откуда была родомъ ихъ мать. Дядя конунга по матери и вождь ополченія (hertogi) герцогъ Гутгормъ „обрызгалъ водой“ старшаго его сына, нарекъ ему свое имя и воспитывалъ его при себѣ въ Викинѣ и Упландѣ, гдѣ онъ правилъ страной въ отсутствіе конунга. Когда умерла Рагнгильда, прожившая въ Норвегіи три зимы, то сынъ ея Эйрикъ отправленъ былъ на воспитаніе въ область Фирдсы.

Когда Гаральду Прв. было 40 лѣтъ, то многіе изъ его сыновей стали на ноги и были недовольны, что отецъ не допускаетъ ихъ до

власти и ставитъ во главѣ каждаго фильки по ярлю, между тѣмъ ярли казались имъ ниже по рожденію, чѣмъ сыновья конунга. Такъ, Гальфданъ Высокая Голень и Гузс-рёзсъ Лучъ съ отрядомъ напали врасплохъ на жилище Рёгнвальда ярля въ Майри (Мёре), когда-то добровольно ставшаго подданнымъ Гаральда Прв., и сожгли его въ домѣ съ 60 мужами. Послѣ этого Гальфданъ на боевыхъ судахъ уплылъ на Западъ за море, а Гузс-рёзсъ сѣлъ на мѣсто ярля въ Майри; тогда Гаральдъ направился съ войскомъ противъ Гузс-рёзса; сынъ отдался отцу въ руки и былъ сосланъ въ Агзсы, а на мѣсто Рёгнвальда конунгъ поставилъ ярлемъ его сына Сзори, выдавъ за него свою дочь Алофъ.

Когда Гаральду Прв. было 50 лѣтъ, то многіе изъ его сыновей возмужали и стали высокомѣрными, ссорились между собой, выгоняли ярлей изъ ихъ владѣній, а иныхъ убивали. Тогда Гаральдъ назначилъ многочисленный тингъ на Югѣ (считая отъ Троньема) Эйдсвольдъ?) и созвалъ мужей Упланда. Здѣсь онъ далъ своимъ сыновьямъ титулъ конунговъ и установилъ законъ, что всѣ его родичи по мужской линіи должны получать званіе конунга, каждый послѣ своего отца, а званіе ярля тѣ, кто вышелъ изъ его рода въ свойство по женской линіи. Затѣмъ онъ раздѣлилъ области между сыновьями: Олафу, Бьёрну, Сигтрюггу, Фрозси, Сзоргильсу онъ далъ фильки Вингульмёркъ, Раумарики, Вестфольдъ, Сзеламёркъ; Дагу, Хрингу, Рагнару далъ Гейзсмёркъ и Гузсбрандсдали; сыновьямъ Снайфризсы далъ Хрингарики, Газсаландъ, Сзотнъ съ прилежащими землями; Гутгорму онъ еще раньше далъ въ вѣданіе земли отъ Гаутаэльфа до Свинасунда и фильки Ранрики; Храйрекъ и Гузсрезсъ были всегда среди „гирзса“, т.-е. дружиннаго двора, при конунгѣ и владѣли большими пожизненными „кормленіями“ (veizlur) въ Гёрзсаландѣ и Согнѣ; Эйрикъ жилъ при отцѣ, хотя получилъ отъ него Галогаландъ, Норзс-майри, Раумсдаль; на Сѣверѣ Гаральдъ поручилъ вѣдать Троньемскій край Гальфдану Черному, Гальфдану Бѣлому, Сигрёзсу. (ок. 900 г).

Гаральдъ Пркв. предоставилъ сыновьямъ половину своихъ сборовъ въ каждомъ фильки и право сидѣть на высокомъ сидѣньѣ (hásaeti) на одну скамью выше ярлей, на одну скамью ниже его собственнаго мѣста. На его собственное мѣсто разсчитывалъ въ будущемъ послѣ него каждый изъ сыновей. Гаральдъ самъ предназначалъ его для Эйрика, Троньемцы—для Гальфдана Чернаго, населеніе Викина и Упланда—тѣмъ изъ сыновей, которые были у нихъ подъ рукой. Отсюда пошли между братьями снова несогласія. Такъ какъ ихъ владѣнія казались имъ малы, то они шли въ морскіе набѣги; такъ палъ Гутгормъ въ русслахъ Гаутаэльфа, и его власть перешла къ Олафу; Гальфданъ Бѣлый палъ въ Эстляндіи, Гальфданъ Высокая Голень—на Оркнейскихъ остро-

вахъ, Сзоргильсу и Фрозси самъ отецъ далъ боевыя суда, на которыхъ они опустошали Шотландію, Уэльсъ, Ирландію; они овладѣли Дублиномъ, гдѣ и погибли затѣмъ. Эйрикъ Кровавый Топоръ намѣревался стать верховнымъ конунгомъ (yfirkonungr) надъ всѣми своими братьями, какъ того желалъ и отецъ его Гаральдъ. Когда Рёгнвальдъ Прямая Нога, владѣвшій Газсаландомъ, предался колдовству, то отецъ послалъ туда Эйрика, а тотъ сжегъ брата съ 80 волхвами. Гузс-рёзсъ Лучъ зимовалъ какъ-то у своего воспитателя въ Хвинѣ на южной оконечности Норвегіи и утонулъ съ кораблемъ въ бурю на пути въ Рогаландъ. Бьёрнъ, сидѣвшій въ купеческомъ городѣ Тунсбергѣ и правившій Вестфольдомъ, самъ завелъ себѣ торговыя суда для посылки въ чужія страны. Эйрикъ, возвращаясь съ Востока, потребовалъ у брата податей и поборовъ, шедшихъ съ Вестфольда конунгу Гаральду Пркв., а себѣ припасовъ и палатокъ. Бьёрнъ отказался исполнить требованія; тогда Эйрикъ напалъ на него неожиданно ночью за выпивкой и въ схваткѣ Бьёрнъ былъ убитъ. Въ другой разъ Гальфданъ Черный подстерегъ Эйрика врасплохъ ночью во время сна въ Сѣверномъ Майри близъ Агзсанеса; Эйрику удалось бѣжать въ лѣсъ, но зато Гальфданъ сжегъ усадьбу и отрядъ брата. Гаральдъ Пркв. разгнѣвался и пошелъ противъ сына Гальфдана и троньемцевъ походомъ; противники встрѣтились во внѣшнемъ проходѣ Троньемскаго фіорда, но между ними состоялось примиреніе. Гальфданъ Черный и Сигрёзсъ выросли на воспитаніи у Гакона Троньемскаго, ярля въ Хлазсахъ, вмѣстѣ съ его сыномъ и преемникомъ ярлемъ Сигурдомъ. Когда Гаральдъ Пркв. сталъ старѣть, то часто сидѣлъ въ своихъ большихъ хуторахъ въ Гёрзсаландѣ и Рогаландѣ. Ему было уже подъ 70 лѣтъ, когда онъ прижилъ здѣсь сына (20-го) съ Сзорой изъ Мостра; она называлась рабыней конунга (ambátt), но у конунга въ подчиненіи бывали тогда многіе мужчины и женщины, происходившіе изъ свободныхъ родовъ (aettbornir). Ярль Сигурдъ по-языčески обрызгалъ новорожденнаго водой и нарекъ ему имя „Гаконъ“ въ память своего отца. Этого сына Гаральдъ Пркв. послалъ затѣмъ на воспитаніе къ англо-саксонскому королю Этельстану. Король велѣлъ крестить мальчика, полюбилъ его и привилъ ему добрые нравы; отсюда его прозвище Hàkon Adhalsteinsfóstri, т.-е. воспитанникъ Этельстана. Гаральду Пркв. было подъ конецъ 80 лѣтъ, сталъ онъ тяжелъ на подъемъ и считалъ для себя невозможнымъ объѣзжать страну и отправлять обязанности конунга. Тогда возвелъ онъ сына Эйрика на свое высокое сидѣнье и передалъ ему власть надъ всей страной. Когда объ этомъ узнали другіе сыновья, то Гальфданъ Черный сѣлъ самъ на высокое сидѣнье конунга и взялъ въ свои руки верховное управленіе надъ всѣмъ Троньемскимъ краемъ; всѣ троньемцы поддерживали его въ этомъ рѣшеніи. Послѣ смерти Бьёр-

на—Купца, его братъ Олафъ принялъ на себя власть надъ Вестфольдомъ и взялъ себѣ на воспитаніе его сына Гузс-рёзса; у Олафа былъ и свой сынъ—Триггви. Когда населеніе Викина узнало, что „Гёрзсы" взяли Эйрика въ верховные конунги (yfirkonungr), то провозгласили Олафа верховнымъ конунгомъ надъ Викиномъ. Три зимы спустя, внезапно умеръ Гальфданъ Черный въ Троньемѣ; его смерть молва приписывала кознямъ Гуннгильды, „матери конунговъ" (konungamódhir), жены Эйрика, родомъ изъ Галогаланда. Послѣ Гальфдана Чернаго троньемцы признали конунгомъ Сигфрёзса. Гаральдъ Ркв. прожилъ еще три зимы послѣ того, какъ передалъ единовластіе (einvald rikis sins) сыну Эйрику. Когда у Эйрика и Гуннгильды родился сынъ, то Гаральдъ Ркв. обрызгалъ его водой и нарекъ ему свое имя, говоря, что онъ будетъ конунгомъ послѣ отца своего Эйрика, т.-е. пытался предопредѣлить порядокъ престолонаслѣдія и въ поколѣніи внуковъ и притомъ не въ пользу старшаго. Большинство своихъ дочерей Гаральдъ выдалъ замужъ внутри страны за ярлей, и отсюда возникло множество развѣтвленій рода. Прекрасноволосый конунгъ умеръ въ Рогаландѣ и погребенъ у Кармтскаго пролива (933 г.).

Въ первую зиму послѣ смерти Гаральда—отца Эйрикъ получилъ всѣ поборы, слѣдующіе конунгу, съ середины страны, Олафъ—на Востокѣ съ Викина, Сигфрёзсъ съ области троньемскаго права. Эйрикъ былъ этимъ крайне недоволенъ. Пошли толки, что онъ силой будетъ добиваться у братьевъ той полноты единовластія (einvaldsriki) надъ всей страной, которую оставилъ ему отецъ. И дѣйствительно, братья Олафъ и Сигфрёзсъ подверглись его внезапному нападенію и пали въ этой битвѣ, Триггви и Гузс-рёзсъ бѣжали въ Упландъ, а Эйрикъ подчинилъ себѣ Викинъ [1]).

Узнавъ въ Англіи о смерти отца, Гаконъ „Воспитанникъ Этельстана", иначе Добрый, явился въ Троньемскій край, нашелъ поддержку у ярля Сигурда въ Хлазсахъ и обѣщалъ крестьянамъ на тингѣ признать ихъ всѣхъ родовыми владѣльцами (odhalborinn) и пожаловать ихъ одалями, на которыхъ они жили; тогда крестьяне провозгласили его конунгомъ всей земли. Крестьянство Упланда тоже прислало къ Гакону ходаковъ. Тогда Гаконъ въ концѣ зимы отправился самъ въ Упландъ, гдѣ и былъ на всѣхъ тингахъ признанъ конунгомъ. Затѣмъ онъ появился въ Викинѣ. Здѣсь къ нему явились племянники — Триггви и Гузс-рёзсъ. Гаконъ далъ имъ титулъ (nafn) конунговъ и ту государственную власть, которую Гаральдъ Прекрв. предоставилъ ихъ отцамъ. Триггви получилъ Ранрики и Вингульмёркъ, а Гузс-рёзсъ—Вестфольдъ;

---

[1]) Дѣтьми Эйрика и Гуннгильды были: Гамли, Гутгормъ, Гаральдъ, Рагнфрёзсъ, дочь Рагнгильда, Эрлингъ, Гузсрёзсъ, Сигурдсъ Слюна.

они по прежнему правилу, получали только половину податей и поборовъ (skattr ok skyld), одинаковую съ Гакономъ. Весной въ виду преобладанія Гакона и недостатка въ поддержкѣ, Эйрикъ Кровавый Топоръ покинулъ Норвегію и ушелъ съ вѣрными ему спутниками на Западъ за море, гдѣ и палъ въ битвѣ при высадкѣ въ южной Англіи. Но и послѣ этого Гакону Доброму приходилось обороняться отъ сыновей Эйрика. Когда онъ былъ раненъ на-смерть въ одной изъ такихъ битвъ и умеръ, не оставивъ сыновей, то дѣти Эйрика и Гуннгильды овладѣли Норвегіей съ согласія Гакона, даннаго передъ кончиной (961 г.).

Среди сыновей Эйрика выдавался Гаральдъ „Сѣрая Шуба“ (плащъ на мѣху), или Грауфельдъ, но только по почету, какъ старшій братъ изъ живыхъ. Ихъ мать Гуннгильда принимала большое участье въ управленіи страной вмѣстѣ съ ними и была прозвана матерью конунговъ (konunga módhir). Наряду съ ними, главами въ странѣ все еще оставались Триггви Олафсонъ — на крайнемъ Востокѣ, Гузс-рёзсъ Бьярнарсонъ въ Вестфольдѣ, Сигурдъ ярль въ Троньемѣ, а сыновья Гуннгильды въ первую зиму владѣли только серединой страны. Изобиліе въ странѣ, обычное въ годы Гакона Добраго, стало теперь падать, потому что конунговъ было много, у каждаго своя дворовая дружина, „гирзсъ“, и всѣ они были жадны до денегъ. Часто ѣзжали по странѣ всѣ братья вмѣстѣ, иногда каждый — самъ по себѣ. Ради управленія страной, Гуннгильда, „мать конунговъ“, и ея сыновья часто устраивали совѣщанія. Постепенно сыновья Эйрика стали истреблять и изгонять правителей отдѣльныхъ частей Норвегіи. Такъ, они сожгли вмѣстѣ съ усадьбой ярля Сигурда, но вынуждены были оставить Троньемскую область за его сыномъ Гаконом. Затѣмъ Гузс-рёзсъ Эйрикссонъ предательски велѣлъ убить конунга Триггви, а Гаральдъ Грауфельдъ напалъ подъ Тунсбергомъ неожиданно ночью на Гузс-рёзса, сына Бьёрна, и конунгъ Вестфольда палъ въ этой схваткѣ. У Гузс-рёзса Вестфольдскаго остался сынъ по имени Гаральдъ; онъ воспитывался въ фильки Гренландѣ, получилъ поэтому прозвище Гаральда Гренландскаго (grenski) и укрылся въ Швеціи. Потомъ сыновья Эйрика заставили ярля Гакона бѣжать изъ Троньемскаго края въ Данію. Среди своихъ насилій пали одинъ за другимъ сыновья Гуннгильды—Сигурдъ Слюна и Эрлингъ, въ живыхъ оставались только Гаральдъ Грауфельдъ и еще два брата.

Между тѣмъ послѣ смерти конунга Триггви его жена Астризса осталась беременной, родила во время бѣгства мальчика Олафа Триггвасона и укрылась въ Швеціи, откуда потомъ отправилась къ брату Сигурду, служившему будто-бы у князя Владиміра на Руси [1]). Въ это время

[1]) Хронологически правильнѣе отнести появленіе Олафа Триггвасона на Руси еще къ правленію Ольги и Святослава.

ярль Гаконъ подбилъ датскаго конунга Гаральда Гормссона вмѣстѣ добывать Норвегію. По его совѣту, датскій конунгъ заманилъ къ себѣ норвежскаго Гаральда Грауфельда и втянулъ его въ схватку съ датчанами, стоившую жизни конунгу Норвегіи (965 г.). Послѣ этого Гаральдъ Гормссонъ вмѣстѣ съ укрывшимися у него бѣглецами—ярлемъ Гакономъ, Гаральдомъ Грендскимъ и друг. — подчинилъ себѣ южную Норвегію. Онъ далъ здѣсь ярлю Гакону въ управленіе 7 фильки на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ раздавалъ области Гаральдъ Прекрв., съ тою только разницею, что Гаконъ и въ этихъ фильки, и въ Троньемѣ получалъ во владѣніе королевскіе хутора и поземельныя аренды за конунга, а въ случаѣ вторженія непріятеля могъ черпать даже изъ королевской казны. На тѣхъ же условіяхъ, какъ сыновья Гаральда Прекрв., получилъ Гаральдъ Грендскій отъ датскаго конунга Вингульмёркъ, Вестфольдъ, Агдсы до южнаго мыса. Сыновья Эйрика удалились на Западъ, на Оркнейскіе острова. Когда Гаральдъ Грендскій, конунгъ Вестфольда, погибъ въ Швеціи при попыткѣ сосватать себѣ Сигризсу, вдову шведскаго конунга Эйрика Побѣдоноснаго, то его жена Аста переѣхала въ Упландъ къ своему отцу, родила здѣсь мальчика, будущаго Олафа Святого, и вскорѣ вышла вторично замужъ за Сигурда Свинью (Syr), конунга въ Хрингарики; онъ былъ правнукомъ Гаральда Прекрв. черезъ сына его Сигурда Хриси. У вотчима Сигурда Свиньи росъ и маленькій Олафъ.

Между тѣмъ Олафъ Триггвасонъ, другой правнукъ Гаральда Прекрв., послѣ двора русскаго князя, яко-бы Владиміра, побывалъ у прибалтійскихъ вендовъ, въ Англіи, Ирландіи и, наконецъ, высадился въ Норвегіи около Мостра въ Южномъ Гёрзландѣ (995 г., годъ рожденія Олафа Святого, праправнука Гаральда Прекрв.). Воспользовавшись недовольствомъ крестьянства противъ ярля Гакона, Олафъ добился отъ всенароднаго тинга въ Троньемской области титула конунга надъ всей страной, какъ ею владѣлъ Гаральдъ Прекрв. При объѣздѣ страны Олафу подчинилась вся Норвегія, Упландъ и Викинъ; даже тѣ главы [höfdhingjar], которые держали земли отъ датскаго конунга, стали мужами Олафа и начали держать землю отъ него. Сыновья убитаго ярля Гакона, Эйрикъ и Свейнъ, бѣжали въ Швецію. Эйрикъ ярль образовалъ постепенно союзъ противъ Олафа Триггвасона изъ датскаго конунга Свейна Тьюгускегга (Роздвоенной Бороды) и шведскаго Олафа, сына Сигризсы. На обратномъ пути изъ страны Вендовъ норвежцы были разбиты союзнымъ флотомъ въ морской битвѣ близъ острова Свѣльда (около Рюгена), и самъ Олафъ Триггвасонъ палъ (1000 г.). Норвегія была теперь подѣлена между шведами, датчанами и ярлемъ Эйрикомъ; Олафъ Шведскій предоставилъ свои фильки зятю—ярлю Свейну—на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ обычно держали ярли и зависимые по

дани конунги земли отъ верховныхъ конунговъ [skattkonungar, yfirkonungar].

Единодержавіе снова возстановилъ въ Норвегіи Олафъ Святой, сынъ Гаральда Грендскаго. Юность онъ провелъ въ походахъ викинговъ, побывалъ въ Швеціи, Финляндіи, Англіи и, наконецъ, всплылъ въ Норвегіи. Захвативъ врасплохъ троньемскаго ярля и отпустивъ его въ Англію, Олафъ появился въ Викинѣ. Въ Вестфольдѣ у него нашлось много знакомыхъ и друзей по отцу, много и родичей. Отсюда онъ съ сотней мужей поѣхалъ въ Хрингарики къ вотчиму Сигурду и матери Астѣ. Благодаря вліянію Сигурда Сюра, Олафа на первыхъ шагахъ къ королевской власти поддержали „малые конунги“ [smákonungar] Упланда. На общемъ собраніи въ Газсаландѣ большинство мелкихъ конунговъ внутренней Норвегіи высказались за Олафа и заключили съ нимъ договоръ, обезпечивавшій имъ новыя права въ случаѣ утвержденія его единодержавнымъ конунгомъ [einvaldskonungr]. Затѣмъ весь народъ Упланда созванъ былъ на тингъ; Олафъ обѣщалъ ему возстановить старые законы, т.-е. обычное право, защищать его отъ магнатовъ и иноземныхъ набѣговъ, а народъ нарекъ ему имя конунга. (1015 г.). Послѣ этого Олафъ укрѣпился и въ Троньемскомъ краѣ, и въ Викинѣ. Однако, суровость, съ которой Олафъ истреблялъ остатки язычества въ Вингульмёркѣ, вызвала противъ него заговоръ конунговъ другихъ филькъ, а именно въ Упландѣ конунговъ Раумарики, Далира, или Далей, Газсаланда, Гейзсмёрка. Но Олафъ предупредилъ ихъ. Заставъ заговорщиковъ въ усадьбѣ врасплохъ во время сна, онъ легко овладѣлъ конунгами. Тогда началась жестокая расправа. Конунга Хрёрека изъ Гейзсмёрка онъ велѣлъ ослѣпить на оба глаза, Гузсрёзсу изъ Далира—вырѣзать языкъ, съ остальныхъ взялъ клятвы, что они навсегда уѣдутъ изъ Норвегіи. Олафъ подчинилъ непосредственно себѣ области этихъ мелкихъ конунговъ и взялъ съ населенія заложниковъ. Когда въ Хрингарики умеръ его вотчимъ Сигурдъ Свинья, то Олафъ Гаральдссонъ уже одинъ носилъ отнынѣ титулъ конунга въ Норвегіи. Въ то время, какъ одна изъ дочерей шведскаго конунга Олафа—Ингигерзса—была выдана за русскаго князя Ярослава, Олафъ Норвежскій женился на другой ея сестрѣ—Астризсѣ. Поэтому, когда при поддержкѣ троньемской знати датскій конунгъ Кнутъ подчинилъ себѣ всю Норвегію, то конунгъ Олафъ удалился на Русь къ Ярославу и Ингигерзсѣ (1029 г.); при немъ былъ и сынъ его Магнусъ. Позднѣе, оставивъ сына у Ярослава, Олафъ еще разъ сдѣлалъ попытку вернуть себѣ Норвегію, но палъ здѣсь въ битвѣ при Стикластазсахъ (1030 г.). Фактическимъ конунгомъ Норвегіи сталъ сынъ Кнута и Альфифы—Свейнъ, признанный конунгомъ на всѣхъ законодательныхъ тингахъ.

Если подвести теперь итогъ даннымъ древне-скандинавскихъ сагъ,

то за время отъ Гаральда Прекрасноволосаго до Олафа Святого (872—1030), отъ установленія единодержавія въ Норвегіи до его возстановленія—нѣтъ опредѣленнаго устойчиваго порядка престолонаслѣдія, который примѣнялся бы на дѣлѣ или жилъ въ правосознаніи народа. Вплоть до Олафа Святого, права на престолъ и титулъ конунга надъ всей Норвегіей признаются за потомствомъ Гаральда Прекрв., но осуществляютъ эти права только конунги, умѣющіе найти сочувствіе у областныхъ правителей, у крестьянъ на законодательныхъ тингахъ, способные поддержать ихъ вооруженной рукой. Въ сущности Гаральдъ Прекрв. создаетъ въ Норвегіи порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ новый. Объединивши подъ своею властью отдѣльныя государства-фильки, т. е. народцы, онъ пытается совмѣстить вновь народившееся единодержавіе съ частно-правовымъ обычаемъ—давать долю въ наслѣдствѣ каждому изъ сыновей. Такъ возникаютъ явленія и понятія верховнаго конунга и малыхъ или зависимыхъ конунговъ. Только дочери и вообще женщины устраняются и при такомъ престолонаслѣдіи. Самъ Гаральдъ Прекрв. пытается свою власть, какъ верховнаго конунга, передать не старшему сыну, а Эйрику Кровавому Топору и затѣмъ его сыну и своему внуку Гаральду Грауфельду. Итакъ, Гаральдъ Прекрв. своимъ примѣромъ какъ-бы устанавливаетъ обычай назначенія преемника правящимъ верховнымъ конунгомъ. Но области законодательныхъ тинговъ не подчиняются его волѣ и желанію единолично предопредѣлить наслѣдниковъ на два поколѣнія. Троньемцы признали у себя верховнымъ конунгомъ Гальфдана Чернаго, Викинъ-Олафа. Между братьями вспыхиваютъ междоусобія, причемъ распри рѣшаются поддержкой со стороны областныхъ правителей, крестьянъ на тингахъ и силой меча. Въ поколѣніе внуковъ исчезаетъ повидимому и самое единодержавіе верховнаго конунга. По крайней мѣрѣ сыновья Эйрика и Гуннгильды правятъ Норвегіей, словно одалемъ, сообща при участіи даже матери. Гаральдъ Грауфельдъ былъ между ними главнымъ только по почету, какъ старшій изъ живыхъ. Гонимые ими областные властители втягиваютъ датскаго конунга въ завоеваніе Норвегіи. Послѣ смерти Олафа Триггвасона Норвегія даже подѣлена между Даніей, Швеціей и троньемскимъ ярлемъ. Только праправнукъ Гаральда Прекрв., Олафъ Святой, возстановляетъ единодержавіе силой меча и временно встрѣчаетъ поддержку у областныхъ конунговъ; но въ концѣ концовъ онъ уничтожаетъ и самое это учрежденіе Гаральда Прекрв.—зависимыхъ областныхъ конунговъ. Новый періодъ въ исторіи норвежскаго престолонаслѣдія длится отъ сына Олафа Св.—Магнуса до избранія конунгомъ Магнуса Эрлингссона (1035—1161 гг.).

Троньемцы скоро стали разкаяваться въ томъ, что погубили конунга Олафа, и даже провозгласили его теперь Святымъ. Тяготясь датскимъ господствомъ въ лицѣ Свейна, они послали на Русь къ кня-

зю Ярославу, чтобы звать Магнуса Олафссона конунгомъ въ его отчину (födhurleifdh). Тутъ при дворѣ Ярослава состоялось соглашеніе между наличными норманнами (Nordhmenn) и Магнусомъ о походѣ. Когда Магнусъ черезъ Швецію достигъ Нидароса въ Троньемской области, то созвалъ общенародный тингъ въ Эйрахъ (Eyrathing) и былъ крестьянами провозглашенъ конунгомъ надъ всей страной, какъ ею владѣлъ отецъ его Олафъ. Послѣ смерти Гёрза-Кнута Магнусъ въ силу договора распространилъ свою власть временно и на Данію. Между тѣмъ Гаральдъ Грозный (Hardhrádhi), сынъ Сигурда Сюра, единоутробный братъ Олафа Св. отъ различныхъ отцовъ, послѣ паденія брата уѣхалъ на Русь, а дальше въ Византію. На возвратномъ пути онъ взялъ у князя Ярослава за себя замужъ его дочь Елисавету, которую норманны зовутъ „Эллисифъ“. Гаральдъ думалъ было сначала отвоевать заодно съ вновь провозглашеннымъ датскимъ конунгомъ даже и Норвегію у своего племянника Магнуса Добраго, но затѣмъ норвежцы и датчане подготовили соглашеніе между ними. Магнусъ уступилъ дядѣ Гаральду половину норвежской державы со всѣми налогами и поборами и всякой принадлежащей ей собственностью (skattr, skyld, eign), такъ чтобы всѣ наличныя деньги шли пополамъ, и съ условіемъ, что Гаральдъ будетъ конунгомъ равноправнымъ съ Магнусомъ повсемѣстно въ Норвегіи; при встрѣчахъ Магнусу должно было принадлежать первенство по внѣшнему почету, „по мѣсту“, гдѣ сидѣть, а гдѣ будетъ три особы съ титулами, тамъ Магнусу предоставлялось середнее мѣсто (fyrir madhr at saeti); у каждаго конунга была своя дворовая дружина („гирзсъ“). Послѣ смерти Магнуса Добраго Гаральдъ Грозный (Гарзсраузси) сталъ конунгомъ надъ всей Норвегіей (1047—66 гг.). Отъ Елисаветы у Гаральда было двѣ дочери, а отъ другой жены—Сзоры два сына, старшій Магнусъ и затѣмъ Олафъ. Когда Гаральдъ палъ въ битвѣ въ Англіи, то его сынъ Олафъ вернулся въ Норвегію и былъ признанъ конунгомъ вмѣстѣ съ братомъ Магнусомъ. Конунгъ Магнусъ правилъ первую зиму послѣ смерти отца одинъ надъ всей Норвегіей, а затѣмъ еще двѣ зимы вмѣстѣ съ братомъ своимъ, конунгомъ Олафомъ. Оба они назывались конунгами, при чемъ Магнусъ владѣлъ сѣверной частью, а Олафъ—восточной. Послѣ смерти брата Олафъ Тихій (Кирри) остался одинъ конунгомъ въ Норвегіи, хотя у Магнуса былъ сынъ Гаконъ.

Олафу Тихому наслѣдовалъ его сынъ Магнусъ Голоногій Берфайттюръ (Berfœttr). Этотъ Магнусъ Олафссонъ былъ признанъ конунгомъ въ Викинѣ, а Упландъ провозгласилъ у себя конунгомъ его двоюроднаго брата Гакона Магнуссона, и тронъемцы на Эйратингѣ укрѣпили за нимъ этотъ титулъ. За это Гаконъ облегчилъ поборы въ области Троньема, а именно отмѣнилъ рождественскія приношенія и торговыя пошлины. Когда Гаконъ съ своей дружиной отбылъ въ Упландъ, то въ Нидаросъ (или „Низаросъ“) явился Магнусъ и остался тамъ на первую поло-

вину зимы; онъ все еще имѣлъ виды на всю Норвегію. Узнавъ объ этомъ появленіи Магнуса, Гаконъ тоже вернулся въ Троньемскую область и расположился въ томъ же Нидаросѣ. Магнусъ былъ недоволенъ милостями, дарованными Гакономъ крестьянамъ; онъ находилъ, что и его интересы страдаютъ отъ уступокъ двоюроднаго брата, такъ какъ и его доходы уменьшаются теперь сравнительно съ поступленіями при отцѣ и предкахъ. Къ веснѣ, когда Магнусъ и Гаконъ покинули Нидаросъ, можно было даже ждать враждебнаго столкновенія между обоими конунгами; однако, неожиданная смерть Гакона предупредила ихъ (1095 г.). Когда Магнусъ Берфайттюръ палъ въ Ирландіи, то въ Норвегіи вступили во власть его сыновья Эйстейнъ, Сигурдъ, Олафъ; Эйстейнъ владѣлъ сѣверной частью страны, а Сигурдъ южной; (по „Фагюрскиннѣ“—восточной); конунгу Олафу было всего 4—5 лѣтъ, и ту треть, которая принадлежала ему, держали оба старшіе брата въ своей опекѣ; но и этимъ старшимъ братьямъ было всего по 13—15 лѣтъ отъ роду. Разногласіе между Геймскринглой и Фагюрскинной касательно доли Сигурда вызвано, можетъ быть, выдѣленіемъ позднѣе трети для Олафа. Сигурдъ, прозванный за свой крестовый походъ (1110 г.) Іерусалимскимъ Паломникомъ (Jórsalafari), пережилъ брата и правилъ подъ конецъ одинъ. Уже при немъ появился въ Норвегіи Гаральдъ Гилли, „Слуга“, изъ Ирландіи, выдававшій себя за сына Магнуса Голоногаго.

Магнусъ Слѣпой, сынъ Сигурда Іерусалимскаго Паломника, былъ признанъ въ Осло (Кристіанія) конунгомъ надъ всей Норвегіей, какъ, народъ далъ присягу еще его отцу. Но Гаральдъ Гилли, узнавъ въ Тунсбергѣ о смерти брата, принялъ тоже королевскій титулъ съ властью надъ половиной Норвегіи. Уже при Сигурдѣ Іерусалимскомъ Паломникѣ возникъ обычай, чтобы претенденты на престолъ доказывали свое незаконное происхожденіе отъ конунговъ путемъ ордалій. Такъ, Гаральдъ Гилли, чтобы доказать свое заявленіе, будто бы онъ сынъ Мангуса Голоногаго, прошелъ босыми ногами по 9 раскаленнымъ лемехамъ и не обжогъ себѣ ногъ. Въ виду того, что перевѣсъ силы былъ на сторонѣ Гаральда, Магнусъ вошелъ съ нимъ въ соглашеніе и уступилъ ему половину Норвегіи; однако, вся движимость Сигурда Паломника осталась за Магнусомъ. Вскорѣ между дядей и племянникомъ все-таки возгорѣлась война. Гаральдъ взялъ Магнуса въ плѣнъ и велѣлъ его изувѣчить: ему выкололи глаза, отрубили одну ногу и оскопили его. Но тутъ выступилъ новый претендентъ, сынъ священника—Сигурдъ (slembidjàkn, „Разстрига“); мать выдавала его теперь за сына Магнуса Голоногаго. Конунгъ Гаральдъ Гилли былъ во время сна убитъ приверженцами этого Сигурда. Когда вѣсть о смерти Гаральда Гилли распространилась по Норвегіи, то въ области Троньема конунгомъ былъ провозглашенъ его сынъ Сигурдъ, а въ Викинѣ—другой его сынъ, Инги.

Противъ братьевъ Инги и Сигурда объединились теперь Сигурдъ Слембидьякнъ и Магнусъ Слѣпой, нашедшіе поддержку у датчанъ. Однако Магнусъ палъ въ битвѣ, а Слембидьякнъ взятъ въ плѣнъ, замученъ и повѣшенъ. Послѣ того, какъ Сигурдъ и Инги пробыли во главѣ Норвегіи уже 6 зимъ, вернулся изъ Шотландіи третій сынъ Гаральда Гилли—Эйстейнъ и признанъ троньемцами тоже конунгомъ съ тѣмъ, чтобы владѣть ему третью Норвегіи наряду съ братьями. Сигурдъ Мюннюръ („Ротъ“) и Инги согласились уступить Эйстейну треть государства. Претенденту не пришлось даже подвергаться ордаліямъ для доказательства своихъ правъ, такъ какъ было достаточно того, что его признавалъ отецъ Гаральдъ. Четвертымъ сыномъ Гаральда Гилли былъ Магнусъ; онъ тоже былъ провозглашенъ конунгомъ и получилъ свою долю во власти надъ страной. Большимъ другомъ конунга Инги былъ Эрлингъ Скакки изъ южнаго Герзсаланда; при его поддержкѣ Эрлингъ женился на Кристинѣ, дочери конунга Сигурда Іерусалимскаго. При вступленіи на престолъ Инги и Сигурдъ были еще юны и имѣли сообща одинъ дружинный дворъ, а Эйстейнъ, уже взрослый годами, — особую дружину для себя. Когда минуло уже 19 зимъ соправленію Инги и Сигурда (1137—1155), то между ними возникли нелады вслѣдствіе недовѣрія другъ къ другу и, наконецъ, борьба, въ которой Сигурдъ и Эйстейнъ были убиты. Конунгъ Сигурдъ Ротъ (Munnr) прижилъ въ Викинѣ сына Гакона Широкоплечаго (herdhibreidhr) отъ Сзоры, служанки богатаго крестьянина. И вотъ отрядъ, слѣдовавшій за Эйстейномъ, провозгласилъ теперь конунгомъ этого Гакона. Между дядей и племянникомъ вспыхнула война. Инги и Гаконъ Сигурдссонъ встрѣтились въ устьѣ Гаутэльфа и въ исходѣ битвы племяннику пришлось бѣжать. Однако, борьба продолжалась, и въ концѣ концовъ Инги палъ въ битвѣ, а Гаконъ Широкоплечій сталъ конунгомъ надъ всей Норвегіей. Тогда всѣ главы Норвежскаго народа, которые поддерживали Инги, собрались и обсуждали, кого избрать въ конунги на его мѣсто. Было рѣшено взять въ конунги мужа изъ рода конунговъ, а во главѣ отряда для защиты его дѣла поставить наиболѣе мудраго. Всѣ согласились, что по рожденію наилучшими правами на корону обладаетъ внукъ конунга Сигурда Іерусалимскаго Паломника, сынъ Кристины и Эрлинга Скакки; къ тому же его отецъ Эрлингъ по уму, характеру и опытности въ военномъ дѣлѣ и государственномъ управленіи казался наиболѣе подходящимъ опекуномъ для малолѣтняго конунга (1161. г.). Послѣ этого пятилѣтній Магнусъ Эрлингссонъ былъ провозглашенъ конунгомъ на тингѣ. Во время борьбы противъ Эрлинга и его сына палъ въ битвѣ Гаконъ Широкоплечій, но въ Норвегіи появлялись новые претенденты. Среди этихъ затрудненій Эрлингъ нашелъ поддержку у церкви. Онъ далъ обѣщаніе архіепископу Эйстейну всѣми силами защищать права церкви, а тотъ согласился вѣнчать на

царство конунга Магнуса Эрлингссона. Однако, соперники для Магнуса появлялись и послѣ этого. Такъ, въ восточной Швеціи при дворѣ ярля Биргира Броса появился юноша Эйстейнъ, выдававшій себя за сына конунга Эйстейна Гаральдссона. При поддержкѣ ярля Биргира, женатаго на дочери Гаральда Гилли—Бригиттѣ, Эйстейнъ направился въ Викинъ съ отрядомъ, провозглашавшимъ его конунгомъ. Имъ часто приходилось убѣгать въ лѣса отъ крестьянъ и лендманновъ; когда изнашивалась у нихъ одежда, то они обвертывали тамъ ноги берестой и отсюда получили прозвище „Биркибейновъ“. Эйстейнъ имѣлъ успѣхъ и былъ даже признанъ конунгомъ въ Нидаросѣ въ Троньемскомъ краѣ, но въ концѣ концовъ все-таки убитъ.

Итакъ, послѣ Олафа Св. въ Норвегіи не было уже болѣе областныхъ конунговъ изъ рода Гаральда Прекрасновол. въ подчиненіи отъ конунга верховнаго, а потому, при отсутствіи особаго закона о престолонаслѣдіи и личныхъ назначеній себѣ преемниковъ правящими конунгами, престолъ замѣщается или по выбору изъ рода конунговъ на тингахъ законодательныхъ территорій, или въ порядкѣ одальнаго наслѣдованія, ведущаго къ соправленію всѣхъ равныхъ наслѣдниковъ и старшинству правящаго дяди надъ племянникомъ, т. е. сыномъ его умершаго брата-соправителя. Значитъ, въ отличіе отъ общегражданскаго права наслѣдованія, по которому сынъ наслѣдодателя, т. е. племянникъ, вступаетъ въ наслѣдство прежде дяди, т. е. брата его умершаго отца, правильный одальный порядокъ при наслѣдованіи престола считалъ юридической личностью всю линію братьевъ—соправителей, а потому, пока живъ изъ старшаго поколѣнія хоть одинъ дядя, ни одинъ изъ ихъ сыновей—племянниковъ слѣдующей генераціи не вступаетъ въ обладаніе долей власти своего отца. Съ этимъ порядкомъ связано правило, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга, ведущее къ изгойству. Самое правило приписывалось, по преданію, Олафу Св., какъ иногда и все древнѣйшее обычное право вообще. Въ сущности оно вытекало изъ одальнаго порядка наслѣдованія, какъ онъ, вѣроятно, примѣнялся и въ частноправовыхъ отношеніяхъ при совладѣніи одалями въ ту раннюю эпоху, когда предположительно еще не былъ установленъ льготный выкупъ одаля изгоемъ — племянникомъ у дяди. Такой льготный выкупъ предполагаетъ уже возможность раздѣла одаля, а государство Норвегія и при совладѣніи оставалось территоріально недѣлимымъ. Въ отличіе отъ гражданскаго права наслѣдованія XII—XIII вв., при замѣщеніи престола незаконные сыновья почти всегда идутъ на равныхъ правахъ съ законными. Правда, ихъ матери, возлюбленныя конунговъ, въ противоположность наложницамъ простыхъ норвежцевъ, бывали не рабынями, а свободными женщинами. Но, можетъ быть, и въ этомъ обычаѣ престолонаслѣдіе просто сохранило болѣе древнюю

черту, чѣмъ порядокъ наслѣдованія по Гулатингу и Фростатингу, носящій уже слѣды церковнаго вліянія. Если даже самое различеніе двухъ порядковъ наслѣдованія,—для одалей и для благопріобрѣтенныхъ земель, признать новообразованіемъ исторической эпохи, которое опредѣленнѣе кристаллизовалось и ярче проектировано въ Гулатингѣ, нежели во Фростатингѣ, то все-таки самый родовой порядокъ наслѣдованія, сохраняющійся въ записяхъ XII-го вѣка то въ видѣ обычнаго права наслѣдованія вообще, то въ частностяхъ одного лишь одальнаго права, то въ особенностяхъ престолонаслѣдія, все-таки приходится отодвинуть въ глубь соціальнаго прошлаго народа, къ первымъ поколѣніямъ индивидуальныхъ заимщиковъ (Landnàm), какъ родоначальниковъ для земельныхъ держаній изстари.

По сагамъ въ періодъ 1035—1161 гг. норвежскій престолъ обычно наслѣдуется цѣлой горизонтальной линіей сыновей законныхъ и незаконныхъ, братьевъ родныхъ или двоюродныхъ, и только, когда она вымираетъ, то титулы конунга спускаются къ слѣдующей линіи внуковъ. Династіей конунговъ въ сущности считается родъ Гаральда Гарзсраузси. Такъ правили совмѣстно его сыновья Магнусъ и Олафъ Кирри, внуки—двоюродные братья Магнусъ Берфайттюръ и Гаконъ, правнуки—родные братья Эйстейнъ, Сигурдъ, Олафъ; послѣ его незаконнорожденнаго правнука Гаральда Гилли правили его сыновья—законный Инги и незаконные Сигурдъ Мюннюръ, Эйстейнъ, Магнусъ. Когда незаконный сынъ Сигурда Рта—Гаконъ Широкоплечій былъ провозглашенъ конунгомъ при жизни своего дяди Инги, то это очевидно считалось правонарушеніемъ, а потому даже и послѣ смерти Инги его партія приступила къ выбору преемника ему изъ среды наслѣдниковъ по женской линіи въ обходъ Гакона; при этомъ избраніи сынъ дочери Сигурда Іерусалимскаго былъ предпочтенъ сыну дочери Гаральда Гилли; такое рѣшеніе—въ духѣ родового старшинства, но въ дѣйствительности обусловлено скорѣе личностью отца новаго конунга Магнуса—Эрлинга Скакки. Соправленіе конунговъ, какъ при наслѣдованіи одалей, стало теперь настолько устойчивымъ, что принималось во вниманіе обычнымъ гражданскимъ правомъ. По Гулатингу, если сразу правятъ хотя-бы три конунга, то все-таки это считается однимъ царствованіемъ (ст. 271). Раздѣлъ власти между конунгами при соправленіи не означалъ окончательнаго раздѣла территоріи; онъ носилъ не столько политическій, сколько хозяйственный характеръ. Двоюродные братья Магнусъ Голоногій и Гаконъ Магнуссонъ оба проводятъ зиму въ Нидаросѣ и ищутъ поддержки у троньемцевъ. Въ соправленіе сыновей Магнуса Берфайттюра всѣ три конунга—Эйстейнъ, Сигурдъ, Олафъ участвуютъ на собраніи Троньемцевъ во Фростатингѣ при рѣшеніи процесса Сигурда Хранасона; въ этомъ знаменитомъ процессѣ конунгъ Сигурдъ старался доказать, что

привиллегія на торговлю съ финнами, пожалованная Магнусомъ Голоногимъ Сигурду Хранасону, сама собой прекращается со смертью этого конунга, хотя покойный и сдѣлалъ свой даръ на два царствованія, свое и своихъ сыновей; напротивъ, общественное мнѣніе знатоковъ права стояло на сторонѣ Сигурда Хранасона, отстаивавшаго право конунга связывать даромъ своихъ преемниковъ [1]). Изъ этихъ 3 соправителей, послѣ смерти Олафа, конунгъ сѣверной Норвегіи Эйстейнъ провелъ одну зиму на Востокѣ страны, а Сигурдъ—на Сѣверѣ; напротивъ, на слѣдующую зиму Эйстейнъ былъ на Сѣверѣ, а Сигурдъ—на Востокѣ въ Викинѣ. Одну зиму оба конунга кормились на различныхъ хуторахъ въ Упландѣ. Говоря о раздѣлахъ Норвегіи между конунгами, саги, кажется, имѣютъ въ виду только раздѣлъ королевскихъ доходовъ и самой обязанности ихъ собирать — съ той или другой половины или трети Норвегіи; такъ въ соправленіе сыновей Гаральда Гилли, Сигурда и Инги, Сигурду шла половина со всѣхъ арендъ и другихъ королевскихъ сборовъ въ Норвегіи (hàlfar allar landskyldir ok adhrar tekjur í Noregi).

Положеніе въ странѣ сыновей Гаральда Гилли обнаруживаетъ съ очевидностью, что пріемы распредѣленія функцій между конунгами—соправителями и ихъ дифференціаціи по главнымъ частямъ Норвегіи, между областями Фростатинга (Нидаросъ), Гулатинга (Бьёргвинъ, или Бергенъ), Викина (Осло, Сарпсборгъ) и Упланда (Эйдсвольдъ), не успѣли сложиться въ опредѣленную систему. Случаи соправленія многихъ братьевъ и выживанія младшихъ изъ нихъ бывали здѣсь рѣдко, а сравнительная экономическая и политическая оцѣнка для всѣхъ главныхъ центровъ Норвегіи колебалась и измѣнялась и не могла застыть въ опредѣленную „лѣствицу“. Наряду съ Троньемскимъ краемъ, какъ центромъ церковнаго вліянія, колонизаціи и завоеваній викинговъ въ направленіи къ сѣвернымъ берегамъ Ирландіи, Шотландіи и островамъ, всегда имѣлъ свои преимущества и Викинъ для сношеній съ Даніей, Швеціей, Любекомъ, Востокомъ, подымалось и значеніе Бергена по торговлѣ съ Англіей и Германіей. Между конунгами—соправителями замѣчается даже какая-то склонность мѣняться отъ времени до времени мѣстами своего пребыванія и кормленія по хуторамъ. Въ 1137 году Викинъ на Боргартингѣ (т.-е. въ Сарпсборгѣ) провозгласилъ конунгомъ единственнаго законнаго сына Гаральда Гилли—Инги, а троньемцы приняли въ конунги Сигурда. Однако, Сигурдъ и Инги находятся оба на Востокѣ, когда троньемцы объявили Эйстейна конунгомъ для третьей трети Норвегіи. Четвертымъ конунгомъ взятъ затѣмъ болѣзненный Магнусъ, вскорѣ вовсе исчезающій со сцены. Хотя Сигурдъ—конунгъ по Троньемскому краю, но онъ

[1]) G. Storm, Sigurd Ranessöns Proces. Kristiania, 1877.

былъ на „кормленіяхъ“ въ Викинѣ, когда прижилъ сына Гаральда Широкоплечаго. Эйстейнъ же держался на крайнемъ Востокѣ страны близъ границъ Швеціи и Даніи. На съѣздъ конунговъ въ Бьёргвинѣ Инги и Сигурдъ ѣдутъ съ Сѣвера, а Эйстейнъ въ Востока. Сигурдъ убитъ тутъ еще до прибытія Эйстейна. Послѣ этого Эйстейнъ вернулся въ Викинъ, а Инги на С. въ Троньемъ. Когда позднѣе между обоими братьями состоялось хрупкое соглашеніе, близъ Лизсандиснеса на южной оконечности Норвегіи, то Инги направился на В., а Эйстейнъ на С. въ Троньемъ, и такое распредѣленіе оставалось до новаго столкновенія. Когда опять возникла распря, то Эйстейнъ былъ убитъ на пути съ Сѣвера въ Викинъ въ Фольдѣ, т.-е. во фіордѣ Кристіаніи. Здѣсь отрядъ Эйстейна провозгласилъ конунгомъ Гакона Широкоплечаго, сына Сигурда, который и оставался на крайнемъ Востокѣ у Гаута-эльфа. Инги же признавалъ себя одного конунгомъ всей Норвегіи и пребывалъ то въ Викинѣ, то на Сѣверѣ [2]).

Хотя право избранія конунга наступало только тогда, когда не было налицо явно полноправнаго наслѣдника по обычному праву, однако и такой законный наслѣдникъ долженъ еще быть „принятъ“ народомъ, какъ бы повѣряющимъ его права на всѣхъ законодательныхъ тингахъ (konungstekja). Позднѣе, это „принятіе въ конунги“ начиналось обыкновенно съ Эйратинга отъ 8-и фильки Троньемскаго края. При сонаслѣдованіи совершеннолѣтніе правятъ и за малолѣтокъ.

Если Гаральдъ Прекраснов. установилъ новый строй для правленія рода конунговъ надъ Норвегіей, то послѣ Олафа Св. къ власти конунговъ примѣняются просто гражданско-правовыя нормы одальнаго владѣнія и наслѣдованія. Но это не новшество, а только тотъ же обычай, который очевидно дѣйствовалъ еще до Гаральда Прекраснов. для власти областныхъ конунговъ по самостоятельнымъ фильки. Источникомъ при характеристикѣ древнѣйшихъ конунговъ въ Швеціи и Норвегіи служатъ саги объ Инглингахъ и Гальфданѣ Черномъ. Сага о конунгахъ изъ шведскаго рода Ynglingar основана на стихотворной родословной Инглинговъ Сэйозсольфа изъ Квина (Thò-dhòlfr or Hvini), скальда Гаральда Прекрв. Онъ сложилъ, по свидѣтельству Снорри, свою „Инглинга-таль“ для конунга Рёгнвальда, сына Олафа Гейрстазса-альфа, т.-е. племянника Гальфдана Чернаго и двоюроднаго брата Гаральда Прекрв. Тутъ были перечислены 30 предковъ (langfedhgar) Рёгнвальда. Изъ рода Инглинговъ въ Швеціи послѣ Агни были конунгами его сыновья—Альрекъ и Эйрикъ, а затѣмъ правили сыновья Альрека—Ингви и Альфъ, при чемъ страной управлялъ только Альфъ, а Ингви

[2]) Инги въ общемъ правитъ 1137—1161 гг., а именно съ Сигурдомъ Мюннюромъ и Эйстейномъ—до 1155 г., только съ Эйстейномъ до 1157 г., одинъ до 1161 г.

отправился въ морскіе набѣги въ качествѣ морского конунга. Послѣ этихъ двухъ братьевъ сталъ конунгомъ Гюклейкъ, сынъ Альфа, такъ какъ сыновья Ингви были еще дѣтьми. Упсальскіе конунги были „высшими“ конунгами въ Швеціи, а въ то же время по всей странѣ были еще конунги отдѣльныхъ „сотенъ“ (aeztir konunga и heradhs—konungar). До смерти Агни конунги, сидѣвшіе въ Упсалѣ, были единовластными главами надъ всей Швеціей (einvaldshöfdhingjar); затѣмъ явились случаи раздѣла между братьями (braedhra—skipti), наконецъ королевство и власть конунга стали дробиться соотвѣтственно развѣтвленіямъ отдѣльныхъ родовъ. Ингьяльду молва приписывала убійство 12 сотенныхъ конунговъ.

Тотъ же обычай сонаслѣдованія и совладѣнія братьевъ, извѣстный на материкѣ у туринговъ, господствовалъ среди норвежскихъ фильки—конунговъ изъ рода Инглинговъ. до 872 г. Такъ братья Гальфданъ Черный и Олафъ Гейрстазса-альфъ подѣлили между собой Вестфольдъ послѣ смерти отца, при чемъ Олафъ владѣлъ восточной частью этого фильки, а Гальфданъ — южной. Когда Гаральдъ Прекрв. объединялъ Норвегію, то въ Наумюдалѣ были конунгами совмѣстно два брата—Херлаугъ и Хроллаугъ. При этомъ власть областнаго конунга до объединенія всей Норвегіи могла при отсутствіи наслѣдниковъ по мужской линіи переходить и въ женскую линію, но всегда только къ мущинамъ. Такъ Эйстейнъ, сынъ Гальфдана Бѣлой Ноги, конунга въ Гейзсмёркѣ, былъ женатъ на дочери конунга Эйрика Вестфольдскаго; послѣ смерти Эйрика, не имѣвшаго сыновей, Вестфольдомъ овладѣли отецъ Гальфданъ Бѣлоногій и сынъ Эйстейнъ, который въ качествѣ конунга и правилъ всю свою жизнь Вестфольдомъ. Гальфданъ Черный былъ сыномъ Асы, дочери конунга въ Агзсахъ, и сталъ самъ по наслѣдству конунгомъ въ Агзсахъ, а кромѣ того совмѣстно съ братомъ Олафомъ правилъ въ Вестфольдѣ. Затѣмъ Гальфданъ Черный женился на Рагнгильдѣ, дочери конунга въ Согнѣ, и прижилъ съ ней сына Гаральда, который воспитывался у дѣда по матери. Подъ старость дѣдъ передалъ власть конунга въ Согнѣ этому сыну отъ дочери, а когда умерли и дѣдъ, и внукъ его Гаральдъ, то его отецъ Гальфданъ Черный вступилъ въ обладаніе Согномъ, какъ наслѣдствомъ послѣ сына. Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ власть конунга переходила по наслѣдству по женской линіи всегда къ конунгамъ или по крайней мѣрѣ сыновьямъ конунговъ. Наслѣдованіе власти конунга мущинами по женской линіи надо признать м. б. болѣе древнимъ видомъ одальнаго наслѣдованія, нежели тенденціи Гулатинга и Фростатинга къ устраненію потомковъ женщинъ. Въ духѣ этого архаическаго одальнаго права Магнусъ Эрлингссонъ, членъ королевскаго рода по женской линіи, получилъ въ XII вѣкѣ престолъ, но только по выбору. Исконный норвежскій обычай сонаслѣдованія и соправленія,

дѣйствовавшій до Гаральда Прекрв. и послѣ Олафа Св., прорывался наружу и въ періодъ между 933 г. и 1015 г. Такъ изъ среды сыновей Эйрика и Гуннгильды въ верховные конунги былъ намѣченъ дѣдомъ Гаральдомъ Прекрв. не старшій братъ, а Гаральдъ Грауфельдъ. Но, когда умеръ Гаконъ Добрый, то власть верховнаго конунга надъ Норвегіей, гдѣ оставались еще тогда и зависимые областные конунги, перешла ко всѣмъ сыновьямъ Эйрика въ соправленіе, при чемъ Гаральдъ Сѣрая Шуба выдавался между ними только по почету, какъ старшій среди живыхъ братьевъ. Этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ о непрерывности взгляда на власть конунга, какъ на одаль, а возможность такого пережитка вопреки послѣдней волѣ Гаральда Прекрв. объясняется тѣмъ, что черезъ всѣ три первые періода въ исторіи престолонаслѣдія норвежскихъ конунговъ одальный порядокъ наслѣдованія держится въ гражданскомъ обычномъ правѣ и своими типичными чертами дѣйствуетъ оттуда и на обычаи публично-правовые. Только въ четвертый періодъ, послѣ избранія Магнуса Эрлингссона, новый порядокъ престолонаслѣдія, возникающій подъ впечатлѣніемъ опыта за предыдущее столѣтіе и подъ вліяніемъ церковныхъ точекъ зрѣнія, закрѣпляется особымъ законодательствомъ по почину конунговъ.

Избраніе въ конунги Магнуса, сына Эрлинга Скакки, шло въ разрѣзъ съ правиломъ, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга. Эрлингу пришлось поэтому искать поддержки у церкви. Въ 1164 году архіепископъ Нидароса Эйстейнъ вѣнчалъ Магнуса на царство. Онъ только потребовалъ у его партіи завѣренія, что троньемцы не сочтутъ беззаконіемъ, если конунгомъ станетъ не сынъ конунга, хотя бы впослѣдствіи и явился претендентомъ дѣйствительный сынъ конунга. Эрлингъ признался, что такое правило строго говоря не вписано въ книги законовъ, чтобы не сыну конунга можно было стать конунгомъ, а потому и просилъ архіепископа поддержать власть Магнуса Закономъ Божьимъ, церковнымъ, т.-е. путемъ церковной коронаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ теперь и первый законъ о престолонаслѣдіи по совѣщанію между конунгомъ Магнусомъ, арх. Эйстейномъ, ярлемъ Эрлингомъ и „всѣми мудрѣйшими мужами“ Норвегіи. Онъ весь проникнутъ церковнымъ вліяніемъ и властолюбіемъ духовенства. Подъ такимъ воздѣйствіемъ здѣсь выдвигаются новыя начала: власть и титулъ конунга наслѣдуетъ отнынѣ только одинъ наслѣдникъ, а именно старшій законорожденный сынъ; незаконнорожденные наслѣдники вовсе устраняются. Если старшій сынъ нездравъ, проявляетъ злостность или глупость, то изъ его младшихъ братьевъ отъ того же отца избирается конунгомъ тотъ, на комъ остановятся архіепископъ, епископы и по 12 мудрѣйшихъ мужей изъ каждой епархіи по ихъ назначенію. Если нѣтъ сыновей, то тотъ же составъ выборщиковъ избираетъ въ конунги бли-

жайшаго наслѣдника, а, если признаетъ его неспособнымъ къ власти, то провозглашаетъ конунгомъ наиболѣе подходящаго мужа; при разногласіяхъ избраніе рѣшается большинствомъ съ тѣмъ, чтобы въ него входили непремѣнно архіеп. и епископы. Хотя законъ Магнуса Эрлингссона и былъ включенъ, какъ новелла, въ Гулатингъ, однако бывшій священникъ Сверри, незаконный сынъ Сигурда Мюннюра, поддержанный Биркибейнами, получилъ въ 1177 году власть конунга на Эйратингѣ отъ представителей 8-и фильки Троньемскаго края въ силу „старыхъ законовъ“, т.-е. по такъ называемому закону Св. Олафа. Сверри говорилъ архіепископу Эйрику, что Эрлингъ Скакки не имѣлъ права нарушать законъ Св. Олафа и добиваться вѣнчанія въ конунги для своего сына, потому что со времени принятія крещенія норвежцами не было случая, чтобы конунгомъ становился тотъ, кто не былъ сыномъ конунга; да не бывало этого и въ языческія времена; это будто бы прямо запрещено законами Св. Олафа. Ставши конунгомъ, Сверри боролся противъ преобладанія церкви надъ короной, противъ партіи „архіепископскаго посоха“ (Baglar). Старшій сынъ Сверри, Сигурдъ, умеръ еще при жизни отца и оставилъ послѣ себя сына Гутгорма; и вотъ по старому обычаю послѣ смерти Сверри сталъ конунгомъ не его внукъ—изгой, а слѣдующій сынъ Гаконъ. Только послѣ смерти этого Гакона конунгомъ провозглашенъ Гутгормъ. Когда умеръ и Гутгормъ, то крестьяне Троньемскаго края возстановили свое право избирать преемника среди отдаленныхъ родичей умершаго конунга и изъ двухъ племянниковъ Сверри по сестрѣ предпочли Инги Барзсарсона, какъ норвежца по отцу,—Гакону Галину, сыну гаута, или ёта, т.-е. южнаго шведа. Тогда съ согласія архіепископа, всѣхъ вельможъ и всего народа Инги признанъ конунгомъ. По настоянію друзей Гакона Галина, Инги сдѣлалъ его своимъ ярлемъ и уступилъ ему половину королевскихъ доходовъ. Вскорѣ послѣ этого обнаружилось, что у Гакона, сына Сверри, уже послѣ его смерти родился незаконный сынъ, знаменитый впослѣдствіи Гаконъ Гаконссонъ, ставшій конунгомъ послѣ смерти Инги. Хотя у Инги оставался сынъ Гутгормъ, но крестьяне Троньемскаго края хотѣли непремѣнно имѣть конунгомъ отпрыскъ королевскаго рода по мужской линіи. Впослѣдствіи на сеймѣ (höfdhingjafundr) въ Бергенѣ на основаніи свидѣтельствъ легменновъ признано было обычнымъ правомъ Норвегіи, что норвежцы должны всегда слѣдовать сыну конунга, если онъ есть налицо. При Гаконѣ Гаконссонѣ (1217—63) былъ принятъ на Фростатингѣ его новый законъ (1260 г.) о престолонаслѣдіи, который въ главномъ возвращался къ закону Магнуса Эрлингссона, а именно устранялъ соправленіе и устанавливалъ единонаслѣдіе старшаго законнаго сына конунга; только если нѣтъ законныхъ сыновей, то можетъ стать конунгомъ и незаконный сынъ умершаго. При Магнусѣ Лагабётирѣ,

т.-е. Законоисправителѣ (1263—1280), этотъ законъ былъ объявленъ и принятъ на всѣхъ законодательныхъ тингахъ Норвегіи. Наконецъ, самостоятельный законъ Магнуса Лагабётира, въ общемъ дополняя законъ Гакона Гаконссона, еще далѣе отодвинулъ права незаконнорожденныхъ сыновей конунга на корону, а именно на седьмую очередь, и тотчасъ послѣ законнаго сына опредѣлилъ наслѣдникомъ старшаго законнаго внука отъ законнаго сына, если налицо вовсе не осталось законныхъ сыновей. Итакъ, обязательной примогенитуры нѣтъ и здѣсь: преимущества сына надъ внукомъ-изгоемъ остаются въ силѣ, а между сыновьями и среди поколѣнія внуковъ рѣшаетъ старшинство годами. Зато совладѣніе короной нѣсколькихъ наслѣдниковъ и равенство незаконныхъ съ законнорожденными сыновьями навсегда исчезло изъ норвежскаго престолонаслѣдія [1]).

Строй, установленный Гаральдомъ Прекрв., это—опытъ, вызванный процессомъ объединенія всей Норвегіи въ одно государство и стремленіемъ приспособить къ нему прежнее обычное право. Законы о престолонаслѣдіи XII—XIII вв.—это сознательныя реформы, вытекающія изъ теоретической мысли о пережитомъ коллективномъ опытѣ народа и изъ чуждыхъ, а именно церковныхъ вліяній. Если оставить въ сторонѣ эти новообразованія, касавшіяся всегда только власти конунговъ, то порядокъ престолонаслѣдія, совпадающій съ общимъ наслѣдственнымъ или особымъ одальнымъ правомъ Норвегіи, можетъ быть признанъ для первой половины Среднихъ вѣковъ господствующимъ публично-правовымъ обычаемъ въ норвежскомъ государствѣ. Только онъ органически связанъ со всей частно-правовой жизнью народа. Исконность, самобытность, типичность этого порядка для Скандинавскаго полуострова подтверждается тѣмъ, что сходные пріемы при наслѣдованіи и вычисленіи родства найдены и въ обычаяхъ для шведскихъ конунговъ, и въ древнѣйшемъ законодательномъ памятникѣ Южной Швеціи.

Свѣдѣнія о средневѣковой Швеціи крайне скудны до половины XIII вѣка. Однако, ихъ достаточно для установленія того вывода, что довольно расплывчатый характеръ замѣщенія здѣсь престоловъ конунговъ ни въ чемъ безусловно не противорѣчитъ общему духу древненорвежскаго наслѣдственнаго права для родовыхъ земель. Участіе народа черезъ его тинги въ замѣщеніи престола брало въ Швеціи верхъ надъ вычисленіями родственныхъ отношеній и придавало власти конунговъ оттѣнокъ избирательной монархіи. Но даже при избраніи конунговъ народомъ случаи соправленія встрѣчаются въ Швеціи X—XII вѣковъ. Такъ въ династіи Стенкиля изъ Западнаго Ётланда правятъ въ концѣ

[1]) Всѣ три закона о престолонаслѣдіи напечатаны въ Norges Gamle Love, а именно Магнуса Эрлингссона—B. I, p. 3—4; Гакона Гаконссона—B. I, p. 262—263; Магнуса Лагабётира—B. II, p. 24—28.

XI вѣка одновременно два брата—Гальстенъ и Инги Старшій, затѣмъ въ началѣ XII-го вѣка—сыновья Гальстена, Филиппъ и Инги Младшій. Во второй половинѣ X-го вѣка правили послѣ Бьёрна его сыновья—Олафъ и Эрикъ Побѣдоносный. Олафъ умеръ внезапно за столомъ и оставилъ сына Бьёрна, прозваннаго затѣмъ „Боевымъ Бьёрномъ“ (Стирбьёрномъ). Этотъ Бьёрнъ росъ при дворѣ Эрика, гдѣ воспитателемъ его сталъ дядя по матери, Ульфъ. Когда Бьёрну минуло 12 лѣтъ, то сталъ онъ требовать себѣ власти конунга; то же повторилось на слѣдующую весну, и затѣмъ на третью весну. Эрикъ говорилъ ему, что онъ непригоденъ ни въ конунги, ни въ наслѣдники, пока не минетъ ему 16-и зимъ; тогда конунгъ со своей стороны готовъ былъ допустить Бьёрна до наслѣдованія. Крестьяне на тингѣ были противъ Бьёрна; они выбрали въ конунги человѣка невысокаго происхожденія и передали ему ту часть страны, которая причиталась Бьёрну. Враждебность крестьянъ къ концу тинга дошла до того, что они бросали въ уѣзжавшихъ Бьёрна и Ульфа дерномъ и камнями. Немного спустя Эрикъ далъ Бьёрну 60 судовъ и отправилъ его на три года въ морскіе набѣги, такъ какъ не могъ терпѣть его въ государствѣ по причинѣ его честолюбія, наклонности къ насиліямъ и ропота крестьянъ. Бьёрнъ первымъ дѣломъ разыскалъ вновь избраннаго конунга, далъ ему битву и убилъ. Затѣмъ онъ направился на Востокъ. При случаѣ шведскіе крестьяне даже низлагали конунговъ. Сыномъ Эрика Побѣдоноснаго и Сигриды былъ Олафъ Шведскій, „Грудной конунгъ“ (Skautkonungr), „конунгъ въ пеленкахъ“ современникъ обоихъ норвежскихъ Олафовъ, Триггвасона и Толстаго, или позднѣе Святого. Своею ненавистью къ Олафу Святому, грозившей войной съ Норвегіей, Олафъ Шведскій вызвалъ противъ себя недовольство крестьянъ; совѣтники спасли его отъ низложенія только тѣмъ, что убѣдили крестьянъ допустить соправительство съ отцемъ сына Якова, по языčески Энунда (Oenundr). Олафъ Грудной умеръ около 1021—22 гг. и погребенъ въ Западномъ Ётландѣ. Энундъ (или Анундъ) умеръ около 1050 г. Ему наслѣдовалъ его старшій сводный братъ отъ несвободной матери, Эмундъ Старый, который раньше былъ обойденъ, такъ какъ его мать была славянкой изъ земли вендовъ.

И въ Швеціи къ отголоскамъ общескандинавскаго наслѣдствен, наго права охотно прислушивались при замѣщеніи престола только потому, что они совпадали съ нормами дѣйствовавшаго гражданскаго права. Сонаслѣдованіе братьевъ и изгойство въ частно-правовыхъ отношеніяхъ такъ-же знакомы шведскому обычному праву, какъ и норвежскому. Древнѣйшій законодательный памятникъ Швеціи, законъ Западныхъ Ётовъ, дошелъ въ краткой редакціи изъ начала XIII-го вѣка и болѣе обширной—изъ его конца. Въ древней редакціи Uästgötalag'a есть особый отдѣлъ о наслѣдованіи (Aerfdhaer bolkaer) изъ

25 статей. Порядокъ обычнаго наслѣдованія въ Южной Швеціи таковъ: 1) Въ первую очередь сынъ—наслѣдникъ послѣ отца. 2) Если нѣтъ сына, то наслѣдуетъ дочь. 3) Если нѣтъ дочери, то отецъ. 4) Затѣмъ — мать. 5) Братъ. 6) Сестра. 7) Если нѣтъ и сестры, тогда только—дѣти сына. 8) Затѣмъ дѣти дочери. 9) Дѣти брата. 10) Дѣти сестры. 11) Отецъ отца. 12) Отецъ матери. 13) Мать матери. 14) Братъ отца. Равно близкими считаются между собою попарно отецъ матери и мать отца, братъ матери и сестра отца, сынъ дочери и дочь сына, сынъ сестры и дочь брата. Случаи наслѣдованія, когда женатый сынъ еще при жизни отца былъ выдѣленъ, могутъ остаться въ сторонѣ, какъ спеціальные. Такъ какъ внуки наслѣдуютъ здѣсь только въ 7 и 8 очередь, то изгои значитъ занимаютъ положеніе менѣе благопріятное, чѣмъ въ норвежскомъ правѣ, но болѣе благопріятное, чѣмъ въ правѣ исландскомъ. Женщины у Западныхъ Ётовъ менѣе обижены въ своихъ правахъ, чѣмъ у норвежцевъ. Незаконныя дѣти вовсе не упоминаются [1]). Законъ Восточныхъ Ётовъ дошелъ въ редакціи самого конца XIII-го в. По этому Oestgötalag'у послѣ отца сынъ наслѣдуетъ двѣ трети, дочь одну треть. Если нѣтъ ни сына, ни дочери, то наслѣдуетъ отецъ; если нѣтъ отца, то мать; если нѣтъ матери, то братъ; если нѣтъ брата, то сестра; если нѣтъ сестры, то наслѣдуетъ сынъ сына. Незаконный ребенокъ здѣсь не получаетъ наслѣдства, а изгой вступаетъ только въ шестую очередь [2]).

Въ заключеніе, не вернуться-ли къ тому, съ чего начато? Не подвести-ли итоговъ сравненію между порядками престолонаслѣдія у древнихъ норвежцевъ и у славянъ? Основнымъ признакомъ сходства между родовымъ наслѣдованіемъ у древнихъ скандинавовъ и порядками престолонаслѣдія въ Хорватіи X—XI вв., въ Чехіи послѣ Бжетислава I (ум. 1055 г.), въ Польшѣ съ Болеслава Кривоустаго (по Бальцеру, ум. 1138 г.), на Руси при Ярославѣ Мудромъ, tertium comparationis, наталкивающимъ на ихъ сопоставленіе между собой, является обычай, въ силу котораго братъ при извѣстныхъ условіяхъ считается естественнымъ преемникомъ держателя земли и власти преимущественно передъ его сыномъ, т.-е. дядя идетъ раньше племянника. Генри Мэнъ покрываетъ наслѣдованіе по родовому старшинству, въ частности преимущества брата передъ сыномъ, ирландскимъ терминомъ „танистіи“ (tanistry). Слѣдуя

---

[1]) Aeldre Västgötalagen, utg. af H. Vendell. Helsingfors, 1897. — Flateyarbók, II 70. – Montelius, Sveriges Hednatid samt Medeltid.

[2]) Oestgötalagen, utg. Freudenthal. Helsingfors 1895. Aaerfdha balkaer, I—IV. Въ законахъ Зап. и Вост. Ётовъ корень „одаля“ встрѣчается въ сложныхъ словахъ въ формѣ „азсаль“, наприм. adhalkona значитъ „собственная“, т. е. законная жена. Какъ отдѣльное слово o'dhul, o'dhael обозначаетъ здѣсь вообще землю, находящуюся въ полной собственности.

авторитету стараго знатока ирландской соціальной жизни, Spenser'a, онъ сообщаетъ, что послѣ смерти главы родовой группы, рода (kindred) или большой семьи (sept), въ преемники ему выбирается по большей части (for the most part) не старшій сынъ, да и вообще не сынъ покойнаго, а ближайшій ему по родовому происхожденію и старшинству, обыкновенно (commonly), если есть, то слѣдующій за нимъ братъ или затѣмъ двоюродный братъ и т. д. При этомъ слѣдующій по родовому старшинству за новымъ избранникомъ тутъ-же избирается ему въ наслѣдники; это и есть „танистъ" (tànaiste), т.-е. „второй". Однако, избраніе въ главы родовой группы и его таниста непремѣнно братьевъ умершаго старѣйшины—даже и для рода и септа, даже и по Спенсеру—не безусловно обязательно. При переходѣ отъ низшихъ родовыхъ группъ sept'a и clann'a къ племеннымъ союзамъ, охватывающимъ политическія территоріи и называющимъ своихъ старѣйшинъ царями, къ туахамъ и „пятинамъ" всей Ирландіи, значеніе избранія усиливается, а факторъ родового старшинства слабѣетъ. У туаха (tuath, т.-е. племя), у группы туаховъ (mor—tuath), у каждой изъ пяти провинцій Ирландіи есть свой „ри", т.-е. царь (ri, righ сопоставляется съ rex, regis и râjan); во главѣ всей Ирландіи стоитъ верховный, „высокій" царь (Ard-ri); сравнительно съ нимъ всѣ другіе цари — только oir-ri, т.-е. „подцарьки". По Джойсу (Joyce), члену комиссіи для изданія древнихъ законовъ Ирландіи, царь или правящій родовой старѣйшина избирался всегда изъ членовъ опредѣленной привиллегированной родовой группы (fine). Итакъ, его власть не просто наслѣдственная, а избирательная въ предѣлахъ одной фине, т.-е. какой либо большой семьи (sept) или рода (clann, т.-е. дѣти, потомство). Каждый полноправный, свободнорожденный членъ „фине" могъ быть избраннымъ, т.-е. наслѣдовать могъ сынъ, братъ, племянникъ, двоюродный братъ и т.-д. Избираемый долженъ быть сыномъ и внукомъ знатнаго, „флаха" (flaith), т.-е. собственника земли. Избирался тотъ, кто лучше могъ предводительствовать на войнѣ и править во время мира, т.-е. во всякомъ случаѣ совершеннолѣтній. При выборѣ родового царя каждый свободный членъ туаха или „пятины" изъ сословія „айре", т.-е. собственникъ земли или скота, имѣлъ голосъ. Дабы избѣжать распрей, преемникъ часто избирался при жизни правящаго царя; только этотъ обычай и можетъ называться „танистри". Одновременно могли даже и въ Ирландіи править два царя; иногда это братья, а иногда—нѣтъ (VI—VII вв. п. Р. Х.). Какъ племенной союзъ избиралъ царя черезъ своихъ представителей, такъ онъ могъ и низложить его, наприм. за неправедный судъ. Итакъ, ирландскій государственно-родовой строй почти тождественъ съ пережитками родовыхъ отношеній въ Черной Горѣ, Босніи и Герцоговинѣ, и примѣненіе термина „танистри" у Генриха Мэна слишкомъ узко.

Вообще преимущества дяди передъ племянникомъ, члена параллельной линіи сыновей надъ членами линіи внуковъ можетъ носить или безусловно обязательный характеръ, какъ въ княжескихъ родахъ Ярослава Мудраго, Бжетислава I, Болеслава Кривоустаго, или только факультативный, регулируемый избраніемъ, какъ у ировъ и южныхъ славянъ. Далѣе, это старшинство дяди надъ племянникомъ можетъ быть иногда въ связи съ идеей родового старѣйшины (major natu), который одинъ (или изрѣдка съ братомъ) правитъ взамѣнъ всего рода, какъ у хорватовъ X-XI вв., у чеховъ XI в., у поляковъ XII в. Но иногда это—результатъ совладѣнія группы равныхъ наслѣдниковъ, владѣющей лично за свой составъ, а не за весь родъ, къ которому они причисляются; вся группа разсматривается, какъ одно юридическое лицо; если одинъ изъ группы братьевъ-совладѣльцевъ умеръ, то его сынъ еще не пріобщается тотчасъ къ группѣ, такъ какъ юридическое лицо живо, пока не вымерли всѣ члены группы; тогда только вступаетъ во владѣніе новое юридическое лицо, группа ихъ сыновей - совладѣльцевъ, двоюродныхъ братьевъ между собой. Здѣсь старшинство дяди надъ племянникомъ осуществляется только въ двухъ случаяхъ и въ двухъ видахъ: если дядя уже былъ совладѣльцемъ отца племянника, т. е. временно до вымиранія всѣхъ дядей, или если отецъ племянника умеръ раньше его дѣда и никогда не былъ совладѣльцемъ дяди: это—вѣчное изгойство. Такой характеръ преимущество брата наслѣдодателя надъ его сыновьями носило по древнѣйшему одальному праву въ Норвегіи при замѣщеніи престола и въ междукняжескихъ отношеніяхъ на Руси послѣ Ярослава Мудраго. Итакъ, самый основной признакъ старшинства дяди надъ племянникомъ, которому въ угоду сближаются порядки престолонаслѣдія у хорватовъ, чеховъ, русскихъ, поляковъ, отнюдь не вездѣ тождественъ. Логически это—подведеніе индивидуумовъ подъ родовое понятіе по внѣшнему признаку сходства съ полнымъ невниманіемъ къ различіямъ во внутреннемъ строеніи организма и его функціяхъ; историкъ или юристъ не называетъ-ли тутъ подчасъ рыбой сразу—акулу, дельфина и кита? Такъ выдвинемъ же впередъ функціональныя различія между этими государственно-родовыми организмами!

Тутъ первый вопросъ—при всѣхъ ли этихъ системахъ престолонаслѣдія есть дифференціація по политическому старшинству? По свѣдѣніямъ Константина Багрянороднаго, Святополкъ Моравскій раздѣлилъ въ концѣ IX в. (съ 894 г.) свое государство между тремя своими сыновьями, подчинивъ однако двухъ младшихъ власти старшаго—Моймира II, какъ великаго князя (archonta megan). У хорватовъ, по Рачкому, отъ Томислава и до Свиниміра (914—1089) уже восемь властителей носили титулъ королей (rex), и Свиниміръ принялъ регаліи королевства Хорватіи и Далмаціи изъ рукъ легата папы Григорія VII. Очевидно, и

здѣсь налицо—политическое старѣйшинство; послѣ Крѣсиміра I оно переходитъ по очереди къ его сыновьямъ—Держиславу (второму сыну), затѣмъ Святославу (первому сыну), затѣмъ одновременно къ Крѣсиміру II съ Гойславомъ (третьему и четвертому сыну) и только послѣ ихъ смерти къ внуку Степану I, сыну Святослава. У чеховъ, Бжетиславъ I (ум. въ январѣ 1055 г.) старшему своему сыну Спытигнѣву передалъ всю Богемію съ титуломъ герцога, а слѣдовательно и государя Св. Римской имперіи, съ верховенствомъ надъ Моравіей, которая была раздѣлена на три части между слѣдующими тремя сыновьями. Этотъ прецедентъ надолго сталъ публично—правовой нормой при замѣщеніи престоловъ и испомѣщеніи членовъ рода Пшемысловичей. У поляковъ Болеславъ III Кривоустый (ум. 1138 г.) надѣлилъ своихъ младшихъ сыновей крупными удѣлами, но для своего старшаго сына Владислава II онъ создалъ власть великаго князя, связанную съ обладаніемъ Краковомъ. Напротивъ, на Руси между сыновьями Ярослава М. нѣтъ политическаго старшинства, попирается даже старѣйшинство родовое; поэтому нельзя, вслѣдъ за Рачкимъ, говорить о „задругѣ“, управляющей Русью. Въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ кіевскіе князья, начиная съ сыновей Ярослава М., не называются „великими“. Только подъ 1116 г. Владиміръ Мономахъ титулованъ опять „княземъ великимъ“. С. М. Соловьевъ въ 1847 г. признавалъ „великій“ только синонимомъ для „старшій“. Поэтому можно говорить о соправленіи сыновей Ярослава М. на Руси съ распредѣленіемъ по областямъ ихъ власти и доходовъ, неравнымъ экономически и передвигающимся по ступенямъ вверхъ; только способомъ этой территоріальной разверстки ихъ положеніе отличается отъ совладѣнія равныхъ сонаслѣдниковъ въ Норвегіи. Подобно сыновьямъ Эйрика и Гуннгильды, только въ своей совокупности, на съѣздахъ наслѣдники Ярослава могли бы называться великимъ княземъ въ смыслѣ „верховнаго“.

Конечно, „лѣствичное восхожденіе“, какъ обычай, сложилось самобытно только на русской почвѣ въ связи съ процессомъ завоеванія и объединенія Руси, съ географическимъ и экономическимъ первенствомъ Кіева даже надъ Новгородомъ. Уже въ договорѣ Олега съ Греками находимъ лѣствицу—Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и т. д. Привилегированныя группы наслѣдниковъ описывали рядъ концентрическихъ круговъ вокругъ этихъ столовъ. Внутри внѣшняго круга около Кіева образовался внутренній кругъ около Чернигова изъ Ольговичей. Вопросъ о правахъ Ольговичей на Кіевъ зависѣлъ только отъ взгляда на законность княженія Святослава Ярославича въ Кіевѣ прежде смерти старшаго его брата Изяслава. Но вѣдь въ Кіевѣ сиживалъ и Всеславъ въ силу вмѣшательства кіевлянъ. Наоборотъ, въ Норвегіи старый культурный центръ Нидаросъ въ Троньемскомъ краѣ нашелъ себѣ достойныхъ соперниковъ въ торговыхъ городахъ области Гулатинга

(Бьёргвинъ, или Бергенъ) и Викина (Сарпсборгъ, Тунсбергъ, Акерсгусъ, наконецъ Кристіанія съ 1624 г.). Однако, и норвежское публичное правс знаетъ восхожденіе младшихъ конунговъ изъ Южной и Восточной Норвегіи на высшую ступень путемъ распространенія ихъ власти на Троньемъ при отмираніи старшихъ братьевъ. Такъ, послѣ Гаральда Грознаго старшій сынъ его Магнусъ владѣетъ Сѣверной Норвегіей (Троньемомъ), а младшій Олафъ — Восточной (Викиномъ). Послѣ смерти брата Магнуса, Олафъ Тихій становится конунгомъ всей Норвегіи, т.-е. подымается и до Троньемскаго престола. Въ слѣдующее поколѣніе Магнусъ Олафссонъ опять таки сначала только конунгъ въ Викинѣ, а Гаконъ Магнуссонъ въ Троньемѣ; но Гаконъ скоро умираетъ, а Магнусъ Берфайттюръ подымается и до Нидароса. Послѣ Магнуса Голоногаго старшій сынъ Эйстейнъ—въ Троньемѣ, второй—Сигурдъ Іерусалимскій въ Восточной (или Южной) Норвегіи; и тутъ Сигурдъ переживаетъ брата и правитъ одинъ, охватывая властью и Сѣверную Норвегію. Послѣ Гаральда Гилли сынъ его Инги, признанный въ Викинѣ, тоже переживаетъ Сигурда Мюннюра, признаннаго въ Троньемѣ. Такъ Всеволодъ Ярославичъ, садясь въ Кіевѣ, удерживаетъ за собою Черниговъ и Переяславль, ибо изъ поколѣнія сыновей Ярослава, какъ юридическаго лица, оставался онъ одинъ; между тѣмъ Владиміръ Мономахъ уступаетъ не только Кіевъ Святополку II, но и Черниговъ—Олегу, такъ какъ пришло время для параллельной линіи внуковъ. Но въ Норвегіи первенство Троньема не безусловно, а потому достиженіе этого престола можно называть „восхожденіемъ“ только потому, что оно вызывается расширеніемъ долевого владѣнія конунга вообще.

Напротивъ, первые общерусскіе князья, какъ Олегъ и Игорь, величаются въ договорахъ съ Греками „великими“ именно въ смыслѣ верховенства (yfirkonungar и smákonungar эпохи Гаральда Прекрв.) въ противоположность зависимымъ отъ нихъ областнымъ князьямъ, тѣмъ князьямъ (по Лаврентьевскому списку тоже въ свою очередь „велиции князи“) въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ и т. д., которые сидѣли по городамъ, „подъ Ольгомъ суще“, иначе—въ отличіе „отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ“, „отъ всея княжья“. Въ этомъ смыслѣ еще Владиміръ Св. названъ подъ 1015 г. „князь великый“, такъ какъ наприм. Ярославъ давалъ ему отъ Новгорода по 2 тысячи гривенъ въ годъ. Ярославъ Мудрый подъ 1051 г. тоже еще названъ великимъ княземъ, потому что онъ „единовластецъ“ и въ зависимости отъ него княжатъ сыновья его—Владиміръ въ Новгородѣ, Изяславъ въ Туровѣ, Святославъ въ Володимірѣ, а братъ Судиславъ—во Псковѣ.

Противъ совпаденія правосознанія, лежавшаго въ правящемъ на Руси родѣ позади всѣхъ княжескихъ передвиженій по столамъ, со скандинавскимъ родовымъ наслѣдованіемъ, или—съ предположи-

тельно тождественнымъ съ нимъ одальнымъ правомъ, какъ оно примѣнялось въ Норвегіи при замѣщеніи престоловъ, говоритъ по видимости княженіе Св. Ольги, такъ какъ вѣдь въ Скандинавіи женщины устранялись отъ престолонаслѣдія. Но въ изображеніи лѣтописца Св. Ольга правила не какъ великая княгиня Кіевская, а только какъ опекунша за своего малолѣтняго сына Святослава, „кормячи сына своего до мужьства его и до възраста его“; такъ правила мать Аса за Гальфдана Чернаго въ Агдсахъ, Гуннгильда—при сыновьяхъ Эйрика, Сигризса—за Олафа Грудного въ Швеціи. При малолѣтнемъ Святославѣ—два варяга, „кормилецъ“ Асмудъ (fòstri) и „воевода“ Свинельдъ. Пріемъ избирать знатному ребенку „кормильца“ изъ зависимыхъ мужей—обыченъ въ вельможныхъ семьяхъ Норвегіи; между такимъ кормильцемъ и его выкормкомъ устанавливается нѣкоторая нравственная связь на всю жизнь; точно такъ-же дружбой на всю жизнь связывались и дѣти, воспитанныя сообща у такого кормильца, напримѣръ его собственный сынъ и выкормокъ; это „братство по выкормкѣ“ (fòstbraedhralag). „Полководецъ“ лѣтописца—это, вѣроятно, норвежскій знаменоносецъ (merkismadhr). Ольга, Асмудъ и Свинельдъ берутъ Святослава въ походъ противъ Древлянъ, и битву начинаетъ непремѣнно самъ князь-ребенокъ; по слабосильности онъ бросаетъ копье между ушей коня не далѣе, какъ къ его ногамъ. Тѣмъ не менѣе кормилецъ и полководецъ провозглашаютъ: „князь уже почалъ; потягнемъ, дружино, по князи!“ Тождественный обычай отмѣченъ въ скандинавскихъ сагахъ, что малолѣтній конунгъ „идетъ въ походъ“ и долженъ быть въ битвѣ. Когда послѣ смерти Гаральда Гилли въ Викинѣ на Боргартингѣ былъ провозглашенъ конунгомъ его годовалый сынъ Инги, то воспитатель (fóstri) малолѣтка—Амундъ взялъ его себѣ въ полу и такъ подъ знаменемъ пошелъ съ нимъ въ битву противъ Магнуса Ослѣпленнаго. Ольгинымъ городомъ былъ Вышгородъ, которому шла треть дани, а Кіевъ, получавшій двѣ трети дани, былъ для нея „городъ свой“ только тогда, когда она возвращалась туда вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ. Это опять-таки напоминаетъ одну норму древне-скандинавскаго права. По Гулатингу (ст. 53), гдѣ имущество мужа и жены стало общимъ, тамъ за женой числится изъ него одна треть, а двѣ трети за мужемъ. Тоже по Фростатингу (XI, 4), если жена утрачиваетъ мужа, то ей принадлежитъ одна треть въ хозяйствѣ (или „усадьбѣ“, „дворѣ“, í búi) и наличныхъ деньгахъ и сверхъ того вся ея одежда. По закону Восточныхъ Ётовъ женѣ крестьянина еще при его жизни намѣчается одна треть двора или хозяйства („bo.“ Ае. в. IX). По „Русской“ же „Правдѣ“ (Кар. 106) вдовѣ въ случаѣ раздѣла семейнаго имущества полагается доля по назначенію мужа.

По характеру Св. Ольгу напоминаетъ Сигризса (или Сигрида),

жена шведскаго конунга Эрика (или Эйрика) Побѣдоноснаго и мать Олафа Грудного. Гаральдъ Грендскій, конунгъ Вестфольда, навязчиво преслѣдовалъ Сигризсу своимъ сватовствомъ отъ живой жены Асты и съ большимъ отрядомъ пріѣхалъ внутрь Швеціи въ имѣнье, которымъ владѣла вдова и мать конунга. Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ туда же еще другой „конунгъ“, съ Востока, изъ Руси, по имени Всеволодъ, и тоже ради сватовства. Обоимъ конунгамъ и всему ихъ войску приготовили одну большую палату и угощали всѣхъ съ вечера до пьяну, такъ что и наружная, и внутренняя стража заснули. Тогда велѣла королева Сигризса ночью ударить на нихъ съ огнемъ и мечемъ; сгорѣла тутъ палата, и всѣ мужи внутри ея, а кто выскочилъ, тѣ были убиты. Сигризса сказала, что такъ отучитъ она „князей малыхъ“, т.-е. удѣльныхъ (leidha smákonungum) пріѣзжать изъ чужихъ странъ, чтобы звать ее замужъ. Послѣ этого стали ее называть Сигризсой Высокомѣрной (995 г.).

Противоположность между наслѣдственными нормами дружиннаго двора и славяно-русскаго простонародья и близость варяго-русскихъ дружинныхъ нормъ къ скандинавскимъ сказывается и въ вопросѣ о правахъ дочерей на наслѣдство. Въ классѣ смердовъ дочери не наслѣдуютъ, хотя бы не было вовсе сыновей, а получаютъ лишь выдѣлъ приданаго; въ классѣ бояръ и боярскихъ дружинниковъ за неимѣніемъ сыновей наслѣдуютъ и дочери: это „женщины колецъ“ (haugrygjar) норвежскаго одальнаго права (Кар. 103—104).

Наряду съ соправленіемъ равныхъ наслѣдниковъ безъ подчиненія младшихъ старшему и безъ окончательнаго территоріальнаго раздѣла, „изгойство“ выясняется, какъ признакъ другого важнаго функціональнаго отличія между сравниваемыми системами престолонаслѣдія. Задружный или родовой бытъ у славянъ съ единымъ старѣйшиной во главѣ не можетъ напасть на мысль обдѣлять изгоевъ, такъ какъ здѣсь всѣ мужчины—члены великой кучи съ дѣтства и до старости равны между собой экономически и по правамъ на общую собственность задруги. Обездоленіе изгоевъ можетъ возникнуть только тамъ, гдѣ, какъ у германцевъ, среди всего рода различаются концентрическіе круги болѣе близкихъ привиллегированныхъ и болѣе отдаленныхъ родичей; таковы группы „плательщиковъ колец‘ и „платящихъ съ каждаго носу“ (bauggildismenn и nefgildismenn) по Фростатингу; такова сложная дифференціація норвежскаго рода по Гулатингу, ради уплаты головщины въ случаѣ убійства, когда одни родичи платятъ или получаютъ главное „кольцо“, другіе—второе и третье, женщины—дары, иные родичи—денежныя пени по группамъ, пени перваго, второго, третьяго полученія, незаконнорожденные—додатокъ къ пенямъ и т. п. Такъ и лицо или привиллегированная группа лицъ, имѣющія право стать конунгомъ или царемъ, называются у норвежцевъ „конунгс-эвни“ (konungsefni; по исландски—„эбни“),

т.-е. вещество, тѣсто для конунга или царя. Это—законный наслѣдникъ, распоряжающійся послѣ смерти конунга и созывающій Эйратингъ для своего „принятія“ въ конунги. (Hàkonarbòk, 10). У ировъ такой матеріалъ для царя зовется rìgdomna.

На Руси послѣ Ярослава М. въ предѣлахъ междукняжескихъ отношеній дѣйствовали двѣ регулятивныя системы одновременно, скрещиваясь и пересѣкая другъ друга. Княжеская власть надъ всей Русью осуществлялась путемъ конкурирующаго соправленія равныхъ сонаслѣдниковъ съ дифференціаціей политическихъ функцій по областямъ; это норма скандинавскаго одальнаго права, но только въ Норвегіи территоріально распредѣляются лишь функціи фискальныя. И здѣсь, и тамъ параллельная родовая линія внуковъ слѣдовала сразу за линіей сыновей, при чемъ на Руси каждый членъ линіи получалъ столъ надъ всей той областью или частью той области, которой владѣлъ уже его отецъ. Вторая регулирующая система имѣла конечную точку приложенія въ кіевскомъ престолѣ и опредѣляла въ предѣлахъ той же параллельной линіи родичей очередное восхожденіе до кіевскаго стола по промежуточнымъ ступенямъ изъ второстепенныхъ столовъ. Въ Норвегіи порядокъ разверстки конунговъ-соправителей между отдѣльными законодательными тингами — Фростатингомъ, Боргартингомъ, Гулатингомъ, Эйзс-сивьятингомъ—не доразвился въ устойчивый обычай. Напротивъ, въ условіяхъ приднѣпровья области, объединяемыя варяго-русскими князьями, рано кристаллизовались въ лѣствицу вслѣдствіе устойчивыхъ различій въ ихъ политико-экономической расцѣнкѣ; параллельная линія родичей разсаживалась по ступенямъ на княжескихъ столахъ естественно въ нисходящемъ порядкѣ отъ старшаго члена линіи къ младшему, и, по свойственной такимъ линіямъ капиллярности, цѣпь родичей достигала кіевскаго стола въ обратномъ порядкѣ „лѣствичнаго восхожденія“.

Скандинавскій обычай, что конунгомъ можетъ стать только сынъ конунга, оставилъ свой слѣдъ на обѣихъ регулятивныхъ системахъ, отсюда возникло два типа обездоленныхъ князей, которые ради единства терминологіи удобно обозначить изгойствомъ въ тѣсномъ смыслѣ юридическихъ памятниковъ и въ болѣе расширенномъ смыслѣ условнаго термина по аналогіи. При сонаслѣдованіи цѣлыхъ линій этотъ привиллегированный кругъ лицъ и столовъ не входятъ только „изгои“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. внуки, у которыхъ отцы умерли раньше дѣда; въ духѣ скандинавскихъ нормъ наслѣдованія они вытѣсняются сыновьями наслѣдодателя, т.-е. своими дядьями. Но для восхожденія до кіевскаго престола изъ этихъ параллельныхъ линій родичей, уже очищенныхъ отъ изгоевъ въ собственномъ смыслѣ слова, выдѣляется избранная цѣпь лицъ, у которыхъ еще отцы сидѣли на кіевскомъ столѣ. Здѣсь

скандинавскій обычай, что конунгомъ можетъ стать только сынъ конунга, вторично примѣняется спеціально уже при замѣщеніи кіевскаго стола въ видѣ молчаливаго соглашенія, что кіевскимъ княземъ можетъ стать только сынъ кіевскаго князя. Тѣ члены параллельныхъ линій родичей, участвующихъ въ соправленіи всей Русью, которые не входятъ въ цѣпь князей, достигающихъ кіевскаго стола, тоже какъ бы выживаются или „выживаютъ“ изъ этого привиллегированнаго круга, т.-е. заизгоиваются. Поэтому, по аналогіи, изгоемъ въ широкомъ смыслѣ научнаго термина можетъ быть названъ и князь, у котораго отецъ умеръ послѣ дѣда, но раньше старшихъ дядей, сидѣвшихъ на преимущественномъ столѣ. Возникаетъ группа какъ бы изгоевъ спеціально для кіевскаго престола, т.-е. лицъ, обездоленныхъ только по главной области приднѣпровья. Скандинавская обычно-правовая норма, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга, развѣ лишь по внѣшней видимости совпадаетъ со славянорусской „отчиной“; вѣдь такая „отчина“ можетъ быть лишь одна для каждаго князя, и по каждой „отчинѣ“, при нормахъ „Русской Правды“, въ кругъ „вотчинниковъ“ могутъ войти только сыновья одного отца; напротивъ, по скандинавской нормѣ о „сыновьяхъ конунговъ“ каждый престолъ является отчиной для цѣлой группы князей, у которыхъ отцы занимали его или одновременно въ соправленіи, или случайно и разновременно, напримѣръ въ различныя поколѣнія, а то и при очередномъ восхожденіи, какъ на Руси. Это воздѣйствіе на междукняжескія отношенія на Руси двухъ перекрещивающихся регулятивныхъ системъ—равнаго соправленія по отношенію ко всей Руси и чередованія избранныхъ на кіевскомъ столѣ, и составляетъ отличіе порядка престолонаслѣдія въ приднѣпровьѣ какъ отъ норвежскаго порядка, гдѣ вторая система недоразвилась, такъ и отъ порядковъ у западныхъ и южныхъ славянъ, гдѣ, какъ правило, нѣтъ ни равнаго соправленія, ни лѣствичнаго восхожденія, ни изгойства.

Примѣненіе скандинавскаго правила, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга, вторично спеціально къ кіевскому престолу, есть опять таки лишь выводъ изъ общихъ нормъ родового наслѣдованія у скандинавовъ, гдѣ сыновья всегда оттѣсняютъ внуковъ, а изъ внуковъ въ наслѣдованіи будутъ имѣть долю только тѣ, у которыхъ отцы фактически участвовали въ совладѣніи въ предыдущемъ поколѣніи. Занятіе же кіевскаго стола въ очередномъ порядкѣ есть такое же совладѣніе Кіевской областью, какъ и одновременное соправленіе всею Русью съ разверсткой между отдѣльными областями, въ число которыхъ входитъ опять таки и кіевскій столъ, но совладѣніе факультативное. Изъ этого двойственнаго положенія Кіевской области, какъ равной доли въ общемъ соправленіи, и какъ преимущественнаго стола, вытекаетъ и продваиваніе правила, что княземъ престола можетъ стать лишь сынъ князя того же пре-

стола. Но только княземъ всей Руси бывала сразу цѣлая параллельная линія родичей, а княземъ Кіевскимъ каждый разъ одинъ только ея членъ. Господство началъ изгойства въ тѣсномъ и расширенномъ смыслѣ термина сосредоточило права на кіевскій столъ исключительно въ потомствѣ Мономаха. Уже въ первое поколѣніе послѣ Ярослава М. заизгоились по отношенію къ Кіеву всѣ потомки его сына Святослава, умершаго раньше Изяслава и пріявшаго „власть стола“ въ Кіевѣ, говоря словами лѣтописца, вложенными въ уста Ярославу М., „снасильемь“, а не „справдою“. Потомство Изяслава Ярославича стало „изгоями“ для Кіева со смертью 3 сыновей Святополка II, никогда не сидѣвшихъ на столѣ отца и дѣда; изъ нихъ Ярославъ умеръ раньше Владиміра Мономаха, а Брячиславъ и Изяславъ очевидно годами были моложе Мстислава I Владиміровича и обойдены въ пользу него. Такое добавочное начало сеніората въ предѣлахъ той же параллельной линіи ясно высказалъ въ 1146 г. Изяславъ: „Всеволода есми имѣлъ въправду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отець; а съ сими (Игорь и Святославъ Ольговичи) како ми Богъ дасть“. Напротивъ ни у чеховъ, ни у поляковъ изгойства въ широкомъ смыслѣ термина для старшаго (здѣсь политически) престола не существовало. Среди Пшемысловичей въ поколѣніи внуковъ Бжетислава I герцогами Богеміи стали Святополкъ, а временно и Оттонъ II, сыновья Оттона Знаимскаго, никогда не сидѣвшаго на старшемъ престолѣ. То же повторилось въ поколѣніи праправнуковъ Бжетислава I съ Конрадомъ III Оттономъ и Генрихомъ—Бжетиславомъ, сыновьями Генриха Владиславовича. Среди Пястовъ правнукъ Болеслава III Кривоустаго, Генрихъ Бородатый, сталъ въ 1228 г. великимъ княземъ въ Краковѣ, хотя отецъ его, Болеславъ Высокій, никогда не сидѣлъ на престолѣ его дѣда—Владислава II. Вытѣсненіе дядьями внуковъ, которыхъ отцы умерли прежде ихъ дѣда, держалось въ обычномъ правѣ у франковъ до Хильдеберта II (596 г.), а въ Германіи за Рейномъ—даже до Оттона I (942 г.) Идея изгойства въ широкомъ смыслѣ термина, т.-е. правило, что конунгомъ на извѣстномъ престолѣ можетъ быть только сынъ конунга того-же стола, жила лишь въ Скандинавіи и на Руси. Отъ славяно-русскаго начала „отчины“ это правило отличается тѣмъ, что при сонаслѣдованіи по каждому престолу могло быть нѣсколько отцевъ въ одномъ поколѣніи, а потому и нѣсколько „отчинъ“.

Въ концѣ концовъ, при сравненіи системъ престолонаслѣдія—норвежской, какъ типа для древнѣйшихъ скандинавовъ вообще, съ системами у хорватовъ, чеховъ, поляковъ, русскихъ, обнаруживается, что междукняжескія отношенія на Руси послѣ Ярослава М. функціонально отличны отъ системъ у южныхъ и западныхъ славянъ и органически сродны древнескандинавскому порядку родового наслѣдованія. Различая сходства вслѣдствіе заимствованія и подражанія отъ сходствъ вслѣдствіе

тождественнаго уровня соціальнаго роста, надо всегда рѣшать вопросъ не только по общему облику, но и по особымъ примѣтамъ. Такой чертой въ порядкѣ престолонаслѣдія на Руси служитъ изгойство. Какъ нѣчто чуждое русско-славянскому обычно-правовому сознанію, оно стало прочнымъ терминомъ въ соціальной жизни на Руси лишь за предѣлами наслѣдственныхъ отношеній. Однако, изгойство и соправленіе безъ подчиненія младшихъ старшимъ и безъ окончательнаго территоріальнаго раздѣла — это тѣ два родимыхъ пятнышка, по которымъ надежнѣе всего угадывается сродство сложнаго порядка престолонаслѣдія въ кіевскій періодъ съ древнескандинавскимъ родовымъ наслѣдованіемъ, какъ оно отчетливо запечатлѣлось въ обычаяхъ Норвегіи при замѣщеніи престола ея конунговъ. Но скандинавская порода „родословныхъ деревьевъ“, будучи пересажена въ условія Приднѣпровья, дала здѣсь разновидность, нигдѣ болѣе не повторяющуюся.

Евг. Щепкинъ.

X.

„Бабы богомерзкія“.

I. Женщина въ первохристіанствѣ.—II. Женщина въ начальной исторіи христіанства на Руси.—III. „Бабы богомерзкія“—„идоломолицы“. — IV. „Бабы богомерзкія“ — волшебницы.—V. Мѣры противъ „бабъ богомерзкихъ“. —VI. Объясненіе явленія.

I.

Въ исторіи первоначальнаго христіанства женщина играла видную и плодотворную роль,—много содѣйствовала его успѣхамъ. Проповѣдь Евангелія прежде всего услышали „труждающіеся и обремененные“: христіанство распространяется сначала среди низшихъ классовъ. Особенно воспріимчивую для себя почву нашло оно среди женщинъ. И это понятно. Женщина древняго міра, какъ существо приниженное, охотно принимала вѣру, которая объявляла, что во Христѣ нѣтъ различія между мужескимъ поломъ и женскимъ, которая обѣщала ей освобожденіе. Язычники называли христіанство, и конечно недаромъ, религіей рабовъ и женщинъ. Скоро однако дошло оно до высшихъ классовъ. И изъ среды аристократіи первыми обратились женщины; не мало именъ знатныхъ женщинъ сохранилось изъ первохристіанской исторіи. Вообще признается фактомъ, что въ процентномъ отношеніи въ первохристіанскихъ общинахъ было болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ.

Отсюда возникли интересныя явленія въ семейной жизни христіанъ первыхъ трехъ столѣтій. Среди новообращенныхъ не рѣдки были смѣшанные браки — обычно христіанки-жены при язычникахъ-мужьяхъ, и апостолъ Петръ совѣтовалъ такимъ христіанкамъ не оставлять мужей, а обращать ихъ чистымъ и богобоязненнымъ житіемъ своимъ (1 Петра III, 1—2). Но при этомъ церковь вовсе не поощряла дѣвушекъ выходить

замужъ за язычниковъ, даже повидимому запрещала вступать добровольно въ смѣшанный бракъ: признавались только браки, заключенные до вступленія въ церковь. Слѣдствіемъ этого въ христіанскихъ общинахъ явилось „обиліе дѣвушекъ“ (copia puellarum), особенно въ знатномъ классѣ при малочисленности христіанскихъ юношей. Положеніе этихъ знатныхъ дѣвушекъ было затруднительно, потому что римское законодательство, строго охраняя сословныя права, не признавало законными браки аристократокъ съ вольноотпущенниками и рабами, лишало родовыхъ правъ и самихъ патриціанокъ, вышедшихъ замужъ за свободнорожденныхъ низшаго класса, и ихъ дѣтей отъ этого брака. Церковь вынуждена была создавать свое особое брачное право. И вотъ уже Тертулліанъ совѣтовалъ богатымъ христіанскимъ женщинамъ вступать въ бракъ съ бѣдными юношами также изъ христіанъ. А епископъ римскій Каллистъ (218—223) объявилъ, что знатнымъ дѣвицамъ-христіанкамъ онъ позволяетъ заключать бракъ съ рабомъ или свободнымъ, обходясь безъ всякаго признанія законности со стороны государства. Эта острота брачнаго вопроса лучше всего показываетъ численное неравенство мущинъ и женщинъ, особенно знатныхъ, въ древнѣйшей церкви.

Женщины принимали дѣятельное участіе въ христіанской миссіи: при апостолахъ были онѣ „сотрудниками въ благовѣствованіи“ (Филип. IV, 2), нерѣдко имъ содѣйствовали при основаніи церквей. Апостолы вели открытую проповѣдь, сотрудницы ихъ тайную или частную: онѣ проникали въ женскую половину дома (куда мущинамъ входъ воспрещался), обращали ко Христу женщинъ, а чрезъ нихъ цѣлыя семейства. Проповѣдницы имѣли успѣхъ и среди мущинъ: Прискилла обратила въ христіанство образованнаго и глубокомысленнаго александрійца Аполлоса. Случалось иногда, что въ извѣстномъ городѣ первою принимала христіанство женщина, а потомъ благодаря ея усиліямъ возникала христіанская община; такъ было, напримѣръ, въ Филиппахъ (Лидія), въ Ахаинахъ (Дамарь). Естественно эти женщины получали въ юныхъ общинахъ особенное значеніе предстоятельницъ или патронессъ. Въ домахъ ихъ, пока не было общественныхъ, общины собирались на молитву. Предоставляя свой домъ для богослуженія городской общинѣ, госпожа его дѣлала угощеніе сторонниимъ, брала на себя попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ. На собраніяхъ христіанъ она являлась на первомъ мѣстѣ, имѣла преимущество чести, даже руководила общиной и учительствовала на собраніяхъ.

Древне-христіанская учительность носила особый, энтузіастическій характеръ, можетъ быть въ значительный степени привнесенный въ церковь женщинами: проповѣдь сопровождалась явленіями „Духа и силы“ и была особенно убѣдительна ими. И среди первохристіанскихъ женщинъ мы встрѣчаемъ вдохновенныхъ наставницъ вѣры, пророчицъ (напр. четы-

рехъ дочерей апостола Филиппа), которыя открыто выступали въ собраніяхъ христіанъ. Можетъ быть, вслѣдствіе злоупотребленій этихъ учащихъ женщинъ церковь еще въ апостольское время подняла борьбу противъ ихъ церковно-учительной функціи (1 Тим. II, 12), но въ сектахъ гностиковъ и монтанистовъ онѣ и не теряли этого значенія.

И въ церковной организаціи первыхъ столѣтій, въ клирѣ женщина имѣла свое мѣсто. Древняя церковь была между прочимъ союзомъ и обществомъ любви и гуманности. Епископъ являлся главнымъ руководителемъ церковной благотворительности; его помощниками были діаконы и „вдовы“, или же діакониссы. Кромѣ вдовъ, призрѣваемыхъ древнею церковью, были въ ней вдовы „поставленныя“, принадлежавшія къ клиру. Такая вдова посѣщала больныхъ женскаго пола, наставляла и учила женщинъ, надзирала за призрѣваемыми вдовами, воспитывала сиротъ, заботилась о бѣдныхъ. Главная обязанность діаконисъ богослужебная. Діакониссы были привратницами при дверяхъ храма въ женской половинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдали за порядкомъ; онѣ помогали при крещеніи и миропомазаніи женщинъ. На нихъ лежали и благотворительныя обязанности, которыя несли „вдовы“, особенно въ тѣхъ церквахъ, гдѣ института вдовъ не было или гдѣ онъ прекратилъ свое существованіе гораздо ранѣе діаконисъ.

Наконецъ многія женщины первыхъ трехъ столѣтій пострадали за Христа, обнаруживъ при этомъ величайшее мужество; имена ихъ сіяютъ въ сонмѣ мучениковъ христіанства. Исповѣдницы и мученицы пользовались въ церкви великимъ уваженіемъ и почитаніемъ, ничуть не меньшимъ, чѣмъ исповѣдники и мученики. А на враговъ христіанства эти страданія за вѣру со стороны слабаго пола производили гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ подвиги мучениковъ, еще убѣдительнѣе доказывали жизненность вѣры Распятаго.

Такова роль женщины въ исторіи первохристіанства. И кажется, немного преувеличиваетъ одинъ нѣмецкій историкъ, когда пишетъ: „христіанство не должно забывать, что быстрымъ успѣхомъ своимъ оно въ большей степени обязано именно женскому полу“ [1]).

II.

На Руси мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе.

Въ пору утвержденія христіанства и долго потомъ русскія женщины стояли на сторонѣ язычества, ревниво хранили его вѣковыя преданія, сопротивлялись, хотя и пассивно, новой вѣрѣ. Мы конечно не

---

[1]) О значеніи женщины въ исторіи первохристіанства см. A. Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2 Aufl. Leipz. 1906. B. II, Ss. 51—67. Рус. пер. съ 1-го изд. проф. А. А. Спасскаго,

забываемъ о святой княгинѣ Ольгѣ, этой „зарѣ предъ солнцемъ“ христіанства на Руси, первомъ христіанинѣ русской земли, извѣстномъ по имени. Но Ольга—блестящее исключеніе: „мудрѣйшая изъ людей“, она несомнѣнно стояла гораздо выше не только современницъ своихъ, но и современниковъ. Извѣстны намъ и другія княгини и княжны XI—XII вѣковъ, которыя прекрасно усвоили тогдашній нравственно-аскетическій идеалъ христіанства и осуществляли его своею жизнію. Но эти подвижницы княжескаго рода едва ли отражали религіозное настроеніе большинства современныхъ имъ женщинъ даже изъ высшихъ классовъ общества. По крайней мѣрѣ цѣлый рядъ данныхъ указываетъ на религіозную отсталость русской женщины глубокой древности.

Владиміръ Святой, послѣ крещенія земли, послалъ по разнымъ городамъ набирать дѣтей „у нарочитые чади“, т.-е. у знатныхъ людей, и раздавалъ ихъ на ученье книжное. „Матере же чадъ сихъ плакахуся по нимъ“, замѣчаетъ лѣтопись. Почему же? Лѣтописецъ такъ объясняетъ причину материнскаго горя: *„еще бо не бяху ся утвердили вѣрою,* но акы по мертвымъ плакахуся“ [1]). Знатныя женщины были язычницами по убѣжденіямъ и плакали онѣ не напрасно, потому что изъ христіанской школы ихъ дѣти должны были выйти сознательными христіанами. Но лѣтописецъ не говоритъ ни о какомъ сопротивленіи просвѣтительнымъ замысламъ крестителя Руси со стороны отцовъ этихъ знатныхъ дѣтей—бояръ и старцевъ градскихъ. И объяснять это можно двояко: или такимъ образомъ, что горюя мущины только не плакали съ причитаньями какъ женщины, а выражали свою скорбь менѣе демонстративно; или же съ равнымъ правомъ можно объяснять и такъ что бояре и старцы въ большей степени утверждены были въ христіанской вѣрѣ, чѣмъ ихъ жены, и не усматривали никакого бѣдствія для дѣтей своихъ въ книжномъ ученьи. Вѣдь какъ-никакъ они дали князю

Религіозно-нравственныя основы христіанства въ истор. ихъ выраженіи, Харьковъ, 1907, 323—339 стр. L. Zscharnack, Der Dienst der Frau in den ersten Jahrhunderten der christlichen Kirche. Götting. 1902. Goltz, Der Dienst der Frau in der christl. Kirche. 1905.

[1]) Лавр. лѣт.[3], 116. Подобное же чтеніе и въ другихъ спискахъ начальной лѣтописи (Ипат., изд, 1871 г., 81 стр.; Соф.—II. С. Р. Л. V, 119; Воскр.—VII, 311-312; Аврам.—XVI, 258). Ср. Шахматова, Разысканія о древнѣйшихъ рус. лѣтоп. сводахъ, Спб., 1908, 562. Въ Новгр. по Синод. (Комм.) Спб., изд. 1888, стр. 63: „и пославъ, нача отъимати“... Твер.—XV, 110... „но яко ко гробу отсылающе плакахуся“. Въ Лѣтоп. Переясл.—Суздал. интересное добавленіе: „и пославъ по всѣмъ градомъ своего царства и по странамъ“... (Изд. Оболенскаго, 31—32). Контекстъ за правильность этой прибавки,—за то, что дѣти набирались не въ одной столицѣ, но и въ другихъ городахъ: предъ этимъ разсказомъ лѣтопись передаетъ о томъ, какъ ставились „по градомъ“ церкви и попы, какъ приводились къ крещенію люди „по всѣмъ градомъ и селомъ“.

Владимиру свое согласіе на принятіе христіанства въ качествѣ государственной религіи.

Такое состояніе русской семьи, когда женщины держались языческой старины при мужьяхъ христіанахъ, не осталось неотмѣченнымъ въ нашихъ древнихъ источникахъ. Указаніе на это есть въ *„словѣ св. Діонисія о желѣющихъ“* (о плачущихъ по мертвымъ)—памятникѣ, нерѣдко встрѣчающемся въ рукописяхъ [1]). Здѣсь рисуется довольно яркая

---

[1]) „Слово св. Діонисія“ (Нач. Сѣдящу нѣкогда въ своемъ отишьи (затишьи) святому отцу и великому архіерею Христову Діонисію, и пріидоша къ нему мнози святіи отци) содержится въ Златой Чепи Тр. Лавры XIV в. № 11, лл. 26—28, въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV—XV вв., л. 35 слѣд., въ Измарагдѣ I редакціи, составляя 13-ю главу (см. Измарагдъ XIV в. ркп. Румянц. Музея № CLXXXVI, л. 21 слѣд. Опис. Востокова, 234 стр.), въ Измарагдѣ II редакціи, составляя 83 главу (см. ркп. Моск. Дух. Акад. № 46, л. 137. Текстъ поученія здѣсь значительно измѣненъ и сокращенъ). Содержаніе слова, впрочемъ слишкомъ кратко, изложено у Яковлева, Къ литер. исторіи др.-рус. сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“, Одесса, 1893, 54—55. Яковлевъ называетъ слово—„отрывокъ изъ житія св. Діонисія“, не объясняя, изъ какого именно житія и какого именно Діонисія. Горскій и Новоструевъ (Опис. ркп. Моск. Синод. Б-ки, II, 3—Измарагдъ № 230, стр. 66) замѣчаютъ: „Составитель слова не грекъ. Доказывая, что не должно скорбѣть о умершихъ, онъ указываетъ на слова ап. Павла о Титѣ 2 Кор. VII, 6 и 13, которыя только въ неправильномъ переводѣ могли быть употреблены за доказательство. Радовахомся и весели быхомъ о прославленіи Титовѣ яко покои духъ его (д. б. пришествіемъ parusia—Титовымъ)“. Это замѣчаніе повторено въ Опис. ркп. Соловецкой б-ки I, 576—577—Измарагдъ XV н. XVI в. II ред. № 359 (270). Но интересно отмѣтить, что въ древнеславянскомъ переводѣ 2 посл. Коринѳ. этой ошибки нѣтъ (см. проф. Гр. А. Воскресенскаго, Др.-слав. апостолъ, вып. 3, 4 и 5. Серг. Пос. 1908, стр. 72—73, 78—79). Очевидно неизвѣстный авторъ, недостаточно знавшій греческій языкъ, пользовался новымъ завѣтомъ прямо по-гречески. И нельзя не согласиться съ архим. Леонидомъ (Опис. ркп. Тр. Лавры I, 16 стр.), что авторъ разбираемаго поученія „лице загадочное“.—Въ описаніяхъ южно и западно-славянскихъ рукописей „слово Діонисія“ намъ не встрѣтилось.—По всему этому мы предположительно *считаемъ его русскимъ*.

Трудно сказать, какой Діонисій здѣсь разумѣется: Александрійскій или Псевдо-Ареопагитъ. Въ тѣхъ отрывкахъ сочиненій Діонисія Александрійскаго, которые сохранились (рус. пер. изд. Казан. Дух. Акад. 1900 г.), намъ не встрѣчалось разсужденій святого отца о загробной участи человѣка и о плачѣ по умершихъ (съ чего начинается „слово о желѣющихъ“). Не нашли мы чего-либо подобнаго и въ твореніяхъ Псевдо-Діонисія Ареопагита (В. Ч.-Минеи подъ 2 окт. и въ переводѣ Пб. Дух. Акад.). Но въ древней нашей письменности встрѣчались разсужденія съ именемъ Діонисія Великаго по указаннымъ вопросамъ. „О семъ бо великій Діонисій глаголетъ: аще кто въ животѣ имѣлъ скорбь о грѣсѣхъ, тому и по смерти многое пособіе творимыми молитвами. Аще ли невѣрный умретъ, иже въ животѣ былъ врагъ Божій, таковому нѣсть по смерти помощи“ („Въ суббо. пятидесятницу поуч. св. Іоанна Златоуста, еже не плакатися о умирающихъ“. Златоустъ старопеч., гл. 76, л. 246 об.).

картина обрядовыхъ плачей по умершихъ среди новокрещенныхъ христіанъ („принявшихъ святое крещеніе и вѣру правую“). По изображенію „слова“, въ желѣньи повинны были какъ мущины, такъ и женщины, но послѣднія особенно усердно предавались ему. Конечно, и причиной этого и нѣкоторымъ извиненіемъ являлась слабость женской натуры: рѣзко выраженная скорбь по умершихъ гораздо естественнѣе и простительнѣе для женщины, чѣмъ для мущины [1]). Но нужно имѣть въ виду то, что скорбь эта выражалась тогда въ чисто языческихъ формахъ и обрядахъ, совершенно недозволительныхъ для христіанъ. Продолжалась „желя“ много дней; при этомъ женщины покрывали головы какими-то особенными „скверными“ или „окаянными порты“, мущины отращивали себѣ волосы [2]). Въ обличительныхъ поученіяхъ древности „окаянныя желѣнія“ стоятъ въ числѣ обрядовъ язычества—идоломоленія, рожаничныхъ трапезъ, короваемоленія и проч. [3]). Точно также смотритъ на

---

[1]) Въ лѣтописяхъ нерѣдки указанія на плачи при погребеніи князей. Плакали иногда „всѣ отъ мала до велика“, особенно же родственники обоего пола. Оплакать умершаго родича или гробъ его считалось повидимому обязанностью для живыхъ и не вызывало никакого осужденія. Предосудительнымъ съ церковной точки зрѣнія признавалось—*плакать много*. „Или плакала по мертвомъ много?“—исповѣдной вопросъ женщинамъ. Проф. А. И. Алмазовъ, „Тайная исповѣдь въ правосл. восточной церкви“, Одесса 1894, т. III, 168.

[2]) Встрѣчается такое правило объ епитиміяхъ: „Грѣхъ есть дравшіися по мертвецѣ или надъ больнымъ рвавши волосы или бороду или порты своя тръзавши, опитемьи 12 дніи суха ясти въ 9 час. а поклона 60 за утра 60 за вечеръ“ (Солов. Кормч. 1493 г., нынѣ Казан. Акад. № 412 (858), л. 376 об.—377); въ болѣе краткомъ видѣ см. Алмазова, Тамъ же, стр. 281. Древній проповѣдникъ говоритъ слушателямъ: „Многъ въ васъ мятежь и плачь о умершихъ, и многажды васъ молихъ о семъ и еще глаголю съ похваленіемъ приимати чадъ вашихъ и сердоболь умертвіе... Не раздираемъ ризъ своихъ, но паче душу смѣримъ, не бьемся въ переси, да не уподобится елиномъ, и не теряемъ власъ главы нашея, не многи дни плачемъ, да не вѣровати начнемъ воскресенію и языкомъ не изречемъ хулы, да ни мертвымъ не сотворимъ накости, ни себѣ“. Е. Б. Барсовъ, Причитанья сѣв. края, I ч., стр. VII—VIII. Все это несомнѣнные пережитки языческихъ погребальныхъ обрядовъ нашихъ предковъ. Въ житіи кн. Константина Муромскаго разсказывается, какъ язычники удивлялись, видя, что при похоронахъ княжича Михаила „ни битвы, ни ножекроенія [вар. кожи кроянія] не творяшеся, ни лицедранія, *ни плача безмѣрнаго*“. А. Котляревскій, О погребал. обычаяхъ языч. славянъ, М. 1868, 126 ср. 41, 54 и 104. Плачъ по мертвомъ продолжался тридцать дней. Тамъ же, 149. Въ житіи Іуліаніи Лазаревской говорится: послѣ кончины сыновей „она же аще и оскорбися вмалѣ, но душевнѣ, а не тѣлеснѣ, и не кричаше бо безъ лѣпоты, ни власъ терзаше, якоже прочія жены творятъ“ (Поморскій сборникъ XVIII в. В. О. Ключевскаго, л. 163).

[3]) „Слово нѣкоего христолюбца и наказаніе отца духовнаго“, изд. проф. Н. К. Никольскаго. Матеріалы для исторіи др.-русской письменности. Сборникъ Отд. Рус. яз. и слов. И. А. Н., т. LXXXII, № 4, см. стр. 113.

желѣнія и авторъ разбираемаго „слова“ и совершавшихъ ихъ женщинъ признаетъ отступницами, невѣрными. Проповѣдникъ даетъ знать, что церковь не допускала „желѣющихъ“ до причащенія, грозитъ вѣчными муками тѣмъ, кто „въ томъ окаяньствѣ ходя, приступитъ къ святому комканію“ (пріобщенію), а затѣмъ очевидно изъ жизни приводитъ довольно обычный случай: „аще ли и мужь прииметъ святое комканіе, а жена его желѣетъ (совершаетъ обряды плача), и то есть проклято“. Этими словами проповѣдникъ изображаетъ религіозное состояніе русской новокрещенной семьи, когда при мужьяхъ, сравнительно исправныхъ христіанахъ, были полуязычницы жены. Считая это явленіе ненормальнымъ и нежелательнымъ, авторъ слова внимательно останавливается на немъ, при помощи Писанія старается доказать то положеніе, что невѣрная жена оскверняетъ мужа, и приспособляетъ къ своимъ цѣлямъ слово Божіе. Онъ ссылается на 1 Кор. VII, 14 („святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ“), но приводитъ одну первую половину изреченія апостола, а вторую, неблагопріятную его мысли, измѣняетъ въ своихъ обличительныхъ интересахъ: „пишеть бо ся—святится мужь невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, такоже и оканною женою въ оканьство внидетъ, якоже и Адамъ жены ради испаде изъ породы“ (изъ рая). Затѣмъ, указавъ, что мужъ и жена—плоть едина, проповѣдникъ дѣлаетъ заключеніе, прямо противорѣчащее словамъ ап. Павла: „аще бо жена чиста, то и мужь чистъ; аще ли жена нечиста, то и мужь“. Такое употребленіе текста наводитъ на мысль, что авторъ „слова о желѣющихъ“ наблюдалъ только полуязычницъ женъ при христіанахъ мужьяхъ и справедливо видѣлъ въ этомъ большой безпорядокъ церковной жизни; но современная ему дѣйствительность не представляла обратнаго явленія: двоевѣрныхъ или невѣрныхъ мужей при исправныхъ христіанкахъ женахъ, что̀ такъ обычно было въ исторіи первохристіанства. Русская семья конца X, XI и XII стол. въ религіозномъ отношеніи представляла такимъ образомъ картину иную, чѣмъ семья первохристіанская, прямо противоположную.

III.

Древне-русскія женщины выставили усердныхъ защитницъ язычества. Если въ нашемъ народѣ послѣ его крещенія долго жила старая религія, то несомнѣнно этому сильно содѣйствала женщина—„*бабы-идоломолицы*“ или „*бабы богомерзкія*“, которыя втайнѣ поддерживали языческіе культы. Въ одной древней статьѣ описываются жертвы двоевѣрныхъ христіанъ, между прочимъ трапезы виламъ и Мокоши. Молились тайно, „призываюче идоломольцѣ бабы; то же творятъ не

токмо худіи людіе, но и богатыхъ мужій жены“ [1]). Здѣсь двѣ для насъ интересныхъ черты: указаніе на идоломолицъ-бабъ, чистыхъ язычницъ, и на сочувствіе имъ со стороны женщинъ богатыхъ или знатныхъ (въ противоположность „худіи людіе“); онѣ призывали къ себѣ идоломолицъ, чтобы совершать съ ними языческія требы.

Исповѣдные вопросы, помѣщавшіеся въ нашихъ древнихъ требникахъ и въ значительной степени отразившіе вѣрованія, бытъ и нравы древней Руси, отмѣчаютъ то же самое явленіе: „Не носилъ ли жертвы — спрашиваетъ духовникъ мірянина—бѣсомъ и въ реку своимъ злонравіемъ или наученіемъ богомеръскихъ бабъ или волхвовъ?“ Впрочемъ подобные вопросы гораздо чаще предлагались женщинамъ, болѣе склоннымъ къ язычеству. „Молилася бѣсомъ, или чашу ихъ пила? Молилася еси з бабами богомъ кумирскимъ—бѣсомъ?“ „Или бѣсомъ молилась еси с бабами еж есть роженіцы, и виломъ, и прочимъ таковымъ?“ „Аще блудиши съ бабами богомерьзъкыя блудкы, молишися виломъ, годъ поста“ (т. е. годъ епитиміи) [2]). Еще полнѣе языческія богомоленія изложены въ слѣдующемъ вопросѣ: „ли сплутила еси съ бабоми богомерьскыя блуды, ли молилася еси виламъ, ли роду, ли рожаницамъ и Перуну и Хорсу и Мокоши, пила и ела; з лѣта постъ съ поклон(ы)“ [3]).

---

[1]) Статья содержится въ пергаминной ркп. XIV в. Моск. Синод. Б-ки № 954 л. 33 об. Напечатана въ Лѣтоп. Рус. Литер. IV, 86. Приводимъ ее вполнѣ „Въпрос: что ес требокладенье идольское, еже реч св. Василии „не принимаи приношенья отъ требокладеля идольска“?—Не погапымъ глаголеть, но крестьяномъ. Мнози бо отъ хрестьянъ трапезы ставятъ идоломъ и наполняютъ черпала бѣсомъ. Кто суть идоли? Се первый идолъ рожаницѣ, с нихже великій пророкъ Исаія глаголеть, велегласно вопіетъ река: „о, горе ставяще трапезу рожаницамъ и исполняюще черпала демономъ, се вси вы, яко хворостъ въ огни, изгорите“; и Павелъ рече: „не можете ясти трапезы сотонины и трапезы Христовой“, и пакы: „не можете пити цяшѣ сотонины и чашѣ Господни. Та же, рече, да не разгнѣваемъ Господа“. А се второе виламъ и Мокошѣ и да ище ся не явѣ молять, да отаи призываюче идоломольцѣ бабы, то же творят не токмо худіи людіе, нъ и богатыхъ мужии жены. Се же есть вельми злѣе, иже есть прикладати трепарь св. Богородица къ идольской трапезѣ“. Статья помѣщается въ твореніяхъ Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, переведенными, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, на Руси О древнихъ рус. переводахъ въ до-монг. періодъ, М. 1897, стр. 8. За русское происхожденіе статьи говоритъ указаніе на русское языческое божество Мокошь. О почитаніи Мокоши именно женщинами свидѣтельствуетъ исповѣдной вопросъ: „не ходила ли еси къ Мокошѣ“? Е. В. Барсовъ, „Слово о Полку Игоревѣ“ I, 360. Тутъ же см. и любопытное объясненіе культа Мокоши.

[2]) Алмазова, Тайная исповѣдь, I, 405—406; III, 161.

[3]) М. И. Горчакова, Отчетъ о XVI присужд. Увар. наградъ, Спб. 1874, стр. Вопросъ взятъ изъ ркп. XVI в. II. Публ. б-ки, № 100. Болѣе лаконично вопросъ предлагался такъ: „или з бабами блудила еси богомерзко?“ „Блудивше

Изъ приведенныхъ текстовъ ясно, что „бабы-идоломолицы“ поддерживали язычество во всемъ его объемѣ: культы родовыхъ боговъ и стихійныхъ, какъ младшихъ божествъ, такъ и старшихъ. А легкія епитеміи (отъ 1 года до 3 лѣтъ) молившимся вмѣстѣ съ „бабами“ языческимъ богамъ показываютъ, насколько обычно было это явленіе и какъ снисходительно должна была относиться къ нему наша древняя церковь [1]).

IV.

Среди древне-русскихъ женщинъ было не мало волшебницъ.

Волшебствомъ у насъ занимались преимущественно женщины. „Паче же женами бѣсовьская волъшвенія бываютъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ XI стол., но даетъ этому факту лишь богословски-теоретическое объясненіе, — а именно, представляя волхвующихъ прельщенными отъ бѣсовъ, онъ разсуждаетъ: бѣсъ ранѣе прельстилъ жену, а жена уже мужа; „тако (поэтому) въ вси роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскими козньми“ [2]). То же было и въ послѣдующее время. Одно древнее правило предписывало духовнику: „а еже о женахъ, болѣе есть паче искати сихъ пытаніемъ (на исповѣди), нежели мужа; доспѣетъ бо ся въ велика беззаконія еже дѣяти чаровы и волхованія и душегубства... тѣмъ же вопрошати ихъ много паче достоитъ“ [3]). И духовникъ дѣйствительно „пыталъ“ дочерей своихъ

съ бабами богомерзъкыя блутки, от года до год(а)“. Алмазовъ, Тайн. исп., Ш, 179 и 275.

[1]) Ниже (въ гл. IV) будетъ приведенъ текстъ: „ими ворожила еси з бабами богомерзская. или молилася еси идол, епитемки 8 недѣли, поклоновъ 150 на день“ (Алмазовъ, Ш, 162). Епитемія здѣсь еще кореча. Для сравненія отмѣтимъ, что по Вопрошанію Иліи (§ 16 ср. § 18 Р. И. Б. VI, стб. 60) двоевѣрцамъ полагается только 6-недѣльная епитимія. Между тѣмъ древняя церковь наказывала за добровольное идолослуженіе публичнымъ покаяніемъ въ 6-лѣтній срокъ (Анкир. соб-прав. 4, ср. 6 и 9).

[2]) Лавр. лѣт. [3], 175. Уставъ Ярослава подробнѣе перечисляетъ виды волшебства женщинъ: „аще жена зелеиница, чародѣица, наузница, влъхва, а мужь доличитьс ее казнит, а святителю 6 гривенъ“. *Лѣтоп. Переяславля-Суздал.*, изд. Оболенскаго, 43. Въ другихъ спискахъ устава статья изложена нѣсколько по иному,—предполагаетъ и мужей чародѣевъ: „аще жена будетъ чародѣйница или наузница и(или) вълъхва или зелейница, или мужъ: доличивъ казнить ю а не лишитися (не лишится), митрополиту 6 гривенъ“. Голубинскій, Исторія [2] I, 1, стр. 636 (—списокъ Соловецкій 1493 г.); А. Бычковъ, Опис. сборн. И. Публ. Б-ки, 60 (—списокъ Погод. древлехран.). — Аналогичное свидѣтельство имѣется относительно древней Болгаріи. Древній обличитель суевѣрій говоритъ: „по много земли ходихъ, только несамъ видѣль помного бродници и самовили и магесницы, колку у болгарска земля“, т. е. нигдѣ столько вѣдьмъ и ворожей не видалъ, какъ въ Болгарской землѣ. Буслаевъ, Очерки, I, 118.

[3]) Изъ ркп. Новг. Соф. б-ки. № 1466. Жмакинъ, Митроп. Даніилъ, прилож., 79.

духовныхъ, предлагая имъ такого рода вопросы, въ которыхъ довольно всесторонне описывались разныя волшебныя хитрости женщинъ [1]). Въ старой Москвѣ жило много волшебницъ, особенно въ Замоскворѣчьи. Въ Европѣ какъ и у насъ въ волшебствѣ, въ сношеніяхъ съ діаволомъ гораздо чаще подозрѣвались и обвинялись женщины [2]). Отмѣчено, что и въ народныхъ преданіяхъ вѣдьмы пользуются „болѣе видною и болѣе значительною ролью, чѣмъ колдуны и знахари“ [3]). Этотъ несомнѣнный фактъ преимущественной склонности женщины къ чародѣйству Яковъ Гриммъ объяснялъ рядомъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій. „Женщины, а не мужчины занимались собираніемъ медицинскихъ травъ и варкой ихъ, какъ вообще онѣ варили пищу. Ихъ тонкія, мягкія руки лучше годились на то, чтобы готовить мази, ткать бинты, перевязывать раны.

---

[1]) „Есть ли за тобою которые промыслы злые, скажи—не срамися и прощайся, или вѣщество, рекше вѣданіе нѣкоторое, ил чары, ил наузы?“ „Или сама умѣеши какое волхвованіе и чарованіе?“ „Или умѣеши волшебныя притворы?“ „Или потворила кого на лихо?“ „Чары на кого или на подругу вязывала будешь?“ „Или человѣка зеліемъ отравила ли еси?“ „Или испортила ли еси кого зеліемъ?“ Алмазовъ, Тайная исповѣдь, III, 166, 164, 165, 168, 291. Вопросы женамъ. Такіе же вопросы предлагались инокинямъ, даже схимницамъ: „не знаеши ли какого ведовства?“ „Не отравила ли еси человѣка какимъ зелиемъ?“ Тамъ же, стр. 179, 180. „Ци даяла еси си зель мужу своему или иному?“ Чиновн. Новг. XIV в. Срезневскій, Матеріалы для словаря I, 970. [Ср. уставъ Ярослава: „а Г (вина развода) подумаетъ жена на мужа своего зѣліемъ уморит или инымъ чимъ, разлучити ихъ“. Лѣтоп. Переясл.-Суздал., 43. Ср. Голубинскій, Исторія [2] I, 1 стр. 638; Макарій, Исторія II [3], 362. Статья эта имѣетъ основаніе въ византійскомъ законодательствѣ (Кормчей гл. 49, гр. 11, 6; ср. Матѳея Властаря Синтагма въ перев. свящ. Ильинскаго, 284)]. Не совсѣмъ понятный вопросъ: „и въ зеліяхъ мужей у вѣдуновъ зелей искала еси?“ „Или кого зелем потворила еси къ себе на блудъ?“ „Или зелія злыя знаеши или на зло учила?“ „Или кудесъ била или ворожила?“ „Или зло каково христіяномъ сотворила, ли животину какову портила еси?“ „Испортила ли еси ниву нѣчью, или ино что: человѣка, скотину, или ино что, уморила ли еси?“ Алмазовъ, Тайная испов. III, 166, 164, 67, 169, 167. Подобные вопросы предлагались на исповѣди въ древней Руси и мужамъ и отрокамъ и даже лицамъ духовнымъ, но гораздо рѣже. Тамъ же, 50, 152, 161, 184 и 291.

[2]) Н. Сперанскій, Вѣдовство и вѣдьмы, М. 1906 г., 15 стр. Для сравненія: Аѳанасій Никитинъ въ своемъ „Хожденіи за три моря“ сдѣлалъ такое наблюденіе относительно женщинъ въ чужихъ краяхъ: „а женки всѣ б.... да вѣдь, да тать, да ложь, да зельи, государя морять“. П. С. Р. Л. VI, 334.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, 469. Проф. Сумцовъ свидѣтельствуетъ: „Въ Малороссіи знахарь уступаетъ пальму первенства знахаркамъ; и бабъ—ворожей гораздо болѣе, чѣмъ знахарей, и къ первымъ чаще обращаются“. Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890, § 108, стр. 240. П. Ефименко (Судъ надъ вѣдьмами, Кіев. Стар. 1883, VII, 378) свидѣтельствуетъ: „самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины; мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами...“

Имъ средніе вѣка приписывали особый даръ чертить и читать буквы. Безпокойная жизнь мужчины была занята войной, охотой, земледѣліемъ и ремесломъ: у женщинъ больше было досуга и нужнаго опыта, чтобы вникать въ пріемы волшебства. У женщинъ сильнѣе и впечатлительнѣе воображеніе: издревле въ нихъ чтился внутренній священный даръ провидѣть будущее. Женщины являлись жрицами и прорицательницами, и сѣверныя преданія сохранили до нашихъ дней иныя славныя имена. Точно такъ же сомнамбулизмъ и въ наше время встрѣчается по большей части среди женщинъ. Можно понять и то, почему волшебное искусство являлось преимущественно удѣломъ старыхъ женщинъ: умерши для любви и для труда, онѣ могли всецѣло погружаться въ тайны чародѣйства“ [1]).

Профессоръ Пѣтуховъ сдѣлалъ наблюденіе, что русскимъ волхвамъ древнѣйшаго времени, „предоставлялась дѣятельность болѣе теоретическая: они проповѣдывали какое-то свое ученіе, разсуждали о своихъ богахъ сравнительно съ богами христіанскими“, тогда какъ „на долю женщинъ-чародѣекъ отводилась дѣятельность въ кругу практическихъ жизненныхъ несчастій, начиная съ зелій и наговорныхъ напитковъ любовнаго свойства и кончая порчей погоды“. А такъ какъ народу ближе сфера практическаго чародѣйства, то весьма понятно, что женщина оказалась въ народномъ представленіи болѣе способной и близкой къ этой заповѣдной и отверженной съ христіанской точки зрѣнія дѣятельности [3]). Однако это наблюденіе можно признать вѣрнымъ лишь относительно волшебства XI в., когда язычество боролось съ торжествующимъ христіанствомъ и выслало своихъ апологетовъ и истолкователей—волхвовъ. Вѣрно то, что волшебницы XI стол. не выступали въ роли открытыхъ защитницъ язычества (по крайней мѣрѣ не имѣется такихъ данныхъ), но, нѣтъ сомнѣнія, онѣ защищали язычество тайно—подъ видомъ бабъ-идоломолицъ или бабъ богомерзкихъ (основанія для такого сближенія будутъ указаны ниже). Съ другой стороны есть прямыя указанія на практическое волшебство волхвовъ уже въ то время. Всматриваясь въ профессію волхвовъ и волшебницъ за послѣдующіе вѣка нашей древней исторіи, мы не видимъ между ними различія, напротивъ наблюдаемъ совпаденіе почти полное. Термины, которыми обычно обозначается въ древнихъ русскихъ памятникахъ профессія волхва, имѣютъ, за немногими исключеніями, и производную женскую форму: волхвъ — *волховь* или *волхва*, вѣдунъ — *вѣдьма*, вѣщій — *вѣщица* или *вѣщая жонка*, зелейникъ—*зелейница*, кудесникъ—*баба кудесница*, наузникъ — *баба наузница*, чародѣй—*чародѣйца* или *ча-*

[1]) См. Н. Сперанскій, Вѣдьмы и вѣдовство, стр. 153.

[2]) Проф. Е. Пѣтуховъ, Серапіонъ еп. Владимирскій, стр. 92.

ровница [1]). Нѣтъ никакой возможности провести черту между сферой женскаго и мужскаго волшебства. Совершенно естественно, напримѣръ, что лѣченіемъ дѣтей завѣдывали преимущественно волшебницы, что и увидимъ ниже, однако имѣются указанія на участіе и волхвовъ въ этомъ дѣлѣ [2]). Во время поединка на полѣ, по свидѣтельству Стоглава, присутствовали волхвы и чародѣйники, а между тѣмъ Максимъ Грекъ передаетъ, что и ворожеи являлись „пособити своему полевщику“ [3]). Сферы волшебства мужского и женскаго такимъ образомъ почти совпадали.

Замѣчаніе лѣтописца XI стол., что волшебствомъ занимались преимущественно женщины, для насъ важно. Въ то время волшебство было чистымъ, еще не забытымъ язычествомъ, и въ русскихъ волшебницахъ XI в. мы должны видѣть тѣхъ же „бабъ-идоломолицъ“ или „бабъ богомерзкихъ“. Дѣйствительно, въ нашихъ древнихъ памятникахъ ворожба становится рядомъ съ идоломоленіемъ, также называется богомерзкимъ дѣломъ, а ворожеи „бабами богомерзкими“ или „мерзкими“. „Или ворожила еси з бабами богомерзкая, или молилася еси идол., опитемии 8 недѣли, а поклоновъ 150 на день“ [4]). „Горе ходившимъ къ мерьскимъ (въ ркп. мирьскимъ) бабамъ и ворожившимъ“ [5]).

---

[1]) Не имѣется, кажется, женской формы отъ *обавникъ*. Въ посланіи игум. Памфила о купальскихъ обрядахъ говорится: „исходятъ *обавницы мужіе* и *жены чаровницы*“. Проф. Малининъ, Старецъ Елеаз. мон. Филоѳей. Кіевъ 1901, прилож. стр. 2—3. (Ср. Д. А. И. I, № 22; П. С. Р. Л. IV, 279; Чт. О. И. и Др. 1846, № 4). Впрочемъ Срезневскій (Матеріалы для слов., II, 497) читаетъ текстъ такъ: „исходятъ обавници, мужи и жены чаровницы“... Тогда терминъ „обавници“ относится и къ тѣмъ и къ другимъ.—Не встрѣчается женской формы отъ *кобьникъ*. Но въ польскомъ языкѣ есть cobieta (первоначально — гадательница, послѣ—женщина дурного поведенія). См. П. Лавровскаго, Опис. семи рукопис. И. Публ. Б-ки, по отд. отт., стр. 85—90.—Значеніе приведенныхъ въ текстѣ терминовъ, обозначающихъ волшебницу, см. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря, а также у Неволина, Полное собраніе сочиненій, VI, 278—279 стр.

[2]) Волхвы совѣтуютъ матери новорожденнаго кн. Всеслава навязать наузъ на голову ребенка, на которой была язва, что̀ и было исполнено. *Лавр. л.* [3] 151 (Рекоша бо волсви... *вар.* однако *волхвы*, которое можно производить отъ женскаго рода „волхва“). Въ чудесахъ преп. Зосимы Соловецкаго есть указаніе на лѣченіе дѣтей волшебниками (по ркп. Волок. б-ки № 659, 304 л.); то же въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума (Матеріалы для ист. раскола, изд. Субботинымъ, V, 45).

[3]) Стоглавъ, изд. Субботина 181—182. Ср. Дополн. къ Судебн. А. И. I, № 154, стр. 252; Сочиненія Максима Грека, II. 202.—Однако на свадьбѣ въ Великороссіи присутствовалъ колдунъ, а не колдунья.

[4]) Алмазовъ, Тайная исповѣдь, III, 162.

[5]) Златоструй XIV стол. см. Срезневскаго, Матеріалы для слов. I, 37. Ср. „Носящія обаянія на шеяхъ своихъ, идолослуженію часть имуще... да отлучаются отъ церкви (Дубен. Сборн. XVI в. Срезневскій, Матеріалы для сло-

Исповѣдной вопросъ рабамъ: „Или въ своей мысли не хотѣлъ ли еси съ нею (госпожею) быти чародѣйствомъ или мерскихъ бабъ совѣтомъ? [1]) Въ одномъ сборникѣ, довольно позднемъ (XVIII стол)., перечисляются разныя гаданья бабъ богомерзкихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправлявшіеся ими языческіе обряды, связанные съ гаданьями. „Волсви и еретицы и богомерскии бабы-кудесници и иная множайшая волшебствуютъ и березки подвязываютъ и вѣтвіе сплетаютъ, живъ будетъ человѣкъ того лѣта, и богатки и смолянки и вербу въ стѣну вторгнетъ, да не умретъ того лѣта, и съ робятъ первыя волосы стригутъ, а бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ“ [2]). Каши—жертвы рожаницамъ. Эта обрядность вмѣстѣ съ гаданьями о грядущей судьбѣ ребенка называлась „рождьственное волшвеніе“ [3]).

Услугами волшебницъ въ древнѣйшее время охотнѣе пользовались женщины. Это новый разъ указываетъ на религіозную отсталость женщины въ древней Руси. Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе и въ объясненіе и то, что въ древности съ областью вѣдовства тѣсно соприкасалась область народной медицины: ворожеи были въ то же время повитухами и лѣкарками, и частое обращеніе къ нимъ лицъ слабаго пола вполнѣ понятно [4]). Въ Вопрошаніи Иліи есть статья, которая передаетъ, что женщины обычно носили больныхъ дѣтей своихъ къ волшебницамъ, а не къ священнику на молитву [5]). Древнее поученіе съ именемъ св.

варя II, 343—344). „Немощь волшьбою лѣчатъ, и наузы, чарами, бѣсомъ требища приносять...“ Слово св. отецъ, како жити христіанамъ. Архангельскій, Творенія отц. церкви, IV, 29.

[1]) Алмазовъ, Тайн. исп. III, 172.

[2]) Востоковъ, Опис. ркп. Рум. муз., 551—552.

[3]) Архивъ историко-юрид. свѣдѣн. Калачева, II, 1, стр. 104.

[4]) Въ областномъ словарѣ „повитуха—помощница при родахъ называется *бабка*, глаголъ же „бабкать“ обозначаетъ—нашептывать, ворожить“. Буслаевъ, Очерки, I, 117; Аѳанасьевъ, Поэт. возэр. слав. на прир., III, 433—434. Древнерусская женщина каялась: „И ходихъ къ ворожеямъ и къ себѣ приводихъ и приношенія отъ нихъ пріимахъ,—яденія и питія и наузы на себѣ носихъ“. Алмазовъ, Тайная испов., III, 204. Ср. исповѣдной вопросъ: „или позвала къ себѣ вроженицъ?“ Тамъ же, стр. 165.

[5]) „А еже дѣтии дѣля жены творять что любо, а еже возболять, или къ вълхвамъ [дательн. множ. отъ *вълхва*, см. Срезневскій, Матер. для слов. сл. „вълхва“ I, 318] несутъ, а не къ попови на молитву? — То 6 недѣль или 3, оже будуть молоди“. Рус. Ист. Б. VI[2] 60 стб. § 18. Въ Изборн. Святосл. 1073 г. (л. 130) читаемъ: „Егда бо ти дѣтищь болить, то ты чародѣиць ишпеши и облишьная (лживыя) писанія на выя дѣтьмъ налагаеши“. Самъ архіеп. Илія въ своемъ поученіи собору епархіальнаго духовенства 1166 г. говоритъ: „пакы же възбранивайте женамъ, оть не ходять къ волхвомъ: въ томъ бо много зла бываеть; въ томъ бо и душегубьства бывають разнолична, и иного зла много, егоже не дай Богъ ни единому крестьянину того створити“ (Р. И. Б. VI[2], втор. сч. 364 стб., § 17). Если рукопись, сравнительно поздняя—XV в., точно передаетъ перво-

Кирилла очень наглядно изображаетъ лѣченіе больного ребенка бабой-наузницей. Напомнивъ строгое запрещеніе волшебства по закону Моисея, проповѣдникъ продолжаетъ: „А мы, суще истинныя христіяне, прельщены есмы скверными бабами; то мнози глаголють діаволомъ научени, то сіи бабы чи не Бога призывають, а оны прокляты и скверны и злокозньны наузы много вѣрныя прельщають. Начнеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше, бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываеть — творится дѣти врачующе, а отца и матерь въ пропасть адову ведуще и душа ихъ въ муку вѣчную шлюще. О, горе тѣмъ, иже тако творять“... Кромѣ наузовъ древнерусскія волшебницы лѣчили больныхъ дѣтей наговоренными зельями, мазями и проч. [1]). Изъ дальнѣйшихъ словъ того же поученія Кирилла видно, что къ чародѣйкамъ въ случаѣ болѣзней обращались и взрослые обоего пола [2]). То, что отмѣчено въ поученіи глубокой древности,

---

начальный текстъ (волхвомъ, а не волхвамъ), то поученіе Иліи даетъ новую черту предъ его Вопрошаніемъ — о сношеніяхъ женщинъ того времени съ волхвами — мущинами. Въ посланіи свящ. Сильвестра къ Анфиму говорится: а жена твоя „и волхвовъ и кудесниковъ и всякаго чарованія не знала бы, не пущали ни мужиковъ ни жонокъ“. Домострой, изд. А. С. Орлова, 64—65. Ср. извѣстіе лѣтописи о князѣ Всеславѣ, матери котораго волхвы посовѣтовали навязать наузъ на голову княжича. Къ волхвамъ слѣдовательно обращалась княгиня.

[1]) Встрѣчаемъ слѣдующія правила. „Напаяюща дѣти своя отъ тѣхъ реченыхъ (зелій), аще не просвѣщена суть, нѣсть грѣха; аще ли просвѣщена суть, (епитеміи) лѣто едино, поклонъ 40“. Кормч. 1493 г. Солов. Б-ки (нынѣ Каз. Дух. Акад.) № 412 (858), л. 452 и обор. *„Святаго Григорья.* „Не требѣ еже навязати на выю дѣтищу бѣсовскихъ врачевани. лжоимянныхъ хранилища. не приимати еж от бабо помазанья. и вдымания (вдыханія) и никоег шептанья. бываема нѣс с нимиже мѣспѣс бѣс. в призыванье. и образомъ нѣким. покланяютьс. дан ж свое дѣтище истинному Богу“. Сборн. XV—XVI в. Моск. Синод. Б-ки № 316 (951). Опис. Синод. Б-ки, II, 3, 572.

[2]) „А мы ныня хотя мало поболимъ или жена или дѣтя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣломъ, ищемъ проклятыхъ бабъ-чародѣицъ, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ; глаголють намъ навязываючи наузы такую діаволю прелесть, абы чадо бѣса бѣсомъ изгонити. О, горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами! Аже оставльше Бога помощника и Пречистую Его Матерь, Госпожю Богородицю и Честнаго Креста Господня, идемъ въ дъно адово съ проклятыми бабами“, *Слово св. отца Кирила, архіеп. кипринскаго о злыхъ духѣхъ.* Сборн. XIV стол. Троицк. Лавр. Б-ки № 39 (2021), лл. 232—236, изд. въ Москвитянинѣ 1844, I, 241—245. По болѣе поздней ркп.—Сборникъ XVI в. Публ. Б-ки Q I № 64 (Толст., Отд. Ш № 70) л. 379—381 об.—издано проф. Е. Пѣтуховымъ въ ст. *Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ др.-рус. литературѣ* (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XLII, № 3, стр. 13—16), но здѣсь пропущенъ весь первый изъ приведенныхъ отрывковъ. Съ этимъ поученіемъ сходно очень распространенное *Слово Іоанна Злат. о лѣчащихся въ болѣзняхъ волхвованіемъ и наузы*, изд. проф. Архангельскимъ, *Творенія отц. церкви въ др.-рус. письменности*, вып. IV, 103—110. Но въ этомъ словѣ говорится о волхвахъ, а не о волшебницахъ.

жило въ продолженіе всей древне-русской исторіи. Курбскій передаетъ о томъ, какъ великій князь Василій, страстно хотѣвшій имѣть дѣтей, послѣ женитьбы на Еленѣ Глинской искалъ чародѣевъ на сѣверѣ; затѣмъ въ назиданіе Курбскій прибавляетъ: „ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе родове, яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смыва(те)лей и шептуней и иными различными чары чарующихъ“ [1]). „А иные люди, говорится въ грамотѣ царя Алексѣя Верхотурскому воеводѣ, тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ“ [2]). 11 правило Трулльскаго собора читалось у насъ въ древности съ любопытными русскими дополненіями: „аще кто въ болѣзни дерзнетъ призвати евреина врача или немчина или отъ иныхъ вѣръ еретическихъ или русскаго ведуна или шепотника или бабъ богомерзкихъ ворожей или кудесницъ (въ ркп. кудеснитъ), такоже и лопарей и самоядь і шептаньемъ (? въ ркп. шт н.) его врачуется, или и со людеи въ бани мыется, аще убо священъникъ есть, да извержется, людинъ же да отлучится“ [3]).

Большое значеніе имѣли чародѣйки въ сферѣ любви и половыхъ отношеній, и обращеніе къ нимъ русскихъ женщинъ по этимъ дѣламъ было обычнымъ. Отъ половины XII в. есть указаніе на волшебные привороты,—„а се есть у женъ: аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло свое водою и ту воду даютъ мужемъ“ [4]). Исповѣдные вопросы перечисляютъ молоко, медъ, любовное кореніе, узлы, „молоко свое“ потъ и проч., какъ средства, которыми женщины поили мужей своихъ, чтобы приворожить ихъ [5]). А древнее русское поученіе „о злыхъ женахъ“ описываетъ эти средства съ еще большей обстоятельностію, отмѣчая, что они даются женщинамъ „бабами“ или волхвами [6]).

---

[1]) *Сказанія кн. Курбскаго,* стр. 102.

[2]) А. И. IV, № 35, стр. 124—125 (грам. 1649 г.).

[3]) Ркп. Моск. Синод. Б-ки к. XVIII в., № 35 (403), л. 54 об. Слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе: „*русскаго* ведуна... или бабъ богомерзкихъ“... Не значитъ ли оно, что русскимъ явленіемъ составитель правила признавалъ и бабъ богомерзкихъ?—Должно быть волшебницы считались спеціалистками по лѣченію головныхъ болей. „Бабы на главоболѣнія призываютъ и ужа призывающе благотворныя бѣсы въ помощ и здравіе имъ“. Кормчая пол. XVII в. рус. письма. Іляріон Свенціцкий, Опис. ркп. Народного Дому. У Львови, 1906, стр. 51. Ср. Отчетъ *Сырку*, стр. CCVI, Изв. И. Ак. Н. т. II, № 5, 1895 май.

[4]) Вопр. Иліи § 14. Р. И. Б. VI², 60 стб.

[5]) Алмазовъ, Тайн. исп., III, 166, 168, 164; I, 408.

[6]) „Слыши, сынъ мой, про колдунью жену и еретицу. Издѣтска (съ дѣтскихъ лѣтъ) начнетъ у бабъ, у волхвовъ учиться колдовать и колдованного

Вѣроятно бабы же богомерзкія рекомендовали противъ неплодія радикальныя мѣры—вродѣ „дѣтиной пупорѣзины“ „дѣтинаго ложа“, „сѣменной скверны“ [1]). Онѣ же конечно давали женщинамъ зелья затѣмъ, чтобы расказить дитя въ утробѣ...

Къ волшебницамъ русской древности обращались во всевозможныхъ болѣзняхъ люди всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, и область волшебно-лѣкарственной практики ихъ должна быть признана очень обширной. А вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ велико было вліяніе ихъ на темную массу двоевѣрнаго народа. Вѣра въ волшебство была въ древней Руси всеобщей, какъ всеобщей была она и въ Европѣ до XVIII в. „Русскіе люди прелестны и падки на волхованіе“, по замѣчанію лѣтописца XVI в. [2]). Сами московскіе князья и цари не только вѣрили волшебству, но и охотно пользовались услугами лихихъ бабъ и волховъ. Это извѣстно о Василіи Ивановичѣ, о Грозномъ, Борисѣ Годуновѣ, Василіи Шуйскомъ; о великихъ княгиняхъ—Софіи Палеологъ и

искать, и спрашивать начнетъ, какъ бы ей замужъ выдти и какъ бы ей мужа своего околдовать на первой нощи и въ первой банѣ. И отыщетъ колдуновъ и колдуней и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою шепты начнетъ творити и подъ ноги подсыпати, и въ подушки и въ постелю вшивати, и сыметъ платье и около головы обноситъ (и порты рѣжетъ, надъ челомъ втыкаетъ), и всячески надъ мужемъ чаруетъ. А мужъ ничего того не вѣдаетъ. Коренье и отравы и всякія волшебныя статьи надъ мужемъ своимъ чинитъ; сердце мужа высосетъ и тѣло его изсушитъ, и красоты въ лицѣ его не оставитъ, и въ очахъ свѣтлость погубитъ, и разумъ его отъиметъ, и всѣмъ людямъ въ поношеніе его сотворитъ. Все это творя, потомъ мужа своего возненавидитъ, а другихъ возлюбитъ и смертное зеліе сыщетъ, и найдя удобное время, смертнымъ ядомъ его поитъ или смертнымъ кусомъ окормитъ, какъ несозрѣлый класъ пожнетъ прежде времени. Такова есть колдунья жена и еретица“. Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, ч. I. Москва 1872, стр 167. Ср. Кушелева-Безбородко, Памятники стар. рус. литератур. II ч., стр. 464.—Слѣдуетъ сопоставить съ этимъ былины и сказки о женѣ—волшебницѣ, превращающей мужа въ животныхъ и птицъ. (Проф. Сумцовъ, Былины и Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ—волшебницѣ, *Этногр. Обозр.* XIII—XIV, стр. 143—169). Усматриваютъ въ нихъ заимствованія изъ классическихъ миѳовъ. Однако сопоставленіе это, намъ кажется, не умаляетъ историческаго значенія приведеннаго отрывка „про жену еретицу и колдунью“. Въ посланіи иг. Памфила говорится: собираютъ „кореніе на потвореніе мужемъ своимъ“.

[1]) Алмазовъ, Тайн. исп. III, 159, 164, 165, 167. Въ Вопрошаніи Кирика у Герберштейна читается такой вопросъ: „Можетъ ли женщина, для того чтобы зачать, прибѣгать къ совѣту старухъ? Отв.: Женщины, прибѣгающія для того, чтобы зачать, къ совѣту и зельямъ старухъ, а не обращающіяся скорѣе къ священникамъ, чтобы тѣ помогли имъ своими молитвами, должны каяться 6 недѣль и заплатить священнику 3 гривны“. Записки Герберштейна, перев. проф. Малеина, Спб. 1908, стр. 56; ср. Р. И. Б. VI² вт. сч. стб. Въ извѣстныхъ намъ спискахъ Вопрошанія Кирика такого вопросо-отвѣта не встрѣчалось.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 318.

Соломоніи Сабуровой. Фактъ извѣстный, что даже духовенство наше слѣпо вѣрило волшебству, пользовалось услугами волхвовъ и „бабъ богомерзкихъ“, а нѣкоторые изъ священниковъ и монаховъ даже перенимали ихъ волшебныя хитрости. Древне-русскій священникъ каялся: „согрѣшихъ волхвованіемъ, и въ чаровании, и наузы всякия вяжа, и къ волхвомъ ходихъ и ко обавникомъ (въ ркп. — обадникомъ), и къ бабамъ ворожбы дѣля, и порчи дѣля и болѣзни для, и прожитка для, гдѣ бы сыту быти“ [1]).

„Вѣщія жонки“ въ древней Руси отличались великимъ могуществомъ, особенно въ сферѣ злой дѣятельности: онѣ управляли погодой, насылали неурожай и голодъ, и одно изъ словъ Серапіона, епископа Владимирскаго (во второй полов. XIII в.), передаетъ, какъ на Руси народъ жегъ волховей—виновницъ голода послѣ предварительнаго испытанія ихъ водою [2]). Насылали моръ. Въ 1632 г., во время войны съ Польшей, псковскіе воеводы донесли царю, что въ литовскихъ городахъ „баба вѣдунья наговариваетъ на хмель, который изъ Литвы возятъ въ наши города, чтобъ тѣмъ хмелемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навесть моровое повѣтріе“. И царь подъ страхомъ смертной казни запретилъ покупать хмель у литовскихъ людей [3]).

---

[1]) Данныя о священникахъ-чародѣяхъ см. у Аѳанасьева, Поэт. возвр., Ш, 625—626; Алмазова, Тайная исповѣдь, Ш, 239 ср. 182 и 183; Р. И. Б. VI, 104. Объ отношеніи монашества къ чародѣйству, см. Алмазова, Ш, 176—180. Ср. выше стр. 226, 1 пр. О монахѣ волшебникѣ есть разсказъ въ одномъ изъ чудесъ преп. Никиты Столпника Переяславскаго. Буслаевъ, Истор. очерки рус. нар. слов. II, 51.

[2]) Текстъ поученія и обстоятельный комментарій къ нему въ кн. Пѣтухова, Серапіонъ еп. Владимирскій. Проф. Сумцовъ, Культ. переживанія, § 4, 20—21 стр., склоненъ думать, что это (четвертое) поученіе епископа Серапіона явилось плодомъ наблюденій надъ южно-русской жизнью. Аѳанасьевъ, (Поэтич. воззр. Ш, 507—510) и Потебня (Миѳич. Значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ, Чт. О. И. и Др. 1865, 4, стр. 292—293) въ параллель съ этимъ происшествіемъ ставятъ случаи истребленія женщинъ въ Суздали и Ростовской землѣ волхвами XI стол.

[3]) А. А. Э. Ш, 283.—Въ нашу задачу не входитъ полностью описывать волшебство древне-русскихъ женщинъ на всемъ пространствѣ семивѣковой исторіи: это значило бы поднимать всю сложную исторію нашего древняго волшебства. Мы беремъ лишь древнѣйшую пору и хотѣли бы установить связь между хранителями языческихъ преданій и служителями волшебства въ лицѣ „бабъ богомерзкихъ“, затѣмъ отмѣтить разные виды волшебства въ связи съ изучаемымъ терминомъ.—По исторіи волшебства въ древней Руси существуетъ значительная литература. Рудневъ, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ рус. церкви, стр. 4—28. Аѳанасьевъ, Вѣдунъ и вѣдьма. Альманахъ „Комета“, 87—164 стр. Его же, Поэтическія воззр. слав. на природу, Ш т., гл. 26 и 27. Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій (Чт. Общ. Ист. и Др. 1865, 4, стр. 287—310). Забѣлинъ, Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ. Альманахъ „Комета“, 471—492. Его же, Домашній бытъ царицъ

V.

Для интересовъ христіанства и церкви эти бабы богомерзкія—хранительницы языческихъ преданій и волшебной мудрости были крайне вредны: отступницы христіанства, онѣ увлекали къ отступничеству нетвердыхъ вѣрою христіанъ русскихъ. Ихъ работа въ этомъ направленіи успѣшно дополняла противохристіанскую дѣятельность волхвовъ. Волхвы дѣйствовали открыто: являлись въ города, всенародно пророчествовали, предсказывая общественныя бѣдствія, увлекали за собою толпу, возмущая ее противъ пастырей церкви. Такъ выступали волхвы въ эпоху утвержденія христіанства въ томъ или иномъ краѣ—въ XI в. въ Кіевѣ, Новгородѣ и Ростовской землѣ, въ XIV стол. при св. Стефанѣ въ Перми. Открытый характеръ ихъ выступленій облегчалъ борьбу съ ними: князья и воеводы истребляли волхвовъ оружіемъ, лучшіе миссіонеры одолѣвали ихъ моральной силой—силой вѣры во всемогущество христіанскаго Бога.

Совершенно по другому дѣйствовали „бабы богомерзкія“. Тайно хранили онѣ преданья языческой старины глубокой: совершали моленія полузабытымъ божествамъ, знали обрядность, помнили молитвы, разсказывали миѳы („баяли басни“, „бабьи басни“). Двоевѣрныя женщины даже знатныя, призывали ихъ къ себѣ и молились съ ними тайно. Такъ древне-русская женщина долго противилась христіанству. Оно давно сдѣлалось господствующей, государственной вѣрой, но въ домѣ—близъ очага, въ семьѣ жило долго и старое язычество, за которое стояли женщины; а вмѣстѣ съ нимъ держалась и вся обрядность, весь обиходъ до христіанской семейной и домашней жизни. Вмѣстѣ съ

---

[3], стр. 419—447. Костомаровъ. Очеркъ дом. жизни и нравовъ в.-рус. народа въ XVI—XVII стол., Собр. соч., т. 8, стр. 146—175. Антоновичъ, Колдовство. Документы—процессы, изслѣдованіе С.-Пб. 1877 г. Есиповъ, Колдовство въ XVII и XVIII стол. (Древ. и новая Россія, 1878, т. III). Проф. Е. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимирскій, рус. проповѣдникъ XIII в. стр. 56—167, прил. 11—13 стр. Проф. Сумцовъ, Культурныя переживанія, разные §§. П. С. Ефименко, Судъ надъ вѣдьмами (Кіев. Стар. 1883, т. VII, 374—401). А. Селецкій, Колдовство въ юго-зап. Россіи (Кіев. Стар. 1886 г., т. XV, стр. 193—236). Н. Тупиковъ, Ворожея XVII вѣка. (Живая Старина, III (1893 г.), вып. I, стр. 135—136). Н. Рудинскій, Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи (Живая Старина, ч. VI (1896), вып. II стр. 169—201). Труворовъ, Волхвы и ворожеи на Руси въ XVII вѣкѣ (Истор. Вѣстн. 1889, № 6, 701—715. Мордовцевъ, Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго (т.-е. XVIII вѣка. (Заря, 1871, янв. 148—179; Собр. сочиненій Мордовцева, С.-Пб., изд. Мертца т. XX, стр. 2—28). М. Д. Довнаръ-Запольскій, Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII в. (Изслѣдованія и статьи, т. I, Кіевъ 1909 г. стр. 214—231).

религіозными преданіями эти бабы хранили волшебные секреты и опыты врачебнаго вѣдѣнія, а потому были необходимы древне-русскому человѣку, въ особенности женщинамъ и дѣтямъ. Въ своей чародѣйной власти, могущественной и страшной, волшебница держала человѣка отъ колыбели до могилы. Здоровье, счастье, долголѣтіе—все зависѣло отъ ворожеи, все ей было вѣдомо. Силѣ ихъ вредныхъ потворовъ приписывали не только личныя несчастія—неудачи, болѣзни, смерть, но и общественныя бѣдствія. Трудно опредѣлить, долго ли служили „бабы богомерзкія“ русскому двоевѣрію, но суевѣрію онѣ служатъ и донынѣ... Борьба съ ними для церкви и гражданскаго правительства была трудна, потому что эти враги христіанства были почти неуловимы, а власть ихъ держалась темнотою народа [1]).

Къ сожалѣнію, въ наукѣ нѣтъ данныхъ относительно тѣхъ средствъ, какія употребляла церковь противъ „бабъ-идоломслицъ“ чистыхъ язычницъ, кромѣ того, что она отлучала ихъ, а на молившихся вмѣстѣ съ ними „богомъ кумирскимъ“ налагала епитиміи (см. гл. III). Но мы знаемъ, какъ боролись церковь, государство и народъ съ „бабами богомерзкими“ — волшебницами. Въ древней Руси не велось систематической борьбы съ волшебницами — не было, напримѣръ, процессовъ противъ вѣдьмъ въ смыслѣ организованнаго преслѣдованія, какіе процвѣтали въ Европѣ съ XIII в. по XVIII. Но разныя мѣры противъ нихъ принимались съ XI в. Судъ по дѣламъ волшебства, какъ и другимъ религіознымъ преступленіямъ, принадлежалъ тогда церкви. Митр. Іоаннъ II предписывалъ творящихъ волхвованія какъ мужей такъ и женъ наставлять и увѣщевать, чтобы обратить ихъ отъ зла; если же не обратятся, строго казнить ихъ, но не до смерти и не членовредительствомъ, какъ предписывало свѣтское византійское законодательство [2]). Судя по этому, наша древняя церковь въ правѣ суда надъ волшебниками обоего пола видѣла подспорье къ своей миссіонерской дѣятельности и обращалась къ нимъ прежде всего съ словомъ увѣщанія.

Если чародѣйка раскаивалась, она подвергалась многолѣтней епитиміи. „Жена, обаающія туждихъ своихъ, да покаетьс(я) лѣт 9, поклонъ 500“. „Вѣщица аще покается, лѣтъ 9, поклонъ 500“ [3]). „Ать

---

[1]) Сказанное сейчасъ о „бабахъ богомерзкихъ“, разумѣется, относится и къ тѣмъ древнимъ волхвамъ, которые не выступали открыто противъ христіанства; но волхвы, какъ выше говорилось, были сравнительно малочисленны.

[2]) Р. И. Б. VI[2], стб. 4. § 7; ср. втор. сч. 331—332 стб. Наказанія за волшебство разнаго вида, предписываемыя древними церковными канонами и византійскимъ законодательствомъ, см. въ *Синтагмѣ Матѳея Властаря*, пер. свящ. Ильинскаго, Симфер. 1892, стр. 279—285.

[3]) Покаян. номоканонъ Солов. Б-ки XVI в. № 685, л. 117. Послѣднее правило есть въ Дубенскомъ сборникѣ. Срезневскій, Матеріалы для слов. I, 503 „вѣщица“. Правила эти повидимому южно-славянскаго происхожденія.

вѣдьма погубить человѣка зельемъ, что опитемья?—А тое опитемьи 15 лѣтъ“ [1]). Въ сборникѣ XVIII стол. за разные виды волшебства предписывается 20-лѣтняя епитимія какъ мущинамъ, такъ и женщинамъ [2]). Одно древнее правило опредѣляетъ пожизненную епитимію „отравницѣ“: „жена отравница и до скончанія живота своего покаятис(я), поклонъ тьму“ [3]). Конечно, епитимія долголѣтняя, а тѣмъ болѣе пожизненная предполагаетъ, что смертной казни церковь не предавала волшебницъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя раскаялись.

Мѣропріятія, которыя практиковала церковная власть противъ упорныхъ, не раскаявшихся волшебницъ, не были опредѣленны и однообразны. Митрополитъ Іоаннъ II постановляетъ „яро казнить“ ихъ. Митрополитъ Фотій пишетъ въ своемъ посланіи (1410 г.) въ Новгородъ: „Тако жь учите ихъ (дѣтей духовныхъ), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленіа, ни зелья, ни вороженья, и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ; и гдѣ таковые лихые бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали и каяли бы ся; а не имуть слушати, не благословляйте ихъ и крестьяномъ заказывайте, чтобы ихъ не дружали межю собя нигдѣ, гонили бы ихъ отъ собя, а сами бы отъ нихъ бѣгали аки отъ нечистоты. А кто не иметъ васъ слушати, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте“ [4]). Подобныя мѣры принимались противъ волшебницъ и въ юго-западной

---

[1]) Пок. Ном. Солов. Б-ки № 685, л. 117.

[2]) Р. И. Б. VI, 862 стб. Въ такъ наз. Уставѣ Георгія за волшебство положена всего 3-лѣтняя епитимія (Голубинскій, Исторія, I, 2 [2], стр. 548 § 147).

[3]) Сборн. Ундольскаго № 668, см. Алмазовъ, III, 291. Любопытно, что въ этомъ сборникѣ вмѣстѣ съ 20-лѣтнею епитиміею и сотнями поклоновъ, отмѣчены градскія казни: „о женахъ“—„смертная казнь“; а противъ грѣховъ мущинъ: „или голову отсѣкутъ, или повѣсятъ или въ землю окопаютъ, или звѣремъ на растерзаніе“.—Въ древней восточной церкви существовали слѣдующія правила, касающіяся волшебствующихъ. Предающійся волхвамъ, т.-е. самъ становящійся волхвамъ, осуждается какъ убійца 20-лѣтней епитиміей (Василія Вел. пр. 72, ср. 53), или же 6-лѣтней, при чемъ упорные извергаются (VI всел. соб. 61). Волхвующіе по суевѣрію несутъ епитимію въ 6 или въ 5 лѣтъ (Василія Вел. 83, Анкир. 24). Если же обращеніе къ чародѣямъ за помощью демоновъ соединялось съ отреченіемъ отъ вѣры, то виновные отлучались какъ отступники (Григ. Нис. 3 пр.). Ср. также Синтагму Матѳея Властаря, пер. свящ. Ильинскаго, 279—283 стр.

[4]) Р. И. Б. I, стб. 274 (ср. А. Э. I. стр. 462; Карамзинъ, V, 252 прим.). То же самое дословно повторяетъ м. Фотій въ грамотѣ своей во Псковъ 1410—1417 гг. (Р. И. Б. VI, 283 стб.). Наконецъ статья эта съ незначительными варіантами чигается въ поученіи, извѣстномъ съ именемъ митр. Петра (Памятн. стар. литерат., изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, стр. 187. Ср. ркп. Волок. Б-ки № 566, л. 385 сл.). Сужденіе объ этомъ поученіи см. у Е. Е. Голубинскаго, Исторія, II, 1, стр. 118—119. Горскаго, Пр. къ Тв. Св. От. II, 84, прим. проф. Никольскаго, Хр. Чт. 1909, авг.—сент., стр. 1110—

церкви [1]). Церковь отлучала бабъ лихихъ, предлагала христіанамъ гнать ихъ отъ себя или избѣгать ихъ. Изгнаніе соединялось иногда съ побоями и ограбленіемъ [2]). Наконецъ въ борьбѣ съ волшебствомъ церковная власть московскаго періода обращалась повидимому и къ свѣтскому суду. Только трудно сказать, съ какого времени это возникло и было ли явленіемъ общимъ или распространеннымъ. Древне-русское святительское поученіе (не позднѣе XVI в.) предписываетъ священникамъ: „а ворожей бы бабъ, ни мужиковъ колдуновъ не было у васъ никого въ приходѣ; а у кого въ приходѣ есть, и вы мнѣ скажите; а кто не скажетъ, а выму, ино священника отлучю, а бабу или мужика (вар. волхву или волхва) колдуна *выдамъ прикащикамъ и они казнятъ градскымъ закономъ*“[3]).

Но „градской законъ“—древне-русское уголовное законодательство по дѣламъ о волшебствѣ стояло подъ вліяніемъ обычнаго права и византійскаго законодательства, которыя оба шли вразрѣзъ съ приведеннымъ правиломъ митр. Іоанна II и судебной церковной практикой послѣдующаго времени. Въ концѣ XIII в. на Руси народъ жогъ волховей, предполагаемыхъ виновницъ голода [4]). Въ 1411 г., во время моровой язвы „Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщихъ“ [5]). Подобные случаи народнаго самосуда надъ вѣдьмами извѣстны даже изъ недавняго времени (отъ 1879 г. [6]). Изъ Византіи перешли къ намъ статьи въ родѣ слѣдующихъ: „срамило человѣческое волхвъ да не живетъ“; „обавникъ и чародѣй умерщвляется: каменіемъ побіете я“ [7]).

1111. Предписаніе, отчасти сходное, содержится въ Домостроѣ: „ни торговки. ни бездѣльные жонки, ни бабы, ни волхвы никакож во дворъ не приходили, понеж отъ тѣх много зла чинитца“ (Изд. Забѣлина, 93).

[1]) Въ грамотѣ антіохійскаго патр. Іоакима на основаніе Львовскаго братства (1586 г.) читаемъ: „а еслибы в котором мѣстѣ или в селѣ будеть чаровница или ворожка—сосуды дьявольския, которыхъ досвѣтъчивши оповѣсти братству и епископу, да истребится отъ церкве и тыхъ, которые діаволомъ прельстившися, до чаровницъ и до ворожокъ ходятъ“. Памятники, изд. комисс. для разб. др. актовъ. Кіевъ 1852, Ш, 18.

[2]) Въ грамотѣ Троице-Сергіева монастыря (отъ 1555 г.) говорится: „Не велѣли есмя имъ (крестьянамъ) въ волости держати скомороховъ, ни волховей, ни бабъ-ворожей, ни татей, ни разбойниковъ; а учнутъ держати... или бабу ворожею... взяти (съ крестьянъ) пени десять рублевъ денегъ, а скомороха, или волхва, или бабу-ворожею, бивъ да ограбивъ, да выбить изъ волости вонъ“. А. А. Э. I № 244, стр. 267.

[3]) Р. И. Б. VI, 919 стб. Поученіе помѣщено въ Вел. Четь-Минеяхъ Макарія. Ср. Архим. Леонида Опис. ркп. Троиц. Лавры, ч. III, стр. 131.

[4]) См. выше ссылку на поуч. Серапіона еп. Владим.

[5]) П. С. Р. Л. VI 22. Ср. Соловьевъ, Исторія, I кн., 1304 стр.

[6] Пѣтуховъ, Серап. Владим., 135.

[7]) Избраніе изъ законовъ Моисея. Рус. Достоп. II, 237. Кормчая книга, гл. 45. Дубенскій сборникъ XV, в. Срезневскій, Матеріалы для словаря, II,

Изъ первой половины XIII в. извѣстенъ случай, когда княжескіе слуги заступились за четырехъ волхвовъ, присужденныхъ новгородской толпой къ сожженію, и пытались освободить несчастныхъ [1]). Однако это примѣръ единственный. Въ офиціальныхъ памятникахъ законодательства—какъ кіевскаго, такъ и московскаго періодовъ—нѣтъ точныхъ указаній относительно тѣхъ каръ, какимъ гражданская власть подвергала за преступленія волшебства (вѣроятно потому, что офиціально дѣла эти подлежали церковной юрисдикціи); но многочисленные факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что нашъ древній судъ вѣка съ XV большею частью руководствовался безчеловѣчнымъ законодательствомъ Византіи. Женщинъ, обвиненныхъ въ волшебствѣ, чаще всего жгли въ срубѣ, рѣже зарывали живыми въ землю. Факты такого рода не разъ приводились въ спеціальной литературѣ [2]).

Иванъ III велѣлъ потопить ночью въ Москвѣ-рѣкѣ лихихъ бабъ, приходившихъ съ зельемъ къ великой княгинѣ Софіи Палеологъ [3]). Котошихинъ разсказываетъ, что въ его время на Руси за волшебство и чернокнижество мущинъ жгли живыхъ, а женщинамъ отсѣкали голову [4]). При розыскахъ несчастныхъ подвергали пыткамъ и настолько жестокимъ, что нерѣдко истязуемыя помирали на нихъ. И это продолжалось до половины XVIII стол. [5]). Впрочемъ въ случаяхъ меньшей степени виновности волшебницъ ссылали куда-нибудь въ дальніе города [6]).

Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ эти погубленныя „волхови". „вѣдьмы" были несчастными жертвами темноты и суевѣрія народа, или нервно-больными существами, воображавшими, что онѣ дѣйствительно

---

496. Для сравненія: древнее грузинское законодательство, стоявшее подъ вліяніемъ византійскаго, предписывало чародѣямъ смертную казнь или урѣзаніе носа. А. Хахановъ, Гадатели и чародѣи по грузинскимъ законамъ. *Этногр. Обозр.* XIII—XIV, стр. 232—233.

[1]) Никонов. Лѣтоп. 1227 г. П. С. Р. Л. X, 94.

[2]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, 507—513, 523—525 и вся 27 гл.; Пѣтуховъ, Серапіонъ Владим. 134. 138—142; Соловьевъ, Исторія, III, 319—320, 756 См. также вышеуказанныя статьи Антоновича, Ефименка, Селецкаго и Есипова. Едва ли не самый ранній случай въ этомъ родѣ извѣстенъ отъ 1444 г.— сожженіе кн. Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ Мамона съ женою. Соловьевъ, Исторія, I 1303,—1304, ср. Аѳанасьева, III. 611, ср. П. С. Р. Л. VI, 230.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 279 стр. г. 1498. „И въ то время опалу положилъ князь великій на жену свою на великую княгиню Софію о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зеліемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ рѣкѣ нощію, а съ нею съ тѣхъ поръ нача жити въ бреженіи".

[4]) О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича [2], 95—96.

[5]) Владимирскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 308—309.

[6]) Забѣлинъ, Бытъ царицъ [3], стр. 423, 432—446.

входятъ въ общеніе съ языческими божествами или бѣсами. Въ юго-западной Руси наблюдается гораздо болѣе случаевъ истребленія волшебницъ, чѣмъ въ Великороссіи, и здѣсь нельзя не видѣть вліянія Европы. Но къ чести древне-русской исторіи и въ юго-западной Руси процессы о вѣдовствѣ не принимали тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, какіе они имѣли тогда въ Европѣ.

VI.

Въ исторіи первохристіанства женщина выставила сотрудницъ апостоловъ въ дѣлѣ миссіи, предстоятельницъ общинъ, наставницъ вѣры, вдохновенныхъ пророчицъ, славныхъ мученицъ, которыя много содѣйствовали торжеству христіанства надъ политеизмомъ. Въ начальной исторіи русскаго христіанства женщина дала „бабъ богомерзскихъ“, которыя долгое время поддерживали въ народѣ сначала чистое язычество, потомъ его пережитки. Откуда такое различіе? *Чѣмъ объяснить религіозную отсталость древне-русской женщины?*

Это лишь одно изъ многихъ отличій начальной исторіи христіанства на Руси сравнительно съ первыми вѣками христіанства въ греко-римскомъ мірѣ. Въ апостольское и послѣ-апостольское время христіанство, утверждаясь и распространяясь, поднималось со дна общественной жизни, шло снизу вверхъ—отъ римскаго раба до дворца цезаря. На Руси оно шло обратнымъ путемъ: отъ правителей-варяговъ въ народную массу. И почва, на которую падало сѣмя евангельской проповѣди тамъ и здѣсь, была совершенно разная. Въ древнемъ мірѣ евангельская проповѣдь попадала въ среду религіозныхъ исканій, потому что язычество разлагалось, и захватывала человѣка силою необычайнаго одушевленія: на ея зовъ откликнулись алчущіе и жаждущіе правды, труждающіеся и обремененные, откликнулись и увѣровали до готовности терпѣть страданія, идти на смерть за Христа. На Руси христіанство утверждалось главнымъ образомъ вслѣдствіе общекультурнаго вліянія со стороны Византіи, какъ одинъ изъ моментовъ этого вліянія: оно приплыло къ намъ на торговой ладьѣ варяга вмѣстѣ съ цареградской паволокой. Разложенія русскаго язычества, чисто религіозныхъ запросовъ, вызывавшихъ перемѣну одной вѣры на другую—своей на чужую, незамѣтно. И христіанство стало у насъ государственной религіей гораздо ранѣе, чѣмъ народной вѣрой; сначала оно было принято правительствомъ и правящими классами, отложившимися изъ варяговъ, подпавшими вслѣдствіе торговыхъ сношеній разносторонне культурному вліянію Византіи, а потомъ уже долго распространялось въ народѣ не безъ насилія со стороны гражданской власти, до нѣкоторой степени казеннымъ порядкомъ, медленно и малоуспѣшно вытѣсняя изъ народнаго быта, нравовъ и понятій офиціально оставленное язычество.

Женщина, по природѣ своей болѣе тонко организованная, нервно болѣе чувствительная, а потому всегда болѣе религіозная, съ другой стороны поставленная и у насъ и въ классическомъ мірѣ въ положеніе подчиненное, отодвинутая на дно общества, и здѣсь, и тамъ явилась выразительницей господствующаго религіознаго настроенія, передовой представительницей того, во что вѣровала, чему молилась народная мысль и совѣсть. Въ этомъ не было никакого различія. Но въ разное отношеніе къ христіанству въ древнемъ мірѣ и у насъ женщина стала потому, что господствующія религіозныя настроенія тамъ и здѣсь были до противоположности несходныя. Такъ какъ древній міръ жаждалъ обновленія, искалъ невѣдомаго Бога, то, лишь только раздалась проповѣдь Евангелія, женщина стала на его сторонѣ, внесла въ среду его исповѣдниковъ энтузіазмъ и одушевленіе и сослужила ему великую службу. При иныхъ условіяхъ христіанство явилось на Руси. Народъ (разумѣемъ главную массу—славянство) жилъ хотя недостаточно развитой, но богатой задатками своей родной религіей, проникавшей весь его бытъ, весь укладъ жизни, почти не поколебленной вѣрой въ свои божества; и древнерусская женщина служила этому настроенію, храня и тая свои родныя святыни долго и послѣ того, какъ офиціально и открыто исповѣдывалось христіанство. Въ этомъ исходная причина описываемаго явленія.

Но сверхъ того существовалъ цѣлый рядъ условій, содѣйствовавшихъ религіозной отсталости русской женщины—ея особенной привязанности къ язычеству и суевѣріямъ: не одинаковое отношеніе къ женщинѣ славянскаго язычества и византійскаго христіанства, также бытовое положеніе женщины за весь до-петровскій періодъ русской исторіи.

При неразвитости славянскаго политеизма, при зачаточномъ состояніи культа и ритуала, при господствѣ семейнаго или родового культа женщина-служительница домашняго очага занимала въ области религіи положеніе равноправное съ мущиной. У западныхъ славянъ дѣвы и старухи бывали даже жрицами. Этого не наблюдается у насъ: на кіевскомъ холмѣ общественное богослуженіе Перуну и другимъ старшимъ божествамъ отправляли не женщины, а князь съ боярами и старцами градскими. Другое дѣло жертвы домашнимъ божествамъ, приносимыя членами одного дома: при жертвоприношеніяхъ домовому главная роль принадлежала женщинѣ, старшей въ домѣ. А бывали и такіе обряды, сохранившіеся по мѣстамъ навѣрно и теперь, которые отправлялись однѣми женщинами, непремѣнно безъ участія мущинъ,—таковъ обрядъ опахиванія селеній для прогнанія „коровьей смерти“. Но надо помнить, что русская до-христіанская религія носила преимущественно домашній характеръ и, значитъ, религіозной дѣятельности женщины она открывала широкій просторъ. По языческимъ представленіямъ, домашняя жрица-женщина преимущественно обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ даромъ

гаданій и чарованій, высшаго вѣдѣнія, проникающаго въ тайны природы, начиная отъ великихъ стихій, благодѣтельныхъ и грозныхъ, и кончая цѣлебнымъ или повторнымъ зельемъ, затерявшимся въ глубинѣ темнаго бора. Взглядъ этотъ, какъ мы видѣли, не чуждъ и лѣтописцу, только онъ получилъ у него христіанскую окраску и библейское обоснованіе. Жреческое достоинство женщины и вѣдовство ея—пережитки глубокой доисторической древности, свидѣтельствующіе о давно минувшей равноправности ея съ мужчиной. Но эти религіозныя права оставались при славянской женщинѣ и въ періодъ родового быта, унизившаго ее до положенія рабыни, и даже послѣ разрушенія родового быта. Естественно, права эти, какъ культурный пережитокъ, сохранились древне-русской женщиной и въ періодъ вліянія византинизма—послѣ того громаднаго культурнаго перелома, который произвело христіанство на Руси, и не смотря на то, что византійское христіанство указывало женщинѣ въ религіозной сферѣ совершенно иное мѣсто.

Византія передала намъ аскетическій идеалъ въ морали, а вмѣстѣ съ нимъ отрицательный взглядъ на женщину, какъ на источникъ грѣха: „отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ“, по выраженію Пчелы. Такой взглядъ унижалъ женщину морально и отчасти создавалъ невыносимое положеніе „многострадальной матери все выносящаго русскаго племени“. Далѣе Византія передала на Русь мысль о „поганствѣ“—нечистотѣ женщины, мысль, которая слышится уже въ половинѣ XII в. въ вопросѣ новгородскаго духовника о женскомъ платѣ, вшитомъ въ одежду священника. Нечистота періодически удаляетъ женщину отъ христіанской святыни, которая въ сферѣ религіознаго міросозерцанія древне-русскаго человѣка стояла на главномъ мѣстѣ, какъ источникъ очищенія и освященія, и ставитъ въ положеніе гораздо болѣе низкое, отдаленное, чѣмъ мужчину, относительно новой вѣры. Трудно допустить, чтобы первыя русскія христіанки—вчерашнія язычницы не почувствовали больно этой разницы въ отношеніи къ нимъ двухъ вѣръ: своей родной, невольно покинутой, и пришлой, неохотно принятой. А почувствовавъ это, однѣ безсознательно, а другія можетъ быть и сознательно предпочитаютъ старую вѣру новой; русская женщина держится за родную вѣру, долго поддерживаетъ ее во всемъ объемѣ, потому что въ ея ритуалѣ она явилась дѣятельнымъ лицемъ, служительницей божества, проводникомъ высшей воли неба на землю. „Поганство“ женщины обнаруживалось при этомъ съ новой стороны, со стороны ея приверженности къ язычеству и вражды къ христіанству. Это обстоятельство въ глазахъ ревностныхъ христіанъ, признавшихъ язычество бѣсовской прелестью, компрометировало женщину еще болѣе: оставался одинъ шагъ до признанія ея служительницей и помощницей врага нашаго спасенія („много бо бѣсу помощи въ женахъ“,—выраженіе Пчелы).

Бытовое положеніе древне-русской женщины содѣйствовало ея религіозной отсталости. Сказалось это уже въ самомъ началѣ христіанства. Женщина являлась не настолько бывалою какъ мужчина. Послѣдній ходилъ воевать, ѣздилъ торговать, встрѣчаясь съ иностранцами или подолгу проживая въ чужихъ краяхъ,—проводилъ время внѣ дома и освобождался отъ власти традицій. Женщина была въ полной власти этихъ традицій, потому что все время оставалась у очага. Христіанство, явившееся къ намъ плодомъ чужеземнаго культурнаго вліянія, на первыхъ порахъ, понятно, стало вѣрою болѣе бывалой и развитой мужской половины, по крайней мѣрѣ среди высшихъ классовъ, о которыхъ есть извѣстія.

Древне-русская женщина была „домодержцемъ“: на ней лежали хозяйственныя заботы и хлопоты, которыя наполняли ея жизнь. Онѣ отвлекали ее отъ храма точно такъ же, какъ и періодическая нечистота. Женщина рѣже мужчины могла посѣщать храмъ, а между тѣмъ церковное богослуженіе и обрядность были въ древней Руси однимъ изъ важныхъ средствъ христіанизаціи за недостаткомъ другихъ. Извѣстно, что древне-русскіе христіане очень неблагочинно вели себя въ церкви: въ особенности надо это сказать о первыхъ вѣкахъ христіанства. Дѣло началось, кажется, съ того, что къ храмамъ, поставленнымъ на мѣстахъ прежнихъ мольбищъ, христіане приходили въ воскресные дни „на кошуны, на игры, на объяденіе и пьянство“. Въ самыхъ храмахъ было немногимъ лучше. „Въ церкви говоръ многъ и смѣхъ и шепты... паче скоморохъ смѣется и бесѣды и шепты творите“,—обличалъ проповѣдникъ древнихъ христіанъ. И въ этихъ безпорядкахъ были повинны особенно женщины. Архіепископъ новгородскій Илія предписываетъ священникамъ рѣшительно бороться съ безпорядкомъ: „а о церковномъ стояньи сваритеся на люди, отъ мълчать, наипаче же на женѣ: отинудь бо не вѣдамъ ся, почто ходаче“ [1]). Очевидно новгородскія женщины половины XII стол. и сами не знали, по что онѣ ходятъ въ церковь—не привыкли если не осмысленно, то по крайней мѣрѣ почтительно относиться къ святынѣ храма, его чинамъ и обрядамъ.

Наконецъ не осталось безъ вліянія на степень религіозной сознательности древне-русской женщины и ея подчиненное положеніе. Удаленіе изъ общества,—высокій теремъ для женщинъ княжескаго рода и боярскаго класса, для всѣхъ полная зависимость сначала отъ родителей, потомъ отъ мужа,—все это содѣйствовало и умственной и моральной

---

[1]) Полученіе духовника, изд. въ нашемъ очеркѣ *Древне-русскій духовникъ*, Сер. пос. 1899, стр. 101 - 103. Слово Іоанна Злат., какъ подобаетъ къ церкви ходити съ вѣрой, проф. Архангельскаго, Твор. отцовъ церкви, IV, 65. Полученіе Иліи—Р. И. Б. VI², 370 стб. втор. сч., § 24.

ной приниженности женщины. Умственная скудость препятствовала хотя бы мало-мальски сознательному отношенію ея къ христіанству и въ то же время питала склонность къ суевѣріямъ—къ сильной вѣрѣ въ волшебство, гаданья, примѣты; а нравственная приниженность, безотвѣтность и беззащитность передъ мужемъ толкали женщину широко пользоваться чарами, потворами или отравами, которыя однѣ оказывались въ ея распоряженіи.

Вся религіозность древней Руси насквозь проникнута была настроеніемъ консерватизма. Новые пути религіозной мысли, новыя переживанія чувства—все это запрещено, осуждено напередъ, какъ злая ересь, и невѣдомо. Съ богатымъ религіознымъ наслѣдствомъ, полученнымъ отъ грековъ, мы сдѣлали, по превосходному сравненію Владимира Соловьева, слѣдующее: положили въ пещеру, привалили камень, запечатали печатью и поставили стражу... Это охранительное настроеніе лучше всего выразилось въ расколѣ старообрядства, самомъ оригинальномъ, безспорно подлинно-русскомъ и чисто народномъ религіозномъ движеніи. И расколовѣдами отмѣчено, что въ судьбахъ старообрядчества едва ли не главную жизненную роль играла и играетъ женщина. Такимъ образомъ женщина древней Руси во всѣ вѣка неизмѣнно была проникнута господствовавшимъ настроеніемъ религіознаго консерватизма: сначала она охраняла старую русскую вѣру, когда на смѣну ея пришла новая греческая, а послѣ „старый“ русскій обрядъ, когда на его мѣсто вводили греческія же „новшества“.

С. Смирновъ.

XI.

Что даетъ „Боярская Дума“ В. О. Ключевскаго для государствовѣдѣнія.

Въ настоящее время, едва ли есть какая нибудь надобность доказывать условность существующаго распредѣленія научныхъ дисциплинъ между отдѣльными факультетами, какъ и условность той грани, которая раздѣляетъ циклы относящіеся къ историческому и юридическому образованію. Настаивать на неразрывной связи между этими двумя циклами, значитъ просто ломиться въ открытую дверь. И въ этомъ смыслѣ конечно ясно, насколько „Боярская Дума“ есть книга неизбѣжная въ научномъ багажѣ всякаго, изучающаго исторію русскаго государственнаго права. Но это значеніе ея далеко не исчерпывается тѣмъ, что она даетъ для пониманія строя и дѣятельности государственныхъ учрежденій до-Петровской Руси. Именно для юриста-государствовѣда заключаетъ она чрезвычайно цѣнный общій методологическій урокъ.

Въ самомъ дѣлѣ одна изъ главныхъ опасностей, угрожающихъ юристу—это чрезмѣрное довѣріе къ тѣмъ категоріямъ, съ которыми такъ свыкается его мысль—нѣкоторое искушеніе придать имъ абсолютный такъ сказать характеръ. Весь юридическій методъ основанъ на томъ, что извѣстныя текучія понятія въ извѣстномъ смыслѣ фиксируются, что между ними устанавливаются совершенно опредѣленныя грани, даже тамъ, гдѣ въ соотвѣтствующихъ жизненныхъ явленіяхъ мы видимъ не грани, а постепенные оттѣнки и переходы. Іеллинекъ весьма картинно говоритъ въ своемъ „Die Lehre von den Staatenverbindungen“, что если бы юриспруденція согласилась раствориться въ гераклитовскомъ потокѣ вещей, она этимъ самымъ уничтожилась бы. Несомнѣнно, что въ области частнаго права ея отъ такого растворенья предохраняютъ могущественныя житейскія потребности—прежде всего потребность судейской практики. Въ публичномъ правѣ онѣ дѣйствуютъ несравненно слабѣе, и потому,

и просторъ для контроверсовъ раскрывается гораздо шире. Достаточно здѣсь сослаться хотя бы на вышеприведенную работу, Іеллинека. Гдѣ юридически кончается государство унитарное и начинается союзное? Какіе незыблемые критеріи позволяютъ различать автономную провинцію и не-суверенное государство? Самое разнообразіе отвѣтовъ, которые давались на эти вопросы въ наукѣ государственнаго права, указываютъ на лежащія въ нихъ трудности.

Такимъ образомъ здѣсь особенно наглядно выступаетъ условный характеръ публично-правовыхъ категорій, ихъ неполная адэкватность дѣйствительности. Конечно обойтись безъ нихъ мы не можемъ. Практически неизбѣжно приходится оправляться отъ какого нибудь опредѣленнаго взгляда на юридическую природу, напримѣръ связи Россіи и Финляндіи, или Австріи и Венгріи. Можно доказывать, что обыкновенно мотивы заставляющіе такъ или иначе создавать конструкціи, вовсе не опредѣлются однимъ исканіемъ отвлеченной истины, что сквозь рамки такой конструкціи явственно просвѣчиваютъ политическія страсти и партійные интересы—но во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ необходимое орудіе юридическаго познаванья государства.

Но здѣсь представляется одна существеннѣйшая трудность. Та неадэкватность дѣйствительности, о которой мы говорили, становится все чувствительнѣе по мѣрѣ того, какъ расширяется и становится болѣе разнороднымъ матеріалъ, подлежащій подобному юридическому толкованію. Когда мы переносимъ категоріи выработанныя при изученіи государства конституціоннаго на государство абсолютистическое—хотя бы противоположность закона и указа—намъ трудно воздержаться отъ значительныхъ натяжекъ, какъ ихъ не избѣгъ въ своей классической монографіи Коркуновъ. Тѣмъ болѣе категоріи современнаго государства оказываются совершенно непримѣнимыми къ патримоніальному типу и къ той эпохѣ, когда государь былъ неотдѣлимъ отъ помѣщика, а въ помѣщикѣ вскрывались черты государя. Въ теченіе долгаго періода, въ исторіи средневѣковыхъ политическихъ организацій, современное понятіе суверенитета съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть отнесено не къ государственной власти, стоящей на вершинѣ феодальной пирамиды, а къ власти сеньера въ основной ячейкѣ средневѣкового государственнаго быта—въ феодѣ—сеньеріи. Государственное право греческаго полиса представляетъ опять-таки типическія своеобразности.

Отсюда ясно, что „государственнаго права вообще“ быть не можетъ, или что оно сводится къ совершенно общимъ и малосодержательнымъ положеніямъ. Это постоянно обнаруживается, когда историческій вопросъ переводится въ юридическую плоскость. Въ самомъ дѣлѣ былъ ли принципатъ Августа юридически республикой или монархіей? Какъ юридически можетъ быть опредѣленъ тотъ строй, который греческій исто-

рикъ охарактеризовалъ словами: λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ἡ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή? И здѣсь особенно сказывается опасность модернизаціи, угрожающая юристу при изученьи прошлаго учрежденіи. Опасность эта, впрочемъ заключается не только въ искусственномъ пріуроченьи къ неподходящимъ рубрикамъ; она состоитъ еще болѣе въ томъ, что самый механизмъ учрежденій рисуется гораздо болѣе стройнымъ и правильно дѣйствующимъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Мы привыкли думать, что каждому государственному органу соотвѣтствуетъ опредѣленная компетенція, регулированная опредѣленными нормами—и намъ трудно свыкнуться съ мыслью, что органы являются передъ нами часто съ совершенно неотчетливыми функціями, что компетенція вырабатывается путемъ частичныхъ приспособленій, путемъ опытовъ. Именно отучиться искать всюду этотъ послѣдовательный формально-логическій порядокъ въ дѣятельности учрежденій значить сдѣлать первый шагъ къ ихъ историческому пониманію.

И вотъ—въ смыслѣ создапья соотвѣтствующихъ точекъ зрѣнія „Боярская Дума“ книга драгоцѣнная. Съ самаго начала авторъ предупреждаетъ насколько трудно уловить правительственную дѣятельность Думы. „По существу своему она была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливая общія правила, постоянныя нормы; но передъ нами только практическіе результаты ея законодательной работы; мы видимъ эти нормы, насколько онѣ уживались въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни, въ большинствѣ случаевъ знаемъ эти правила, насколько они отражались въ указахъ, инструкціяхъ, въ отдѣльныхъ актахъ подчиненныхъ Думѣ учрежденій. Въ думу „взносили“ свои вопросы и недоумѣнья правительственные органы, съ которыми общество имѣло непосредственное соприкосновенье; изъ Думы выносили они приговоры, выражавшіеся въ тѣхъ актахъ, которые лежатъ теперь передъ изслѣдователемъ, но сама она оставалась въ заоблачной высотѣ, сокрытая и отъ общества, и отъ изслѣдователя; какъ вырабатывались эти приговоры, какіе интересы и мнѣнія боролись при этой работѣ—того почти никогда не видитъ изслѣдователь, какъ въ свое время не видѣло и общество. Столь же неуловимо и политическое значенье Думы. Люди, появлявшіеся въ ней на пространствѣ 8 вѣковъ, князья-государи и ихъ совѣтники, не чувствовали потребности точно опредѣлить свои взаимныя отношенія и закрѣпить эти опредѣленья надлежащимъ актомъ; никогда не были точно обозначены и отношенья этого совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ управленья. Въ тѣ вѣка политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя, государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлъ власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной

формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей. Ко всякому учрежденью, подобному нашей боярской думѣ мы привыкли обращаться съ вопросомъ имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значенье, а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенья разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянные нормы, и не подготовили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ" (с. 2—3).

Какъ много было учрежденій въ прошломъ—и Россіи и Западной Европы,—для исторіи которыхъ эти слова могли быть введеньемъ. Развѣ вопросъ о компетенціи и русскихъ земскихъ соборовъ и параллельныхъ имъ сословныхъ штатовъ на Западѣ не получаетъ истинно-историческую постановку лишь съ того момента, когда мы отрѣшаемся отъ привычныхъ для насъ противоположеній совѣщательныхъ собраній и собраній съ рѣшающимъ голосомъ? Не этими юридическими квалификаціями можетъ быть опредѣлено подлинное мѣсто, взвѣшенъ подлинный удѣльный вѣсъ этихъ учрежденій. И характеристику русскихъ земскихъ соборовъ никакъ нельзя было бы свести къ признанью совѣщательности ихъ. Для насъ формула: „съ совѣта и согласія" какъ бы заключаетъ внутреннее противорѣчіе; между тѣмъ мы постоянно сталкиваемся съ ней въ исторіи всякаго рода коллегіальныхъ учрежденій, окружающихъ монарха. Предѣлъ власти боярской думы очерчивается также юридически весьма неопредѣленной формулой Судебника 1550 г.: вопросы, имъ неразрѣшенные, должны рѣшаться съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору. И мы видимъ, какъ въ предѣлахъ очерченныхъ этой формулой, дѣйствительная компетенція Боярской Думы достаточно сильно колеблется. Не фактическая дѣятельность опредѣлялась правовой нормой, а правовая норма, пріурочивалась къ ежедневной работѣ учрежденій. Здѣсь мы имѣемъ рядъ примѣровъ процесса, представляющаго глубокій интересъ для пониманья самыхъ основныхъ проблемъ философіи права—какъ фактическое незамѣтно переходитъ въ нормативное.

В. О. Ключевскій чрезвычайно ярко обнаруживаетъ историческую роль Боярской Думы; а между тѣмъ онъ настойчиво предостерегаетъ противъ того, чтобы въ строѣ московскаго государства усматривать дуализмъ царя и Думы, наподобіе того дуализма, который запечатлѣнъ въ англійской формулѣ: „King in parliament" въ противоположность „King in council". Напротивъ того нормально эти двѣ силы сливались въ нѣчто единое; правленье безъ Думы въ эпоху опричины сознавалось какъ что-то болѣзненное какъ и правленье бояръ въ эпоху смутнаго времени безъ царя. Древне русское общество видѣло здѣсь, нераздѣльные элементы единой верховной власти; законъ являлся передъ управляемыми и въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ

приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагали боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ боярской думы, какъ о чемъ-то опредѣленномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятельности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую (442).

Именно поэтому, то раздѣленье функцій на законодательную исполнительную и судебную, которое даетъ намъ достаточно удобныя рамки при анализѣ современныхъ учрежденій, здѣсь мало пригодно. Думская практика различалась не по содержанію, а по формѣ дѣлопроизводства смотря по тому возбуждалось ли оно государевымъ указомъ или приказнымъ докладомъ, или частнымъ челобитьемъ и по тому, вершалось ли оно думской комиссіей, общимъ собраніемъ Думы безъ участья государя, общимъ собраньемъ подъ предсѣдательствомъ государя или наконецъ соборомъ—думой совмѣстно съ духовенствомъ. Можно конечно подмѣтить, что различнымъ способамъ процедуры соотвѣтствовало различіе содержанія, но это распредѣленье исходило изъ мотивовъ удобства, цѣлесообразности, изъ мотивовъ, какъ мы могли бы выразиться, техническаго, а не политическаго характера.

Тамъ гдѣ нѣтъ опредѣленной компетенціи, нѣтъ и суженья ея, нѣтъ превышенья власти, нѣтъ узурпаціи по мотивамъ политическимъ; тамъ не можетъ развиться начало отвѣтственности. И мы видимъ какъ оно не примѣнимо къ дѣятельности Думы. „Слѣдовъ этой отвѣтственности не замѣтно ни въ чемъ, ни въ памятникахъ законодательства, ни въ устройствѣ боярскаго совѣта. Дума не была отвѣтственна передъ государемъ, потому что государь не былъ для нея сторонней властью, а самъ входилъ въ ея составъ, былъ ея главой". (456—7). И это особенно бросается въ глаза при сопоставленьи думы съ петровскимъ сенатомъ; здѣсь компетенціи размежевываются, и сенатъ становится не частью, а орудіемъ монархической власти, и, слѣдовательно появилась потребность обезпечить дѣйствіе этого орудія въ томъ направленіи, въ какомъ желаетъ его руководитель. Конечно такое раздѣленіе соотвѣтствовало болѣе сложному правительственному механизму, гдѣ во избѣжаніи общаго замѣшательства каждому нужно указать его права и обязанности.

Здѣсь мы сталкиваемся съ чрезвычайно важнымъ психологическимъ фактомъ, — съ малымъ развитіемъ въ Московскомъ Государствѣ прямой борьбы за власть, вкуса къ власти. Конечно Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ и публицистика Курбскаго проникнуты, настроеніемъ, которое рѣзко расходится съ политической практикой Василія III и Іоанна Грознаго, но какъ скромны ихъ положительныя пожеланія въ

смыслѣ государственнаго устройства, какъ мало они расходились съ прошлымъ. У нихъ мы не видимъ совершенно той договорной основы, которая выступаетъ въ строѣ Пскова, какъ его характеризовало московскому послу вѣче 1510 г.: „у насъ съ великими князьями крестное цѣлованье положено; намъ не отойти отъ своего государя ни въ Литву ни къ Нѣмцамъ, а ему насъ держать по старинѣ въ добровольи; нарушимъ мы крестное цѣлованье—на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, огнь и потопъ и нашествіе племенъ; а нарушитъ его государь напъ на него тотъ же обѣтъ, что и на насъ". Насъ поражаетъ эта слабость реакціи на усиливающуюся власть великихъ князей и государей—власть, коей послѣдніе въ глазахъ иностранцевъ начинаютъ превосходить всѣхъ монарховъ на свѣтѣ. Какая же эта была власть? Юристъ не можетъ примѣнить безъ оговорки къ ней эпитетъ патримоніальной; таково было ея происхожденье, но вѣдь невозможно игнорировать различіе между удѣльнымъ княземъ—помѣщикомъ, окруженномъ дворцовыми слугами—и Василіемъ III; здѣсь нѣтъ уже прежняго отождествленія государственно—и частно—прававого. Но патримоніальное происхожденье сказывается въ чисто—конкретной постановкѣ задачъ, въ нетронутомъ господствѣ дѣйствующаго обычая. „Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицемъ, но не надъ порядкомъ, не потому что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицемъ. Московскіе государи предоставляли дѣламъ идти своимъ чередомъ, только высматривая въ заведенномъ порядкѣ обстоятельства, которыми можно было-бы воспользоваться съ выгодой и именно потому, что этотъ порядокъ часто давалъ имъ въ руки такія выгодныя обстоятельства, они не любили ломать его или круто повертывать въ свою сторону. Это былъ ихъ фамильный—упорный консерватизмъ преданья; въ нихъ было много наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей или, что тоже на изнанку, торопливой наклонности все рвать и кроить по своему (261—2)".

Въ этомъ отношеньи юристъ ислѣдователь поступилъ бы весьма неосторожно, если-бы придалъ преувеличенное значенье вновь явившемуся титулу: „самодержецъ". Неясно, чтобы онъ обозначалъ какое-либо опредѣленное расширеніе государевыхъ правъ—и во всякомъ случаѣ юридически онъ первоначально могъ-бы быть истолкованъ лишь въ смыслѣ внѣшне-государственной независимости. Политическая метафизика вообще была стихіей весьма чуждой всему укладу московской Руси. И „носители верховной власти не любили себя спрашивать, на что они имѣютъ право, и на что не имѣютъ". „Боярство XVI вѣка является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на

общество, знатью, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу, какъ ея литературнымъ представителямъ легче удавались политическія пророчества, чѣмъ политическіе планы" (305—305). Дѣятельность боярской думы съ ея столь неопредѣленными очертаніями компетенціи это вполнѣ подтверждаетъ. „Государь ежедневно дѣлалъ мало правительственныхъ дѣлъ безъ участья боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ мало дѣлъ, безъ участья государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленьемъ труда, а не разграниченьемъ власти" (456). „По своему историческому складу боярская дума несдѣлалась ареной политической борьбы" (458). Другими словами строй московскаго государства былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ признанья такъ называемыхъ субъективныхъ публичныхъ правъ; передъ нами только объективный порядокъ, не закрѣпленный при томъ никакими опредѣленными нормами и его рефлексы, столь же измѣнчивые, мало-фиксированные. Какъ характерно, что единственный періодъ въ который выступаютъ политическія притязанья боярской среды, въ который всплываетъ идея договора государя и думы, остался такъ мало освѣщеннымъ въ источникахъ и что по вопросу о кондиціяхъ, предложенныхъ Михаилу Ѳеодоровичу, возможны такіе капитальныя контроверсы. Во всякомъ случаѣ эти притязанья—признаемъ ли мы въ нихъ новыя мысли или новую формулировку стараго правительственнаго уклада,—не привились къ московскому государственному порядку; въ этомъ отношеньи между XVI и между XVII вѣкомъ вовсе не существуетъ какого нибудь капитальнаго различія.—

Мы видимъ здѣсь цѣнное подтвержденье того, насколько обычный споръ—является ли данная норма выраженьемъ права или функціи можетъ быть разрѣшенъ лишь на почвѣ изученья психологической стороны. Одна и та же норма можетъ оцѣниваться и какъ драгоцѣнное право и какъ тяжелая обуза. То, отъ чего бѣжали римскіе куріалы, въ настоящее время является предметомъ напряженнаго состязанья въ избирательной борьбѣ. Московское государство не уничтожало этихъ притязаній на политическую дѣятельность потому, что ихъ вообще не существовало. Была лишь одна область, гдѣ и въ московскомъ государствѣ мы стоимъ передъ наличностью несомнѣннаго субъективнаго публичнаго права — область мѣстничества. Эти притязанья выступаютъ тѣмъ ярче на фонѣ равнодушія къ политической власти. И здѣсь они сталкивались съ тѣми насущными потребностями порядка и цѣлесообразности въ правительственномъ механизмѣ, которыя играли такую преобладающую роль—и здѣсь государство должно было вести съ ними борьбу, которая кончилась реформой Ѳеодора Алексѣевича.

Если мотивы политическаго честолюбія и борьбы за власть играли столь мало замѣтную роль, то тѣмъ сильнѣе высупали мотивы соціально-хозяйственные „Боярская Дума“ даетъ образцовый урокъ такъ сказать постановки вопроса о связи даннаго учрежденія съ общими условіями и показываетъ, насколько такая постановка если она не вырождается въ отвлеченный схематизмъ, можетъ быть плодотворна. Мы видимъ какъ „явленія, очень далекія отъ сферы, гдѣ дѣйствовала боярская дума, оказали могущественное вліяніе на судьбу класса, представители котораго сидѣли въ этомъ учрежденьи, а черезъ него подѣйствовали и на самое учрежденіе. Въ состояніи народнаго хозяйства надо прежде всего искать объясненія равнодушія боярства къ мысли объ упроченьи своего положенья, о расширеньи и обезпеченьи своихъ правъ“ (309). Въ дѣйствительности классъ который представлялъ изъ себя матеріалъ для политической аристократіи, былъ слишкомъ придавленъ землевладѣльческимъ кризисомъ, вытекавшимъ изо всей постановки земледѣльческаго труда въ верхнемъ Поволжьѣ и все его вниманье уходило на обезпеченье себя рабочими руками, на обезпеченье крестьянской осѣдлости. Чрезвычайно характеренъ контрастъ между ѳѳемерностью политическаго пріобрѣтенья Думы въ эпоху Смутнаго времени и успѣшностью въ обезпеченьи экономическаго господства представленнаго въ ней класса, господства, которое закрѣплено въ Уложеньи. И когда мы начинаемъ размышлять, почему борьба за власть не являлась наиболѣе естественнымъ выраженіемъ борьбы за хозяйственную гегемонію, мы сталкиваемся съ тѣмъ давленьемъ потребностей обороны отъ внѣшнихъ враговъ и ея финансоваго обезпеченья, которыя сообщали московскому государству обликъ военнаго стана и которыя вводили дѣятельность различныхъ классовъ въ рамки служило-тяглаго порядка. „Московское государство и было народнымъ лагеремъ образовавшимся изъ боевой Великороссіи, Оки и верхней Волги, и боровшимся на три фронта: восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовскомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты. Военное по происхожденью, оно и устроилось по военному“ (306). И здѣсь коренная причина этого столь слабаго развитія личнаго права и личнаго притязанья, которое бросается въ глаза въ московскомъ государствѣ; когда всѣ общественныя группировки прикрѣплены къ стихійно поставленнымъ государственнымъ задачамъ, для такихъ правъ и притязаній не остается простору.

Такимъ образомъ изученье генезиса боярской думы даетъ такія точки зрѣнія, которыя являются чрезвычайно цѣнными для всей исторіи государственнаго права московскаго періода—и здѣсь особенно интереснымъ методологически является то обстоятельство, что весь этотъ широкій фонъ привлекается для объясненья одного учрежденья. Вѣдь „Боярская Дума“ есть почти характеристика всей до—петровской исто-

ріи Россіи. Извѣстно насколько трудно для юридическаго мышленія не придавать факту формальнаго единства въ развитіи учрежденій преувеличеннаго значенья, насколько психологически трудно разорвать связь опредѣленнаго названія учрежденія и опредѣленной его конструкціи. Трудъ В. О. Ключевскаго позволяетъ оцѣнить, какія реальныя различія покрываются такимъ формальнымъ тождествомъ.

Передъ нами проходитъ боярская дума въ Кіевской Руси XI и XII вѣка, гдѣ она выступаетъ рядомъ съ городовымъ вѣчемъ и съ совѣщаньемъ князя и его дружины: у ней образуется опредѣленный односословный составъ, но компетенція ея остается вполнѣ неопредѣленной и зависитъ отъ всей ежедневной дѣятельностью князя. Когда центръ тяжести русской исторіи подвигается въ Суздальскую землю на сѣверовостокъ, и общество принимаетъ болѣе сельскій характеръ, боярская дума обращается въ совѣтъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ; при чемъ составъ не имѣетъ постояннаго характера: участіе въ совѣтѣ было связано со служилымъ положеніемъ, а не съ фактомъ землевладѣнія. Московская боярская дума XV вѣка отражаетъ на себѣ болѣе сложныя административныя задачи: происходитъ извѣстный подборъ функцій, и на долю думы приходится завѣдыванье недворцовыми дѣлами; вмѣсто прежняго порядка, гдѣ участвовали только управители вѣдомства, къ которому относилось разбираемое дѣло, начинаютъ участвовать всѣ наличные совѣтники. Въ связи съ этимъ происходитъ обособленье „комнаты“ съ ея ближними „комнатными людьми“, на которыхъ обратилъ впослѣдствіе вниманье Котошихинъ, комнаты—которая развертывается въ опричину. Въ теченьи XVI и XVII вѣковъ мы можемъ наблюдать, какъ техника думской работы, опирающейся на организованную канцелярскую работу думскихъ дьяковъ, пріобрѣтаетъ опредѣленность, какъ слагаются отношенія Боярской Думы къ окружающимъ ея приказамъ. И наконецъ съ конца XVII вѣка дума становится тѣснымъ совѣтомъ дѣйствующимъ безъ государя, замѣняющимъ его въ отсутствіи и таковой она переходитъ въ Петровскую эпоху, выдѣляя изъ себя такъ называемую „ближнюю канцелярію“—наиболѣе замѣтное и жизнеспособное учрежденье. Здѣсь исторія ея кончается, но кончается только формально; читая первые указы объ учрежденьи Сената въ 1711 году, можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ ближней канцеляріи, и наслѣдовалъ всѣ его особенности. Сенатъ и боярскій совѣтъ—послѣдняя стадія въ исторіи боярской думы—были связаны единствомъ потребности, которой они удовлетворяли, единствомъ функцій, которыя они осуществляли—какъ ранѣе въ исторіи боярской думы разнообразныя функціи, осуществляемыя ею въ различныя эпохи, связывались формальнымъ единствомъ учрежденья.

Нужно ли указывать, насколько этотъ конкретный примѣръ освѣщаетъ цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ теоретическаго государственнаго

права—вопросовъ объ отношеніи органовъ и функцій, о раздѣленьи самыхъ функцій, о роли обычнаго права въ образованьи опредѣленныхъ компетенцій. И главное книга В. О. Ключевскаго помогаетъ тому, что можетъ быть всего здѣсь важнѣе для юриста—правильной постановки вопроса.

Всегда надо помнить, насколько позади каждаго понятія изъ области государственнаго права проходитъ тотъ непрестанно движущійся и все уносящій гераклитовскій потокъ вещей, котораго столь опасался Іеллинекъ. Поэтому, образуя такое понятіе, мы заранѣе миримся съ его извѣстной искусственностью. Но послѣдняя должна во первыхъ оправдываться потребностью въ опредѣленномъ юридическомъ углѣ зрѣнія и во вторыхъ не должна усугубляться игнорированьемъ капитальныхъ политическихъ различій, которыя его покрываютъ. Когда учрежденье переживаетъ вѣка, то и юристу неизбѣжно приходится разбить свое общее представленіе на рядъ разрѣзовъ, охватывающихъ систему дѣятельности даннаго учрежденія въ соотвѣтствующій періодъ.

Въ настоящее время юридическій формализмъ, какъ и всѣ старыя ученья о правѣ, переживаетъ извѣстный кризисъ, и этотъ формализмъ подвергается многочисленнымъ и несправедливымъ нападкамъ. Но именно для отраженья ихъ чрезвычайно важно, чтобы пользущіеся этимъ формальнымъ методомъ не утрировали его, и чтобы въ особенности, когда дѣло идетъ о прошломъ учрежденіи они обставляли всякое догматическое изученье привлеченьемъ широко понимаемаго „историзма“. Только тогда этотъ формальный методъ станетъ благодѣтельнымъ подспорьемъ для познающаго разума и не направитъ его въ опасную сторону безплотныхъ, а потому безплодныхъ абстракцій.

Всѣ эти положенья, взятыя отвлеченно, звучатъ можетъ быть, нѣсколько, банальными и во всякомъ случаѣ не заключаютъ дѣйствительнаго, руководящаго правила. Но надо помнить, что методологическое воспитанье вообще достигаетъ „plus exemplo quam verbo“... И въ этомъ смыслѣ „exemplum“ даваемый „Боярской Думой“ изслѣдователямъ въ области государственнаго права и прошлаго и настоящаго, котораго нельзя понять безъ прошлаго, приходится признать драгоцѣннымъ.

Для подобнаго примѣра нужно было это необычное сочетаніе исчерпывающаго анализа, не боящагося никакихъ деталей, и художественнаго синтеза. И невольно по поводу этой книги, на которой столько людей воспитывали свое научное мышленье, и еще большее число будутъ воспитывать, невольно хочется вспомнить слова Бэкона, что какъ ни велика, заслуга человѣка, открывающаго людямъ новыя знанія, она еще больше если онъ открываетъ пути, которыми можно достигнуть знаній. На страницахъ сборника, который является выраженьемъ благодарности и пietета учениковъ къ учителю и эта сторона учительской дѣятельности В. О. Ключевскаго не можетъ быть обойдена.

С. Котляревскій.

XII.

Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи.

Конные мѣщане—это мѣщане, обязанные служить со своихъ имѣній конемъ, т.-е. обязанные нести ту же службу въ конномъ земскомъ ополченіи во время рушенья, какъ и шляхта. Это та „военная служба", которую землевладѣльцы „сбройно мають служыти" [1]). Ее служатъ бояре—„на войну ѣздять" [2]), ее служить шляхта — „службу земскую, войну служать, бо шляхта есть" [3]), ее служатъ земяне — они должны „земянскую службу служыти на кони на добромъ а въ зброи суполной" [4]). Въ болѣе раннее время, когда въ Литовско-Русскомъ государствѣ не развилась вполнѣ дифференціація сословій на почвѣ шляхетскаго принципа съ одной стороны и Нѣмецкаго городскаго права съ другой, „конная служба" могла дѣлаться достояніемъ простого вольнаго человѣка, „прихожаго" откуда-либо и получившаго какую-либо землю „на конной службѣ" отъ мѣстной власти [5]). Земская служба могла оказаться совмѣстимою даже съ ремесломъ. Такъ, въ привилеѣ королевы Бопы, выданномъ 2 декабря 1524 года ея Пинскому боярину Ивану Пархвеновичу и его братіи въ подтвержденіе пожалованныхъ имъ раньше дворищъ, земель и угодій, о службѣ ихъ говорится слѣдующее: „и они мають намъ и нашымъ потомкомъ ст того службу земскую служыти и, часу потребы, золотарствомъ и пушкарствомъ". Этотъ Иванъ Пархвеновичъ представлялся особенно цѣннымъ

---

[1]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ..... Вильна 1867. Стр. 302.

[2]) Ibidem. Стр. 241.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. Стр. 342.

[5]) Ibidem. Стр. 301.

лицомъ, „ижъ есть предмѣстникъ золотаръ и пушкаръ“ [1]). Паномъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія могъ называться и мѣщанинъ [2]), притомъ безъ обозначенія его шляхетнымъ въ качествѣ должностного лица Магдебургскаго уряда [3]). Мы не станемъ останавливаться на болѣе подробномъ изученіи явленія, иллюстрируемаго приведенными выписками изъ источниковъ, т.-е. отсутствія опредѣлившейся дифференціаціи сословій Литовско-Русскихъ по отношенію къ ихъ повинностямъ на господаря и государство, какъ оно обнаруживается въ болѣе раннее время. Мы остановимся лишь на одномъ пережиткѣ этого явленія, легко прослѣживаемомъ по актамъ еще въ концѣ XVI-го и въ XVII-мъ столѣтіи,— на конныхъ мѣщанахъ Витебскихъ.

Въ актахъ Витебскаго земскаго суда указаннаго времени эта группа населенія выступаетъ довольно часто, то покупая и продавая земли [4]), то жалуясь на тѣ или другія нарушенія своихъ правъ [5]) и т. д., какъ это дѣлаетъ и Витебская шляхта. Съ имѣнія коннаго мѣщанина „службу господарьскую земъскую военную“ его владѣлецъ „служити маеть“ [6]). Правовое положеніе конныхъ мѣщанъ Витебскихъ лучше всего выясняется документами, рисующими защиту этою группою населенія своихъ правъ отъ ихъ нарушенія. Содержаніе одного изъ такихъ документовъ [7]) слѣдующее. Во время Торунскаго сейма 1576 года къ Стефану Баторію обратились съ жалобою войтъ и четыре Витебскихъ мѣщанина [8]) „сами отъ себе и ото всихъ мещанъ Витебъскихъ, которые ку службе нашой господаръской военъной,“ какъ говоритъ документъ отъ имени короля, „сто коней весполокъ с князи и бояры, шляхтою повету Витебъского, з ыменей своихъ отъчызныхъ, выслужоныхъ и с купленыхъ ставити повиньни.“ Эти мѣщане, „будучы з

---

[1]) Ibidem. Стр. 226.

[2]) Ср. ibidem, стр. 231: „панъ Василей Ивановичъ, мѣщанинъ Пинскій“.

[3]) См., напр., списокъ „ихъ милостей пановъ маистратовыхъ, на уряде будучихъ, шляхетныхъ пановъ“ Могилева въ 1692 году—Историко-Юридическіе Матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской.....“ IX, стр. 1.

[4]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 361.

[5]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 352.

[6]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 374. Ср. ibidem, стр. 398, 417 и др.

[7]) „Листъ мещаномъ конънымъ Витебъского места до воеводы Витебъского в розныхъ кривдахъ ихъ“. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ лл. 182 об.—184. Дата: Торунь, 23 декабря 1576 года. Этотъ „листъ“ обращается отъ имени Стефана Баторія къ Витебскому воеводѣ, Суражскому державцѣ, пану Станиславу Пацу.

[8]) „Тыхъ часовъ будучы в Торуню при конъченью сойму вального оповедили и жаловали намъ войтъ Витебъский Стефанъ Тимофеевичъ Лускиня и мещане Витебъские Климъ Щуровичъ, Офанасъ Иевлевичъ, Сава Овъсеевичъ а Борысъ Деменътеевичъ Чаглей“.

давныхъ часовъ упривильеваны и уфунъдованы заровно с князи, бояры, шляхтою Витебъскою, одънымъ прывильемъ земскимъ и маючы вольность именьями своими шафовати такъ, яко и вси бояре, шляхта Витебъская, одънымъ земскимъ правомъ, статутомъ старымъ судилися и справовали за позвы в праве кгродъскомъ Витебъскомъ ажъ до теперешнего статуту нововыданого". Но въ настоящее время, жалуются конные мѣщане, [1]) они много терпятъ отъ Витебской шляхты, нарушающей границы ихъ имѣній и чинящей по отношенію къ нимъ захваты ихъ земель, грабежы и насилія [2]). Когда они обращаются къ повѣтовому Витебскому уряду, т.-е. къ воеводѣ или его намѣстнику, и къ повѣтовымъ судамъ, гродскому и земскому, то эти органы управленія и суда разсматриваютъ ихъ какъ простыхъ господарскихъ подданныхъ, мѣщанъ городовъ, не имѣющихъ Нѣмецкаго права, и не даютъ имъ въ дѣлахъ ихъ повѣтовыхъ возныхъ, которыми пользуются въ своихъ судебныхъ и урядовыхъ нуждахъ шляхтичи, но даютъ лишь простыхъ своихъ вижей, которые употребляются повѣтовымъ урядомъ въ „справахъ" простыхъ подданныхъ господарскихъ державы воеводы или старосты. Такое отно-

---

[1]) „То пакъ дей, маючы они именья свои в повете Витебъскомъ сугранъ з бояры-шляхтою повету Витебъского, многие кривды и утиски терпятъ на маетъностяхъ своихъ ото всихъ бояръ-шляхты, земян повету Витебъского в покаженью границъ межъ и въ забиранью кгрунтовъ земль отъ именей ихъ земскихъ и в ыныхъ многихъ и розныхъ речахъ и тежъ у боехъ, грабежахъ и кгвалтехъ для нечиненья тымъ мещаномъ в маетъностяхъ ихъ земскихъ слушное и ровное справедливости и, кгды дей который мещанинъ позвомъ земскимъ або кгродъскимъ о якую жъ кольвекъ речъ до права належного земенина шляхтича припозоветь, твоя дей милость, пане воевода, або наместъникъ твой замковый, придаетъ имъ ку таковымъ позвомъ вижовъ своихъ, а не возныхъ повѣтовыхъ, для которыхъ дей вижовъ вашыхъ мещане собе справедъливости подле статуту у права доводить не могуть; для того дей великое уближенье в праве и въ справедливости ихъ имъ ся деетъ и кгдыжъ дей, для такового ихъ зневоленья отъ враду, не маютъ ихъ с тыхъ оселостей ихъ земскихъ за суседовъ собе, одно за простыхъ мещан мест неупривильеваныхъ, ижъ дей за ними врадъ твоей милости замковый укривъжонымъ ку и довоженью права вижовъ своихъ придаетъ, такъ, яко за простыми хлопы, праву врадовому належачыми; такъ же дей и о свои кривды земяне водле статуту до права ихъ позвы позывать не хотят, одъно словне, за децъкимъ, передъ врадъ замковый кгродъский ихъ заказываютъ: а пересуды дей и децъкованье и вижовое твоя милость, пане воевода, наместънику своему замковому и служебъникомъ твоимъ кажешъ з нихъ брати, надъ статутъ права посполитого, отъ копы по шести грошей; што они, яко отъ твоей милости, пане воеводо, отъ врадъниковъ и слугъ твоихъ, такъ тежъ и ото всихъ земянъ-шляхты повету Витебъского прекладаютъ быти собе з великимъ обтяженьемъ и с кривъдою своею, для чого били намъ чоломъ, абыхмо".....

[2]) Примѣръ сосѣдства ряда шляхетскихъ имѣній съ имѣніемъ коннаго Витебскаго мѣщанина см. въ записи Витебскаго земскаго суда отъ 27 іюня 1596 года, напечатанной на стр. 477—484 тома XX Историко-Юридическихъ Матеріаловъ.

шеніе воеводы къ коннымъ мѣщанамъ утверждаетъ и въ средѣ повѣтовой шляхты взглядъ на нихъ, какъ на простыхъ хлоповъ. Шляхта не хочетъ въ тяжбахъ вызывать ихъ передъ повѣтовый шляхетскій судъ, но вызываетъ передъ замковый урядъ воеводы, какъ державцы господарскихъ земель его воеводства-державы. Жалуются конные мѣщане и на размѣры, въ которыхъ съ нихъ взыскивается воеводскимъ урядомъ дѣцкованье, съ нарушеніемъ постановленій статута, какъ они утверждаютъ [1]). Чего же они просятъ у короля? Они бьютъ челомъ о томъ, чтобы Витебскій воевода „таковыхъ трудностей и утисненя надъ право посполитое чинити имъ не казалъ“ и чтобы „в таковыхъ справахъ около именей ихъ, подъ правомъ земскимъ лежачыхъ, водле привилью их спольного, до права земского ихъ допустили [2]) и во чъти ихъ повышъшыли [3]), поровънавшы в томъ з ынъшыми станъми народу шляхетъского“. Король не отказываетъ имъ въ ихъ просьбѣ, но откладываетъ, однако, рѣшеніе вопроса объ ихъ правахъ, т.-е. исполненіе ихъ челобитья, до другого сейма, а пока отдаетъ приказаніе Витебскому воеводѣ, чтобы онъ не дѣлалъ того, на что они жалуются [4]).

Настоящій документъ очень ясно рисуетъ: 1) правовое положеніе конныхъ мѣщанъ, какъ понимаютъ его они сами и какъ склонна понимать его верховная власть, и 2) отношеніе къ коннымъ мѣщанамъ повѣтовой шляхты и мѣстнаго повѣтоваго уряда. Конные мѣщане считаютъ себя равноправными со шляхтою, и выраженіемъ этого ихъ взгляда на

---

[1]) См. статутъ 1566 года, IV, 5.

[2]) Документъ говоритъ отъ имени короля.

[3]) Также.

[4]) „Ино, ачъ колвекъ тое прозбы ихъ на сторону не отькладаючы, тог[о] есмо не отъмовяли, одножъ, для скороченья часу, на другий пришлый съемъ то отькладаемъ; а до того часу приказуемъ, абы твоя мылость отъ таковыхъ кривдъ, обътяженья неправного, ихъ боронилъ и в речахъ а потребахъ ихъ правъныхъ поступкомъ статутовымъ справоватися и позвы нашы от вряду земского брати (не) допустилъ, такъ же возныхъ врядовыхъ ку потребамъ ихъ мети имъ не заборонялъ и ихъ припавати имъ велелъ, а самъ абы твоя милость браньемъ пересудовъ и иныхъ доходовъ врядовыхъ, яко ся то вышей поменило, ихъ не обътежалъ и водле вставы, в статуте описаное, а не большей, отъ вшелякихъ презысковъ, с права сказаныхъ, пересуды отъ нихъ бралъ; по тому жъ бы есп и врадником своимъ ку нимъ заховывати ся казалъ; а который бы мещанинъ мелъ якое дело до земенина повету Витебъского, а належало бы то суду твоей милости кгродъскому, твоя бы милость позвы кгродъские возными повѣтовыми, а не за вижами замковыми, имъ по таковыхъ земянъ давалъ и справедливость, водле права и статуту, не отъволочъную имъ делалъ, жебы они обътяженья никоторого въ речахъ судовыхъ и уближенья в справедливости своей надъ право посполитое не приймовали, а намъ о то жалобами своими докуки и набеганья не чинили“. Этотъ „листъ“ имѣетъ „подъписъ руки господаръское“ и подпись писаря Андрея Ивановича.

себя является ихъ требованіе судиться шляхетскими повѣтовыми судами, земскимъ и гродскимъ, и пользоваться въ своихъ „справахъ“ шляхетскими возными, которыми пользуется и повѣтовая шляхта. Основаніями для этого требованія являются: 1) земская служба конемъ съ имѣній въ военномъ рушеньѣ повѣта, вмѣстѣ съ повѣтовыми князьями и шляхтою и 2) обладаніе съ давнихъ поръ общими съ Витебскими князьями и шляхтою преимуществами, которыя утверждены за конными мѣщанами вмѣстѣ съ ними общимъ привилеемъ. Что касается до отношенія къ коннымъ мѣщанамъ со стороны повѣтовой шляхты и мѣстнаго повѣтоваго уряда, то оно оказывается рѣзко враждебнымъ: за конными мѣщанами не признается равенства въ правахъ со шляхтою, при чемъ послѣдняя даже какъ будто мститъ коннымъ мѣщанамъ за ихъ притязанія, нарушая границы ихъ имѣній и совершая надъ ними насилія.

20 ноября 1582 года права мѣщанъ Витебскихъ были подтверждены Стефаномъ Баторіемъ. Они получили отъ короля привилей „на потвержење правъ и всихъ волностей ихъ мѣстскихъ“, дарованныхъ имъ великими князьями Александромъ, Сигизмундомъ I и Сигизмундомъ Августомъ [1]). 20 апрѣля 1589 года подтвержденіе привилея Стефана Баторія было сдѣлано Сигизмундомъ III [2]). Конные мѣщане Витебскіе выступаютъ въ этомъ подтвержденіи какъ особая группа, притомъ группа, вновь защищающая тѣ же свои права, которыя она защищала и во время Торунскаго сейма 1576 года. Конные мѣщане въ привилеѣ Сигизмунда III опредѣляются какъ такіе мѣщане, которые, „кгрунты и оселости свои на службѣ конной подъ собою маючи, съ тыхъ земль своихъ службу земскую военную посполъ зъ шляхтою обывательми воеводства Витебского, подъ хоругвью повѣтовою служать“. Они просятъ вновь, чтобы „ихъ, мѣщанъ конныхъ, не за дѣцкими, але за позвы на рочкахъ кгродскихъ поступкомъ права посполитого сужоно было“. На сеймѣ 1589 года эту просьбу передъ Сигизмундомъ III поддержали паны-рада Княжества и Витебскіе земскіе послы. Король исполнилъ эту просьбу и далъ коннымъ мѣщанамъ „вольность большую надъ другихъ“ Витебскихъ мѣщанъ. Витебскіе воеводы и ихъ намѣстники „вжо отъ сего часу не маютъ и не будуть мочы ихъ за дѣцкими своими безъ позвовъ судити“; ихъ должно вызывать позвами на гродскіе рочки такъ же, „яко шляхту обыватели повѣту Витебского“. Они обязаны „за первшими позвы, ничимъ року и позвовъ не сбиваючи, кождому усправедливити, окромъ обложоное хоробы и иньшихъ правныхъ, въ статутѣ описаныхъ оборонъ, выняв[ши] тежъ съ того и тые ре-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 187.

[2]) Ibidem. Выпись этого привилея Сигизмунда III изъ Витебскихъ земскихъ книгъ отъ 21 іюня 1593 года—Ист.-Юр. Мат. I, стр. 315—320. (Внесенъ онъ былъ въ земскія книги 10 іюня 1589 года, а 3 іюня того же года былъ вписанъ въ гродскія Витебскія книги).

чи, еслибы который зъ нихъ на горячомъ учинку, або на кгвалтѣ былъ поиманъ, таковый и безъ позву сужонъ быти маетъ". Если конному мѣщанину будетъ сдѣлана „кривда" князьями, панами, земскими урядниками и шляхтичами, то потерпѣвшій самъ (а не замковый урядъ за него) имѣетъ право „поступкомъ права посполитого справедливости собѣ доводити" въ судахъ земскомъ, гродскомъ и трибунальскомъ и передъ самимъ господаремъ. „Тое вольности", Сигизмундомъ III коннымъ мѣщанамъ „наданое", они „сами и потомки ихъ вѣчными часы уживати и зъ нее се веселити маютъ."

Такимъ образомъ Витебскіе конные мѣщане вышли съ побѣдою изъ ихъ борьбы съ воеводою и Витебскими урядами за свои права. Въ записи привилея 1589 года въ Витебскія гродскія книги въ томъ же году отъ имени воеводы Витебскаго, Велижскаго старосты, державцы Суражскаго, пана Миколая Сапеги сказано: „где жъ я, не спретивляючы ни въ чомъ воли и розказанью его королевское милости на право и волности места тутошнего Витебъскаго", приказалъ вписать этотъ привилей въ гродскія книги своего воеводства [1]). Въ записи въ земскія книги представленной въ 1589 же году войтомъ Савлукомъ и коннными мѣщанами выписи привилея изъ гродскихъ книгъ Витебскій земскій судовый урядъ говоритъ, что онъ вноситъ ее въ книги при заявленіи представившихъ ее, въ которомъ встрѣчаемъ, между прочимъ, такія слова: „ижъ дей свободы нашы меские каждого стану людемъ, обывателемъ воеводства Витебского, яко може быть назначней, до ведомости пришли а оный выписъ кгродскій, отъ его милости пана воеводы намъ выданый, теперъ, яко то на первыхъ рокохъ, до ведомости враду земъского доносимъ, просечы, ижъ бы тотъ выписъ кгродскій до книгъ земъскихъ уписанъ, а намъ жебы того оповеданя нашого другій выписъ съ книгъ земскихъ былъ выданъ" [2]).

Итакъ, верховная и мѣстная власти стали на сторону конныхъ мѣщанъ Витебскихъ и признали за ними права, сближавшія ихъ съ повѣтовою шляхтою, съ которою вмѣстѣ они становились подъ одною повѣтовою хоругвью во время военнаго рушенья повѣта. Сто коней, которые образовывали въ этомъ рушеньѣ конные мѣщане, несомнѣнно служили хорошимъ аргументомъ для верховной власти Княжества, какъ части соединенной Речи Посполитой, — конные мѣщане составляли слишкомъ замѣтную часть повѣтовыхъ „почтовъ", чтобы можно было игнорировать ихъ съ ихъ жалобами. Но, вставъ между остальнымъ Витебскимъ мѣщанствомъ и шляхтою, конные мѣщане отнюдь не хотѣли терять и своихъ правъ въ Витебскѣ, какъ городѣ-мѣстѣ, имѣвшемъ извѣстное самоупра-

[1]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 317.
[2]) Ibidem. Стр. 316.

вленіе. На этомъ пути они встрѣтились съ противодѣйствіемъ „посполитаго“ мѣщанства Витебскаго, т.-е. остальной массы простого, не коннаго мѣщанства, не желавшей признавать за ними равныхъ съ собою правъ по участію въ городскомъ самоуправленіи, разъ они составили собою группу населенія, отдѣлившуюся по своему положенію отъ остальнаго мѣщанства, притомъ гораздо меньшую по численности своей, чѣмъ это послѣднее. Витебскіе конные мѣщане стали въ положеніе людей, отставшихъ отъ остальныхъ мѣщанъ Витебска и не приставшихъ вполнѣ къ повѣтовой шляхтѣ. Особенно разгорѣлась вражда между ними и „посполитыми“ лѣтомъ 1593 года, вражда, успокоенная было соглашеніемъ ихъ, заключеннымъ раньше [1]). 6 іюня 1593 года Витебскій воевода, староста Велижскій и Суражскій, панъ Миколай Сапега выдалъ къ посполитымъ Витебскимъ мѣщанамъ свой листъ [2]) за своими печатью и подписью, въ которомъ говоритъ слѣдующее. Къ нему явились шесть Витебскихъ конныхъ мѣщанъ [3]), „сами отъ себе и отъ всей братьи своее, мещанъ конъныхъ“, съ жалобою на посполитыхъ мѣщанъ, которые нарушили прежнія соглашеніе и постановленіе обѣихъ группъ Витебскаго мѣщанства, выбрали безъ вѣдома конныхъ себѣ войтомъ Богдана Яковлевича Грома [4]), поотрывали послѣ этого избранія печати конныхъ „отъ справъ скрыны меское“ и одни, „сами безъ ихъ воли и ведомости справы меские справуютъ [5]) и волности меские роздаютъ“ [6]). Жалоба эта принесена воеводѣ предъ лицомъ посланцевъ отъ посполитыхъ [7]), которыхъ къ нему послали „вси посполство“. Желая, чтобы между обѣими группами Витебскаго мѣщанства „болшей бунтовъ и ростырковъ не было“, Сапега постановилъ слѣдующее: „тые мещане конъные, скоро приехавшы до Витебска, за оказаньемъ мого листу до васъ, мещанъ посполитыхъ, и поданья листу до наместника моего, за разомъ черезъ наместника моего маютъ быти припущоны до всякихъ справъ мескихъ, то естъ до скрини меское, печати и привилеевъ и листовъ, важъницы и двора гостиного зо всими пожытъками и маютъ же они сполне зъ вами отъ того часу

---

[1]) Листъ Витебскаго воеводы отъ 6 іюня 1593 года говоритъ о нарушеніи посполитыми «постановеня» между ними и конными «першаго и порадку местъского, который естъ межы собою мели отъ колъко десять летъ». Ibidem. Стр. 328.

[2]) Ibidem. Стр. 328—330.

[3]) Борисъ Дементьевичъ, Иванъ Семеновичъ, Василей Симоновичъ Велижанинъ, Богданъ Ивановичъ, Симонъ Котовичъ, Илья Юрей Моисеевичъ Шикъ.

[4]) Громы въ актахъ Витебскаго земскаго суда выступаютъ какъ люди крупные по достатку. См. Ист. Юр. Мат. XXI, стр. 418 и сл. (завѣщаніе Филона Яковлевича Грома, 1624 г.). XXII, стр. 211 и сл. (завѣщаніе его вдовы, 1625 г.).

[5]) Въ документѣ второе лицо—«справуете».

[6]) Также—«роздаете».

[7]) Войтъ Б. Я. Громъ и три мѣщанина—Есипъ Никифоровичъ Гончаръ Ѳедоръ Драбышъ и Максимъ Ратковичъ Масень.

вси справы местские справовати и вси пожытъки местские отъбирати", выбравъ для этого двѣнадцать человѣкъ изъ своей среды — шесть конныхъ и шесть посполитыхъ, — которые и должны вѣдать всѣ „справы меские" согласно „постановеня стародавняго"; въ виду того, что войта должны „одностайне" обѣ группы мѣщанства „обирати", вмѣсто избраннаго одними посполитыми войтомъ Б. Я. Грома долженъ быть выбранъ другой войтъ, для избранія котораго воевода назначаетъ „зъ уряду" своего „воеводъского" [1]) второй день „по святомъ Петре" въ текущемъ 1593 году; Б. Я. Громъ болѣе не можетъ занимать войтовскаго уряда, потому что онъ „не естъ сполне отъ всихъ мещанъ обраный"; до утвержденія вновь избраннаго войта королевскимъ привилеемъ войтовскіе дѣла и доходы будутъ вѣдать вышеназванные двѣнадцать человѣкъ, избранные пополамъ изъ конныхъ и посполитыхъ мѣщанъ. Въ случаѣ, если посполитые мѣщане „для упору своего" не захотятъ выбирать новаго войта сообща съ конными и будутъ сопротивляться листу воеводы, Сапега „на непослушныхъ и противныхъ заложилъ" на короля „вину" въ три тысячи, а на себя въ тысячу копъ грошей. Намѣстнику своему въ Витебскѣ онъ приказалъ не допускать „противити" этому его постановленію „и бунъты и розтырки чинити" подъ угрозою взысканія, обѣщаннаго выше. Если же среди посполитыхъ окажется „бунтовникъ", который „бы все место бунтовать мелъ", то воеводскій намѣстникъ долженъ такового наказывать „винами и везеньемъ".

Такимъ образомъ рѣшеніе дѣла воеводою оказалось вполнѣ въ пользу конныхъ мѣщанъ. Посполитые не могли быть имъ довольны. Уже послѣднія слова воеводскаго листа о бунтахъ, бунтовщикахъ и возможности возбужденія волненій въ городѣ, съ угрозами наказанія за это, говорятъ о томъ, что настроеніе посполитыхъ мѣщанъ было весьма неспокойно. Рядъ документовъ, вошедшихъ въ записи земскихъ Витебскихъ книгъ 1593 года, рисуетъ подробности этого столкновенія двухъ группъ мѣщанства Витебска, которое приняло очень серьезные размѣры.

23 іюня 1593 года Витебскій намѣстникъ воеводы Миколая Сапеги, панъ Тимофей Казаринъ заявилъ Витебскому земскому суду на Троицкихъ рокахъ, что, когда онъ, имѣя съ собою „писанье" къ нему воеводы, требующее отъ него приведенія въ исполненіе изложеннаго выше рѣшенія дѣла Сапегою, приступилъ къ исполненію этого приказанія, произошло слѣдующее [2]). Казаринъ послалъ подвойскихъ по домамъ посполитыхъ

---

[1]) Въ изданіи опечатка: «воеводъскою».

[2]) Заявленіе Казарина напечатано въ I томѣ Историко-Юридич. Матеріаловъ, стр. 321—324 и вторично тамъ же на стр. 332—335. Переиздано *А. Сапуновымъ* на стр. 69—71 I-го тома его изданія «Витебская Старина» (составилъ и издалъ *А. Сапуновъ*. Витебскъ. 1883).

мѣщанъ, созывая ихъ къ себѣ, „до замку вышнего“ [1]), для выслушанія воеводскаго постановленія. Но посполитые „сами не стали“, а лишь послали четырехъ „посланцовъ своихъ“ [2]) съ просьбою о выдачѣ имъ копіи съ листа воеводы. Казаринъ показалъ имъ оригиналъ этого листа, прочиталъ его имъ и сейчасъ же выдалъ копію съ него подъ печатью Витебскаго генералъ-вознаго Юрія Захарчинскаго. На другой день послѣ этого, 22 іюня, посполитые прислали къ Казарину тѣхъ же посланцевъ и черезъ нихъ „отказали“ ему слѣдующими словами: „мы дей яко его милости пана воеводу чъстимъ и важымъ, такъ и листъ его милости, але до справованя важницы и до всихъ инъшыхъ справъ мескихъ мѣщанъ конъныхъ не припустимъ и боронити будемъ до горлъ своихъ“. Отвѣтомъ этимъ Казаринъ, конечно, не удовлетворился. Онъ попросилъ сопровождать себя „пановъ товаришовъ своихъ судовыхъ кгродскихъ и слугъ его милости“ воеводы, пановъ Яна Бритовскаго и Василя Макаровича, т.-е. Витебскихъ гродскихъ судью и писаря [3]), взялъ съ собою Витебскаго генералъ-вознаго „зъ приданя“ земскаго судоваго уряда, въ это время отправлявшаго земскіе роки, а при генералъ-возномъ пятерыхъ шляхтичей [4]) и направился со всѣми ими „до двора гостиного мескаго, лежачого подле церкви Святого Воскресенья“. Въ гостиномъ дворѣ онъ нашолъ шесть человѣкъ „людей, мещанъ посполитыхъ, зъ великимъ бунтомъ“ [5]), а при нихъ „у томъ дворе люду было не мало, которыхъ могло быти о колка сотъ человекъ“. Казаринъ обратился къ этимъ посполитымъ и сказалъ имъ объ отданномъ ему по челобитью конныхъ мѣщанъ воеводиномъ приказаньѣ, чтобы онъ, „ведле розказанья и писанья листу его милости“ воеводы, „тыхъ мещанъ конъныхъ до важницы и до скрыни съ прывильями, до двора гостиного и до всихъ справъ мескихъ, ведле стародавнаго звычаю и застановенья ихъ, сполне зъ“ посполитыми, „припустилъ и до моцы ихъ у держанье подалъ“. Тутъ же онъ предъявилъ самый листъ воеводы черезъ генералъ-вознаго и шляхту, бывшую при немъ [6]). Листъ былъ прочитанъ вслухъ. Выслушавъ его, посполитые мѣщане повторили Витебскому намѣстнику свои прежнія слова, уже

---

[1]) О Витебскихъ замкахъ см. «Витебская Старина» I, стр. 613 и сл.

[2]) Максимъ Мась, Илья Хомичъ Свѣчка, Иванъ Бѣлый, Иванъ Левушня.

[3]) Макаровичъ извѣстенъ и другимъ актамъ какъ «врадникъ» Витебскаго воеводы Миколая Сапеги (Ист.-Юр. Мат. XX, стр. 395 и сл.), Бритовскій или Брестовскій—какъ «служебникъ» того же воеводы (ibidem, стр. 401).

[4]) Панъ Янъ и панъ Ярошъ Давидовичи Зелепуги, панъ Иванъ Вишекъ, панъ Юрій Якубовичъ Чеплей и панъ Григорій Белновичъ Подвинскій.

[5]) Павелъ Василевичъ Скоробогатый, Иванъ Бѣлый Вландорошковичъ (кравецъ), Богданъ Тарасовъ (рѣзникъ), Кузьма Лишинъ, Просперъ Ивановичъ Дроня, Семенъ Тишковичъ Вертосчинъ.

[6]) О «сторонѣ-шляхтѣ» при возномъ см. Ж. М. Н. Пр. 1897, VI, стр. 275—276.

сказанныя ему однажды: „его милости пана нашого поважаемъ, але тыхъ мещанъ конъныхъ до справованья и пожытковъ мескихъ не припущаемъ и до горлъ нашыхъ будемъ боронить“. Казаринъ, „осветчывшы“ это генералъ-возному и шляхтѣ, бывшей при немъ, пошолъ изъ гостинаго двора „мимо важницы“. Но посполитые, полагая, что онъ собирается „важъницу мещаномъ конънымъ подавати“, бросились къ нему всѣ толпою, стали его „вышихати и вытиснули“ его и его спутниковъ изъ гостинаго двора, а товарищей его, слугъ воеводы [1]), „почали были шарпать“. Всѣмъ этимъ посполитые „спротивилисе“ листу воеводы и намѣстнику послѣдняго, вслѣдствіе чего „попали“ въ ту „заруку“, которая воеводою опредѣлена на не повинующихся его постановленію, т.-е. три тысячи копъ грошей [2]) на короля и тысячу на воеводу. Все это Казаринъ довелъ до свѣдѣнія земскаго суда для внесенія въ земскія книги. То же самое сдѣлалъ и генералъ-возный со шляхтою, бывшею при немъ на этомъ дѣлѣ [3]).

Въ тотъ же самый день, когда внесъ свое заявленіе въ земскія книги Казаринъ, т.-е. 23 іюня 1593 года, явились передъ земскій Витебскій судъ и восемнадцать человѣкъ конныхъ мѣщанъ [4]), которые „оповедали и жаловали обътежливе сами отъ себе и ото всее братии своее, мещанъ конъныхъ, на мещанъ посполитыхъ и на помочниковъ ихъ“, излагая въ своей жалобѣ то же самое, что заявилъ суду и Казаринъ, добавляя, однако, нѣкоторыя подробности [5]). Конные мѣщане говорятъ, что они также были при Казаринѣ во время его прихода въ гостиный дворъ къ посполитымъ и, когда онъ со своими спутниками направился изъ гостинаго двора вонъ, конные пошли также „при его милости пану наместнику зъ двора гостиного прочъ, мимо важницу, а они, мещане, людъ посполитый, кинулисе вси и начали“ конныхъ мѣщанъ „выпыхати и вытиснули“ ихъ „зъ двора гостиного, шарпаючы, прочъ“. Въ этомъ заявленіи конныхъ приведенъ цѣликомъ и листъ-

---

[1]) Т.-е. Брестовскаго и Макаровича (послѣдній въ этомъ мѣстѣ документа названъ Василіемъ Тисничемъ).

[2]) Въ изданіи документа пропущено слово «три» передъ словомъ «тысечы». Ср. Ист.-Юр. Мат. I, стр. 330.

[3]) Текстъ «квита» генералъ-вознаго Захарчинскаго — Ист.-Юр. Мат. I, стр. 326—332.

[4]) Бородичъ Дементеевичъ, Петръ Волзинъ, Левонъ Волзинъ, Есипъ Симоновичъ Велижанинъ, Иванъ Тютковичъ, Семенъ Ивановичъ, Занко Михайловичъ Волкъ, Хома Сижиковскій, Данила Григорьевичъ Чоска, Василій и Петръ Матвѣевичи Волзины, Иванъ Карниловичъ Дрондя, Осипъ Якимовичъ Корабельникъ, Леонъ Васковичъ, Ѳеодоръ Жлукта, Яковъ Коробанъ, Ѳеодоръ Косьянъ, Яцко Ѳедоровичъ.

[5]) Заявленіе конныхъ, въ которое вошолъ и текстъ листа Захарчинскаго — Ист.-Юр. Мат. I, стр. 324—332.

„сознанье“ генералъ-вознаго Юрія Гавриловича Захарчинскаго, о которомъ упоминаетъ пересказанное нами выше заявленіе Казарина. Захарчинскій излагаетъ то же самое, что намъ уже извѣстно о происшедшемъ въ гостиномъ дворѣ, существенно дополняя дѣло приведеннымъ имъ полностью текстомъ распоряженія Витебскаго воеводы, послужившимъ ближайшимъ толчкомъ для возникновенія всего столкновенія въ средѣ мѣщанства Витебска [1]).

23-го же іюня 1593 года внесъ въ Витебскія земскія книги свое заявленіе и Витебскій возный Михайло Тимофеевичъ Добринецкій [2]). Это заявленіе прибавляетъ еще нѣсколько подробностей, цѣнныхъ потому, что Добринецкій находился при посполитыхъ, въ то время какъ предыдущіе документы, пересказанные нами, идутъ отъ лицъ, встрѣтившихся съ посполитыми лишь въ самый моментъ появленія Казарина въ гостиномъ дворѣ. Добринецкій говоритъ о томъ, какъ онъ вступилъ въ это дѣло, въ своемъ „сознаньѣ“ такъ: 22 іюня 1593 года, „водлугъ нового календару, будучы мне взятому, за листомъ и писаньемъ до мене отъ его милости“ Витебскаго воеводы, „войту господаръскому места Витебъского, пану Богдану Яковлевичу Грому, также мещаномъ посполитымъ Витебъскимъ на вшелякие ихъ права меские“. Со своею „стороною“ [3]), какъ возный, онъ находился въ этотъ день въ мѣстскомъ гостиномъ дворѣ на Завитебномъ посадѣ, гдѣ собрались „мещане и все посполство места Витебского“. Посполитые мѣщане [4]), „будучы того дня“ въ гостиномъ дворѣ „на въспе, зобраномъ для порады своее меское“, отправили „своихъ двухъ братовъ, мещанъ Витебскихъ“ [5]), а съ ними „не мало людей, братю свою“, къ Витебскому намѣстнику Казарину „съ такою справою“—съ отвѣтомъ на копію листа воеводы, которая была выдана Казаринымъ посламъ посполитыхъ для отвѣта на этотъ листъ послѣднихъ [6]). Отвѣтъ этотъ Добринецкимъ передается не такъ кратко, какъ это дѣлаетъ Казаринъ. Онъ заключаетъ въ себѣ мотивировку посполитыми своего поступка. Вотъ этотъ отвѣтъ въ передачѣ

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. I, стр. 328—330.

[2]) Ibidem. стр. 335—340.

[3]) Два Витебскихъ шляхтича: панъ Александръ Овдовскій и панъ Яцко Лукашевичъ Буевичъ.

[4]) Иванъ Бѣлый, Ѳедоръ Драбышъ, Власъ Дропковъ, Онико Матвѣевъ, Богданъ Тарасовъ, Ондрей Никиноровъ, Семенъ Вертошковъ, Сафонъ Спица, Максимъ Олексинъ, Иванъ Озарко, Васко и Юрко Котелники, Богданъ Михалевъ, Иванъ Левушня, Прокопъ Дроня, Кузьма Соколовъ, Юрко, Илья и Артемъ Колесцы, Остапъ Митковъ, Богданъ Сидковъ, Андрей Овсяникъ Кмита, Андрей Войля, Яковъ Девятый, Иванъ Самуйловъ, Яковъ Семеновъ, Ѳедко Вавула, Олексѣй Сидоровъ „и зо всими мещаны посполствомъ места Витебского“,

[5]) Максимъ Масень и Илья Хомичичъ Свѣчка

[6]) См. выше, стр. 262.

Добринецкаго: „милостивый дей пане, мы, яко посланцы отъ братьи своее, мещанъ посполства Витебского, посланыи зъ дому гостиного до твоей милости, яко до враду, на [отказъ] [1]) тое копеи зъ листу его милости пана воеводы Витебского, которую дей ваша панская милость рачылъ намъ дать для порозуменья братьи нашой, мещаномъ посполству Витебскому, которую дей копею прочытавшы оную зъ учътивостью, же дей милостивый панъ наместникъ пишетъ до насъ его милость панъ воевода его милость, жебыхмо мещаномъ конънымъ важънищу и домъ гостинъный и печать мескую зе вшелякими доходы и пожытки поступити мели, нижли дей, милостивый пане, мещане конъные зъ нами у праве стоятъ. Съ тыхъ дей причынъ, милостивый пане, мещане мы вси, посполство места Витебъского, увязанье у важницу и домъ мескій и во въси пожытки поступити не хочемъ, кгдыжъ дей нашъ Витебскій войтъ, панъ Богданъ Яковлевичъ Громъ и съ посланцами нашими до Витебъска прыедутъ, а мы потулъ безъ ведомости ихъ не поступуемъ“. На это Казаринъ отвѣтилъ: „чему дей васъ ко мне мало узышло съ тымъ отказомъ на тую копею на листъ его милости пана воеводинъ, до васъ писаною“. А затѣмъ „повторе“ сказалъ: „прыйдите дей ко мъне зъ болъшею громадою людей на отказъ“. Посполитые „розказанью его милости пана наместникова досыть послушенству чынили“; но, когда они явились къ нему, „зъ болъшою громадою, зъ мещаны своими, посполъствомъ Витебъскимъ“, то шестерыхъ изъ явившихся мѣщанъ Казаринъ посадилъ въ „турму“. Мѣщанинъ Павелъ Васильевичъ Скоробогатый съ вознымъ и его „стороною“ отправился „до замъку господарского Витебъского вышнего“, гдѣ сидѣли шесть заключенныхъ мѣщанъ [2]), и Скоробогатый „сполне зъ мещаны посполствомъ Витебскимъ“ передъ вознымъ и стороною его спросилъ ихъ: „хто дей васъ осадилъ тутъ до везенья“? Заключенные, „седечы у турме“, отвѣтили: „гды дей насъ братья наша, мещане посполство Витебское, посылали до его милости пана Тимофея Казарина, наместника Витебского, зъ двора меского на отказъ тое копеи звышъ мененое зъ листу его милости пана воеводина, ... а его дей милость панъ Тимофей Казаринъ казалъ насъ заразъ слугамъ своимъ до везенья замъкового, до турмы, посадити, не выслухавъшы дей въ насъ мовенья нашого“. Возный Добринецкій со своею стороною на другой день, т.-е. 23 іюня, находился въ гостиномъ дворѣ при всѣхъ посполитыхъ мѣщанахъ, когда пришолъ туда Казаринъ съ генералъ-вознымъ Захарчинскимъ и стороною послѣдняго. Ставъ

[1]) Въ изданіи точки. Основаніемъ для возстановленія въ текстѣ слова „отказъ“ является не только смыслъ фразы, но и стр. 344 того же I-го тома Ист.-Юр. Матеріаловъ.

[2]) Максимъ Масень, Ѳедоръ Драбышъ, Юрко Клинко, Матвѣй Кромковичъ, Илья Свѣчка, Онига Гончаръ.

вмѣстѣ со всѣми ними „подле важницы“, Казаринъ сказалъ Добринецкому: „ты дей, пане возный, за чиимъ приданьемъ, отъ кого естъ ты зъ уряду до тыхъ мещанъ посполитыхъ Витебъскихъ приданымъ“? На это Добринецкій отвѣтилъ, что онъ „приданымъ естъ до вшелякихъ справъ“ Витебскому войту Богдану Грому и всѣмъ посполитымъ мѣщанамъ Витебска по листу воеводы, который онъ раньше показывалъ Казарину, но котораго теперь при себѣ не имѣетъ, и что „въ той копеи зъ листу его милости пана воеводиномъ, до места писаного, признаваемъ за войта Витебъского Богдана Грома“. Послѣ этого намѣстникъ Казаринъ обратился къ мѣщанамъ съ такими словами: „панове дей мещане, хотя дей мне не годилося было прыйти до васъ зъ листомъ его милости пана воеводинымъ, до васъ писанымъ, тутъ, до дому вашого меского, якожъ дей дня третего далъ былъ есми вамъ копею зъ листу его милости пана воеводина, до васъ писаного, для порозуменья, нижли дей на тую копею, выступивши зъ посродку братьи своее Павелъ Васильевичъ Скоробогатый, за прозбою отъ всее братьи своее, мещанъ всего посполства Витебъского, тыми словы мовилъ“. Казаринъ привелъ эти слова: отъ имени всего поспольства мѣщанъ Скоробогатый и посполитые мѣщане, стоявшіе около него, заявили, что чтятъ и „зъ учтивостью“ принимаютъ воеводинъ листъ, но коннымъ мѣщанамъ не хотятъ „поступити“ важницы, мѣстскаго двора и мѣстскихъ доходовъ—ихъ войтъ Богданъ Громъ съ ихъ посланцами поѣхалъ къ королю „на росправу“, и безъ нихъ они не могутъ этого сдѣлать. Тогда Казаринъ сказалъ: „пытаю дей васъ, панове мещане, за симъ листомъ его милости пана воеводинымъ, чы поступуете дей вы [въ] важъницу и доходы мескіе мещаномъ конънымъ увязанья“? На этотъ вопросъ Скоробогатый вмѣстѣ съ мѣщанами-поспольствомъ отвѣтилъ: „милостивый пане! просимъ покорне вашу панъскую милость, не рачъ ваша милость намъ кривды чынить до приезъду войта нашого пана Богдана Грома и посланъцовъ нашыхъ“. Послѣ этого Казаринъ „далъ покой тымъ мещаномъ посполитымъ и съ того двора гостиного прочъ пошолъ“. Все это Добринецкій удостовѣрилъ своимъ листомъ-„сознаньемъ“, выданнымъ имъ Ивану Ермоловичу Бѣлому, въ это время бывшему „на мейсцу войта господаръского Витебъского“ пана Грома, а также и Витебскимъ посполитымъ мѣщанамъ. Такими выступаютъ подробности дѣла въ оффиціальномъ же заявленіи вознаго, но представленномъ въ земскія книги не со стороны конныхъ мѣщанъ и Казарина, а со стороны мѣщанъ посполитыхъ. Это же самое „сознаніе“ вознаго Добринецкаго внесено въ Витебскія книги и еще разъ, 26 іюня 1593 года [1]).

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. I, стр. 343—348.

23-го же іюня 1593 года въ Витебскія земскія книги внесено и другое заявленіе вознаго М. Т. Добринецкаго, которое объясняетъ, почему мѣщанинъ Скоробогатый выступаетъ въ предшествующемъ изложеніи представителемъ всего Витебскаго посполитаго мѣщанства. Въ этотъ самый день 23 іюня, Добринецкій [1]) со своею стороною [2]) былъ „упрошонымъ“ отъ Скоробогатаго „на запытанье мещанъ господарскихъ посполитыхъ“ Витебскихъ, а именно Софона Спицы, Семена Вертошки, Кузьмы Соколовскаго, Алексѣя Масня и Богдана Тарасова. Находясь при Скоробогатомъ „на дворе мескомъ, стоячомъ на посаде Завитебномъ“, Добринецкій видѣлъ и слышалъ слѣдующее. Скоробогатый сказалъ вышеназваннымъ мѣщанамъ, что Казаринъ идетъ къ мѣстскому двору и къ важницѣ, чтобы ихъ „подати“ коннымъ мѣщанамъ „за листомъ“ воеводы; кто же изъ нихъ „речъ мовитъ“ Казарину? Тогда эти мѣщане просили Скоробогатаго говорить отъ имени ихъ и всѣхъ посполитыхъ передъ намѣстникомъ, прибавивъ при этомъ: „а ваги, вашмость, и двора мескаго мещаномъ конънымъ не поступуй, бо мы теперъ зъ ними право ведемъ“. Скоробогатый возразилъ: „панове дей мещане, я чоловекъ молодый, не смею зъ его милостью спротивяти“. Отвѣтомъ на это было: „пане дей Павле, если же вашмости якая шкода отъ кого жъ колвекъ стать мела, або што бы колвекъ наложилъ грошомъ своимъ на потребу нашую мескую, теды дей мы вашмости шлюбуемъ, то все своимъ властнымъ грошомъ заплатимъ, хотя бы ся для насъ будь везенья абы и бою якого терпети мелъ“ [3]).

До 1-го іюля 1593 года посполитые должны были отстаивать себя противъ конныхъ, не имѣя во главѣ себя своего войта. Его замѣщалъ Иванъ Ермоловичъ Бѣлый, который, видимо, не справлялся со своимъ положеніемъ, такъ какъ защищать интересы посполитыхъ передъ Витебскимъ намѣстникомъ былъ ими уполномоченъ Павелъ Васильевичъ Скоробогатый. 1-го іюля вернулся наконецъ въ Витебскъ войтъ Громъ, 9-го еще мая этого года посланный на вальный сеймъ въ Варшаву [4]) „отъ мещанъ и всего посполъства Витебъского для справъ мескихъ“ [5]). Сейчасъ же по возвращеніи въ Витебскъ, 1-го іюля, онъ внесъ въ

---

[1]) Добринецкій о себѣ говоритъ: „будучы приданый за листовнымъ писаньемъ отъ ясневелможного пана его милости, пана Миколая Павловича Сапеги, воеводы Витебъского, старосты Велижъского, державъцы Суражъского“. Ист.-Юр. Мат. I, стр. 341. Ср. ibidem, стр. 343.

[2]) Два шляхтича—панъ Александръ Овдеевскій и панъ Яцко Лукашевичъ Буевичъ.

[3]) Заявленіе Добринецкаго.—Ист.-Юр. Мат. I, стр. 341—342.

[4]) Конституція этого сейма—25 іюня 1593 года (Volumina Legum. Tom II. Petersburg. 1859. Str. 354).

[5]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 348.

Витебскія земскія книги свое заявленіе, изъ котораго узнаемъ, что Казаринымъ были къ этому времени посажены „до везенья замъкового“ уже не шесть, а двѣнадцать мѣщанъ. Громъ тотчасъ по пріѣздѣ отправился къ Казарину, „хотечы о томъ ведать, хто тыхъ мещанъ, братью“ его, „до везенья осадилъ“. На этотъ вопросъ намѣстникъ отвѣтилъ: „если дей ты, войте, того не зведомъ, тогды пытай се у братьи своее о копіи зъ листу его милости пана воеводиномъ, имъ даной, тамъ же доведаешься и зъ нее зрозумеешъ, хто и за што ихъ посадилъ, а на остатокъ и поведаю тобе, же они естъ за спротивенъство листу его милости пана воеводы осажоны и еще дей и болшъ сажати буду“. Тогда войтъ попросилъ намѣстника дать для этого дѣла вознаго, но получилъ отказъ. Въ виду этого Громъ воспользовался тѣмъ, что тогда какъ разъ отсуживалась Троицкая сессія земскаго суда, и обратился за вознымъ къ послѣднему. Земскій судъ исполнилъ его просьбу и далъ ему Витебскаго вознаго Войтеха Костеневскаго, который, „тамъ бывъшы и тое справы ихъ местское прыслухавшысе“, подалъ въ земскія книги такое „сознанье“. 1-го іюля 1593 года онъ со стороною [1]) „ходилъ въ замокъ господарскій Витебъскій вышній до наместъника воеводъства Витебъского, пана Тимофея Казарина“. Тутъ войтъ Громъ черезъ него, вознаго, и его сторону „оказовалъ“ Казарину „листъ впоминальный“, писанный къ Витебскому воеводѣ Миколаю Сапегѣ и выданный изъ господарской канцеляріи за печатью и подписью „руки господарское“. Въ этомъ листѣ король, „навпоминаючы его милость пана воеводу, писати рачылъ, абы его милость самъ, тамъ до Витебъска заехавшы, справъ и вшелякихъ розтырковъ ижъ такъ зъ Семеномъ Савлукомъ [2]), яко и зъ мещаны копъными розъсудкомъ своимъ дойзрелъ о то, все межы ними успокоилъ, такъ же и въходы ихъ меские, которые они зъ давныхъ часовъ, водле правъ и волностей своихъ, въ моцы своей маютъ, къ тому и войтовъство Витебъское—во все то абы се его милость самъ черезъ себе и наместниковъ своихъ не въступовалъ“. Но Казаринъ, принявъ отъ вознаго этотъ листъ и прочитавъ его „съ початку и до конца“, заявилъ, что онъ „ни до кого инъшого естъ писанъ, одно до самого его милости пана воеводы“; поэтому онъ не принимаетъ его, „и, если дей естъ кому потреба, нехай зъ нимъ едеть до его милости пана воеводы“. Тогда возный „давалъ“ Казарину копію съ этого упоминальнаго королевскаго листа, за своими печатью и подписью, а также за подписями двухъ шляхтичей, но онъ не принялъ и этой копіи. Послѣ этого войтъ Громъ передъ вознымъ и его стороною спросилъ Казарина:

---

[1]) Два шляхтича—панъ Иванъ Жолперовскій и панъ Андрей Жуковскій.

[2]) Витебскій войтъ Семенъ Савлукъ упоминается въ 1588 году (Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 403) и затѣмъ опять, послѣ Грома въ 1594 году (Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 411). См. также выше въ текстѣ.

„хто бы дей братью нашу, мещанъ посполитыхъ Витебъскихъ, до везенья замъкового, въ небытности моей, посажалъ?“ Отвѣтомъ Казарина было: они посажены имъ „за спротивенство противъ листу его милости пана воеводиного“. Возный со стороною отправился затѣмъ „до турмы оныхъ посажоныхъ вязневъ на запытанье ихъ, отъ кого бы они таковое везенье терпели“. На его вопросъ всѣ двѣнадцать заключенныхъ [1]) „въ одно слово“ отвѣтили: „коли есмо были пришли до его милости пана наместника, хотячы се прыслухать листу его милости пана воеводиному, тогды панъ Тимофей Казаринъ заразомъ казалъ насъ слугамъ своимъ до того везенья посадити, нетъ ведома для которое причыны, безвинне, и вже дей въ томъ невинномъ везенью седимъ десять дней [2]) и болшъ того не ведаемъ, колко еще седити будемъ въ томъ окрутномъ везенью“ [3]).

Въ напечатанныхъ актахъ Витебскаго земскаго суда не находимъ окончанія всего этого дѣла. Можно, однако, изъ нѣкоторыхъ указаній отдѣльныхъ документовъ этого суда сдѣлать выводъ, что посполитые не вышли изъ столкновенія съ конными полными побѣдителями. Въ 1594 году войтомъ Витебска былъ уже не Богданъ Яковлевичъ Громъ, а Семенъ Семеновичъ Савлукъ, занимавшій войтовскій урядъ и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVI-го столѣтія. Имя этого Савлука встрѣчаемъ въ 1594 году въ числѣ „печатарей“ на завѣщаніи коннаго мѣщанина Витебскаго Игната Селивоновича (съ Кобищъ) вмѣстѣ съ именами нѣсколькихъ мѣщанъ конныхъ [4]). Этотъ же самый Савлукъ былъ Витебскимъ войтомъ въ 1588 году [5]), а упоминаніе его имени въ листѣ Сигизмунда III къ воеводѣ Миколаю Сапегѣ, привезенномъ Громомъ съ Варшавскаго сейма 1593 года [6]), даетъ основаніе думать, что онъ былъ прямымъ предшественникомъ Грома по войтовству, притомъ въ началѣ девяностыхъ годовъ попавшимъ въ „справы и розтырки“, которыя возникли среди Витебскаго мѣщанства. Въ передачѣ содержанія этого листа имя Савлука соединяется съ конными мѣщанами [7]). Въ 1589 году Сигизмунду III-му войтъ съ мѣщанами Витебска бьетъ челомъ о подтвержденіи „правъ и всихъ волностей ихъ мѣстскихъ“, которое дается королемъ съ утвержденіемъ особеннаго привилегированнаго положенія конныхъ мѣщанъ, что было, конечно, сдѣлано въ согласіи

---

[1]) Максимъ Масень, Илья Свѣчка, Кузьма Соколовъ, Юрко Иличъ, Оника Матвѣевъ, Матвѣй Громковичъ, Богданъ Содковъ, Богданъ Тарасовъ, Омельянъ и Онухрей Никипоровичи, Ѳедоръ Парфеновъ, Яковъ Семеновъ.

[2]) Въ изданіи: „дей“.

[3]) Заявленіе войта Грома и „сознаніе“ возного Войтеха Костеневскаго— Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 348—352.

[4]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 411.

[5]) Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 403.

[6]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 350.

[7]) См. выше, стр. 259.

съ желаніемъ просителей. [1]) Если сопоставить всѣ эти отдѣльныя черты, получается довольно ясное впечатлѣніе того, что Савлукъ былъ ставленникомъ конныхъ мѣщанъ, желаннымъ для нихъ войтомъ, отстаивавшимъ ихъ интересы. Возвращеніе его на войтовской урядъ въ 1594 году говоритъ о побѣдѣ конныхъ надъ посполитыми въ дѣлѣ замѣщенія этого уряда. Но съ другой стороны не удержался на Витебскомъ намѣстничествѣ и Тимофей Казаринъ, этотъ сторонникъ конныхъ мѣщанъ противъ посполитыхъ, явно враждебно дѣйствовавшій по отношенію къ послѣднимъ. Въ 1594 году Витебское намѣстничество держалъ уже Миколай Яновичъ Дережинскій отъ того же воеводы Миколая Сапеги [2]), между тѣмъ Казаринъ вовсе не такъ задолго до лѣта 1593 года, когда разыгралось вышеизложенное столкновеніе конныхъ и посполитыхъ мѣщанъ въ Витебскѣ, вступилъ въ должность воеводскаго намѣстника [3]).

Иногда въ источникахъ къ словамъ „конные мѣщане“ присоединяется еще слово „поселскіе“. Эти посельскіе конные мѣщане представляютъ собою нѣкоторую группу въ самомъ конномъ мѣщанствѣ, какъ цѣломъ. Въ одной изъ записей Витебскаго земскаго суда 1626 года дается такое перечисленіе группъ, на которыя распадается Витебское конное мѣщанство: „мещане конные—некоторые въ месте Витебъскомъ мешъкаючые, а другие на розныхъ местъцахъ у воеводстве селъка, кгрунты, а некоторые на предместю Витебъскимъ поля свои маючые“. [4]) Такимъ образомъ конные мѣщане естественно распались на двѣ главныя группы: 1) живущіе въ самомъ Витебскѣ или въ его предмѣстьѣ и 2) разбросанные со своими имѣніями по разнымъ мѣстамъ Витебскаго воеводства. Послѣдніе и носили наименованіе посельскихъ [5]). Одинаковое правовое положеніе обѣихъ группъ коннаго мѣщанства не могло создавать одинаковости ихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Жившіе въ самомъ Витебскѣ или въ его предмѣстьѣ сохраняли реальную связь съ городомъ и городскою жизнью. Вопросы этой жизни и мѣщанскаго самоуправленія съ его хозяйствомъ представляли для нихъ вопросы крупнѣйшаго значенія, и отъ участія въ ихъ разрѣшеніи съ рѣшающимъ голосомъ они не могли отказаться. Иное дѣло конные посельскіе мѣщане. Живя въ своихъ имѣніяхъ, они утрачивали непосредственныя

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 187.

[2]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 408, 453.

[3]) Въ 1590 году Витебскимъ намѣстникомъ Сапеги былъ Янъ Война Ромейко. Ист.-Юр. Мат. XX, стр. 401 и сл.

[4]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 369.

[5]) Въ подтвержденіи земель посельскимъ коннымъ мѣщанамъ отъ Сигизмунда III отъ 24 марта 1626 года читается: „supplikowali nam mieszczanie naszy konni posielscy, nie w miescie, ale w woiewodstwie Witebskim po roznych miescach iedni od drugich w kilku milach na grunciech swych oyczystych y kupnych wieczystych mieszkaiące“. Ibidem. Стр. 371.

связи съ городомъ, и интересы городской жизни не могли имѣть для нихъ очень существеннаго значенія. На первомъ планѣ для нихъ должны были стать ихъ права въ повѣтѣ, рядомъ съ повѣтовою шляхтою, а не въ средѣ Витебскаго мѣщанства.

Встаетъ естественно вопросъ: почему конное мѣщанство встрѣчаемъ въ Витебскѣ, не встрѣчая его въ другихъ крупныхъ городахъ Западной Руси? Въ другихъ старыхъ городахъ источники также знаютъ мѣщанъ, которые служатъ „конемъ“, подобно боярамъ и шляхтѣ, но которые не образовали группы населенія, выдѣлившейся по своему правовому положенію изъ остального мѣщанства. Такъ, Полоцкая Ревизія 1552 года даетъ длинный перечень мѣщанъ Полоцка, которые выставляютъ коней „ку службе земской“. [1]) Заголовокъ, подъ которымъ дано Ревизіей 1552 года описаніе этихъ мѣщанъ, слѣдующій: „а то суть мещане под тымъ же прысудомъ права майдыбсрского, которые имене свои маютъ“ [2]) Если присмотрѣться къ этому описанію, въ которомъ перечислены мѣщане, служащіе земскую военную службу, то обнаружится размѣръ ихъ имѣній, не только равный съ размѣрами имѣній шляхтичей, но часто даже ихъ превосходящій. Такъ, Полоцкій бурмистръ Давидъ Панковъ обозначенъ имѣющимъ 7 селъ и селецъ, принадлежащихъ ему вполнѣ по праву покупки, и одно имѣньице въ залогѣ отъ трехъ Полоцкихъ бояръ [3]) Въ его селахъ и сельцахъ обозначены 38 дымовъ вольныхъ людей, одинъ человѣкъ, дающій ему четвертый снопъ со всякаго збожья, одинъ путный слуга, служащій ему конемъ, кромѣ того одна корчма; въ заставномъ имѣніи—9 дымовъ вольныхъ людей [4]). „Ку службе земской“ Давидъ Панковъ долженъ выставлять 3-хъ коней. Если взглянемъ на списокъ Полоцкой шляхты въ той же Ревизіи 1552 года [5]), то замѣтимъ, что лишь 12 шляхетскихъ земельныхъ владѣній выставляли по 3 коня, въ то время какъ 29—по 2 коня, 48—по одному коню [6]). Не забудемъ при этомъ, что по 2 и по 1 коню выставляли 77 изъ 112 шляхетскихъ земельныхъ владѣній, т.-е. цѣлыхъ 69%. Вообще землевладѣніе этой группы Полоцкихъ мѣщанъ своими размѣрами смѣло выдерживаетъ сравненіе съ землевладѣніемъ шляхты, за исключеніемъ, конечно, верхнихъ слоевъ послѣд-

[1]) Полоцкая Ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ *И. И. Лаппо*. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при Моск. Ун. 1905. II (и отдѣльно М. 1905). Стр. 31—43.

[2]) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 31.

[3]) Гаврило, Курило и Андрей Онскушковичи.

[4]) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 31—32.

[5]) *И. И. Лаппо*. Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. Томъ I. СПБ. 1901. Стр. 494.

[6]) Изъ послѣднихъ одно даже лишь „водле можности“. Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 163.

ней. Но свыше 3-хъ коней изъ 112 шляхетскихъ земельныхъ владѣній Полоцкаго воеводства выставляли лишь 23 владѣнія, т.-е. около 20% общаго числа ихъ.

Такимъ образомъ мѣщанство, владѣвшее имѣніями, несомнѣнно являлось замѣтною частью тѣхъ земскихъ ополченій, въ которыя формировались въ военное время землевладѣльцы областей, обязанные земскою военною службою. Въ эпоху, когда значеніе отдѣльныхъ обывателей земли или стараго повѣта [1]) опредѣлялось не ихъ сословностью и шляхетскою привилегіею, а дѣйствительнымъ, реальнымъ положеніемъ, основаннымъ на размѣрахъ землевладѣнія и связанныхъ съ ними размѣрахъ участія въ земскомъ войскѣ, землевладѣльческое мѣщанство стояло рядомъ со шляхтою-боярствомъ, мѣшаясь съ его рядами. [2]) Участіе мѣщанъ въ земской военной службѣ не только не могло возбуждать недовольства бояръ-шляхты, но было для нихъ желательно и цѣнно, какъ оно было цѣнно и для верховной власти, первымъ—какъ замѣтная помощь, второй—какъ увеличеніе военныхъ силъ. Но въ Полоцкѣ мѣщане, выставлявшіе коней въ рушеньѣ, не образовали особой по своимъ правамъ группы населенія. Не встрѣтились намъ въ источникахъ конца XVI столѣтія указанія на такую группу и въ другихъ крупныхъ городахъ Западной Россіи. Причиною особенности Витебска въ этомъ отношеніи является исторія самоуправленія его, какъ мѣста-города.

Витебскъ до самаго конца XVI столѣтія не имѣлъ Нѣмецкаго городского права, по крайней мѣрѣ въ его полномъ видѣ. Въ перечняхъ городовъ, обладавшихъ Магдебургскимъ или Хелмскимъ правомъ, которые приводятся въ исторической литературѣ, Витебскъ отсутствуетъ [3]), хотя никому и въ голову не можетъ придти выбрасывать его изъ списка самыхъ крупныхъ городовъ Великаго Княжества Литовскаго [4]). И въ

---

[1]) Т. е. до реформы повѣтовъ въ 1566 году.

[2]) Такъ, Полоцкая Ревизія 1552 года называетъ среди мѣщанъ Софійскаго протопопа Ѳеофана, который съ имѣнія (отчина его жены) „ку службе земской поспол зъ земяны конь ставитъ“ (стр. 42).

[3]) См., напр., списокъ у *С. А. Бершадскаго* (Литовскіе Евреи. СПБ. 1883. Стр. 261) и *Ѳ. В. Тарановскаго* (Обзоръ памятниковъ Магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Варшава. 1897. Стр. 18—19).

[4]) Гванини о Витебскѣ пишетъ: „Vitebsk civitas satis ampla, ad Dwinam fluvium insignem et navigabilem, quo merces omnigenae Rigam Livoniae metropoliam deportantur, sita. Arces duas amplissimas natura et oportunitate loci munitissimas habet, quarum una inferior in planitie sita, civitatis formam amplitudine referens dicitur. Altera superior in colle eminentiori condita, utraque propugnaculis et parietibus ex roboribus extructis, terraque et lapidibus impletis suppelectilique bellica, tormentis et bumbardis apprime munita. Eas una cum civitate ab oriente fluvius Dwina oportune praeterlabitur, in quam sub ipsa arce ex altera parte Viczba fluvius exoneratur. Haec arx omnium arcium finitimarum totiusque Lituaniae est fortissimum propugnaculum contra incursum Moschorum“..... *Alexandri Gwagnini.*

самомъ дѣлѣ Витебскъ получилъ Магдебургское право лишь въ 1597 г. [1]). Но въ этомъ городѣ войта встрѣчаемъ очень рано, что, повидимому, должно указывать на наличность Нѣмецкаго права въ городѣ уже въ это время. Съ другой стороны, Витебскъ и до 1597 года значится въ ряду „мѣстъ упривильеванныхъ“ [2]). Но въ его городской, мѣстской жизни до 1597 года выступаетъ лишь войтъ, безъ бурмистровъ и радцевъ, которые были рядомъ съ войтомъ въ городахъ Магдебургскаго и Хелмскаго права [3]). Съ ходатайствами отъ Витебскаго мѣста обращается къ верховной власти войтъ одинъ, притомъ не только вмѣстѣ съ мѣщанами, но и вмѣстѣ съ другими классами населенія. Такъ, подтвержденіе Уставной грамоты Витебской землѣ дано въ 1503 году великимъ княземъ Александромъ по челобитью, которое ему принесли „вси князи и бояре и слуги Витебскіи, и войтъ и мѣщане мѣста Витебского и вся земля Витебская“ [4]). Въ челобитьѣ тому же великому князю отъ Витебска въ 1495 году на насилія Витебскаго намѣстника, князя Михаила Жеславскаго даже не названъ и войтъ, а просто „мѣщане Витебскіи и все поспольство“ [5]). Въ пересказанномъ выше дѣлѣ мѣщанъ конныхъ съ посполитыми въ Витебскѣ не встрѣчаемъ ни лентвойта, ни бурмистровъ, ни радцевъ. А между тѣмъ всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ слѣдовало бы выступать въ такомъ дѣлѣ, которое всколыхнуло все Витебское мѣсто, притомъ въ отсутствіи войта. Самъ войтъ Громъ, этотъ энергичный защитникъ правъ Витебскаго мѣщанства, не говоритъ ни слова

Sarmatiae Europeae Descriptio..... Spirae. MDLXXXI. Стр. 59. Русскій переводъ этого отрывка см. у *А. Сапунова*. — Витебская Старина. Т. I. Витебскъ. 1883. Стр. 619—620. Ср. А. Ю. и З. Р. I, № 125.

[1]) А. З. Р. IV. № 118. Также у *А. Сапунова* Op. cit. Стр. 74—82.

[2]) Напримѣръ, въ записи разсылки листовъ „о поборе поголовномъ“ (Дата: Вильна, 1 февраля 1566 года) значится: „а то листы писаны особливые до мест его кролевъское мл. упривилеванныхъ; тут в месте Виленскомъ розъдано — войту Витебъскому, войту Виленскому“ и т. д. (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 89). Другой примѣръ—въ записи о разсылкѣ листовъ „о третий грош поголовщизны“ изъ Люблина 29 апрѣля 1566 года: „до местъ упривилеваных — до места Менского, до места Витебского“ (ibidem, л. 104 об.).

[3]) Нпр., „били нам чолом войт мѣста Виленского, бурмистры и рядци и вси мѣщане“. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ..... Часть I. Вильно. 1843. Стр. 17. Войтъ, бурмистры и радцы по Хелмскому праву—нпр., А. З. Р. II. № 123.

[4]) А. З. Р. I. № 204. Ист.-Юр. Мат. II. Стр. 233—236. *М. Ясинскій*. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889. Стр. 103.

[5]) А. З. Р. I. № 127. Еще примѣръ. Въ 1589 году Сигизмундомъ III было дано подтвержденіе на „вси права, вольности и привилья“, отъ предшествующихъ великихъ князей „наданые и потвержоные“ Витебскимъ мѣщанамъ, и сдѣлано это по челобитью Витебскихъ войта и мѣщанъ. О Нѣмецкомъ правѣ въ этомъ подтвержденіи нѣтъ ни слова. А. Ю. и З. Р. I. № 187.

даже о компетенціи своего войтовского уряда. Наконецъ, вмѣсто бурмистровъ и радцевъ видимъ лишь 12 выборныхъ. А въ то же самое время пересказанные выше акты знаютъ и мѣстскія дѣла, и важницу, и скриню, которыя вѣдаютъ Витебскіе мѣщане. Но „вѣсы Витебскіе“ знаетъ и Уставная грамота Витебской земли [1]).

Такимъ образомъ до конца XVI столѣтія Витебскъ не имѣлъ ни Магдебургскаго, ни Хелмскаго права, хотя его мѣщане и пользовались элементами самоуправленія. Это и должно было благопріятствовать сохраненію старины въ видѣ неотдѣленія вполнѣ отъ шляхты служившаго земскую службу мѣщанства, которое, стоя между шляхетствомъ и посполитымъ мѣщанствомъ, сохраняетъ право вѣдаться шляхетскимъ повѣтовымъ судомъ и дѣлитъ въ то же время съ остальнымъ мѣщанствомъ участіе въ городскомъ самоуправленіи, отстаивая это право равнаго въ послѣднемъ участія самымъ энергичнымъ образомъ. Нельзя не подчеркнуть тутъ того, что, заявляя себя равноправными въ Витебскомъ мѣстѣ съ остальными мѣщанами, конные не смѣшиваются съ ними и требуютъ для себя права не общаго участія съ остальнымъ мѣщанствомъ въ выборахъ войта и 12-ти уполномоченныхъ, но равнаго участія какъ группы городского населенія Витебска, противополагаемой поспольству мѣста, хотя они и были гораздо малочисленнѣе посполитыхъ. Послѣднее и, надо думать, было главною причиною недовольства посполитаго мѣщанства.

Отсутствію въ Витебскѣ до конца XVI столѣтія Магдебургскаго права соотвѣтствуютъ указанія источниковъ на значительное единство земской жизни Витебской земли, выражавшееся и въ участіи мѣщанъ, наравнѣ съ князьями, панами и боярствомъ, въ земскихъ сеймахъ [2]) и въ выработкѣ „уставъ“, обязательныхъ для цѣлой Витебской земли [3]). Городъ Витебскъ еще до конца XVI вѣка не былъ отдѣленъ отъ Витебской земли Магдебургскимъ правомъ. Раздѣленіе въ среду классовъ населенія, участвовавшихъ прежде рядомъ въ земской жизни, до этого времени внесено было шляхетскимъ устройствомъ 1566 года съ созданіемъ

---

[1]) А. З. Р. I. № 204.

[2]) *Е. В. Данилевичъ*. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896. Стр. 173 — 176, ср. стр. 183, 212 — 214. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. М. 1900. Стр. 157 — 159. *Н. А. Максимейко*. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 года. Харьковъ. 1902. Стр. 37. Ср. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства *М. Ясинскаго* (Кіевъ. 1889), стр. 56.

[3]) Нпр., „зволилися“ передъ Витебскимъ воеводою владыка Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій „и вси князи и панове, бояре и мѣщане Витебскіе, какъ маютъ за собою людей своихъ похожихъ вольныхъ держати“. А. Ю. и З. Р. I. № 94 (1531 годъ). О городѣ до его выдѣленія Магдебургскимъ правомъ см. у *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* — Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Ж. М. Нар. Пр. 1868, IX, стр. 743 и сл.

новыхъ повѣтовъ, повѣтовыхъ корпорацій шляхты съ ихъ значеніемъ военной, политической и судебной организаціи повѣтоваго шляхетства. Это новое явленіе въ жизни Витебской земли и ея населенія и послужило толчкомъ къ тѣмъ осложненіямъ въ жизни мѣщанства вообще и коннаго въ особенности, которое мы старались прослѣдить выше.

Намъ остается только указать, какъ отразилось введеніе въ Витебскѣ Магдебургскаго права [1]) на положеніи Витебскихъ конныхъ мѣщанъ. Въ привилеѣ на это право Витебску читаемъ: „а ижъ тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Витебскомъ мѣщане тамошніе до сего часу двухъ назвискъ заживали, одны копными, а другіе поспольствомъ ся называли и одны на другихъ ся прекладали, про то мы, имъ всимъ тое право Майдеборское надаючи, всихъ ровнаемъ, такъ, ижъ вжо, назвискъ собе ниякихъ не вынайдуючи, ани одны на другихъ не прекладаючися, вси одное кондиціи быти маютъ, яко и въ иншихъ мѣстахъ нашихъ упривильеваныхъ“. Такимъ образомъ Витебское конное мѣщанство прекращало свое существованіе, какъ особая группа населенія. Всѣ мѣщане должны теперь подлежать одному и тому же Магдебургскому уряду Витебска, не дѣлясь, какъ это было въ періодъ времени между 1566-мъ [2])

---

[1]) Привилей Витебску на Магдебургское право—А. З. Р. IV. № 118 (данъ 17 марта 1597 года). Переизданъ въ I томѣ Витебской Старины (стр. 74—82) съ указаніемъ другихъ его изданій. „Лѣтопись города Витебска“ говоритъ о первыхъ выборахъ членовъ Магдебургскаго уряда 17 марта 1597 года: „tu niżey wyrażone insze rzeczy pisane; wyrażaion sie tu ymiona y nazwiska osob tych, ktorych pierwszy raz do nadaney miastu Witebskiemu magdeburii obierano do rady w roku 1597 marca 17 dnia“ (Имп. Публ. Библіотека. Рукопись Польская. Q. IV. № 105. Л. 35. Ср. русскій переводъ на стр. 473 перваго тома Витебской Старины *А. Сапунова*). Трудно представить себѣ, однако, чтобы выборы эти дѣйствительно совершились въ Витебскѣ въ самый день утвержденія этого привилея, которое имѣло мѣсто въ Варшавѣ. Погрѣшность „Лѣтописи“ имѣется и въ передачѣ именъ первыхъ членовъ Магдебургскаго уряда Витебска. Такъ, войтомъ она называетъ Александра Корвина Сугосова, говоря притомъ, что онъ былъ выбранъ; между тѣмъ привилей Витебску на Магдебургское право говоритъ, что Витебское войтовство было дано пожизненно Витебскому земянину Юрію Лѣтецкому. Въ спискѣ остальныхъ членовъ уряда также неблагополучно, что легко обнаруживается сличеніемъ этого списка (Витебская Старина I, стр. 473) съ составомъ мѣстской рады Витебска въ грамотѣ ея отъ 17 августа 1597 года (ibidem, стр. 84—86); пропущенъ и извѣстный намъ по дѣлу 1593 года Б. Я. Громъ, который былъ въ числѣ радцевъ 1597 года (ibidem). Заглавіе „Лѣтописи города Витебска“ въ рукописи Имп. Публ. Библіотеки слѣдующее: „Dzieje miasta Witebska, ktore sie działy na swiecie dawnych czasow, wypisane tu z xiengi, pisaney renko wł. pana Michała Pancernego, mieszczanina Witebskiego, słowo w słowo przez Stefana Hawrilowicza Awierke, mieszczanina Witebskiego w roku 1768, miesca iulia 13 dnia“.

[2]) Т. е. съ введенія II-го статута и учрежденія повѣтовыхъ шляхетскихъ судовъ.

и 1597 годами, на подлежащихъ юрисдикціи Витебскаго замковаго уряда [1]) и подлежащихъ юрисдикціи городскаго и земскаго судовъ Витебскаго повѣта. „Подъ часъ посполитого рушенья и потребы военной“ теперь все мѣщанство Витебска цѣликомъ должно подъ своею мѣстскою хоругвью становиться при хоругви „земской Витебской“, т.-е. шляхты повѣта, „хоруговь земскую повѣтовую и станъ рыцерскій шляхетскій въ звыкломъ пошановаю и учтивости маючи“. Итакъ обѣ группы слились въ одно мѣщанство Магдебургскаго права и вмѣстѣ съ этого времени должны нести общую судьбу Витебска, которая принесла черезъ четверть вѣка лишеніе дарованнаго Сигизмундомъ III права. 22 января 1624 года Витебскъ былъ лишенъ Магдебургскаго права за совершенное населеніемъ его убійство Іосафата Кунцевича (12 ноября 1623 года) [2]). Вновь мѣщане города были переданы въ вѣдѣніе и подсудность воеводы и его замковаго уряда, какъ это было до 1597 года. Но теперь и прежніе конные мѣщане должны были стать въ одинаковое положеніе съ поспольствомъ: слитые Магдебургскимъ правомъ въ одно цѣлое, они должны были дѣлить и общую судьбу этого цѣлаго.

Въ иномъ положеніи были конные мѣщане посельскіе. Они получили 24 марта 1626 года отъ Сигизмунда III привилей, какъ никѣмъ не обвиненные въ участіи въ убійствѣ Кунцевича, и этимъ привилеемъ были оставлены при своихъ имѣніяхъ, но подъ воеводскою юрисдикціей, а не подъ юрисдикціей гродскаго и земскаго судовъ Витебскаго повѣта [3]). Въ 1644 году Владиславъ IV возвратилъ Витебску Магдебургское право [4]), и этимъ закрѣпилось то сліяніе конныхъ и посполитыхъ мѣщанъ города Витебска, которое совершилось въ 1597 году.

И. Лаппо.

---

[1]) О замковомъ и гродскомъ судѣ см. Ж. М. Н. Пр. 1908. I. Стр. 51—113.

[2]) Витебская Старина. I. № 118.

[3]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 369—374. Запись въ земскія Витебскія книги этого привилея говоритъ о мѣщанахъ конныхъ, но самый привилей Сигизмунда III исключительно о мѣщанахъ конныхъ посельскихъ. (Документъ переизданъ въ первомъ томѣ Витебской Старины, стр. 108—110).

[4]) Витебская Старина. I. Стр. 131—134.

XIII.

Мѣстничество при дворѣ Людовика XIV.

Если у московскихъ служилыхъ людей XVI и XVII вѣка была аристократическая тенденція, то наиболѣе яркое ея выраженіе приходится видѣть въ мѣстничествѣ. Если послѣ спеціальнаго изученія мѣстническихъ отношеній изслѣдователи приходятъ къ заключенію о слабости аристократической оппозиціи въ московскомъ государствѣ, то этотъ выводъ долженъ обладать большою доказательною силою. А именно таковъ былъ выводъ историковъ московскаго мѣстничества. Я приведу нѣсколько мнѣній, по возможности подлинными словами.

Находившійся подъ вліяніемъ славянофиловъ Д. Валуевъ считалъ мѣстничество отличнымъ отъ всѣхъ аристократій древняго и новаго міра. На Москвѣ ни одинъ человѣкъ и ни одинъ родъ не имѣетъ значенія и права самъ по себѣ, какъ отдѣльная самостоятельная личность, но только извѣстное кандидатство на совокупность правъ и обязанностей, принадлежащихъ вообще всѣмъ служилымъ людямъ. Сами удѣльные князья, переходя на службу къ московскому князю, высшему блюстителю Божьей правды, легко забывали свое княжество, переходили въ народъ. Отличительный признакъ всякой аристократіи—сословная привилегія. Не таково мѣстничество: оно отправляется отъ понятія обязанности передъ обществомъ, не отъ понятія права надъ другими людьми. Правда, московскому государству въ XVII вѣкѣ грозитъ страшное зло, появленіе аристократіи на манеръ польской и подъ вліяніемъ Польши. Въ Москву занесены представленія о старшинствѣ крови, о степени, о разрядахъ чести и правъ, принадлежащихъ извѣстнымъ лицамъ и родамъ по ихъ рожденью. Но соборъ 1682 года и Петръ Великій прогнали этотъ грозный призракъ.

А. Маркевичъ подошелъ къ своей многолѣтней и многословной работѣ съ увѣренностью въ исторической важности своего сюжета. Онъ

кончилъ работу разочарованнымъ. Мѣстничество, это только счетъ служебнаго старшинства, имѣющій весьма немного историческаго значенія. Авторъ признается самъ, что цѣною большого труда купилъ столь малый результатъ. Онъ возстаетъ противъ сравненій мѣстничества съ протестами аристократіи въ западно-европейскихъ государствахъ. Мѣстничество есть вполнѣ оригинальный институтъ, даже въ частныхъ случаяхъ встрѣчающій себѣ очень рѣдкую аналогію въ жизни другихъ народовъ. Мѣстничество есть средство подчинить родовой духъ служилыхъ людей правительственной волѣ въ интересахъ государственной службы, своего рода табель о рангахъ, а вовсе не серіозная политическая привилегія служилаго класса. Мѣстническіе протесты носятъ не политическій, а совершенно частный характеръ, и очень мало мѣшаютъ правительству. По большей части они происходятъ въ Москвѣ и въ самыхъ рѣзкихъ случаяхъ ограничиваются пассивнымъ сопротивленіемъ; правительство имѣетъ время и возможность замѣнить строптивца смирнымъ человѣкомъ.

Пренебрежительная оцѣнка оппозиціоннаго значенія мѣстническихъ протестовъ быть можетъ всего рѣзче выражена въ одномъ учебникѣ по исторіи русскаго права, гдѣ мѣстническіе принципы зовутся полнымъ отрицаніемъ аристократическихъ началъ. Родовая честь на Москвѣ зависитъ отъ служебной: занятіе низшей должности навсегда понижаетъ значеніе рода.

Мѣстничеству удѣлено не мало страницъ и въ „Боярской Думѣ“, страницъ яркихъ, остроумныхъ, глубокихъ. В. О. Ключевскій невысокаго мнѣнія о московской аристократической оппозиціи, но его оцѣнка вовсе не совпадаетъ съ вышеприведенными: она глубже, многограннѣе. Мѣстничество есть единственное надежное и признанное средство охраны служебныхъ и правительственныхъ преимуществъ для бояръ XVI вѣка. Московское боярство XVI вѣка думаетъ про себя послѣ объединенія Великороссіи: „мы сами по себѣ власти всей русской земли“. Московская іерархія должностныхъ лицъ есть правительственная аристократія въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ 1616 г. бояре учатъ неродословнаго кн. Ѳ. Волконскаго: *за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ*. Феодальный баронъ едва ли сумѣлъ бы аристократичнѣе формулировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи. Надобно отдать справедливость московскому боярству: въ мѣстническихъ спорахъ оно проявило энергію и стойкость. И въ то же время изслѣдователь, сравнивая поведеніе московскихъ бояръ съ поведеніемъ другихъ аристократій, поражается недостаткомъ политической предусмотрительности или излишкомъ политической безпечности въ московскомъ боярствѣ XVI вѣка. Это какая-то аристократія безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество; ее больше занимаютъ взаимные счеты и ссоры ея членовъ,

чѣмъ отношенія къ государю и народу. Даже мѣстничеству бояре не придали ясности, законченности, не установили точнаго отношенія породы къ службѣ. И вотъ власть постепенно ускользаетъ отъ родовитыхъ людей къ неродословнымъ. А родовитые относятся равнодушно къ возвышенію худородныхъ, если только при назначеніяхъ не происходитъ стычки. Оттого въ XVII вѣкѣ іерархія породы постепенно теряетъ житейское значеніе, превращается въ археологическое обремененіе придворнаго церемоніала. Ее оттѣсняетъ отъ живого дѣла дьячья и дворянская аристократія. Чинъ совершенно отрывается отъ отечества.—В. О. Ключевскій останавливается и на причинахъ безсилія московской аристократіи. Мѣстничество держалось еще на родовыхъ основахъ. Оно вносило въ боярскую среду узкій фамильный эгоизмъ и притупляло чуткость къ сословному интересу; оно не давало никакого мѣста заслугѣ. Вспоминая о томъ, какъ кн. Д. М. Пожарскій былъ выданъ головою какому-то Салтыкову, учитель московскихъ историковъ имѣетъ въ виду повидимому англійскую открытую аристократію, когда бросаетъ родной старинѣ горькій упрекъ: „Не такъ воспитываются здоровыя и сильныя аристократіи, способныя создать прочный государственный порядокъ“. И въ то же время эти спесивые аристократы были государевы холопы, ибо въ отличіе отъ уцѣлѣвшаго при Гестингзѣ башмачника изъ Пуату это были не завоеватели, а завоеванные и павшіе. Вдобавокъ въ тотъ моментъ, когда на Москвѣ всталъ во весь ростъ вопросъ объ отношеніи между аристократіей и абсолютизмомъ, смирные потомки побѣжденныхъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ призракомъ нищеты, съ разбродомъ земледѣльческаго населенія и должны были думать не о закрѣпленіи своихъ политическихъ притязаній, а о томъ, какъ бы понадежнѣе призадержать своихъ деревенскихъ поильцевъ и кормильцевъ. [1])

Я не имѣю ни права ни намѣренія обсуждать изложенные мною взгляды съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія матеріалу, находящемуся въ распоряженіи спеціалистовъ по русской исторіи. Но всѣ упомянутые мною изслѣдователи сопоставляютъ старо-московскія отношенія съ западноевропейскими и указываютъ на глубокія различія между тѣми и другими. Мнѣ бы и хотѣлось сдѣлать одно замѣчаніе по поводу такихъ сопоставленій и одно указаніе на явленія, въ которыхъ быть можетъ позволительно видѣть нѣчто подобное московскому мѣстничеству.

Если мы сравниваемъ принадлежащія двумъ обществамъ явленія, напримѣръ, дѣйствія аристократическихъ элементовъ, и подмѣчаемъ рѣши-

[1]) *Д. Валуевъ, Симбирскій сборникъ* 1844, особ. стр. 173—180. *А. Маркевичъ. Исторія мѣстничества* (1888). Предисловіе, 486, 587, 492. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права* (1900) 137—139. *В. О. Ключевскій. Боярская Дума* (1902) 287, 242, 216—217, 299, 286, 293, 289—291, 397, 301—303, 294, 314—317.

тельныя совпаденія или различія между двумя рядами, то наше наблюденіе само по себѣ еще не даетъ намъ права дѣлать заключенія о сходствѣ или несходствѣ между данными обществами. У насъ должна быть еще увѣренность въ томъ, что мы наблюдаемъ свои общества въ такой періодъ ихъ бытія, когда они всегда ближе подошли другъ къ другу, когда они являются наиболѣе удобными объектами сравненія. Иначе наши наблюденія врядъ-ли будутъ вполнѣ убѣдительны. Феодальный баронъ, скажемъ какой-нибудь французскій сеньеръ XIII вѣка, и московскій бояринъ XVI вѣка могутъ быть очень похожи другъ на друга своею вѣрою въ свое прирожденное право на власть. Но для насъ болѣе выразительны будутъ сопоставленія русской старины съ такимъ періодомъ въ жизни французскаго общества, когда оно стояло ближе къ старомосковскому быту, нежели при Людовикѣ Святомъ. Удачливый спутникъ Вильяма Незаконнорожденнаго дѣйствительно чувствовалъ себя завоевателемъ въ покоренной странѣ и тѣмъ отличался отъ знатной толпы политическихъ холоповъ, тѣснившейся вокругъ престола московскихъ государей. Но вѣдь этотъ искатель приключеній пожалуй стоитъ ближе даже къ спутнику варяжскихъ вождей, осѣдавшихъ на русской равнинѣ въ IX и X вѣкѣ, нежели къ Ѳ. И. Мстиславскому или хотя бы пану Судимонту. И ссылка на англійскія политическія настроенія времени Тюдоровъ, на робкое чувство собственнаго достоинства, отличавшее герцога норфокскаго при Генрихѣ VIII или графа эссексскаго при Елизаветѣ, быть можетъ точнѣе установила бы степень несходства между англійскою и московскою политическою обстановкою.

Я боюсь поэтому, что моя попытка отмѣтить въ жизни французскаго высшаго общества при Людовикѣ XIV нѣкоторыя черты сходства съ московскимъ мѣстничествомъ будетъ признана неправомѣрною. Дворъ московскихъ государей XVI, даже XVII вѣка конечно не есть та полоса въ русской исторіи, которая всего менѣе удалена отъ Версаля и Парижа при королѣ-солнцѣ. Петербургская жизнь XVIII, можетъ быть даже первой половины XIX столѣтія, ближе подходитъ къ обстановкѣ „великаго“ и длиннаго царствованія. Съ другой стороны позволительно усомниться въ томъ, чтобы во французской жизни не было промежутка болѣе близкаго къ московскому быту XVII вѣка, чѣмъ время Кольбера и госпожи Ментенонъ. Но можетъ быть за моими ссылками признаютъ силу доказательства *a fortiori*. Вѣдь если въ сопоставленіи французскихъ отношеній конца XVII вѣка съ московскими отношеніями первой половины этого вѣка есть логическій промахъ, онъ несомнѣнно состоитъ въ томъ, что для Франціи слѣдовало бы брать болѣе простыя, болѣе раннія (соціологически, а въ данномъ случаѣ и хронологически) отношенія. За то, если будетъ показано, что французскіе аристократы времени Людовика XIV прибѣгали къ такимъ же устарѣвшимъ пріемамъ борьбы, какъ московскіе

бояре при дворѣ грознаго или типайшаго царя, и находились въ еще менѣе выгодномъ положеніи по отношенію къ верховной власти, то это особенно рѣзко подчеркнетъ политическую слабость французскаго дворянства и заставитъ насъ снисходительнѣе оцѣнивать политическія дарованія отечественнаго боярства. [1])

Въ 1688 при дворѣ Людовика XIV стало извѣстно, что король собирается устроить производство, назначить новыхъ рыцарей ордена св. Духа. Началось большое волненіе. Орденъ былъ высшимъ отличіемъ для дворянина и всѣхъ занималъ вопросъ, кто попадетъ въ производство. Но еще больше волновались по другой причинѣ. Получавшіе орденъ шли на засѣданіе капитула въ опредѣленномъ порядкѣ, который опредѣлялся достоинствомъ получавшаго. И вотъ вопросъ о порядкѣ процессіи представлялся пожалованнымъ, да и всему придворному обществу чрезвычайно важнымъ. По первоначальнымъ статутамъ ордена, учрежденнаго въ 1578, впереди всѣхъ должны были итти дюки—пэры въ порядкѣ старшинства, т.-е. въ порядкѣ полученія пэріи. Но въ 1580 и въ 1582 статуты ордена были измѣнены. Иностранные принцы, члены владѣтельныхъ домовъ, получили мѣсто впереди дюковъ-пэровъ, даже въ томъ случаѣ, если не были пэрами. Дюки даже въ 1688 не желали примириться съ такимъ приниженіемъ своей чести и поручили одному оффиціальному „генеалогисту“, Clairambault, приготовить доказательство своего равенства принцамъ. Принцы для виду подговорили другого „генеалогиста“ защищать ихъ интересы. Но на дѣлѣ главные среди нихъ, лотарингцы, тайкомъ стакнулись съ королемъ, и „производство“ должно было стать для дюковъ источникомъ новаго униженія.

Королю очень хотѣлось выдать свою незаконную дочь, M-lle de Blois, за своего законнаго племянника, дюка шартрскаго. Однако Monsieur, отецъ жениха, при всемъ своемъ страхѣ предъ вѣнценоснымъ братомъ, и особенно его жена—нѣмка, придававшая очень большую цѣну чистотѣ крови, видѣли въ такомъ бракѣ позоръ для своего дома. Чтобы преодолѣть родительское сопротивленіе, гордому королю пришлось итти окольною и грязною дорогою. Онъ прекрасно зналъ объ особаго рода близости между своимъ братомъ и однимъ изъ принцевъ лотарингскаго дома, знаменитымъ chevalier de Lorraine. Король пообѣщалъ пустить принцевъ впередъ въ орденскомъ шествіи и дать лотарингцамъ больше одного мѣста въ „производствѣ“, если chevalier de Lorraine воспользуется своимъ

---

[1]) Послѣдующее изложеніе опирается на дюка Сенъ-Симона. Его мемуары къ сожалѣнію все еще приходится цитировать по двумъ изданіямъ: по неконченному коментированному изданію Буаниля (цитируется B) и по изданію Шерюеля (цитируется стереотипное изданіе фирмы Hachette въ 13 томахъ). Сокращеніе EI означаетъ Écrits inédits de Saint-Simon I — VIII publiés par. P. Faugère, 1880—1893.

огромнымъ вліяніемъ на Monsieur, уговоритъ его женить сына на незаконной дочери короля. Король требовалъ еще, чтобы лотарингцы пропустили впередъ себя въ процессіи одного „бастарда“, дюка вандомскаго, правнука знаменитой фаворитки Генриха IV, Gabrielle d'Estrées. Возвышеніе этого бастарда должно было явиться ступенью для возвышенія незаконныхъ дѣтей самого Людовика. Но тутъ возникло затрудненіе. Одинъ изъ лотарингцевъ, намѣченныхъ къ „производству“ (M. d'Elboeuf), не пожелалъ итти сзади дюка вандомскаго и упрямо твердилъ, что онъ совсѣмъ откажется отъ ордена, если его не пустятъ впередъ. Начался торгъ. Строптиваго мѣстника устранили отъ производства, но король долженъ былъ дать другимъ лотарингцамъ цѣлыхъ четыре мѣста въ производствѣ за согласіе итти позади бастарда.

Но отказъ дюка эльбефскаго не былъ единственнымъ. Въ протоколъ производства внесены еще четыре случая отказа отъ ордена изъ-за мѣстъ. Графъ суассонскій, старшій представитель савойскаго дома, не могъ сойтись въ рангѣ съ лотарингскими принцами. Принцъ субизскій находился въ томъ же положеніи. Графъ оверньскій и принцъ монакскій были вообще недовольны отведенными имъ мѣстами. Особенно любопытенъ протестъ принца субизскаго [1]). Принцъ заявилъ, что не хочетъ слѣдовать дурному примѣру графа рошфорскаго, который будучи совсѣмъ юнымъ при вступленіи въ орденъ, не могъ знать своихъ настоящихъ интересовъ.—Графъ рошфорскій—старшій братъ принца субизскаго. Онъ получилъ орденъ Св. Духа въ 1619, очень молодымъ, по протекціи мужа своей сестры, всесильнаго тогда дюка люинскаго [2]). И вотъ принцъ субизскій не можетъ допустить, чтобы товарищи по производству 1688 г. устроили себѣ *находку* изъ производства 1619 года, *утягивали* его *потерькой* его рода въ 1619 году. Въ процессіи 1619 графъ рошфорскій шелъ сейчасъ же позади всѣхъ дюковъ. А въ 1688 принцъ субизскій заявлялъ притязаніе на достоинство принца, и хотѣлъ итти впереди дюковъ не—принцевъ, даже впереди младшихъ принцевъ лотарингскаго дома. С. Симонъ, не любившій всѣхъ принцевъ за ихъ желаніе стать выше дюковъ, съ особеннымъ негодованіемъ обрушивается на претензіи роганскаго дома, къ которому принадлежалъ принцъ субизскій. Развѣ въ 1619 отецъ и шуринъ не могли вступиться за недо-

---

[1]) Составленная С. Симономъ родословная дома Rohan, облегчающая пониманіе этого спора, находится въ EI VIII Appendice. Исторія дома Montbazon EI VIII 89—165.

[2]) Графу рошфорскому дано 27 лѣтъ въ выпискѣ изъ протокола производства 1688 года, B V 580—581. Въ работѣ 1711 года S. Simon даетъ ему только 17 лѣтъ, EI III 157 fine. А по EI VIII 151—152 ему 20 лѣтъ. У С. Симона по разному указываются и мѣста въ процессіи 1619 года, C VI 315, EI III 55, 158—159, 275.

росля? И какіе это принцы! Вѣдь въ то же самое производство дядя недоросля, marquis de Marigny, шелъ въ самомъ хвостѣ процессіи, шестидесятымъ, однимъ изъ послѣднихъ даже среди нетитулованныхъ дворянъ! С. Симонъ вспоминаетъ въ 1711 году, что первая жена принца субизскаго никогда не сиживала на табуреткѣ въ присутствіи высочайшихъ особъ, а позже, въ мемуарахъ, постоянно язвитъ субизскую вѣтвь тѣмъ, что ея величіе объясняется больше всего близостью знаменитой красавицы M-me de Soubise къ Людовику XIV.

Король милостиво принялъ всѣ отказы, разрѣшилъ дюкамъ подать протестъ противъ „предсѣданія“ принцевъ, объяснилъ, что придаетъ вопросу о рангахъ большую важность и какъ разъ изъ-за него до послѣдней возможности откладывалъ производство. Но при коронованіи онъ присягалъ хранить измѣненные въ 1580 и 1582 статуты ордена и потому теперь дюки должны итти позади принцевъ. Но порядокъ шествія при производствѣ не долженъ послужить въ пользу принцамъ при другихъ столкновеніяхъ, не долженъ ни въ чемъ умалить права дюковъ [1]).

Каковы же были другія права, связанныя съ préséance, и не объясняютъ ли они волненія, вызваннаго производствомъ 1688 года? Въ числѣ произведенныхъ 1688 года находился знаменитый генералъ, маршалъ люксембургскій. Онъ былъ дюкъ и пэръ, но не пожелалъ итти вмѣстѣ съ товарищами по отечеству и занялъ мѣсто позади ихъ вмѣстѣ съ товарищами по чину, съ другими маршалами Франціи. Откуда такая скромность? Это было конечно смиреніе паче гордости.

По отцу маршалъ (изъ рода Монморанси) не былъ ни дюкомъ ни пэромъ. Но въ 1661 за него вышла замужъ дочь дюшессы пинейской. Сестра маршала, знаменитая Grande dame de la Fronde, и близкій къ ней великій Конде выхлопотали для него по этому случаю новый патентъ на пэрію Piney. Эта пэрія была учреждена еще въ 1581, для прадѣда маршаловой жены, Франсуа люксембургскаго. Но мужская линія пресѣклась въ 1616 сыномъ перваго пэра Piney, оставившимъ двухъ дочерей. Въ патентѣ 1581 года говорилось о successeurs tant mâles que femelles и потому старшая дочь съ 1616 стала дюшессой пинейской. Дюшесса была замужемъ два раза. Первый ея мужъ, Léon d' Albert sieur de Brantes, послѣ женитьбы присвоилъ себѣ люксембургскій гербъ и сталъ дюкомъ пинейскимъ. Отъ этого брака было двое дѣтей: сынъ, четвертый дюкъ пинейскій, идіотъ и діаконъ, котораго пришлось держать въ С. Лазарѣ, и дочь—монахиня. Во второй разъ дюшесса вышла за графа тоннеррскаго и отъ этого брака у нея была дочь, на

---

[1]) Для производства 1688 года B I 310 suiv., II 45, V° 569—570, 573—4, 580—1, EI III 47—59, 154—161, 274—275, Spanheim Relation (éd. Bourgeois) 223—224, 253. M-me de Sévigné (éd. Grands écrivains de France) VII 296—7.

которой и женился въ 1661 маршалъ люксембургскій. Идіота—діакона и сестру—монахиню заставляютъ нотаріальнымъ порядкомъ по брачному контракту уступить свои права на пэрію этой младшей сестрѣ, которая съ тѣхъ поръ считаетъ себя дюшессой пипейской и думаетъ передать свои права мужу. Новый патентъ на пэрію выхлопотали въ 1661 только на всякій случай и даже вставили въ патентъ слова en tant que besoin seroit. Притязанія маршала очень скоро вызвали отпоръ со стороны другихъ пэровъ. Всякій пэръ есть членъ парижскаго парламента и долженъ просить о пріемѣ въ парламентъ, гдѣ онъ долженъ занять опредленное мѣсто на пэрской скамьѣ, соотвѣтственно году учрежденія своей пэріи. Маршалъ велъ свою пэрію отъ 1581, а другіе пэры соглашались посадить его лишь на самое послѣднее мѣсто, по разнымъ основаніямъ, между прочимъ потому, что пэрія только разъ можетъ передаваться черезъ женщину. Начался процессъ въ парламентѣ. 20 мая 1662, за два дня до пріема, соединенныя палаты постановили отложить обсужденіе дѣла по существу, но пока вести пэрію Piney только со дня пріема, т.-е. посадить маршала на послѣднее мѣсто. Маршалъ подчинился рѣшенію и сидѣлъ спокойно до 1688, когда его поведеніе при производствѣ обнаружило, что онъ не отказался отъ своихъ притязаній. И дѣйствительно въ 1689 маршалъ возбудилъ въ парламентѣ новый искъ о старшинствѣ, но въ 1695 померъ раньше чѣмъ парламентъ удосужился разсмотрѣть это дѣло. Нужно было принимать въ парламентъ его сына и наслѣдника пэріи. 13 апрѣля 1696 двѣ палаты парламента, какъ и въ 1662, отказались рѣшать дѣло по существу, но постановили на пріемѣ вести пэрію пинейскую только отъ 1662 года.—Полувѣковой споръ рѣшенъ окончательно лишь общимъ королевскимъ эдиктомъ о пэріяхъ въ 1711. Девятая статья эдикта ведетъ пэрію пинейскую не отъ 1581, а отъ 1662 года; статья пятая устанавливаетъ общее правило перехода пэріи черезъ женщину [1]).

Бывали мѣстническіе споры еще длиннѣе. Семьи С. Симонъ и Ларошфуко спорили изъ-за мѣстъ 77 лѣтъ. Пэрія La Rochefoucauld учреждена въ 1622, но ея носитель подвергся опалѣ и былъ принятъ въ парламентъ только въ 1637. Королевскій любимецъ С. Симонъ получилъ патентъ на пэрію въ 1635 и въ томъ же году былъ принятъ въ парламентъ. Два года спустя, при своемъ пріемѣ, Ларошфуко хотѣлъ сѣсть впереди С. Симона, но не получилъ позволенія, какъ по крайней мѣрѣ говоритъ С. Симонъ младшій, авторъ мемуаровъ. Старшинство

---

[1]) Для процесса дюка пинейскаго съ другими пэрами см. B I 42, 232, II 43—47, 61, 65 suiv, III 105, 405—408, El V 217—229, 392—397. Spanheim 241, 243. Edit du roy portant règlement général pour les duchez et pairies El III 497—502.

осталось неяснымъ. Но въ 1645 вышелъ королевскій указъ о томъ, чтобы впредь до судебнаго рѣшенія С. Симонъ и Ларошфуко поочереди сидѣли другъ впереди друга въ парламентѣ. При пріемѣ С. Симона младшаго въ парламентъ, въ 1702, споръ разгорается снова и передается семи пэрамъ—посредникамъ, но не подвигается къ разрѣшенію. Въ 1711, въ связи съ подготовкою общаго указа о пэріи, дѣло опять всплыло; обѣ стороны представили королю свои доводы. Однако королевское рѣшеніе стало извѣстно только 18 марта 1714. С. Симонъ получилъ предсѣданіе безъ всякихъ оговорокъ. Ларошфуко былъ увѣренъ, что въ худшемъ случаѣ подѣлятъ préséance при дворѣ и въ парламентѣ и отдадутъ С. Симону первое мѣсто только въ парламентѣ. Такіе дѣлежи бывали, напримѣръ между дюками Uzès и Trémoille. Въ данномъ случаѣ С. Симонъ торжествовалъ по всей линіи [1]).

Какія мысли, какіе интересы кроются за этими длинными пререканіями изъ-за мѣстъ на праздникахъ и засѣданіяхъ? Французскіе принцы и пэры по большей части мѣстничаются гораздо воспитаннѣе и культурнѣе московскихъ бояръ, не лѣзутъ подъ столъ за государевымъ обѣдомъ и выданные головою не осыпаютъ счастливаго противника неприличною бранью. И все же въ Москвѣ намъ легче дойти до пониманія мѣстнической психологіи. Въ Москвѣ оборона „отечества“ на всякаго рода придворной, церемоніальной службѣ не отдѣлима отъ страха передъ потерькой на службѣ гражданской и военной. Прирожденные лицедѣи придворныхъ торжествъ суть въ то же время прирожденные администраторы и генералы. Цѣпляясь за разряды при назначеніи въ поддатни или къ кривому столу, они въ существѣ дѣла отстаиваютъ—пусть неуклюже и неумѣло—очень серьезную политическую привилегію, сословную монополію на высшія государственныя должности. Что защищаетъ Субизъ или Ларошфуко, когда не хочетъ итти или сидѣть позади Марсана или С. Симона?

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ французская борьба за мѣста похожа на московскую. Принцы и пэры отстаивали отеческую честь, какъ нѣчто неприкосновенное для торжествующаго абсолютизма. Правда у нихъ, какъ и у московскихъ бояръ, отечество тѣсно сплеталось съ государевой милостью. Старшинство пэра опредѣляется датою пожалованія пэріи, а не породою. Очень родовитый придворный, если онъ не пэръ, ходитъ и сидитъ позади худороднаго пэра. Но разъ пэрія пожалована, созданное королемъ старшинство становится уже недоступнымъ даже для королевскаго воздѣйствія, и это признается самимъ Людовикомъ XIV. Старшинство не можетъ захудать, какъ на Москвѣ, потому что оно не должно поддерживаться непрерывными служебными назначеніями. Старшинство

---

[1]) C. VI 44 suiv, 57 suiv, VII 36—37, VIII 199, EI VIII 658—660.

не колеблется отъ случайностей семейнаго состава, потому что оно передается въ порядкѣ первородства и не связано со сложною родовою ариѳметикою: пэрскій родъ можетъ вымереть, но не можетъ понизиться въ рангѣ.

Изъ-за мѣстъ спорятъ не только при дворѣ, но и въ парламентѣ. И пэры, по крайней мѣрѣ болѣе притязательные, хотѣли бы присутствовать въ парламентѣ не только въ качествѣ украшенія торжественныхъ засѣданій. Если послушать многоглаголиваго пѣвца пэріи, С. Симона, то пэрамъ принадлежитъ „законодательная и учредительная власть, необходимая для великихъ государственныхъ санкцій“. Пэръ, держатель самаго благороднаго фьефа, есть въ то же время носитель первой въ королевствѣ должности, прирожденный совѣтникъ короля. Держаніе пэра есть удѣлъ (apanage), искрящійся лучомъ короны, при выморочности возвращающійся къ коронѣ и безъ всякаго спеціальнаго акта способный стать подлиннымъ удѣломъ „дѣтей Франціи“. Пэры конечно принадлежатъ тѣлу второго штата, дворянства, но принадлежатъ ему въ томъ же смыслѣ, какъ принцы крови, сыновья Франціи и самъ король, т.-е. безмѣрно надъ нимъ возвышаясь. На генеральныхъ штатахъ пэры не входятъ ни въ одну палату. Вмѣстѣ съ королемъ, людьми королевской крови и офицерами короны они составляютъ особое тѣло, истекшее изъ короны и долженствующее быть совѣтомъ и опорою короны, нераздѣльнымъ отъ короля посредникомъ между короною и народомъ. И въ парламентѣ пэры—главные люди. Парижскій парламентъ зоветъ себя куріей пэровъ только потому, что въ немъ засѣдаютъ пэры. И несмотря на свои захваты, потомки легистовъ, совѣтники парламента, все еще сидятъ въ ногахъ у пэровъ и въ присутствіи короля подаютъ свой голосъ съ унизительными церемоніями, между тѣмъ какъ пэры имѣютъ право вести себя съ полнымъ достоинствомъ. Чтобы отнять у короны возможность принижать дворянство произвольными пожалованіями, С. Симонъ, въ любопытной запискѣ 1712 года, мечтаетъ фиксировать число титулованныхъ дворянскихъ родовъ, среди которыхъ пэрскихъ должно быть 50. Король можетъ создать новую пэрію лишь тогда, когда угаснетъ одна изъ существующихъ, и можетъ искать новаго пэра лишь среди высшаго титулованнаго дворянства. Для охраны своихъ правъ С. Симонъ въ другой запискѣ совѣтуетъ пэрамъ соблюдать самое послѣдовательное единодушіе. Пэръ, позволяющій другимъ попирать достоинство пэра, долженъ подвергнуться бойкоту со стороны товарищей. Для охраны пэрскихъ правъ надо выбирать на 6 лѣтъ „тайный синдикатъ“ изъ трехъ—четырехъ пэровъ, которому товарищи передаютъ *деспотическую* власть по всѣмъ дѣламъ, касающимся достоинства пэріи; синдикатъ пусть собирается два раза въ мѣсяцъ, какъ будто бы для обѣда или прогулки, и пусть для соблюденія тайны только совѣтъ двѣнадцати пэровъ

(conseil de la dignité) знаетъ личный составъ синдиката. На мысль о тайномъ заговорѣ С. Симона натолкнули вѣроятно случаи открытаго выступленія всѣхъ пэровъ въ защиту интересовъ всей пэріи. Напримѣръ, въ 1664 десять пэровъ, отъ имени всѣхъ пэровъ, выдали довѣренность аббату Le Laboureur вести всякую письменную работу, нужную въ интересахъ пэріи, и положили ему тысячу экю въ годъ на расходы. Въ 1704 пэры дали сходную довѣренность аббату Le Grand [1]).

Эти гордыя притязанія страшно далеко расходились съ дѣйствительностью. Мы знаемъ это прежде всего отъ самого С. Симона. Маленькій дюкъ даже съ преувеличенною рѣзкостью жалуется на политическій упадокъ сословія, на отчужденіе дворянъ и особенно пэровъ отъ верховнаго руководительства государственною жизнью. Вмѣстѣ съ деспотизмомъ устанавливается соціальная мѣшанина. Со времени Мазарини и можетъ быть даже еще раньше, правительство стремится разорять сеньеровъ, пріучать ихъ къ равенству и катить вперемежку съ людьми всякаго званія, rendre toutte seigneurie et toutte noblesse peuple. При Людовикѣ XIV не остается никакихъ преградъ для власти, которая могла все чего хотѣла и слишкомъ часто хотѣла всего что могла. Король боится ума не меньше чѣмъ породы. Если человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ эти два достоинства, всякая дорога для него закрыта. Всего сильнѣе пострадали отъ королевской политики пэры. „Подвергаясь нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, сверху, съ равной высоты, снизу, ни въ комъ не находя защиты, подобная тому большому обелиску, который по приказу Сикста V былъ поднятъ изъ подъ развалинъ, но оказался неузнаваемъ, пэрія пала до своего нынѣшняго жалкаго положенія, дошла до столь полной обезображенности, что у нея ничего не осталось нетронутымъ". Въ 1711 С. Симонъ сочинилъ для дофина очень длинную записку, въ которой пытался подвести счетъ пэрскихъ прибылей и убытковъ съ 1643. Пріобрѣтенія занимаютъ очень мало мѣста въ любопытномъ трактатѣ, но въ немъ безконечной лентой тянутся жалобы на понесенныя пэрами потери. На пепелищѣ пэрскаго величія воздвиглось величіе министерское. Въ анонимномъ письмѣ къ королю 1712 года С. Симонъ сѣтуетъ, что монархъ попалъ въ плѣнъ къ министрамъ, которые держатъ у себя ключи ото всѣхъ подходовъ къ королю. Людовикъ знаетъ лишь то, что ему соблаговолятъ сообщить худородные министры. Засѣданія самого государственнаго совѣта теряютъ значеніе, ибо важнѣйшія дѣла предрѣшаются министромъ и государемъ съ глазу на глазъ на высочайшемъ докладѣ. Но людей хорошей породы не пускаютъ и въ совѣтъ. Пэры

[1]) Притязанія пэровъ C VI 60—64, VII 171—206, EI III 404—406, 201—202 и особенно Mémoire sur la renonciation (août 1712) EI II 202 suiv, 233 suiv, 286, 334 suiv, 359—361. Проектъ фиксаціи числа титулованныхъ родовъ EI IV 224—242. Проектъ синдиката EI III 320—322. Довѣренности EI III 508—510.

постепенно потеряли доступъ въ судебное отдѣленіе совѣта (conseil des parties). Много обидъ терпятъ пэры и въ парламентѣ. При отсутствіи юридической подготовки они рѣдко присутствуютъ на судебныхъ засѣданіяхъ (procèz par escrit, въ отличіе отъ аудіенцій). Фактически они отстранены даже отъ уголовныхъ дѣлъ. Враждебные пэрамъ люди „робы“ придумали такой порядокъ шествія изъ большой палаты въ уголовную, при которомъ пэры не могутъ безъ порухи для своей чести являться въ уголовную палату. Оставшіеся въ рукахъ породистаго дворянства должности областного управленія постепенно превращаются въ „пустыя мѣста“ (vains emplois), интендантъ становится въ провинціи тѣмъ, чѣмъ уже сталъ министръ въ столицѣ, и даже пэру приходится въ деревнѣ ухаживать за всесильнымъ чиновникомъ. Куда ни посмотрѣть, вездѣ первенствующее сословіе оказывается „низвергнутымъ въ бездну“ [1]).

И вотъ передъ нами снова стоитъ вопросъ о смыслѣ французскаго мѣстничества. Если высшее дворянство отстранено отъ серьезнаго государственнаго служенія, то къ чему спорить изъ-за распорядка парадовъ? Московскій бояринъ ревниво глядитъ за своимъ мѣстомъ на придворныхъ церемоніяхъ, потому что къ послѣднимъ примѣняются тѣ же правила, что и къ другимъ разряднымъ назначеніямъ; повышеніе или пониженіе за царскимъ столомъ или въ церковномъ дѣйствѣ немедленно и неизбѣжно отражается на административной и военной карьерѣ служилаго человѣка. Для французскаго куртизана перемѣна мѣста не выходитъ за предѣлы придворнаго церемоніала, ибо французскій аристократъ вовсе не несетъ вліятельной гражданской службы, а на военной не смогъ отстоять мѣстническаго начала. И все-таки онъ упорно держится за свое мѣсто, блюдетъ родовую честь, тѣшится декоративнымъ величіемъ и въ борьбѣ за церемоніальныя привилегіи думаетъ найти удовлетвореніе своему честолюбію. Мелочные споры изъ-за этикета выдвинуты на первый планъ даже у людей, одаренныхъ несомнѣннымъ вкусомъ къ большой политикѣ. Негодованіе на политическое приниженіе высшаго дворянства звучитъ въ душѣ С. Симона слабѣе нежели волненіе изъ-за грозящихъ пэрамъ церемоніальныхъ опасностей. Такъ велико притупленіе политическаго чутья, такъ полна побѣда абсолютной монархіи надъ аристократіей. Радостно возбужденный надеждою скоро увидѣть на тронѣ своего единомышленника, если не выученика, С. Симонъ въ короткій промежутокъ между смертью двухъ дофиновъ безъ устали строчитъ планы государственныхъ преобразованій. Но выросшая въ бутафорской обстановкѣ мысль легко соскальзываетъ съ колеи подлинныхъ, большихъ политическихъ проблемъ и легко возвращается къ привычнымъ декораціямъ.

---

[1]) C VIII 84, 86, 107—108, EI I 232—234, EI III 313—315. Changements arrivéz à la dignité de duc et pair EI III 3—251. EI III 137, 145, EI IV 29—43.

Нужно свалить министровъ и „легитимированныхъ“, замѣнить министерство совѣтами, указать легистамъ ихъ надлежащее мѣсто въ парламентѣ, созвать генеральные штаты, отстоять галликанскія вольности. Но быть можетъ еще нужнѣе отнять табуретъ у не-пэрессъ и велѣть имъ самимъ носить свой шлейфъ, велѣть первому президенту парижскаго парламента сымать шляпу при обращеніи къ пэрамъ, разрѣшить носить зонтикъ надъ пэрессами, какъ его носятъ надъ принцессами, и не заставлять ихъ стоять у гроба принцессъ крови, велѣть стрѣлять изъ пушекъ при проѣздѣ пэровъ мимо крѣпости, разрѣшить надѣвать горностай только вдовамъ пэровъ, разрѣшить пэрамъ не подавать руки людямъ ниже себя, и такъ далѣе безъ конца [1]).

Мелкотѣ мысли соотвѣтствуетъ мелкота дѣла. Прикрѣпленные къ дворцу люди приспособляются къ средѣ и съ воодушевленіемъ сводятъ свои церемоніальные счеты [2]). Пастыри показываютъ примѣръ пасомымъ. Разъ являются ко двору въ С. Жерменъ еп. нойонскій, пэръ Франціи, и арх. парижскій, который еще не былъ пэромъ. Епископъ ѣдетъ въ каретѣ, архіепископъ долженъ пѣшкомъ подойти къ королевскому подъѣзду. Епископъ радостно здоровается съ товарищемъ. Думая, что нойонскій владыка собирается выйти изъ кареты, архіепископъ подходитъ и подаетъ руку. Епископъ заводитъ оживленный разговоръ, но остается въ экипажѣ и съ самымъ невиннымъ видомъ тянетъ гордаго архіепископа за руку вплоть до ступенекъ подъѣзда. — Порою при мѣстническихъ столкновеніяхъ спадаетъ даже пелена внѣшней благопристойности, и мы слышимъ о сценахъ, живо напоминающихъ старомосковскую обстановку. Второй сынъ дюка бульонскаго, воспитанный для церкви, защищалъ диссертацію въ Сорбоннѣ. На диспутъ собирается очень важная публика— прелаты, принцы, дюки, президенты. Принцы, прелаты, дюки сидѣли въ разныхъ рядахъ. Первымъ изъ пэровъ пришелъ деликатнѣйшій Куаленъ, о приторной вѣжливости котораго ходило много смѣшныхъ анекдотовъ. Куаленъ былъ изъ самыхъ младшихъ пэровъ. Предполагая, что послѣ него могутъ притти старшіе, онъ оставилъ впереди себя нѣсколько свободныхъ мѣстъ въ пэрскомъ ряду. Слѣдомъ за нимъ является первый президентъ Новьонъ и проскальзываетъ на первое мѣсто въ пэрскомъ ряду. „Изумленный этимъ безуміемъ“, Куаленъ не растерялся. Улучивъ минуту, когда Новьонъ отвернулся въ другую сторону и сталъ разговаривать съ сосѣдомъ по прелатскому ряду, Куаленъ подымается, беретъ въ руки кресло, идетъ къ мѣсту президента и ставитъ кресло впереди, но такъ близко къ президенту, что тотъ не можетъ двинуться. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній и Новьонъ совершенно не замѣтилъ,

---

[1]) El III Changements arrivéz à la dignitè de duc et pair, passim.

[2]) Для послѣдующаго C I 133—134, II 388—392, I 417—424.

какъ очутился въ тискахъ, съ Куаленомъ впереди себя. Поднялся шумъ, диспутъ прервали. Глава дома Конде, M.le Prince, идетъ разбирать дѣло. Куаленъ заявляетъ, что примѣрно накажетъ Новьона за дерзость, заставитъ просидѣть въ тискахъ весь диспутъ, и выпускаетъ президента только тогда, когда M.le Prince поручился, что Новьонъ немедленно и съ позоромъ уйдетъ съ диспута. Новьонъ уходитъ, Куаленъ ставитъ свое кресло на прежнее мѣсто. „Все что здѣсь было самаго значительнаго“ поздравляетъ Куалена съ твердою обороною пэрской чести. На другой день король зоветъ пэра въ кабинетъ, заставляетъ изобразить всю сцену, смѣется и выдаетъ президента головою, заставляетъ ѣхать на поклонъ къ пэру.

Въ заключеніе одно дамское столкновеніе. „Иностранныя принцессы“ считали себя выше дюшессъ и старались закрѣпить свое церемоніальное первенство. 6 января 1699 дюшесса бургоньская, тринадцатилѣтняя жена старшаго королевскаго внука, принимаетъ англійскаго посланника. Придворныя дамы собираются къ ея одѣванью. Дюшессы оказались ближе къ дверямъ спальни и вошли первыми, значитъ могли выбирать мѣста. Дюшесса роганская становится на первое мѣсто по правую руку отъ постели. Еще не всѣ дамы успѣли войти, а принцесса аркурская, грубая, грязная и драчливая, уже подошла къ дюшессѣ и велитъ ей убираться на лѣвую сторону. Дюшесса не желаетъ. Рослая и сильная принцесса беретъ ее обѣими руками, подымаетъ на воздухъ и становится на ея мѣсто. Сбитая съ толку дюшесса идетъ налѣво.—Развѣ это не похоже на гораздо болѣе раннее столкновеніе двухъ намѣстницъ въ костромской церкви, Арины, жены Якова Захарьевича, и Аксиньи, жены Судимонта Кондратьевича?

Едва ли возможно считать московское боярство самою безсильною, самою ненужною изъ европейскихъ аристократій. Имя „аристократіи воспоминаній“ еще больше идетъ къ французскимъ куртизанамъ времени Людовика XIV. И эта отчужденность отъ жизни оказалась неизлѣчимою. Политическія выступленія дворянъ въ два послѣдующія царствованія не помогли сословію. Въ наши дни французскіе аристократы развѣ только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ спорта выступаютъ вождями своего народа. Московскіе бояре обнаружили все же больше пластичности. Растворившись въ рядовомъ дворянствѣ, вмѣстѣ съ нимъ они и теперь хотятъ быть хозяевами русской жизни, людьми 3 іюня.

А. Савинъ.

XIV.

Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII вѣкѣ.

Въ исторической литературѣ распространенъ взглядъ, что въ XVII вѣкѣ зернь и карты были безусловно запрещены и что тѣмъ болѣе онѣ не были источникомъ дохода для казны. Авторъ статьи „зернь“ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза говоритъ, что зернь и карты лишь однажды были отданы на откупъ въ Сибири въ 1667 году. Авторъ статьи „игральныя карты“ въ томъ же словарѣ утверждаетъ, что Уложенье царя Алексѣя Михайловича приравниваетъ игроковъ зернью и картами къ татямъ. Редакторъ „Памятниковъ Сибирской исторіи“ въ своемъ предисловіи говоритъ, что Петръ Великій „учреждаетъ новые виды пошлинъ (!): съ картежной и костяной зерни. Игра сдается на откупъ“. (Памятн. Сибирск. исторіи, I, XIV стр.)

Однако въ Уложеньѣ мы не находимъ ни прямого запрещенія зерни и картъ, ни особаго наказанія для игроковъ. Въ главѣ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ (21 гл.) сказано: „А которые воры на Москвѣ и въ городѣхъ воруютъ, карты и зернью играютъ, и проигрався воруютъ, ходя по улицамъ, людей рѣжутъ и грабятъ и шапки срываютъ, и о такихъ ворахъ на Москвѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ учинити заказъ крѣпкой и бирючемъ кликати по многіе дни, будетъ гдѣ такіе воры объявятся, и ихъ всякихъ чиновъ людямъ, имая, приводити въ приказъ..... и тѣмъ ворамъ чинити указъ тотъ же, какъ писано выше сего о татѣхъ“. (15 ст.)

Изъ этой статьи никакъ нельзя заключить, что игра въ зернь и карты была дѣйствіемъ наказуемымъ само по себѣ. Законодатель предусматриваетъ, повидимому частые, случаи, когда пропившійся и проигравшійся начиналъ воровать, т. е. грабить на улицахъ и срывать съ прохожихъ шапки, въ которыхъ часто прятали деньги, и приравниваетъ этотъ видъ грабежа къ татьбѣ. Ясно, что подобное воровство было на-

казуемо и въ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣлалъ человѣкъ и не пропившійся, или только пропившійся, но не проигравшійся. Такъ какъ въ этой формѣ грабежъ производился, быть можетъ, чаще всего пропойцами и несчастными игроками, то Уложенье говоритъ о проигрышѣ, какъ объ обстоятельствѣ, которое побудило вора на воровство. Больше о зерни и картахъ въ Уложеньѣ нѣтъ ничего.

Почти въ каждомъ воеводскомъ наказѣ можно встрѣтить предписаніе „унимать“ всякихъ чиновъ людей отъ всякого дурна, между прочимъ и отъ зерни и картъ. Служилые люди разныхъ чиновъ, казаки, стрѣльцы, пушкари и т. п., поступая на службу, давали по себѣ поручныя записи, въ которыхъ писали, что они не будутъ воровать, не будутъ играть зернью и картами, не пропьютъ и не проиграютъ своей служилой рухляди и т. п. Наконецъ сохранилось множество грамотъ текущаго приказнаго дѣлопроизводства, въ которыхъ азартныя или, какъ ихъ тогда называли, закладныя игры запрещаются категорически. Однако изъ этого еще нельзя заключить, что онѣ дѣйствительно были запрещены на дѣлѣ. Развѣ мало противорѣчій мы можемъ наблюдать въ дѣятельности администраціи Московскаго государства?

Въ 1647 г. голландскіе торговые люди подали государю „Объявленіе“ о тяжелыхъ и незаконныхъ пошлинахъ, которыя съ нихъ берутъ въ городахъ головы и цѣловальники. Въ немъ они между прочимъ говорили, что при взиманіи пошлинъ у нихъ почитаютъ, т. е. приравниваютъ, 2 дюжины картъ 1 пуду. (Москов. Арх. Мин. иностр. дѣлъ, Голландск. дѣла 1647 г., № 10) Стало быть запрещеніе картъ не было безусловно, если были возможны жалобы на притѣсненія въ торговлѣ ими.

Красноярскій воевода жаловался въ 1636 г., что онъ не можетъ унимать служилыхъ людей отъ зерни, такъ какъ она на откупѣ. (см. ниже) Въ такомъ же положеніи были павѣрное воеводы всѣхъ тѣхъ городовъ, гдѣ азартныя игры были на откупѣ, хотя быть можетъ у нихъ въ наказахъ и было предписаніе преслѣдовать зернь и карты.

По поводу противорѣчій, которыя мы можемъ наблюдать въ дѣятельности Московскаго правительства XVII в., мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, которое имѣетъ довольно близкое отношеніе къ нашей темѣ.

27 іюня 1639 г. Разрядъ разослалъ по приказамъ государевъ указъ, въ которомъ сказано: что государю учинилось вѣдомо—„которые городы вѣдомы въ приказѣ Новгородской чети денежными доходы, и въ тѣхъ де городѣхъ не въ давныхъ лѣтѣхъ учинились въ откупу квасъ, сусло, брага, ботвинья, и хмѣльное и сѣнное трушенье, и мыльное рѣзанье, и овсяной откупъ, и деготь и иные такіе-жъ мелкіе промыслы, о которыхъ промыслѣхъ въ городѣхъ живутъ и кормятся и тягла платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; а въ прежнихъ лѣтѣхъ такіе

мелкіе промыслы николи въ откупу ни за кѣмъ не бывали"... „Отъ откупщиковъ всякимъ людямъ дѣлаются продажи и убытки великіе, и отъ того де посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли". Государь указалъ тѣ всѣ откупа отставить, а кормиться ими и промышлять всякимъ людямъ по старинѣ. (Р. И. Б., X, 187 и А. М. Г., II, № 175) Въ памяти изъ Разряда въ Устюжскую четь этотъ указъ редактированъ нѣсколько иначе. Въ этой памяти упомянуты такіе „небольшіе промыслы", какъ площадное письмо, недѣли и пряничный промыселъ, и сказано: „и откупщики тѣ всякіе промыслы, межъ себя откупая, взбили на большіе откупы и въ тѣ въ свои откупные годы въ тѣхъ городѣхъ посадскимъ людямъ тѣмъ своимъ откупомъ чинятъ налоги, и продажи и насильства великія, а молотчимъ всякимъ людямъ безъ тѣхъ промысловъ кормиться нечѣмъ; и державъ тѣ откупы по году, и по 2, и по 3, въ четвертяхъ отказываютъ, а впередъ за собою въ откупу держати не хотятъ, и по государеву указу послѣ откупщиковъ тѣ промыслы учали быть на вѣрѣ, а цѣловальниковъ къ тѣмъ сборамъ выбираютъ тѣхъ же городовъ посадскихъ людей, и у вѣрныхъ цѣловальниковъ въ тѣхъ сборѣхъ чинятся недоборы, и тѣмъ посадскимъ цѣловальникамъ отъ проѣзжихъ людей чинятся продажи, и тѣ недоборы правятъ на нихъ же на посадскихъ людяхъ, и посадскіе люди отъ того и достальные вконецъ оскудѣли и розбрелись врознь, и въ городѣхъ посады стали пусты". Государь указалъ всѣ эти откупа отставить, а кормиться ими повольно посадскимъ людямъ, „и въ городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ о томъ послати государевы грамоты, чтобы въ городѣхъ, которые вѣдаютъ въ Устюжской чети, отъ тѣхъ мелкихъ промысловъ налоги, и продажъ и убытковъ не было, а кормиться тѣми промыслы посадскимъ людямъ потому-жъ, какъ на Москвѣ, и въ городѣхъ". (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. дѣла стар. лѣтъ, 1635 г. № 11)

По нашимъ понятіямъ дѣло—ясно. Мелкія монополіи указано отмѣнить и впредь ихъ не допускать. Посмотримъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего указъ содержитъ неточности и неправильныя утвержденія. Списокъ монополій не полонъ, во вторыхъ монополіи существовали не только въ городахъ Новгородской чети и въ третьихъ заведены онѣ были не „не въ давнихъ лѣтѣхъ", а много лѣтъ тому назадъ. Если вопросъ объ нихъ возникъ въ 1639 г., то это слѣдуетъ объяснить оскудѣніемъ населенія отъ тяжелыхъ налоговъ, которые были взяты передъ тѣмъ по поводу Смоленскаго похода и послѣ него. Въ приходной книгѣ Владимірской чети 1614 года записанъ цѣлый рядъ мелкихъ монополій. Извозъ сѣна, соли и лѣса—въ Калугѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и Зарайскѣ, сѣнное трушничество—въ Калугѣ, Тулѣ и Зарайскѣ, сусло и квасъ—въ Калугѣ, Тулѣ, Твери и Зарайскѣ, проруби

въ Тулѣ (Арх. Мин. ин. дѣлъ, по Владиміру книга № 1, 11, 15, 20, 21, 63 об., 67 об., 85, 104, 128, 129 л.л. Замѣтимъ, что вообще составить полный списокъ мелкихъ монополій невозможно, такъ какъ доходъ отъ нихъ въ приходныхъ книгахъ и смѣтахъ приказовъ часто былъ списываемъ съ другими доходными статьями.) Въ книгѣ нигдѣ не говорится, что это новые источники дохода, если же принять во вниманіе, что года Смуты были неблагопріятнымъ временемъ для возникновенія новыхъ налоговъ, то можно съ большой вѣроятностью утверждать, что эти мелкія монополіи существовали еще до Смуты.

Сохранившаяся приходная книга Новгородской чети 1615 г. (Тотъ же архивъ, по Нижнему, кн. № 1) содержитъ очень суммарныя указанія доходныхъ статей, но изъ приходной книги той же чети 1620 г. можно видѣть, что въ Новгородской чети мелкія монополіи уже въ то время не были новостью. Сусло и квасъ составляютъ монополію почти во всѣхъ городахъ. Сверхъ нихъ упоминаются еще слѣдующія монополіи: въ Вел. Новгородѣ—темьянъ (былъ еще до разоренья), на Вологдѣ—сѣнная площадка, кабацкая барда и съ винныхъ кубовъ обмазка, въ Нижнемъ—извозъ, въ Арзамасѣ—площадное письмо, русскія, мордовскія и губныя недѣли, проруби и сѣно. Въ приходной книгѣ Новгородской чети 1626 г. сверхъ этихъ монополій упоминается рядъ новыхъ, которыя возникли по отношеніи къ указу 1639 г. дѣйствительно „не въ давнихъ лѣтѣхъ“. Во Псковѣ—извозъ и темьянъ, да въ 1625 году данъ вновь на оброкъ „овощной промыселъ—торговати во Псковѣ о святой недѣлѣ и по праздникамъ и по ярманкамъ въ городѣ и за городомъ, и въ Большомъ и въ Рыбномъ ряду, и у кабаковъ“. Въ Нижнемъ въ 1624 г. данъ въ откупъ торговому нѣмчину И. Бернару уксусъ, а съ 1625 г. былъ отданъ вновь на откупъ „прядильный промыселъ—спускать варовыя снасти“, но въ 1626 г., вѣроятно по челобитью населенія, былъ отмѣненъ. Въ Нижнемъ же упоминается на откупѣ „точильный промыселъ—точить всякое желѣзное дѣло“ и сѣнное трушничество. Въ Арзамасѣ сверхъ прежнихъ монополій уксусъ, яичный бой и воскобойня, въ Чердыни—навозныя кучи (монополія или оброчная статья?), а въ Архангельскѣ—смола. (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, 107—108 об., 240—243, 286, 400, 815 л.л.) Торговля смолой была очень важной отраслью торговли Архангельска и можно думать, что монополія ея сильно затрогивала интересы многихъ торговыхъ людей. Доходъ отъ этой монополіи росъ очень быстро и достигъ весьма значительной цифры. Въ 1625 г. было собрано на вѣрѣ смоляной прибыли 108 руб. 4 алт., въ 1626 г.—157 р. 14 алт., въ 1643—45 годахъ она была въ откупу за голландцомъ Ер. Фенцелемъ за 1200 руб. (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 29, 125 об., и № 30, 124 об.)

Вообще мелкія монополіи существовали очень во многихъ городахъ Московскаго государства уже въ началѣ XVII в., а въ 1620—1639 годахъ онѣ только стали многочисленнѣе и разнообразнѣе. Возникали эти монополіи очень просто. Выищется какой-нибудь предпріимчивый человѣкъ, захочетъ взять какой-нибудь промыселъ на откупъ и бьетъ челомъ объ этомъ въ городѣ воеводѣ или въ Москвѣ въ приказѣ. И приказы, и воеводы собственной властью, ища государевѣ казнѣ прибыли и радѣя, создаютъ монополіи. Въ 1630 г. устюженецъ посадскій человѣкъ П. Чирковъ билъ челомъ въ Устюжской чети о дачѣ ему на Устюжнѣ въ откупъ мыльной рѣзи и печенія пряниковъ на продажу, „а нынѣ, государь, писалъ онъ въ своей челобитной, на Устюжнѣ мылишко рѣжутъ на лепестъ и пряники пекутъ на продажу, а откупу тебѣ государю съ нихъ не идетъ ничего“. По помѣтѣ дьяка откупъ былъ данъ ему за 3 руб. 5 алтынъ въ годъ, а на Устюжну къ воеводѣ была послана грамота, изъ которой видно, что въ подобныхъ случаяхъ создавалась дѣйствительно мѣстная монополія. Въ грамотѣ сказано: „а опричь его Проньки инымъ стороннимъ людямъ мыла рѣзать и пряниковъ печь на торгъ не велѣлъ.“ (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. дѣла ст. л., 1630 г. № 22). Въ откупной грамотѣ 1614 г. изъ Владимірской чети калужскому откупщику сѣнной трухи сказано: „а опричь Ромашка (откупщика) въ Калугѣ на посадѣ въ городѣ и въ острогѣ на торгу и по подворьямъ сѣнной трухи никому держати не велѣли, а кто тое сѣнную труху опричь Ромашки учнетъ на торгу и по подворьямъ держати, и вы-бъ (воевода и дьякъ) на тѣхъ людяхъ велѣли имати заповѣди по нашему указу.“ (Московск. Дворц. Арх., 24 опись, ст-цъ 121 г. № 83)

Посадскіе люди, натерпѣвшись стѣсненій отъ монополіи и притѣсненій отъ откупщиковъ, часто бьютъ челомъ о дачѣ имъ промысла на откупъ на міръ и соглашаются платить ежегодно оброкъ, т. е. прямой налогъ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ платили откупщики. Такимъ путемъ монополія весьма часто превращалась въ промысловый налогъ. Грамота на Устюжну о пряничномъ откупѣ, которую мы цитировали выше, предвидитъ такой результатъ. Въ ней сказано, что если посадскіе люди откупъ „похотятъ взять на себя и учнутъ о томъ бить челомъ, что напередъ сего тѣмъ промысломъ промышляли и кормились мелкіе люди, а Пронькѣ бы одному того промысла въ откупъ не отдавать, чтобы имъ посадскимъ людямъ въ томъ утѣсненья и въ торговлѣ помѣшки не было, и ты—бъ (воевода) тотъ мыльной и пряничной промыселъ отдалъ на откупъ посадскимъ людямъ изъ наддачи сверхъ Пронькина откупа“. Иногда приказы принуждали посадскихъ людей за отказомъ откупщиковъ держать мелкую монополію на вѣрѣ, выбирать къ ней цѣловальниковъ и доправляли съ нихъ недоборы противъ откупной суммы. Въ результатѣ получалось то же—посадскіе люди въ концѣ

концовъ соглашались платить прямой налогъ лишь бы только не выбирать лишнихъ цѣловальниковъ и не доплачивать недоборовъ.

Итакъ указъ 1639 г. отмѣнялъ всѣ эти мелкія монополіи. Однако мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ посадскіе люди каждаго отдѣльнаго города должны были бить челомъ, ссылаясь на указъ, объ отмѣнѣ у нихъ монополій, причемъ приказъ далеко не всегда соглашался исполнить ихъ просьбу.

Въ декабрѣ 1639 г. нижегородцы били челомъ въ Новгородской чети о томъ, что ихъ искони вѣчные промыслы нынѣ на откупѣ и на вѣрѣ, „а они де посадскіе люди съ тѣхъ торговыхъ промысловъ положены въ сошный окладъ и даютъ сошныя подати“ и всякія службы служатъ. Въ челобитьѣ они между прочимъ писали, что изъ-за извозничьяго откупа „всему городу нужа великая, и многіе де люди за тѣмъ извознымъ откупомъ хоромъ не ставятъ, и запасу де извозные откупщики бѣднымъ людямъ для того извознаго откупу и *на себѣ носить не даютъ*; а сѣнной де промыслъ то-жъ всему городу животинѣ нужа великая, а безъ животины де для малыхъ ребятъ жити невозможно. И многіе де посадскіе люди безъ промысловъ обнищали....“ и т. д. Въ Новгородской чети были выписаны въ докладъ указъ 1639 г. и справки, что откупъ зернового и картоваго суда существуетъ съ 1617 г., откупъ извоза—съ 1618 г., уксуса—съ 1622, точильнаго промысла—съ 1624, сѣнного трушенья—съ 1625. По докладу государь указалъ отставить всѣ монополіи за исключеніемъ уксуса. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82)

Въ томъ же году въ Новгородской чети о томъ же били челомъ вятчане и арзамасцы. Вятчане въ своемъ челобитьѣ писали: „въ прошлыхъ, государь, годѣхъ давали на Вяткѣ воеводы въ откупъ квасъ, и сусло, и свѣчи сальныя, и харчевни пирожныя, и зерневые откупы и всякіе промыслы, а мы сироты твои безъ промыслишку охудали и одолжали“. Въ иныхъ де городахъ такіе откупа велѣно отставить, писали они, пожалуй государь и насъ. Арзамасцы писали въ своей челобитной: „по твоему государеву указу посланы по городамъ твои государевы грамоты, чтобы мелкихъ откуповъ — квасу, и сусла, и вощеного боя и сѣнной трухи не откупать, держать безъ откупу всякимъ мірскимъ людямъ, и въ Арзамасѣ такой твоей государевой грамоты не бывало“. Они просили дать имъ грамоту „противъ своего государева указа и иныхъ городовъ“. По этому поводу въ Новгородской чети былъ составленъ докладъ государю. Въ началѣ его выписанъ указъ 1639 г., а затѣмъ приведена роспись городовъ, въ которыхъ существуютъ „невеликіе откупы“ разныхъ промысловъ. Оказалось, что откупа даютъ всего во всѣхъ городахъ чети 594 руб. 25 алт. $4^1/_2$ д. Однако изъ сравненія съ приходными книгами видно, что въ докладную выписку были выпи-

саны не всѣ монополіи. Такъ не выписана монополія смолы въ Архангельскѣ вѣроятно потому, что она давала приличный доходъ. Намъ интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ городахъ откупа мелкихъ промысловъ оказались замѣненными прямымъ налогомъ по челобитью посадскихъ людей. Такъ вологжане съ 1634 г. платили оброку съ площадного письма по 20 руб. 15 алт. на годъ, съ извозничьей площадки—по 20 руб., съ плавучего моста и перевоза—по 32 руб. Двиняне платили по 6 руб. „за карбасный извозъ“ и по 6 руб. 13 алт. 2 д. за площадное письмо. Гороховляне платили „съ баннаго съ пустого мѣста“ по 1 руб. 16 ал. 4 д.

На докладѣ по статьямъ были сдѣланы помѣты, гдѣ и какія монополіи было велѣно уничтожить. Въ этихъ помѣтахъ намъ интересно отмѣтить двѣ подробности: во первыхъ то, что монополіи были отмѣняемы не по существу, а смотря по тому, какой онѣ давали доходъ; во вторыхъ то, что онѣ были отмѣнены только въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ были челобитчики. Остальные города навѣрное должны были каждый за себя хлопотать о примѣненіи къ нимъ государева указа. Были отставлены: въ Хлыновѣ—зерновой и бражный судъ, который давалъ откупа 8 р. 3 ал. 2 д. и откупъ съ харчевни—2 руб.; въ Шестаковѣ—кабацкій зерновой и бражный судъ—1 р. 6 ал. 4 д. и кваса—1 руб.; въ Котельничѣ то же самое—1 р. 22 ал. 4 д.; въ Слободскомъ откупъ зерновой и шахматной игры и картъ—6 р. 27 ал. 3 д., откупъ сальныхъ свѣчъ—10 алт. Откупа кваса въ Хлыновѣ (давалъ по 42 руб. 16 ал. 4 д.) и въ Слободскомъ (10 руб. 16 ал. 4 д.) были сохранены. Въ Арзамасѣ были отмѣнены: сѣнная труха—2 р. 27 ал. 5 д., проруби—1 р. 6 ал. 4 д., яичный бой—25 ал. 4 д., уксусъ—17 ал. 3 д.; сохранены: площадное письмо—12 р. 17 ал. 2 д., воскобойня—9 р. 30 ал. 5 д., сусло и квасъ—53 р. 16 ал. 4 д.

Въ 1640 г. вятчане снова били челомъ и по ихъ челобитью государь указалъ отставить откупа сусла и кваса въ Хлыновѣ и въ Слободскомъ. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82 и 1640 г. № 86)

Можно думать, что такъ было вездѣ, т. е. что сами заинтересованныя лица въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны были бить челомъ и просить исполненія государева указа 1639 года, и далеко не всегда приказъ соглашался примѣнить этотъ невыгодный для государевой казны указъ. Прошло нѣсколько лѣтъ и монополіи даже тамъ, гдѣ онѣ были отмѣнены, возникли вновь. Въ приходной книгѣ Новогородской чети 1644 г. записаны: въ Великомъ Новгородѣ на откупѣ кабацкая зернь (10 руб.), у Соли Камской—сусло, квасъ и зернь, на Вологдѣ—сусло, квасъ и сѣнная площадка, въ Павловѣ острогѣ—сусло, квасъ, баня, проруби, сѣно, воскобойня, деготь, извозъ и точильный промыселъ. (Тотъ же

архивъ, по Новгороду кн. № 28 л.л. 13, 266, 519) Въ приходной книгѣ Галицкой чети 1640 г. записанъ указъ 1639 г., но тутъ же черезъ нѣсколько страницъ записаны откупа, напр., въ Парфеньевѣ мыльной рѣзи, въ Чухломѣ дегтя и т. д. (Тотъ же архивъ, по Галичу кн. № 7) То же самое мы видимъ въ приходной книгѣ той же чети 1644 г., когда, казалось бы, было уже время примѣнить указъ 1639 г. Въ ней упоминаются откупа: сусла и кваса во многихъ городахъ, въ Парфеньевѣ сверхъ мыльной рѣзи деготь и шолкъ, въ Коломнѣ дрожжи и извозъ, въ Бѣлевѣ извозъ лошадиный и соловолокъ и площадное письмо, во Мценскѣ воскобойня, хлѣбный и соляной извозъ. (Тамъ же, по Галичу кн. № 10 л.л. 203, 207, 210 об., 211 и об., 308, 315 и другія)

Въ 1648 г. (29 сентября) духовенство, служилые и жилецкіе люди всякихъ чиновъ Сѣвска посада и уѣзда били челомъ государю на злоупотребленія кабацкаго откупщика. Въ челобитьѣ они между прочимъ писали, что откупщикъ откупилъ въ Сѣвскѣ деготь, квасъ и писчую площадку, которые раньше съ 1619 года съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они сведены въ Сѣвскъ на житье изъ Новгорода Сѣверскаго, никогда не были на откупѣ. „И онъ де Меркулъ (откупщикъ) съ товарищи продаютъ деготь дорогою цѣною, передъ прежнею продажею вдвое и втрое, прибавливая въ деготь воду, и навозъ мѣшаютъ“. Про монополію писчей площадки они писали: „которые грамотѣ умѣютъ, и отъ ихъ, государь, грозы Меркула съ товарищи писать челобитныхъ не смѣютъ, и, отходя сего свѣта, духовныхъ и всякихъ своихъ нужныхъ дѣлъ писать не смѣютъ, потому, государь, что они уграживаютъ впередъ большою продажею, и убойствомъ и московскою волокитою. А отъ письма, государь, емлютъ отъ челобитной по гривнѣ и больше, а отъ записей и отъ поручныхъ и отъ иныхъ крѣпостей емлютъ по полтинѣ и больше. И многіе, государь, въ городѣ и въ уѣздѣ помираютъ безъ духовныхъ, потому что писать и рукъ прикладывать никто не смѣютъ“. (Москов. Арх. Мин. Юстиціи, Бѣлогородск. стола ст-цъ № 287 л.л. 386—391)

Извѣстный указъ 30 апрѣля 1654 г. о реформѣ таможенныхъ сборовъ и объ отмѣнѣ откупной формы взиманія ихъ гласитъ: „подражающе божественныхъ повелѣній, приклонихомъ милостиво уши наши въ міръ слышанія и слышахомъ нѣчто неполезно, паче-жъ грѣшно и міру досадительно“. Среди этихъ неполезныхъ и міру досадительныхъ вещей указъ перечисляетъ и предписываетъ уничтожить откупа „ѣдомыхъ харчей всякихъ и иныхъ всякихъ мелкихъ промысловъ, кваса, сусла, масла конопляного и коровья, ветчинного сала, солодоращенія, овсяной трухи, хмѣлевой трухи, хлѣбнаго, и соляного, и важеннаго и береговаго извоза, сѣнной трухи, шелку, пищей площадки, на рѣкахъ прорубнаго, золы всякой, мыльнаго рѣзанья, ворванья сала, свѣчъ сальныхъ, смолы брусковыя на рѣзь, дегтю, уголья, и рогожнаго товару, лаптей, шлей и хо-

мутовъ". (С. Г. Г. и Д. III, № 173) Какъ видно изъ этого указа, къ серединѣ 17-го вѣка, несмотря на указъ 1639 г., образовалась цѣлая сѣть „неполезныхъ и міру досадительныхъ" мелкихъ монополій.

Въ нашъ планъ не входитъ подробное изложеніе исторіи мелкихъ монополій во второй половинѣ 17-го вѣка. Для насъ достаточно привести еще нѣсколько примѣровъ и констатировать, что, несмотря на указы 1639 и 1654 годовъ, мелкія монополіи продолжали существовать, то возникая, то исчезая. Приказы то забываютъ указы объ ихъ отмѣнѣ, то вспоминаютъ объ нихъ, преимущественно тогда, когда слышатъ настойчивыя жалобы населенія.

Повидимому политика правительства, направленная къ обособленію посадовъ отъ уѣздовъ въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ соотвѣтственно особенностямъ посадскаго тягла, сама создавала благопріятныя условія для возникновенія и существованія монополій. Въ 1674 г. гости Аверкій Кирилловъ, впослѣдствіи вліятельный дьякъ, и Григ. Шустовъ били челомъ государю во Владимірской чети, что въ Калугѣ по 1672 г. извозъ былъ на откупѣ, „и тѣ откупщики съ насъ холопей твоихъ и со всѣхъ соляныхъ промышленниковъ за провозъ съ соляной рогожи имали насильствомъ по 8 денегъ и по 10 денегъ отъ того только — изъ струга на берегъ въ амбаръ перевозить. И въ прошломъ, государь, во 180 году (1672 г.) по челобитью всѣхъ соляныхъ промышленниковъ и всѣхъ калужанъ тотъ соляной откупъ отставленъ и велѣно тѣмъ извозомъ кормиться безъ откупа вольнымъ людямъ и провозъ имати по договору вольному. А нынѣ, государь, умыслили калужане посадскіе люди, стали соль возить *одни* и съ насъ холопей твоихъ за провозъ съ берега въ амбаръ емлютъ насильствомъ со всякой рогожи *дороже и прежнихъ откупщиковъ* по 10 денегъ и по 2 алтына, а стороннихъ твоихъ государевыхъ, и монастырскихъ и помѣщиковыхъ уѣздныхъ крестьянъ подъ соль наниматься не пустятъ и угрожаютъ имъ продажею и боемъ. А твои государскіе, и монастырскіе и розныхъ помѣщиковъ крестьяне съ того извоза хотятъ съ насъ взять за провозъ по 2 деньги съ рогожи". Гости просили, чтобы имъ было разрѣшено нанимать подъ соль всякихъ крестьянъ „невозбранно повольною цѣною". (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1674 г. № 234)

Въ 1677 г. откупщикъ дрягильнаго подъема и соляного и хлѣбнаго извоза въ Переяславлѣ Рязанскомъ заявилъ во Владимірской чети о своемъ отказѣ отъ откупа, который онъ держалъ по уговору 3 года. По поводу его челобитья въ чети была составлена любопытная докладная выписка, въ которой приведенъ указъ 1654 г. и сказано, что по этому указу съ 1654 г. въ Переяславлѣ контарный подъемъ, работная пошлина, извозъ, сусло, квасъ, проруби и сѣнная труха „изъ оклада выложены", т.-е. отставлены, а въ 1665 г. въ чети билъ челомъ Ф. Лахинъ и просилъ ему

дать на откупъ хлѣбный извозъ, „а на Москвѣ де нынѣ на откупѣ изъ Большаго Прихода, а хлѣбные извощики оброкъ даютъ въ Земскомъ Приказѣ". По справкѣ Владимірской чети съ Земскимъ Приказомъ оказалось, что на Москвѣ „съ извощиковъ, которые возятъ въ мучной и въ житной ряды съ струговъ изъ болота рожь, и муку, и солодъ и всякой хлѣбъ, а иные съ Москвы рѣки и изъ лѣсныхъ рядовъ лѣсъ, и изъ гончаровъ кирпичъ и всякіе тяжелые возы, и съ тѣхъ извощиковъ въ Земскій Приказъ емлютъ по рублю съ хомута". Собственно тутъ не было монополіи, а былъ прямой промысловый налогъ, но Владимірская четь нашла, что есть полное основаніе учредить монополію и откупъ извоза былъ данъ съ 1665 г. Ф. Лахину, „а послѣ его отказа тотъ откупъ по 186 г. (1677—78 г.) былъ на откупѣ-жъ за иными откупщики".

Выслушавъ докладъ, начальство чети вспомнило указъ 1654 г. Было указано на откупъ извоза не отдавать, а замѣнить откупъ по примѣру Москвы промысловымъ налогомъ—„а которые охочіе люди тѣмъ извозомъ станутъ промышлять и хлѣбъ и соль станутъ возить, и у тѣхъ людей противъ указа великаго государя, каковъ учиненъ на Москвѣ въ Земскомъ Приказѣ, хомуты ихъ записывать въ таможнѣ.... и со всякаго хомута имать въ казну великаго государя въ таможню по рублю на годъ; и тѣмъ, у которыхъ будутъ хомуты запятнаны, велѣть имъ хлѣбъ и соль возить и провозъ имать повольно по договору, а извощикомъ велѣть быть *многимъ* людямъ, сколько къ тому дѣлу охочихъ будетъ, тѣхъ всѣхъ пущать и имать со всякаго по рублю, а которые платить съ хомута не похотятъ, и тѣмъ хлѣба и соли возить не велѣть". (Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1677 г. № 102) Весьма вѣроятно, что многихъ охочихъ людей въ Переяславлѣ не оказалось и что вслѣдствіе этого образовалась фактическая монополія.

Въ Архангельскѣ то возникала, то была отмѣняема любопытная монополія, монополія барышническаго промысла — „межъ русскихъ людей и иноземцовъ торги сводить". Въ 1648 г. двинскій воевода кн. В. Г. Ромодановскій отдалъ ее на оброкъ за 85 р., а въ 1650 г. по грамотѣ изъ чети велѣно было откупъ отмѣнить, а барышничать безоброчно. Въ 1672 г. откупъ этого промысла и другихъ мелкихъ статей возникъ снова, но въ 1675 г. по челобитью гостей и торговыхъ русскихъ людей и иноземцовъ былъ отмѣненъ, а было велѣно барышникамъ торги сводить и брать за то вознагражденіе по соглашенію, „а которые торги исторгуются повольно безъ барышниковъ, и съ тѣхъ торговъ барышныя деньги... сбирать барышникамъ не велѣно". Въ 1683 г. нашлись охочіе люди взять на откупъ этотъ промыселъ и били о томъ челомъ въ чети, но имъ было отказано, такъ какъ отъ того „будетъ русскимъ торговымъ людямъ и иноземцамъ великая тягость и продажа и убытки. Да и для того имъ отказать, что такіе откупы уставною пе-

чатною грамотою (1654 г.) отставлены и великимъ прещеніемъ заказаны, что имъ впредь не быть". (Д. А. И. X, № 105)

Итакъ мы видимъ, что мелкія монополіи, малодоходныя для казны, но чрезвычайно непріятныя для населенія, возникаютъ и существуютъ на протяженіи всего XVII вѣка. Правительство издаетъ общіе и сепаратные указы, отмѣняющіе ихъ, населеніе съ своей стороны жалуется, однако мелкіе промыслы то и дѣло „учиняются" вновь на откупахъ. Выищется предпріимчивый охочій человѣкъ, укажетъ приказу, что такимъ то промысломъ промышляютъ всякіе люди, а дохода отъ него казнѣ нѣтъ, и приказъ большею частью охотно соглашается получать новый доходъ, дѣйствуя въ согласіи съ своимъ основнымъ принципомъ—приноравливаться къ каждому отдѣльному случаю и по возможности использовать всѣ безъ исключенія проявленія хозяйственной дѣятельности и зажиточности населенія.

Монополія азартныхъ игръ возникла тѣмъ же путемъ, какъ и монополіи другихъ мелкихъ промысловъ, но тутъ были нѣкоторыя особенности. Когда приказъ монополизировалъ мелкіе промыслы, которыми кормились посадскіе люди, то онъ затрагивалъ массу интересовъ, онъ лишалъ мелкихъ людей заработка, съ котораго они были положены въ сошное письмо и тянули тягло, и заставлялъ платить косвенный налогъ въ пользу монополиста всѣхъ прочихъ людей. Въ монополіи азартныхъ игръ выступаютъ другія черты. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ не составляли промысла, которымъ могли бы питаться всякихъ чиновъ люди, съ другой стороны онѣ развращали и разоряли населеніе. Вслѣдствіе этого исторія эксплоатаціи азартныхъ игръ въ фискальныхъ цѣляхъ, имѣя много общаго съ исторіей мелкихъ монополій, представляетъ нѣкоторыя особенности.

Въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ источникомъ дохода служили слѣдующія азартныя или, какъ ихъ тогда называли, закладныя игры: кости (зернь), карты, шахматы и яичный бой. Въ чемъ именно состояла костяная зернь (иногда „зернь костарня"), достовѣрно неизвѣстно. Эта игра очень древняго происхожденія была сильно распространена въ Греціи и Римѣ, а позже въ средніе вѣка во всей Западной Европѣ. Сущность ея состояла въ томъ, что игроки подкидывали костяные кубики, 6 сторонъ которыхъ иногда были обозначены цифрами, иногда же однѣ зачернены, а другія оставлены чистыми. Иногда игра происходила на доскѣ, на которой могли быть начерчены тѣ или иныя фигуры. Выигрышъ и проигрышъ опредѣлялися положеніемъ и мѣстомъ паденія кубиковъ. Въ актахъ иногда упоминается „зерновая доска", на которой происходила игра. Возможно, что одно изъ видоизмѣненій игры въ кости на доскѣ представляетъ игра въ гуська, сохранившаяся до сихъ поръ съ небольшими измѣненіями, какъ дѣтская забава. По описанію И. Са-

харова эта излюбленная игра нашихъ предковъ состояла въ томъ, что игроки, кидая кости съ цифрами, передвигали шашки по доскѣ, на которой былъ нарисованъ путь съ числами, гуськами, постоялымъ дворомъ, кабакомъ и темницею. Кто попадалъ на постоялый дворъ, тотъ долженъ былъ платить за постой по условію, кто попадалъ въ темницу, тотъ терялъ очередь до тѣхъ поръ, пока другой игрокъ не смѣнялъ его и т. д. Выигрывалъ тотъ, кто раньше другихъ доходилъ до послѣдняго знака. (И. П. Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, I, С.-Пб. 1885 г., 219)

Въ чемъ состояла игра яичный бой, неизвѣстно. Быть можетъ это было сохранившееся до сихъ поръ, но мало распространенное, обыкновеніе бить на споръ яйца на Святой недѣлѣ. Игроки берутъ въ руки по яйцу и ударяютъ ихъ другъ о друга, тотъ, чье яйцо разобьется ранѣе, считается проигравшимъ. Повидимому эта незамысловатая игра уступала мѣсто зерни и картамъ, которыя въ XVI и XVII вв. быстро распространились среди населенія. Несомнѣнно, что яичный бой былъ азартной игрой. Въ 1630 г. по приказу Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа былъ произведенъ обыскъ, кто въ Засодимской волости „зернью и карты играютъ и яйца бьютъ". Старосты и крестьяне сказали въ обыскѣ, что которые люди прежде играли, и тѣ перестали играть послѣ того, какъ въ 1629 г. „отъ государя епископа Варлаама.... была заповѣдь, что зернью и карты не играти", а крестьяне одного помѣщика прибавили, что у нихъ „зерньщиковъ и картовщиковъ нѣтъ, ни яйца въ деньги не бьютъ". (Р. И. Б. II, № 267) На игру яичный бой, какъ на бытовое явленіе мы встрѣчаемъ вообще мало указаній. Въ 1590 г. крестьяне Тавренской волости Ильинскаго прихода (Вага) договорились чтить воскресные дни и не работать въ нихъ, „или кто станетъ яйца бити, и на томъ та же заповѣдь доправити—8 алтынъ". (А. Ю. № 358) Въ началѣ XVII вѣка Ипатьевскій монастырь въ наказѣ своему прикащику предписывалъ унимать всякихъ людей отъ пьянства, сквернословія и разныхъ игръ и наказывать тѣхъ, кто будетъ „зернью играть и всякими игры, и у себя держать, и яйца битися". (А. Ю. № 334)

За то зернь и карты, какъ бытовое и притомъ чрезвычайно вредное явленіе, встрѣчаются чрезвычайно часто. На это можно было бы привести массу указаній. Закладными играми увлекаются всѣ, свѣтскіе и духовные, служилые и тяглые, посадскіе и уѣздные люди, русскіе и инородцы. Въ 1666 г. власти Шуйскаго Троицкаго монастыря удаляютъ изъ своей среды старца Савватья за то, что онъ „на кабакѣ пьетъ и иноческое платье съ себя пропиваетъ и зернью проигрываетъ". (Борисовъ. Описаніе гор. Шуи. М. 1851 г., 442 стр.) Въ 1668 г. астраханскимъ воеводамъ „вѣдомо учинилось, что въ Астрахани на кружечномъ дворѣ и въ Солдатской и въ Стрѣлецкихъ слободахъ астраханцы конные и пѣшіе стрѣльцы, и солдаты и всякихъ чиновъ жилецкіе и верховыхъ

городовъ пріѣзжіе всякихъ чиновъ люди зернью и карты играютъ, и отъ тое зерни астраханскимъ всякихъ чиновъ жилецкимъ и пріѣзжимъ людямъ чинятся татьбы и смертное убойство большое". (А. от. до юр. б., II, 696) Вообще среди плохо дисциплинированныхъ, оторванныхъ отъ своихъ семей и хозяйствъ, досужихъ служилыхъ людей зернь и карты были очень распространены и оказывали крайне вредное вліяніе. (См. напр., А. И. IV, № 74. Безчинство въ Коломнѣ въ 1653 г. солдатъ маіора Цея)

Полудикіе инородцы, приходя въ соприкосновеніе съ русскими людьми, быстро перенимали у нихъ все дурное, особенно пьянство и азартныя игры. Приведемъ одно свидѣтельство. Въ 1636 году воевода изъ Верхотурья писалъ, что ясачные инородцы „живутъ промежъ русскихъ людей и русскому обычаю навычны", неисправно платятъ ясакъ, такъ какъ знаютъ, что править на нихъ не велѣно, „а иные многіе ясачные люди играютъ зернью и, что добудутъ въ нашъ ясакъ соболей и лисицъ или иного какого звѣря, то проигрываютъ, и промежъ собою живетъ у нихъ на зерни убойство". (А. И. III, № 193)

Тѣсная связь азартныхъ игръ съ государевыми кабаками сразу обращаетъ на себя вниманіе. Игорный майданъ чаще всего ютился на кабакѣ и пользовался особымъ покровительствомъ вѣрныхъ сборщиковъ и откупщиковъ. Это—понятно. Увлекшійся игрой „питухъ" засиживался на кабакѣ и пилъ съ горя, проигравшись, и на радостяхъ, выигравши. Поэтому вѣрные головы и цѣловальники и откупщики заводили на кабакахъ зернь и карты и покровительствовали имъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ по мѣстнымъ условіямъ не были источникомъ дохода для казны. Въ 1633 г. городецкій воевода отписывалъ въ Устюжскую четь, что кабацкій откупщикъ „на кабакѣ держитъ зерни великія" и что онъ согласно указа хотѣлъ взять зерьщиковъ и посадить въ тюрьму, но откупщикъ учинился силенъ, „зерьщиковъ съ кабака не далъ; а въ городѣ и въ уѣздѣ отъ зерьщиковъ чинятся татьбы и воровство великое". Въ чети было указано послать на эту отписку къ воеводѣ грамоту, чтобы онъ переималъ зерьщиковъ и, бивъ ихъ батогами, посадилъ дня на 2 или на 3 въ тюрьму, а послѣ далъ бы ихъ на поруки въ томъ, что они не будутъ впередъ играть зернью. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1633 г. № 38)

На Тотьмѣ зернь, какъ бытовое явленіе, была очень распространена и держалась очень прочно. Въ 1623 г. крестьяне Стрѣлицкой волости жаловались въ чети на нѣкоторыхъ своихъ односельчанъ въ томъ, что они покидаютъ свои деревни, продавъ лучшія угодья, безъ которыхъ „иные крестьяне изъ тягла въ жило не емлютъ никто"; „да иныхъ де розныхъ волостей многіе крестьяне для воровства, пропоя и зерни такъ же у своихъ деревень угодья продаютъ и закладываютъ и тѣ де они свои

деревни безъ тѣхъ угодей, запустоша, отдаютъ въ міръ съ пометными. Да въ нихъ же держатъ у себя для воровства прихожихъ гулящихъ людей, воровъ зерьщиковъ, и съ ними играютъ зернью и пропиваютъ. Да и живучи тѣ воры въ волостяхъ, зимнею порою провѣдываютъ прожиточныхъ крестьянъ и лѣтнею порою тѣхъ прожиточныхъ крестьянъ розбиваютъ и грабятъ. И отъ того де воровства многія деревни и жеребьи крестьянскіе пустѣютъ". (Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, 483 л.)

Спустя 7 лѣтъ тотемскій воевода отписывалъ въ четь (въ 1630 г.), что „на Тотьмѣ на посадскомъ и на варничномъ кабакѣ и у варницъ по избамъ ярыжные зернью играютъ и, приходя къ нимъ, посадскіе люди и волостные пашенные крестьяне на кабакахъ пьютъ и зернью играютъ же и жеребьи свои проигрываютъ. И я, холопъ твой, тѣхъ зерьщиковъ безъ твоего государева указу имать не смѣю, что въ твоемъ государевѣ наказѣ, каковъ данъ мнѣ..... за приписью..... дьяка М. Смывалова, о той кабацкой зерни и о питухѣхъ не написано". Въ чети было указано отписать къ воеводѣ, чтобы онъ „унималъ отъ воровства и чтобъ душегубства не было" (Тотъ же арх., Прик. д. ст. л., 139 г. № 57) Изъ другой отписки воеводы того же года выясняется, почему онъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ зерьщиковъ. Воевода писалъ, что не въ силахъ сбирать государевы всякіе доходы, такъ какъ многіе крестьяне пьютъ на кабакахъ и зернью играютъ, „и жеребьи свои зернью проигрываютъ. И иные, государь, крестьяне, пропився и проигрався зернью, жеребьи свои мечутъ впустѣ, а сами бредутъ врозь. И по которыхъ, государь, зерьщиковъ пошлю я, холопъ твой, для твоего государева денежнаго сбора, и таможенный и кабацкой голова Ив. Завалинъ тѣхъ зерьщиковъ мнѣ, холопу твоему, не даетъ и розсыльщиковъ съ кабаковъ отъ зерьщиковъ отсылаетъ и впредъ похваляется побивать. А по твоему государеву наказу, каковъ мнѣ, холопу твоему, данъ, тотмичъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ велѣно ото всякаго дурна унимать и зернью-бъ не играли". На этой отпискѣ воеводы въ чети сдѣлана слѣдующая любопытная помѣта: „отписать — велѣть ему (воеводѣ) отъ зерни унимать, чтобъ жеребьевъ своихъ не проигрывали мужики, а къ Завалину послать государеву грамоту, чтобъ онъ въ воеводскія дѣла не вступался и за воровъ не стоялъ, а вѣдалъ бы свое дѣло, что ему приказано, таможню и кабакъ". Въ грамотѣ, посланной по этой помѣтѣ, разъясняется, какъ надо унимать мужиковъ отъ зерни и пропоя. Воеводѣ предписывается учинить заказъ крѣпкій на посадѣ и въ уѣздѣ, чтобы „деревень своихъ и у деревень угодій никакихъ на кабакѣ въ кабацкомъ питьѣ не пропивали и зернью не проигрывали. А кому лучится на кабакѣ пить, и тѣмъ людямъ пить на кабакѣ на деньги и подъ заклады. А кабацкимъ головѣ и цѣловальникамъ потому-жъ

въ кабацкомъ пропоѣ ни у какихъ людей жеребьевъ земель не имати, давали-бъ подъ закладъ съ поруками". Ослушниковъ воеводѣ предписывается наказывать, смотря по винѣ, а пропитые и проигранные жеребьи отдавать безденежно ихъ хозяевамъ. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1630 г. № 72)

Въ 1638 г. другой тотемскій воевода, Т. Дубровинъ, писалъ въ четь, что ему велѣно тотмичь унимать отъ всякаго дурна и не позволять играть зернью, „и на Тотьмѣ, государь, по кабакамъ и въ Тотемскомъ уѣздѣ волостные крестьяне зернью играютъ, а посылаетъ, государь, по волостямъ съ продажнымъ виномъ (это было неоднократно запрещаемо указами) съ Тотьмы таможенный и кабацкой голова Н. Мясниковъ съ товарищами цѣловальниковъ, и у тѣхъ, государь, продажныхъ винъ многое дурно чинится, крестьяне пропиваются и зернью играютъ, и повытья свои пропиваютъ и зернью проигрываютъ. И отъ того твоимъ государевымъ доходамъ въ сборахъ чинится мотчанье великое и отъ зерныщиковъ татьба и многое дурно. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1638 г. № 10)

Еще лѣтъ 6 спустя третій тотемскій воевода отписывалъ въ четь, что кабацкіе цѣловальники по приказу головы ѣздятъ по волостямъ, ставятся противъ воли крестьянъ на ихъ дворахъ и устраиваютъ тамъ кабаки, „а на кабакахъ де, государь, приходятъ зимою и лѣтомъ всякіе воровскіе незнамые люди, и ярыжки, пропився, валяются и ходятъ наги, и зернь де, государь, костарня живетъ и драки беспрестанныя..... и отъ того, государь, продажнаго вина въ Тотемскомъ уѣздѣ чинятся многія смертныя убойства и татьбы и зерни, и крестьяне пропиваются и зернью проигрываются". (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1644 г. № 13)

Это безсиліе тотемскихъ воеводъ унять зернь на кабакахъ отчасти объясняется тѣмъ, что въ крупныхъ городахъ Устюжской чети въ таможенныхъ и кабацкихъ головахъ служили торговые люди изъ другихъ городовъ и изъ Москвы, снабженные очень широкими полномочіями и совершенно изъятые изъ вѣдомства воеводъ уже въ концѣ первой трети XVII вѣка.

Выслушаемъ свидѣтелество третьей стороны — кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ. Въ 1649 г. двинскій голова отписывалъ въ Новгородскую четь, что торговля сильно сократилась и пріѣзжихъ людей мало Да въ томъ же де году зимою къ воеводѣ и дьяку прислана грамота, „чтобъ въ городѣ, и въ слободахъ и въ уѣздѣ мірскіе и всякихъ чиновъ люди отъ безмѣрнаго пьянаго питія уклонялись и зернью и карты не играли". Указъ этотъ по многіе дни былъ прочтенъ всякимъ людямъ у церквей, „и послѣ того, государь, на Колмогорахъ, и у города и въ Двинскомъ уѣздѣ по кабакамъ всякихъ чиновъ люди зернью и карты играть и кабацкаго питья пить не смѣютъ". Въ прежніе годы, писалъ голова, было много торговыхъ людей „и на твоихъ государевыхъ двин-

скихъ кабакахъ зернью и карты играли и питуховъ было много, и потому твоя государева таможенная пошлина и кабацкая прибыль собиралась немалая". (Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1649 г. № 117)

Въ 1668 году тюменцы говорили въ роспросѣ тобольскому воеводѣ: „а въ кое де время бывала на Тюмени съ зернью и картами выимка (т. е. когда по временамъ игры запрещались и игорныя принадлежности были отнимаемы), и въ то де время бьютъ челомъ кружечнаго двора и съ квасной цѣловальники—*какъ де зерни и картъ не будетъ, и государева де питья никто безъ того пить не станетъ, и послѣ де цѣловальничья челобитья живетъ зернь и карты повольно, и въ то де время и питья живетъ больше*". (см. ниже)

Эксплоатація азартныхъ игръ съ фискальными цѣлями принимала различныя формы. Какова бы, впрочемъ, ни была форма, закладныя игры неизмѣнно ютятся на кабакахъ. Въ однихъ мѣстахъ создавалась полная, по мѣрѣ возможности, монополія содержанія игорнаго притона на томъ или иномъ кабакѣ. Монополистъ имѣлъ всѣ игорныя принадлежности и давалъ ихъ игрокамъ за нѣкоторую плату. Иногда, быть можетъ, онъ былъ одновременно майданщикомъ, т. е. самъ принималъ участіе въ игрѣ. Обычно ему же принадлежало право судить игроковъ въ игорныхъ искахъ, по крайней мѣрѣ въ небольшихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игорной монополіи не было, а на откупъ сдавался лишь зерновой и картовой судъ—„что судятъ ярыжныхъ въ зерновыхъ искѣхъ". Судья—откупщикъ или вѣрный сборщикъ—разбиралъ, вѣроятно частыя, драки, и ссоры игроковъ, постановлялъ рѣшеніе и имѣлъ право принуждать виноватаго къ уплатѣ проигрыша и штрафа. За свой судъ судья получалъ съ истца и съ отвѣтчика вознагражденіе, смотря по установившимся обычаямъ. Наконецъ изрѣдка источникомъ дохода служило право писать на кабакѣ „кабацкія поручныя зерновыя записи и кабалы". Здѣсь откупщикъ получалъ исключительное право писать на кабакѣ поручныя записи и кабалы, которыя должны были выдавать на себя проигравшіеся своимъ счастливымъ партнерамъ, когда не были въ состояніи расплатиться наличными деньгами.

Время возникновенія монополіи закладныхъ игръ опредѣлить невозможно за недостаткомъ матеріаловъ. Есть основаніе предполагать, что кое гдѣ монополія возникла еще въ концѣ XVI в. или въ самомъ началѣ XVII-го. Съ конца первой четверти XVII вѣка монополія быстро распространилась и этотъ процессъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ напряженіемъ косвеннаго обложенія вообще за этотъ промежутокъ времени.

Какъ мы уже упоминали, существованіе монополіи въ томъ или иномъ городѣ не всегда можно обнаружить, такъ какъ эта мелкая статья дохода въ приходныхъ книгахъ и смѣтахъ приказовъ часто бывала списываема съ другими доходными статьями, большею частью съ кабацкимъ

доходомъ. Судя по этимъ и нѣкоторымъ другимъ приказнымъ документамъ, монополія азартныхъ игръ существовала въ слѣдующихъ городахъ. Въ Великомъ Новгородѣ зернь упоминается въ 1633 г. (Ар. Мин. ин. дѣлъ, по Новгороду кн. № 22, 19 л.) и въ 1639. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 89, 20 л.) На 1643—44 годъ было „новгородскихъ кабаковъ зернового откупа по окладу 10 руб. съ полтиною". (Тотъ же архивъ, по Новгороду, кн. № 28, 13 л.)

Въ Нижнемъ Новгородѣ зерновой и кабацкій судъ былъ отданъ на откупъ вновь въ 1617 г. за 16 руб. съ полтиною. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 92) Доходъ росъ быстро и давалъ довольно значительную по тому времени сумму.

Въ 1618 г.—17 руб. Въ 1623—24 г. по 80 р. 14 ал. 4 д. на годъ.
Въ 1619 г.—34 р. 8 ал. 2 д. Въ 1625 г.—143 руб. 16 ал. 4 д.
Въ 1620 г.—60 руб. Въ 1626 г.—200 руб.
Въ 1621 г.—70 руб. Въ 1627 г.—201 руб. 10 д.
Въ 1622 г.—75 руб. Въ 1628 г.—202 р. 6 ал. 2 д. (вмѣстѣ съ яичнымъ боемъ). (Тотъ же архивъ, по Нижнему кн. №№ 4, 5 и 9 и по Новгороду кн. № 15) Впрочемъ нужно замѣтить, что такой доходъ давалъ откупъ не одного зерноваго и картоваго суда и яичнаго боя. Изъ жалобы откупщиковъ 1626 г. на то, что ихъ заставляютъ держать откупъ противъ воли, видно, что у нихъ на откупѣ были—„кабацкой, и зерновой, и картовой и всякой кабацкой судъ, и отъ головъ поведерныя деньги, и отъ цѣловальниковъ напойныя деньги". (Р. И. Б., II, № 223) Повидимому откупщики къ 1626 году такъ взбили цѣну откупа, что держать его стало невыгоднымъ. Воеводы сдѣлали попытку заставить откупщиковъ держать откупъ противъ ихъ воли, а въ 1632 году пришлось поручить сборъ этого дохода вѣрнымъ сборщикамъ. Въ 1632—33 году было собрано на вѣрѣ „нижегородскихъ кабаковъ съ зернового и картоваго суда, и съ бань, и съ сусла, и съ кваса и уксусныя прибыли" 642 р. 11 ал. 4 д., а въ 1633—34 г.—609 р. 19 ал. $^1/_2$ д. (Тамъ же, по Новгороду кн. № 22, 110 л.) Въ 1640 г. зерновой и картовый судъ въ Нижнемъ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими мелкими монополіями, какъ мы говорили выше, былъ отставленъ по челобитью нижегородцевъ.

На Вяткѣ въ Хлыновѣ зерновой и бражный судъ былъ сданъ на откупъ вновь въ 1614 г. (Тамъ же, по Нижнему кн. № 1, 253 л.) Въ 1620 г. этотъ судъ былъ на откупѣ уже во всѣхъ пяти Вятскихъ городахъ, при чемъ въ Шестаковѣ откупъ данъ вновь, а въ остальныхъ городахъ существовалъ раньше, (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 14, 320, 329, 337, 345 и 353 лл.) Въ послѣдующіе годы зерновой и картовый судъ упоминается постоянно до 1640 г., а въ 1639 г. въ Слободскомъ вмѣстѣ съ зернью и картами упоминаются на откупѣ шахматы. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1640 г. № 86) Въ 1640 г. эти от-

купа были уничтожены съ другими мелкими монополіями, такъ же, какъ и въ Нижнемъ, по челобитью населенія.

Изъ другихъ городовъ Новгородской чети откупа азартныхъ игръ упоминаются въ слѣдующихъ: въ 1619 и 1620 гг.—у Соли Камской, въ 1626 г.—въ Чердыни, у Соли Камской, въ Арзамасѣ (только яичный бой) и въ Гороховцѣ (Тамъ же, по Новгороду кн. № 14, 300 л. и кн. № 15,400,444 об., 816,836.); въ 1633 и 1634 гг.—у Соли Камской, въ Гороховцѣ и въ Арзамасѣ. (Тамъ же по Новгороду кн. № 22,207 об., 254 об., 263) Въ 1644 г., несмотря на указъ 1639 г., отмѣнявшій мелкія монополіи, въ Вел. Новгородѣ и у Соли Камской зернь, а въ Арзамасѣ яичный бой были на откупѣ. (Тамъ же, по Новгороду кн. № 28, 13, 519, 805 об.)

Въ смѣтахъ и приходныхъ книгахъ Устюжской чети азартныхъ игръ не упоминается, но это объясняется тѣмъ, что доходъ отъ нихъ былъ списываемъ съ кабацкимъ. У Соли Вычегодской на уѣздныхъ кабакахъ, на Лальскомъ, Ношульскомъ, Обячевскомъ и Ильинскомъ, въ 1628 и 1632 гг. зерновыя доски были на откупѣ, а на Лальскомъ кабакѣ кромѣ того было на оброкѣ письмо кабацкихъ поручныхъ зерновыхъ записей и кабалъ. (Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1628 г. № 39 и 1632 г. № 38).

Ни въ одномъ изъ городовъ Разряда, Галицкой и Владимірской четей, судя по приходнымъ книгамъ, закладныя игры на откупѣ и на вѣрѣ не были. За то въ Сибирскихъ городахъ, которые были вѣдомы сначала въ Приказѣ Казанскаго Дворца, а потомъ въ Сибирскомъ Приказѣ, зернь и карты пользовались особенной любовью населенія и были источникомъ дохода для казны едва ли не повсемѣстно.

На границѣ Сибири, въ Верхотурьѣ, зернь и карты служили доходной статьею втеченіе многихъ лѣтъ. Въ 1624 г. кабацкой зерновой откупъ полъ года былъ за вѣрнымъ кабацкимъ цѣловальникомъ, а на вторую половину года „зерновая и картежная игра“ была сдана на откупъ за 6 р. 16 ал. 4 д. Судныя пошлины, „которыя сбираютъ на кабакѣ съ ярыжныхъ и со всякихъ людей“, собиралъ таможенный и кабацкій голова, т. е. онъ былъ судьей по зерновымъ искамъ. Этихъ пошлинъ было помѣчено собрать противъ 1623 г. 2 р. 17 ал. 4 д. Въ 1628 г. зернь была сдана на откупъ за 13 руб. На откупѣ же за 2 р. 21 ал. былъ сборъ пошлинъ „съ судныхъ дѣлъ, что судятся ярыжные въ зерни.“ Въ тѣхъ же годахъ зернь была на откупѣ въ Тагилѣ и на Невьѣ. На 1636 г. „съ Верхотурскаго кабака зерновыхъ отъ костей и отъ картъ и отъ свѣчной прибыли вѣрнаго бранья помѣчено собрать 37 руб. 12 ал. 3 д.“ Собрано было на вѣрѣ 31 руб. 18 ал. Съ зерновыхъ судовъ, „что судятъ зерьщиковъ въ зерновыхъ искѣхъ“, помѣчено было собрать противъ 1635 г. 11 руб. 27 ал., а собрано за годъ

9 руб. 15 ал. На Тагилѣ и Невьѣ въ эти годы зернь по прежнему была на откупѣ. (Арх. Мин. Юст., Верхотурск. уѣздн. суда, по 1 описи 1 вязка, кн. №№ 1, 5 и 7) Какъ видно, въ Верхотурьѣ также, какъ въ Нижнемъ, доходъ отъ зерни и зернового суда росъ быстро. Если принять во вниманіе, что судья бралъ въ государеву казну съ каждаго зернового иска всего по нѣсколько денегъ (см. ниже), то можно предположить, что въ сороковыхъ годахъ на Верхотурьѣ ежегодно разбиралось не менѣе нѣсколькихъ сотенъ зерновыхъ исковъ.

Въ 1620 г. воеводы гор. Тары отдали вновь на откупъ служилымъ людямъ зернь и всякую закладную игру на 1620—22 гг. за 30 руб. въ годъ, а на 1623 г. за 35 руб. Слѣдующіе воеводы отдали зернь на 1624 г. за 40 руб. и писали въ Тобольскъ, которому они были подчинены, что „опричь де на Тарѣ служивыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ никакихъ жилецкихъ людей нѣтъ, и служивые люди держатся зерни и животишка и оружье свое на зерни проигрываютъ. И отъ той зерни чинится татьба и воровство великое, и сами себя изъ самопаловъ убиваютъ и давятся. А безъ нашего (т. е. государева) де указу тое откупныя зерновыя игры отставить они не смѣютъ“. Тобольскіе воеводы тоже не рѣшились собственной властью отмѣнить откупа зерни и отписали объ этомъ въ Москву въ приказъ. На ихъ отписку изъ приказа была послана грамота (132 г. 9 апрѣля—1624 г.) съ указомъ отставить откупъ и преслѣдовать азартныя игры. (Арх. Мин. Юст., Сибирск. Прик. кн. № 6, 186—187 лл.) Прошло почти полъ года, пока грамота дошла до Тары, гдѣ были уже новые воеводы. Они, не уничтоживъ откупа, который былъ сданъ уже за 43 руб., опять пишутъ въ приказъ, что отъ зерни чинятся татьбы и воровство и что они не могутъ унимать служилыхъ людей, такъ какъ всякая закладная игра сдана на откупъ. Тогда изъ приказа къ воеводамъ былъ посланъ указъ противоположный первому. Въ немъ сказано: „и вы—бъ на Тарѣ зерновыя и всякія игры изъ окладу не выкладывали, для того что та игра отдана и откупныя деньги емлютъ съ нея въ нашу казну давно. А которые люди на Тарѣ зернью и всякою игрою учнутъ играти, и вы-бъ надъ тѣми людьми велѣли дозирать, чтобы они играли смирно; и отъ всякаго воровства и отъ душегубства служилыхъ людей унимали. А буде въ Тарскомъ городѣ которые служилые люди учнуть проигрываться или воровать, грабить и красть, или иное воровство учнуть чинити, и вы-бъ тѣмъ людямъ чинили наказаніе, смотря по винамъ и по воровству“. (Тотъ же архивъ, Сибирск. Прик., кн. № 11, 303—304 л.)

Въ томъ же году тарскіе служилые люди передъ воеводой отказались отъ откупа, такъ какъ по ихъ словамъ Тара городъ разореный и держать имъ откупа невозможно, но воевода не принялъ отказа. Тогда откупщики въ 1632 г. били челомъ въ приказѣ и жаловались: „и мы,

холопи твои, по ся мѣста шестой годъ платимъ твои государевы откупныя деньги, стоя на правежѣ съ женишками и съ дѣтишками, служимъ безъ твоего государева жалованья шестой годъ, вконецъ погибли, а твое государево жалованье у насъ, холопей твоихъ, зачитаютъ въ откупныя деньги, а мы, холопи твои, задолжали великими долги". По этому челобитью въ приказѣ былъ составленъ докладъ, въ который по обыкновенію былъ подысканъ прецедентъ. Было выписано, что въ Березовѣ въ 1626 г. зерновая и картовая игра, харчь, квасъ и сусло были сданы на откупъ за 51 р.; откупщикъ, продержавъ годъ, отказался отъ откупа, такъ какъ въ Березовѣ „жилецкихъ тяглыхъ людей никого нѣтъ и гулящимъ людямъ держаться не у чего, а все де служилые люди и тѣ де для государевыхъ частыхъ служебъ бываютъ въ посылкахъ". Такъ какъ иныхъ откупщиковъ не было, то воевода не принялъ отказа и откупщикъ вѣроятно былъ вынужденъ держать откупъ за собой въ ближайшіе годы. По крайней мѣрѣ въ 1631 г. онъ билъ челомъ въ приказѣ о снятіи съ него откупа и приказъ указалъ снять, а зерновую и картную игру сдать на откупъ охочимъ людямъ. На основаніи этого прецедента въ 1632 г. по челобитью тарскихъ откупщиковъ была послана изъ приказа грамота къ воеводамъ, а въ ней велѣно: „тое зерновую и картную игру отдать на откупъ охочимъ людямъ изъ наддачи. А будетъ никто изъ наддачи не возметъ, и тотъ откупъ отдать на старой откупъ. А будетъ никто и на старой откупъ не возметъ, и вы-бъ тотъ откупъ велѣли держать на вѣрѣ". (Тотъ же арх., Сибирск. Прик., 31 ст—цъ, 560—5 лл.)

Въ 1636 г. красноярскій воевода писалъ въ Томскъ, что въ Красноярскѣ зернь въ откупѣ за служилыми людьми за 32 р., „и Красноярскаго, государь, острога служилые люди проигрываются зернью, оружье и платье съ себя проигравъ, съ Краснаго Яру бѣгаютъ. И отъ тое зерни красноярскіе служилые люди стали скудны, а отъ зерни ихъ унять не мочно, что та зернь въ откупѣ за ними красноярскими служилыми людьми. А пріѣзжихъ людей въ Красноярскомъ острогѣ не живетъ, опричь красноярскихъ служилыхъ людей играть зернью некому". На этотъ разъ томскіе воеводы рѣшились собственной властью уничтожить откупъ, а въ свое оправданіе послали въ приказъ челобитье красноярскихъ служилыхъ людей. Красноярцы въ своемъ челобитьѣ писали, что съ 1630 г. зернь на откупѣ, „и нынѣ, государь, мы холопи твои въ дальней твоей отчинѣ отъ тое зерни обнищали, стали наги и босы и холодны, и на твои государевы службы подниматься нечѣмъ. И многіе, государь, на той откупной зерни иззаигрались донага и задолжали великими долги, и что твое государево хлѣбное жалованье давано, и то на зерни испродавали. И многіе, государь, отъ той откупной зерни, иззаигрався и иззадолжавъ, изъ твоей государевы дальней отчины разбредутся врознь". Въ приказѣ было велѣно выписать это дѣло въ докладъ и доложить, но рѣшенія къ

сожалѣнію мы не знаемъ. (Ар. Мин. Юст., Сибирск. Прик. 53 ст-цъ, 199—201)

Въ эти же годы упоминается откупная зернь и въ другихъ городахъ Сибири. Въ 1628—29 гг.—въ Енисейскѣ. (Сибирск. Прик., 12 ст., 492 л.) Въ 1630 г. въ Мангазеѣ воевода отдалъ на откупъ „баню, и зернь, и картеную, и шахматную и всякую закладную игру, и кислый квасъ, и сусло", а откупщикамъ было велѣно платить съ новой наддачей „отъ майдана, и отъ свѣчъ, и отъ костей, и отъ картъ, и отъ зерновыхъ судныхъ и отъ хоженаго, и отъ всякой закладной игры, и отъ бани, и отъ зернового двора" и т. д. всего 181 руб. съ полтиною на годъ. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 138 г. № 71) Въ Туринскѣ на 1623 г. было помѣчено собрать на вѣрѣ противъ сбора 1622 г. „зернового суда пошлинныхъ денегъ, и отъ костей и отъ свѣчъ.... вѣрнаго бранья 25 руб. 8 д.". (А. отн. до юр. быта, III, № 346)

Что же удерживало Сибирскій Приказъ отъ уничтоженія столь вреднаго источника дохода? Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что главной причиной этого было недовѣріе къ сибирскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, злоупотребленія которыхъ своей властью были очень значительны и многочисленны. Повидимому приказъ опасался, и не безъ основанія, что съ отмѣной откупа азартныя игры не прекратятся, казна лишится дохода, а воеводы сами станутъ пользоваться дурными страстями населенія въ своихъ выгодахъ. Чтобы понять это, приказнымъ XVII вѣка не было надобности въ сенаторской ревизіи.

Во второй половинѣ XVII вѣка мы не встрѣчаемъ въ Сибири монополіи азартныхъ игръ, повидимому она была отмѣнена тамъ также, какъ и въ Европейской Россіи, указомъ 1649 г., однако съ отмѣной монополіи азартныя игры не прекратились, а въ 1666 г. государю стало извѣстно, что енисейскій воевода В. Голохвастовъ „для своихъ пожитковъ отдаетъ помѣсечно зернь и корчму и безмужнихъ женъ на блудъ и отъ того емлетъ себѣ откупу рублевъ по 100 и больше". (А. И. IV, № 182) Судя по злоупотребленіямъ сибирскихъ воеводъ вообще, можно думать, что подобный случай, по крайней мѣрѣ относительно азартныхъ игръ, не былъ исключеніемъ послѣ отмѣны правительственной монополіи.

Итакъ мы видимъ, что монополія азартныхъ игръ въ первой половинѣ XVII вѣка существовала во многихъ городахъ Московскаго государства. Сама по себѣ она не давала казнѣ значительнаго дохода и приказы сами, если можно такъ выразиться, не особенно гнались за нимъ, но у монополіи и у азартныхъ игръ вообще были сильные покровители въ лицѣ кабацкихъ головъ и откупщиковъ. Они заводили и поддерживали на кабакахъ игорные притоны, а приказы только пользовались готовымъ источникомъ.

Какъ мы уже говорили, есть основаніе утверждать, что откупа азартныхъ игръ умножились вмѣстѣ съ другими мелкими монополіями въ связи съ напряженіемъ косвеннаго обложенія вообще, которое мы замѣчаемъ приблизительно съ конца первой или съ начала второй четверти XVII вѣка. Ко времени Смоленскаго похода множество промысловъ, которыми промышляли и кормились мелкіе люди, „учинились на откупахъ“. Между тѣмъ по поводу Смоленскаго похода и въ послѣдующіе годы было взято съ населенія много тяжелыхъ чрезвычайныхъ налоговъ. Въ связи съ этимъ, навѣрное подъ вліяніемъ челобитенъ, правительство вспоминаетъ о мелкихъ людяхъ и издаетъ указъ 27 іюня 1639 г. объ отмѣнѣ мелкихъ монополій. Цѣль указа — вернуть посадскимъ людямъ отнятые у нихъ промыслы, съ которыхъ они были положены въ сошное письмо и тянули тягло. Подъ этотъ указъ подошли и азартныя игры. Какъ мы говорили выше, въ нѣкоторыхъ городахъ эта монополія была отмѣнена по челобитью населенія, въ другихъ же, несмотря на указъ, этотъ „промыселъ“ не былъ возвращенъ посадскимъ людямъ, и монополія существовала до 1649 года. Послѣ этого года мы нигдѣ ея не встрѣчаемъ и это обстоятельство нужно поставить въ связь съ извѣстнымъ указомъ 1649 г. Въ этомъ любопытномъ указѣ все смѣшано въ одну кучу и все равно осуждено, непристойное поведеніе въ храмахъ, грубое суевѣріе, остатки языческихъ обычаевъ, пороки населенія, вредныя такъ же какъ и совершенно невинныя развлеченія его, напр., качели, шахматы, домры, гусли, гудки „и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды“. Очевидно, что именно этотъ указъ былъ полученъ на Двинѣ въ 1649 г., прочтенъ во всеуслышаніе при церквяхъ и причинилъ, по словамъ двинскаго кабацкаго головы, ущербъ кабацкому сбору, такъ какъ азартныя игры подверглись гоненію.

Въ заключеніе нашего очерка мы позволимъ себѣ разсказать случай, происшедшій въ Тобольскѣ въ 1668 г. (Арх. Мин. юст., Сибирск. Прик., кн. № 367, 1044—52 лл.) Этотъ случай прекрасно обрисовываетъ намъ бытовыя условія существованія монополіи азартныхъ игръ и поясниттъ намъ нѣкоторыя стороны ея. Тобольскій банщикъ Андрюшка Филишовъ 6-го апрѣля 1668 г. извѣщалъ въ приказной избѣ воеводу П. И. Годунова съ товарищами, что 5 апрѣля пришли въ государеву баню тобольскій конный казакъ Никифорка Цыбыляевъ, да пѣшій казакъ Федоска Васильевъ да гулящій человѣкъ Гришка Харчевниковъ и стали играть въ карты. Онъ, Андрюшка, говорилъ имъ, чтобы они не играли, „и они де играли сильно и каменницы въ банѣ обсыпали, и онъ де Андрюшка взялъ у нихъ карты съ майдана и принесъ въ приказную избу.“ Очевидно игра сопровождалась ссорой и дракой. Воевода съ товарищами послали за игроками и стали ихъ допрашивать. Н. Цыбыляевъ сказалъ, что онъ въ карты не игралъ, а играли тобольскій сол-

датъ Сергушка Черной да какой то Никишка, что карты были его, Никифорки, „а карты де велѣлъ играть баньщикъ Андрюшка Филипповъ и бралъ де съ нихъ по 2 деньги съ кона“, т. е. съ игры. Далѣе изъ разспросовъ выяснилось, что игра происходила не въ первый разъ. Воевода съ товарищами велѣлъ спросить Никифорку и Федоску: „давно ли они карты и зернь держатъ и сколько лѣтъ?“. „И Никифорка Цыбыляевъ да пѣшій казакъ Федоска Куклинъ сказали: „промышляютъ де они тѣмъ промысломъ лѣтъ съ 10 и больше и безъ того де промысла имъ Никифоркѣ и Федоскѣ прокормиться нечѣмъ, *и безъ зерни де въ Тобольскѣ прежъ сего николи не бывало и впредь не будетъ*“. Они тутъ же били челомъ, чтобы было велѣно имъ „зернь и карты противъ прежняго, какъ бывало въ Тобольскѣ издавна, дать на откупъ, а на Тюмени де и нынѣ за зернь и за карты сбираютъ въ ящикъ въ государеву казну“. На вопросъ, сколько они будутъ давать въ государеву казну откупа, они сказали, что если имъ будетъ велѣно „держать зернь и карты и иныхъ охочихъ (людей) прибрать съ ними вмѣстѣ, и они де дадутъ..... откупа по 30 руб. на годъ.“

Тогда воевода съ товарищами, чтобы разузнать всѣ обстоятельства дѣла рѣшили разспросить нѣкоторыхъ наиболѣе свѣдущихъ тобольскихъ жителей. Цѣловальникъ кружечнаго двора въ допросѣ сказалъ: „напередъ де сего на кружечномъ дворѣ и нынѣ всякихъ чиновъ люди зернью и карты играютъ небольшими животы“, и прибавилъ весьма вѣскій аргументъ: „а какъ де играютъ зернью и карты, и въ то де время вина государева въ расходъ идетъ больше“. Начальные люди, полковникъ, полуполковникъ и ихъ товарищи сказали, что „въ Тобольскѣ рейтары и солдаты зернью и карты играютъ, и (они) отъ той зерни ихъ унимали и поученье было—биты кнутомъ, а иные батогами, и никоими мѣрами унять не мочно. А платья и лошадей проиграть они не даютъ, а которымъ людямъ проиграютъ лошадь или платье, и у тѣхъ людей они, начальные люди, лошади и платье возмутъ сильно и отдадутъ тѣмъ людямъ, которые проиграли, безденежно“. (Это былъ обычный въ то время пріемъ лишать пьяницъ и игроковъ кредита.) Бывшій откупщикъ кваса, Федька Красильниковъ, сказалъ: „какъ онъ держалъ квасъ на откупѣ, и у него на квасной всякихъ чиновъ люди зернью и карты играли, и начальные люди рейтаръ и солдатъ отъ зерни унимали и на квасной играть не давали; и они де рейтары и солдаты, убѣгая съ квасной и изъ бани въ лѣсъ, и въ лѣсу зернью и карты играли, а унять де отъ того (начальные люди) никакими мѣрами не могли“. Послѣ этого воевода съ товарищами пожелали справиться въ прежнихъ дѣлахъ объ отдачѣ на откупъ зерни и картъ, но оказалось, что всѣ дѣла сгорѣли во время пожара. Обратились опять къ сторожиламъ.

Тобольскіе сынъ боярскій Ем. Васильевъ да конные казаки Ден. Рачковской да Ден. Нечаевской сказали: „въ прошлыхъ де годѣхъ при бояринѣ и воеводѣ при князѣ Иванѣ Семеновичѣ Куракинѣ съ товарищами (былъ воеводой въ Тобольскѣ въ 1619 г.) была зернь и карты на откупѣ на государевѣ кабакѣ, и у той де зерни былъ староста изъ тѣхъ же откупщиковъ, и тому де старостѣ велѣно (было), которые люди на зерни какого живота проиграютъ и, не хотя платить, запрутся или учнутъ драться, а которые люди выиграли, а будутъ на нихъ бить челомъ, а откупному старостѣ сказывать не въ большихъ деньгахъ, и староста, допрашивая про то третьихъ, тѣхъ людей судитъ и по суду, которые люди виноваты, и на тѣхъ людяхъ велитъ править, а съ суда емлетъ староста себѣ съ истца и съ отвѣтчика по 2 деньги съ человѣка. А которые люди будутъ бить челомъ въ большихъ деньгахъ, и про то де приказано было сыну боярскому Савѣ Француженину, и тотъ де Савва въ большихъ деньгахъ судитъ и виноватыхъ отсылаетъ къ старостѣ и велитъ бить батогами“. Такъ какъ по словамъ Н. Цыбыляева зернь и карты существовали въ то время въ Тюмени, то воевода допросилъ тюменцевъ, бывшихъ въ то время въ Тобольскѣ. Они сказали: „на Тюмени де изъ давнихъ лѣтъ всякіе люди на кружечномъ дворѣ и на квасной зернью и карты играютъ явно при сынѣ боярскомъ, который приставленъ на кабакъ для караула, и заказа де они о зерни и о картахъ не слыхали, а на откупѣ ли та зернь и карты, того они не вѣдаютъ. А кто де въ картахъ и на зерни проигрывался, и тотъ де сынъ боярскій имъ въ томъ и судъ даетъ и проигранныя деньги правитъ. А въ кое де время бывала на Тюмени съ зернью и съ картами выимка, и въ то де время бьютъ челомъ кружечнаго двора и съ квасной цѣловальники: „какъ де зерни и картъ не будетъ, и государева де питья никто безъ того пить не станетъ“, и послѣ де цѣловальничья челобитья живетъ зернь и карты повольно, и въ то де время и питья живетъ больше“.

Тарскіе таможенный подьячій да конные казаки (3 человѣка) въ допросѣ сказали: „на Тарѣ де изъ давнихъ лѣтъ всякіе люди зернью и карты игрывали, и съ тое де зерни и съ картъ сбирали выборные цѣловальники въ государеву казну зерновое и картяное, а кто де на зерни проигрывался, и въ томъ де тѣ цѣловальники и судъ даютъ и проигранныя деньги правятъ“. 26 апрѣля стольникъ и воевода П. И. Годуновъ, „слушавъ сей выписки и сказокъ, приказалъ: зернь и карты отдать на откупъ до указа великаго государя Н. Цыбыляеву съ товарищами, для того что и безъ откупа втай зернью играютъ, а на Тюмени и нынѣ зернь есть, а откупа платить имъ противъ уговора по 30 руб. на годъ, а воровства-бъ на зерни и дракъ не было, и взять по нихъ въ томъ поручную запись“.

Изъ этого дѣла мы видимъ, что воевода подробно обслѣдовалъ дѣло прежде, чѣмъ рѣшился сдать зернь и карты на откупъ. Сама жизнь вызывала существованіе зернового и картоваго дохода и суда, сама же жизнь потребовала и дальнѣйшей регламентаціи этой монополіи.

24 іюня откупщики били челомъ, что бы имъ была дана „судная память на зерньщиковъ, которые будутъ играть и проигрався съ зерни будутъ сильны, картеннаго или кому что проиграютъ, а не будутъ платить, или карты издеретъ и кости забросить". Они же били челомъ, что ихъ монополія нарушается: „даны де ему Федоскѣ на откупъ зернь и карты, а играютъ де мимо его на государевѣ поварнѣ пивоваръ Фочка, да съ нимъ стрѣлецъ.... да тутъ же былъ Дружинка попъ.... а играютъ де они въ деньги, а кости были Фочкины, и онъ де Федоска кости у нихъ снялъ, а они де почали играть и иными". Однако воевода и дьякъ М. Постниковъ судной памяти имъ не дали, а велѣли кличъ кликать: „въ нынѣшнемъ въ 176 году откупили въ Тобольскѣ зернь и карты тобольскій пѣшій казакъ Ф. Куклинъ съ товарищами, 4 человѣка, и мимо ихъ въ Тобольскѣ никакимъ людямъ зерни и картъ не держать. А будетъ какіе люди въ Тобольскѣ мимо ихъ откупщиковъ будутъ держать зернь и карты, и тѣ откупщики зернь и карты у нихъ выймутъ, и на тѣхъ людяхъ, у кого зернь или карты возмутъ, на великихъ государей заповѣдь. Да которые-жъ всякихъ чиновъ люди, проигрався, не будутъ зернового или картеннаго платить, учинятся сильны, и тѣхъ людей въ полтинѣ велѣно судить имъ откупщикамъ, Федоскѣ съ товарищами, и наигранныя деньги править, а что будетъ полтины больше, и о томъ великимъ государямъ велѣно имъ бить челомъ въ приказной избѣ".

Сибирскій Приказъ иначе взглянулъ на это дѣло, чѣмъ Тобольскій воевода П. Годуновъ. 22 сентября 1668 г. была послана въ Туринскъ къ воеводѣ грамота, въ которой сказано: „мы вел. государь указали въ Тобольскѣ зернь и карты отставить и откупъ съ зерни и картъ изъ оклада выложить". Воевода П. Годуновъ писалъ къ намъ, что по его отпискѣ зернь и карты отданы на откупъ въ Сугутѣ и въ Верхотурьѣ. Если по его же отпискѣ ты въ Туринскѣ сдалъ зернь и карты на откупъ, то, какъ къ тебѣ придетъ эта грамота, ты „зернь и карты въ Туринскомъ острогѣ велѣлъ оставить", а откупщика, если онъ не туринскій жилецъ, вышли изъ города и вели „впередъ заказъ учинить крѣпкой, какъ у тебя о томъ въ наказѣ писано". (Пол. собр. зак. № 436)

Прошло много лѣтъ со времени отмѣны монополіи азартныхъ игръ, всякихъ чиновъ люди по прежнему неизмѣнно увлекались ими, но взгляды правительства измѣнились. Строго запрещенный ранѣе табакъ сталъ объектомъ обложенія. Приблизительно въ то же время возродились и откупа зерни и картъ. Мы не знаемъ, долго ли они просуществовали, не знаемъ,

часколько они были распространены, но это было не новшество. Петръ Великій возстановилъ то, что существовало при его дѣдѣ и было уничтожено при его отцѣ. И опять мы слышимъ старую давно знакомую намъ исторію. Въ 1713 г. прикащикъ Камчадальскихъ остроговъ пишетъ въ Якутскъ: „да извѣстно тебѣ стольнику и воеводѣ..... и дьяку... буди—отъ тѣхъ вышеписанныхъ картеныхъ и костяныхъ откуповъ повсягодно къ Камчадальскихъ острогахъ чинятся промежъ служилыми людьми шатости и убійства и всякіе грабежи, потому что они на тѣ зерни на картахъ и на костяхъ испроигрываются донага и достальную лопоть свою, и обувь, и собакъ, и нарты и всякіе заводы проигрываютъ безъ остатка.... А какъ они проигрываются донага, и они надѣятся на грабежи и убійства, кто богатѣе, того и грабятъ и межъ собой животы дуванятъ“. (Памятники Сибирской исторіи, I т., 546 стр.)

С. Веселовскій.

XV.

Къ вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабалѣ.

Болѣе полстолѣтія длятся усилія и споры, направленные къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ. За это время самая тема уже вышла изъ рамокъ той простой схематической постановки, какую она имѣла до появленія статьи Погодина и опубликованія труда Сперанскаго. Все болѣе осложняясь, эта тема уже выросла до значенія „капитальнѣйшаго вопроса русской исторіи". За послѣднюю четверть вѣка пущенъ въ оборотъ рядъ новыхъ фактическихъ данныхъ и различныхъ точекъ зрѣнія на вопросъ. Но сказать, что въ рукахъ изслѣдователей имѣется уже достаточный матеріалъ для окончательнаго сведенія итоговъ, едва ли возможно. Мало по малу вскрываются новыя данныя, подтверждающія или подрывающія ту или другую постановку вопроса или точку зрѣнія на него.

Настоящая замѣтка имѣетъ въ виду указать нѣсколько мелкихъ фактовъ, относящихся къ одной изъ частныхъ темъ, затронутой въ исторической литературѣ, хотя и встрѣченной отрицательно писателями другихъ направленій въ постановкѣ и рѣшеніи вопроса о происхожденіи крестьянскаго прикрѣпленія. Я говорю о соотношеніи между кабальной крѣпостью и зараждающейся крестьянской неволей и о вліяніи первой на послѣднюю. Такой вопросъ допускаетъ разныя постановки и различныя рѣшенія его. Впервые его поставилъ и предложилъ рѣшеніе его В. О. Ключевскій въ своей статьѣ—„Происхожденіе крѣпостного права". Его мысль сводится къ тому, что „пока въ правѣ не выработалась идея кабальнаго холопства, серебро издѣльное ничѣмъ юридически не отличалось отъ ростового, было такимъ же имущественнымъ обязательствомъ, не простиравшимся на личную свободу должника, пока послѣдній не объявлялъ себя несостоятельнымъ. Но какъ скоро сложилась мысль, что работа за безпроцентный долгъ ставитъ должника въ личную зависимость отъ заимо-

давца, эта мысль повлекла издѣльнаго крестьянина въ сторону кабальнаго холопа". Такое воздѣйствіе сказалось прежде всего на томъ, что „на крестьянскую ссуду сталъ утверждаться взглядъ, какъ на долговое обязательство, не прекращаемое безъ согласія ссудодателя, почему землевладѣльцы начали считать себя въ правѣ не принимать и правильно сдѣланнаго отказа". Значитъ, два условія служилой кабалы нашли отраженіе въ исторіи крестьянскаго поряда: „служба или работа за ростъ и непрекращаемость службы по волѣ холопа. Работа за ростъ, издѣлье было давнимъ условіемъ крестьянской ссуды; но только съ конца XVI в. ему стали придавать значеніе, какое имѣла кабальная служба за ростъ. Во второй четверти XVII в. если не раньше, явилось и другое условіе, какъ послѣдствіе перваго,—непрекращаемость обязательной работы и личной зависимости по волѣ крѣпостного" (Русск. Мысль 1885, окт., 9—10, 16, 28—29).

Эта интересная догадка встрѣтила рѣшительныя возраженія со стороны другихъ изслѣдователей. По мнѣнію однихъ, „если крестьянинъ состоитъ въ такомъ же договорѣ съ господиномъ, какъ кабальный, то онъ уже не свободный крестьянинъ, а кабальный холопъ; если не состоитъ, то къ нему условій кабальнаго холопства и примѣнить нельзя" (Юрид. древн., I изд. 2, 268). Такая точка зрѣнія отрицаетъ самую возможность постановки вопроса о воздѣйствіи и вліяніи одного института на другой. А можно ли обойтись въ исторіи безъ такихъ пріемовъ изученія? Другое возраженіе мало чѣмъ разнится отъ только что указаннаго. Согласно этому второму мнѣнію, „видѣть основанія крестьянскаго прикрѣпленія непосредственно въ крестьянской задолженности, т.-е. въ томъ, что крестьянинъ обыкновенно (почти всегда) при занятіи участка беретъ ссуду, а, сверхъ того, весьма часто и потомъ вступаетъ въ долгое обязательство къ своему помѣщику", значитъ, признать, что „крестьянство ничѣмъ не отличается отъ кабальнаго холопства" (Обзоръ исторіи русск. права, изд. 4, 143—144). Но откуда же это неизбѣжно слѣдуетъ? Задолженность лежитъ въ основѣ закупничества, кабальнаго холопства, отдачи головой до искупа, по мнѣнію нѣкоторыхъ закладничества и пр. Развѣ это не различные институты?

Помимо этихъ формальныхъ возраженій, предъявлены и возраженія по существу, хотя ихъ къ сожалѣнію немного. Маститый авторъ „Древностей русскаго права", возражая Чичерину, который указалъ, что „крестьянинъ, взявшій ссуду, обязывался „за ростъ пахати, по древнему выраженію", замѣтилъ: „мы не видали ни одной заемной кабалы, въ которой должникъ обязывался бы пахать вмѣсто уплаты процентовъ... Но допустимъ, что крестьяне обязывались „пахать за ростъ", а издѣльное серебро есть ссуда, которая давалась въ виду будущей работы, какъ это думаетъ проф. Чичеринъ; все же сдѣлки этого рода могли имѣть

мѣсто только до Судебника 1550 года, который предписывалъ писать либо служилыя, либо ростовыя кабалы, а другихъ не знаетъ“ (Юрид. древн., I, изд. 2, 271). Значитъ, обязательства „за ростъ пахати“ проф. Сергѣевичъ допускаетъ только до половины XVI в. Быть можетъ, теперь онъ вполнѣ санкціонируетъ такое предположительное допущеніе? Ссылка же его на Судебникъ 1550 г., усвоенная и другими (Ж. М. Ю. 1908, янв., 117: „послѣ изданія царскаго Судебника сдѣлки подъ издѣльное серебро стали невозможными и по закону. Обязательство выполнять за заемное серебро извѣстную работу на владѣльческой землѣ не подходило ни подъ понятіе служилой, ни подъ понятіе ростовой кабалы“), по меньшей мѣрѣ рискованна. Мало ли о чемъ не говоритъ Судебникъ. Даже и то немногое, что знаетъ Судебникъ, формулировано въ немъ далеко не всегда съ достаточной полнотой и ясностью.

Къ тому, что извѣстно объ условіяхъ крестьянскаго поселенія, я имѣю возможность прибавить одну небезынтересную крестьянскую порядную 2-й половины XVI вѣка (Этотъ актъ хранится въ собраніи свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Епархіальномъ Древнехранилищѣ и указанъ во второмъ выпускѣ описанія этого собранія, изд. въ Вологдѣ въ 1900 г. Копія съ этого акта по моей просьбѣ снята и любезно доставлена мнѣ И. Н. Суворовымъ, которому и приношу свою искреннюю благодарность). Вотъ ея полный текстъ:

„Се я^{з} тре^{т}я^{к} исако^{в} снъ д’ я^{з} яко^{в} григо^{р}е^{в} снъ заняли прилу^{ц}ко^{г} монастыря у ка^{з}начия у сер^{г}ия у ста^{р}ца рубль дене^{г} манасты^{р}ски^{х} казены^{х} ге^{н}варя ВІ^{дн} а за ростъ на^{м} жи^{ти} в монасты^{р}ско^{и} о^{т}чинѣ в се^{р}гие^{в}ско^{м} ключе в дере^{в}нѣ на ко^{з}лове в полуплуге а лготы на^{м} ка^{з}начи^{и} ряди^{л} на два годы И в’ те на^{м} лго^{т}ные годы на^{м} (не?) дава^{ти} монасты^{р}ско^{г} оброку (*надъ этимъ словомъ между строками вписано, но зачеркнуто слово* „мнѣ“) и^{и} зди^{л}я не дѣлати а о г^{с}дрьские пода^{ти} ка^{к} за хле^{б}ся примуть та^{к} и потяну^{ти} а поставити на^{м} в тѣ лго^{т}ные годы во дворе (*надъ этимъ словомъ между строкъ вписано слово* поставити) изба полутре^{ти} сажени да два сен^{н}ика да ови^{н} да сара^{и} да заборы круго^{м} да ворота и земл^{и} не запереложи^{т} и огороды огороди^{ти} а порука по на^{с} в’ жи^{т}е и въ де^{н}га^{х} (*повторено* и в’ де^{н}га^{х}) и въ сѣмяно^{м} хлебе Ѳедо^{т} Е^{в}си^{в}евъ снъ из дере^{в}ни з до^{л}гуши да ма^{к}си^{м} соѳроно^{в} снъ из дере^{в}ни с Мики^{т}кина а не^{ч}у не^{м} мы в то^{и} деревне жити или дво^{р}а не поставим^{и} и по^{и}демъ во^{н} и на на^{с} (*повторено*

на[с]) на порущико[х] по се[и] ря[д]но[и] записе деся[т] рубле[в] А на то послуси теренте[и] кузми[н] снъ да тре[т]я[к] к[и]рило[в] снъ из дерев'ни с Мики[т]кина а запи[с]са[л] арха[н]ги[л]ско[и] це[р]ковно[и] дьяче[к]ка[р]пи[к]ро[ди]оно[в] снъ лѣ ✱ЗЧВ[г].

На оборотѣ на верху съ боку помѣчено: голо[в]ная се[р]гие[в]ская.

Весь интересъ этой порядной записи представляетъ ея начало: два крестьянина заняли въ монастырской казнѣ всего одинъ рубль денегъ и за ростъ на занятыя деньги обязуются жить за монастыремъ въ монастырской деревнѣ на полуплугѣ пашни. Въ остальномъ условія крестьянскаго поселенія не отличаются какими либо необычными подробностями. Порядчики представили за себя поручителей „въ житьѣ и въ деньгахъ и въ сѣмянномъ хлѣбѣ“, хотя объ этомъ сѣмянномъ хлѣбѣ ранѣе въ записи нѣтъ и намека. Если порядчики не будутъ жить въ деревнѣ или не поставятъ двора и выйдутъ вонъ, то поручители уплачиваютъ неустойку въ 10 руб. Въ теченіе двухъ льготныхъ лѣтъ порядчики освобождены отъ оброка и отъ издѣлья, но за то должны построить избу съ перечисленными усадебными постройками. Въ государское же тягло должны тянуть съ перваго снятаго хлѣба.

Поскольку поселеніе въ крестьяне является результатомъ заключеннаго займа, постольку эта рядная является прародительницей позднѣйшей ссудной крестьянской записи. Но отъ послѣдней она отличается существенно тѣмъ, что по ссудной порядчикъ обязуется жить за такимъ то владѣльцемъ во крестьянѣхъ „за тое ссуду“ или „съ тою ссудою“; а въ разсматриваемой рядной записи поселеніе во крестьяне выговаривается не за самую ссуду, а за ростъ по этой ссудѣ.

Ссуда крестьянамъ арендаторамъ—исконное явленіе въ исторіи крестьянскаго поряда. Давно уже обращено вниманіе на то, что на почвѣ этой ссуды или займа возникаютъ и развиваются издѣльныя крестьянскія повинности. Крестьяне должники еще по указанію памятниковъ XV в. „дѣло дѣлаютъ на серебро“. Отсюда и особый терминъ—„издѣльное серебро“—различаемое въ памятникахъ отъ „ростового серебра“. Полагаютъ, что издѣлье было работой взамѣнъ уплаты роста по ссудѣ. Эта точка зрѣнія, однако, не общепризнанная; предложено и другое объясненіе „издѣльнаго серебра“ (Русск. юр. древн., I, изд. 2, 217). Съ половины XVI в. и даже нѣсколько ранѣе „издѣльное серебро“ перестаетъ упоминаться въ памятникахъ. Крестьянское же издѣлье или барщина сдѣлались обычнымъ условіемъ крестьянскихъ порядныхъ внѣ всякой видимой связи со ссудой. Это можно объяснить или тѣмъ, что связь между ссудой и издѣльемъ, если она когда либо существовала, совершенно утратилась, или же тѣмъ, что ссуда была такимъ же по-

вседневнымъ явленіемъ, какъ и издѣлье, и связь между ними превратилась въ столь неразрывную, что не было нужды объ этомъ и упоминать. Съ послѣдней точки зрѣнія „крестьяне продолжали отрабатывать ростъ за полученную ссуду издѣльемъ, барщиной. Эта отработка роста и стала сближать ссудное крестьянство съ кабальнымъ холопствомъ. Издѣлье крестьянина было такой же личной работой на господина, какъ и служба кабальнаго за ростъ; только послѣдній служилъ во дворѣ, а первый работалъ на дворъ, „ходилъ во дворъ, дворовое дѣло дѣлалъ", какъ писалось въ порядныхъ грамотахъ" (Курсъ русск. ист., III, 216—217).

Приведенная рядная запись 1584 г. является первымъ документальнымъ указаніемъ на то, какую роль въ крестьянской арендѣ игралъ *ростъ* на занятую ссуду. Вмѣсто уплаты роста на ссуду выговаривается обязательство за ростъ жити въ монастырской вотчинѣ въ крестьянствѣ, на участкѣ указанной величины. Это не обязательство за ростъ дѣлать дѣло, хотя объ издѣльи и упомянуто въ рядной, а обязанность болѣе широкая—жить во крестьянствѣ. Можно предположить, что при общераспространенности издѣлья оно сдѣлалось необходимой составной частью крестьянской аренды, а потому было возможно и вполнѣ естественно одно понятіе—за ростъ дѣлать издѣлье, замѣнить другимъ болѣе широкимъ—за ростъ жити во крестьянствѣ.

Въ этой своей характерной особенности настоящая рядная запись сближается съ служилой кабалой въ ея первоначальной формулѣ, когда должникъ принималъ на себя обязательство служить за ростъ. Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно, на основаніи этой черты сходства, заключать о тождествѣ этой рядной записи и служилой кабалы. Между ними сохраняются и послѣ указаннаго сближенія существенныя различія: одинъ должникъ служитъ за ростъ во дворѣ кредитора по вся дни и по истеченіи срока займа въ любой моментъ можетъ прекратить свои отношенія уплатою долга; другой живетъ за ростъ во крестьянствѣ и долженъ пахать пашню и издѣлье дѣлать, неизбѣжно ограниченнное временемъ и количествомъ (а не по вся дни), а съ пашни платить государьскія подати; кабальный же слуга не тяглый человѣкъ, и по его профессіи—службѣ въ господскомъ дворѣ—его никакъ нельзя притянуть къ тяглу. Однимъ возвратомъ ссуды ликвидировать въ любой моментъ свои отношенія по крестьянской арендѣ крестьянинъ, конечно, не можетъ.

Рядная запись составлена въ 1584 г. Въ это время еще сохраняли свою силу правила Судебника 1550 г. о служилыхъ и ростовыхъ кабалахъ. Только указъ 1 іюня 1586 г. ввелъ докладъ для служилыхъ кабалъ и могъ кое въ чемъ измѣнить примѣнительно къ нимъ природу старой служилой кабалы. Рядная запись 1584 г. составлена при дѣйствіи правилъ Судебника 2-го о служилыхъ и ростовыхъ кабалахъ, но возникла внѣ этихъ правилъ. Этотъ Судебникъ ни однимъ намекомъ не

упоминаетъ объ условіи за ростъ жити во крестьянствѣ; онъ вообще ни чего не знаетъ о крестьянскомъ порядѣ, а говоритъ только о хрестьянскомъ отказѣ. Его интересуютъ только условія прекращенія договора крестьянской аренды, а не условія его заключенія. Эти условія могли быть и были чрезвычайно разнообразны, и тщетно было бы искать въ Судебникѣ какихъ либо ограниченій такого разнообразія.

Служилая кабала потерпѣла существенныя измѣненія въ своей природѣ по указамъ 1586 и 1597 г.г. Главная перемѣна заключалась въ томъ, что было указано „по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ, а отъ государей своихъ имъ не отходити и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати..., а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти". По смерти же государей ихъ женамъ и дѣтямъ до тѣхъ записныхъ кабальныхъ холоповъ дѣла нѣтъ, „и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ (умершихъ господъ) не указывати". Во что же превратилась послѣ этихъ указовъ служба кабальнаго холопа? Кабальный человѣкъ служилъ за ростъ по вся дни во дворѣ кредитора независимо отъ величины займа. За что же служилъ кабальный холопъ?

На этотъ вопросъ въ литературѣ предложено нѣсколько отвѣтовъ. Первый В. О. Ключевскій обратилъ вниманіе на то, что „если кабальная неволя прекращалась смертью господина безъ уплаты долга, значитъ, служба за ростъ превращалась въ службу за самый долгъ съ погашеніемъ его, т.-е. холопство по займу превращалось въ личное услуженіе по найму съ выдачей наемной платы впередъ. Такъ, одно изъ послѣдствій прежняго источника кабальнаго холопства, личная служба за ростъ, незамѣтно само превратилось въ источникъ холопства: прежде крѣпила долговая ссуда, соединенная съ личной службой должника; теперь возникла мысль, что *можетъ крѣпить личная служба сама по себѣ*, независимо отъ ссуды. Повидимому эта мысль была примѣненной къ кабалѣ реставраціей стариннаго принципа, по которому служба тіуномъ или ключникомъ безъ уговора дѣлала слугу холопомъ" (Русск. Мысль 1885, авг., стр. 24—25). Лично мнѣ, при сопоставленіи служилой кабалы съ ссудной крестьянской записью, казалось существеннымъ отмѣтить лишь одно: „если послѣ указовъ 1586 и 1597 г.г. нельзя было уплатить долга по кабалѣ, то и самая служба кабальнаго получаетъ иное значеніе: онъ служитъ не за ростъ, а за долгъ пожизненно или до смерть господина" (Оч. сел. нас., 135; ср. Оч. общ. и гос. строя, 387 и 388).

Въ недавно появившемся трудѣ проф. Вс. Удинцева „Исторія займа" только что указанныя наблюденія признаны неправильными. Авторъ полагаетъ, что „юридическій эффектъ превращенія кабальныхъ въ холо-

новъ до живота ихъ государей (и, конечно, до ихъ смерти) заключался въ томъ, что служба кабальнаго теперь уже не была за ростъ, но не шла она и въ погашеніе капитала, такъ какъ указъ воспретилъ деньги по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей имати. А гдѣ нѣтъ возврата взятаго, тамъ, очевидно, нѣтъ болѣе и отношеній по займу. Нѣтъ здѣсь и отношеній по найму, такъ какъ таковыхъ не возникало. Кромѣ того, въ томъ же указѣ 1597 г. о службѣ вольныхъ людей говорится особо. Правда, указъ пытается (?) превратить ее въ кабальную. Послѣдующая законодательная практика обнаруживаетъ склонность къ сохраненію различія между вольными слугами и кабальными, но проявляетъ нѣкоторыя колебанія. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что какъ Царскій Судебникъ (ст. 83), такъ и Уложеніе (XI, 32) знаютъ личный наемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, въ основаніе кабальной службы полагается новый титулъ. Самая сдѣлка, по которой люди поступали въ кабальное холопство, усвоиваетъ отличную отъ займа форму. Люди приходятъ теперь въ холопи и кабалы служилыя на себя даютъ; и по тѣмъ кабаламъ люди выдаются въ холопи, они бьютъ челомъ въ холопство и служилую кабалу на себя даютъ—служить во дворѣ по его (государя) животъ. Но не утратилась и прежняя форма служилой кабалы, которая лишь подъ условіемъ записи въ кабальныя и холопьи книги имѣла одинаковый съ новой сдѣлкой эффектъ. Но безъ заявки о холопствѣ служилая кабала сохраняла прежнее значеніе заемнаго письма, осложненнаго соглашеніемъ—за ростъ служити" (Назв. соч., 181—183).

Эта подробная выдержка, приведенная здѣсь безъ всякихъ сокращеній, заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, вслѣдствіе излишней компактности изложенія, чрезвычайно много неяснаго и недоумѣннаго. Ясно только одно, что авторъ не усматриваетъ въ службѣ кабальнаго холопа послѣ указа 1597 г. ни службы за ростъ, ни службы въ погашеніе капитала, послѣднее потому, что деньги по кабаламъ не возвращаются, а гдѣ нѣтъ возврата взятаго, тамъ нѣтъ и отношеній по займу. Но вѣрно ли такое опредѣленіе займа? Въ примѣчаніи къ указанному мѣсту текста авторъ поясняетъ: „говоря, что служба за ростъ превращается въ службу за капиталъ, авторы смѣшиваютъ кабальное холопство съ выдачей кабальнаго головой до искупа; въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствительно, служба за ростъ превращается въ службу за капиталъ". Трудно догадаться, у какихъ писателей авторъ нашелъ непростительное смѣшеніе кабальной службы съ отдачей должниковъ головой до искупа. Но позволительно спросить, въ чемъ онъ усмотрѣлъ „возвратъ взятаго" отданными головой до искупа? Во всѣхъ случаяхъ неисправности должниковъ по займу нѣтъ на лицо „возврата взятаго", но отношенія по займу вѣдь не прекращаются. Авторъ утверждаетъ, что „въ основаніе кабальной службы полагается новый титулъ". Но какой? Авторъ его не опредѣ-

ляетъ; онъ только говоритъ, что это ни заемъ, ни наемъ; самая же сдѣлка усвояетъ отличную отъ займа форму. И онъ проводитъ формулу служилой кабалы безъ займа, установленную указомъ 1680 г. (всѣ приведенныя имъ ссылки на источники позднѣе этого года). Но авторъ, повидимому, увѣренъ, что эта новая форма служилой кабалы вошла въ практику вслѣдъ за указомъ 1597 г. Такое заключеніе надо сдѣлать изъ его дальнѣйшихъ словъ, что „не утратилась и прежняя форма служилой кабалы". Во всемъ этомъ вѣрно, однако, лишь одно: въ практикѣ послѣ 1597 г. появились записи о службѣ „до своего живота"; но указомъ 1608 г. царь Шуйскій запретилъ принимать къ запискѣ въ книги такія записи. Прежняя форма служилой кабалы не только не утратилась, но осталась до 1680 г. единственной формой служилой кабалы. Приводимыя авторомъ указанія памятниковъ о примѣненіи старой формы кабалы всѣ не позднѣе 1668 г.; двѣ же изъ указанныхъ имъ записей 1693 и 1694 гг. вовсе не служилыя кабалы. Поэтому дальнѣйшія указанія автора на то, что прежняя форма служилой кабалы имѣла одинаковый съ новой сдѣлкой эффектъ при условіи записи въ кабальныя и холопьи книги, а безъ этого сохраняла прежнее значеніе заемнаго письма, осложненнаго соглашеніемъ за ростъ служити,—цѣликомъ падаютъ на отвѣтственность автора, обязаннаго подтвердить это документальными данными.

Но хотя вопросъ о формѣ служилой кабалы послѣ указа 1597 г. не возбуждаетъ въ общемъ сомнѣній, но подробности остаются до сихъ поръ не выясненными. Изданный актовый матеріалъ слишкомъ незначителенъ и слишкомъ однообразенъ. Среди изданныхъ служилыхъ кабалъ около 12 относятся къ періоду времени до 1680 г. Всѣ они составлены по обычной формулѣ: „се язъ такой то занялъ у государя своего такого то столько то денегъ на годъ; а за ростъ мнѣ служити у государя своего по вся дни во дворѣ. А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ потому жъ служить у государя своего во дворѣ по вся дни". Лишь въ одной служилой кабалѣ 1668 г. сказано, что вольный человѣкъ занялъ у Чоглокова 3 руб. на годъ по 25 янв. 177 г., „а за тѣ деньги до того сроку мнѣ Ивашку служить у государя своего" и т. д. (А. Ю. Б. т. II, № 127 XI). Здѣсь служба выговаривается не за ростъ, а за занятыя деньги. Кромѣ того, въ распросѣ вольный человѣкъ говоритъ, что „бьетъ челомъ государю своему изъ воли служить во дворъ", тогда какъ обыкновенно холопы въ распросѣ указывали, что деньги заняли и такія служилыя кабалы на себя дали. Но какіе выводы можно построить на одномъ случаѣ? Между тѣмъ имѣется чрезвычайно богатое собраніе служилыхъ кабалъ въ книгахъ вотчинной конторы по г. Пскову, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст. Въ этихъ книгахъ записаны сотни служилыхъ кабалъ, начиная съ 7134 г. по конецъ вѣка.

Будетъ не лишне привести здѣсь для образца двѣ записи изъ книги 7150 года.

„Генваря въ день передъ стольникомъ и воеводою передъ княземъ Михайломъ Петровичемъ Пронскимъ да передъ дьякомъ Петромъ Лутохинымъ псковской помѣщикъ Степанъ Парѳеньевъ сынъ Елагинъ положилъ служивую кабалу, а за кабалою поставилъ стариннаго человѣка своего Ивашка Борисова съ женою и съ дѣтьми, а сказалъ, что онъ Ивашко и съ женою билъ челомъ по старинѣ въ холопи ему Степану и служивую кабалу ему на собя и на жену далъ. А человѣкъ сказался Ивашкомъ зовутъ Борисовъ сынъ, старинной Степановъ холопъ Елагина. Въ примѣты ростомъ не великъ, волосы на головѣ русы, въ лицо черменъ, глаза кари, носъ великъ, усъ и бородка чермны, не велики, уши не велики же, лѣтъ впол-четвертатцать. Да жена его вдова Авдотьица Иванова дочь ростомъ середняя, волосы на головѣ русы, глаза сѣры, носъ востръ, лѣтъ въ 17, въ лицо долголика. И Степану Елагину по старинѣ въ холопи служить били челомъ и такову на себя служивую кабалу въ холопствѣ дали. А въ кабалѣ пишетъ: Се язъ Иванъ Борисовъ сынъ съ своею женою съ Авдотьею Ивановою старинные люди Степана Парѳеньевича Елагина заняли есми у государя своего Степана Парѳеньевича Елагина денегъ 6 рублевъ московскихъ отъ дни святого мученика Поліевкта да до такого жъ дни на годъ до сроку и по сроцѣ безъ росту. А за тѣ деньги намъ у него и за ростъ служить во дворѣ до сроку и по сроцѣ по вся дни. А на то послуси: Яковъ Анисимовъ сынъ. А кабалу писалъ Гришка Демидовъ съ площади подъячіе лѣта 7150-го генваря въ 9 день. А пазади пишетъ: послухъ Якушко руку приложилъ. Пошлинъ 3 алтына взято“ (Кн. 78/1620, лл. 757—758, № 468).

А вотъ другая запись изъ книги того же года:

„Марта въ 7 день передъ окольничимъ и воеводою передъ княземъ Васильемъ Петровичемъ Ахамашуковымъ-Черкасскимъ да передъ дьякомъ передъ Борисомъ Патрикѣевымъ пусторжевской помѣщикъ Аѳанасій Дубровской положилъ служивую кабалу, а за кабалою поставилъ дѣтину, а сказалъ, что тотъ дѣтина билъ челомъ сыну его Аѳанасьеву Степану Дубровскому во дворъ служить въ холопи и служивую кабалу на собя даетъ. А дѣтина сказался Омелькою зовутъ Ивановъ сынъ, прозвище Казакъ, вольной человѣкъ, въ примѣты ростомъ середній, шея тонка, волосы на головѣ свѣтлорусы, глаза кари, брови велики, уши середніе, носъ востръ не великъ, въ лицо долголикъ, на бѣлѣ румянъ, лѣтъ себѣ сказалъ 17. И пусторжевцу Степану Дубровскому во дворъ служить въ холопи билъ челомъ и такову ему на себя служивую кабалу далъ. А въ кабалѣ пишетъ: Се язъ Омельянко Ивановъ сынъ по прозвищу Казакъ занялъ есми у пусторжевскаго помѣщика у Степана Аѳанасьева сына Дубровскаго денегъ 3 рубля московскихъ марта отъ 7 числа нынѣшняго 150 году да до такого жъ дни на годъ. А за тѣ деньги служить мнѣ Омельянку у него государя своего у Степана Аѳанасьевича до сроку за истину по вся дни во дворѣ; а по сроцѣ полягутъ деньги, и мнѣ Омельянку служити у него государя своего за ростъ потому жъ по вся дни во дворѣ. А на то послуси: Якимъ Шемшаковъ. А служивую кабалу писалъ Иванко Салтановъ съ площади подъячіе лѣта 7150 году

марта въ 7 день. Послухъ Якимка руку приложилъ. И съ тое кабалы пошлинъ 3 алтына взято" (Тамъ же, лл. 791 об.—793, № 487).

По этимъ служилымъ кабаламъ служба во дворѣ по вся дни выговаривается „за тѣ деньги и за ростъ" или „за истину и ростъ". Въ другихъ кабалахъ это условіе выражено такъ: „а за тѣ деньги за истину и за ростъ". Такихъ кабалъ чрезвычайно много (См. кн. 78/1620, №№ 23, 27, 28, 32—34, 37, 40—44, 50, 54, 56, 59 bis, 62—66, 68, 69, 71, 74—75 bis, 79—81, 85 bis, 86, 90, 91, 94, 96, 98—100, 103—105, 108, 111—115, 402, 403, 405, 406, 410—412, 414—416, 418, 419, 422, 423, 428, 430, 431, 434, 440—442, 445, 453, 454, 457—462, 464, 472, 473, 489, 490 и др.). Но это не единственная формулировка основаній кабальной службы. Наряду съ ней встрѣчается и исконная форма о службѣ лишь за ростъ (Тамъ же, №№ 24, 25, 29, 35, 36, 49, 53, 57, 58 и др.). Наконецъ, встрѣчается и еще одна форма, въ которой служба кабальнаго выговаривается „за тѣ деньги", безъ всякаго упоминанія о ростѣ (Тамъ же, №№ 20—22, 39, 51, 52 bis, 55, 72, 73, 77, 82, 85, 87—89, 93, 95, 106, 109, 110, 446 и др.). Простое сопоставленіе числа случаевъ обнаруживаетъ, что наичаще встрѣчающейся формулой была первая, по которой кабальный служитъ „за истину и за ростъ"; всего рѣже примѣняется исконная формула службы только за ростъ, и нѣсколько чаще—послѣдняя форма, по которой кабальный обязуется служить „за тѣ деньги". При этомъ любопытно отмѣтить, что съ теченіемъ времени соотношеніе между этими тремя формами мѣняется: въ послѣднія три десятилѣтія передъ 1680 г. исконная форма службы только за ростъ совсѣмъ не встрѣчается; форма— —„служити за истину и за ростъ" встрѣчается крайне рѣдко, и единственно господствующей остается формула „а за тѣ деньги" или „а за тѣ заемныя деньги" служити (Кн. 85/1627, лл. 54, 84, 159, 167, 183, 193, 240—241, 367—368, 378—381, 399—400, 411; кн. 7/1095, лл. 94, 113, 120, 121 об., 136, 141, 161, 181 об. На всѣ эти случаи только разъ встрѣчается иная формула въ кн. 85/1627, л. 72: „А за тѣ деньги за истинну и за ростъ мнѣ Гришки служити у него гдря своего по вся дни").

Итакъ, въ XVII в. вплоть до 1680 г. сохраняется только старая форма служилой кабалы съ займомъ или ссудой (весьма часто встрѣчается выраженіе: „занялъ есми на ссуду денегъ столько то"). Но въ связи съ измѣненіями положенія кабальныхъ въ концѣ XVI в. служба во дворѣ кредитора лишь сравнительно рѣдко разсматривается какъ служба за ростъ; обыкновенно же она считается службой за истину и за ростъ или просто за занятыя деньги, т.-е. за долгъ, въ которомъ уже не расчленяется капитальная сумма отъ процентовъ на нее.

Совершенно очевидна разница этой кабальной службы за долгъ отъ

работы отданнаго головой до искупа. Послѣдній своей работой „заживаетъ“ долгъ по установленной средней оцѣнкѣ годового труда мужчины и женщины (Уложен. X, 266). Связь такого должника съ кредиторомъ отнюдь не чисто личная: по смерти кредитора отданный головой до искупа продолжалъ работать и на его наслѣдниковъ до полной отработки долга, если только милость или смерть не прерывали этой неволи. Кабальный холопъ послѣ указа 1597 г. сдѣлался личнымъ холопомъ своего господина и работалъ на него лишь по его смерть. Въ кабальной службѣ, продолжительность которой весьма неопредѣленна и зависитъ отъ многихъ случайностей, нельзя указать никакого мѣрила для зачета работы въ погашеніе долга. Въ служилыхъ кабалахъ рѣчь идетъ о службѣ или работѣ во дворѣ господина „по вся дни“ или даже „днемъ и ночью“, какъ говорится въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, т.-е. установленъ размѣръ поденнаго труда; но вовсе не опредѣлялась и не могла быть опредѣлена длительность этой службы во времени, которое могло видоизмѣняться въ границахъ отъ одного дня до предѣловъ средней продолжительности человѣческой жизни. Кабальная служба кончалась лишь со смертью господина или холопа и не могла быть прекращена уплатой долга, если на то не послѣдуетъ согласія господина, воля котораго могла въ любой моментъ прервать службу кабальнаго отпускомъ его на волю. Отданный же въ отработку до искупа въ любой моментъ прекращалъ свою неволю уплатою долга.

Указанное формальное различіе между этими двумя институтами практикой могло сглаживаться и сглаживалось, а мѣстныя власти не встрѣчали препятствій къ регистраціи такихъ актовъ переходнаго типа и тѣмъ давали имъ санкцію. Для примѣра можно указать на „жилецкую запись въ холопствѣ“ 1640 г., какую предъявилъ въ Псковской приказной избѣ для записки въ книгу архіепископль дьякъ Гаврило Мордасовъ. Одновременно онъ привелъ въ приказъ скупленную съ правежа семью изъ мужа, жены и двухъ дочерей—дѣвочекъ. Допрошеные Карпушка Даниловъ и его жена Марѳушка сказали, что они Мордасову били челомъ „въ тюрьмѣ въ кражѣ въ 19 рубляхъ“, Мордасовъ же ихъ „изъ тюрьмы изъ правежу въ томъ иску окупилъ“ и уплатилъ еще пошлинъ въ губу 2 руб. 4 алт. Сверхъ того по судному дѣлу, по кабаламъ и безкабально Мордасовъ платилъ за нихъ инымъ челобитчикамъ 12 руб. 12 алт. 2 д. Всего онъ заплатилъ за нихъ 33 руб. 16 алт. 2 д. Наконецъ, у Мордасова былъ свой искъ къ Карпушкѣ въ 16 руб., но въ этомъ иску они до суда помирились. И „за тотъ окупъ“ Карпушка съ женою и съ дочерьми обязались „служити у него Гаврила Яковлевича Мордасова во дворѣ до своего живота и отъ него Гаврила не убѣжати и ни къ кому мимо его Гаврила не придатися и на слободу не отойти и никоими мѣрами или заводною какою статьею нибуди отъ него Гаврила не оттяги-

ваться. И по сей записи я Карпушка и съ женою своею съ Марѳицею и съ дѣтьми ему Гаврилѣ Яковлевичу въ холопствѣ крѣпокъ и запись на себя далъ“ (Кн. 78/1620, лл. 656—660, № 408).

За долгъ въ 33 р. или даже 49 р. по оцѣнкѣ годового труда мужъ съ женой должны бы работать всего 6 съ половиной лѣтъ. Но кредиторъ ихъ похолопилъ до ихъ живота безъ права выйти на свободу. Такая практика, надо думать, и создала весьма неясное и тяжелое для должниковъ правило Уложенія о скупленныхъ съ правежа должникахъ, крѣпкихъ и наслѣдникамъ кредиторовъ (XX, 46).

Служба за занятыя деньги еще болѣе сблизила служилую кабалу XVII в. (до 1680 г.) съ крестьянской ссудной записью, по которой заимщикъ обязуется „съ тою ссудою“ или „за тое ссуду“ жити во крестьянствѣ за кредиторомъ, какъ кабальный холопъ принимаетъ обязательство „за занятыя деньги“ служити во дворѣ кредитора. Но служилая кабала и крестьянская ссудная запись и теперь не тождественные акты: формально онѣ продолжаютъ различать два разныхъ состоянія въ средѣ невольнаго населенія, отличающихся одинъ отъ другого какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ юридическомъ отношеніяхъ. Различіе въ хозяйственной профессіи сводится къ тому, что крестьянинъ живетъ на пашнѣ, а кабальный служитъ въ господскомъ дворѣ. Разница юридическая между крестьяниномъ и кабальнымъ сохранилась во 1-хъ въ томъ, что до 1679 г. кабальный холопъ еще не тяглый человѣкъ, такъ какъ его нельзя было включить въ тягло ни по сошному окладу, ни по окладу живущей четверти; во 2-хъ въ томъ, что по служилой кабалѣ кабальное холопство прекращается смертью господина, а крестьянская крѣпость по ссудной записи является уже вѣчной.

Однако, практика все больше и сильнѣе сглаживаетъ прежде всего различія въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ и кабальныхъ холоповъ, поскольку послѣдніе заполняли собою среду задворныхъ людей или дѣловыхъ, живущихъ особыми дворами. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ приходилось отмѣчать различные моменты этого сближенія крестьянъ съ холопами (Оч. сел. нас., 133—143). Въ частности, тамъ указаны порядная и жилецкая крестьянскія записи, по которымъ выговаривалось обязательство жить въ крестьянахъ или дворовыхъ людяхъ (Тамъ же, приложенія, №№ 10 и 20). Но въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ предполагалась какая либо одна изъ трехъ профессій: крестьянство, бобыльство или дворовая служба. Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ не безынтересно отмѣтить такія крестьянскія записи, по которымъ въ составъ крестьянскихъ обязанностей включается дворовая работа или служба. Подобныя записи могли все чаще появляться послѣ реформы 1679—1680 гг., когда исчезла и юридическая разница между крестьянами и тѣми изъ кабальныхъ холоповъ, которые въ составѣ задворнаго неселенія по своимъ задвор-

нымъ дворишкамъ положены были въ дворовой окладъ наравнѣ съ крестьянами и бобылями.

Въ одной крестьянской порядной записи, выданной выходцемъ изъ за Польскаго рубежа въ 1697 г. псковскому помѣщику Ивану Ивановичу Кожевникову, сказано, что выходецъ съ своимъ сыномъ „и съ женами своими и съ дѣтьми“ съ 5 марта „и впредь вѣчно“ порядились во крестьянство за упомянутаго помѣщика и за жену его и за дѣтей въ сельцѣ его Порѣчьѣ или гдѣ онъ поселитъ. Обязательства порядчика формулированы слѣдующимъ образомъ: „а мнѣ Михалкѣ съ сыномъ своимъ Петрушкою и съ женами своими и съ дѣтьми и со внучаты жить за нимъ Иваномъ Ивановичемъ и за женою его и за дѣтемъ вѣчно; и въ томъ сельцѣ, или гдѣ индѣ поселитъ, дворъ свой строить и пашня пахать и поля городить, и всякія государскія подати и помѣщиковы платить со крестьяны его врядъ, и съ дворовыми людьми работать врядъ же, и на всякое сдѣлье къ нему Ивану Ивановичу и къ женѣ его и къ дѣтемъ ходить“. Личность порядчика раздвояется: крестьянство онъ отбываетъ врядъ съ крестьянами, а дворовую работу врядъ съ дворовыми людьми.

Въ другомъ случаѣ того же года отпущенный „старинной прироженой“ человѣкъ Андрюшка Андреевъ билъ челомъ властямъ Великопустынскаго монастыря, чтобы они поселили его жить за тѣмъ монастыремъ въ вотчинѣ во крестьянствѣ, и въ томъ на себя, жену и дѣтей далъ „служилую порядную запись“. Въ этой „жилецкой записи“ сказано, что „отпущеной дворовой“ человѣкъ съ женою и дѣтьми порядился „жить за тѣмъ Великопустынскимъ Спасскимъ монастыремъ съ сего вышеписаннаго (декабря 205 г.) числа впредь вѣчно и служить въ томъ монастырѣ службу крестьянскую или дружинницкую или какую онъ игуменъ съ братіею заставятъ и всякую монастырскую службу работать, чего они игуменъ съ братіею заставятъ, и всякіе великого государя и монастырскіе подати и оброкъ, чего по приказу его игуменскому съ братіею спросятъ. въ монастырскую казну платить по вся годы безспорно“. Здѣсь крестьянство превратилось уже въ крестьянскую службу, которую надо служить, хотя ниже въ записи предусматривается, что „будетъ по приказу игуменскому велѣно будетъ“ жить въ деревнѣ или вновь на пустоши, или гдѣ они игуменъ съ братіею велятъ, то порядчикъ долженъ „пашня пахать и вновь росчищать и розсѣкать и впусте не заложить“ (Вотч. конт. по г. Пскову кн. 7/1095, лл. 630 об.-634 и 599—602).

Обѣ эти записи вовсе не являются типичными ссудными крестьянскими записями. Первая изъ нихъ названа просто „крестьянскою порядною записью“, другая — „служилой или жилецкой порядной записью“. Лишь въ первой упомянуто, что порядчики „для хоромнаго строенія и всякой животинной покупки взяли денегъ 40 рублевъ, да лошадь, да

корову"; во второй ни о какой ссудѣ нѣтъ и намека. Правда, за неустойку, если порядчики противъ записи „въ единомъ словѣ не устоятъ", въ ней назначено заставныхъ 100 рублей, тогда какъ по первой и при ссудѣ неустойка вдвое меньше—50 р. Но обѣ записи сходны въ томъ, что не содержатъ никакихъ условій объ арендѣ опредѣленнаго участка земли и, упоминая о поселеніи во крестьянство, предоставляютъ землевладѣльцамъ по ихъ усмотрѣнію поселить порядчиковъ, гдѣ и на какомъ участкѣ тѣ найдутъ нужнымъ.

Но главный интересъ обѣихъ записей заключается въ особомъ характерѣ личныхъ повинностей порядчиковъ. Это не только обязанность „здѣлье дѣлать" или „на здѣлье ходить" наравнѣ съ прочими крестьянами, какъ обычно формулируютъ это крестьянскія порядныя, и какъ объ этомъ стереотипно обозначено въ первой изъ записей. На порядчиковъ, сверхъ крестьянской пашни, податей и здѣлья, возложена еще обязанность „съ дворовыми людьми работать врядъ же" или „служить службу крестьянскую или дружинницкую или какую заставятъ и всякую монастырскую службу работать". Надо думать, что дружинницкая служба въ монастырѣ была такою же работой всякихъ монастырскихъ служекъ, дѣтенышей и иныхъ „разночинцевъ", какою была работа дворовыхъ людей въ частныхъ вотчинахъ. По скольку такіе монастырскіе разночинцы не попали въ окладъ по жительству въ особыхъ дворахъ послѣ реформы 1679—1680 г., они представляли массу монастырскихъ дворовыхъ людей, проживавшихъ въ монастырскихъ дворахъ и потому избавленныхъ отъ тягла. Они составляли дружину монастырскихъ работниковъ, трудъ которыхъ и носилъ названіе дружинницкой службы. Эту „службу работаютъ" не только монастырскіе работные люди, но вмѣстѣ съ ними и крестьяне. Крестьяне же работаютъ врядъ и съ дворовыми людьми помѣщиковъ и вотчинниковъ. Благодаря этому, отъ крестьянства съ его характерными особенностями къ дворовому населенію боярскихъ и монастырскихъ дворовъ перекинутъ былъ мостъ крестьянскою дворовою работой и дружинницкою службой, какъ обычными повседневными крестьянскими обязанностями. Отсюда видно, какъ далеко ушелъ этотъ порядокъ отъ того, какой установленъ былъ Уложеніемъ (XIX, 14), и какъ существенно отличались эти обязанности отъ исконнаго крестьянскаго здѣлья.

Реформа 1679—1680 гг. включила въ тягло значительное количество холоповъ полныхъ и кабальныхъ и повысила ихъ до положенія крестьянъ. При этомъ возникло двѣ группы сельскаго населенія—дворовое, свободное отъ тягла по жительству въ господскихъ дворахъ, и тяглое, положенное въ окладъ по дворамъ, въ которыхъ оно проживало. Но между этими юридически различными группами хозяйственныя условія создавали очень много точекъ сближенія, такъ какъ дворовые люди, дѣтеныши и другіе пахали боярскую и монастырскую пашню, а тяглое

сельское населеніе исполняло повседневныя дворовыя работы и несло дружинницкую службу. Если по дворовой окладной единицѣ между этими двумя группами было еще возможно установить различіе, то съ замѣной этой единицы новой подушной грань между ними совершенно стерлась, и Петру Великому не оставалось никакого другого исхода, какъ слить ихъ въ одну общую массу крѣпостныхъ людей.

М. Дьяконовъ.

Петербургъ, Сосновка
5 мая 1909.

XVI.

Новый источникъ по исторіи прибалтійскаго славянства.

Странная судьба постигла разработку исторіи прибалтійскаго славянства, судьба особая: она застыла, не пріобщилась къ той почти лихорадочной переоцѣнкѣ, къ тому грандіозному пересмотру, который совершился въ исторической наукѣ и въ каждой изъ ея областей подъ вліяніемъ новыхъ матеріаловъ и новыхъ методовъ. Получился своего рода историографическій тупикъ, гдѣ non liquet или communis opinio смѣняютъ другъ друга, а иногда и тѣсно сплетаются.—Что дѣло именно такъ, можно видѣть изъ наиболѣе новой работы (Schulze), премированный къ тому же Яблоновскимъ обществомъ; эта «новая» работа—компиляція, тщательная сводка «старыхъ» работъ, и премія—какъ бы признаніе, что въ этой области иного и сдѣлать было нельзя.

Но чѣмъ объясняется такая остановка въ изученіи предмета?—Прежде всего исторіей самого изученія. Начиная собственно съ XVIII уже вѣка, во всѣхъ сочиненіяхъ на данную тему мелькаютъ тѣ же аргументы и, главное, *тѣ же матеріалы*. Получился своеобразный «канонъ» матеріала—освященный, всѣми признанный maximum свѣдѣній, далѣе котораго итти не приходится: все что лежитъ внѣ его—апокрифъ, «отреченное». А между тѣмъ, многое лежало и лежитъ *внѣ* «канона»: въ него вошла лишь малая доля и, нужно сказать, далеко не безупречная. Стоило разбить эти узкія рамки, и вопросъ принялъ бы иную, «современную» я бы сказалъ, постановку, вышелъ бы изъ вѣкового тупика.—Какъ часто, напримъ., недостаточное, эклектико-каноническое *использованіе* матеріала принимается за недостатокъ въ самомъ матеріалѣ, показала вышедшая на-дняхъ книга Dopsch'a объ «альпійскихъ славянахъ». Dopsch приходитъ къ существенно новымъ результатамъ не по новымъ матеріаламъ только, но какъ разъ вслѣдствіе *полной*, тщательной и непредубѣжденной разработки стараго; и ему пришлось вскрыть и, думается, окончательно устранить подобный же «канонъ».

Но, спрашивается, въ силу чего получился все тормозящій прибалтійскій «канонъ»?—Странно было бы думать, что въ основѣ его лежитъ консерватизмъ, а тѣмъ болѣе—удобное лежебочество ученыхъ работниковъ. И этотъ «канонъ», какъ и всякая традиція, установленъ, конечно, крупнымъ авторитетомъ, но это—не современный ученый, и не ученый даже XVIII в., а Helmold, авторъ «Chronica Sclavorum».

Ничто такъ ясно не можетъ опредѣлить безпомощность исторіографіи по прибалтійскому славянству, какъ безпримѣрно-авторитетное положеніе Helmold'а; онъ—«отмѣнный Гельмольдъ», какъ его назвала editio princeps, какъ его называютъ и теперь еще,—и есть законоположительный источникъ; *его* данныя и опредѣлили злополучный «канонъ».

Правда, и для Helmold'а наступилъ «критическій день первой величины»: на него обрушился всею силой знанія, таланта и нетерпимости—Schirren; и можно было думать, что Helmold не устоитъ предъ тонкимъ анализомъ желчнаго, безконечно-остроумнаго «русскаго выходца»; но онъ... устоялъ: какъ разъ доказанная Schirren'омъ *слабость* Helmold'а была его спасеніемъ, ибо—вмѣстѣ съ Helmold'омъ должна была пасть и значительная часть всей предыдущей исторіографіи. Началось поэтому не столько опроверженіе этюдовъ Schirren'а, сколько апологія Helmold'а,—лучшій признакъ, что старый кумиръ медленно наклоняется къ паденію, и что не знаютъ еще, чѣмъ его замѣнить. Опасна была не уничтожающая критика, не паденіе одного изъ средневѣковыхъ историковъ, опасно и несносно было бы то пустое мѣсто, которое не знали чѣмъ заполнить. Helmold'а *нужно* было «спасти». Вѣдь и историкъ, подобно землемѣру, нуждается для измѣренія и опредѣленія «далекихъ, недоступныхъ мѣстъ» «*постоянной* далекой точки», а таковой какъ разъ и служилъ Helmold.

Не даромъ же нѣтъ (мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно) ни одной работы, которая такъ или иначе не *зависѣла* въ самыхъ основныхъ, исходныхъ соображеніяхъ именно отъ Helmold'а. Нѣкоторыя его положенія стали даже аксіомами, и критики бережно и почтительно обходили ихъ. Таковы его положенія о двухъ катастрофахъ, двухъ безпримѣрныхъ революціяхъ въ колонизаціонной территоріи,—полное измѣненіе національности ея засельниковъ и полное же исчезновеніе «старой вѣры».

Обратно тому, какъ нѣкогда нѣмецкій ученый заставилъ всю Грецію «ославяниться», такъ нѣмецкій анналистъ-памфлетистъ конца XII в. заставилъ весь сѣверо-востокъ Германіи *обезславяниться*: «omnis Sclavorum regio.... nunc tota redacta est veluti in unam Saxonum coloniam». Такъ писалъ, указывали потомъ,—«очевидецъ», немудрящій, но тѣмъ болѣе еще достовѣрный, приходскій священникъ сельца Bosau. Изъ

этого положенія *исходили,* и, смотря по темпераменту, большей или меньшей степени національнаго и рѣшительности, заставляли славянъ то эмигрировать, то погибнуть до послѣдняго человѣка, то физически ассимилироваться въ теченіе... менѣе поколѣнія!

Формула Helmold'a наполнялась «живымъ содержаніемъ», ибо къ ней подгоняли остальныя извѣстія. Почти никто не интересовался дѣйствительно-возможнымъ горизонтомъ окраиннаго мелкаго попа, и это своего рода «чудо освѣдомленности» принималось на вѣру, нерѣдко даже подчеркивалось возгласами восхищенія. Но достаточно взглянуть на новое изданіе документовъ («Regesten und Urkunden»—Hasse), чтобъ подобная неестественность исчезла; даже для *ближайшей* окрестности, для маленькой Вагріи (въ ней и лежитъ Bosau), формула—не вѣрна: сквозь славянскую толщу лишь кое-гдѣ пробиваются ростки германской колонизаціи, пробиваются вѣжливо, почти боязливо. Такъ обстояло дѣло въ области *видимаго горизонта* сельца Bosau; ясно, что свѣдѣнія для «*omnis* Sclavorum regio» и того менѣе точны.

Но вотъ и другой фактъ—безпримѣрно быстрая христіанизація, притомъ христіанизація безъ остатка: «et multiplicantur ecclesiae et numerus ministrorum Christi.... пока *вся* земля не стала исповѣдовать «истинную вѣру». И *эта* формула была принята полностью. Навстрѣчу наивно-восторженному пониманію Helmold'a (не даромъ онъ пишетъ для « набожнаго» читателя, «devotus lector»), шло то странное, глубоко антиисторическое трактованіе христіанизаціи, которое и въ самомъ распространеніи богооткровенной религіи готово видѣть чудо. Пришли, убѣдили, крестили—такъ писали не только средневѣковые повѣствователи и агіографы, но и люди XIX в. Если же и становились на реально-историческую точку зрѣнія, то это нисколько не измѣняло общаго результата: быстрота и надежность обращенія оставались тѣми же, взамѣнъ чуда убѣжденія вводили лишь не меньшее чудо, чудо богатаго результатами.... насилія.

Но и для христіанизаціи появляется *иной* матеріалъ, и съ существенно иными выводами: обращеніе было процессомъ постепеннымъ, растянутымъ на.... нѣсколько *вѣковъ*; съ паденіемъ оффиціальнаго язычества не пало народное, земское; церковь не шла на-проломъ, а продвигалась медленно, почти ощупью, во всякомъ случаѣ *безъ* «планомѣрности» и безъ широкаго, творческаго размаха безусловно торжествующей силы. Яркимъ слѣдомъ этого процесса являются прихотливыя, своеобразныя очертанія колонизаціонныхъ «паррохій», необъяснимая, на первый взглядъ, разношерстность ихъ объема, непонятное и «неудачное» расположеніе церквей. Все это явствуетъ изъ Десятиннаго Списка (отъ 1230 г.) Ратцебургской епархіи, и это и есть тотъ новый матеріалъ, который вноситъ не только поправку въ схему Helmold'a и схемати-

зированную ему въ угоду исторію, но вноситъ и значительное количество реальныхъ, вполнѣ надежныхъ *новыхъ* указаній.

Впрочемъ, не переходя пока къ болѣе точному описанію этого, по истинѣ, безцѣннаго памятника, позволю себѣ указать и на общую, апріорную ненадежность Helmold'a, «общую» потому, что онъ ее раздѣляетъ со *всѣми* «писателями» средневѣковья, вплоть до XIV в.

Критическая разработка средневѣковыхъ источниковъ—единственное въ своемъ родѣ явленіе; поразительны трудъ, изящество и тонкость мысли, потраченные въ теченіе всего XIX в. И результаты получились—образцовые; увлеченіе и даже подвижничество (стоитъ вспомнить, вѣрнѣе написать, исторію грандіознаго изданія Monumenta Germaniae) не пропали даромъ, есть на что съ гордостью оглянуться; нашелся и свой Гомеръ въ лицѣ признаннаго, даже французами, источниковѣда Wattenbach'a. Теперь вся эта колоссальная работа если не закончилась, то закончила свою «героическую» эпоху; прошло красивое, но все же и романтическое, время Pertz'овъ, Dahlmann'овъ, Lappenberg'овъ, Waitz'овъ; единоличный починъ, индивидуальные конквистадорскіе набѣги на архивы, замѣнились не менѣе продуктивной, но болѣе планомѣрной, спокойной и дѣловитой коллективной работой. Послышались и голоса критики; то не слабые и завистливые эпигоны тянулись къ лавровому челу эпонимовъ, и вообще не о «развѣнчаніи» здѣсь шло дѣло, а объ увѣчаніи, о *дополненіи*. Все чаще звучатъ также рѣчи и о былой «гиперкритикѣ». Получилось, такимъ образомъ то же, что и въ могучей разработкѣ источниковъ древности; да въ обоихъ случаяхъ и картина во многомъ сходная: теряется красочность, иногда почти фееричность отдѣльныхъ построеній и дивинацій,—появляется трезвое, нѣсколько тяжелое, ступающее на всю ногу, «реальное» изслѣдованіе. Мѣняются и симпатіи: увлеченіе лѣтописью отступаетъ передъ изученіемъ граматъ, на пергаментѣ или на камнѣ; и то и другое отступаетъ далеко передъ «вещественными» источниками. Матеріалъ «грубѣетъ», но пониманіе утончается.

И въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ смѣны интересовъ, предпочтеніе Десятиннаго Списка 1230 г. анналистическому Helmold'у было бы какъ нельзя болѣе «современнымъ». Но не этимъ, конечно, я хочу аргументировать преимущество Списка, тѣмъ болѣе, что не могу согласиться, чтобъ грамота по существу отличалась отъ лѣтописи, отличалась бы даже въ той скромной мѣрѣ, какъ отличаются, положимъ, будничный нарядъ отъ воскреснаго, мастерская отъ выставки тѣхъ же произведеній. Разница, съ точки зрѣнія достовѣрности, не такъ велика, какъ мы увидимъ, и отношеніе не должно поэтому быть существенно различнымъ.

Для меня важно другое положеніе.—Когда заговорили о гипер-

критикѣ, о «слишкомъ придирчивомъ» изученіи, не замѣтили одного: критикъ сошелся съ критикуемымъ въ *одной* плоскости—оба утверждали или отрицали *авторовъ* и *ихъ* способъ изложенія и передачи, но оба проглядѣли.... *эпоху* авторовъ, *языкъ эпохи*. За все время изслѣдованія почти совершенно въ сторонѣ осталось изслѣдованіе языка именно съ этой, не столько филологической (хотя и тутъ сдѣлано поразительно мало), сколько съ *обще-культурной* стороны.

Каждая крупная эпоха вѣдь имѣетъ *свой* языкъ, свои образы, понятія, цитаты, пере- или недоговоренности; имѣетъ ту литературную «атмосферу» (хотя собственно литературы можетъ почти и не быть), внѣ которой немыслимъ писатель- пишущій данной эпохи; и атмосфера эта складывается не только благодаря, но и вопреки желаніямъ и стремленіямъ пишущаго: тутъ и стилистическій или лексическій атавизмъ, и литературная подневольность, вліяніе великихъ примѣровъ и признанныхъ авторитетовъ, и гнетъ «сего дня»—попечительнаго начальства или разборчиваго, требовательнаго читателя. И на этомъ явленіи, на «эпохіальномъ языкѣ», если такъ можно выразиться, вообще слишкомъ мало останавливались. Почему, наприм., можно сразу узнать и опредѣлить писателя Великой революціи, гуманизма, V вѣка Аѳинъ? почему такъ много общаго между роскошнымъ, не только словесно-безпутнымъ, всегда «очаровательнымъ» Мирабо и какимъ-нибудь скудоумнымъ, ходульнымъ, вылощеннымъ Mallet du Pan; кипучимъ, вѣчно взыскующимъ и даже литературно непосѣдливымъ Гуттеномъ и доточнымъ, буржуазно-довольнымъ, геморроидальнымъ Рейхлиномъ; почему такъ трудно отличить предполагаемаго Ѳерамена или Критія? Надъ этимъ слѣдуетъ задуматься.

Въ особенности же нужно задуматься надъ «языкомъ» какъ разъ *среднихъ вѣковъ*, эпохи безпролазныхъ дорогъ и невозможныхъ сообщеній, когда государи двигались со «скоростью» 15 верстъ въ.... сутки, а на верховьяхъ маленькой, въ сущности, рѣченки могъ быть жесточайшій голодъ въ то время, когда на низовьяхъ было изобиліе. Мелкія, малоподвижныя бытовыя условія особенно рѣзко и подозрительно подчеркивали каждое «новшество», особенно благопріятствовали вящему консерватизму и мысли, и ея выраженія; это была лучшая среда для выработки *традиціоннаго языка*, общеобязательнаго, непреложнаго. Не даромъ же въ блестящую увертюру среднихъ вѣковъ, во время великаго Карла былъ сказанъ и программный афоризмъ (Ep. de litt. colendis): отъ «ошибокъ въ словахъ» проистекаютъ «ошибки въ умахъ». «Заблуждаетесь, не зная Писанія»—вотъ другое выраженіе той же мысли. И Писаніе въ средніе вѣка, дѣйствительно, *знали*—до точности, до малѣйшаго стиха, наизусть, вдоль и поперекъ. Вульгата имѣла безконечно большее значеніе, нежели теперь; это была по истинѣ—«*книга*», βιβλίον, един-

ственная, нерѣдко, книга, какъ явствуетъ изъ описей скудныхъ средневѣковыхъ «библіотекъ». Ее не «читали» просто, и не «изучали» даже; ею—*проникались*, она входила въ плоть и кровь: ея образы, ея лексиконъ, ея факты— вотъ общая сокровищница тогдашнихъ грамотѣевъ. Къ тому же на *этой* Книгѣ почіетъ особая благодать—боговдохновенность; она не только нравоучительно повѣствуетъ, но и безпредѣльно авторитетно поучаетъ, она открываетъ сущность и бывшаго, и... будущаго; она своего рода богооткровенная соціологія: въ ней предвосхищенъ весь смыслъ бывшихъ и будущихъ событій, и недаромъ же среди тогдашнихъ начетниковъ не разъ выступаетъ мысль о круговращеніи исторіи, объ ея повторяемости настолько закономѣрной, что по библейскимъ фактамъ можно предсказать грядущія событія XIII и XIV вв.—*Все* проникнуто Библіей, ибо емкость ея неизреченна; она—разъ навсегда законченная энциклопедія; изъ нея, и *только* изъ нея, берутся поэтому аргументы въ любомъ спорѣ, богословскомъ или политическомъ, исключительно библейскіе сюжеты изображаетъ и искусство, и поэзія въ теченіе многихъ столѣтій, ибо она—«prima doctrix», «ultima ratio».

Библіократизмъ—вотъ удачное, недавно лишь пущенное въ оборотъ, слово; библіократизмъ—вотъ знаменіе не однихъ среднихъ вѣковъ, но и послѣдующихъ столѣтій (Реформація—Troeltsch), вплоть до дерзостнаго «историческаго» изученія Книги книгъ «тюбингенской школой».—Поэтому, говоря о «языкѣ среднихъ вѣковъ», будь то языкъ клирика, бюргера, канцелярскаго «скрибы», нельзя упускать изъ виду всепроникающаго вліянія Библіи, *ея* языка.—Вотъ эта сторона и не разработана еще; критическая поправка средневѣковыхъ источниковъ на «языкъ» ждетъ пока своей очереди. А, между тѣмъ, такая критика болѣе чѣмъ необходима: появляются же еврейскіе «сикли серебра» на Нижнемъ Рейнѣ; живописуются же битвы XIII в. деталями библейскихъ сраженій, и современный ученый послѣ исчерпывающаго изученія и памятниковъ, и топографіи поля сраженія, все же нерѣдко стоялъ передъ «неразрѣшимыми загадками», ибо детали и топографію онъ искалъ не тамъ, гдѣ нужно, они—на страницахъ Библіи!—Такимъ образомъ и *фактическая* сторона все время проплетается библейскими узорами и реминисценціями; и трудно даже сказать—вольная ли или невольная тутъ фальсификація; зачастую писавшій, быть можетъ, и не замѣчалъ чудовищнаго плагіата.

Такъ, подъ вліяніемъ библіократизма, писали *всѣ* люди средневѣковья; и чѣмъ ученѣе, начитаннѣе былъ человѣкъ, тѣмъ чаще и больше было у него невольныхъ цитатъ и библейскихъ фрагментовъ. Такъ писали грамату, эпистолу, анналы; и въ *этомъ* смыслѣ, дѣйствительно, нѣтъ разницы между лѣтописью и якобы сухо-дѣловой гра-

матой; и тамъ и здѣсь самый языкъ (формулы—не въ счетъ)—литературный, т.-е. библейскій.

Писалъ такъ, конечно, и Helmold и, быть можетъ, какъ разъ онъ и является наиболѣе типичнымъ образцомъ широкаго, часто нечаяннаго, черпанія и даже злоупотребленіями оборотами и *фактами* Книги книгъ. Находясь на далекой окраинѣ, отрѣзанный отъ захватывающихъ событій центра, замкнутый въ узкія рамки, и все же чуткій, даже горячій, желавшій внести и свою лепту въ дѣло «сѣверной миссіи», онъ невольно поддался болѣе другихъ великому образцу: онъ библеизировалъ, если такъ можно выразиться, свой сюжетъ—изображеніе національной и религіозной аннексіи славянскихъ земель,—библеизировалъ его и драматизировалъ. *Цѣлыя страницы* состоятъ изъ библейскихъ цитатъ и реминисценцій; и онъ эксцерпируетъ Библію такъ же вольно, какъ и другой свой источникъ—Адама Бременскаго, разрывая, раздергивая цитаты, сливая разрозненныя части во-едино. Даже «остроуміе» и то у него занятое. Памятуя выраженіе Ереміи (50, 17): Grex dispersus Israël, *leones* ejecerunt eum, онъ пишетъ и свое bon mot о „львѣ", о Генрихѣ Львѣ, въ когти котораго попались славяне и были «извергнуты».... «eiecti».—Библейскаго же происхожденія и вышеприведенная формула объ «амплификаціи церквей и вѣрующихъ», изъ Библіи же взята (Philipp. 2, 15; Deuteron. 32, 5; Ev. Matth 7, 17) столь часто встрѣчающаяся у него (I, 27, 41, 47; II, 12) «характеристика» славянъ—natio prava atque perversa», характеристика, которая произвѣла особое впечатлѣніе на ученыхъ и послужила «ключемъ» для выясненія тяжкой расправы съ славянствомъ, т. к. «національная вражда была слишкомъ рѣзка».—Библейскій мотивъ, наконецъ, и все знаменитое сообщеніе Helmold'a объ «eiectio Sclavorum». «Извергнуть», «eicere—любимый и ходкій терминъ Библіи; извергаются плевелы, нечестивцы, грѣшники; извергнуть недостойныхъ—оздоровить остальное....вотъ рецептъ, и Helmold, говоря объ «eiectio Sclavorum» лишь повторяетъ его; «eiectio» для него—утопія, идеалъ, благое пожеланіе, но не фактъ; между тѣмъ эти свѣдѣнія всегда понимали буквально. Ссылались при этомъ и на три мѣста изъ *граматъ*, гдѣ встрѣчается тотъ же терминъ «eiectio». Но вѣдь и составители граматъ, какъ люди своего времени, тоже вольно или невольно «библіизировали»; не даромъ же во всѣхъ трехъ случаяхъ «eiectio» находится въ патетическомъ *началѣ* граматъ, гдѣ составитель всегда рисовался своимъ стилемъ, своей образованностью *). *Фактовъ*

*) Большое значеніе приписываютъ и другому „настойчивому" сообщенію Helmold'a (I, 24, 47 etc.), его характеристикѣ колонизаціонной территоріи какъ „Terra horroris et vastae solitudinis"; и опять при этомъ ссылались на „неоднократное свидѣтельство граматъ" (Meckl. U.-B. №№ 100, 255, 300); но въ *обоихъ* случаяхъ это опять таки.. .цитата (Deuteron. I, 1, 10).—Фактическое же об-

же дѣйствительной «eiectio» у насъ нѣтъ.... ни одного! Ссылались на выселеніе обитателей одной малой деревушки (Goldense), но ссылались неосторожно; у насъ сохранился точный перечень выселяемыхъ,—между ними лишь *одинъ* славянинъ; да и самый фактъ выселеніе есть не что иное какъ ранняя практика позднѣйшаго знаменитаго «Bauernlegen»....

Такъ «распадается» и весь остальной Helmold; онъ—несомнѣнно удачный памфлетистъ и поэтому интереснъ какъ разъ своей тенденціозностью, но совершенно ненаденъ фактически. *Исходить* изъ его изображенія при изученіи колонизаціонной окраины въ XIII в.—нельзя.

Нуженъ *другой* матеріалъ. Даютъ ли его *граматы?* Даютъ, и даютъ во всякомъ случаѣ лучше и надежнѣе, чѣмъ связный, прагматическій разсказъ Helmold'a. Къ тому же, какъ разъ для этой области, граматъ сохранилось необычайно много. Здѣсь (какъ, впрочемъ, и для другихъ мѣстъ) совершенно напрасны жалобы на «потерю» значительной доли драгоцѣннаго матеріала. Старыя описи и копіаріи (вплоть до XIV в.!) указываютъ, что потеря незначительна, почти незамѣтна; граматой дорожили вѣдь не менѣе чѣмъ иконой—въ первую голову ихъ спасали и отъ пожара, и отъ врага. И если граматъ для XIII в. все же, на нашъ взглядъ, «мало», если все же онѣ даютъ отрывочную, неполную картину, то не слѣдуетъ забывать, что время тогда было не только малограмотное, но и неувѣренное еще въ превосходствѣ *письменнаго* закрѣпленія какого-либо факта передъ торжественнымъ, символическимъ его *устнымъ* признаніемъ.

Другое возраженіе противъ грамотъ—неизвѣстно гдѣ начинается фактъ, гдѣ кончается стереотипъ, формула—соображеніе вѣское, значительное (особенно если къ «канцелярской» формулѣ прибавить еще вліяніе библіократизма), но, въ чистомъ видѣ, несомнѣнно преувеличенное. Граматы XIII-го какъ разъ вѣка, притомъ окраинныя, гораздо менѣе подвержены формулѣ. Сохраняются (хотя и путаются) нѣкоторыя внѣшнія формальности, какъ-то распредѣленіе частей граматы, ихъ приблизительно правильное чередованіе, но нѣтъ еще той бездушности, той схематичности, какъ въ XIV в., когда «письменное производство» взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и канцеляріи, особенно городскія, составили свою прочную «традицію».—Наоборотъ, грамату XIII в. можно скорѣе, на мой взглядъ, упрекнуть въ недостаточной «торжественности», излишней эмоціональности. Писалъ ихъ не только «ученый клирикъ», насыщая свою рѣчь библейскими «хитростями», но и свой, близкій человѣкъ, другъ дома, облагодѣтельствованный, принимающій близко къ сердцу и *по-своему* (поручитель же—неграмотенъ)

слѣдованіе показываетъ, что количество населенныхъ пунктовъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. было даже *больше*, нежели теперь (съ *меньшимъ*, конечно, народонаселеніемъ)

излагающій и мысль, и фактъ.—Стóитъ лишь просмотрѣть предсмертныя даренія и распоряженія: наряду съ кропотливо-точнымъ, поражающимъ насъ своей несвоевременностью, перечнемъ вкладовъ и благихъ даяній, прорываются истинно-человѣческія нотки; и неясно намъ, кому принадлежитъ это чувство—писцу или умирающему*). И такихъ «неопредѣленностей»—много. Грамата XIII в. вообще гораздо болѣе *индивидуальна*, чѣмъ предполагаютъ; но это же налагаетъ и извѣстную сдержку при ея использованіи: нужно отличить не только «фактъ» отъ «формулы», но и чувство, пожеланія отъ дѣйствительно бывшаго. Особенно типичны въ этомъ смыслѣ—даренія церкви со стороны крупныхъ магнатовъ и государей; много чувства вложено въ нихъ, много хорошихъ соображеній высказано о всяческой пользѣ ревностной поддержки «божьихъ домовъ»; получается впечатлѣніе готовности, значительности и *сознательности* этихъ пожертвованій. На провѣрку же большинство «дареній» оказываются.... продажами!

Итакъ, если на грамату и можно положиться, въ общемъ, больше, чѣмъ на свѣдѣнія средняго анналиста, то все же—cum grano. И понятно поэтому, что «отмѣнный» Helmold долго предпочитался граматамъ; за него была полнота, прагматичность, округленность свѣдѣній; тенденція—тоже была, но, принадлежа *одному* лицу, она, казалось, легче вскрывалась, чѣмъ многообразная субъективность граматъ.

Но положеніе должно было сразу измѣниться, когда удалось бы найти источникъ типа же граматъ, но меньшей «одухотворенности» и большей достовѣрности; источникъ простой, почти прѣсный и безвкусный,—вродѣ безцѣнныхъ хозяйственныхъ счетовъ папирусныхъ находокъ; источникъ, притомъ, несомнѣнно *оффиціальный*, реально-дѣловой, обнимающій *множество* фактовъ на протяженіи значительной территоріи.

Такимъ источникомъ и является какъ разъ *Десятинный Списокъ* ратцебургской епархіи отъ 1230 г. Съ *его* данными Helmold'у уже нельзя тягаться. Десятинный Списокъ и есть, думается, та неподъ-

*) Одинъ лишь примѣръ (Meckl. U.-B. № 323).....Ego Heinricus (молодой князь Ростока, безвременно умираетъ), digne animadvertens cum *magno timore* sententiam extremi iudicii....de mea propria hereditate....in loco.... Guztrowe....conventualem ecclesiam canonicorum ad honorem *dei terribilis*, qui eque potenter principum et paupernm aufert spiritum..... ordinavi. — Характерный примѣръ проникновенія писца чувствомъ умирающаго, всецѣло объятаго страхомъ смерти.

Не даромъ же епископъ, утверждая впослѣдствіи (№ 368) новое учрежденіе, и, беря по обычаю цѣлыя фразы изъ учредительнаго документа-завѣщанія, счелъ нужнымъ *измѣнить и исправить* малоправославный предсмертный вопль о „страшномъ Богѣ“; епископъ пишетъ: „dominis Heinricus.....timorem pre oculis habens divi nominis *et amorem*....

вижная и надежная точка, которую нужно принять за базисъ всяческихъ «историческихъ измѣреній» въ колонизаціонной окраинѣ XIII в.

Десятинный Списокъ—источникъ *не новый*; онъ уже нѣсколько разъ издавался, хотя и всегда неудачно; онъ не новость также и для исторической литературы—имъ пользовались, его даже превозносили (особенно неумѣренно Ernst); и все же глубоко вѣрно замѣчаніе Hellwig'a (1904), что «историки не знаютъ Списка». Дѣйствительно его не знаютъ, т. к. знаютъ слишкомъ поверхностно; его еще ни разу не *изучили*, и послѣднія работы Witte и Hellwig'a хоть и возбудили нѣсколько большій интересъ къ Списку, но не дали пока положительныхъ результатовъ.

Не изучали же Списокъ, быть можетъ, потому, что на первый взглядъ онъ слишкомъ простъ, элементаренъ. Это—перечень десятинныхъ доходовъ-расходовъ епископа, гдѣ указаны: названіе деревни, общее количество земельныхъ единицъ (mansi), платящихъ десятину, количество свободной (идущей епископу) и розданной десятины. Общая формула такова:

XXII. Demere. Godescalcus II. ecclesia Karlowe I. Boleke I. preter quos dimidia decima vacat episcopo.

Такъ тянется Списокъ въ безконечно-скучной, какъ будто, монотонности на протяженіи всѣхъ 32 страницъ оригинала, насчитывая около 500 деревень.—Только изрѣдка появляется замѣчаніе, вродѣ: Villa Elisabet tota sclavica est. nullum beneficium est.

Вотъ эти «исключенія» и привлекли пока все вниманіе изслѣдователей (Neuendorff, Boll, Ernst;); они подсчитали небольшое количество указанныхъ въ Спискѣ «славянскихъ» деревень, подвели сумму «германскихъ» деревень (считая таковыми *всѣ* деревни безъ помѣтки «sclavica»!), и получили—«неоспоримый фактъ колоссальнаго исчезновенія славянства».—О *критикѣ* Списка, объ изученіи его не изъ него самого, а въ связи со всѣми другими данными, не было и рѣчи. Получились и некритическіе результаты; въ источникѣ искали того, чего онъ не *могъ* дать: въ чисто-*хозяйственномъ* документѣ искали прежде всего указанія о....національномъ составѣ населенія!—А, между тѣмъ, тщательное и всестороннее изученіе Списка даетъ, дѣйствительно, разнообразный и, что главное, совершенно надежный матеріалъ.

Предстоятъ поэтому двѣ задачи: возможно точное изданіе оригинала*), нѣкоторыя части котораго грозятъ полнымъ исчезновеніемъ,

*) Любопытно, что болѣе позднія изданія, когда текстъ приходилъ все въ большую ветхость, даютъ, однако, все лучшее чтеніе; въ *послѣднемъ* изданіи Meckl. U.-B. № 375) не прочитано всего лишь 24 названія (не говоря, впрочемъ, о великомъ множествѣ мелкихъ неточностей); мое изученіе оригинала въ Новомъ Стрелицѣ оставило пока *два* „пустыхъ мѣста“; нужно надѣятся, что путемъ сильно увеличенной фотографіи удастся возстановить и ихъ.

а затѣмъ детальное, исчерпывающее изученіе исторіи каждой отдѣльной деревни Списка.—Отъ новаго *изданія* требуется не только точное установленіе текста (расхожденія существующихъ изданій—поразительны), но и воспроизведеніе всѣхъ его *особенностей*. Оригиналъ написанъ *одной* рукой, но въ нѣсколько пріемовъ (нѣсколько «чернилъ»); ясно видны наслоенія, прибавки, поправки; изучая ихъ *), мы получаемъ достаточно точное представленіе не только о *способѣ составленія* Списка, о необычайной акрибіи составителя, выразившейся въ рѣдкой для средневѣкового писца добросовѣстности корректуры и необыкновенномъ орѳографическомъ постоянствѣ **), но и о *цѣляхъ* Списка; изъ поправокъ же («черныя чернила») мы можемъ заключить объ его оффиціальности, примѣненности (*). Передъ нами не просто «чистовая» какого-то составителя, какъ полагали до сихъ поръ, но перебѣленная большая сводка, вся основанная на *документальномъ* матеріалѣ епископскаго архива, работа «незаконченная» лишь потому, что и хозяйственно-феодальная практика нигдѣ не каменѣла, а подвергалась постояннымъ измѣненіямъ, поправкамъ, перетасовкамъ.—Словомъ,—передъ нами безусловно надежный, оффиціальный и живой, я бы сказалъ—«живущій», документъ. Значеніе такового ясно a priori.

Что же даетъ этотъ источникъ? Можетъ ли онъ дать отвѣтъ на главнѣйшій вопросъ, на вопросъ о подробностяхъ *колонизаціи*.

По Helmold'у «вся страна превратилась какъ бы въ одну германскую колонію», и это «ясное указаніе очевидца,современника» заставило историковъ вездѣ и всюду чуять именно «колоніи», *ново*поселенія. Вскрыта была до полной очевидности и вся техника новозаселенія: дѣло передается предпринимателю-locator'у, который осуществляетъ обыкновенно «нормальный» поселокъ въ 12 mansi, получая за свой трудъ третью долю, освобожденную отъ всякихъ тяготъ и платежей, не исключая и «десятины». Выходитъ (такова и точка зрѣнія yMeitzen'a «Boden und landwirtsch. Verhältn». VI. 1901), что вся колонизація,

---

*) Hellwig, написавъ (1904) *спеціальный* этюдъ о Спискѣ, посвящая цѣлую главу вопросу о „Beschaffenheit der Handschrift"—*не видалъ оригинала*!

**) Желательно было бы изученіе богатѣйшей номенклатуры Списка языковѣдомъ. Что можетъ дать подобное изученіе показалъ Ed. Schröder (Mitt. d. Inst. f. Oester. G. Forsch" XVIII. 1897) на примѣрѣ лингвистическаго комментарія *Герсфельдскаго* десятинанаго списка, который по богатству данныхъ не можетъ итти въ сравненіе съ ратцебургскимъ.

(*) Въ 1231 г. (Meckl. U.-B. №390) три лица фигурируютъ съ *необычнымъ* опредѣленіемъ „vasalli ecclesie"; Списокъ и выясняетъ дѣло: всѣ трое *только что* получили бенефиціи отъ епископа, и имена ихъ занесены въ списокъ *вновь* („черными чернилами").— Такъ Списокъ и остальныя граматы взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга.

весь Drang nach Osten, держится на locator'ѣ; выходитъ также, что заселеніе является фактомъ *народнымъ*,—мелкій человѣкъ, безымянный герой, тѣснимый на старомъ пепелищѣ нуждой и напастями, завоевалъ своимъ трудомъ, «своимъ германскимъ прилежаніемъ» значительныя земли.

И вотъ, данныя Списка разбиваютъ эту разработанную, казалось, до малѣйшихъ деталей картину. Списокъ, интересуясь какъ разъ «десятиной», тѣмъ самымъ даетъ и цѣнный матеріалъ для провѣрки теоріи «локаторской», «нормальной» деревни.— *Такихъ* деревень въ Спискѣ (изъ числа.... *пятисотъ*!) почти нѣтъ*); locator—не играетъ роли, почти совсѣмъ не встрѣчается, даже въ тѣхъ villae, которыя по своему названію должны бы быть новоселками (рядъ «Nienthorp'овъ; Scethinkesthorp—отъ «settenke», технич. термина для свободной локаторской доли, и т. п.). Красивую картину о нѣмецкихъ піонерахъ, идущихъ какъ-бы въ разбродъ, но все же идейно-сомкнутой фалангой,—приходится оставить.

Съ другой стороны, сопоставленіе данныхъ Десятиннаго Списка со *всѣми* остальными документами даетъ намъ возможность составить себѣ не только вполнѣ опредѣленную картину поземельныхъ отношеній, но и вполнѣ точную *карту владѣній*.—Крупное землевладѣніе безусловно преобладаетъ, и члены отдѣльныхъ именитыхъ родовъ садятся на землю вмѣстѣ, роями; притомъ владѣнія *нѣмецкихъ* пришельцевъ, разныхъ Molsan, Belowe, Bluchere, тянутся непрерывными но узкими, въ общемъ, клиномъ съ запада на востокъ, концентрируясь по теченію какой-нибудь рѣки; владѣнія же *славянскихъ* магнатовъ, разныхъ «Ковалей», Paniz, de Scurlemer (Славоміръ?), Corvi, Dummemaro, Blizemer, Emeco (Chemko), лежатъ болѣе кучно, отнюдь не имѣя тенденціи группироваться въ «далекихъ отъ нѣмцевъ углахъ» (Sommerfeld), а, наоборотъ, выдвигаясь и запружая нѣмецкую волну.

Только при помощи Десятиннаго Списка выясняется и еще одинъ, пока совершенно не освѣщенный, типъ колонизаціи—*городская*, «патриціанская», въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, любекская, въ которой дѣятельное участіе, между прочимъ, принимаетъ и Fredericus Stultus (въ Albrechtesuelde)—«Вредрикъ Доумбѣ» древнѣйшаго ганзейскаго договора Смоленска отъ 1229 г. Эта *городская* колонизація и есть единственная «планомѣрная»: патриціанскія владѣнія фланкируютъ важнѣйшій водный путь отъ Любека къ древнему Бардовіеку,

---

*) Theodericus Puttlerus („Копатель"; деревня лежитъ въ тряской низинѣ, гдѣ нуженъ былъ основательный дренажъ), locator въ Bandowe, чуть не исключеніе.

путь, который и понынѣ существуетъ въ видѣ канальной системы Эльбы-Травы, гдѣ и до сихъ поръ вкраплены владѣнія вольнаго Любека.

Такимъ образомъ, данныя Списка позволяютъ составить поучительную и *точную* карту владѣній для большой, въ общемъ, территоріи; и въ этомъ отношеніи немногіе изъ средневѣковыхъ источниковъ могутъ быть поставлены на одну доску со Спискомъ. Точныя данныя о владѣніяхъ получаются опять-таки на основаніи тѣхъ же десятинныхъ помѣтокъ; *владѣлецъ* деревни (все равно аллодъ она, или ленъ) требовалъ себѣ *) полностью всю половину десятины, а такъ какъ другая половина шла идеальному владѣльцу «всей земли»—князю, графу, герцогу, то на долю епископа не приходилось никакихъ десятинныхъ прибытковъ, и Списокъ съ щепетильной точностью и нѣкоторой резиньяціей регистрируетъ эти бездоходныя мѣста, фингируя епископскій «бенефицій».

На основаніи Десятиннаго же Списка можно получить и достаточно надежный фундаментъ для вопроса о положеніи и организаціи церкви. Списокъ составленъ по паррохіямъ, приходамъ, и уже приходилось говорить о знаменательной безсистемности распредѣленія сельскихъ церквей, о причудливости и странной неравномѣрности паррохіальныхъ границъ. Нельзя поэтому предполагать «планомѣрность» *былой* христіанизаціи, приходится даже задуматься объ ея... законченности къ 1230 году! Симптоматически важно также полное почти отсутствіе роста церковныхъ владѣній за цѣлый, по меньшей мѣрѣ, вѣкъ (съ 1100 г.), а также и то, что предписанная (еще Генрихомъ Львомъ) минимальная «дотація» сельскихъ церквей (4 mansi) очень нерѣдко не соблюдена,—церкви хирѣли, влачили прекарное вполнѣ существованіе, и оправились только подъ вліяніемъ послѣдующаго свѣтскаго патроната.

Остается, наконецъ, и еще одинъ вопросъ, тотъ *единственный* пунктъ, въ «полномъ разрѣшеніи» котораго сходились изслѣдователи,—вопросъ о *національности* населенія. Я его оставилъ подъ конецъ, т. к. онъ, собственно, *менѣе* всего вытекаетъ изъ Десятиннаго Списка, да и не *долженъ* былъ, какъ я уже замѣтилъ, въ немъ отразиться.— Къ вопросу, между тѣмъ, подходили съ разныхъ сторонъ. Одни хотѣли уже на основаніи факта существованія десятины въ какой-либо villa заключать о *не*славянскомъ ея населеніи. Противъ этого можно лишь замѣтить, что «десятина»—не «германская» повинность, а общехристіанская **) ; поэтому—либо приходится совершенно отрицать пріобще-

*) Притомъ требовалъ *властно*, какъ утверждаетъ и Списокъ, говоря, что такой-то „имѣетъ *ut dicit* половину десятины"; или—„bona Gerungi....qui tamen bona sua de manu episcopi nunquam receperit".

**) Вопросъ о спеціально „славянскомъ" платежѣ, „бископовницѣ", требуетъ особаго разсмотрѣнія для 30-хъ г.г. XIII в.

ніе славянъ къ христіанству, либо—не аргументировать такимъ образомъ. Другіе подкрѣпляли мнѣніе объ «исчезновеніи славянъ» указаніемъ на «чисто-германскія» названія деревень. Названія вообще даютъ плохую опору для опредѣленія національности, къ тому же въ Спискѣ *славянскія* названія.... значительно преобладаютъ, не говоря уже о такихъ сюрпризахъ, какъ вышеприведенная villa Elisabeth,, которая.... tota sclavica est*). Третьи, наконецъ, произвели, какъ уже указано, простой подсчетъ «славянскихъ» и «германскихъ» деревень, и на основаніи его провозгласили «исчезающее меньшинство» славянскихъ поселеній. Но и въ этой простѣйшей и удобнѣйшей формѣ исторической аргументаціи лежитъ немалая ошибка. Десятинный Списокъ—не географо-статистическая работа: гдѣ не было (какъ въ *чисто*-славянскихъ, не «децимальныхъ» еще деревняхъ) десятины, тамъ нѣтъ и интереса для регистраціи самихъ деревень (*совершенно* не упомянуты поэтому Wokendorpe, Wendorf, Sievershagen, Pieverstorp и т. д); съ другой же стороны цѣлый рядъ деревень, *не* носящія въ Спискѣ помѣтку «sclavica» оказываются таковыми; таково, чтобъ привести лишь *одинъ* примѣръ, Coselowe, въ которомъ по Списку VI mansi, а по граматѣ 1277 г. Meckl. U. B. № 1425) можно насчитать *семь славянъ* хозяевъ.

Но достаточно! Изъ приведеннаго *небольшого* количества примѣровъ въ достаточной, думается, степени явствуетъ первоклассное значеніе Десятиннаго Списка. А вѣдь этими наблюденіями богатое содержаніе Списка далеко не исчерпывается: исходя изъ него и группируя вокругъ него остальной матеріалъ, мы съ необычайной ясностью можемъ прослѣдить даже судьбу отдѣльныхъ людей, головокружительно-удачную карьеру какого-нибудь пришельца-министеріала Wernerus de Slaubrice или, наоборотъ, печальный конецъ неудачника Volquin'a; можемъ вполнѣ отчетливо наблюдать подвижность и непосѣдливость не только рыцарства, но и земледѣльческаго населенія; можемъ раскрыть нѣкоторыя любопытныя формы совладѣнія, остановиться нѣсколько въ недоумѣніи передъ какими-то «матріархальными» пережитками («filius Wernetrudis» какъ *постоянное* имя). Словомъ, вопросовъ и возможностей проникновенія—«ut vix cuique opinabile (т. е. credibile) sit», какъ сказалъ бы Helmold.

Да иначе и быть не можетъ: передъ нами вѣдь не просто «содержательный источникъ», а частичка тогдашней *жизни*, хозяйственно-финансовый разрѣзъ ея для 1230 г.; и кто видѣлъ оригиналъ, его

---

*) Цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ о *славянскомъ* населеніи „нѣмецкихъ“ якобы деревень Sciphorst, Elmhorst и т. п. для *половины XIV в.* даетъ Witte, съ методологическими пріемами котораго, къ сожалѣнію далеко не всегда можно согласиться.

распредѣленіе, слѣды частаго употребленія, значки «для памяти», тотъ легко можетъ себѣ представить его значеніе въ небогатомъ епископскомъ обиходѣ.—Правда, многаго, очень многаго мы *не* находимъ въ Спискѣ; совершенно почти отсутствуютъ, наприм., данныя по соціальнымъ отношеніямъ; но отъ *десятиннаго* списка этого и *нельзя* ожидать. И безъ того Списокъ даетъ очень много, ибо «десятина»—вопросъ жизненный, тѣсно сплетавшійся со многими другими явленіями. Не даромъ Helmold, вкладывая въ уста одного епископа поученіе объ обязанностяхъ *христіанина*, заканчиваетъ предику.... «десятиной»: «Dei enim preceptum est—dabis decimas mihi, ut bene sit tibi, et longo vivas tempore».

Decimam даетъ намъ Десятинный Списокъ, «ut bene sit nobis» въ раскрытіи цѣнныхъ особенностей колонизаціоннаго процесса.

Д. Егоровъ.

Leipzig. Пасха. 1909.

XVIII

Русское „некнижное“ житіе Николая Чудотворца.

Съ начала XV вѣка встрѣчаются славянскіе тексты «Повѣсти о погребеніи» св. Николая, вѣроятно Мирликійскаго, которая написана совершенно книжно, съ примѣсью греческихъ словъ и оборотовъ. Х. М. Лопаревъ подъискиваетъ и греческій оригиналъ «Повѣсти о погребеніи» [1]).

Въ славянскомъ спискѣ Ундольскаго № 567 (XV в.), сохранившемъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, первоначальный видъ «Повѣсти о погребеніи», св. Николай проситъ у Бога сподолѣнія роду греческому и болгарскому, почему В. О. Ключевскій называетъ эту редакцію Повѣсти «болгарскою». Этотъ терминъ, м. б., находитъ подтвержденіе въ Букурештскомъ текстѣ Повѣсти, писанномъ въ нач. XV в. «Аѳонскимъ» почеркомъ съ чертами средне-болгарскаго правописанія [2]).

Въ спискѣ XV в. Ундольскаго № 560 «Повѣсть о погребеніи» изложена проще, чѣмъ въ № 567. На нѣкоторыхъ листахъ № 560 написано сразу два текста ея, построчно одинъ надъ другимъ. Верхній текстъ подобенъ № 567, а нижній близокъ къ русской передѣлкѣ, о которой скажемъ далѣе.

«Повѣсть о погребеніи» была переложена на русскій простой языкъ типа второй редакціи житія Михаила Клопскаго, примѣнительно къ пониманію некнижнаго большинства. При этомъ русскій редакторъ внесъ двѣ прибавки: разсказъ объ участіи св. Николая въ засѣданіяхъ Никейскаго собора и заключительное обращеніе къ русскимъ сынамъ и дщерямъ, имѣющее видъ похвалы святому. Такъ появилось «некнижное» житіе св. Николая Мирликійскаго.

---

[1]) Н. К. Никольскій. Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Корректурное изданіе. Спб. 1906, стр. 375.

[2]) А. И. Яцимирскій. Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ. Сб. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 79, Спб. 1905 г., стр. 447 (рк. Національнаго музея древностей въ Букурештѣ № 142, л. 7 об.).

О времени и мѣстѣ происхожденія «некнижнаго» житія, по словамъ В. О. Ключевскаго, ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Настоящая статья представляетъ попытку рѣшить этотъ вопросъ, при помощи новаго списка житія.

Со времени появленія въ свѣтъ «Древнерусскихъ житій святыхъ» (1871 г.), гдѣ было изслѣдовано (стр. 217—220) и напечатано (стр. 453—459) «некнижное» житіе святителя Николая, свѣдѣнія о спискахъ этого житія и его ближайшаго источника значительно увеличились: см. Н. К. Никольскаго «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій», стр. 374—379 [3]).

Въ перечнѣ Н. К. Никольскаго не нашелъ, однако, себѣ мѣста поздній списокъ Библіотеки Московской Синодальной Типографіи (№ 419, 1530). Этотъ списокъ представляетъ собою еще большее опрощеніе текста «некнижнаго» житія и дальнѣйшее приближеніе его къ рѣчи того края, лексика и говоръ котораго еле замѣтны въ спискахъ XV—XVI вв., указанныхъ В. О. Ключевскимъ.

Рукопись Типографской библіотеки весьма интересна вообще. Писана она въ началѣ XVIII в. (до 1721 г.) полууставомъ, который напоминаетъ такъ называемое «поморское» письмо. Но нѣкоторыя начертанія этого полуустава архаичны, взять, напримѣръ, змѣевидный рисунокъ «земли» и довольно частыя лигатуры буквъ, изъ которыхъ только одна найдена мною въ позднихъ изданіяхъ «Литовской» печати. Нѣкоторыя виды буквъ чужды великорусскимъ, напримѣръ остроугольная прописная «омега», въ родѣ W. Несмотря на разнообразіе типовъ буквъ и на нѣкоторую ихъ щеголеватость, почеркъ Типографской рукописи производитъ впечатлѣніе пережитка—такого, какъ и поморское письмо. Писалъ, очевидно, не образованный южно- или западно-руссъ (о нарѣчіи писца сужу по языку рукописи, см. далѣе), опытный въ латинской грамотѣ, а православный простецъ того края, подражавшій старому русскому полууставу.

Съ 1721 г. и по 1833 г., по крайней мѣрѣ, Типографская рукопись не выходила изъ предѣловъ Курской губерніи (см. записи лл. 1—31, 31 об., 61 об.—62). Первымъ владѣльцемъ книги былъ дьячекъ Миропольской Николаевской церкви, и мѣстный интересъ къ этому сборнику статей, касающихся именно Мирликійскаго Чудотворца, становится яснымъ изъ сопостановленія Миръ Ликійскихъ съ Миропольемъ Курскимъ.

Въ составъ Типографской рукописи входятъ, кромѣ «некнижнаго» житія, Метафрастово житіе Николая Чудотворца съ чудесами, другія чудеса св. Николая, похвалы и слова въ честь святителя. Подборъ

---

[3]) Отрывкомъ изъ этихъ текстовъ слѣдуетъ считать и № 37 Никольскаго (ib. стр. 382)

и порядокъ этихъ послѣднихъ произведеній совершенно сходствуетъ съ житійной частью нѣкоторыхъ старопечатныхъ изданій «Службы, житія и чудесъ» Николая Чудотворца. Изъ сличенія печатныхъ изданій выяснилось, что въ Типографской рукописи на югѣ-западѣ Россіи было скопировано одно изъ Московскихъ изданій типа 1641 г., напечатанное не ранѣе 1641 г. и не позже 1679 г., такъ какъ Типографская рукопись не имѣетъ сходства ни съ Кіевскими изданіями, ни съ Московскимъ 1640 г., ни съ Московскимъ же 1679 г., уже подвергшимся новымъ редакціоннымъ правленіямъ.

Тексты, заимствованные съ печатнаго, раздѣлены въ Типографской рукописи пополамъ помѣщеніемъ «некнижнаго» житія св. Николая Мирликійскаго (л. 32—42 об.), которое имѣетъ здѣсь такое заглавіе: «Мѣсяця декемврія въ 6 день. Слово на святаго Николая Мирлікийскаго чудотворца».

Всѣ безъ исключенія статьи Типографской рукописи носятъ на себѣ слѣды южно-западно-русской рѣчи. Въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ печати, слѣды эти рѣдки и выражаются лишь въ грамматическихъ формахъ. А «некнижное» житіе Типографской рукописи обильно представляетъ названныя особенности и въ грамматическихъ формахъ и въ лексикѣ и въ оборотахъ рѣчи.

Приводя далѣе примѣры языка «некнижнаго» житія, обозначаю для краткости Типографскій списокъ черезъ Т, а текстъ, напечатанный В. О. Ключевскимъ по рукописи Ундольскаго № 569 (XVI в.), черезъ К. Такъ какъ послѣдній текстъ изданъ не вполнѣ, то цитаты изъ неизданныхъ его частей обозначаю—Унд. № 569.

Лексика Т: „гды“, „кды(и)“, „пре,-про-тож“, „промежку“, „або“, „албо“, „барзо“, „послолу“, „поки“, „нехай“, „ледво“, „гдеколвекъ“, „едно“ (только), „на едном мѣсцу“, „дѣвчиними“, „валка“, „цеглу“ (кирпичъ), „рицерове“, „пекло“, „оливу“ (елей, масло), „въ тыдню“, „выслухиваешъ“, „слухати“, „чини-шъ,-лъ,-ти“, „шука-ти,-ли“, „мовлю“, „мовили“, „мовячи,-чого“, „мѣлъ“, „бо мѣмъ“, „немашъ“, „маеть“, „кривдиши“, „прохожовалъ“, „во-,-по-, й шолъ“, „увойшли“, „обернулъ в вѣру“.

Мѣна въ Т „и“—„ы“: „нинешнем“ при постоянномъ „Ныкол-“, „поганихъ“, „строни“ (К „страны“); „ми“ (им. мн.), „мисли“, „зломисльника“; „вишним“, „найвишшій“, „вишолши“, „виступити“, „здоровими“, „Филиппови“ (род. ед. ж.), „слови“ (тв. мн.); „води“ (вин. мн.), „звади“ (вин. мн.), „кди“ при „кды“; „пустиню“, „тисяща“, „ти“, (им. ед.), „работи“ (род. ед.) „сироти“ (им. мн.), „усти“ (тв. мн.), „чистими“, при „выиты“, „ос(вя)тыл“ (?, л. 34 об. и 37 об.); „призиваетъ“ при „прозырают“; „синъ“; „быт“, „быть“, „быти“ (неопр. накл., К „бити“).

Т „ри“, „ръ“: „которій“ (им. и вин. ед.), „окри“ (К „покры“), „вѣри“ (род. ед.), „пири... свари“ (вин. мн.), „добрих“; „царъ“ (три раза), „Матеръ“.

Т „у“ при „о“: „мугучи“, ср. „оздоровилъ“ при „уздоровилъ“, „уздоровлялъ“, „уздоровъ“ (повел. накл.).

Т „и“ вм. „о“: „тилко“ и м. б. „злим“ (К „лихомъ“).

Т выпаденіе „о“: „с котрой“ (удареніе на послѣднемъ „о“).

Т призвукъ „у“: „увойшли“.

Т „в“ вм. „у“: „вдарили“ (К „ударишася“), „вдареніе“; „вчинил“, „вчинити“, „вчинѣте“ (пов. накл.), „впросилъ“ (т. е. упросилъ).

Т „з“ вм. „с“: „знову“ (К „опять“), „звади“; „з него“, „з ними“, ср. „з святаго“ и „зступилася“. „з“ вм. „из“: „з Риму“ (К „изъ Рима“).

Твердость согласныхъ въ Т: „уздоровъ“ (повел. накл.), „церковъ“ постоянно, при „вь вес родъ“; „даждъ“, „подаждъ“; „помощъ“ постоянно, „ижъ“ при „ижь“.

Т „що“ при „што“; „щтобъ“ при „штобъ“, „штобы“.

Т: „памъмть“ („ъ“ передаю „паерокъ“); „пют“ (пьютъ); „побитю“ (побитью); „люде“ (им. мн., 3 раза); „земя“ (земля).

Т: зв. „слугу“, род. „запаху“, „до Риму“, „з Риму“, „на едном мѣсцу“ при „на едином мѣстѣ“.

Глагольныя формы Т: „естем“ (1 ед.); „естес“ (2 ед.); „и| жъ еси |л. 35 об.| жесь пришолъ“ (повтореніе отъ кустоды); „пришлисте“ (дважды); повел. накл. съ „ѣ“: „поидѣмъ“, „посмотрѣмо“, „пойдѣте“, „воздвигнѣте“, „помолѣтеся“, „погрузѣтеся“, „розболочѣтеся“ („роз“-чаще чѣмъ „раз“-:Т „розступилася“ при К „разступися“, Т „розжегши„ при К „разжегше“).

Нѣкоторыя явленія языка въ Т и К одинаковы.

Въ Т есть мѣна „и“—„ѣ“, напр. „нѣхто“ при „нихто“; „началницѣ“, „князѣ“, „мужѣ“ (им. мн.); „увѣдѣлъ“ (К „увидѣлъ“), ср. „исцилилъ“ при „исцѣлилъ“; дат. „Господевѣ“, мѣст. „вѣри“ при „вѣрѣ“, мѣстн. „рицѣ“; см. еще вышеприведенныя повелительныя на „-ѣмъ“, -„ѣмо“, „-ѣте“. Въ К читаемъ: „О бида“! (Т „О бѣда!“)—здѣсь можно видѣть замѣну „ѣ“ черезъ „и“, если только выраженіе не понято, какъ „обида“.

Обоюдная мѣна в и у въ предлогѣ: Т „у Мелетинъскую землю“, К „въ Меленьтейскую рѣку“; Т „у Ефраѳ рѣку“, Унд. № 569 „у Форъфану рѣку“; Т К „в нас“ (у насъ).

„чъ“: ТК „мечъ“, Т „прочъ“, см. выше твердость согласныхъ въ Т.

Въ Т почти исключительно „о“ послѣ „ч“, „ж“, „ш“, „щ“: „мовячого“, „чого“, „прихожовалъ“, „в-, вой-, пой-, про-шолъ“, „отъишолъ“,

„вишолши“, „ащо“. Въ К постоянно: „пошолъ“, „пришолъ“, дважды „вышолъ“.

Им. мн. на „-ове“: Т „рицерове“, К „Грекове“.

ТК дат. „собѣ“, „тобѣ“, Т мѣстн. „собѣ“. ТК „тым“; К „затымъ“, Т „затимъ“.

3 ед. и мн. на „-ть“ въ Т и К встрѣчается чаще, чѣмъ на „-тъ“, напр.: ТК „идеть“, Т „маеть“, К „имаеть“; ТК „пишуть“; ТК „дасть“, К „подасть“. Но въ Т чаще „естъ“, чѣмъ „есть“ (3 ед. вспом. гл.).

1 ед. вспом. гл.: ТК „есмъ“, при К „есмь“ и Т „естем“, „есми“.

1 мн.: ТК „видимо“; Т „приимаимо“, „посмотрѣмо“; ТК „слышали есмо“.

Причастныя формы наст. вр. дѣйств. зал. въ Т почти исключительно на „-чи“, напр: „рекучи“, „плачучи“, „радуючися“, „памятаючи“, „покладаючи“, „прибѣгаючи“, „мовячи“, „видячи“, „хотячи“, „хвалячи“, „молячися“. ТК „идучи“.

ТК „моглъ“, „реклъ“.

Въ приведенныхъ совпаденіяхъ ТК къ наиболѣе яснымъ чертамъ южно-западно-русской рѣчи слѣдуетъ отнести: „в насъ“ (т.е. у насъ), „тымъ“, „затымъ“ (Т „затим“), „Грекове“ К при „рицерове“ Т, „видимо“, „слышали есмо“, „имаеть“ К при „маеть“ Т. Къ той же рѣчи слѣдуетъ отнести слова: К „пораниваяся“, Т „параняючися“, ср. бѣлорусск. „параницьца“[4]); К „коли ея праздникъ... пригодитъ“, Т „такъ же ся пригодило“, ср. бѣлорусск. „пригодзило“; К „покладаа ему... писаніе“, Т „покладаючи... писаніе“, ср. бѣлорусск. „покладаць“. Къ словарю той же рѣчи, можетъ быть, относятся: ТК „вринулъ“, ср. бѣлорусск. „вринуць“, ТК „поринулъ“; К „непорушны“, Т „непорчно“ („ч“ выносное), ср. Т „порушилъ“ при К „поринулъ“—бѣлорусск. „непорушно“; ТК „указалися“ т.-е. показались, явились; ТК „реклъ“ и „моглъ“, если эти формы не вести изъ книжной рѣчи. Сопоставимъ также: К „гдѣ коли“, Т „гдеколвекъ“. Не по великорусски звучитъ и „какый“ К; не великорусскими надо признать обороты: ТК „докончавши собора“, К „забыли... смерти“; Т „поиди, дѣмоне, у Мелетинъскую землю што воды в ней немашъ“, К „поиди въ Меленьтейскую рѣку, что воды въ ней нѣтъ“; ТК „о Николае, что (т. е. ты, который) силу имаши надъ бѣсы“; Т „Благословенъ еси, Господи..., што дивъная и неисказанъная дѣла чинишъ“ (въ К „што“ опущено).

Судя по языку К и Т, я думаю, что «некнижное» житіе создалось не въ Великороссіи. Какой нибудь православный житель области, гдѣ

---

[4]) Н. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 1870 г.

звучала южно-западно-русская рѣчь, написалъ вѣкѣ въ XV [5]) текстъ житія на литературномъ, хоть и простомъ, языкѣ центральной Россіи, не вполнѣ удержавшись отъ внесенія чертъ областной своей рѣчи. Отъ этого текста пошелъ списокъ, напечатанный В. О. Ключевскимъ (Унд. № 569, XVI в.). Типографскій списокъ XVIII в. представляетъ уже дальнѣйшее опрощеніе и южно-западно-русскую натурализацію текста, хотя и не въ такой степени, какъ, напримѣръ, житіе Конона Исаврійскаго въ сп. XVIII в. библіотеки М. И. Соколова [6]). Отъ «некнижнаго» житія въ томъ его видѣ, который представленъ Типографскою рукописью, пошелъ великорусскій, повидимому, Московскій списокъ Библіотеки Общества Любителей Древней Письменности XVII в., въ которомъ сохранились слѣды южно-западно-русской рѣчи, напримѣръ: «протоже», «в нас» [7]).

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ основаніямъ прикрѣпленія «некнижнаго» житія Николая Чудотворца къ опредѣленнымъ мѣсту и времени, скажемъ о тѣхъ отличіяхъ и измѣненіяхъ этого текста, какими онъ надѣленъ въ Типографскомъ спискѣ (Т).

Въ нѣкоторыхъ чтеніяхъ Т ближе къ «Болгарской» Повѣсти о погребеніи, чѣмъ К (т.-е. Унд. № 569, напеч. В. О. Ключевскимъ), напримѣръ:

К «прилете къ нему съ небеси голубь, глаголя», Болгар. «и пріиде ему гласъ съ небесе глаголющь», Т «и пришолъ к нему гласъ рекучи».

По К св. Николай тайно уходитъ въ городъ «Кургъ», по Болгар. и Т — въ «Кипръ».

Въ иныхъ случаяхъ Т стеръ изобразительныя выраженія и обезличилъ точныя извѣстія К, а именно:

Въ Т опущена фраза К: «и вложилъ свой малый палецъ въ уста его». К «и постыдѣвся бѣсъ, наклонилъ главу свою», Т «и убоявся барзо». К «патріархъ іерусалимьскый Макарей», Т «патриярхъ». Въ Т опущено названіе мѣстности, до которой дошли варвары въ нападеніи на Грековъ (К «до Кесарія») и число прокаженныхъ (К «45»), которыхъ исцѣлилъ св. Николай.

Опрощеніе текста, наблюдаемое въ Т, заключается въ замѣнѣ книжныхъ выраженій, которыхъ не вполнѣ избѣжалъ списокъ К, болѣе простыми и въ сближеніи съ южно-западно-русскою рѣчью. Приведу примѣры.

---

[5]) Старшій списокъ „некнижнаго“ житія—XV—XVI в. (Синод. № 556).

[6]) Н. Н. Дурново. Легенда о заключенномъ бѣсѣ, оттискъ изъ IV т. Трудовъ Слав. Коммиссіи И. М. А. О., М. 1906 г., стр. 27-28.

[7]) Хр. Лопаревъ. Описаніе рукописей И. О. Л. Д. П., ч. I, П. Д. П. № С. Спб. 1892 г., № 97, стр. 170.

К «всю вселенную чудесы своими просвѣтилъ, идеть отъ житіа сего, святительства престолъ оставивъ, и восходить на небеса», Т «землю освятилъ, на небеса идетъ». К «райскіа врата», Т «райскія двери". К „отъ юности", Т „отъ молодости". К „жезла", Т „посоха". К „поправъ", Т „потоптал". К „глаголеть", Т „говорит". К „честнаго благоуханіа и темьяна", Т „запаху". К „благоуханія честнаго отъ мира", Т „запаху мирного". К „пути Божіа", Т „дороги Божія". К „подобіа", Т „вида". К „дщери", Т „дочки".

Иногда въ Т встрѣчаемъ простодушное поясненіе въ интересахъ „народнаго множества": К „и научи люди слову Божію истиннымъ писаніемъ", Т „и уча люди слову Божію, занеже еше изм(л)ада прошолъ и умѣлъ все писаніе".

Образцами примѣненія текста къ южно-западно-русской рѣчи могутъ служить слѣдующія выдержки:

К „а коли ся праздникъ великый пригодитъ, и онъ тогды овощь ѣлъ".

К „Въ тыя лѣта прилучися брань, пришла рать поганыхъ... а св. Николае видѣвъ поганыхъ рать велику, иже не мощи противитися".

К „Тогда Николае пріиде въ рать христіанскую... и начатъ глаголати христіаномъ:.. „не возможетъ прикоснутися вашъ мечъ поганыхъ"... Они же вопросиша: „ты кто еси?"... и ударишася на рать поганыхъ... побиша. И увидѣлъ св. Николае поганыхъ погибель"...

К „Таже въ день недѣльный вошли люди въ церковь... и пришла дѣвица, духомъ нечистымъ одръжима. И начаша людіе пѣти въ церкви, и въ той часъ вшелъ бѣсъ въ дѣвицу и нача мучити и бити ее... началъ... кричати, глаголя... и услышали бѣса гла-

Т „а гды ся прохожовалъ, въ той часъ от овощи садовой мало що вкушалъ".

Т „и в то время прилучилося валка великая, пришла рать силная поганская... и святый великій Ныколае увидѣлъ оную силу великую рать поганскую, щожъ не мугучи противитися".

Т „Тогда святый Ныколае войшолъ в рать христіянскую... и закликалъ голосомъ великим, рекучи: „што есть вѣрныа христіяне... не возможеть к вамъ приступити и доткнутися мечъ поганскій". Онія же рицерове вопросили святаго: „хто естес ты, господи?"... вдарили на войско поганское... и позабіали... И минувши побитю"...

Т „Такъ же ся пригодило, увойшли вси людіе во церковъ... и была едина вдѣвица и мѣла в собѣ духъ нечистій. А кди начали пѣти въ церквѣ, въ той часъ вошолъ былъ злый духъ в дѣвицу и рушилъ нею и почалъ ея барзо мучити... почалъ кричати,

голюща дѣвицы тоя устами и почали дивитися... И избѣжа бѣсъ изъ дѣвицы... рекъ св. Николае: „тебѣ глаголю, душе нечистый, повѣдай ми, какъ еси вшелъ въ дѣвицю сію?“. И бѣсъ рече: „на единомъ мѣстѣ... видѣхъ ю“... И рече ему св. Николае: „поиди въ Меленьтейскую рѣку, что воды въ ней нѣтъ, только одинъ песокъ“.

мовячи... и услышавши людіе мовячого бѣса дѣвчиними усты, почали ся дивити, рекучи... И повернулъ ся бѣсъ из дѣвицею рекъ святый Ныкола: „тобѣ мовлю, душе нечистый, повѣдай ми, якъ войшолъ еси в дѣвицу сію?“ Бѣсъ же рекъ ему: „нашол есми дѣвицу сію на едном мѣсцу...“ И рекъ ему святый Николае: „пойди, дѣмоне, у Мелетинъскую землю, што воды въ ней немашъ, тилко единъ пѣсокъ“.

Покончивъ съ характеристикой Типографскаго списка, завершимъ попытку опредѣлить мѣсто и время появленія «некнижнаго» житія св. Николая, при чемъ не будемъ упускать изъ вида, что нѣкоторыя совпадающія въ К и Т слова свойственны бѣлорусской рѣчи и что старшіе списки какъ «некнижнаго» житія, такъ и его источника—«болгарской» Повѣсти о погребеніи, не восходятъ ко времени ранѣе XV вѣка.

Основываясь на заключительномъ моленіи «некнижнаго» житія Николая Чудотворца объ избавленіи православныхъ христіанъ «оного поганыхъ насилія и онаго закона» (Унд. № 569—К), Е. Е. Голубинскій рѣшаетъ, что «русское легендарное сказаніе о Николаѣ Чудотворцѣ» «составлено во времена уже Монгольскія» [8]).

Отнести эти слова молитвы именно къ Татарамъ есть много препятствій. Вообще, подобныя неопредѣленныя выраженія безъ подкрѣпленія другими признаками не даютъ точнаго основанія для выводовъ и уже нѣсколько разъ повели къ сомнительнымъ и неустойчивымъ заключеніямъ.

Такъ, преосв. Макарій относилъ «Слово св. Троицы всему міру» къ Монгольскому періоду, опираясь на фразу: «я избавлю васъ отъ муки поганыхъ», противъ чего возразилъ Н. С. Тихонравовъ, видя здѣсь лишь угрозу на случай коснѣнія въ грѣхахъ, которая притомъ заимствована изъ другого памятника [9]).

---

[8]) Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви, I. 1, Чт. въ О. И. и Д. Р. при М. У., 1901 г., кн. 3, стр. 777. Е. Е. почему-то ссылается здѣсь не на полный текстъ житія въ изданіи В. О. Ключевскаго, а только на молитву, отрывочно приведенную въ описаніи рукописей Ундольскаго.

[9]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, М. 1898 г., примѣчаній стр. 38, прим. 102.

Затѣмъ, припомнимъ слова предисловія «Софійскаго временника»: «за наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоты наши и села и имѣния за тѣми суть». А. А. Шахматовъ оспариваетъ мнѣніе о возможности прикрѣпить эти слова къ Татарамъ XIII в. и относитъ ихъ къ Половцамъ конца XI в. [10]).

Погаными, безбожными, беззаконными и т. д. въ старой Руси назывались разные народы, ей враждебные—не только язычники и магометане, но и христіане иного исповѣданія, католики и люторы [11]).

Въ «некнижномъ» житіи Николая Чудотворца «погаными» названы: 1) повидимому восточные варвары времени святителя Николая, въ нападеніи своемъ на Грековъ дошедшіе до Кесаріи (К 454 17—40, Т л. 33—34); 2) неопредѣленные насильники, поминаемые въ молитвѣ русскихъ, которая встрѣчается только въ «некнижномъ» житіи, но не въ его источникѣ, т. е. въ «болгарской» Повѣсти о погребеніи.

Это мѣсто молитвы въ разныхъ спискахъ «некнижнаго» житія читается не совсѣмъ одинаково: К 459 21—27, т. е. Унд.№ 569 «чтобы насъ грѣшныхъ православныхъ христіанъ избавилъ (Христосъ) онаго (Унд. № 563 вм. «онаго»—«от») поганыхъ насилія и онаго закона, и освяти церкви христіяньскіа и утверди ихъ непорушны (Унд. № 563 «нерушимых») до скончаніа вѣка, и намъ ты подай твердый разумъ во единомъ крещеніи стояти до скончаніа вѣка нашего, поклонятися намъ и славити единосущную Троицу, Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Въ Т (л. 42 об.) вмѣсто «онаго поганыхъ насилія и онаго закона» и т. д.: «от людій иноплеменных насилованя, и святыя церкви своя утвердил непор(о)чно, и нам подал утвержденіе во едином крещеніи быти до скончанія вѣка нашего. А мы Тебѣ славу возсылаем со Отцем и Святым Духом нынѣ и присно и во безконечныя вѣки вѣком».

Чтеніе списка Унд. № 569 я считаю лучшимъ, вообще по лучшей сохранности въ немъ текста, почему, вѣроятно, и В. О. Ключевскій избралъ именно этотъ списокъ для своего изданія.

Затруднительно рѣшить, на что ссылается непонятное «онаго» (поганыхъ насилія и закона). Нѣтъ ли въ этомъ словѣ указанія на варваровъ, о нападеніи которыхъ на Грековъ повѣствуется далеко—въ началѣ житія? Не лучше ли поставить это выраженіе въ связь съ недалекимъ по предшествію упоминаніемъ о «Латыньскихъ земляхъ», гдѣ св. Николай «тѣломъ лежитъ»? Если послѣднее вѣрно, то молитва «ру-

---

[10]) А. А. Шахматовъ. Предисловіе къ Начальному Кіевскому своду и Несторова лѣтопись. Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., 1908 г., кн. 1.

[11]) В. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. К. 1901 г., стр. 141. А. Орловъ. Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей. М. 1902 г., стр. 33.

стихъ сыновъ и дщерей» проситъ объ избавленіи ихъ, православныхъ христіянъ, отъ насилія поганыхъ Латинъ и ихъ закона.

Противъ отнесенія даннаго мѣста къ Монгольскому періоду можно выставить еще одно соображеніе. Едва ли русскимъ людямъ было такъ необходимо молиться объ избавленіи отъ «закона» Татаръ, которыхъ нельзя было упрекнуть въ полной нетерпимости къ вѣрѣ покоренныхъ народовъ.

Основываясь на томъ, что 1) въ спискахъ XVI в. «некнижнаго» житія встрѣчаются слова, отысканныя мною въ словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія, 2) въ старшемъ и лучшемъ изъ трехъ извѣстныхъ мнѣ списковъ житія (Унд. № 569—К) мелькаютъ черты говора, нечуждые бѣлорусскому, 3) житіе продолжало переписываться и въ XVIII в. въ области бѣлорусско-малорусской рѣчи, 4) въ XVII в. оно списывалось въ Великороссіи съ бѣлорусскаго списка (О. Л. Д. П. № 97), 5) это житіе помѣщалось съ чудесами, совершенными св. Николаемъ въ Западной Руси при Витовтѣ (рукоп. И. П. Б. Погод. № 863 и Костр. Архивн. Комм. № 101, см. далѣе),—я позволю себѣ сдѣлать предположеніе, что «некнижное» житіе Николая Чудотворца было переработано изъ «болгарской» Повѣсти о погребеніи именно въ западной или юго-западной области, въ Литвѣ или близко къ ней.

Литва зачастую называлась поганою, поганью, безбожною и т. п. [12])

Эти названія примѣнялись къ Литовцамъ, не только тогда, когда всѣ они молились языческимъ богамъ «рекомымъ бѣсамъ», не только во времена Литовскихъ князей, которые—то переходили въ православіе (Войшелгъ, Ромундъ, Наримантъ и Домантъ), то принимали христіанство номинально, «поганство свое явѣ творя» (Миндовгъ, Ольгердъ), и даже считались мучителями «за правовѣрную вѣру христіанскую» (Ольгердъ).

Поганыя, позорныя названія продолжали примѣнять къ Литвѣ и послѣ оффиціально усиленной католической пропаганды, когда Ольгердовичъ Ягелло, женившись въ 1386 г. на Ядвигѣ Польской, соединилъ Литву съ Польшей и изъ православія перекрестился въ латинство вмѣстѣ съ своими братьями и нѣсколькими Литовскими князьями, при чемъ далъ клятву «всѣхъ людей народа Литовскаго, въ какомъ бы они ни были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической (латинской) и святому послушанію Римской Церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они ни были» (грамота Ягелла Виленскому Латинскому епископу). Особенно ненавидѣли православные русскіе люди двоюроднаго брата Ягелла, изворотливаго Витовта, который, изъ политическихъ видовъ, изъ желанія быть любезнымъ всѣмъ національностямъ Литвы, перекрестился одновременно съ Ягелломъ изъ православія въ латинство и затѣмъ еще два раза мѣнялъ

[12]) В. Малининъ и А. Орловъ оо. сс.

религію. «Былъ убо, говоритъ русская лѣтопись, князь Витовтъ прежде крестьянъ, имя ему Александръ, и отвержеся правовѣрныя вѣрѣ и хрестьяньства и пріятъ Лятьскую вѣру, княженія ради великого, церкви святыя преврати на богомерзское служеніе[13]). И звали Витовта такъ: «отступникъ правыя вѣры христіанския и отметникъ Божій, сынъ діаволь, невѣрникъ правдѣ ни крестному цѣлованію»[14]). Русская монахиня, умершая отъ чумы и воскресшая въ 1427 году, видѣла этого князя въ огнѣ адскомъ, при чемъ даже мучитель его, страшный муринъ называлъ его тамъ: «окаанне»[15]).

Въ «ономъ поганыхъ насиліи» и «ономъ законѣ» «некнижнаго» житія Николая Чудотворца я склоненъ видѣть насиліе поганой Литвы и пропаганду «Лятьской», «Латыньской» вѣры именно временъ Витовта, при которомъ Литва стала издѣваться и поругаться надъ нами[16]), церкви святыя превратились на богомерзское служеніе и св. Николай Мирликійскій странствовалъ изъ Жидичинскаго своего храма въ Лукомль съ жалобой: «тамо (въ Жидичинѣ) не могу быти поганыхъ дѣля, зане умножися беззаконія ихъ»; «а я», грозилъ святой, «еще иду в Полтескъ, зане умножися беззаконія ихъ»[17]). Витовтовымъ превращеніемъ церквей на богомерзское служеніе объясняется и просьба «некнижнаго» житія: «освяти церкви христіяньскіа и утверди ихъ непорушны до скончаніа вѣка». А перекрещиваніе, доходившее въ лицѣ Витовта до трехъ кратъ, вызвало заключительныя слова этой просьбы—о поданіи твердаго разума «во единомъ крещеніи стояти до скончаніа вѣка».

---

[13]) П. С. Р. Л., т. IV—143 (1399 г.), т. III—101 стр.

[14]) П. С. Р. Л., т. V—19 стр. (1406 г.), ср. 25 стр. (1426 г.).

[15]) Повѣсти отца Пафнутія по тексту, напеч. А. Веселовскимъ въ приложеніяхъ къ XII № „Розысканій“ (Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 46, Спб. 1890 г.).

[16]) „Литва съ Ягайломъ побѣгоша назадъ со многою скоростію, никимъ же гоними; не видѣша бо тогда князя великаго (Димитрія Донского), ни рати его, ни оружія его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху, а не яко при нонѣшнихъ временехъ (по толкованію С. К. Шамбинаго, это—времена Витовтова княженія) Литва надъ нами издѣваются и поругаются“. Лѣтописную повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, цитирую по Новг. IV-ой (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 82), см. С. К. Шамбинаго „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“, Спб. 1906 г., стр. 75-77.

[17]) Чудо Николы Жидицынскаго въ Лукомлѣ въ Литовской землѣ при князѣ Витовтѣ Кейстутовичѣ (1392—1430) и Новгородскомъ владыкѣ Іоаннѣ (1389—1415 г.), по рукописямъ И. П. Б. Погод. № 863 XVI—XVII в. и Костромской Архивной Коммиссіи № 101 XVII—XVIII в., въ которыхъ находится, между прочимъ, и „некнижное“ житіе св. Николая (сосѣдство текстовъ, важное для рѣшенія вопроса о литовскомъ происхожденіи житія). См. Н. К. Никольскаго: „Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности“ № XX, Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 82, Спб. 1907 г., стр. 145—146, и „Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.)“, Спб. 1906 г., стр. 377, 379, 381.

Святителя Николая, какъ извѣстно, издавна усердно чтили въ Россіи. На вопросъ о степени его почитанія въ Руси западной и южной, въ краѣ, гдѣ явилось «некнижное» его житіе, отвѣчаютъ слѣдующія извѣстія.

Даніилъ, князь Галицкій часто кланялся и молился Николѣ, ѣздилъ на поклоненіе въ Жидичинскій храмъ Святителя и во время такого богомолья не хотѣлъ воевать съ братьею (Ипатьевскій списокъ лѣтописи подъ 1227 и 1235 гг.). О церквахъ св. Николая въ Западной Руси подбираются слѣдующія свѣдѣнія. Въ XIII—XV вв. упоминается церковь Жидичинская; въ XIV в.—Виленская, гдѣ были положены православные, замученные въ Литвѣ [18]); въ XIV—XV вв.—Лутомльская, куда за исцѣленіемъ приходили даже изъ Москвы; въ 1520 г.—Нобельская Пинскаго повѣта; въ 1542 г.—Мѣлецкая; въ 1591 г.—Черейская; въ 1737 г.—Туровская [19]). Въ 1390 г. въ литовской Руси былъ переписанъ Торжественникъ, въ скупомъ статейномъ подборѣ котораго помѣщены два текста о Николаѣ Чудотворцѣ [20]). Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ прославляютъ пѣснями покровительство Николы житу и лошадямъ; ихъ тамъ впервые выгоняютъ въ ночное на вешняго Николу, сопровождая выгонъ играми. Помня о власти Николы надъ водной стихіею, Малороссы начинаютъ купанье съ вешняго его праздника и поютъ: «хто Миколая любитъ», «хто Миколаю служитъ»,—«тому святый Миколае на всякій часъ помогае» [21]).

А. Орловъ.

---

[18]) П. С. Р. Л., т. VII—214, т. V—226, т. II—349 стр.

[19]) П. А. Гильдебрандтъ. Рукописное отдѣленіе Виленской публичной библіотеки. Вильна 1871 г.

[20]) А. Леонидъ. Описаніе рукописей библіотеки гр. А. С. Уварова, № 1045. Позднѣйшіе зап.-русскіе тексты статей о св. Николаѣ см. у Никольскаго въ „Матеріалахъ для повр. списка“, стр. 368, 369, 373 (№ 21 помѣщ. и въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго, откуда заимств. въ Кіевское, печатное изданіе 1700 г. „Службы, житія и чудесъ“ св. Николая).

[21]) И. П. Калинскій „Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси“, Спб. 1877 г. П. В. Шейнъ „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв-зап. края“, т. I, ч. 1, Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 41, Спб. 1887. См. еще: А. Вознесенскій и Ѳ. Гусевъ. „Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его въ Россіи“. Спб. 1899 г.

XVIII.

Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 годовъ.

(Историко-статистическій этюдъ).

Едва не полвѣка тому назадъ въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» (1866—1867 г., № 7, стр. 540—574) появилась статья профессора В. О. Ключевскаго «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ». Написанная главнымъ образомъ на основаніи рукописнаго сборника соловецкихъ грамотъ и частью грамотъ, изданныхъ въ «Описаніи Соловецкаго монастыря» арх. Досиѳея, статья эта представляетъ собою цѣнную попытку нарисовать «любопытный процессъ сосредоточенія въ рукахъ соловецкаго братства обширныхъ и многочисленныхъ земельныхъ участковъ въ Бѣломорьѣ, столь важный по своимъ слѣдствіямъ для исторіи этого края» (стр. 551). Недавно монастырь Поморья вновь привлекъ вниманіе ученаго изслѣдованія, нѣкоторые результаты котораго изложены въ статьѣ проф. М. М. Богословскаго „Сѣверный монастырь въ XVII вѣкѣ“ въ журналѣ [1]) «Вѣстникъ Европы» (1908 г., № 11, стр. 278—306). Монастырское хозяйство вообще и монастырское землевладѣніе въ частности представляютъ собой тему, давно оцѣненную въ нашей исторіографіи и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, но едва ли разработанную систематически и стройно, или исчерпывающимъ образомъ. И если старый слагатель древне-русскаго житія писалъ, что «добро убо и полезно зѣло иже божественныхъ мужей житіе повѣствовати» (срв. у проф. В. О. Ключевскаго «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». М. 1871 на стр. 196), то для современнаго изслѣдователя быть можетъ еще болѣе «добро убо и полезно зѣло» изучить до тонкостей ту хозяйственную

---

[1]) Срв. VI-ую главу «Монастырь и общество на сѣверѣ» на стр. 79—97 книги того же автора *Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.* М. 1909.

обстановку, среди которой когда то подвизались «божественные мужи» русской древности. Сущность этой хозяйственной обстановки превосходно рисовалась проф. В. О. Ключевскому, когда въ заключительныхъ строкахъ своей статьи онъ писалъ (стр. 574), что въ 1621-мъ году на соляныхъ варницахъ Соловецкаго монастыря числилось 700 человѣкъ рабочихъ, которые пили, ѣли и носили монастырское, что въ половинѣ XVII в. монастырь продавалъ соли до 130 тысячъ пудовъ въ годъ, платя за это пошлины 658 рублей, и что вообще выплачивалъ въ то же время въ казну сборовъ и оброка до 4 тысячъ рублей, пославъ однажды царю Алексѣю въ подмогу на жалованье ратнымъ людямъ 41.414 рублей и 200 золотыхъ. Крупный интересъ и значеніе поставленной темы, а равно отсутствіе ея исчерпывающей обработки даютъ смѣлость автору настоящаго этюда вновь обратиться къ любопытному вопросу о монастырскомъ землевладѣніи въ древней Руси [1]). Въ основаніе настоящей работы положенъ неизданный матеріалъ писцовыхъ книгъ по Вологдѣ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Взято писцовое описаніе Заозерской половины Вологодскаго уѣзда письма и мѣры Ѳедора Семеновича Вельяминова-Воронцова и дьяка Савина Завѣсина въ 1628—1630-мъ г.г. (7136—7138 г.г.); хронологически отмѣтки въ этомъ описаніи восходятъ до 1633-го г. включительно. Изъ этого описанія (писцоваго архива книги №№ 66, 63, 3, 14725, 14718, 14719, 14725, 14726, 14720 и 14721) выбранъ весь матеріалъ, относящійся къ монастырямъ, сведенъ въ рядъ подробныхъ таблицъ съ детальной провѣркой итоговъ писцовой книги и разработанъ для настоящаго этюда безъ сопоставленія его съ разнообразными историко-статистическими данными предшествующихъ и послѣдующихъ лѣтъ [2]). Вы-

---

[1]) См. матеріалъ изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ въ брошюрѣ В. Н. Сторожева „Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта костромскихъ Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастырей“ (М. 1894), который далъ основаніе автору поставить запросъ X-му Археологическому Съѣзду въ смыслѣ необходимости предварительно дальнѣйшей систематической разработки вопроса «составить списокъ неизданныхъ актовъ, иллюстрирующихъ сельско-хозяйственный бытъ русскихъ монастырей XVI и XVII вѣковъ» (запросъ № 208 по отдѣленію „памятники археографическіе“); указанный запросъ былъ повторенъ въ отношеніи XII-го Археологическаго Съѣзда. Въ иной редакціи тотъ же запросъ («привести въ извѣстность и составить описаніе неизданныхъ документовъ, представляющихъ собою источники для изученія сельско-хозяйственной исторіи русскихъ монастырей XVI и XVII вѣковъ») былъ обращенъ къ XIII-му Археологическому Съѣзду, но до настоящаго времени не получилъ хотя бы частичнаго разрѣшенія.

[2]) Здѣсь быть можетъ вполнѣ умѣстно припомнить слова С. Б. Веселовскаго о томъ, что «писцовыя книги сами по себѣ не представляютъ достаточнаго матеріала для сколько-нибудь полнаго изображенія экономическаго строя московскаго государства» (стр. 431 въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1908 г., № 2, отд. 2).

бранный изъ указанныхъ книгъ текстъ писцоваго описанія монастырскихъ вотчинъ и подробныя таблицы къ нему имѣютъ быть напечатаны въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» по историко-филологическому отдѣленію, входя въ составъ второго выпуска археографическаго труда автора «Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ». Писцы Ѳ. С. Вельяминовъ-Воронцовъ и С. Завѣсинъ описывали въ 1628—1630-мъ г.г. Заозерскую половину Вологодскаго уѣзда; другой комплектъ писцовъ Семенъ Гавриловичъ Коробьинъ и подьячій Ѳедоръ Стоговъ въ тѣ же годы описывалъ «первую половину» Вологодскаго уѣзда; это послѣднее описаніе остается пока неизученнымъ и требуетъ кромѣ того предварительнаго его подбора по архивамъ. Этотъ другой комплектъ писцовъ началъ свою работу въ 135-мъ г. и въ иномъ составѣ; по крайней мѣрѣ во введеніи къ одной сотной грамотѣ, выданной по челобитью вологжанъ посадскихъ людей и въ ихъ мѣсто земскаго старосты Богдана Самойлова отъ 15 іюня 1629 года, сказано: „въ прошломъ де во 135-мъ г. были на Вологдѣ писцы князь Иванъ [1]) Мещерской да подьячей Ѳедоръ Стоговъ, и того де своего письма и мѣры книги положили въ *Новгородцкой четверти*, а съ тѣхъ де имъ съ писцовыхъ книгъ государевы сотные грамоты, по чему имъ государевы подати и съ промысловъ оброчные деньги въ государеву казну платить, не дано». Описанія монастырскихъ вотчинъ вошли, конечно, и въ писцовую книгу «первой половины» Вологодскаго уѣзда, составленную С. Г. Коробьинымъ и Ѳ. Стоговымъ. Топографическое пріуроченіе (съ помощью VII-го выпуска «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи» Спб. 1866 и десятиверстной спеціальной карты европейской Россіи въ изданіи Военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба №№ 55 и 70) монастырскихъ вотчинъ по описанію Вельяминова-Воронцова и С. Завѣсина падаетъ на мѣстности нынѣшнихъ Вологодскаго и преимущественно Кадниковскаго уѣздовъ Вологодской губерніи. Работа надъ писцовымъ матеріаломъ въ массѣ представляетъ не мало трудностей, будучи къ тому же и кропотливой, и тяжелой до чрезвычайности; ея результаты пріобрѣтаютъ значительную научную цѣну лишь при условіи разработки громаднаго количества описаній, самостоятельнаго подсчета итоговъ и распластыванія данныхъ по опредѣленнымъ категоріямъ. Такимъ образомъ, изученіе писцовыхъ книгъ отдѣльными изслѣдователями далеко не такъ благодарно, какъ то предполагалось во времена К. А. Неволина и Н. В. Калачова, положившихъ наиболѣе прочное начало для ихъ разработки; это изученіе требуетъ спеціальныхъ методовъ изслѣдованія, а равно постояннаго сопоставленія съ картографическимъ матеріаломъ, безъ чего здѣсь невозможно сдѣлать ни одного

[1]) Аѳанасьевичъ, какъ видно изъ дѣлъ Помѣстнаго приказа.

серьезнаго шага. Если поставить своей задачей изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ территоріей монастырскихъ вотчинъ, то писцовыя книги представляются для такой цѣли сравнительно легче обозримыми. Опредѣленная и достаточно широкая постановка выводовъ въ такомъ случаѣ возможна для изслѣдованія, которымъ топографически разбитый писцовый матеріалъ изученъ на протяженіи XV—XVII вѣковъ и сопоставленъ съ массой доступныхъ нынѣ для изученія отдѣльныхъ актовъ и частью столбцовъ Помѣстнаго приказа (также приказныхъ книгъ четвертей). Настоящій этюдъ въ виду высказанныхъ замѣчаній можетъ имѣть значеніе только подготовительной работы; изученіе вращается въ немъ въ предѣлахъ одной переписи и независимо отъ актоваго матеріала.

I.

Во второй половинѣ XVI вѣка Вологда, посредница между Поморьемъ и центральными московскими уѣздами, стала играть крупную роль во внѣшней торговлѣ московскаго государства. Не даромъ царь Иванъ IV обратилъ свое вниманіе на Вологду, построилъ въ ней большой каменный кремль и въ 1565 г. взялъ ее въ «опричнину». Въ Смутное время Вологда потерпѣла значительно: писцовая книга уѣзда не разъ отмѣчаетъ запустѣніе дворовъ отъ «московскаго разоренья» и отъ «разбойниковъ», а описаніе города даетъ въ итогахъ не мало пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ. Въ этомъ описаніи города отъ 1626 года есть особый раздѣлъ, въ которомъ перечислены «дворы монастырскіе, и поповскіе, и дьяконскіе». Поскольку монастырь былъ представленъ въ Вологдѣ дворами, является возможнымъ установить для первой четверти XVII в. согласно названному описанію. «Отъ Вознесенскихъ воротъ идучи по Большой улицѣ по лѣвой сторонѣ», встрѣчаемъ *дворы* [1]: 1) Павлова монастыря (15,25 × 8,5), живетъ дворникъ Сенка Семеновъ, ходитъ по міру; 2) Николы-Корельскаго монастыря (11 × 4 1/3), живетъ дворникъ каменщикъ Галактіонка Ждановъ; 3) Печинскаго монастыря, что на Комелѣ (9 × 7), пустъ; 4) Ильинскаго игумена Серапіона (9 × 4,5), пустъ; 5) Троице-Сергіева монастыря крестьянина Тихонка Брызгалова (9 × 5,5). «По Большой улицѣ къ соборной церкви идучи по правой сторонѣ»,— *дворъ*: 6) Прилуцкаго монастыря служки Жданки Обросимова (6,25 × 5,25). «Въ Соловецкой улицѣ»—*дворы*: 7) Сійскаго монастыря (18 × 3,75), живетъ дворникъ Ивашко Ѳедоровъ, дѣлаетъ черное дѣло; 8) Соловецкаго монастыря (16,75 × 12), живетъ дворникъ Ивашко Торопчанинъ, дѣлаетъ черное дѣло; 9) позади того же двора монастырское

[1] Цифры въ скобкахъ далѣе означаютъ въ саженяхъ длину и ширину дворовъ; въ перечисленіи приводятся далѣе дворы и монастырскіе, и игуменскіе.

дворовое мѣсто (8×10), т.-е. Соловецкаго монастыря. «Въ Покровской улицѣ»—*дворы*: 10) Угрѣшскаго монастыря села Дюдиковы пустыни крестьянина Степана Казакова съ братьею (10×10); 11) Ильинскаго монастыря, что на посадѣ, (9,5×8,5) пустъ; 12) Каменнаго монастыря (24×9); 13) Спаса Прилуцкаго монастыря (24× 9); 14) Троице-Сергіева монастыря (11×15—«поперегъ по лицу»), пустъ. «По Большой же улицѣ къ соборной церкви идучи по лѣвой сторонѣ», встрѣчаемъ *дворъ*: 15) Корнильева монастыря (16×12), живетъ дворникъ, монастырскій служка Первушка Семеновъ; «въ Рождественской улицѣ *дворъ*: 16) Прилуцкаго монастыря (11×13), живетъ дворникъ софійскій звонарь Васка. «Отъ Каменной башни по Пятницкой улицѣ идучи по правой сторонѣ—*дворы*: 17) Кирилова монастыря бобыля Богдашка Кирилова (7,5×2,5), да по лѣвой сторонѣ той же улицы: 18) Ильинскаго монастыря старца Аврамія Мохова (19×4,75), пустъ; 19) мѣсто дворовое Прилуцкаго монастыря крестьянина Васки Ѳомина (8,5×13); 20) Спаса Прилуцкаго монастыря (23,75×13), живетъ дворникъ Ѳеонка Григорьевъ сынъ Устюженинъ, дѣлаетъ черное дѣло; 21) Каменнаго монастыря (16×13), живетъ дворникъ тюремный сторожъ Поспѣлко Мокѣевъ; 22) Каменнаго монастыря служекъ (15×8), живетъ вдова Анница, ходитъ по міру; 23) Николы-Озерскаго монастыря (28×14), живетъ дворникъ Олешка С.; 24) Кирилова монастыря (24× поперегъ по лицу 13×позади 10) пустъ и 25) Кирилова монастыря служки Васки Исакова (7,5×2,5). Писцовое описаніе подводитъ и общій итогъ выбраннымъ здѣсь изъ него указаніямъ на дворы и мѣста дворовыя въ такихъ выраженіяхъ: «И всего..... да 9 дв. монастырскихъ, а въ нихъ дворниковъ тожъ,—да 6 дв. пустыхъ, да м. дворовое, да 2 дв. пусты игуменовъ да старцовъ,—2 дв. служекъ монастырскихъ, а въ нихъ служка да 1 чел. дворникъ, да дв. пустъ служекъ,—да 2 дв. крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да дв. пустъ, да мѣсто дворовое». Число наименованій дворовъ и мѣстъ, такъ или иначе связанныхъ съ монастырями, точно совпадаетъ съ цифрой 25 предложенной выше выборки, замѣчанія о деталяхъ которой слѣдуютъ ниже.

Кромѣ дворовъ у монастырей и ихъ людей на Вологдѣ были также лавки. Лавки, подобно дворамъ, *не* выдѣлены въ особую группу описанія, а перечисляются въ общей массѣ со всѣми другими; дворы же вообще перечислены въ описаніи 1626 г. по отдѣльнымъ соціальнымъ группамъ. Если при перечисленіи дворовъ важно отмѣтить дворы пустые, то при изученіи лавокъ необходимо отмѣтить и тѣ, которые изъ монастырскихъ рукъ ушли. Описаніе 1626 года поименовываетъ лавки въ «рядахъ», начиная идти «съ гостина двора идучи къ Пятницкой башнѣ по правой сторонѣ»: 1) Поллавки (такого-то)—«а напередъ тово была Кирила да Митрея, черново дьякона Аммона да черново жъ дьякона

Акима», пріобрѣтена новымъ владѣльцемъ по купчей 121-го г.; 2) полл.[1]) посадскаго человѣка, пріобрѣтена по купчей, а прежде была Кирилова монастыря крестьянина Ѳедки Иванова сына Белегускина; 3) полл. Левонтьевскаго попа Ивана съ посада, пріобрѣтена по купчей, а прежде была Кирилова монастыря крестьянина Пронки Володимерова сына Мѣдника; 4) лавка съ четью монастырская Прилуцкаго монастыря, по лицу $2^2/_3$ саж., а «по чему Прилуцкого монастыря игуменъ зъ братьею владѣетъ, никакихъ крѣпостей не положили и сказки не прислали»; оброка 20 алтынъ; 5) полл. посадскаго человѣка, пріобрѣтена по купчей 132-го г., а прежде была Троице-Сергіева монастыря крестьянина Васки Леденцова; 6) л. безъ чести посадскаго человѣка, пріобрѣтена по купчей 122-го г., а прежде была Кирилова монастыря крестьянина Сергушки Венедиктова; 7) полл. посадскаго человѣка Агапитка Наумова, а напередъ того была тещи его старицы Ѳедоры, владѣетъ по данной 122-го г. «Зъ гостина двора идучи къ таможнѣ по лѣвой сторонѣ» упоминается: 8) полл. Прилуцкаго монастыря старца Симеона, по лицу сажень, а «старецъ Симеонъ по чему владѣетъ, на тое лавку никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ»; оброка 6 алт. 4 деньги. «Въ Москотильномъ же ряду отъ гостина двора идучи по лѣвой сторонѣ»—9) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Микифорка Казакова[2]), а прежде была посадскаго человѣка П. Ѳ. Звонарева, по лицу 1,75 саж., владѣетъ по купчей 130-го г.; оброка 16 алт. 4 ден.; 10) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина Степанка Казакова [2]), а прежде была посадскаго человѣка Овд. Ѳ. Хомутинникова, по лицу $1^2/_3$ саж., владѣетъ по купчей; оброка 16 алт. 4 ден.; 11) мѣсто лавочное Троице-Сергіева монастыря крестьянина Васки Леденцова, по лицу 1,5 саж.; оброка 7 алт.; 12) его же л., по лицу $2^2/_3$ саж.; оброка 11 алт. 4 ден.; а «Васка[3]) по чему тою лавкою и мѣстомъ владѣетъ, никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ». Въ Сапожномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи по правой сторонѣ»—13) полл. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Микитки Пашкова, по лицу 1 саж.; оброка 6 алт. 4 ден.; а «Микитка по чему владѣетъ, на тое лавку никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ»; 14) амбаръ Угрѣшскаго монастыря крестьянъ села Дюдиковы пустыни Кондратка Пашкова съ братьей, владѣютъ по купчей 120-го г., по лицу 4,25 саж.; прежде была посадскаго человѣка Вторушки Кодовина; оброка 8 алт. 2 ден. Въ Мясномъ ряду «отъ Проѣзжей улицы идучи по правой сторонѣ»—

---

[1]) Вездѣ далѣе означаетъ поллавки, а подъ л подразумѣвается лавка.

[2]) Срв. выше въ перечисленіи дворовъ подъ № 10, гдѣ упомянуты тотъ же м—рь, тоже село и та же крестьянская фамилія.

[3]) Срв. выше въ перечисленіи дворовъ подъ № 5 и лавокъ подъ № 5.

15) л. вдовы Ѳедорицы жены разсыльщика, а прежде была Троице-Сергіева монастыря крестьянина Омельянка Терентьева, владѣетъ по купчей 130-го г.; 16) л. Прилуцкаго монастыря крестьянина Троѳимка Яковлева, по лицу 2 саж., крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ; оброка 5 алт.; 17) л. Троице-Сергіева монастыря крестьянина Зиновка Ѳедорова, по лицу 2 саж., никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ; оброка 3 алт. 2 ден. Въ Мясномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи съ лѣвой стороны»—18) л. посадскаго человѣка О. Евсѣвьева, а прежде была Прилуцкаго монастыря крестьянина Микитки Остаѳьева, владѣетъ по купчей 121-го г.; 19) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина Ондрюшки Максимова, по лицу 2 саж., прежде была посадскихъ людей Михѣевыхъ, владѣетъ по купчей 120-го г.; оброка 5 алт.; 20) л. Николы Озерскаго монастыря крестьянина Нестерка Клементьева, по лицу 2,25 саж.; никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ; оброка 6 алтынъ 4 ден.; 21) полторы л. Троице-Сергіева монастыря крестьянина Зиновка Ѳедорова, а прежде была Иванова крестьянина Салтыкова Жданка Еремѣева сына Третьякова, по лицу 2,75 саж., владѣетъ по купчей 135-го г.; оброка 12 алт.; 22) м. лавочное посадскаго человѣка М. Коростина, а прежде было Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Ондрюшки Максимова сына Ушакова, владѣетъ по купчей 122-го г.; 23) амбаръ Угрѣшскаго монастыря крестьянъ Степанка да Микифорка Казаковыхъ, а прежде былъ посадскихъ людей Лукиныхъ, по лицу 3 саж.; владѣетъ по купчей 120-го г.; оброка 5 алт. Въ Шапочномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи по правой сторонѣ»—24) л. Ильинскаго монастыря игумена Серапіона, а прежде была архіепископова крестьянина Максимка Гаврилова сына Соляника, по лицу 2 саж., владѣетъ по купчей 113-го г.; оброка 4 алт. 2 ден.; 25) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Марка Казакова, по лицу $1^5/_6$ саж., владѣетъ по данной 113-го г.; оброка 10 алт.; 26) двѣ л. Угрѣшскаго монастыря крестьянъ Степанка да Марка Казаковыхъ, по лицу 4 саж., владѣютъ по даннымъ 113-го и 127-го гг.; оброка 20 алт. Въ Серебряномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи по правой сторонѣ»—27) полл. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Пареенка Володимерова, владѣетъ по данной 127-го г.; оброка 2 алт. 2 ден. «Промежъ Серебреново и Шапошново ряду»—28) амбаръ Ильинскаго монастыря, по лицу 2,5 саж., а «Ильинсково монастыря игуменъ зъ братьею по чему владѣютъ, никакихъ крѣпостей не положили и сказки не принесли»; оброка 3 алт. «По Большой по Проѣзжей улицы отъ Таможенной площади къ Вознесенскимъ воротамъ идучи по правой сторонѣ» перечислены: 29) двѣ л. кресцовыя на два лица Ильинскаго монастыря, что на посадѣ, ($4{,}75 \times 4{,}5$ саж.); «владѣютъ Ильинсково монастыря игуменъ

зъ братьею по грамотѣ великіе государыни иноки Марѳы Ивановны, за приписью дьяка Богдана Кашкина, 124-го году»; оброкъ *не* показанъ; 30) полл. таможеннаго дьячка Калинки Павлова, а прежде была Прилуцкаго монастыря крестьянъ Гаврилка да Осипка Семеновыхъ, владѣетъ по купчей 128-го г.; 31) л. Кирилова монастыря, что на Бѣлоозерѣ, а прежде была предтеченскаго дьякона Никиты Ондрѣева, по лицу 2 саж.; а «Кирилова монастыря игуменъ зъ братьею владѣютъ за вкладъ дьякона Микиты по данной 126-го г.»; оброка 5 алт. «По той же Проѣзжей улицѣ отъ таможни къ Вознесенскимъ воротамъ идучи по лѣвой сторонѣ» обозначена: 32) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Посничка Левонтьева, прежде была посадскаго человѣка А. И. Дьякова, по лицу 2 саж.; владѣетъ по купчей 135-го г; оброка 6 алт. 4 ден. Въ ряду Иконномъ и Свѣчномъ «отъ Рыбново ряду къ Земской избѣ идучи по правой сторонѣ»— 33) полл. Прилуцкаго монастыря крестьянки вдовы Капетелинки Гавриловской жены Свѣчникова, по лицу 1 саж.; никакихъ крѣпостей не положила и сказки не принесла; оброка 2 алт. 4 ден. Другихъ указаній на монастырскія лавки въ описаніи 1626-го г. нѣтъ, а въ итогахъ онѣ включены въ общую рубрику: «и всего.... монастырскихъ, и церковныхъ, и поповскихъ, и дьяконскихъ, и вдовой попадьи, и пономарскихъ, и монастырскихъ крестьянъ въ городѣ 38 лавокъ, 6 анбаровъ, полтретья мѣста лавочныхъ, да за Пятницкими вороты поллавки дьяконова» (оброка съ нихъ: съ лавокъ 10 руб. 22 алт. 4 ден., съ амбаровъ 21 алт. 2 ден., съ лавочныхъ мѣстъ 9 алт. 4 ден., да съ полулавки дьяконовой 3 алт. 2 ден., а всего: 11 руб. 23 алт. 4 ден.).

Такова представляемая непосредственной выборкой изъ документа картина отношеній монастыря къ владѣнію дворами и лавками въ городѣ Вологдѣ 1626 года. Остается обозначить нѣкоторыя ея подробности, поскольку это представляется возможнымъ, минуя необходимыя сопоставленія. Собственно вологодскіе монастыри въ качествѣ непосредственныхъ владѣльцевъ или черезъ посредство своихъ старцевъ и людей представлены на Вологдѣ слабо. Выдается главнымъ образомъ лишь Спасо-Прилуцкій монастырь, за которымъ значится 2 двора съ дворниками (см. выше №№ 16 и 20), 1 дв. пустой (№ 13), 1 дв. служки монастырскаго (№ 6) и 1 мѣсто дворовое монастырскаго крестьянина (№ 19), 1 лавка съ четью (№ 4), поллавки монастырскаго старца (№ 8) и полторы лавки монастырскихъ крестьянина и крестьянки вдовы (№№ 16 и 33); кромѣ того отмѣчено, что полторы лавки изъ рукъ монастырскихъ крестьянъ перешли въ другія руки (№№ 18 и 30). Монастырь находился всего въ 5 верстахъ отъ города и, очевидно, былъ заинтересованъ въ торговыхъ операціяхъ; отъ 1638 г. есть извѣстіе, что у него былъ дворъ въ Москвѣ въ приходѣ Воскресенія на Никит-

ской улицѣ [1]). Повидимому, наличность одного пустого мѣста дворового монастырскаго крестьянина стоитъ въ связи съ тѣмъ, что полторы лавки въ рядахъ ушли изъ рукъ монастырскихъ крестьянъ. Второе мѣсто занимаетъ Ильинскій монастырь, что на посадѣ: дворовъ у него три, и всѣ пусты (см. выше №№ 4, 11 и 18), при чемъ одинъ дворъ монастырскій, одинъ игумена и одинъ старца; лавокъ за монастыремъ три и 1 амбаръ (№ 28), и одна изъ этихъ лавокъ въ Шапочномъ ряду (№ 24) игуменская; амбаромъ монастырь владѣлъ безъ всякихъ крѣпостей, а двумя лавками (№ 29) безоброчно согласно дару иноки Маѳы Ивановны къ невыгодѣ казны и къ большой, какъ надо полагать, досадѣ и озлобленію посадскихъ людей. Игуменская лавка была пріобрѣтена путемъ купли. Почему монастырскіе дворы стояли пустыми, сказать за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ трудно. У такого монастыря, какъ Спасо-Каменный, лавокъ вовсе не было, были только дворы: 1 пустой (№ 12), въ одномъ жилъ дворникъ (№ 21) и одинъ монастырскихъ служекъ (№ 22), въ которомъ жила какая-то вдова и побиралась. Такое крупное торгово-промышленное товарищество, какимъ былъ Соловецкій монастырь, не имѣлъ въ 135-мъ г. ни лавокъ, ни амбаровъ на Вологдѣ. «Двина, справедливо оттѣняетъ проф. В. О. Ключевскій (op. cit., стр. 569), имѣла огромное значеніе въ исторіи Соловецкаго монастыря; она существенно опредѣлила развитіе и направленіе его хозяйственной дѣятельности; отъ нея же много зависѣло и матеріальное существованіе монастыря; ея теченіе служило для него тѣмъ путемъ, которымъ онъ связывалъ свою бѣломорскую, украйную промышленность съ промышленностью внутреннихъ областей государства; по Двинѣ ежегодно ходили монастырскіе насады, возившіе въ Вологду и другіе города десятки тысячъ пудовъ соли изъ монастырскихъ варницъ и возвращавшіеся съ огромными хлѣбными и разными другими запасами, необходимыми для многочисленной братіи монастыря и многочисленныхъ слугъ, работавшихъ на его земляхъ». Очевидно, огромные запасы соли, которой торговалъ монастырь, только проходили черезъ Вологду, направляясь въ центральные уѣзды московскаго государства; монастырю, повидимому, не зачѣмъ было держать на Вологдѣ лавки, а его люди были отвлечены

---

[1]) Въ 1722 г. у него же было въ Москвѣ въ Китай-городѣ на Варваркѣ подворье. Изъ дѣлопроизводства Устюжской четверти видно, что въ 1641—1645 г.г. монастырь велъ процессъ съ гостинной сотни тотмяниномъ Семеномъ Харламовымъ съ товарищами въ томъ, что «отнимаютъ де у нихъ (т. е. у игумена Антонія и келаря Левкія съ братіей) въ тотемскомъ промыслу варничные мѣста и дровяные исады вотчинные старинные своимъ насильствомъ». Соляныя варницы, мѣста варничныя, трубы, исады дровяные (въ томъ числѣ Прилуцкаго и Каменнаго монастырей) перечислены въ тотемской писцовой книгѣ 131—133 г. письма и мѣры Ѳоки Дурова и подьячаго Остафья Колюпанова.

отъ всякихъ интересовъ промысловою работой на варницахъ, за которой былъ необходимъ присмотръ многихъ старцевъ. У Соловецкаго м—ря былъ только большой дворъ на Вологдѣ, въ которомъ жилъ дворникъ происхожденіемъ, какъ показываетъ его прозвище, изъ Торопца; позади этого двора было монастырское дворовое мѣсто. Въ противоположность этому равнодушію, если такъ можно выразиться, Соловецкаго м—ря къ занятію торговыхъ мѣстъ на Вологдѣ надо отмѣтить интересъ къ тому монастырей изъ центральныхъ уѣздовъ, а именно Николо-Угрѣшскаго и Троице-Сергіева монастырей. Прежде всего крестьянская семья Казаковыхъ изъ вотчины Николо-Угрѣшскаго м—ря села Дюдиковы пустыни владѣла дворомъ на Вологдѣ (№ 10); у тѣхъ же Казаковыхъ были и торговыя мѣста на Вологдѣ: 5 лавокъ да амбаръ (№№ 9, 10, 23, 25 и 26); семья крестьянъ Пашковыхъ изъ того же села владѣла поллавкой да амбаромъ (№№ 13 и 14); крестьянинъ того же села А. М. Ушаковъ владѣлъ одной лавкой по купчей 120-го г., а другую продалъ въ 122-мъ г. посадскому человѣку (№№ 19 и 22); наконецъ крестьяне того же села П. Володимеровъ и П. Левонтьевъ владѣли одинъ поллавкой, другой цѣлой лавкой (№№ 27 и 32). Со всѣхъ этихъ 8 лавокъ и 2 амбаровъ крестьяне монастырскаго села Дюдиковы пустыни платили годового оброка 2 руб. 30 алт. 4 д. Николо-Угрѣшскій м—рь представительствовалъ на Вологдѣ только своими торговыми крестьянами села Дюдиковы пустыни. Троице-Сергіевъ м—рь имѣлъ на Вологдѣ одинъ дворъ пустой да одинъ дворъ крестьянина Т. Брызгалова (№№ 5 и 14); какъ указано выше, у Николо-Угрѣшскаго м—ря своего двора совсѣмъ не было. У крестьянина Троице-Сергіева м—ря В. Леденцова были лавка да мѣсто лавочное, а поллавки въ 132-мъ г. онъ продалъ посадскому человѣку (№№ 5, 11 и 12); встрѣчаемъ указаніе, что другимъ крестьяниномъ Троице-Сергіева м—ря Е. Терентьевымъ одна лавка была продана въ 130-мъ г. вдовѣ разсыльщика (№ 15); другой крестьянинъ З. Ѳедоровъ владѣлъ $2^1/_2$ лавками (№№ 17 и 21). Всего оброка Леденцовъ да Ѳедоровъ платили въ годъ 1 руб. 4 ден. Кромѣ только что упомянутыхъ шести монастырей остается оговорить развѣ одинъ Кириловъ монастырь на Бѣлоозерѣ: владѣлъ онъ на Вологдѣ пустымъ дворомъ, да по одному двору имѣли служка его В. Исаковъ да бобыль Б. Кириловъ (№№ 17, 24 и 25); въ рядахъ у м—ря была одна лавка (№ 31), да три раза встрѣчаемъ упоминанія о лавкахъ, проданныхъ монастырскими крестьянами другимъ лицамъ. Всего въ описаніи города (дворовъ и лавокъ) упоминается 13 монастырей, изъ которыхъ только два—Спасо-Прилуцкій да Спасо-Каменный—имѣютъ отношеніе къ монастырскимъ вотчинамъ, изученнымъ въ дальнѣйшей части нашего изложенія. Предложенный выше матеріалъ даетъ представленіе о монастырскихъ владѣніяхъ въ городѣ; за монастыремъ, помимо него са-

мого, владѣютъ дворами и лавками игумены, старцы и служки съ одной стороны, крестьяне и бобыли съ другой, при чемъ замѣтна значительная мобилизація лавокъ, вызванная отчасти, какъ надо думать, явленіями Смутнаго времени. Съ лавки Кирилова м—ря на Бѣлоозерѣ, полученной вкладомъ отъ одного дьякона (№ 31), отмѣчено взиманіе оброка 5 алт.; такого указанія на оброкъ вовсе нѣтъ въ отношеніи Ильинскаго м—ря (№ 29), вслѣдствіе чего и надо полагать, что владѣлъ онъ двумя лавками безоброчно.

Прежде чѣмъ обратиться къ монастырскимъ вотчинамъ, надлежитъ отмѣтить единственный встрѣтившійся пока случай упраздненія одного изъ вологодскихъ монастырей, относящійся къ первой четверти XVII в. Въ Сянжемской трети въ Закушской волости (кн. 14720, л.л. 250—255) описанъ «погостъ Рожественской» на р. Кубенѣ (по «Списку нас. мѣстъ» VII, стр. 129, подъ № 3728—Лысая, Горо-Закушскій пог. на р. Кубенѣ по лѣвую сторону, 2 церкви, въ 1 стану *Кадниковскаго* уѣзда): въ немъ одинъ храмъ «древянъ» во имя Рождества Богородицы, другой «теплой съ трапезою» во имя Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье мирское тоѣжъ Закушскіе волости крестьянъ». «А прежъ сего, продолжаетъ описаніе, исстари тутъ бывалъ монастырь пречистые Богородицы на Лысой горѣ, и тотъ монастырь запустѣлъ изъ давныхъ лѣтъ, а нынѣ тутъ приходная церкви въ приходѣ мирскимъ людемъ». Въ этомъ описаніи 1628—1630 г.г. имѣется приписка 1632 г., которая [1]) говоритъ о трехъ вотчинныхъ пустошахъ внѣ Закушской волости, что «по государеву указу и по памяти исъ Помѣстного приказу, за приписью дьяка Михаила Олѳимова, 140-го году велѣно тѣ монастырскіе вотчинные пустоши написать къ Рожественскому погосту въ церковные земли попрежнему, какъ были прежъ сего къ Лысогорскому м—рю [2]) въ вотчинѣ,—и тѣ пустоши по государеву указу написаны къ Рожественскому погосту въ церковныхъ земляхъ». Съ этого момента м—рь и долженъ считаться офиціально упраздненнымъ, при чемъ послѣднее извѣстное въ писцовомъ матеріалѣ упоминаніе о монастырѣ относится къ марту 1613 г. въ дозорѣ Петра Ушатова да подьячаго Савина Нефедьева. Чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ вотчины Пречистенскаго Богородицкаго м—ря, что на Лысой горѣ, можно воспользоваться описаніемъ Рождественскаго погоста, наслѣдника всѣхъ его земель, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что писцы, записывая три пустоши внѣ Закушской волости за погостомъ въ церковныя земли (62,5 чети сер. зем.), ошибочно поло-

[1]) Въ томъ же описаніи 136-138-го гг. имѣется, напр., приписка 141-го г. (ссылка на купчую Дружины Суморокова въ волости село Богословское Заболотье).

[2]) Въ другомъ мѣстѣ м—рь названъ *Пречистенскій, что на Лысой горѣ*.

жили ихъ въ сошное письмо. Сама писцовая книга, подводя итоги церковнымъ землямъ на погостахъ 19 волостей «другихъ» книгъ, оговариваетъ: «а въ сошное писмо церковные земли не положены потому: въ государевѣ наказѣ, каковъ данъ писцомъ за дьячьею приписью, написано: церковныхъ земель въ сошное письмо класть не велѣно» (II, 12). Это правило благодаря забывчивости писцовъ не вездѣ одинаково примѣнено и при описаніяхъ монастырскихъ вотчинъ: иногда церковная пашня выдѣлена особо, иногда нѣтъ; есть случаи, когда она оказывается положенной въ сошное письмо вмѣстѣ съ монастырской. На погостѣ описано 3 двора и 2 кельи церковнаго причта да 5 келей нищихъ, что «питаютца отъ церкви божіи». Пашня, сѣно и лѣсъ могутъ быть сведены въ такую таблицу:

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
	Пахотная.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.			
I. Въ Закушской волости: а) погостъ	2,5 ц. с.	—	—	25	—	1×0,5 около поль
б) п. Верзилова.	6 ц. с.	1,5 ц. с.	2,5 ц. с.	17	—	1×0,5 болота.
II. Въ Пустораменской волости: п. Игумново Большое.	—	10 ц. с.	15 ц. с.	15	2 непаш.	—
III. Въ Березницкой волости: п. Богородское, Братское тожъ.	—	7,5 ц. с.	10 ц. с.	14	—	1×0,5 чернаго около поль и по р. Кубениц.
IV. Въ Грибцовской волости: п. Игумново меньшое, Чернышево тожъ.	—	8 ц. с.	12 ц. с.	12	2 непаш.	—
Всего на погостѣ и въ четырехъ пустошахъ.	8,5 ц. с.	27 ц. с.	39,5 ц. с.	83	4 непаш.	3×1,5 около поль, чернаго и болота [1]).
	Всего 75 ч. въ каждомъ полѣ середней земли.					

Сошнаго письма изъ расчета 700 ч. середней земли въ соху высчитано въ трехъ п.: под-получети (43,75 ч.) и пол.-пол.-получети сохи ($21,875$ ч.), и не дошло въ сошное письмо 3 ч. съ четвериком ъ ($43,750+21,875=65,625$; $65,625-62,500=3,125$ ч.). Земля Закушской волости въ сошное письмо *не* введена.

[1]) Въ такой цифрѣ высчитанъ итогъ поверстнаго лѣса самою писцовой книгой, которая всегда въ такихъ случаяхъ примѣняетъ технически невѣрный пріемъ исчисленія: по писцовой книгѣ лѣса $3\times1,5$ *или* $4,5$ квад. верстъ; высчитывая правильно получимъ $0,5+0,5+0,5$ или $1,5$ кв. верстъ (на современный счетъ 6 кв. верстъ).

Таблица [1]) указываетъ на полное экономическое разстройство м—ря: съ исчезновеніемъ послѣднихъ рабочихъ рукъ разбрелись и старцы. Любопытно, что пустоши, потерявъ своего владѣльца, не были записаны въ «порозжіе земли», а были написаны къ Рождественскому погосту, для котораго ихъ хозяйственное значеніе было ничтожно, ибо воспользоваться въ нихъ онъ могъ только лѣсомъ. На вопросъ о томъ, куда обращались земли исчезнувшихъ монастырей, Ю. В. Готье, авторъ изслѣдованія «Замосковный край въ XVII вѣкѣ» (М. 1906), отвѣчаетъ, что онѣ переходили въ помѣстный земельный фондъ и отдавались въ помѣстья и вотчины, или же передавались другому монастырю (стр. 371—373). Нашъ примѣръ иного порядка: на мѣстѣ м—ря [2]) образовался погостъ съ приходской церковью, къ которой и были приписаны вотчинныя пустоши исчезнувшаго м—ря. Непонятно, впрочемъ, почему онѣ не были записаны въ «порозжіе земли».

II.

За Рождественскимъ погостомъ всего пашни, перелога и лѣсной поросли значилось 75 ч. въ полѣ, т.-е. $\frac{75.3}{2}$ или 1126,5 десятинъ земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, въ томъ числѣ пашни паханой только 12,75 дес. (12,75 : 99,75). Отъ этой цифры и будемъ исходить, постепенно двигаясь къ болѣе крупнымъ земельнымъ владѣніямъ монастырей на Вологдѣ. Такимъ образомъ въ *первую* группу войдутъ м—ри: 1) Александрова пустыня на р. Куштѣ въ Закушской волости (кн. 14720, 1-ая полов., л.л. 282—289), позднѣе Александровъ погостъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ; вотчина м—ря занимала площадь земли въ границахъ устья р. Кубены, берега Кубенскаго оз. и раздѣльной черты нынѣшнихъ Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 3742, 3743, 3744—сц. Горка, д. Лавы и д. Спасское; см. на спец. картѣ с. Полябино). 2) Рѣпная пустыня близъ Вондашскаго озера въ Ухтюжской волости въ Верхораменскомъ станкѣ (кн. 3, подъ № 216), позднѣе Рѣпно-Пустынскій Спасскій погостъ въ Богородской волости Кадниковскаго уѣзда; вотчина м—ря занимала площадь земли вокругъ Вондашскаго озера и нѣсколько на юго-востокъ отъ него въ треугольникѣ,

---

[1]) Буквы *ц. с.* здѣсь и въ другихъ таблицахъ означаютъ „церковной середней земли“, а *ц. д.*—„церковной доброй земли“.

[2]) По упомянутому въ текстѣ дозору 121-го г. извѣстна еще вотчина въ Пельшемской и Замошской волостяхъ монастыря Николы чудотворца Мокрая пустынь: всего за нимъ было 2 сельца да пустошь (въ сц. Чернетцкомъ описанъ одинъ «дворецъ монастырской»). Въ описаніи 136—138 г.г. Мокрой пустыни намъ *не* встрѣтилось.

образуемомъ рѣчкой, которая течетъ изъ озера, и р. Вондашью (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 4167—4170—погостъ Спасскій, д. Замошье, д. Гляденово и д. Починокъ). 3) Ферапонтовъ м—рь, что на Бѣлоозерѣ, въ восточной части нынѣшней Новгородской губ., внѣ предѣловъ старой Заозерской половины Вологодскаго уѣзда, владѣлъ здѣсь лишь одной вотчиной въ Замошской волости (кн. 14726, л. л. 550—563) селомъ Ивановскимъ, Востроколье тожъ, съ 2 деревнями и 21 пустошью (срв. на спеціальной картѣ д. д. Ивановскую, Исакову и Амельшину къ востоку отъ р. Пельшмы, въ центрѣ квадрата образуемаго р. Сухоной и впаденіемъ въ нее р. Пельшмы). 4) Спасо-Рабанскій м—рь на р. Сухонѣ въ Боровицкой волости (кн. 14726, л. л. 56—71) съ двумя деревнями въ Засодемской волости (кн. 14726, л. л. 673—683). Вотчина въ Боровицкой волости (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 221 и 222, 33, 38, 39—42, 44—д. Ершова, с. Спасо-Преображенское, д. Сельцо (Горка), д. Васютина, д. Литяга, д. Ѳедюкова, д. Веретика, д. Середняя и д. Кузнецова) занимала площадь земли въ Вологодскомъ уѣздѣ въ 1-мъ стану по обѣ стороны р. Сухоны (Верхней), при чемъ съ правой стороны рѣки она упиралась въ границы земель Лопотова монастыря, подходя къ нынѣшней раздѣльной чертѣ Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ.

Все это м—ри съ небольшими земельными владѣніями (менѣе 500 десятинъ пашни за каждымъ), позднѣе исчезнувшіе. Описаніе 1628—1630 г.г. представляетъ ихъ въ нижеслѣдующемъ видѣ. Въ *Александровой пустыни* описаны одна церковь холодная во имя Успенія Богородицы съ придѣломъ во имя преп. Александра куштскаго чудотворца и другая теплая «съ трапезою» во имя св. Николая, обѣ «древяны»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское»; на монастырѣ одна келья игуменская, да пять келей, въ которыхъ жили священникъ да братія; на м—рѣ мельница конская («мелетъ на монастырской обиходъ») да дворъ конюшенный. У м—ря были рыбныя ловли «внизъ по р. по Куштѣ до Кубенского озера, и въ Кубенскомъ оз. и въ р. Кубеницѣ, ловятъ на монастырской обиходъ двема кореводы, и неводомъ, и мрешками, и всякими ловлями». Въ двухъ сельцахъ два двора монастырскихъ (въ одномъ изъ нихъ живетъ старецъ), 1 дв. монастырскихъ дѣтенышей, 1 дв. конюшенный и 1 дв. коровій. У м—ря всего одинъ дворъ крестьянскій да два дв. бобыльскихъ (въ нихъ 1 крестьянинъ да три бобыля); пустыхъ дворовъ два: изъ одного два бобыля сошли въ 137-мъ г., а изъ другого «Тренка Осиповъ сшолъ въ міръ кормитца во 137-мъ г.». Лѣсъ значится только при пустошахъ: при п., что была д. Спасское,—лѣсъ черный и болото (1 × 0,5 в.) «до рчк. Вахкобалы»; при п. Соколовой—лѣсъ красный боръ, и черный, и болото «отъ д. Горки до Татиньской верети въ длину на

3 в., а поперегъ отъ Матюнина бору черезъ рчк. Кушту вверхъ по рчк. Граворонкѣ до Чистово болота на полторы в.»; при п. Каблуковой количество лѣса не означено, а выражено глухо: «отъ Косые рѣчки вверхъ по рчк. Вахкобоѣ лѣсъ и пожни Олександровы пустыни». Подъ сц. Колябинымъ указана «*потскотина* на р. на Куштѣ по обѣ стороны отъ пожни отъ Синовца до лугу Бордоѣского»... «а животинной пригонъ монастырскою землею межникомъ черезъ болото по мосту на починокъ край рчк. Неюча». Вотчина и рыбныя ловли писаны «за Кушскимъ монастыремъ» по грамотамъ, за приписью дьяка Ивана Болотникова, 122-го г., и Прокофья Пахирева 132-го г. Эта первая грамота, очевидно, была дана м—рю на основаніи письма и дозора 121-го г. П. В. Ушатова и подьячаго Савина Нефедьева. Пашню, сѣно и лѣсъ можно свести въ такую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
	Пахана-я.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣзднемъ.				
Въ Закушской волости [1]).	10 м. с.	3 м. с.	5 м. с.	—	—	—	4×2	и кромѣ того лѣсъ и пожни безъ мѣры подъ п. Каблуковой, см. выше.
	5 к. с.	10,25 к. с.	21,75 к. с.	—	—	—		
	7 к. д.	3 к. д.	2 к. д.	—	165	—		
	—	1 м. д.	2 м. д.	5 м. д.	—	—		
Всего 2 сц., 2 д. да 3 пустоши.	22 ч.	17,25 ч.	30,75 ч.	5 ч.	165	—	4×2 [2])	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч.д.з. и 700 ч.с.з. въ соху можно высчитать въ трехъ поляхъ: пол-полтрети (58⅓ ч. с. з.) и пол-пол-полчети (18¾ ч. д. з.), и не дошло въ сошное письмо 3⅓ ч. с. з. (58⅓—55=3⅓ ч.) и перешло 1¼ ч. д. з. (20—18¾=1¼).
	Всего 75 ч. въ кажд. полѣ, въ томъ числѣ 20 ч. д. з. и 55 ч. с. з.							

Такимъ образомъ земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за м—ремъ оказалось 112,5 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 33 десят. (33 : 79,5).

Въ *Рѣпной пустыни* описаны одна церковь холодная во имя Спаса Нерукотвореннаго и другая теплая «съ трапезою» во имя св.

---

[1]) Буквы *м. с.*, *к. с.*, *к. д.* и *м. д.* здѣсь и въ другихъ таблицахъ означаютъ „монастырской середней“, „крестьянской середней“, „крестьянской доброй“ и „монастырской доброй“ земли.

[2]) Сама писцовая книга итогъ высчитываетъ въ 3×1,5; это невѣрно, ибо, пользуясь ея пріемомъ исчисленія, получаемъ 4×2. Правильное исчисленіе даетъ 5 кв. верстъ (0,5+4,5=5), а на современный счетъ 20 кв. в.

Николая; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское»; на м—рѣ въ кельѣ «живетъ старецъ», да «за м—ремъ за оградою противъ святыхъ воротъ черезъ улицу дворъ скотцкой», въ которомъ живутъ служебники и дѣтеныши (число ихъ не указано, и обыкновенно въ описаніяхъ не указывается). За м—ремъ значится 4 двора крестьянскихъ (людей въ нихъ съ однимъ подсусѣдникомъ 10 челов.) и 2 дв. бобыльскихъ (въ нихъ 2 бобыля); одна изъ деревень Любивцова у Вондашскаго озера запустѣла, въ ней два пустыхъ двора: одного крестьянина «убили розбойники», а другой Демка Семеновъ «сидитъ на Вологдѣ въ тюрмѣ въ [та]тяхъ, жена и дѣти кормятца по міру»; во дв. одного крестьянина д. Гледенковой (Гляденовой) живетъ подсусѣдникъ, который документомъ не введенъ въ итогъ людей въ крестьянскихъ дворахъ (по нашему счету всего 10, а по счету самого документа 9). Вотчина писана за м—ремъ по приправочнымъ книгамъ 123-го г., у самого же м—ря никакихъ документовъ на право владѣнія не оказалось. Пашня, сѣно и лѣсъ сводятся въ такую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	Сошного письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 700 ч. с. з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: получети ($87^1/_2$ ч. с. з.) и пол—полчети ($37^1/_2$ ч. д. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 2,5 ч. д. з. ($40 - 37^1/_2 = 2^1/_2$), и не дошло 9,5 ч. с. з. ($87^1/_2 - 78 = 9^1/_2$).
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
Въ Ухтюжской волости въ Верхораменскомъ станкѣ.	8 м. с. 11 к. д. 3 к. с.	2 м. с. 15 к. д. 22 к. с	2 м. с. 11 к. д. 41 к. с.	— 3 к. д. —	108	$7,_{75} \times 6,_{25}$ черный	
Всего 3 дер. живущихъ, 1 дер. пуста да 8 пустошей.	22 ч.	39 ч.	54 ч.	3 ч.	108	$7,_{75} \times 6,_{25}$ [1]	
	Всего 118 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ 40 ч. д. з. и 78 ч. с. з.						

Земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за м—ремъ оказалось 177 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 33 дес. (33 : 144).

За *Ферапонтовымъ м—ремъ*, находившемся въ Бѣлозерскомъ краѣ и собственно не принадлежавшемъ къ группѣ вологодскихъ монастырей, значится село Ивановское, Востроколье тожъ, съ деревней

---

[1]) Итогъ самой писцовой книги 8×6; нашъ итогъ по пріему писцовой $7,_{75} \times 6,_{25}$; дѣйствительный итогъ составляетъ $4,_{8125}$ кв. верстъ, на современный счетъ $19,_{25}$ кв. в.

да съ пустошами. Въ селѣ одинъ храмъ во имя св. Ивана Кушника «шатровой въ верхъ», другой теплый во имя свв. Фрола и Лавра; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей»; въ селѣ же дворъ монастырскій, въ которомъ живутъ старецъ да монастырскіе дѣтеныши (число ихъ не указано; срв. выше), и два двора съ попомъ (Иванъ Игнатьевъ) да дьячкомъ. Въ вотчинѣ были только два дв. крестьянскихъ (въ нихъ 4 челов.), оба въ д. Исаковой, въ которой кромѣ того показаны два пустыхъ двора; жившіе въ послѣднихъ двое крестьянъ «сошли безвѣсно съ московского розоренья»; затѣмъ показана *пустой* д. Омельшина: крестьянинъ изъ одного двора умеръ, а изъ другого Куземка Ортемьевъ «переведенъ въ д. Исакову», гдѣ его *не* значится, если только этого Куземку не отождествлять съ упомянутымъ тамъ «во дв. Еѳимко Ортемьевъ»; помимо только что указанныхъ 4 пустыхъ дворовъ описаніе упоминаетъ въ 4 пустошахъ 14 мѣстъ дворовыхъ «старые пустоты». Быть можетъ и эта «старая пустота» должна быть отнесена ко времени «московскаго разоренья». Эту вотчину Ферапонтова м—ря описаніе 1628—1630 г.г. застало, очевидно, въ моментъ ея хозяйственнаго замиранія; преобладаютъ упоминанія пустыхъ дворовъ и пустыхъ мѣстъ дворовыхъ; крупную роль, надо полагать, сыграло здѣсь «московское разоренье». Въ данномъ описаніи сѣно не вездѣ показано въ копнахъ, при каждой изъ пустошей Алексѣевой, Нетодѣевой и Назаровой оговорено «сѣна около поль на полверсты»; судя по итогамъ, всего сѣна къ нимъ около поль ставилось 100 копенъ (срв. выраженія «сѣна промежъ пашни и по лугомъ, да на Пучкасѣ промежъ Сергѣевскимъ и Маршинымъ, да за Сухоною на другомъ Пучкасѣ», «на озерѣ за Сухоною»). Игуменъ съ братіей никакихъ крѣпостей на вотчину передъ писцами не положили, и она была написана за м—ремъ по приправочнымъ книгамъ, каковы были даны писцамъ «для приправки», за приписью дьяка В. Махова, письма и дозора П. В. Ушатова и подьячаго Савина Нефедьева 121-го г.; общій итогъ новаго описанія 136—138 г.г. вполнѣ сошелся съ итогами пашни письма и дозора 121-го г. Итоги сѣна и лѣса подводятся въ данномъ описаніи не совсѣмъ обычно и не совсѣмъ сходятся съ итогами самостоятельно подсчитанными. Итоги сѣна не совсѣмъ понятны: «Сѣна церковного 10 коп., да монастырскихъ межъ пашни и на лугахъ 30 коп., да крестьянского сѣна межъ поль и на отхожихъ пожняхъ 117 коп., да у тѣхъ же пустошей у всѣхъ вопчѣ сѣна на озерѣ за Сухоною въ Осовицѣ и на Быстрицѣ 100 коп., да на Быковцѣ 10 коп. И всего сѣна къ деревнямъ и къ пустошамъ 485 коп.». Всего получается не 485, а 267 коп., т.-е. согласно нашему подсчету (срв. далѣе таблицу). Откуда эти 485 копенъ? Что касается лѣса, то въ итогахъ вовсе нѣтъ 2 десятинъ пашеннаго лѣса, а лѣса около поль чернаго и болота сосчитано 14×5, тогда какъ

по нашему счету 15,5×13. Въ общемъ пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ такую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ кошахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
Въ Замошской волости	2,5 ц.д.	—	—	—	5 цер.		
	14 м.д.	—	1 м. д.	—	30 мон.	2	15,5×13
	5 к.д.	2 к. д.	3 к. д.	—	132 крес.		около поль, черный и бомого
	—	20,875 к. с.	69,125 к. с.	5 к. с.	100 крес.		
	—	—	33 1/3 к. х.	—			
Всего 1 село, 1 дер. живущая, 1 дер. пустая да 21 пустошь.	21,5 ч.	22,875 ч.	106 11/24 ч.	5 ч.	267	2	15,5×13 [1]
	Всего, кромѣ 2, 5 ч. церк. земли, 153 1/3 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ 25 ч. д. з., 95 ч.с. з. и 33 1/3 ч. х. з.						

Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з., 700 ч. с. з. и 800 ч. х. з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: пол-пол-полтрети (25 ч. д. з.), полчети (87,5 ч. с. з.) и пол-пол-полтрети сохи (33 1/3 ч. х. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 7,5 ч. с. з. (95—87,5=7,5). Церковная пашня 2,5 ч. д. з. въ сошное письмо не положена.

Такимъ образомъ земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, насчитано за м—ремъ 230 десятинъ (153 1/3×3 : 2), въ томъ числѣ пашни паханой 28,5 десят. (28,5 : 201,5). Слѣдуетъ имѣть въ виду поправку, что въ цифрѣ 201,5 дес. заключается 7,5 десятинъ пашни наѣздомъ.

Въ *Спасо-Рабанскомъ м—рѣ* описаны одна церковь «шатрова въ верхъ» во имя Преображенія съ придѣломъ на верху во имя преп. Димитрія вологодскаго чудотворца, другая церковь теплая «съ трапезою»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей», а кромѣ того на колокольнѣ колоколъ большой благовѣстникъ, вѣсомъ въ 15 пудовъ,—«и данъ де тотъ коло-

[1] Итогъ писцовой книги 14×5; нашъ итогъ по пріему писцовой книги, если мы только правильно понимаемъ ея обозначенія, составляетъ 15,5×13; дѣйствительный же итогъ равенъ 13 квад. верстъ, на современный счетъ 52 кв. в.

колъ при царѣ Борисѣ по царицѣ инокѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ»; на монастырѣ келья игуменская да 7 келей братьи; за м—ремъ дворъ конюшенный да дворъ коровій, въ которыхъ живутъ монастырскіе дѣтеныши (число ихъ не указано; пашутъ они на монастырь пашни 20,5 чети); въ д., что было сц. Ершово, живетъ Рабанскаго м—ря во дв. спасскій попъ Михайло Онтоновъ. Подъ д. Сельцо, Горка тожъ, значится [1]) на р. Сухонѣ монастырскій перевозъ, «а данъ тотъ перевозъ къ Спасу въ домъ, въ Рабанской м—рь, на воскъ и на ѳимьянъ по г—вѣ грамотѣ, за приписью дьяка Дементья Образцова, 136-го г.»; здѣсь же въ р. Сухонѣ у м—ря были рыбныя ловли, «ловятъ на монастырской обиходъ неводомъ, и бродниками, и удами, и всякими ловлями съ верхнево конца отъ д. Лентьевой (Ленеевой, показана на спец. картѣ) отъ рчк. отъ Махранги да внизъ покамѣстъ спаскіе вотчиные земли» (срв. выше въ описаніи Александровой пустыни). Подъ упомянутой выше д. Ершово находилась на рчк. Ершовкѣ монастырская вотчинная мельница, а «мелетъ на монастырской обиходъ весною да въ прибылую воду». При описаніи д. Исаковской въ Засодемской волости оговоренъ «къ д. по конецъ поля выпускъ животинной промежъ Ѳалелѣева и Черепанихою къ р. къ Содимѣ». Сѣно значится за м—ремъ «въ поляхъ, и по лугомъ, и на пожняхъ, и на волокахъ», «промежъ пашенъ» («на р. на Сухонѣ за рощею и противъ м—ря на мысу»), при чемъ указанъ одинъ случай мѣны съ сосѣдями; рѣчь идетъ, повидимому, о прилуцкихъ старцахъ: «да на мѣновной пожнѣ на Круглицѣ, что вымѣнено у прилутцкихъ, сѣна 10 коп. въ межахъ съ верхнево конца Ѳедоровыхъ дѣтей Еѳрѣмовыхъ, а съ нижнею сторону Егорьевская пожня». Въ противоположность м—рямъ, описаннымъ выше, у Спасо-Рабанскаго м—ря въ вотчинѣ находимъ 17 дв. крестьянскихъ (людей въ нихъ 22 челов.) и 16 дв. бобыльскихъ (людей въ нихъ 18 челов.); пустыхъ дворовъ насчитывается 7: изъ д. Веретики крестьянинъ Кирилко Савельевъ «вывезенъ за Глѣба Морозова» да изъ д. Ѳедюковой за него же вывезены два бобыля Ѳетка Семеновъ да Томилка Еѳрѣмовъ; объ одномъ бобылѣ замѣчено, что умеръ,—о другомъ, что «убился до смерти», о третьемъ, что «сшелъ во 136-мъ г.» и наконецъ въ одномъ случаѣ причина пустоты двора вовсе не показана. Вотчина писана за м—ремъ по жалованной вотчинной грамотѣ, за приписью дьяка Прокофья Пахирева, 132-го г. и по игуменской сказкѣ за его рукой. Пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

---

[1]) Изъ дѣлопроизводства Новгородскаго приказа видно, что въ 1694 году игуменъ Варламъ просилъ, чтобы, согласно пожалованію, воеводы на Вологдѣ *не* брали въ Приказную избу оброка съ перевоза. Пожалованъ былъ освобожденіемъ отъ оброка въ 132-мъ г. при игуменѣ Козьмѣ, а въ 136-мъ г. января 24 дана была игумену Ѳеодосію грамота «съ прочетомъ» изъ Новгородскаго приказа.

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
I. Въ Боровицкой волости (всего 9 деревень да 3 пуст.).	20,5 м. с. 74 к. с.	8 м. с. 18 к. с.	12 м. с. 47 к. с.	— 4 к. с.	357	26,5×20,5
	Всего 183,5 ч. въ каждомъ полѣ.					
II. Въ Засодемской волости (всего 2 дер.).	13,5 к. с.	11 к. с.	16 к. с.	—	85	2×1
	Всего 40,5 ч. въ каждомъ полѣ.					
А всего въ обѣихъ волостяхъ.	108ч.	37 ч.	75 ч.	4 ч.	442	28,5×21,5 [1]
	Всего 224 ч. въ каждомъ полѣ.					

I. Сошнаго письма изъ расчета 700 ч. с. з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: четь сохи (175 ч. с. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 8,5 ч. пашни.
II. Сошнаго письма: пол-полчети сохи (43,75 ч. с. з.). и не дошло въ сошное письмо 3,25 ч. пашни.

Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, значится за м—ремъ 336 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 162 десятины (162 : 174). Слѣдуетъ еще замѣтить, что итогъ лѣса въ верстахъ за м—ремъ въ Боровицкой волости по нашему счету 26,5 × 20,5; писцовая же насчитываетъ 15 × 10,5. Между двумя приведенными итогами получается очень рѣзкая разница. Не стоитъ ли она въ связи съ пониманіемъ самаго текста? Выраженіе «лѣсу черного въ длину и поперегъ на три версты» надлежитъ ли изобразить, какъ 3 × 3 или иначе? Однозначуще ли это выраженіе съ такимъ: «лѣсу черного въ длину на три версты, а поперегъ тожъ»? Если эти выраженія однозначущи и должны быть понимаемы, какъ 3 × 3, то въ такомъ предположеніи вѣренъ нашъ итогъ; если же они не однозначущи, то быть можетъ посвоему вѣренъ итогъ самой писцовой книги. Впрочемъ, какой бы изъ этихъ итоговъ ни брать, онъ во всякомъ случаѣ будетъ только выражать извѣстное впечатлѣніе о количествѣ лѣсныхъ угодій м—ря, ибо предположить здѣсь сколько нибудь точное исчисленіе лѣса довольно трудно. Напр., въ писцовыхъ книгахъ рязанскаго края намъ не разъ приходилось встрѣчать отмѣтки самихъ писцовъ, что лѣсъ

[1] Общій итогъ писцовой книги составляетъ 17×11,5; нашъ итогъ по способу писцовой равенъ 28,5×21,5; дѣйствительный итогъ 60,5 кв. вер., а на современный счетъ 242 кв. вер.

не измѣренъ, а исчисленъ, если такъ можно выразиться, на глазъ [1]). Что цифры поверстнаго лѣса въ писцовыхъ книгахъ порою вообще представляютъ собою нѣчто фантастическое, это аксіома, ставшая общепризнанной въ нашей литературѣ. Если въ самомъ дѣлѣ признать, что за Рабанскомъ м—ремъ въ Боровицкой волости было лѣса 26,5×20,5 верстъ, то въ переводѣ на современный счетъ это составитъ 2173 кв. версты (26,5.2×20,5.2=2173). Достаточно самаго грубаго нанесенія на карту вотчины Рабанскаго м—ря, чтобы увидать нелѣпость этого счета (къ тому же и технически невѣрнаго) [2]).

Приведеннымъ матеріаломъ исчерпывается писцовое описаніе четырехъ названныхъ выше м—рей. Цифровыя отношенія пашни паханой, наѣздомъ и пашни перелогомъ съ лѣсомъ поросшей могутъ быть представлены въ такой сводной таблицѣ:

Монастыри.	Пашня въ десятинахъ.			Сѣно въ копнахъ.	Отношеніе пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ пор.
	Паханая.	Наѣздомъ.	Перелогъ и лѣсомъ поросло.		
1. Александрова пустынь (112,5 дес.)	33,0	7,5	72,0	165	45,8%
2. Рѣпная пустынь (177 дес.)	33,0	4,5	139,5	108	23,7%
3. Ферапонтовъ (230 дес.)	28,5	7,5	194,0	267	14,7%
4. Спасо-Рабанскій (336 дес.)	162,0	6,0	168,0	442	96,4%
5. За всѣми вмѣстѣ (855,5 дес.)	256,5	25,5	573,5	982	44,7%

[1]) См. «Писцовыя книги Рязанскаго края», изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, гдѣ, напр., на стр. 497 читаемъ, что за такимъ то лѣса „въ длину на версту, а поперегъ на полверсты, инде болши, инде менши".

[2]) Срв. замѣчанія Н. А. Рожкова въ изслѣдованіи „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ" и болѣе новый характерный примѣръ у Ю. В. Готье op. cit., стр. 90: въ Лопатницкой волости, Суздальскаго уѣзда писцы насчитали почти 3 милліона десятинъ лѣса.

III.

Переходимъ къ *другой* группѣ монастырей, въ которую войдутъ нижеслѣдующіе четыре: 5) Подольный м—рь на р. Ухтюгѣ въ волости село Никольское Заболотье (кн. 66, подъ № 131) съ одной деревней да двумя пустошами въ волости село Богословское Заболотье (кн. 66, подъ № 100, л. 418), позднѣе погостъ Успенскій-Подольскій въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Кажется, въ виду сосѣдства волостей вотчина м—ря была въ одной межѣ и занимала площадь земли по лѣвому берегу р. Ухтюги отъ д. Прилукъ до впаденія ея въ Кубенское озеро (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 4025, 4026—4029, 4034, 4049 и 4104—д. Родіонова, пог. Богородскій Подольскій, д. Шабарова, д. Юкова, д. Грезина, д. Филинская, д. Козуева и д. Прилукъ; см. на спец. картѣ д. Прилукъ, д. Юкову, д. Шабарову). 6) Катромскій м—рь на Катромскомъ озерѣ въ Катромской волости (кн. 63, подъ № 462), позднѣе погостъ Катромскій въ Кадниковскомъ уѣздѣ; вотчина м—ря занимала площадь земли вокругъ юго-зап. и юго-вост. береговъ Катромскаго озера, вытянутую на востокъ вплоть до истоковъ р. Камыша и ограниченную съ юга рчк. Костромой (Катромой?), близъ границъ Кадниковскаго и Вельскаго уѣздовъ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 5387, 5388, 5391—5394—д. Конечная, д. Харчиха, д. Терешиха, д. Ваулиха, д. Митиха и д. Подрощенье; см. на спец. картѣ тѣ же деревни). 7) Спасо-Прилуцкій м—рь, который находится въ Вологодскомъ уѣздѣ [1]) при р. Вологдѣ, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, имѣлъ вотчину въ Троицкой трети въ верхнихъ станкахъ (кн. 14721, 2-ая полов., л.л. 1176—1196). Игумнову слободу на Глубокомъ озерѣ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 5339, 5342, 5345, 5348—5350, 5352, 5353, 5355—5359, 5367—пог. Глубоковскій Спасо-Преображенскій, д. Фалинская (Белавинская), д. Шалимова, д. Избная, д. Кремлева, д. Тундриха, д. Чуглокъ, д. Даниловская, д. Верхняя, д. Зеленая, д. Харламовская, д. Паунинская, д. Мотылева и д. Грива). 8) Лопотовъ м—рь, что на р. Пельшмѣ, въ Пельшемской волости (кн. 14726, л.л. 395—406) съ вотчинами въ Замошской (кн. 14726, л.л. 563—575), Засодимской(тамъ же, л.л. 664—673), Двиницкой (кн. 14720, л.л. 120—122) и Боровицкой (кн. 14726, л.л. 72—80) волостяхъ. Вотчины этого м—ря въ названныхъ волостяхъ находились въ Кадниковскомъ уѣздѣ, врѣзываясь однимъ концомъ въ уѣздъ Вологодскій; отсюда съ р. Верхней Сухоны отъ излучины южнѣе д. Селище онѣ, примыкая затѣмъ къ вотчинѣ Рабанскаго м—ря, переходили къ р. Пельшмѣ, гдѣ д. Доръ и самый м—рь, въ Кадниковскій уѣздъ, затѣмъ съ нѣкоторыми перерывами тянулись въ сѣверовосточномъ

[1]) См. у *И. Е. Забѣлина*. Троицкіе походы русскихъ царей. М. 1847 на стр. 4, гдѣ упоминаются походы въ м—ри Ферапонтовъ и къ Спасу на Прилукѣ близъ Вологды.

направленіи къ рр. Двиницѣ и Нодимѣ и соприкасались съ землями старой Корбанской волости (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 4257, 43, 4221, 4332—4336, 4613, 4643—4645—монастырь, д. Коржа, д. Доръ, д—ни Чурилово, Вотолино, Степанцово, Плетиково и Каликино, д. Покровское, д—ни Кокшарово, Мишаково и Телячье; см. на спец. картѣ м—рь, д. Коржу, д. Селище, д. Доръ, дд. Покровское, Телячье, Кокшары, Быкову и Мишакову). Эту вторую группу м—рей (съ землями въ количествѣ отъ 500 до 1000 десятинъ включительно) описаніе 1628—1630 г.г. представляетъ въ такомъ водѣ.

Въ *Подольномъ м—рѣ* описаны одна церковь «клѣтцки» во имя Успенія Богородицы и другая теплая «съ трапезою» во имя св. Николая; вся церковная обстановка и принадлежности —«строенье» царя Михаила и «прежнихъ государей»; на м—рѣ келья для игумена и десять келей братскихъ; за м—ремъ одинъ дворъ конюшенный да по одному коровьему двору въ сц—ахъ Семкино, Родіоново и Шабарово; въ каждомъ изъ послѣднихъ кромѣ того по одному монастырскому двору, при чемъ въ одномъ случаѣ указано, что во дворѣ живетъ старецъ да монастырскіе служебники, число которыхъ не указано (въ сц. Семкинѣ на рчк. Семкѣ); въ двухъ другихъ сельцахъ особыми дворами жили монастырскіе дѣтеныши [1]), монастырскіе служебники и рыбные ловцы (въ 9 дворахъ 11 человѣкъ). Рыбныя ловли были подъ м—ремъ въ р. Ухтюгѣ да въ Кубенскомъ озерѣ, ловили рыбу «на монастырской обиходъ... двѣма кореводы, и неводомъ, и иными ловлями, и зъ дву лотокъ безоброчно»; кромѣ того за м—ремъ на Копаномъ ручью были мельница да толчея («мелютъ на монастырской обиходъ весною и въ осень прибылою водою») и особо мельница конская. Въ двухъ волостяхъ за м—ремъ оказалось по описанію 11 дворовъ крестьянскихъ (въ нихъ 17 человѣкъ) да 12 дворовъ

---

[1]) Въ обыскныхъ рѣчахъ причта села Никольскаго-Заболотья и восьми крестьянскихъ старостъ отъ 11 мая 1625 г. въ процессѣ вологодскихъ помѣщиковъ Степана и Филата Межаковыхъ упоминается «Подолного м—ря вотчины старостa Ѳедосій Васильевъ». Въ числѣ крестьянъ и бобылей описанія 1628—1630 г. имя это *не* встрѣчается, но въ сц. Родіоновѣ значится во дв. монастырскій дѣтеныш Ѳедоско Васильевъ. Въ сц. Родіоновѣ пахали монастырскую пашню, старостой и былъ здѣсь упомянутый дѣтеныш, очевидно, хорошо знавшій мѣстный крестьянскій міръ, ибо могъ дать показанія относительно старыхъ крестьянскихъ жеребьевъ въ с. Никольское Заболотье. Крестьяне «Петрушка Булындинъ да Давытко Момотовъ, показывалъ онъ вмѣстѣ съ другими, въ отдѣльные книги (121-го г.) имяны не писаны для того, что съ литовсково разоренія Петрушка Булындинъ жилъ на церковной земли у Николы Г[illegible] въ пономарехъ до помѣсные роздачи, а Давытка Момотова убили [illegible] и дворы ихъ Петрушкинъ да Давытковъ выжгли литовскіе люди [illegible] жъ роздачи». Еще новое указаніе на роль событій Смутнаго вре[мени] годскаго края.

бобыльскихъ (въ нихъ 15 человѣкъ). Въ д. Ивановской насчитано 3 пустыхъ крест. двора, трое крестьянъ сошли изъ нихъ въ 136-мъ г.; д. Бусыриха запустѣла, изъ одного двора сошло «безвѣстно» двое крестьянъ также въ 136-мъ г. Въ описаніи Подольнаго м—ря поражаетъ чрезвычайное количество сѣна, не обнаруживаемое въ другихъ описаніяхъ (см. далѣе сводныя таблицы). Вотчины писаны за м—ремъ по жалованной тарханной грамотѣ 137-го г., на основаніи «обысковъ 132-го г.» и по скаскѣ игумена Матвѣя зъ братьею за его игуменскою рукою». Въ той же писцовой книгѣ 136—138 г.г. въ описаніи помѣстья князя Ив. Л. Мосальскаго (подъ № 142) въ Троицкомъ станкѣ Ухтюжской волости находимъ указаніе на бобыльскій «дворъ пустъ Ермолки Семенова, сшолъ постритца въ Подольной м—рь въ нынѣшнемъ во 136-мъ г.». Что касается пашни, сѣна и лѣса, то они могутъ быть представлены въ такой таблицѣ:

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
I. Во волости село Никольское Заболотье (всего 3 сц., 8 дер. живущихъ, 1 дер. пустая и 9 пустошей.	60 м. с. 69 к. с.	56,5 к. с. 19 к. х.	79,5 к. с. 47 к. х.	1156	5×2,5
II. Въ волости село Богословское Заболотье (всего 1 дер. да 2 пуст).	10 к. с.	12 к. с.	27 к. с.	31	—
А всего въ обѣихъ волостяхъ.	139 ч.	87,5 ч.	153,5 ч.	1187	5×2,5 [1]
	Всего 380 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ 314 ч. с. з. и 66 ч. х. з.				

I. Сошнаго письма изъ расчета 700 ч. с. з. и 800 ч. худой з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: треть ($233^1/_3$ ч. с. з.) и полчети сохи ($291/_6$ ч. с. з. и $66^2/_3$ ч. х. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 2,5 ч. с. з. ($233^1/_3 + 291/_6 = 262^1/_2$; $265 - 262^1/_2 = 2^1/_2$), а не дошло чети безъ третника х. з. ($66^2/_3 - 66 = 2/_3$).

II. Сошнаго письма: пол-полчети сохи (43,75 ч. с. з.), и перешло за сошнымъ письмомъ 5,25 ч. с. з. (49—43,75=5,25).

[1]) Высчитывая технически правильно, получимъ 3,5 кв. вер. (на современный счетъ 14 кв. верстъ),

Изъ данныхъ таблицы явствуетъ, что всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, значится за м—ремъ 570 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 208,5 дес. (208,5 : 361,5).

Въ *Катромскомъ м—рѣ* описаны одна церковь во имя св. Николая «древянна, каменое дѣло» и другая церковь теплая «съ трапезою» въ имя Всѣхъ святыхъ («древянъ въ верхъ»); вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье князя Ивана Пенкова», очевидно, князя Ивана Васильевича Пенкова, упоминаемаго «Древнѣйшею разрядной книгой официальной редакціи», изданной проф. П. Н. Милюковымъ, подъ 1547—1551 г.г.; послѣдній разъ въ этой книгѣ онъ упоминается, какъ воевода въ Нижнемъ Новгородѣ *за городомъ* (М. 1901, стр. 123, 141 и 147). Князь И. В. Пенковъ [1]) извѣстенъ, какъ строитель ружныхъ церквей въ селѣ Никольскомъ Заболотьѣ, въ въ селѣ Егорьевскомъ Заднемъ и на погостѣ Вастьяновскомъ («иссстари бывало строенье князя Ивана Пенкова»; кн. 66, л. 420 подъ № 100, л. 232 подъ № 59 и кн. 3, л. 515, подъ № 302). На м—рѣ шесть келей, въ которыхъ живутъ игуменъ съ братіей; число послѣдней по обыкновенію не указано. За м—ремъ означены дворъ конюшенный да дв. коровій, и кромѣ того въ селѣ Красковскомъ одинъ дворъ монастырскій, въ которомъ живутъ дѣтеныши (число ихъ не указано), и въ д. Подрощенье одинъ дворъ монастырскаго служки (пашни служни 5 чети, т.-е. 7,5 десятинъ пашни паханой доброй земли); подъ м—ремъ на р. Катромѣ—мельница («колеса нѣмецкіе») да толчея. Въ упомянутомъ с. Красковскомъ находилась церковь во имя Преображенія («древяна клѣтцки»); попъ Кондратій живетъ въ дер. Мартьяновской и тамъ землю пашетъ (5 чети или 7,5 десятинъ доброй земли). Въ монастырской вотчинѣ было 24 двора крестьянскихъ (людей въ нихъ 34) и 12 дворовъ бобыльскихъ (людей въ нихъ 13); пустыхъ дворовъ въ д—яхъ Вислягиной, Конечной и Мишутинской означено три: одинъ за смертью хозяина, о другомъ ничего не замѣчено и въ отношеніи третьяго сказано, что крестьянинъ „сшолъ безвѣстно во 133-мъ году“ [2]). Вотчина писана за м—ремъ по выписи съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Тимоѳея Безобразова и подьячаго Ивана Петрова 128 и 129-го г. г. Въ итогахъ самой писцовой книги по описанію Катромского м—ря крестьянскіе и монастырскіе сѣно и лѣсъ различаются. Сѣно монастырское «межъ поль и на отхожихъ пожняхъ», такъ въ итогахъ; въ самомъ же описаніи «межъ поль, и въ лугѣхъ, и по р. по Катромѣ»; сѣно крестьянское «по

---

[1]) Срв. у проф. В. О. Ключевскаго въ «Боярской Думѣ древней Руси», стр. 224 и 249 по 2-му изданію.

[2]) Въ итогахъ же писцовой книги пустыхъ дворовъ насчитано *пять*, а не три.

заполью и по рчк. по Катромѣ», также «межъ поль, (и) на лугѣхъ, и по рчк. Катромѣ»; въ итогахъ никакой оговорки нѣтъ. Въ описаніи лѣсъ за м—ремъ значится «черный и болото», въ итогахъ «болото» не оговорено; крестьянскій лѣсъ въ описаніи обозначенъ вездѣ «лѣсъ болото», а въ итогахъ «крестьянскій лѣсъ подъ деревнями и на пустошахъ». Не говоря уже о цифрахъ, эти мелочныя оговорки объ итогахъ, подобранныя въ значительномъ количествѣ способны показать, поскольку вообще итогами писцовыхъ книгъ можно пользоваться независимо отъ самаго текста отдѣльныхъ описаній. Въ нашемъ случаѣ итоги сѣна и лѣса, самостоятельно подсчитанные, нѣсколько разнятся отъ итоговъ писцовой книги, также есть разница и въ счетѣ пустыхъ дворовъ. Пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.		
Въ Катромской волости.	25 м. х. 5 с. д. 5 ц. д. 103 к. д.	6 м. х. 21,25 к. х. 3 ц. д. 57,5 к. д.	4 м. х. 92 к. х. 2 ц. д. 77,25 к. д.	13 мон. и 111 крест. (а по итогу писцовой 117.	4×3,5 мон. и 18×10 крестьян. (а по итогу писцовой 19×10,5).
Всего 1 село, 11 дер. и 10 пустошей.	5 ч. 133 ч.	3 ч. 84,75 ч.	2 ч. 173,25 ч.	124	22×13,5 [1]
	Всего, кромѣ 10 ч. церковной пашни, 391 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ доброй земли 242,75 ч. и 148,25 ч. х. з.				

Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 800 ч. х. з. въ соху можно включать въ трехъ поляхъ: пол-сохи, пол-полчети и пол-пол-полчети сохи, и не дошло въ сошное письмо доброй земли 1 четь, а худой 2 ч. безъ полуосмины ($^1/_4$=150 ч. д. з.; $^1/_8$=75 ч. д. з.; $^1/_{32}$=18,75 ч.; 150+75+18,75=243,75 ч.; 243,75 ч.—242,75 ч.=1 ч. д. з.; $^1/_8$=100 ч. х. з.; $^1/_{16}$=50 ч. х. з.; 100+50=150 ч.; 150—148,25=1,75 ч. х. з. Церковная пашня не принята во вниманіе. Въ итогѣ самой писцовой иначе: полсохи, пол-пол-полтреть, и пол-пол-полчети сохи, и перепло доброй земли 2,5 ч., не дошло худой земли 2,75 ч.

[1]) Итогъ писцовой 19×10,5; нашъ итогъ по пріему писцовой 18×10, а вмѣстѣ съ монастырскимъ лѣсомъ 22×13,5; дѣйствительный же итогъ составитъ 28,5 квад. верстъ (на современный счетъ 114 кв. версты).

Такимъ образомъ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за исключеніемъ пашни церковной, значилось 586,5 десят., въ томъ числѣ пашни паханой 199,5 дес. (199,5 : 387).

Въ вотчинѣ *Спасо-Прилуцкаго м—ря* была Игумнова слобода на Глубокомъ озерѣ съ сельцомъ Спасскимъ и Ильинскимъ погостомъ на рчк. Вотчицѣ. Въ сц. Спасскомъ описаны одна церковь холодная во имя Спаса Преображенія съ придѣломъ во имя св. Николая и другая теплая во имя Рождества Богородицы, обѣ «древяны клѣцки»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье Прилуцкаго м—ря монастырскихъ крестьянъ тоѣ жъ слободъскіе волости»; въ сц. былъ дворъ монастырскій да 2 кельи для житья «пріѣзжихъ старцевъ», и кромѣ того дворъ, въ которомъ жилъ попъ Иякимъ. На погостѣ была церковь во имя пророка Ильи «древяна клѣцки», въ ней «церковное всякое строеніе приходныхъ людей тоѣ жъ монастырскіе вотчины слободцкіе волости крестьянъ»; при церкви было три двора и двѣ кельи церковнаго причта, у котораго значилось 7,5 десятинъ пашни паханой и 11,25 десят. перелогомъ и лѣсомъ поросло. Угодій кромѣ сѣна и лѣса никакихъ не показано. Дворовъ крестьянскихъ перечислено 66 (въ нихъ 103 челов.) и бобыльскихъ 40 (въ нихъ 52 челов.). По количеству крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и людей въ нихъ Прилуцкій м—рь среди всѣхъ восьми описанныхъ м—рей занималъ первое мѣсто и, можно сказать, послѣднее по количеству пустыхъ дворовъ и мѣстъ: 1 дв. пустой въ д. Пархаевой, Парѳеновская тожъ, на р. Вели и одинъ въ д. Тундроватой; о первомъ замѣчено, что онъ «старые пустоты», о другомъ нѣтъ никакихъ указаній; кромѣ того значится по одному дворовому мѣсту въ д—яхъ Кремлевой и Тундроватой и два въ д. Паунитской на рчк. Вотчицѣ. Сѣно упоминается «по заполью», «межъ поль», «отхожее», «луговское болото», а лѣсъ «пашенный», «непашенный», «черный и болото». Описаніе не оговариваетъ ничего о документахъ м—ря на право владѣнія Игумновой слободой, а въ концѣ оговариваетъ только, что «по выписи съ писцовыхъ книгъ писма и мѣры Тимоѳея Безобразова да подьячаго Ивана Петрова 128 и 129-го году добрые и худые земли 400 ч. да церковные худые земли 12 чети,—и по новому писму и мѣрѣ прибыло въ той вотчинѣ сверхъ Тимоѳѣева писма Безобразова да, опричь церковные земли, добрые и худые земли 4 ч. съ осминою пашни». По нашему итогу прибыло земли не 4,5 ч., а 6,5 ч., ибо въ частичныхъ итогахъ писцовая книга насчитываетъ 62 ч. крестьянской доброй земли лѣсомъ поросшей, а самостоятельный подсчетъ по деревнямъ и пустошамъ даетъ 64 ч. Кромѣ того церковной земли надо считать не 12 ч., а 12 ч., съ осминою. Пашня, сѣно и лѣсъ сводятся въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ пашенный въ десят.	Лѣсъ въ верстахъ.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.			
Въ Троицкой трети въ верхнихъ станкахъ Игумнова слобода.	5 ц. х. 6,5 м. х. — 214 к. д.	3,5 ц. х. 1,5 м. х. 24 к. х. 54,5 к. д.	4 ц. х. 2 м. х. 40 к. х. 64 к. д.	155 (а по итогу писцовой 146).	21	36×19,25
Всего 1 сц., 1 погостъ, 19 дер. и 9 пустошей.	5 ч. 220,5 ч.	3,5 ч. 80 ч.	4 ч. 106 ч.	155	21	36×19,25 [1]
	Всего, кромѣ 12,5 ч. церков. пашни, 406,5 ч. въ кажд. полѣ, въ томъ числѣ 332,5 ч. д. з. и 74 ч. х. з.					

Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 800 ч. х. з. въ соху можно высчитать полсохи (300 ч. д. з.) и пол-полчети (37,5 ч. д. з.), и пол-полтрети (66⅔ ч. х. з.), и не дошло въ сошное письмо 5 ч. д. з. (337,5—332,5), перешло худой земли 7⅓ ч. Счетъ писцовой книги иной: полсохи, пол-полчети, пол-пол-полтрети и пол-пол-полчети, а перешло 5,5 ч. д. з., и не дошло одной чети худой земли.

Какъ видно изъ таблицы всего земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за исключеніемъ пашни церковной, значилось 609,75 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 330,75 дес. (330,75 : 279) [2]).

Въ *м—рѣ Лопотова пустыня*, что на р. Пельшмѣ, описаны одна церковь во имя Соборъ пречистой Богородицы холодная, «шатрова въ верхъ», другая во имя Григорія пельшемскаго чудотворца и третья теплая «съ трапезою» во имя Усѣкновеніе главы Ивана Предтечи; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское». На м—рѣ значится 6 келей, въ которыхъ живутъ игуменъ Сераѳіонъ да 14 старцевъ (единственное указаніе на число монаховъ, встрѣтившееся при обзорѣ описаній 11 монастырей на Вологдѣ); за м—ремъ 1 дв. конюшенный да 1 дв. коровій, а на р. Пельшмѣ мельница—«мелютъ однѣми жерновы на монастырской обиходъ». Монастыр-

[1]) Общій итогъ писцовой книги 36×20,5; нашъ итогъ по способу писцовой 36×19,25; дѣйствительный итогъ составляетъ 56,25 кв. в. (на современный счетъ 225 кв. верстъ).

[2]) См. выше въ I-мъ раздѣлѣ замѣчанія о дворахъ и лавкахъ Прилуцкаго м-ря на Вологдѣ, также на стр. 4 въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ по исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго Приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ» (Спб. 1906), гдѣ упоминается отъ 30 мая 135-го г. дѣло вологжанина Ивана Розварина съ игуменомъ Прилуцкаго м-ря Питиримомъ о сц. Пятницкомъ.

скіе ѣзы и рыбныя ловли обложены платежемъ оброка по 14 алтынъ на годъ; описаніе представляетъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) «монастырскіе рыбные ловли въ р. въ Пелшмѣ подъ м—ремъ и около м—ря вверхъ и внизъ покамѣста монастырская земля и воды» и 2) «къ монастырю жъ на р. на Сухонѣ подъ ихъ монастырскими деревнями, да подъ д. Ползоновою, подъ д. Селищи два ѣза, да рыбные ловли въ р. Двиницѣ покамѣста монастырская вотчина земля и воды, да ѣзъ Быковецъ въ р. въ Двиницѣ». Въ Пельшемской же волости за м—ремъ было сц. Середней Погостъ, въ которомъ были одинъ храмъ холодный «въ верхъ» во имя св. Николая, другой теплый «съ трапезою» во имя св. Димитрія Селунскаго; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей»; дворовъ церковнаго причта—4 (въ первомъ попъ Иванъ Игнатьевъ, въ послѣднемъ проскурница *старица* Ѳедулѣя), кромѣ того «у церкви 4 кельи, живутъ въ нихъ нищіе, питаютца отъ церкви божіи»; церковной пашни у нихъ 12 десятинъ пашни доброю землей. Въ томъ же сельцѣ у монастыря былъ дворъ, въ которомъ жилъ дворникъ, да 6 дворовъ монастырскихъ дѣтенышей (жило ихъ 7 челов.). Затѣмъ за м—ремъ значится въ Замошской волости село Покровское, что была дер. Вралова; въ немъ описаны одна церковь во имя Покрова Богородицы «древяна шатрова», а другая «древяна жъ, теплая, съ трапезою» во имя св. Николая; вся обстановка и церковныя принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей тое жъ Замошскіе волости розныхъ помѣстей и вотчинъ крестьянъ». На погостѣ было 3 двора церковнаго причта и одна келья просвирня, да кромѣ того 16 келей, въ которыхъ «живутъ *старицы* нищіе, питаютца отъ церкви божіи». Церковной пашни означено 12 десятинъ доброю землей. М—рь держалъ въ селѣ Покровскомъ дворъ, въ которомъ жилъ старецъ посельскій; на попеченіи его были пять дворовъ монастырскихъ дѣтенышей. Что касается общаго количества крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ за м—ремъ во всѣхъ пяти волостяхъ, то оно выражается, сравнительно съ общимъ количествомъ земли у м—ря, въ небольшихъ цифрахъ, гораздо меньшихъ, чѣмъ въ описаніи Прилуцкаго м—ря съ меньшимъ количествомъ земли, а именно 15 дв. кр. (людей 32) и 11 дв. бобыл. (людей 15). Пустыхъ дворовъ насчитывается 10, объ одномъ изъ которыхъ замѣчено, что опустѣлъ со 136-го г., о другомъ—,что со 134-го г., о трехъ—,что запустѣли «отъ козачья розоренья», о трехъ,—что «старые пустоты»; наконецъ, о двухъ просто оговорена пустота, а въ пустоши, что было сц. Сторожево, на рчк. Кобылинѣ отмѣчены два мѣста церковныхъ старой пустоты (въ Двиницкой волости). Сѣно описывается въ разнообразныхъ выраженіяхъ: «промежъ пашни», «промежъ пашни около поль», «промежъ пашни и по лугомъ», «озерина». Къ монастырю въ Пельшем-

ской волости приписаны были отдаленныя отхожія пожни, а самое описаніе очень сложно (напр., «сѣно по р. по Пелшмѣ внизъ по обѣ стороны до Холуя и до Долхи до пелшемсково розмежя и до р. до Глушицы...., да на р. на Сухонѣ на лугу...., да посередъ осинника Загосткина перевѣсья...., да на р. на Двиницѣ повыше вывоза Корбанского»): въ отношеніи лѣса разъ встрѣчается уже упоминавшійся выше терминъ «подскотина»: «лѣсу подъ с. Враловымъ черново и *подскотины* [1]) около поль....". Описанная монастырская вотчина въ пяти волостяхъ писана по г—вѣ жалованной грамотѣ великого князя Василья Ивановича всеа Русіи 7035-го года и «на ней же подписано имя г—ря, царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, за приписью дьяка Василья Семенова, 124-го году». Описаніе вотчины Лопотова м—ря нѣкоторыми деталями значительно отличается отъ другихъ описаній. Вопреки другимъ описаніе точно обозначаетъ число монаховъ и монастырскихъ дѣтенышей, отмѣчаетъ при церквахъ цѣлыхъ 20 келей для нищихъ, изъ коихъ 16 образуютъ какъ бы своего рода женскій м—рь; рыбными ловлями и двумя ѣзами м—рь не владѣетъ безоброчно; указанія, что рыбу ловятъ на монастырскій обиходъ нѣтъ, вмѣсто того встрѣчаемъ оговорку о платежѣ м—ремъ годового оброка.

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. доб. земли въ сошу высчитано полчети сохи (75 ч.), и не дошло 2,5 ч.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.			
I. Въ Боровицкой волости (3 дер. и 1 починокъ).	39 к. д.	22,5 к. д.	11 к. д.	115	5×3 [2])	
II. Въ Пельшемской волости (1 сц., 1 дер. да 3 пуст.).	8 ц. д.	—	—	429 [3])	15×10,5 [4])	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 700 ч. с. з. въ сошу можно высчитать во всѣхъ трехъ поляхъ: полтрети сохи, и не дошло въ сошное письмо 9 1/3 ч. с. з. $\left(\frac{1}{12}=50\right.$ ч. д. з.; $\frac{1}{12}=58\frac{1}{3}$ ч. з. с.; $58\frac{1}{3}-49=$ $=9\frac{1}{3}$ ч. с. з.). Писецъ ошибочно положилъ въ сошное письмо церковную пашню, когда приставивать: „и перешло сверхъ сошного письма 8 ч. добрые земли".
	30 м. д.	20 м. д.	—			
	20 м. с.	—	—			
	15 к. с.	4 к. с.	10 к. с.			
Всего....	8 ч.	—	—			
	65 ч.	24 ч.	10 ч.			
	Всего 99 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 8 ч. церковн. пашни.					

[1]) См. выше въ описаніи вотчины Александровой пустыни упоминаніе о „подскотинѣ".

[2]) А по итогу самой писцовой книги 3×2 вер.

[3]) „ „ 378 коп.

[4]) „ „ 14×9,5 вер.

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
III. Въ Замошской волости (1 село, 2 дер. да 5 пуст.)	8 ц. д. 16 м. д. 30 к. д. —	— — 17 к. д. 15 к. х.	— — 22 к. д. 69 к. х.	198[1]	14×8,5	Сошнаго письма можно высчитать: полтрети (50 ч. д. з. и 66⅔ ч. х. з.), пол-полчети (37,5 ч. д. з.) и пол-пол-полчети (25 ч. х. з.), и не дошло доброй земли 2,5 ч. (50+37,5 =87,5; 87,5—85 = 2,5), а худой земли 7½ ч. (66⅔+25=91⅔; 91⅔-84=7⅓). Писцомъ ошибочно считаны 8 ч. церковной пашни.
Всего....	8 ч. 46 ч.	— 32 ч.	— 91 ч.			
	Всего 169 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 8 ч. церковн. пашни.					
IV. Въ Двиницкой волости (8 пустошей).	2 к. х. (наѣздомъ).	31 к. х.	75 к. х.	63	13,5×9	Сошнаго письма высчитано: полчети сохи (100 ч. х. з.), и нерешло сверхъ сошн. письма 8 ч. худой земли.
V. Въ Засодемской волости (3 дер. 7 пустош.)	51 к. д. —	30 к. д. 42,5 к. с.	35 к. д. 79,5 к. с.	183	11,5×6,5	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 700 ч. с. з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: четь сохи (75 ч. д. з. и 87,5 ч. с. з.), пол-полчети (37½ ч. д. з.) и пол-пол-полтрети (29⅙ ч. х. з.), и не дошло доброй земли 3,5 ч. и худой земли 5⅓ ч.
	51 ч.	72,5 ч.	114,5 ч.			
	Всего 238 ч. въ каждомъ полѣ.					
Всего въ 5 волостяхъ.	16 ч. 203 ч.[2]	— 182 ч.	— 301,5	928	64×37,5	
	Всего 686,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 16 ч. церковной пашни.					

Наши итоги самостоятельно подсчитанные не совсѣмъ сходятся съ итогами самой писцовой книги, какъ видно изъ соотвѣтственныхъ примѣчаній къ таблицѣ [3]). Какъ и въ другихъ случаяхъ счетъ лѣса представляется крайне фантастическимъ по своимъ размѣрамъ. Дѣйствительный итогъ лѣса по даннымъ описанія составляетъ 105 кв. в. (на современный счетъ 420 кв. верстъ). Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за исключеніемъ пашни церковной, значилось 1029,75 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 301,5 десятинъ (301,5 : 728,25). Исчерпавъ содержаніе писцоваго матеріала 1628—1630 г.г. въ отношеніи *второй* группы

---

[1]) А по итогу самой писцовой книги 156 коп.

[2]) Здѣсь заключается также 2 ч. земли паханой наѣздомъ.

[3]) Рядъ разнообразныхъ неточностей можно наблюдать и въ итогахъ по статьѣ счетъ сошнаго письма. Оговаривать здѣсь каждую мелочь нѣтъ возможности.

вологодскихъ монастырей, представляемъ цифровыя отношенія пашни паханой и пашни перелогомъ съ лѣсомъ поросшей въ нижеслѣдующей сводной таблицѣ:

Монастыри.	Пашня въ десятинахъ.			Сѣно въ копнахъ.	Отношеніе пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ поросшей.
	Паханая.	Наѣздомъ.	Перелогъ и лѣсомъ поросло.		
1. Подольный (570 дес.).	$208_{,5}$	—	$361_{,5}$	1187	$57_{,7}$%
2. Катромскій ($586_{,5}$ дес).	$199_{,5}$	—	$387_{,0}$	124	$51_{,6}$%
3. Спасо-Прилуцкій ($609_{,75}$ дес.).	$330_{,75}$	—	$279_{,0}$	155	$118_{,5}$%
4. Лопотовъ ($1029_{,75}$ дес).	$301_{,5}$	$3_{,0}$	$725_{,25}$	928	$41_{,6}$%
5. За всѣми вмѣстѣ (2797 дес.)	$1041_{,25}$	$3_{,0}$	$1752_{,75}$	2364	$59_{,4}$%

IV.

Переходимъ къ третьей и послѣдней группѣ изученныхъ нами описаній вологодскихъ монастырей. Это—три монастыря, за каждымъ изъ которыхъ значится по описи свыше 1000 десятинъ пашни. 1) Спасо-Еѳимьевъ м—рь, что на Сянжемѣ, въ Халовскомъ станкѣ Сянжемской волости, позднѣе погостъ Ефимовъ м—рь въ Кадниковскомъ уѣздѣ (кн. 14720, 1-ая полов., л.л. 791—804), съ землями кромѣ того въ Рубежскомъ станкѣ той же волости (кн. 14721, л.л. 845—861), въ Ѳедосѣевской волости (кн. 14720, л.л. 631—641), въ Васьяновской волости (кн. 3, подъ № 321) и въ Мануиловской волости въ Ратинѣ (кн. 14721, л.л. 1512 об.—1513). Вотчины Ефимьева м—ря сосредоточивались въ сѣверо-восточномъ углу Кадниковскаго уѣзда, приближаясь къ границамъ Вельскаго и Тотемскаго уѣздовъ и нѣсколько входя въ первый, по рр. Кубенѣ, Сянжемѣ и Нишмѣ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», т. VII, подъ №№ 4281, 4286, 4289, 4291—4293, 4297, 4299, 4300, 4303—4307, 4039, 4314—4316, 5058—5060, 5375—5377, 5379, 5381—5384; см. на спец. картѣ Евр. Россіи по р. Кубенѣ д.д. Ивановская, Пуронга, Погребное, Худяковская, Коскова, Полуяниха, Кочержиха, Борокъ, по рр. Сянжемѣ и Большому Пунголу д.д. Ларіониха, Бѣлчевская, Бѣлова, Ивановская, Шубачева, Жаръ, Боръ, Оноскина,—у рр. Нишмы и Сондушки д.д. Пирогова, Голузина, Ѣздунья, Сидорова,

Евсютина и близъ р. Бохтюги Райново). 2) Глушицкій м—рь на рр. Глушицѣ и Сосновцѣ въ Бохтюжской волости (кн. 14726, л.л. 199—266) и частью въ Двиницкой волости (кн. 14720, л.л. 122 об.— 125). Вотчина Глушицкаго м—ря сплошною массой расположена была по обоимъ берегамъ р. Глушицы до Сухоны, входя почти въ равныхъ частяхъ въ нынѣшніе Вологодскій и Кадниковскій уѣзды, особо откинута была д. Княжева на востокъ до р. Двиницы (срв. «Списки нас. мѣстъ», т. VII, подъ №№ 145, 178, 182, 183, 186, 188, 189—д.д. Шера, Присѣдкина, *Савкина*, Гладкина, *Алексѣйцова*, Иванкова, *Коншина* и подъ №№3640—3644, 3646—3651, 3653—3664, 3680, 3682, 3696 и 4565—д.д. *Нифанова*, *Заболотье*, *Козмодемьяновское*, Куземкина, Высокая, *Герасимова*, *Безсолова*, *Дресва*, Пустынь, Выползова, *Рыкуля*, *Горка*, *Середняя*, Рылова, *Труфанова*, *Меженина*, *Антуфьева*, *Игумновъ починокъ*, Кромина, Кокошилова, *Великій Дворъ*, Ильинское, *Бильцева*, Семенкова; см. на спец .картѣ названія деревень, напечатанныя выше курсивомъ). 3) Спасо-Каменный м—рь имѣлъ вотчины въ предѣлахъ нынѣшнихъ Кадниковскаго и частью Вологодскаго уѣздовъ вблизи и частью по берегу Кубенскаго озера (низовья Ухтюги, Кубены и Сухоны, по р. Кихтѣ, а также по р. Нодимѣ, впадающей въ Двиницу) въ волостяхъ Уточенской (кн. 66, подъ № 18), Корнской (кн. 66, подъ № 36), Богословское Заболотье (кн. 66, подъ № 99), Грибцовской, Бохтюжской (кн. 14726, л.л. 178—199) и Засодимской (кн. 14726, л.л. 648—664). Топографическое пріуроченіе мѣстами крайне затруднено и очень приблизительно; болѣе грубыя ошибки могутъ быть исправлены лишь при общей разработкѣ исторической карты древняго Вологодскаго уѣзда, въ составъ котораго входили нынѣшніе Вологодскій, Кадниковскій и отдѣльные кусочки Вельскаго и Тотемскаго уѣздовъ. Вообще топографическое пріуроченіе для изученныхъ м—рей въ настоящемъ этюдѣ не окончательное и при дальнѣйшей работѣ можетъ испытать рядъ поправокъ. Однако и при грубомъ нанесеніи монастырскихъ территорій на современную карту получаемъ довольно выразительную картину. Описанія самого Каменнаго м—ря не удалось найти, а въ шести описаніяхъ его вотчинъ нѣтъ даже никакой ссылки на то, гдѣ таковое описаніе слѣдуетъ искать (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», т. VII, подъ №№ 135, 136, 139—142, 146, 147, 149, 150, 152, 153, 162, 163—д.д. Прилуки, Кузнецово, Верхотина, Зубарева, Линякова, Власьева, Гульева, Тетерина, Пахотина, Кочеватикъ, Клыжова, Большой Дворъ, подъ №№ 3825, 3826, 3828—-д.д. Лагирева, Колябина, Борщева, подъ №№ 3818—3822—д.д. Шилова, Кокошильница, Лебзова, Васильевское, Ивановское, подъ №№ 3816, 3817, 3830, 3832, 3792, 3795, 3827—д.д. Шевцова, Сопятина, Боярское, Лахмукуры, Подольное, Рудина и Наволокъ на р. Кубенѣ), подъ №№ 4019—4023 д.д. Волосова, Сенина,

Кожевникова, Вечеслово, Пантелѣева, подъ №№ 4227—4228—с. Воздвиженское и д. Дементьева). Въ приведенное перечисленіе, какъ вездѣ и ранѣе, входитъ, конечно не весь топографическій матеріалъ писцоваго описанія, а лишь тотъ, который нашелся въ «Списках населенныхъ мѣстъ» и на спеціальной картѣ.

Въ *Спасо-Еуѳимьевъ м—рѣ* на р. Сянжемѣ въ Халовскомъ станкѣ описаны: одна церковь теплая «съ трапезою» во имя Вознесенія, а другая холодная во имя Еуѳимія и Харитона сянжемскихъ чудотворцевъ; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское»; на м—рѣ 11 келей, въ которыхъ живутъ игуменъ и братія, да за м—ремъ дворъ конюшенный; противъ м—ря за р. Сянжемой мельница «объ однихъ колесахъ» да толчея («мелютъ и толкутъ на монастырской обиходъ безоброчно») и кромѣ того солодовня да кузница. Въ четырехъ сельцахъ монастырскихъ значится по одному двору монастырскому (въ сц. Боръ Коровій кромѣ того одинъ дворъ коровій), живутъ въ нихъ старецъ посельскій, старецъ да монастырскіе дѣтеныши; число монастырскихъ дѣтенышей по обыкновенію не указано. Въ Ѳедосѣевской волости указано одно сц. Косиковское «пусто—а въ немъ дворъ пустъ монастырской»; пашню въ немъ пашутъ *наѣздомъ* 9 десятинъ худой земли при 6 десятинахъ перелога и лѣсомъ поросшей. Въ деревняхъ насчитано 10 дворовъ пустыхъ и одно мѣсто дворовое «старые пустоты»: въ томъ числѣ дворовъ «старые пустоты»—3, пустыхъ со 135-го г.—1, со 137-го г.—1, со 138-го г.—2, безъ указанія срока—1; затѣмъ въ д. Пироговѣ одинъ «дворъ пустъ Тимошки Зотикова зъ братьи, живетъ на Вологдѣ на монастырскомъ дворѣ въ дворникахъ» и наконецъ въ д. Погребное одинъ „дворъ пустъ Ермачка [1]) Яковлева, вышелъ въ монастырскую деревню Худяковскую», принадлежавшую тому же м—рю и находившуюся въ той же Ѳедосѣевской волости. Д. Пирогова описана какъ пустая, и пашня въ ней пахалась *наѣздомъ* (7,875 десятины доброй земли). Вотчина Ефимьева м—ря описывалась въ 138-мъ г., городъ Вологда въ 135-мъ г., быть можетъ разницей этихъ сроковъ описанія объясняется то обстоятельство, что въ данныхъ описанія г. Вологды, приведенныхъ выше въ I-мъ раздѣлѣ нашего этюда, не встрѣчаемъ ни дворника Т. Зотикова, ни монастырскаго Ефимьева двора на Вологдѣ. Всего насчитано за м—ремъ 50 дворовъ крестьянскихъ (людей въ нихъ 94 челов.) да 24 двора бобыльскихъ (людей въ нихъ 46 челов.). При описаніи сѣнныхъ угодій въ Ѳедосѣевской волости къ д. Погребное упоминаются двѣ *закладныя* пожни: «сѣна у ѣзу по Кубеницѣ... да на закладной пожнѣ Высокой понижъ Першина ѣзу 3 копны, да на

[1]) Въ дер. Худяковской значатся живущими въ одномъ дворѣ Кирилко Яковлевъ съ братомъ съ *Ермолкою* Яковлевымъ; послѣдній и есть выходецъ изъ д. Погребное, жившій уже не отдѣльнымъ дворомъ.

закладной же пожнѣ на броду 3 копны» (срв. упоминанія о «сокольничьихъ деревняхъ» близъ сц. Боръ Коровій и о «подскотинѣ» и «осиновой площади» у сц. Шишакова). Въ Мануиловской волости въ Ратинѣ у м—ря была д. Райнова, Ратина тожъ. Лѣсъ къ ней описанъ безъ упоминанія какой-либо мѣры, а такъ: «лѣсу черного и болота по Рубежской дорогѣ до рчк. до Шиченги, а по другую сторону по рчк. по Бохтюгѣ до тое жъ рчк. до Шиченги». Вотчина писана за м—ремъ «вовсѣхъ волостяхъ по г—вѣ жалованной тарханной грамотѣ, за приписью дьяка Прокоѳья Пахирева, 132-го году, а прежнихъ г—выхъ грамотъ и писцовыхъ выписей игуменъ и братія на тоѣ монастырскою вотчину не положили»; съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ этой отмѣткѣ въ другомъ случаѣ замѣчено, что вотчина писана также «по приправочнымъ книгамъ, каковы даны писцомъ для приправки, за діячьею приписью, 123-го году» (при описаніи трехъ д—нь на р. Кубенѣ въ Васьяновской волости). Вездѣ при упоминаніи приправочныхъ книгъ значатся именно книги 123-го года. Что касается лѣсныхъ угодій, то таковыя высчитаны въ очень крупныхъ, фантастическихъ размѣрахъ, какъ уже приходилось отмѣчать и ранѣе. Если пользоваться тѣми техническими пріемами исчисленія лѣса, какими обыкновенно пользуется сама писцовая книга, то окажется что за м—ремъ числилось ни много, ни мало какъ 11312,5 квад. верстъ, не считая лѣса при д. Райновой ($62{,}5.2 \times 45{,}25.2 = 11312{,}5$ кв. в.); технически правильно высчитанный итогъ лѣса даетъ 272,75 кв. в. (на современный счетъ 1091 кв. в.). Для окончательнаго уясненія точности или фантастичности разнообразныхъ цифръ, приводимыхъ обыкновенно писцовыми книгами, необходимо не только сопоставленіе ихъ съ цифрами отдѣльныхъ грамотъ и актовъ и съ матеріаломъ столбцовъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ Помѣстнаго приказа, но и съ новѣйшими пространственными исчисленіями территоріи Европейской Россіи и детальными по части лѣса, луговъ, болотъ, пашни и т. д. Пашню, сѣно и лѣсъ Ефимьева м—ря сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	Сошная письма можно высчитать четь ($\frac{1}{8}$ = 75 ч. д. в. $\frac{1}{8}$ = 87,5 ч. с. в.) и пол-пол-чети сохи ($\frac{1}{16}$ = 43,75 ч. с. з.), а по дошло $1\frac{1}{4}$ ч. д. в. (75 — 64 = 11 ч.) и 8,75 ч. с. в. (87,5 + 43,75 = 131,25; 131,25 — 122,5 = 8,75).
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
I. Въ Сянжемской волости въ Халовскомъ станѣ (2 сельца, 9 деревъ. и 1 починокъ).	9 м. д. 25 к. д. 55,5 к. с.	1 м. д. 11,25 к. д. 25 к. с.	2 м. д. 15,75 к. д. 42 к. с.	— — —	682	$36{,}5 \times 23{,}5$	
	89,5 ч.	37,25 ч.	59,75 ч.				
	Всего 186,5 ч. въ каждомъ полѣ.						

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
II. Въ Санжемской волости въ Рубежскомъ станѣ (2 сц., 6 дер. живущихъ, 1 дер. пустая и 10 пуст.).	45 м. д. 4 к. д. 77,25 к. с. —	14 м. д. — 32 к. с. 34,75 к. х.	11 м. д. — 35 к. с. 92 к. х.	— 5,25 к. д. — 15 к. х.	328	24,5×19,75	Сошнаго письма высчитано полчети (75 ч. д. з.), полтрети (116⅔ ч. с. з.), пол-полтрети (29⅙ ч. с. з.) и полтрети (133 ч. х. з.), что и составить подсохи $\left(\frac{1}{8}+\frac{1}{6}+\frac{1}{6}+\frac{1}{24}\right)$. Перешло доброй земли 4,25 ч., худой земли 8⅓ ч., и не дошло 17½ ч. с. з.
	126,25 ч.	80,75 ч.	138 ч.	20,25 ч.			
	Всего 365,25 ч. въ каждомъ полѣ.						
II. Въ Ѳедосѣевской волости (7 дер., 1 сельцо и 5 пуст).	— 27,5 к. д. 35 к. с.	1,5 м. х. 10,5 к. д. 16,625 к. с. 9,3 к. х.	2,5 м. х. 16 к. д. 34,125 к. с. 41,25 к. х.	6 м. х. — — 5 к. х.	199	2×2	Сошнаго письма высчитано полчети $\left(\frac{1}{8}=8\frac{1}{2}\text{ ч. с. з.}\right)$, пол-полтрети $\left(\frac{1}{12}=50\text{ ч. д. з.}\right)$ и пол-полчети сохи $\left(\frac{1}{16}=50\text{ ч. х. д.}\right)$, и перешло 4 ч. д. з. и 15,75 ч. х. з. а не дошло 1,75 ч. с. з.
	62,5 ч.	38,125 ч.	93,875 ч.	11 ч.			
	Всего 205,5 ч. въ каждомъ полѣ.						
IV. Въ Васьяновской волости (3 дер. живущихъ.)	29,5 к. д.	25,5 к. д.	25 к. д.	—	34	—	Сошнаго письма высчитано полчети сохи (75 ч. д. з.), и перешло 5 ч. пашни.
V. Въ Мануиловской волости въ Ратинѣ (1 дер.)	6 к. с.	4 к. с	6 к. с.	—	20	Лѣсъ не высчитанъ въ верстахъ.	Сошное письмо въ текстѣ писцовой книги *не* высчитано вовсе. Изъ расчета 700 ч. с. з. въ соху можно высчитать полпол-полчети сохи (21⅞ ч. с. з.), и перешло шесть чети безъ четверика пашни.
Всего въ пяти волостяхъ.	313,75 ч.	185,625 ч.	322,625 ч.	31,25 ч.	1263	63×45,25	
	Итого 853,25 ч. въ каждомъ полѣ. [1]						

Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, значилось 1279,875 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 470,625 десят. (470,625 : 809,25).

Глушицкій м—рь описанъ въ формѣ двухъ отдѣльныхъ м—рей «большого» и «меньшого»: 1) м—рь «большой»—на рчк. Глушицѣ въ память Діонисія и Амфилохія глушицкихъ чудотворцевъ, въ немъ одна церковь во имя Покрова Богородицы и другая во имя св. Николая «съ трапезою», обѣ «древяны въ верхъ», на м—рѣ «колоколница рубленая на пять колоколовъ»; 2) м—рь «меньшой» на рчк. Сосновцѣ, «гдѣ лежать

[1]) Итогъ самой писцовой книги нѣсколько иной, а именно: 186,5+365,5+202+80+16=850 ч. (разница въ 3,25 ч.).

преподобные чюдотворцы Дионисей и Аѳанасій глушицкіе», въ немъ одна церковь во имя Ивана Предтечи, другая во имя преп. Діонисія глушицкаго чудотворца, обѣ «древяны въ верхъ», да еще третья церковь «съ трапезою» во имя Благовѣщеніе Богородицы, «древянъ клѣцки». Во всѣхъ трехъ церквахъ вся церковная обстановка и принадлежности, не исключая колоколовъ,—«строенье прежнихъ государей». Въ обоихъ монастыряхъ значатся 1 келья игуменская, келья келарская, келья строителева да 10 келей братскихъ и хлѣбня. У «большого» м—ря были одинъ дворъ конюшенный и на рчк. Глушицѣ мельница и толчея («мелятъ и толкутъ на монастырской обиходъ безоброчно»). Рыбныя ловли и три ѣза у Глушицкаго м—ря были на р. Сухонѣ и на Кубенскомъ озерѣ, описаны они съ большою топографической подробностью: «рыбные ловли по р. по Сухонѣ подъ Кабаномъ, и на Козланѣ плесѣ, и на Падѣ, и подъ Гостищемъ и Бояриновымъ, и подъ Василевымъ наволокомъ, и подъ Вострымъ, и на Липѣ усть Совы рѣчки,—да на р. на Сухонѣ подъ Широю деревнею (эта деревня имѣется на спец. картѣ Евр. Россіи) ѣзъ, да у Кубенсково озера въ устьѣ ѣзъ же, да усть рѣчки Нодимки отъ р. Двиницы ѣзъ же; а у тѣхъ рыбныхъ ловель на р. на Сухонѣ на Кабанѣ на Костентиновѣ лугу дворъ монастырской». Рыба ловилась м—ремъ безоброчно, и описаніе оговариваетъ при этомъ, что «по игуменской скаскѣ зъ братьею въ тѣхъ ловляхъ ловятъ рыбу на монастырской обиходъ безоброчно, а оброчные грамоты на тѣ ловли передъ писцовъ не положили». При описаніи упомянутой выше деревни Ширы на р. Сухонѣ писецъ сдѣлалъ еще особую отмѣтку: «да за р. за Сухоною противъ Ширского поля Глушицкого жъ м—ря въ угодьяхъ истокъ Кабанъ, течетъ изъ Сухоны, обшолъ кругомъ острова на версту и выпалъ въ Сухону жъ рѣку, а на острову дворъ монастырской на пріѣздъ ловцомъ, а рыбу ловятъ на монастырской обиходъ». Довольно неясно отношеніе приведенныхъ двухъ отмѣтокъ писца другъ къ другу: говорится ли во второмъ случаѣ о другомъ монастырскомъ дворѣ или же здѣсь просто дальнѣйшее распространеніе предшествующаго описанія, вызванное описаніемъ д. Ширы, которая была ранѣе только упомянута? Скорѣе надо думать, что рѣчь идетъ о двухъ монастырскихъ дворахъ, построенныхъ исключительно на *пріѣздѣ* рыбныхъ ловцовъ Это было необходимо въ виду того, что д. Шира находилась нѣсколько вдали отъ главной массы монастырскихъ земель въ Бохтюжской волости, врѣзавшись въ вотчинныя земли Спасо-Каменнаго м—ря. Въ вотчинномъ владѣніи Глушицкаго м—ря, между прочимъ, перечислены: 1) село Кузмодемьянское на рчк. Фофангѣ (см. на спец. картѣ), въ которомъ одна церковь во имя свв. Козмы и Дамьяна «древяна въ верхъ» и другая во имя страстотерпца Георгія «древяна же клѣцки»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье приходныхъ людей»; въ селѣ значится одинъ

дворъ монастырскій, въ которомъ жили старецъ и дѣтеныши (число ихъ не указано), кромѣ того особо оговорены два двора монастырскихъ дѣтенышей (людей въ нихъ двое) и отмѣчено, что «кузмодемьянской попъ въ д. Кузминѣ», каковая и описывается далѣе подъ именемъ «церковной деревни Куземкиной»: въ ней жили во дворѣ попъ Илья, во дв. церковный дьячокъ, да во дв. монастырскій дѣтенышъ; 2) монастырское село Погостъ Ильинской, Великій Дворъ, съ храмомъ во имя пророка Ильи и съ церковнымъ мѣстомъ Леонтія ростовскаго чудотворца; весь церковный обиходъ—«строенье приходныхъ людей монастырскихъ крестьянъ того жъ сельца и деревень»; въ селѣ поименованы отдѣльными дворами попъ Десятой Ивановъ, попъ Денисъ Ивановъ, дьяконъ Ѳедоръ Ивановъ [1]), понамарь и просвирня, и кромѣ того 4 кельи, «живутъ въ нихъ нищіе, питаютца отъ церкви божіи»; на весь этотъ церковный причтъ приходится пашни доброй земли 30 десятинъ. Описаны затѣмъ три сельца: 1) Горка на рчк. Глушицѣ, гдѣ значились 1 дворъ монастырскій (живетъ старецъ съ дѣтенышами, число которыхъ не показано), и 1 дворъ коровій; Древства на рчк. Глушицѣ, что былъ починокъ,—«въ немъ живетъ старецъ и дѣтеныши» и наконецъ Иванково на р. Бохтюгѣ, въ которомъ также одинъ дворъ монастырскій, живутъ въ немъ монастырскіе дѣтеныши и число ихъ опять не указано, если только о количествѣ вообще монастырскихъ дѣтенышей за Глушицкимъ м—ремъ не представлять себѣ нѣсколько по цифрамъ монастырской пашни (см. далѣе таблицу). Монастырскіе дѣтеныши жили кромѣ того въ монастырской дер. Рыкулѣ на рчк. Глушицѣ (въ трехъ дворахъ; сколько людей неизвѣстно), въ дер. Веретеѣ на рчк. Глушицѣ и Пахтинкѣ (два челов. въ двухъ дворахъ) и въ дер. Кроминой (въ 5 дворахъ шесть челов.); въ этой послѣдней деревнѣ переписано кромѣ того 4 монастырскихъ слуги въ 4 дворахъ; двое монастырскихъ слугъ значатся еще въ двухъ дворахъ д—ни Кокошиловой на рчк. Глушицѣ. Этимъ исчерпывается населеніе, непосредственно входившее въ составъ монастырскаго хозяйственнаго распорядка. Пустыхъ дворовъ значится въ вотчинѣ Глушицкаго м—ря только одинъ въ дер. Куземиной на рчк. Фофангѣ, при чемъ не означено срока, съ котораго онъ запустѣлъ; зато пустыхъ мѣстъ дворовыхъ перечислено 12, и всѣ они въ пустошахъ Кстиловой, Токаревой, Заболотье и Билковой, что *были деревнями*, при чемъ въ двухъ первыхъ изъ нихъ пашню пашутъ *наѣздомъ*. Въ пустоши, что была деревня, Билковой поименованы два мѣста дворовыхъ Спирки Корѣлы да Панки Корѣлы, обращающихъ на себя вниманіе по прозваніямъ крестьянъ, въ которыхъ можно усматривать этнографическій терминъ, если сопоставлять ихъ съ данными источниковъ, говорящихъ о такъ называемомъ «корельскомъ

[1]) Быть можетъ трое братьевъ, съ удобствомъ размѣстившихся въ одномъ селѣ.

выходѣ». Всего жилыхъ крестьянскихъ дворовъ записано за м—ремъ 61 (людей въ нихъ 87) и бобыльскихъ 32 (людей въ нихъ 40); въ числѣ этихъ 40 бобылей выдѣлены три вдовы бобылки (одна изъ нихъ съ сыномъ), жившія особыми дворами. О документахъ, по которымъ вотчина была писана за м—ремъ, писецъ не сдѣлалъ обычной оговорки. Итоги пашни, сѣна и лѣса сводятся далѣе въ таблицу, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что и въ деталяхъ и въ общихъ цифрахъ наблюдается нѣкоторое разногласіе по сравненію съ итогами самой писцовой книги; въ нѣкоторыхъ случаяхъ цифры итоговъ самой писцовой книги явно ошибочны.

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ пашенный.	Лѣсъ въ верстахъ.
I. Въ Бохтюжской волости (2 села, 3 сельца, 1 дер. церковная, 22 дер. и 58 пустошей).	5 м. д. 112 м. с. 7 сл. с.[1] 20 ц. д. 301 к. д. 30 к. с. —	1 м. д. 29 м. с. — — 81,75 к. д. 39 к. с. —'	1 м. д. 42,25 м. с. — — 113,25 к. д. 195,25 к. с. 421 к. х.	— — — — — 7 к. с. —	890	22	25 десят. 44,5×37,75
	20ч. 455ч.	— 150,75ч.	— 772,75ч.	7 ч.			
	Всего 1385,5 ч.[2] въ каждомъ полѣ, кромѣ 20 ч. церковной пашни.						
II. Въ Двиницкой волости (1 дер.).	25 к. д.	8 к. д.	7 к. д.	—	35	—	1×1
А всего въ двухъ волостяхъ.	20 ч. 480 ч.	— 158,75ч.	— 779,75ч.	— 7 ч.	925†	22	25 дес. 45,75×38,75
	Всего 1425,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 20 ч. церковной пашни.						

I. Сошнаго письма изъ расчета въ соху 600 ч. д. в., 700 ч. с. в. и 800 ч. х. д. высчитано: полсохи (300 ч. д. в.), треть (200 ч. д. в.), полсохи (400 ч. х. в.), пол-пол-получети (25 ч. х. в.), полсохи (350 ч. с. в.), 1 олтрети (116⅔ ч. с. в.), и перешло 3 ч. д. в., не дошло 4 ч. х. в. и 5⅙ ч. с. в. или 2 сохи и пол-пол-получети сохи съ указанными поправками.

II. Сошнаго письма высчитано пол-полтрети сохи, и не дошло въ сошное письмо 10 ч. д. в. ($\frac{1}{12}$=50 ч. д. в.; 50 — 40 = 10).

†) А по итогу самой писцовой книги 555 копенъ.

[1]) т. е. пашни служни середнею землей.

[2]) А по итогу самой писцовой книги 1315 ч.

[3]) Технически правильно высчитанный итогъ лѣса, кромѣ означенныхъ особо 25 десятинъ, даетъ 75,25 кв. в., а на современный счетъ 301 кв. вер.

Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, насчитывается за м—ремъ 2138,25 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 720 десят. (720 : 1418,25).

Въ Бохтюжской волости, какъ указано выше, находился Глушицкій м—рь и «большой» и «меньшой». Въ концѣ описанія волости писцовая книга даетъ итоги, высчитывая ихъ для монастырскихъ земель особо. «И всего, читаемъ здѣсь, въ Бохтюжской волости монастырь большой да два монастыря меньшихъ, а въ нихъ семь церквей, келья игуменская, келья келарская, двѣ кельи строителевы, 12 келей братцкихъ, двѣ хлѣбни»... и т. д. Подъ вторымъ меньшимъ м—ремъ здѣсь разумѣется описанный въ *Спаса-Преображенія Каменнаго м—ря* вотчинѣ «монастырь общей во святой лукѣ». Описаніе же «большого» Каменнаго м—ря въ нашемъ источникѣ отсутствуетъ, несмотря на то, что нами изучены всѣ безъ исключенія описанія вотчинъ Каменнаго м—ря за 1628—1630 г.; подобрать ихъ можно было безъ особыхъ затрудненій, ибо описаніе вотчины въ одной изъ волостей обыкновенно сопровождается точнымъ указаніемъ описаній вотчинъ того же м—ря во всѣхъ другихъ волостяхъ вологодскаго края. Въ м—рѣ «во святой лукѣ» описаны одна церковь теплая «съ трапезою» во имя Срѣтенія и другая холодная во имя св. Николая; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье Каменнаго м—ря». На м—рѣ три кельи да хлѣбня, въ которыхъ живутъ Каменнаго м—ря старцы, строитель да хлѣбодаръ; за м—ремъ по одному двору конюшенному и коровьему, дворъ церковнаго дьячка да въ 4 дворахъ по дѣтенышу; попъ Григорій Васильевъ съ братомъ живетъ въ д. Зубаревой, починокъ Стребыковъ тожъ; въ д. Пахатиной на р. Сухонѣ одинъ пустой дворъ слуги монастырскаго. Изъ монастырскихъ угодій въ Бохтюжской волости подъ пустошами Большой Дворъ (Власково) и Мелентьева упоминается только озерко Шелпино: «въ немъ ловъ рыбы на монастырской обиходъ». Описавъ вотчину Каменнаго м—ря въ Корнской волости, писцовая книга, во-первыхъ, прибавляетъ, что за м—ремъ значатся еще сѣнные покосы около Кубенскаго озера «ни въ которой волости, ни къ которымъ селамъ и деревнямъ не приписаны, потому что отъ вотчинъ ихъ отъ волостей удалѣли»: на 8 пожняхъ у Кубенскаго озера сѣна ставилось свыше 248 копенъ. Во-вторыхъ, книга указываетъ здѣсь же на рыбныя ловли, что «ловятъ на монастырской обиходъ». На Кубенскомъ озерѣ «ходитъ неводъ да кореводъ, да двѣ лотки переметныхъ, да двѣ лотки лучебныхъ», на р. Кубеницѣ «ходятъ два невода для нелмушки», наконецъ на р. Сухонѣ «ходитъ неводъ, да два ѣза старыхъ пустыхъ». Эти сѣнные покосы и рыбныя ловли писаны за м—ремъ «по скаскѣ и по росписи за рукою Каменного м—ря архимарита Герасима зъ братьею». Въ числѣ сѣнныхъ покосовъ упоминается у Кубенскаго озера «*подъ монастыремъ*» пожня

Шія. Это указаніе не говоритъ ли за то, что описанія большого Каменнаго м—ря потому и нѣтъ въ нашемъ источникѣ, что м—рь отъ всякихъ волостей «удалѣлъ»? Описывать же его въ такомъ порядкѣ, въ какомъ это сдѣлано съ сѣнными покосами, только что указанными, для писцового описанія московскаго государства не представляло особаго интереса. М—рь стоялъ одиноко, и ни пашни, ни другихъ угодій около него не было (кромѣ, конечно, перечисленныхъ писцовою книгой). Въ волости Уточенской за м—ремъ описаны на оброкѣ старое мельничное мѣсто на р. Кихтѣ, озерко Токша близъ Кубенскаго озера, мельничное мѣсто на рчк. Черной позади д. Лахмукуры, пожня Труба, рѣчка Векса да пустошь Волкова у Соляного озерка; за все это архимандритъ съ братіей уплачиваютъ въ казну стараго оброка 4 руб. и новой наддачи 6 алт. 4 ден. въ годъ; угодья писаны на оброкѣ по г—вой грамотѣ, за приписью дьяка Павла Матюшкина, 125-го г.; грамота эта м—ремъ была предъявлена писцамъ. Въ той же волости за м—ремъ значилось село Дубленое или Кихть на рчк. Кихтѣ, въ которой былъ храмъ во имя Козьмы и Дамьяна «древянъ клѣцкій» съ церковной обстановкой «строенья приходныхъ людей, тое жъ монастырскіе вотчины крестьянъ»; въ селѣ былъ одинъ дворъ монастырскій—жили старецъ и дѣтеныши (число послѣднихъ не указано)—да по одному двору коровьему и конюшенному; церковный попъ Никита жилъ въ дер. Болдино (пашни паханой церковной было 7,5 десятинъ на 6 десятинъ перелога и лѣсной поросли). Кромѣ того за м—ремъ значились еще четыре сельца и село: 1) Кріушево на р. Кубеницѣ (въ Корнской волости), гдѣ во дворѣ монастырскомъ жилъ старецъ да во дворѣ коровьемъ дѣтеныши (число не показано); у с—ца по конецъ поля расположилась слободка Лахмокурья; ея населеніе составляли мастеровые люди и дѣтеныши, *«а пашни подъ ними нѣтъ»*, оговариваетъ при этомъ писцовая книга: въ семи дворахъ жило 8 человѣкъ, въ числѣ которыхъ особыми дворами жили двѣ вдовы; 2) Вечеслово, гдѣ во дворѣ монастырскомъ жилъ дворникъ съ сыномъ да въ двухъ дворахъ двое монастырскихъ служекъ; въ волости села Богословское Заболотье Каменный м—рь непосредственно примыкалъ къ землямъ Подольнаго м—ря (см. выше); перечисляя сѣно подъ п. Зародничье писцовая книга говоритъ, что за м—ремъ сѣна у Кубенскаго озера по р. Ухтюгѣ „въ межахъ Подолного [1]) м—ря вотчины зъ д. Ивановскимъ, а зъ другую сторону Рязановская пожня по кустамъ»; 3) Лагирево (въ Грибцовской волости), гдѣ былъ одинъ дворъ монастырскій, а жили въ немъ старецъ посельскій да дѣтеныши (число не показано); 4) Ивановское, гдѣ были одинъ дворъ монастырскій (жилъ дворникъ съ сыномъ) да одинъ дворъ монастыр-

[1]) Срв. д. Подольное въ Уточенской волости за Каменнымъ м-ремъ (на р. Кубеницѣ).

скаго служки; 5) село Воздвиженское (въ Засодимской волости) съ двумя церквами: одна холодная во имя Воздвиженія и другая теплая «съ трапезою» во имя св. Николая; всѣ церковныя принадлежности—«строенье монастырское и мірское тутошнихъ приходныхъ людей»; въ селѣ кромѣ двора монастырскаго и коровьяго насчитано три двора церковнаго причта и два двора монастырскихъ дѣтенышей (людей двое); къ этому селу, между прочимъ, приписана д. Зарѣчье (Зародничье) на рчк. Нодимѣ, въ ней «пашни паханые монастырскіе наѣздомъ, что пашутъ бобыли на монастырскихъ лошадяхъ», 20 десятинъ; въ самой дер. Зарѣчье записанъ только одинъ бобыль; это интересное указаніе на пріемы монастырскаго земледѣльческаго хозяйства вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о томъ, что тѣхъ или другихъ рабочихъ приходилось командировывать изъ другихъ населенныхъ мѣстъ; пашня *наѣздомъ* здѣсь значится не въ пустоши, а въ дер. живущей. Дворовъ служекъ монастырскихъ въ деревняхъ перечислено 8; изъ восьми людей въ нихъ одинъ служка «увѣчной»; въ дер. Кокошинецъ Корнской волости въ бобыльскихъ дворахъ означенъ одинъ монастырскій дѣтенышъ и въ дер. Дементьевой Засодимской волости во дворѣ крестьянина одинъ пріемышъ. Дворовъ пустыхъ перечислено 4, изъ которыхъ одинъ служки монастырскаго и одинъ Богдашки Нестерова «вышелъ де въ архіепископлю вотчину въ Засодемской волости» (изъ дер. Заболотье той же волости). Всего насчитано за м—ремъ 96 дворовъ крестьянскихъ (людей 161 челов.) и 49 дворовъ бобыльскихъ (людей 57 челов.). Вотчина написана за м—ремъ по выписи съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Тимоѳея Безобразова да подьячаго Ивана Петрова 128-го и 129-го г.; по этой выписи за м—ремъ значилось 2167 ч. безъ полуосмины въ полѣ (вмѣстѣ съ церковною пашней), а по новому письму—2269 ч. съ осминою. Такимъ образомъ оказывается, что «прибыло сверхъ Тимоѳѣева писма Безобразова» 103 ч. безъ полуосмины въ полѣ. Нашъ итогъ нѣсколько не совпадаетъ съ итогомъ самой писцовой книги; у насъ получается по подсчету 2271,5 чети въ каждомъ полѣ (считая въ томъ числѣ и церковную пашню), а слѣдовательно, примѣрной земли насчитывается не 102,75 ч. въ полѣ, а 104,75 ч. въ полѣ; разница очень ничтожная при столь большомъ земельномъ фондѣ, который оказался у Каменнаго м—ря. Среди изученныхъ 11 монастырей Спаса Преображенія Каменный монастырь по количеству пашни занималъ первое мѣсто. Въ 1665—1676 г.г. было извѣстно подворье Каменнаго м—ря въ Москвѣ за Бѣлымъ городомъ по Срѣтенской улицѣ. По описанію 135-го г. м—рь не былъ сколько-нибудь значительно представленъ на Вологдѣ (см. выше). Пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ (непап).
	Паханая	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣзднымъ.			
I. Въ Бохтюжской волости (11 дер. и 6 пустошей).	8 м. с. 10 ц. д. 67,5 к. д. 4 к. х.	2 м. с. — 44,75 к. д. 6 к. х.	— — 44,75 к. д. 45,5 к. х.	— — — —	239	20	21 дес. $7_{,5} \times 5$
	10 ч. 79,5 ч.	— 52,75 ч.	— 90,25 ч.	—			
	Всего 222,5 ч. въ полѣ, кромѣ 10 ч. церковной пашни.						
II. Въ Грибцовской волости (1 сп., 3 дер. и 6 пуст.).	12 м. с. 32 к. д. 8 к. х.	3,5 м. с. 6 к. д. 4 к. х.	2,5 м. с. 10 к. д. 55 к. х.	— —	63	6	$4 \times 2_{,5}$
	52 ч.	13,5 ч.	67,5 ч	—			
	Всего 133 ч. въ каждомъ полѣ.						
III. Въ Засодимской волости (1 село, 3 дер., 15 пуст., да 2 п. займищевы).	11 м. с. 6 ц. с. 46 к. д. — —	7 м. с. — 17,5 к. д. 55 к. с. 10 к. х.	3 м. с. — 12,5 к. д. 154 к. с. 52 к. х.	20 м. д. — — 10 к. с. —	264	7	$3_{,5} \times 3_{,5}$
	6 ч. 57 ч.	— 89,5 ч.	— 221,5 ч.	30 ч.			
	Всего 398 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 6 ч. церковной пашни.						
IV. Въ Корнской волости (2 слц., 1 слободка, 4 дер. и 1 пуст.).	10 м. с. 10 сл. д. 71 к. д. 20 м. х. 3 сл. х.	3,5 м. с. — 18 к. д. 5 м. х.	2,5 м. с. — 12 к. д. 34 м. х.	— — — —	183	8	$4 \times 1_{,5}$
	114 ч.	26,5 ч.	48,5 ч.	—			
	Всего 189 ч. въ каждомъ полѣ.						

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ (непаш).
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
V. Въ волости село Богословское Заболотье (1 слц., 4 дер. да 8 пуст.).	20 м. с.	—	—	—	818	2	5,5 дес. 8×6,75
	6 сл. д.	—	—	—			
	12 сл. с.	—	—	—			
	62 к. д.	55 к. д.	37 к. д.	—			
	18 к. с.	22 к. с.	119 к. с.	—			
	—	4 к. х.	49,5 к. х.	—			
	118 ч.	81 ч.	205,5 ч.	—			
	Всего 404,5 ч. въ каждомъ полѣ.						
VI. Въ Уточенской волости (1 село, 12 дерев., 42 пуст.).	5 ц. д.	1,5 ц. д.	2,5 ц. д.	—	2470	23	15 дес. 15×5
	20 м. д.	8 м. д.	5 м. д.	—			
	6 сл. д.	—	—	—			
	149,5 к. д.	93 к. д.	54,5 к. д.	—			
	—	60,25 к. с.	355,25 к. с.	—			
	—	9,5 к. х.	138,5 к. х.				
	5 ч.	1,5 ч.	2,5 ч.	—			
	175,5 ч.	170,75 ч.	553,25 ч.				
	Всего 899,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 9 ч. церковной пашни.						
А всего въ шести волостяхъ.	21 ч.	1,5 ч.	2,5 ч.	—	4037	66	41,5 дес. 42×24,25 [1]
	596 ч.	434 ч.	1186,5 ч.	30 ч.			
	Итого по 2246,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 25 ч. церковной пашни.						

Согласно приведенной таблицѣ всего земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, насчитывается за Каменнымъ м—ремъ 3369,75 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 894 десят. (894 : 2475,75).

---

[1]) Технически правильно высчитанный итогъ лѣса даетъ 71,875 кв. в., а на современный счетъ 287,5 кв. вер.

Намъ остается теперь по изученіи *третьей* группы вологодскихъ м—рей въ Заозерской половинѣ древняго Вологодскаго уѣзда представить цифровыя отношенія пашни паханой и пашни перелогомъ съ лѣсомъ поросшей въ одной сводной таблицѣ:

Монастыри.	Пашня въ десятинахъ.			Сѣно въ копнахъ.	Отношеніе пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ пор.
	Паханая.	Наѣздомъ.	Перелогъ и лѣсомъ поросло.		
1. Спасо-Ефимьевъ (1279,875 десят.).	470,625	46,875	762,375	1263	61,7%
2. Глушицкій (2138,25 дес.)	720,0	10,5	1407,75	925	51,1%
3. Спасо-Каменный (3369,75 десят.).	894,0	45,0	2430,75	4037	36,8%
4. За всѣми вмѣстѣ (6787,875 десят.).	2084,625	102,375	4600,875	6225	45,3%

Такимъ образомъ на основаніи всего изученнаго нами писцоваго матеріала является возможнымъ установить, что въ Заозерской половинѣ древняго Вологодскаго уѣзда по письму 1628—1630 г.г. Ѳ. С. Вельяминова-Воронцова и дьяка С. Завѣсина насчитывается 11 монастырей, за которыми намѣрено **10.440,375 десят.** пашни (855,5+2797+6787,875) при 9571 копнѣ сѣна (982+2364+6225). Въ валовой цифрѣ пашни 10.440,375 десятинъ пашни паханой заключается 3382,375 десятинъ (256,5+1041,25+2084,625), пашни наѣздомъ 130,875 десят. (25,5+3+102,375) и пашни перелогомъ да лѣсомъ поросло 6927,125 десятинъ (573,5+1752,75+4600,875). Отношеніе же пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ поросшей составитъ 48,8%. На десятину пашни паханой и наѣздомъ падаетъ въ среднемъ сѣна 2,72 копны. Всего лѣса за 11 монастырями пашеннаго и непашеннаго насчитано на современный намъ счетъ 156,5 десятинъ и 2785,75 кв. верстъ.

V.

Монастырская вотчина въ основахъ своихъ есть та же дворянская вотчина; отличалась она главнымъ образомъ лишь тѣмъ, что станови-

лась внѣ круга земель, подлежащихъ мобилизаціи. Монастырь земель не продавалъ, а разными путями пріобрѣталъ и рѣдко мѣнялъ. Даже наблюденія всего надъ 13 монастырями въ Заозерской половинѣ стараго Вологодскаго уѣзда даютъ намъ указанія на «закладныя пожни» (у Спасо-Ефимьева м—ря), на пожни «мѣновныя» (у Рабанскаго м—ря) и на то, что вотчина исчезнувшаго монастыря (Богородицкаго на Лысой горѣ) пошла не въ общій земельный оборотъ, записана была не въ «порозжіе земли», а зачислена въ церковныя земли «Рожественскаго погоста» на р. Кубенѣ, при чемъ такимъ зачисленіемъ распорядился Помѣстный приказъ, получавшій въ то же время не мало челобитныхъ служилыхъ людей о дачѣ помѣстій на Вологдѣ. Въ 1626-мъ г. объ отписанномъ на государя вологодскомъ помѣстьѣ дьяка Ивана Булыгина д. Лучкину съ деревнями и пустошами въ Кодановской волости, всего 101 четверть доброю землею съ наддачею, били челомъ 30 лицъ, въ томъ числѣ патріаршіе стольники, стряпчіе, сытники, подключники, жильцы, провинціальные дѣти боярскіе и даже «нищей богомолецъ Симанова монастыря чернецъ Афонасьище Ащиринъ» для «племянничишка своего родного, для Аѳонки Якимова сына Ащирина», при чемъ, какъ видно изъ болѣе поздней челобитной, «нищей богомолецъ» пользовался личнымъ посѣщеніемъ государя 1 августа Симонова м—ря. Но у него оказался болѣе сильный противникъ—патріаршій стольникъ Ив. Ѳ. Измайловъ, безпомѣстный и безвотчинный (у его отца были помѣстья на Рязани въ Окологородномъ и Понискомъ станахъ), который по особому приговору государя съ патріархомъ и получилъ на Вологдѣ помѣстье, бывшее за Ив. Булыгинымъ. Въ 1627 г. о вологодскомъ помѣстьѣ, бывшемъ за П. Рязановымъ, били челомъ цѣлыхъ 103 лица, самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Число примѣровъ подобнаго рода по желанію можно увеличить чуть ли не до безконечности, и матеріалъ этотъ досадно затрудняетъ даже чтеніе столбцовъ Помѣстнаго приказа. Правда, Лысогорская вотчина запустѣла, пустоши не представляли какъ будто особеннаго интереса для челобитчиковъ, тѣмъ не менѣе такое заключеніе далеко не представляется правильнымъ. Въ тѣхъ же столбцахъ Помѣстнаго приказа по Вологдѣ возможно найти сколько угодно приговоровъ—помѣтъ по челобитнымъ о дачѣ въ помѣстье порожихъ пустошей. На Вологду то и дѣло посылались распоряженія Помѣстнаго приказа о сыскѣ про ту или другую пустошь: «та пустошь въ порожихъ ли земляхъ, въ помѣстья и въ вотчину кому не отдана ли, къ дворцовымъ селомъ, и къ чернымъ волостямъ, и къ ямскимъ слободамъ, и къ монастырскимъ землямъ не приписана ли». Если нѣтъ, то давалось распоряженіе пустошь описать, измѣрить въ десятины, написать себѣ статью и отдать челобитчику. Пустоши сами по себѣ не имѣли большого хозяйственнаго значенія, но получать ихъ въ додачу къ

жилому помѣстью было очень важно, и челобитчики, зорко выглядывавшіе каждый свободный клочекъ земли или даже не свободный, а плохо лежавшій, то и дѣло закидывали Помѣстный приказъ челобитными о дачѣ въ помѣстье порожихъ пустошей. Такимъ образомъ, передача пустой вотчины исчезнувшаго м—ря въ церковныя земли къ погосту, а не въ общій, подлежащій раздачѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, земельный фондъ должна обратить на себя особенное вниманіе лишь въ связи съ общимъ порядкомъ раздачи земель. Земля уходила въ мертвыя руки и и переставала обезпечивать служилаго человѣка и приносить хотя бы небольшой доходъ государству. Изъ дѣлопроизводства того же Помѣстнаго приказа мы знаемъ, что порожія пустоши приносили нѣкоторый доходъ, ибо «ихъ на Вологдѣ воеводы изъ Съѣзжей избы въ *наемъ* погодно» отдавали (срв. еще «отдаютъ де ихъ на Вологдѣ воеводы дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ *на оброкъ*»). Отдавались такія пустоши на оброкъ и крестьянамъ («на Вологдѣ изъ Дьячьи избы»). Такъ изъ дѣла вологжанина Б. З. Раткова видно, что съ половины пустоши Митрополья онъ платилъ оброка на годъ по пять алтынъ, а крестьянинъ вдовы Софьи жены Василія Мартемьянова Сенька Годовикъ съ пустоши Бѣсовой давалъ оброка по гривнѣ на годъ. При такой погонѣ за порожими пустошами, при возможности отдавать ихъ въ наемъ или на оброкъ какъ мѣстнымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, такъ и ихъ крестьянамъ, фактъ перечисленія пустошей исчезнувшаго Богородицкаго м—ря не въ общій земельный фондъ, а въ церковныя земли, которыя не велѣно класть въ сошное письмо, представляется крайне любопытнымъ [1]). Выступая значительнымъ конкуррентомъ служилыхъ людей въ пріобрѣтеніи и эксплуатаціи земель, монастырь нерѣдко велъ значительные земельные процессы [2]). Въ 135-мъ г. въ Володимерскомъ судномъ приказѣ разбиралось обширное дѣло Спаса-Прилуцкаго м—ря съ вологжаниномъ Иваномъ Розваринымъ о сельцѣ Пятницкомъ. Еще въ 1733 г. указанное дѣло съ нѣкоторыми дефектами имѣлось въ дѣлахъ Вотчинной коллегіи. Къ сожалѣнію, въ настоящее время при обзорѣ столбцовъ этого дѣла не оказалось въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и, повидимому, его надо

[1]) Въ дѣлѣ литвина вологжанина Г. П. Варпохоловскаго 135-го г. упоминаются въ Троицкой трети „оброчная деревенька“ Иконникова; попъ съ церковнымъ дьячкомъ платили „на Вологду въ Розрядъ“ оброка 13 алтынъ на годъ. Варпохоловскій и просилъ себѣ въ помѣстье эту деревеньку, что «написана въ книгахъ на Вологдѣ въ Розрядѣ въ твоихъ государевыхъ въ порожихъ земляхъ». 20 февраля 135-го г. послѣдовалъ любопытный приказный приговоръ по челобитной: «записать челобитье, а ждать писцовъ, а нынѣ дать не по чему, *по скаскѣ не даютъ*». Всѣ приведенные примѣры заимствованы изъ столбцовъ Помѣстнаго приказа по Вологдѣ, эксплуатированныхъ авторомъ для академическаго изданія «Матеріаловъ».

[2]) Срв. у В. О. Ключевскаго. Боярская Дума, по 2-му изданію стр. 468—470.

считать окончательно утраченнымъ. Въ цѣломъ сосѣди не безъ тревоги должны были смотрѣть на ту сложную паутину, которую плелъ м—рь на Вологдѣ. Монастырскіе земли плотнымъ кольцомъ сжимали тогда мѣстность нынѣшняго Кадниковскаго уѣзда, расположившись по его границамъ и захвативъ себѣ главнѣйшія рыболовныя мѣста: восточный и юго-восточный берега Кубенскаго озера, устья р. р. Верхней Сухоны, Кубены, Ухтюга и др. Почти всегда, правда, встрѣчаемъ оговорку, что рыба ловится на монастырскій обиходъ. Не всегда можно довѣрять такому показанію по существу. Такъ у Глушицкаго м—ря описаны большія рыбныя ловли и цѣлая организація ихъ; м—рь имѣлъ для пріѣзда рыбныхъ ловцовъ особые дворы. Рыбныя ловли Лопотова м—ря были обложены платежомъ оброка въ 14 алтынъ на годъ, при чемъ оговорка о монастырскомъ обиходѣ отсутствуетъ. Земледѣльческое хозяйство, рыбныя ловли, лѣсныя угодья (также соляныя варницы) — предметъ преимущественнаго вниманія монастырей этого уголка стараго Вологодскаго уѣзда. Въ немногихъ случаяхъ встрѣчаемъ указанія на кельи нищихъ. Интересъ представляетъ одно изъ нихъ, уже отмѣченное выше: на погостѣ въ селѣ Покровскомъ Замошской волости у Лопотова м—ря стояло цѣлыхъ 16 келей, въ которыхъ жили нищія *старицы*. Очевидно, то былъ своего рода женскій монастырь, питавшійся, по словамъ писцовой книги, отъ мѣстной церкви Божіей; надо думать, что средства пропитанія доставлялись въ значительной степени монастыремъ. Проф. М. М. Богословскій въ цитованной выше статьѣ приводитъ изъ рукописныхъ источниковъ весьма любопытный образчикъ современной характеристики братіи Печенгскаго монастыря. Почти о каждомъ изъ монаховъ мы встрѣчаемъ здѣсь (стр. 292 и 293) выразительныя приписки: «хмельнаго питья держится не въ малѣ», «живетъ житіе совершенно пьянственное», «пьянства держится съ желаніемъ», или «житіе живетъ къ пьянству желательное, и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко, *и на ту потребу чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе*», «мало и съ кабака сходитъ, монастырскаго ничего вѣрить ему невозможно», «житіе преходитъ пьянственное и непотребное». Характеристика составлена была по спеціальному случаю и, быть можетъ, грѣшитъ преувеличеніемъ, но намъ представляется интереснымъ отмѣтить, что эти замѣтки сдѣланы о государѣ—вотчинникѣ. Монастырь, этотъ государь-вотчинникъ, владѣлъ крѣпостными крестьянами и разнаго разряда людьми; весь этотъ людъ несъ на монастырь, какъ бы на государева служилаго человѣка, свой даровой трудъ. Получается картина привольной жизни чернецовъ-вотчинниковъ, которые ежедневно Бога молятъ, но эта свобода и громадность молитвословія опирается всецѣло на рабскій трудъ. Въ монастырь шли постричься и

крестьянинъ, спасавшійся отъ помѣщичьей неволи, и служилый человѣкъ, бѣжавшій отъ тягостей службы, и, говоря нашимъ языкомъ, провороваршійся чиновникъ. То была своеобразная параллель дворянской вотчинѣ. Въ монастырской вотчинѣ государь-вотчинникъ, преслѣдуя высшія небесныя цѣли, между прочимъ и указанными въ характеристикѣ способами, жилъ за счетъ рабочей части населенія. Стоитъ вглядѣться въ эти сухія писцовыя описанія эксплуатированныя выше до мельчайшихъ деталей, чтобы, идя отъ пашни и угодій, отъ дворовъ и людей во дворахъ, добраться до сути вещей, до этихъ братскихъ келей, въ интересахъ которыхъ создавалась вся эта сложная хозяйственная машина. Государь-вотчинникъ, т.-е. братія, отнюдь не покидали связей съ грѣшнымъ міромъ. Старцы владѣли дворами и лавками въ городахъ, вели торговыя операціи, выпрашивали помѣстья для своихъ родственниковъ и «изъ монастыря въ мірскіе домы ходили почасту». Таже приведенная проф. М. М. Богословскимъ характеристика объ одномъ изъ старцевъ говоритъ, что хотя онъ «въ трудѣхъ послушенъ, только *де къ посестріямъ и къ дѣтемъ его дачею монастырскаго избытка желаніе имѣетъ*»; вообще упоминанія о пристрастіи монаховъ къ посестріямъ, дѣтямъ и родственникамъ не рѣдки, а отлучки братіи изъ монастырей зло, съ которымъ не мало и порою довольно тщетно боролись въ московской Руси. Насъ этотъ фактъ въ данномъ случаѣ интересуетъ менѣе всего съ бытовой стороны. Намъ представляется цѣннымъ замѣтить, что на почвѣ этого факта происходила своеобразная борьба за земли, развивалась сложная судебная кляуза. Передъ нами отъ января—апрѣля 1628 года дѣло смольнянъ А. А. Перфурьева, Г. И. Уварова и вдовы постригшагося смольнянина Кузьмы Скубятина Татьяны, возникшее по челобитью двухъ первыхъ о выгланномъ послѣднею жеребьи на беремя. «Горкая вдова Татьянка Кузминская женишко Скубятина съ дочеришкомъ своимъ зъ дѣвкою съ Манкою» разсказываетъ въ своей челобитной, что въ *126-мъ г.* на государевѣ службѣ подъ Боровскомъ мужа ея «литовскіе люди ранили на смерть, и отъ тое смертные раны» послѣдній постригся. Эта горькая вдова получила вологодское помѣстье своего мужа, ушедшаго въ монастырь, вмѣстѣ съ дочерью «да и зъ беременемъ, что я рожу». «И у меня, государь, у горкіе вдовы судомъ Божьимъ то беремя изошло бездѣтно». Челобитчики на вологодское ея помѣстье (221 четверть) старались уличить вдову въ томъ, что она выгала на беремя, т.-е. что вовсе не была беременна. Это довольно обычный въ практикѣ XVII вѣка пріемъ оттягать у вдовы лишній кусокъ земли, равно какъ и вдовы не стѣснялись объявлять себя беременными, дабы удержать у себя побольше изъ мужнина помѣстья. Но интересъ даннаго дѣла совсѣмъ не въ этомъ и не въ отчаянной жалобѣ вдовы, просившей не велѣть истцу владѣть

ея вологодскимъ помѣстьемъ и пустошить его, дабы «я, горкая вдова, отъ ложного челобитья и разоренья и досталь въ конецъ не погибла, и съ дочеришкомъ въ миръ не побрела, и дочеришко бъ мое для бѣдности и разоренья въ дѣвкахъ не засидѣлась». Одинъ изъ истцовъ смольнянинъ Гр. Ив. Уваровъ въ пространной челобитной разсказываетъ Помѣстному приказу, что Татьяна послѣ мужа не осталась беременной и «ничево не роживала», что дочь ея Манка «ещо замужъ не поспѣла, мала, нынѣ десяти лѣтъ», что Кузьма, нынѣ старецъ Корнилій, Скубятинъ постриженъ въ Боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, перешелъ потомъ въ вологодскій Спасо-Прилуцкій м—рь и нынѣ за «воровство» изъ м—ря выбитъ, что онъ «къ посестрѣ (т.-е. Татьянѣ Скубятиной) для воровства ѣзживалъ... да и живетъ въ Вологоцкомъ уѣздѣ для воровства съ посестрею своею». «И тотъ, государи, побратимъ ее старецъ Корнило, картинно описываетъ въ своей челобитной Гр. Уваровъ, беспрестанно къ ней пріѣзжаетъ и, съ нею воруя, и живетъ, пріѣзжая, у нее по недѣлѣ, и по двѣ, и платье свое черное, пріѣхавъ къ ней сметываетъ, и наряжаетца въ бѣлые рубашки». Очевидно, обвиненіе Уварова было наиболѣе вѣроятнымъ въ глазахъ Помѣстнаго приказа, не могло вызвать ни особеннаго удивленія, ни крайняго недовѣрія. Справедливымъ оно было въ данномъ случаѣ или нѣтъ, это вопросъ другой, но представляется характернымъ, что такое обвиненіе, связанное съ рѣшительнымъ поступкомъ прилуцкихъ старцевъ, могло быть матеріаломъ для кляузнаго земельнаго процесса.

Василій Сторожевъ.

XIX.

Расправная Палата при Боярской Думѣ.

Въ послѣдней четверти XVII вѣка при Думѣ появилась постоянная комиссія, единственное ея отдѣленіе, получившее названіе «Расправной Палаты». Это учрежденіе, поставленное надъ приказами, естественно, привлекло вниманіе изслѣдователей русскихъ юридическихъ древностей, внимательно использовавшихъ скудный по этому вопросу матеріалъ, состоявшій только изъ разрядныхъ записей о назначеніяхъ въ Расправную Палату и изъ двухъ-трехъ указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Оставивъ въ сторонѣ т. XX Русской Исторической Вивліоѳики и извѣстнаго сочиненія Дмитріева о судебныхъ инстанціяхъ, дающихъ совершенно превратныя понятія о Расправной Палатѣ, укажемъ на двухъ авторовъ, поставившихъ изученіе вопроса на прочное научное основаніе—на проф. Н. Загоскина и на проф. В. О. Ключевскаго.

Проф. Загоскинъ тщательно собралъ весь печатный матеріалъ, касающійся Палаты и опредѣлилъ кругъ дѣятельности этого учрежденія, «возникшаго, вѣроятно, въ виду необходимости придать болѣе твердую и правильную организацію судебно-инстанціонной функціи Думы», при чемъ «уничтожалась необходимость въ учрежденіи особой комиссіи для вѣдѣнія Москвы на случай каждой отлучки царя изъ столицы» [1]).

Проф. В. О. Ключевскій, посвящая Расправной Палатѣ нѣсколько страницъ въ своемъ классическомъ трудѣ «Боярская Дума древней Руси», также вполнѣ опредѣленно указываетъ на роль Палаты, какъ постоянной думской комиссіи для разбора тяжебныхъ дѣлъ, восходившихъ отъ приказовъ «вверхъ», къ боярамъ, и замѣщенія Думы по текущимъ дѣламъ управленія на время отсутствія царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Н. Загоскинъ. Исторія права Московскаго государства, т. II, вып. 1, стр. 84-88.

проф. В. О. Ключевскій высказываетъ догадку о времени возникновенія Палаты и указываетъ дату, когда она прекратила свое существованіе [1]).

Когда было получено ясное представленіе о томъ, что такое Расправная Палата, то ученое изслѣдованіе было обращено на расширеніе свѣдѣній о Палатѣ и на попытки поставить ее въ ряду другихъ учрежденій XVII вѣка. А. А. Голубевъ первую главу своей статьи «Расправная Палата при Сенатѣ» посвящаетъ разсказу о судьбѣ Палаты до учрежденія Сената и даетъ нѣсколько выписокъ изъ неизданныхъ документовъ о лицахъ, сидѣвшихъ «у расправныхъ дѣлъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Голубевъ полемизируетъ съ проф. В. О. Ключевскимъ и утверждаетъ, что Расправная Палата непрерывно существовала съ 1681 до 1719 года [2]). Проф. В. Сергѣевичъ, не привлекая новаго матеріала, характеризуетъ дѣятельность Палаты такъ же, какъ и его предшественники, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ интересную попытку указать на генезисъ этого учрежденія и доказываетъ, что исторію Палаты мы должны начинать съ опричнины Іоанна Грознаго [3]). Въ общихъ очеркахъ исторіи русскаго права ни одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей (проф. Владимірскій-Будановъ, проф. Дьяконовъ и др.), конечно, не могъ обойти безъ вниманія такое важное учрежденіе, какъ Расправная Палата, но они повторяютъ то, что сказано проф. Загоскинымъ и проф. Ключевскимъ.

Итакъ, время и характеръ дѣятельности Расправной Палаты въ общихъ чертахъ выясненъ, контуръ очерченъ талантливыми и опытными руками, и мнѣ предстоитъ скромная задача легкими штрихами заполнить детали. Матеріалъ я буду черпать изъ очень интересной, недавно мною найденной, книги дѣламъ, взнесеннымъ въ Расправную Палату изъ Посольскаго и причисленныхъ къ нему приказовъ—Владимірскаго, Галицкаго, Новгородскаго, Устюжскаго и княжества Смоленскаго, отъ 11 октября 1689 года по 13 марта 1694 года. Руководясь этимъ спискомъ, я нашелъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ среди Приказныхъ Дѣлъ Старыхъ Лѣтъ, Монастырскихъ и Смоленскихъ болѣе 30 подлинныхъ дѣлопроизводствъ, изъ которыхъ, однако, далеко не всѣ сохранились полностью.

Небольшой матеріалъ о личномъ составѣ Палаты извлеченъ мною изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи изъ дѣлъ Разряднаго приказа.

---

[1]) В. Ключевскій. Боярская Дума древней Руси. Изд. 2, стр. 425—428.

[2]) Описаніе документовъ и бумагъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, книга V.

[3]) В. Сергѣевичъ. Древности русскаго права, т. II.

Первый указъ, въ которомъ комиссія для расправныхъ дѣлъ упоминается, какъ постоянное учрежденіе, извѣстенъ намъ подъ 9 маемъ 1681 года, когда къ кн. Н. И. Одоевскому «у расправныхъ дѣлъ и какъ онъ, великій государь, изволитъ быть въ походахъ, и имъ быти на Москвѣ» назначены въ товарищи 3 боярина, 3 окольничихъ, 3 думныхъ дворянъ и 12 дьяковъ, названныхъ думными, хотя изъ нихъ только Е. И. Украинцевъ носилъ это званіе [1]). Самъ кн. Н. И. Одоевскій, повидимому, былъ и раньше у расправныхъ дѣлъ. Еще въ февралѣ того же 1681 года онъ слушалъ, засѣдая съ боярами, дѣла по докладу изъ приказовъ. Дѣло о наслѣдствѣ кн. И. И. Лобанова-Ростовскаго три раза взносилось къ боярамъ Н. И. Одоевскому съ товарищи въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1681 года. По листамъ этого дѣла находимъ такую запись: «То дѣло по росписи Посолскаго приказу у подьячаго у Ивана Волкова въ Золотую Палату подьячей Ѳедотко Москалевъ взялъ и расписался» [2]). Надо замѣтить, что подьячій Ѳ. Москалевъ служилъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ и неоднократно получалъ командировки для занятій «у расправныхъ дѣлъ». До 1681 года попадаются приговоры кн. Н. И. Одоевскаго съ тов.; но надо думать, что это приговоры Думы, въ которой старшимъ былъ именно кн. Одоевскій, тѣмъ болѣе, что имѣемъ не мало дѣлъ, рѣшенныхъ въ приказахъ и потомъ или внесенныхъ на верхъ къ государю, или пересмотрѣнныхъ въ томъ же приказѣ, который вынесъ первое рѣшеніе. Вѣдалъ Москву въ сентябрѣ 1680 года во время отсутствія царя не князь Никита, а князь Яковъ Одоевскій.

Такимъ образомъ можно съ большой долей увѣренности сказать, что постоянная судная комиссія стала существовать съ начала 1681 года, т.-е. въ періодъ кипучей дѣятельности Московскаго правительства и во внутренней, и во внѣшней политикѣ. Около этого времени уничтожено было мѣстничество, и стала нарождаться новая служилая аристократія. Своеобразнымъ табелемъ о рангахъ долженствовалъ служить уставъ о старшинствѣ бояръ, проектъ котораго сохранился до нашего времени. Въ этомъ уставѣ роль боярина первой степени очерчена въ такихъ выраженіяхъ, что мы въ немъ безъ труда узнаемъ предсѣдателя Расправной Палаты. По уставу онъ дѣйствуетъ не одинъ, «а съ нимъ нашего-жъ Царского Величества боляръ и думныхъ людей дванадесять лицъ», и члены этой коллегіи «въ нашей Царского Величества къ тому устроенной Полатѣ должни всегда пребывати и испытно вѣдати, чтобъ всякій судья исполнялъ нашего Царского Величества повелѣніе и градской судъ праведно и разсудительно; ащелибъ кого неповинно осудили,

---

[1]) Дворцовые Разряды, т. IV, стр. 187.

[2]) Прик. Дѣла Ст. Лѣтъ 1681 г. № 149.

и этой боляринъ съ товарищи своими долженъ того дѣля разсмотрити и безпомощнаго избавити отъ неправды по правдѣ его отъ руки сильнаго»[1]). Дѣйствительно, первый по старшинству бояринъ, кн. Н. И. Одоевскій, занялъ мѣсто болярина первой степени и сталъ во главѣ коллегіи, пересматривавшей рѣшенія судей по челобитьямъ обиженныхъ. И обиженныхъ въ этотъ періодъ было больше, чѣмъ когда-либо прежде, потому-что московская волокита и продажность судей достигла неслыханныхъ размѣровъ.

Созданная въ началѣ 1681 года комиссія, какъ можно прослѣдить по дѣламъ, существовала годъ съ небольшимъ: она выноситъ свои приговоры, пополняется новымъ лицомъ (кн. И. Б. Троекуровымъ)[2]); но съ мая 1682 года, со смутнаго времени, она, повидимому, прекращаетъ свое существованіе, часть ея членовъ разослана по воеводствамъ и полкамъ, а часть назначена присутствовать въ приказахъ. Предсѣдатель ея, кн. Н. И. Одоевскій получаетъ назначеніе на хлопотливый и отвѣтственный постъ — завѣдывать приказомъ Большой Казны. Въ дѣлахъ теперь находимъ тѣ же дьячьи помѣты, которыя часто попадаются въ дѣлахъ до 1681 года, о пересмотрѣ обжалованнаго рѣшенія приказа или въ томъ же приказѣ, или самимъ государемъ. Напримѣръ, Помѣстный приказъ 6 іюля 1682 года подтверждаетъ свое прежнее рѣшеніе [3]). Завѣдывала Москвой въ отсутствіе царей въ іюнѣ 1682 года комиссія подъ предсѣдательствомъ уже не кн. Одоевскаго, а кн. Хованскаго. Ни въ одномъ документѣ намъ не встрѣтилось ни малѣйшаго указанія на существованіе постоянной судной комиссіи.

Только съ іюля 1683 года опять находимъ «въ Палатѣ у расправныхъ дѣлъ» думныхъ людей подъ предсѣдательствомъ кн. М. А. Голицына [4]), по матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи, очень скуденъ и ограничивается свѣдѣніями о назначеніи въ Палату товарищей къ кн. Голицыну, назначеніи подьячихъ и истребованіи въ Палату для чего-то Ивана Журковскаго [5]). Можетъ быть, властолюбіе правительницы и ея главнаго помощника кн. В. В. Голицына поставило Палату на второй планъ въ ряду государственныхъ учрежденій, признакомъ чего служитъ назначеніе на предсѣдательское мѣсто кн. М. А. Голицына, занимавшаго далеко не первое мѣсто среди бояръ, а съ другой стороны кн. В. В. Голицынъ, управлявшій Посольскимъ и причисленными къ нему приказами, не стѣснялся съ лицами, недовольными

---

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. 1, отд. II, стр. 24.
[2]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. III, стр. 941.
[3]) С. Шумаковъ. Сотницы и грамоты, вып. IV, стр. 56.
[4]) Московскаго стола Разряднаго приказа столбецъ № 650, л. 366.
[5]) Того же стола столбецъ № 670, л. 435.

его рѣшеніями, такъ что отбивалъ всякую охоту жаловаться. Онъ или не принималъ челобитій о взносѣ дѣла въ высшую инстанцію или же составлялъ такой докладъ, что участь челобитчика только отягчалась. Поучителенъ разсказъ поповича А. Войлочникова, который обвинялъ М. Вениктова въ захватѣ бочки конопляного масла. Разсматривавшій дѣло кн. В. В. Голицынъ приказалъ дать отвѣтчику вѣру. Считая такой способъ выясненія истины незаконнымъ и требуя полнаго разслѣдованія, истецъ хотѣлъ подать кн. Голицыну челобитье о взносѣ дѣла на верхъ, но кн. Голицынъ челобитья не принималъ, грозилъ батогами и даже держалъ за рѣшеткой. Однако, улучивъ благопріятный моментъ, Войлочниковъ подалъ царямъ челобитье во время ихъ путешествія въ Троицкій монастырь. Цари приказали рѣшить дѣло думному дьяку Е. И. Украинцеву, а если не мочно, то взнести опять на ихъ разсмотрѣніе. Конечно, Украинцевъ и дѣла не рѣшилъ, и царямъ не докладывалъ, и только послѣ паденія Голицына дѣло перешло въ Расправную Палату [1]). Одинъ челобитчикъ рѣшился принести жалобу на рѣшеніе кн. В. Голицына, но по докладу послѣдняго самъ былъ присужденъ уплатить ему безчестье [2]). Въ апелляціонной жалобѣ Григ. Неклюдова, поданной въ Расправную Палату, откровенно говорится: «а спорить того князя В. Голицына приговору я при немъ не смѣлъ [3]). Не смотря на то, что Палата расправныхъ дѣлъ несомнѣнно существовала, кн. В. Голицынъ самъ пересматриваетъ свои рѣшенія, иногда даже ихъ отмѣняетъ. Можно указать за 1683—1685 годъ множество помѣтъ, которыми поручалось приказу дѣло рѣшить, а если не мочно, то доложить государямъ, но мы не знаемъ ни одной помѣты о взносѣ тяжбы въ Палату расправныхъ дѣлъ. Чѣмъ занималась Палата подъ руководствомъ кн. М. А. Голицына, не ясно. Съ одной стороны, не только дѣла Посольскаго, но и другихъ приказовъ, миновали ее, на что указываетъ помѣта 3 декабря 1684 года на одномъ дѣлѣ, поступившемъ въ Мастерскую Палату, о взносѣ выписки государямъ, если кн. Б. И. Прозоровскій не найдетъ возможнымъ учинить указъ [4]), а съ другой стороны завѣдываніе Москвой не всегда поручалось въ отсутствіе царей кн. М. А. Голицыну. Въ сентябрѣ 1683 года Палата расправныхъ дѣлъ существовала, а цари, отправляясь въ продолжительное путешествіе въ Суздаль, Владиміръ и Троицкую Лавру, оставили въ Москвѣ комиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Н. И. Одоевскаго изъ начальниковъ различныхъ приказовъ: Суднаго Владимірскаго, Суднаго Московскаго, Холопья суда и пр. [5]). Энергичное правительство

[1]) П. Д. С. Л. 1687 г. № 153.
[2]) П. Д. С. Л. 1679 г. № 376.
[3]) П. Д. С. Л. 1679 г. № 228.
[4]) Монастырскія дѣла 1683 г. № 18.
[5]) Дворцовые Разряды, т. IV, стр. 247.

царевны Софьи, вѣроятно, съ трудомъ мирилось съ существованіемъ учрежденія, могущаго принимать жалобы на приказы и рѣшать дѣла безъ доклада высшей власти. 30 января 1685 г. Палаты, очевидно, уже не существовало: въ этотъ день состоялось назначеніе трехъ бояръ, составлявшихъ ядро Палаты, кн. М. А. Голицына, кн. М. Г. Ромодановскаго и И. Ѳ. Волынскаго на воеводства въ Курскъ, Псковъ и Астрахань. Характерно назначеніе ихъ всѣхъ въ одинъ день. О новыхъ назначеніяхъ въ Палату нѣтъ никакого слѣда, ея не существовало и дѣла, рѣшенныя въ приказахъ, или разсматривались въ тѣхъ же приказахъ (и въ Посольскомъ, и въ Помѣстномъ), или взносились въ докладъ государямъ. При частыхъ отлучкахъ государей изъ Москвы, столицу вѣдали комиссіи самаго разнообразнаго состава, назначались или новыя лица въ предсѣдатели, или новые къ нимъ товарищи.

Такъ продолжалось до сентябрьскаго переворота 1689 года. Еще 1 сентября этого года кн. В. Голицынъ перерѣшилъ дѣло и отмѣнилъ свой приговоръ отъ 30 апрѣля, а 12 сентября, только что освободившійся отъ опеки сестры, царь Петръ возстановляетъ Расправную Палату подъ предсѣдательствомъ кн. Я. Н. Одоевскаго, который съ этого времени разсматриваетъ поступившія въ Палату вершенныя дѣла и вѣдаетъ Москву въ случаѣ отсутствія высшей власти.

27 августа 1691 года составъ членовъ Расправной Палаты измѣнился и въ главѣ ея былъ поставленъ кн. М. Я. Черкасскій, хотя другой бояринъ, сидѣвшій въ Палатѣ кн. М. Г. Ромодановскій былъ старше предсѣдателя. Въ этомъ составѣ за небольшими измѣненіями Расправная Палата существовала до 17 марта 1694 года, когда былъ изданъ указъ, предписывавшій дѣла невершенныя и опротестованныя разсматривать боярамъ *всѣмъ*, т.-е. не въ особой комиссіи. Послѣдніе годы Расправная Палата работала какъ то вяло, задерживала дѣла подолгу безъ разсмотрѣнія, да и притокъ дѣлъ изъ приказовъ замѣтно уменьшился, можетъ быть, именно вслѣдствіе волокиты. Неразсмотрѣнныя дѣла лежали въ архивѣ Палаты еще въ 1700 г., когда царскимъ указомъ предписывалось такія дѣла разнести по приказамъ, откуда они поступили, при чемъ напоминается, что думными дьяками въ Расправной Палатѣ были П. Прокофьевъ и П. Возницынъ. Послѣднее обстоятельство, кажется, вполнѣ опровергаетъ утвержденіе А. А. Голубева, что Палата продолжала существованіе и послѣ указа 1694 года. Конечно, въ такомъ случаѣ въ ней были бы думные дьяки, имена которыхъ и были бы приведены, а никакъ не имена Прокофьева и Возницына, изъ которыхъ первый ѣздилъ въ 1696 году въ Польшу, а второй входилъ въ составъ знаменитаго великаго посольства и былъ за границей въ 1697—1699 годахъ.

Расправная Палата возродилась только въ 1707 г., когда были назначены и бояре, и низшіе служащіе, а также посланы во всѣ приказы послушныя грамоты [1]).

Число членовъ Расправной Палаты не было постояннымъ: 11—12 думныхъ людей, а въ первое назначеніе даже 22 человѣка, но, какъ выше уже замѣчено, дьяки оказались простыми, а не думными. Совмѣстительство съ другими должностями для членовъ Палаты допускалось, повидимому, какъ исключеніе. Такъ князья Одоевскіе, состоя предсѣдателями Расправной Палаты, въ то же время завѣдывали Аптекарскимъ приказомъ, который отнималъ у нихъ, впрочемъ, немного времени. Кн. И. Б. Троекуровъ краткое время былъ въ Палатѣ, занимая должность начальника Помѣстнаго приказа. Другихъ случаевъ совмѣстительства прослѣдить не удалось. Когда окольничій кн. Д. Н. Щербатый назначенъ былъ въ Владимірскій судный приказъ, то въ тотъ же день въ Расправную Палату назначенъ другой, окольничій И. С. Хитрово. На приговорахъ ставилось только имя предсѣдательствующаго съ обычной прибавкой «съ товарищи».

Кромѣ высшихъ чиновъ при Расправной Палатѣ состоялъ значительный штатъ низшихъ. Во главѣ канцеляріи стоялъ дьякъ, съ приписью котораго посылались изъ Палаты указы. Подъ руководствомъ дьяка находились подьячіе, командированные изъ разныхъ приказовъ. Въ 1683 году у расправныхъ дѣлъ состояли 13 подьячихъ Помѣстнаго приказа, 9 подьячихъ Владимірскаго и Московскаго Судныхъ приказовъ. Въ январѣ 1684 г. командированы въ Палату изъ Московскаго Суднаго приказа 5, Владимірскаго Суднаго 1, Помѣстнаго 2 и Казанскаго Дворца 2 подьячихъ [2]). Въ 1690 г. попадается имя подьячаго изъ Дворцоваго Суднаго приказа [3]). Срокъ командировки полагался мѣсячный, послѣ чего подьячіе возвращались въ свои приказы, а на ихъ мѣсто назначались новые. Эти командировки были для подьячихъ, должно быть, не особенно пріятны, по крайней мѣрѣ, они бьютъ челомъ объ отпускѣ, если ихъ задерживаютъ долѣе назначеннаго срока. Въ девяностыхъ годахъ, повидимому, подьячіе уже не командировались на одинъ мѣсяцъ, а назначались въ Расправную Палату на постоянную должность, и мы встрѣчаемъ одни и тѣ же имена въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ рядъ. Для посылокъ къ Расправной Палатѣ прикомандировывались 2 или 3 человѣка изъ дѣтей боярскихъ. Архивъ Палаты былъ очень невеликъ, если въ немъ не залеживались дѣла, и состоялъ, повидимому, только изъ книгъ, въ которыя записывались взнесенныя

---

[1]) Разрядная вязка № 44, дѣло № 48.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 650.

[3]) Монастырскія дѣла 1689 г. № 53.

изъ приказовъ дѣла. Приговоры и отпуски указовъ хранятся среди приказныхъ дѣлъ.

Комиссія, вѣдавшая Москву въ отсутствіе царя, засѣдала большею частью въ Столовой или Передней Палатахъ и вела оживленную переписку съ царемъ. Своимъ правомъ рѣшать самостоятельно менѣе важныя дѣла комиссія пользовалась съ большою осторожностью, особенно въ періодъ правленія царевны Софьи и приговоровъ сохранилось очень мало, но зато въ дѣлахъ Разряднаго приказа найдемъ многочисленные доклады царямъ съ препровожденіемъ выписокъ изъ воеводскихъ донесеній или съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ, сообщенія о мало-мальски выдающихся событіяхъ; найдемъ и царскіе приказы иногда по очень незначительнымъ дѣламъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти дѣлъ комиссій по завѣдыванію Москвой отъ 1689 по 1694 годъ, когда Расправная Палата засѣдала непрерывно.

Важнѣе дѣятельность Палаты, какъ высшаго судебнаго учрежденія «по расправнымъ дѣламъ». Засѣдала она въ Золотой Палатѣ и потому названія Расправная Палата и Золотая Палата были равнозначущи.

Какія дѣла поступали въ Расправную Палату? По пазваніямъ намъ извѣстно около 150 дѣлъ, изъ которыхъ больше трети падаетъ на споры о деревняхъ, пустошахъ и пожняхъ. Слѣдующую по количеству групну составляютъ дѣла о неисполненіи обязательствъ, скрѣпленныхъ такими актами, какъ кабальныя, поручныя, закладныя и порядныя записи. Много дѣлъ о бѣглыхъ и спорныхъ крестьянахъ. Далѣе идутъ дѣла о спорныхъ лавкахъ, дворахъ, мельницахъ, взятыхъ товарахъ, нѣсколько дѣлъ о безчестьѣ, разверсткѣ между сосѣдними уѣздами расходовъ по ямской гоньбѣ, 4 дѣла о воровскомъ насильномъ наѣздѣ на деревню, 3 дѣла по жалобамъ на воеводъ въ налогахъ и разореніи, по дѣлу о выморочномъ имуществѣ, о завѣщаніи, объ измѣнѣ (очевидно, не политическаго характера), о ябедничествѣ, о справѣ помѣстья мужа за женой послѣ развода, о неправильномъ присвоеніи Иваномъ Строгановымъ этой фамиліи, объ убійствѣ. Какъ видно изъ этого обзора, подавляющая масса дѣлъ принадлежитъ къ числу гражданскихъ и очень немного къ числу уголовныхъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ извѣстны намъ не только по названіямъ, но сохранилось и подлинное дѣлопроизводство, и во всѣхъ этихъ случаяхъ уголовное преступленіе разсматривается только съ точки зрѣнія гражданскаго иска. Равно и воеводское притѣсненіе переводится на опредѣленную сумму убытковъ, понесенныхъ потерпѣвшими. Такимъ образомъ, можно сказать, что Расправная Палата была высшей инстанціей по гражданскимъ дѣламъ. Внушаетъ сомнѣніе только такая запись: «Сентября въ 18 день 199 г. взнесено дѣло въ Расправную Палату